ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 4 2026

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 4 2026

Главный редактор:
доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик. РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:
канд. ист. наук *М.Ш. Галимова*

Редакционная коллегия номера:

М.Ш. Галимова к.и.н. (Казань); **А.М. Губайдуллин** д.и.н. (Казань); **Ю.А. Зеленеев** д.и.н. (Йошкар-Ола); **Д.Г. Мухаметшин** к.и.н. (Болгар); **А.А. Чижевский** к.и.н. (Казань); **Е.М. Пигарев** д.и.н. (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан
© Академия наук Республики Татарстан, 2026
© Журнал «Археология Евразийских степей», 2026

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 4 2026

Editor-in-Chief:
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov,** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin,** Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun,** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:
Candidate of Historical Sciences **Madina Sh. Galimova**

Editorial board:

Madina Sh. Galimova, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Airat M. Gubaidullin**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Yurii A. Zeleneev,** Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Dzhamil G. Mukhametshin**, Candidate of Historical Sciences (Bolgar); ; **Andrei A. Chizhevsky,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Evgeni M. Pigarev**, Doctor of Historical Sciences (Kazan).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

© Tatarstan Academy of Sciences, 2026
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Первобытная археология Северной Евразии

Вискалин А.В. *(Ульяновск, Россия)* Энеолитические жилища Ховринского поселения 8

Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С. *(Самара, Россия),* **Юдин А.Д.** *(Саратов, Россия),* **Кулькова М.А**. *(Санкт-Петербург, Россия),* **Пархомчук Е.В. (***Новосибирск, Россия)*
Новые данные по алтатинской энеолитической культуре Степного Поволжья
(по результатам исследования поселения Монахов I) 20

Ahadova A., Mammadov S., Guliyev F., Ahadov A. *(Baku, Azerbaijan)*
Firing Conditions, Mineralogical Composition and Microstructural Characteristics
of Prehistoric Ceramics from Azerbaijan 35

Копылов А.В. *(Москва, Россия)***, Копылов В.П., Губарев И.В.** *(Ростов-на-Дону, Россия)*
Погребения эпохи бронзы и скифского времени в кургане 109
Елизаветовского могильника на Нижнем Дону 51

Курбонов А.М., Шайдуллаев Ш.Б. *(Термез, Узбекистан***), Воробьева Е.Е.** *(Казань, Россия; Термез, Узбекистан***), Фахрутдинов Р.Р., Голубева Е.Н.** *(Казань, Россия)*
Типология и общественная роль храмовых комплексов Бактрии и Маргианы эпохи бронзы .. 67

Шайдуллаев У.Э. *(Термез, Узбекистан)* Типология статуэток сапаллинской культуры 78

Лысенко В.А. *(Москва, Россия)* Погребальный обряд курганного некрополя Усть-Каменка 91

Loman V.G. *(Karaganda, Kazakhstan)* Technical and Technological Analysis
of Ceramics from the Fyodorovo Culture Sites of the Bronze Age in Central Kazakhstan 104

Чемякин Ю.П. *(Екатеринбург, Россия),* **Селин Д.В., Кишкурно М.С**.
(Новосибирск, Россия) Барсовский VII могильник Кулайской культурно-исторической
общности: результаты мультидисциплинарных исследований 118

Кислый А.Е. *(Симферополь, Россия)*
Якоря оригинальных конструкций эпохи бронзы из Крыма 127

Агапитова (Сутягина) Н.А. (*Санкт-Петербург, Россия)*
Погребальный обряд Ноин-Улинского дромосного кургана 1 («Мокрого») 139

Колосов В.П., Гиблова А.А. *(Санкт-Петербург, Россия)*
Статистический анализ морфологии ножек амфор Гераклеи Понтинской 152

Асадов В.А., Наджафов Ш.Н. *(Баку, Азербайджан)*
О некоторых некрополях античного периода в Азербайджане 168

Пушкарев А.А. (*Усть-Каменогорск, Казахстан)***, Айткали А.К.** *(Астана, Казахстан)*
Курганы «с усами» на востоке Казахстана: методика поиска и результаты 187

Средневековая археология

Кравченко Э.Е. *(Севастополь, Россия)* Царинский археологический комплекс
в среднем течении Северского Донца (к вопросу о статусе памятника хазарского времени) . 201

Серегин Н.Н., Матренин С.С. *(Барнаул, Россия)***, Степанова Н.Ф**. *(Новосибирск, Россия)*
Стрелковые пояса населения северных предгорий Алтая начала раннего средневековья
(по материалам некрополя Горный-10) 217

Сенотрусова П.О., Герелёв Д.А., Бирюлева К.В. *(Красноярск, Россия)*
Кузнечная площадка развитого средневековья
на комплексе Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье) 230

Назаров А.Ж. *(Алматы, Казахстан)***, Искандерова А.Д.** *(Самарканд, Узбекистан)***,**
Халыков К. *(Алматы, Казахстан)* Семантика образа барана
в орнаментальной традиции Нижней Сырдарьи..... 239

Валиев Р.Р., Ситдиков А.Г. *(Казань, Россия)***, Шайдуллаев Ш.Б**.*(Термез, Узбекистан)***,**
Бездудный В.Г., Зарипова Г.Х. *(Казань, Россия)***, Аннаев Т. Дж., Икромов Н.М.**
(Термез, Узбекистан) «Здание № 1» дворца Термезшахов (по результатам работ 2023 г.) 260

Марыксин Д.В. *(Актобе, Казахстан)*
Новое погребение в сырцовой ограде в Нижнем течении Большого и Малого Узеней 272

Константинов Н.А. *(Алматы, Казахстан***), Куюков Р.В.** *(Горно-Алтайск, Россия)***,**
Айткали А.К. *(Астана, Казахстан)* Средневековое поселение Купчегень-1 на Алтае 280

Баранов В.С., Валеева В.А., Петухова К.С. *(Казань, Россия)*
Понятие археологической коллекции 295

Критика и библиография

Кубарев Г.В. *(Новосибирск, Россия)* Рецензия на монографию
Войтов В.Е. Тюрки рода Ашина: Генеалогия. Хронология. История. М.; СПб., 2022. 764 с. .306

Хроника

Мажитова Ж.С., Жанбасинова А.С., Бимолдин Ж.Б. *(Астана, Казахстан)*
Ученый-археолог З.С. Самашев и его вклад в археологию Казахстана 311

Зеленеев Ю.А. *(Йошкар-Ола, Казань, Россия***), Зеленцова О.В.** *(Москва, Казань, Россия)*
Виктор Иванович Вихляев 329

Жанбосинова А.С., Мажитова Ж.С., Маслов Х.Б. *(Астана, Казахстан),*
Кариев Е.М. *(Каскелен, Казахстан)* Личность в истории: вклад А.Г. Максимовой
в археологию Казахстана 337

Список сокращений.....354

Правила для авторов.....355

CONTENT

The Primeval Archaeology of Northern Eurasia

Viskalin A.V. *(Ulyanovsk, Russian Federation)* Ap Eneolithic Dwellings of the Khovrino Settlement ..8

Vybornov A.A., Gilyazov F.F., Doga N.S. *(Samara, Russian Federation),* **Yudin A.I.** *(Saratov, Russian Federation),* **Kulkova M.A**. *(Saint Petersburg, Russian Federation),* **Parkhomchuk E.V.** *(Novosibirsk, Russian Federation)* New Evidence on the Altata Eneolithic Culture of the Volga Steppe Region (following the results of the study at the Monakhov I site) 20

Ahadova A., Mammadov S., Guliyev F., Ahadov A. *(Baku, Azerbaijan)* Firing Conditions, Mineralogical Composition and Microstructural Characteristics of Prehistoric Ceramics from Azerbaijan (in English).....35

Kopylov A.V. *(Moscow, Russian Federation)***, Kopylov V.P., Gubarev I.V.** *(Rostov on Don, Russian Federation)* Bronze Age and Scythian Period Burials of the Barrow 109 at the Elizavetovskiy Burial Ground on the Lower Don Region 51

Kurbonov A.M., Shaydullaev Sh.B. *(Termez, Uzbekistan***), Vorobieva E.E.** *(Kazan, Russian Federation; Termez, Uzbekistan)***, Fakhrutdinov R.R., Golubeva E.N.** *(Kazan, Russian Federation)* Typology and Social Role of Temple Complexes in Bronze Age Bactria and Margiana 67

Shaydullaev U.E. *(Termez, Uzbekistan)* Typology of Sapalli Culture Figurines 78

Lysenko V.A. *(Moscow, Russian Federation)* Burial Rite of Ust-Kamenka Barrow Cemetery 91

Loman V.G. *(Karaganda, Kazakhstan)* Technical and Technological Analysis of Ceramics from the Fyodorovo Culture Sites of the Bronze Age in Central Kazakhstan (in English).....104

Chemyakin Yu.P. *(Yekaterinburg, Russian Federation),* **Selin D.V., Kishkurno M.S.** *(Novosibirsk, Russian Federation)* Barsovo VII Burial Ground Of The Kulay Cultural and Historical Community: results of multidisciplinary study 118

Kisly A.E. *(Simferopol, Russian Federation)* Bronze Age Anchors of Original Design from Crimea..127

Agapitova (Sutiagina)N.A. *(Saint Petersburg, Russian Federation)* Burial Rite of the Noyon-Uul Terrace Tomb 1 (“Mokryi”) 139

Kolosov V.P., Giblova A.A. *(Saint Petersburg, Russian Federation)* Statistical Analysis of the Morphology of Amphorae Feets from Heraclea Pontica 152

Asadov V.A., Najafov Sh.N. *(Baku, Azerbaijan)* About Some Classical Era Necropolises in Azerbaijan 168

Pushkarev A. *(Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)***, Aitkali A.** *(Astana, Kazakhstan)* Barrows with “Moustaches” in Eastern Kazakhstan: identification methodology and results.....187

Medieval archaeology

Kravchenko E.E. *(Sevastopol, Russian Federation)* Archaeological Complex of Tsarino in the Middle Part of the Seversky Donets River (on the issue of the status of a settlement from the khazar period) 201

Seregin N.N., Matrenin S.S. *(Барнаул, Russian Federation)***, Stepanova N.F.** *(Novosibirsk, Russian Federation)* Arrow Belts of the Population from the Northern Foothills of Altai at the Beginning of the Early Middle Ages (following the materials from the Gorny-10 necropolis).....217

Senotrusova P.O., Gurulev D.A., Biryuleva K.V. *(Krasnoyarsk, Russian Federation)* High Medieval Forge Site at the Pinchuga-6 Complex (Lower Angara).....230

Nazarov A.Zh. *(Almaty, Kazakhstan)***, Islanderova A.D.** *(Samarkand, Uzbekistan)***, Khalykov K.** *(Almaty, Kazakhstan)* Semantics of the Ram Image in the Ornamental Tradition of the Lower Syr Darya Sites 239

Valiev R.R., Sitdikov A.G. *(Kazan, Russian Federation)***, Shaidullaev Sh.B.** *(Termez, Uzbekistan)***, Bezdudny V.G., Zaripova G.Kh.** *(Kazan, Russian Federation)***, Annaev T.J., Ikromov N.M.** *(Termez, Uzbekistan)* "Building No. 1" of the Palace of Termezshahs (following the results of fieldwork in 2023) 260

Maryksin D.V. *(Aktobe, Kazakhstan)* A Burial in a Clay-Made Fence in the Lower Part of the Bolshoy and Maly Uzen Rivers 272

Konstantinov N.A. *(Almaty, Kazakhstan)*, **Kuyukov R.V.** *(Gorno-Altaisk, Russian Federation)*, **Aitkali A.K** *(Astana, Kazakhstan)* Medieval Settlement Kupchegen-1 in Altai 280

Baranov V.S., Valeeva V.A., Petukhova K.S. *(Kazan, Russian Federation)* Definition of the Concept "Archaeological Collection" 295

Critics and Bibliography

Kubarev G.V. *((Novosibirsk, Russian Federation)* Review of the Monograph by V.E. Voitov "Turks Of The Ashina Clan: Genealogy. Chronology. History. M.; Spb., 2022. 764 P." 306

Chronicle

Mazhitova Zh., Zhanbossinova Al., Bimoldin Zh.B. *(Astana, Kazakhstan)* Scholar and Archaeologist Z.S. Samashev and His Contribution to the Archaeology of Kazakhstan 311

Zeleneev Yu.A. *(Yoshkar-Ola, Russian Federation; Kazan, Russian Federation)*, **Zelentsova O.V.** *(Moscow, Russian Federation; Kazan, Russian Federation)* Victor Ivanovich Vikhlyaev 329

Zhanbossinova A.S., Mazhitova Zh.S., Maslov Kh.B., Kariyev Ye.M. *(Astana, Kazakhstan)* Personality in History: contribution of A.G. Maksimova to the Archaeology of Kazakhstan 337

List of Abbreviations 354

Instructions for Authors 355

ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.8.19

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА ХОВРИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

©2026 г. А.В. Вискалин

В статье представлены результаты анализа местоположения и конструкции 10 жилищ энеолитического поселения Ховрино, расположенного на берегу р. Барыш в Среднем Посурье. Жилища распределены по гребню дюны с приблизительно равным интервалом. Они представляют собой небольшие, преимущественно, однокамерные полуземлянки квадратной и прямоугольной формы, расположенные примерно на равном расстоянии. Преобладают жилища с пирамидальной кровлей, опирающейся на центральный столб. Двухскатную крышу имеют лишь два сооружения. Коридорообразный вход обустроен чаще в углу котлована, реже – по центру стены. Основной очаг находится вблизи входа у самой стенки котлована или по центру пола. Под спальные места отведен противоположный от входа участок пола, где зафиксировано наличие земляных или деревянных помостов и перегородок. Однотипность конструкции жилищ, особенности распределения находок, следы пожара, признаки спешного оставления поселка его обитателями, все это указывает на непродолжительность поселка и одновременность его жилищ. Конструктивно ховринские жилища близки к жилищам имеркской культуры Примокшанья и абашевской культуры Среднего Дона. Менее ощутимо влияние домостроительных традиций волосовской культуры Примокшанья.

Ключевые слова: археология, лесной энеолит, волосовская культура, Среднее Посурье, реконструкция жилищ.

ENEOLITHIC DWELLINGS OF THE KHOVRINO SETTLEMENT

A.V. Viskalin

The article presents the results of an analysis of the location and construction of ten dwellings from the Eneolithic settlement of Khovrino, situated on the bank of the Barysh River in the Middle Sura region. The dwellings are spaced along the dune crest at approximately equal intervals. They are not big, predominantly single-chambered semi-subterranean structures of square and rectangular plan, spaced at roughly equal distances from one another. The majority of the dwellings feature a pyramidal roof supported by a central post. Just two structures have saddle roofs. The entrance, commonly corridor-like in form, was usually arranged in a corner of the construction trench, less frequently in the center of a wall. The main fireplace was situated either near the entrance adjacent to the trench wall or in the central part of the floor. The area opposite the entrance was designated for sleeping places, where earthen or wooden platforms and partitions was recorded. The uniformity in dwelling construction, the distribution patterns of finds, traces of fire in the majority of structures and signs of hasty abandonment by the inhabitants all indicate that the settlement was short-lived and that its dwellings were synchronous. Structurally, the Khovrino dwellings closely resemble those associated with the Imerka culture of the Moksha River basin and the Abashevo culture of the Middle Don region. The influence of house-building traditions of the Volosovo culture of the Moksha River region is considerably less pronounced.

Keywords: archaeology, forest Eneolithic, Volosovo culture, Middle Sura region, dwelling reconstruction.

Введение

Успешность реконструкции бытовых сторон жизни древних сообществ на основе материальной культуры поселений во многом определяется качеством используемого источника. Наиболее удовлетворительные результаты удается достигнуть при исследовании памятников с непотревоженными культурными слоями, сформировавшимися в условиях кратковременного проживания одной семейно-родовой группы. Перечисленным требованиям в полной мере отвечает поселение Ховрино, являющееся одним из опорных памятников по первобытной истории Ульяновского Поволжья.

Поселение обнаружено в начале 90-х годов XX века студентом Казанского университета Р.З. Губайдулловым, собравшим подъёмный материал на выдувках в северной части поселения. Дальнейшие исследования

памятника проводились автором настоящей работы в 1994, 1999, 2004, 2005, 2006, 2024 годах, в ходе которых раскопками исследована площадь около 1,5 тыс. кв. м (Вискалин, 1994; Вискалин, 2002; Вискалин, 2005; Вискалин, 2008; Вискалин, 2019; Вискалин, Выборнов, Королев, Ставицкий, 2002; Вискалин, Овчинникова, 2003; Вискалин, Корнев, 2025). Вскрытие больших площадей позволило не только выявить на памятнике наличие четырех культурно-хронологических горизонтов, свидетельствующих о неоднократности его заселения, но и очертить границы их распространения. Основным является горизонт эпохи энеолита, а находки эпохи мезолита, неолита и раннего железного века имеют локальное распространение и легко вычленяются из основного массива.

Культурный слой эпохи энеолита залегает в основании песчанистой почвы мощностью 15–20 см. С ним связано 10 полуземляночных жилищ, содержащих развалы круглодонной и плоскодонной пористой керамики волосовского типа, многочисленные изделия из камня и чистой меди, испытавшие влияние поздней катакомбной и абашевской культур. По аналогии с материалами соседних территорий энеолитический комплекс поселения Ховрино предварительно датирован концом III – началом II тыс. до н. э. (Вискалин, 2019, с. 223).

Одной из актуальных задач в изучении поселения Ховрино является выяснение степени культурного единства и одновременности энеолитических жилищ. От решения этой задачи во многом зависит оценка степени гомогенности основного комплекса.

В условиях почти полного отсутствия не сохраняющихся в песчанистых грунтах органических материалов и затрудненности использования большинства естественно-научных методов решение поставленной задачи может быть достигнуто путем изучения структуры поселения, конструктивных особенностей жилищ, сопровождающего комплекса находок. Данная работа представляет собой первый шаг в решении означенной проблемы и содержит анализ местоположения жилищ и их конструктивных особенностей.

Местоположение памятника и его структура

Поселение расположено вблизи села Ховрино Вешкаймского района Ульяновской области, на мысообразном выступе надпойменной террасы правого берега р. Барыш, являющегося правым притоком р. Суры (правого притока р. Волги). Основная часть поселения приурочена к центральной дюне, протянувшейся на 500 м почти строго с запада на восток. Дюна сложена из светло-серого, а местами белого песка, перекрытого бурым песком и маломощной почвой. Западная часть дюны находится под луговой растительностью, центральная и восточная – сосновыми лесопосадками.

Западная половина центральной дюны почти полностью изучена раскопками. Остался неисследованным лишь небольшой участок между раскопами 7 и 8 протяженностью около 6 м, где можно ожидать нахождение еще одного жилища. Недостаточно исследованным является участок между раскопами 5 и 6. Здесь в 2004 г. была заложена разведочная траншея шириной 2 м, и потому полной уверенности в отсутствии на этом участке еще одного жилища нет. Не исключено наличие еще одного жилища к западу от жилища 10, из которого в неисследованную часть поселения идет траншееобразный выход.

Исследованные жилища располагаются по гребню центральной дюны в один ряд, приблизительно с равным интервалом, образуя три компактные группы и одиночное жилище (рис. 1). Группа 1 находится в восточной части поселения (жилища 1, 2, 7), группа 2 – в его центральной части (жилища 3, 4 и 10), группа 3 – в западной части поселения (жилища 6, 8, 9). Между группами 1 и 2 расположено жилище 5, удаленное от группы 1 на 15 м и на 20 м – от группы 2. Интервал между жилищами группы 1 составляет 5 и 10 м, группы 2 – 5 и 7 м, группы 3 – 2 и 5 м. Между группой 2 и 3 интервал составляет 10 м.

Конструкция жилищ

Жилище 1 обнаружено в 1994 г. в раскопе 1 в виде хорошо читаемой западины (рис. 2). Форма котлована на уровне материка близка к неправильному квадрату. Углы скруглены. Центральная ось проходит по линии север – юг. Размеры котлована 7,8×6,5 м, глубина 1 м, площадь около 50 кв. м. Выходом из жилища служит траншея шириной около 1 м и длиной 2 м, идущая из юго-западного угла жилища к южному склону основания дюны и берегу реки. Стенки котлована в результате обрушения песчанистого грунта завалены наружу, но у пола приобретают отвесный характер, что

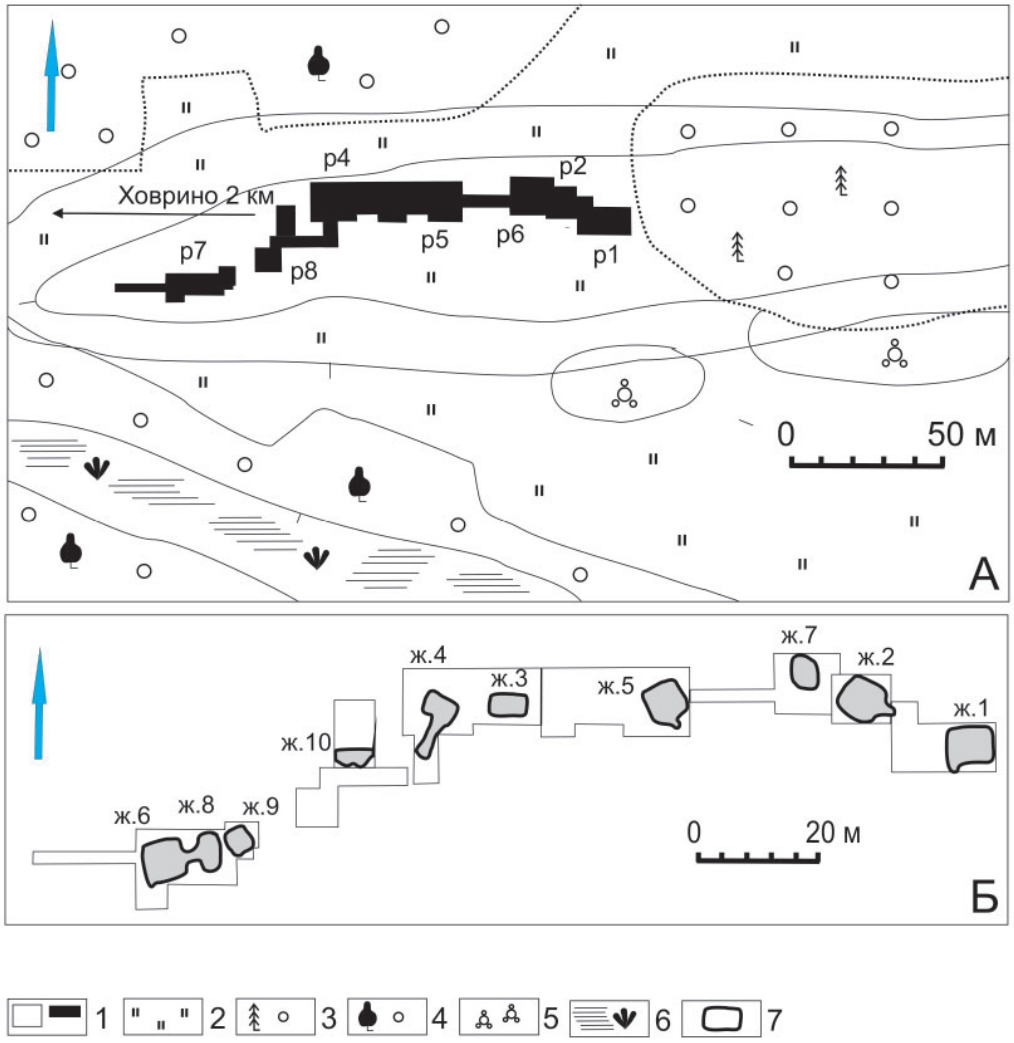

Рис. 1. Поселение Ховрино. 1 – раскопы; 2 – луговая растительность; 3 – сосновый лес; 4 – широколиственный лес; 5 – кустарник; 6 – болотная растительность; 7 – энеолитические жилища.
Fig. 1. Khovrino settlement. 1 – excavation areas; 2 – meadow vegetation; 3 – pine forest; 4 – broadleaf forest; 5 – shrub; 6 – marsh vegetation; 7 – Eneolithic dwellings.

свидетельствует о наличии облицовки стенок из органических материалов (плетень, доски, жерди и т. д.). Пол жилища двухуровневый. Его пониженная часть расположена у входа, возвышенная – с противоположной от входа стороны, разница по высоте составляет порядка 10–15 см. Очажная яма овальной формы и довольно крупных размеров находится у южной стенки котлована напротив входа. Ее заполнением является насыщенный углистый песок. Вокруг очага прослежены хозяйственные ямки и развалы сосудов, вкопанные донцами в пол. Севернее центрального очага находится глубокая и крупная столбовая ямка от центрального опорного столба. В западной части жилища прослежено еще несколько небольших столбовых ямок без находок, заполнением которых является слабо прокрашенный серый песок. Учитывая близость выхода из жилища, можно предположить, что по линии этих ямок проходила внутренняя перегородка, отгораживающая спальное место от холодного воздуха, поступающего через вход. Концентрация находок отмечается на полу жилища, по внешнему краю котлована и в его заполнении, образовавшемся при обрушении песчанистых бортов. Заполнение котлована имеет сильный углистый окрас.

Жилище 2 обнаружено в 1994 г. в раскопе 2 в виде хорошо читаемой на поверхности западины (рис. 2). Форма котлована на уровне материка близка к неправильному квадрату, углы скруглены. Центральная ось проходит по линии северо-запад – юго-восток. Размеры

6,8×6,6 м, глубина 1 м, площадь около 45 кв. м. Стенки котлована завалены наружу, но у пола приобретают отвесный характер. Выходом из жилища является углубленная в грунт траншея шириной 1 м и длиной 2 м, направленная из середины восточного борта на восток, в сторону жилища 1 и рабочей площадки перед ним. Пол двухуровневый. Пониженная часть пола примыкает ко входу, возвышенная – располагается у противоположной от входа стенки котлована, перепад высот между ними составляет 40 см. Очажная яма расположена в пониженной части пола напротив выхода. Она имеет овальную форму и довольно крупные размеры. Заполнением очажной ямы является углистый песок с прослойками оранжевого прокаленного песка. Вокруг очага найдены развалы пористой керамики, круглые донца которых оказались вкопанными в пол. В самом центре пола находится глубокая столбовая ямка от центрального опорного столба, в заполнении которой обнаружено два кремневых наконечника стрел. У противоположной от входа части пола находится скопление столбовых ямок без находок с заполнением из слабо прокрашенного серого песка, образующих один четкий ряд на удалении 2 м от края котлована. Еще несколько ямок сконцентрировано в северном углу котлована. Часть из них поддерживала перегородку, остальные служили в качестве опор для лежанки/помоста. Концентрация находок отмечается как по внешнему краю котлована, так и на его полу. Заполнение котлована имеет сильный углистый окрас.

Жилище 3 обнаружено в 1999 г. в раскопе 4 в виде небольшой западины. Форма котлована на уровне материка оказалась близкой к правильному прямоугольнику, углы скруглены (рис. 2). Центральная ось жилища проходит по линии запад – восток. Размеры 4,5×7 м, глубина 0,9 м, площадь около 32 кв. м. Пол одноуровневый. Выход располагается в юго-западном углу котлована и направлен на юг к подножью дюны. Очажная яма овальной формы и довольно крупных размеров расположена вблизи северной стенки и заполнена углистым песком. Вокруг очага находятся несколько хозяйственных ямок с углистым заполнением. Центральную часть пола занимают две спаренные ямы без находок. Еще несколько столбовых ямок расположены с равным интервалом вдоль северной стены котлована, западнее очага. Они отстоят от края котлована и потому не могут принадлежать столбикам, прижимающим деревянную облицовку бортов. Поскольку эти ямки расположены вблизи очага, можно предположить, что они служили для размещения деревянных опор для полки или стола. Спальные места располагались на противоположном от входа участке пола, образующем сглаженную ступеньку. В этой части жилища отсутствуют хозяйственные ямы и скопления находок. Концентрация последних отмечается по внешнему краю котлована и в пределах западной половины пола котлована, где располагалась рабочая зона. Заполнение котлована имеет сильный углистый окрас.

Жилище 4 обнаружено в 1999 г. в раскопе 4 в виде небольшой западины, в 7 м западнее жилища 3. Форма котлована на уровне материка прямоугольная, углы слегка скруглены (рис. 2). Центральная ось проходит по линии северо-запад – юго-восток. Размеры 4,5×6 м, глубина 1,15 м, площадь около 27 кв. м. Стенки котлована в прошлом были отвесными, что подтверждают углистые полосы от сгоревшей обшивки по его краю. Выход расположен вблизи юго-восточного угла котлована и представляет собой траншею шириной 0,9 м и длиной 4 м, ведущую к погребку. Пол двухуровневый. Нижний уровень находится в центральной части пола и связан с хозяйственной площадкой, на что указывает концентрация здесь находок. В центре этой площадки расположен крупный сдвоенный очаг овальной формы с углистым заполнением и несколько столбовых и хозяйственных ямок. Вместо центральной столбовой ямы вокруг очага расположено три пары сдвоенных столбовых ямок. С верхним уровнем пола связаны две облицованные небольшими бревнами ступеньки шириной около 1 м, расположенные вдоль западной и восточной стенок котлована. Ступеньки предназначались для размещения спальных мест, на что указывает отсутствие здесь хозяйственных ям и скоплений находок. Скопление находок отмечается не только на полу котлована, но и по его краю. Заполнение котлована имеет сильный углистый окрас.

Жилище 5 обнаружено в 1999 г. в раскопе 5 в виде крупной западины в 20 м восточнее жилища 3 (рис. 2). На уровне пола четко прорисован лишь его юго-западный угол, примыкающие к нему стенки и вход. Осталь-

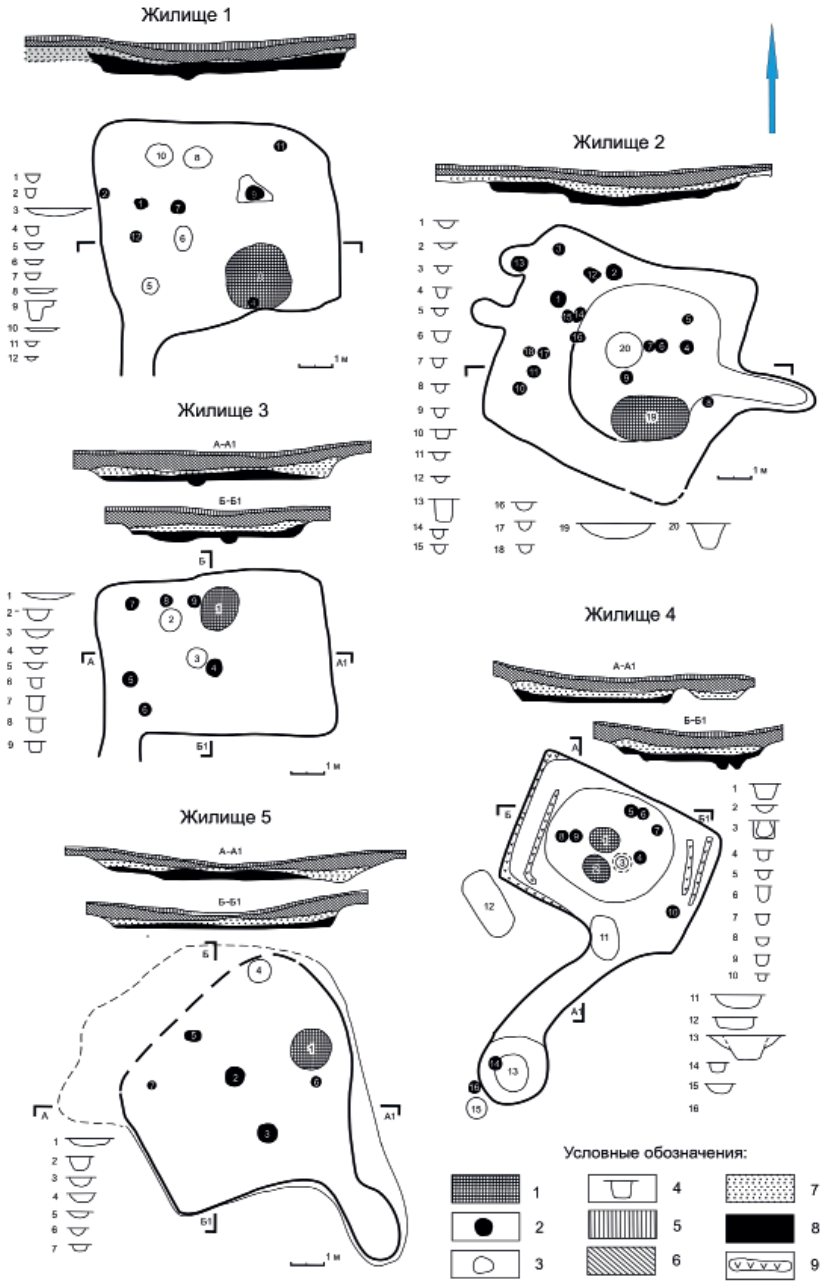

Рис. 2. Поселение Ховрино. Планы энеолитических жилищ 1–5. 1 – очаг; 2 – столбовая яма; 3 – хозяйственная яма; 4 – профиль ямы; 5 – почва; 6 – бурый песок; 7 – серый песок; 8 – углистый песок; 9 – угли.
Fig. 2. Khovrino settlement. Plans of Eneolithic dwellings 1–5. 1 – fireplace; 2 – post-hole; 3 – household pit; 4 – section of a pit; 5 – soil; 6 – brown sand; 7 – grey sand; 8 – carbonized sand; 9 – coals.

ные борта котлована были повреждены. Вероятно, котлован первоначально имел близкую к квадрату форму и слегка скруглённые углы. Размеры 7,2×6,8 м, глубина 0,9 м, площадь около 50 кв. м. Центральная ось проходит по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Углубленный выход расположен в юго-восточном углу и направлен к южному склону дюны. Его ширина составляет около 0,9 м, длина – 2,2 м. Пол двухуровневый. Пониженная часть пола расположена у входа, возвышенная – с противоположной стороны. Перепад высот составляет 10–20 см. Очаг округлой формы расположен вблизи восточной стенки котлована напротив входа и отличается интенсивным углистым заполнением. Вокруг очага находится несколько хозяйственных ямок и развалы сосудов. Через центр жилища прохо-

дит цепочка из трех столбовых ямок с равными интервалами. Их наличие указывает на существование двухскатного перекрытия, опирающегося на продольную балку и столбы. Спальная площадка расположена у северного борта котлована и представляет собой земляную ступеньку шириной 1,5–2 м, возвышающуюся на 15–20 см над уровнем рабочей зоны. Концентрация находок наблюдается по внешнему краю котлована и на его полу. Заполнение котлована имеет сильный углистый окрас.

Жилище 6 обнаружено в 2004 г. в раскопе 7 виде крупной западины (рис. 3). Форма котлована на уровне материка прямоугольная, углы слегка скруглены. Размеры котлована 7,5×6 м, глубина 1 м, площадь около 45 кв. м. Центральная ось проходит по линии запад – восток. Наиболее хорошо сохранилась северная стенка, имеющая почти отвесный профиль, остальные сильно повреждены обрушением. Жилище имеет два выхода. Основной расположен в юго-западном углу и направлен на юг к подножью дюны, второй – в центре восточной стенки и соединяется со второй камерой, получившей в ходе раскопок обозначение жилища 8. Пол жилища 6 одноуровневый, но небольшая приподнятость наблюдается у северной стенки, где меньше всего хозяйственных ямок. Здесь же найдены останки человеческого черепа в виде зубов, залегающих в песке в анатомическом порядке. Наиболее крупный сдвоенный очаг с углистым заполнением расположен вблизи западной стенки котлована, у главного входа. Вокруг него сгруппировано несколько хозяйственных ямок и развалы сосудов. Менее крупный очаг занимает место в глубине жилища у второго выхода, обращенного к второй камере (жилище 8). В отличие от первого очага, он заполнен прокаленным оранжевым песком, что указывает на его длительное использование в холодный период года. По центральной оси жилища проходит цепочка столбовых ямок, поддерживающих горизонтальную балку перекрытия. Концентрация находок отмечается по краям котлована и на его полу. Заполнение котлована имеет сильный углистый окрас.

Жилище 7 обнаружено в 2005 г. в раскопе 6 в виде слабозаметной западины. Форма котлована на уровне материка прямоугольная, углы скруглены (рис. 3). Размеры котлована на уровне пола 4×5 м, глубина около 1 м, площадь около 20 кв. м. Центральная ось проходит по линии север – юг. Выход шириной около 1 м оборудован из северо-западного угла на север вниз по склону дюны. Пол жилища одноуровневый. Рабочая площадка занимает северную половину жилища. Крупный сдвоенный очаг с углистым заполнением примыкает к западной стенке котлована. В месте расположения очага стенка котлована повреждена обрушением. Вокруг очага находится несколько хозяйственных ямок и скоплений находок. Одна неглубокая ямка расположена у выхода. В центре пола находится яма от центрального опорного столба, поддерживающего пирамидальную кровлю. В южной половине пола находится спальная площадка, огороженная по периметру четырьмя столбовыми ямками, что, возможно, указывает на нахождение здесь деревянного помоста либо перегородки. Находки в этой части пола единичны. Концентрация находок наблюдается по краю котлована и на полу в рабочей зоне. Заполнение котлована имеет сильный углистый окрас, представляющий собой следы пожара. В пользу данного предположения говорят полосы от сгоревших бревенчатых стен.

Жилище 8 обнаружено в 2005 г. в раскопе 7 в виде слабозаметной западины. Форма котлована на уровне материка прямоугольная, углы скруглены (рис. 3). Центральная ось проходит по линии север – юг. Размеры котлована на уровне пола 5,8×3,5 м, глубина 0,6 м, площадь – около 20 кв. м. Выход расположен в северо-западном углу и представляет собой траншею шириной около 1 м, соединяющую с жилищем 6. У входа расположена округлая ямка со слабоокрашенным заполнением. Пол жилища одноуровневый. Хозяйственная площадка занимает центральную и южную части пола. На ней находится очаг, центральный опорный столб и несколько хозяйственных ям. Очаг округлой формы с углистым заполнением расположен по центральной оси котлована. Неподалеку находится яма от центрального столба. В северной половине жилища размещалась спальная площадка, в пределах которой нет хозяйственных ям, развалов сосудов и мало находок. Основная концентрация находок наблюдается в южной половине пола и по внешнему краю котлована. Заполнение котлована имеет углистый окрас.

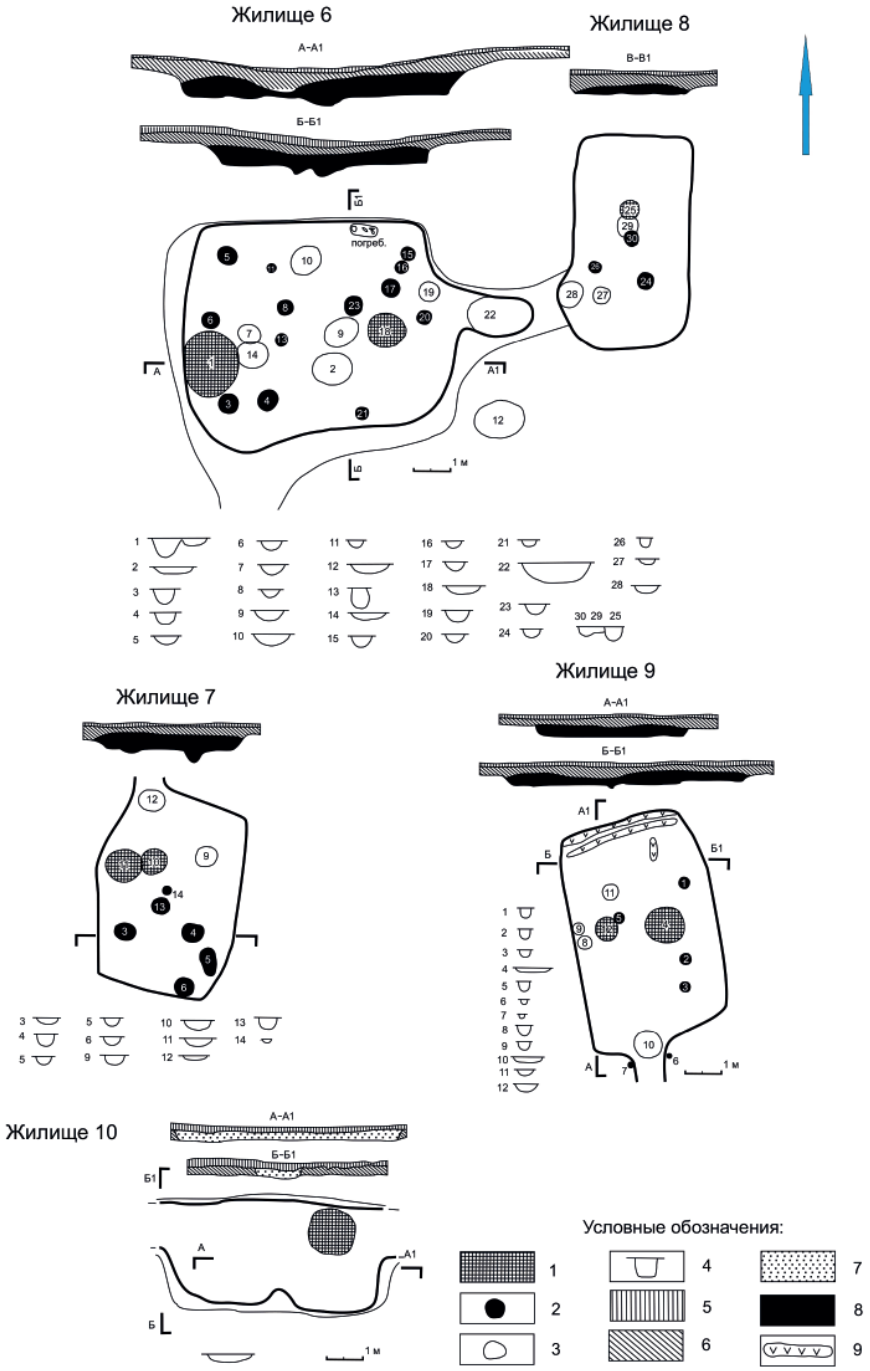

Рис. 3. Поселение Ховрино. Планы энеолитических жилищ 6-10. 1 – очаг; 2 – столбовая яма; 3 – хозяйственная яма; 4 – профиль ямы; 5 – почва; 6 – бурый песок; 7 – серый песок; 8 – углистый песок; 9 – угли.
Fig. 3. Khovrino settlement. Plans of Eneolithic dwellings 6–10. 1 – fireplace; 2 – post-hole; 3 – household pit; 4 – section of a pit; 5 – soil; 6 – brown sand; 7 – grey sand; 8 – carbonized sand; 9 – coals.

Жилище 9 обнаружено в 2005 г. в раскопе 7. Исследовалось в 2006 г. Форма котлована на уровне материка прямоугольная, углы скруглены (рис. 3). Длинной осью жилище сориентировано по линии север – юг. Размеры котлована 7×4 м, глубина 0,6 м, площадь около 28–30 кв. м. Выход из жилища расположен по центру южной стенки и представляет собой траншею, уходящую на юг к подошве дюны. С наружной стороны выхода прослежены две столбовые ямки от навеса. Пол двухуровневый. Центральная и южная часть углублены и служили в качестве хозяйственной площадки. Крупный круглый очаг, заполненный прокаленным песком, располагается ближе к центру жилища. Его окружают три

столбовые ямки, поддерживающие кровлю, и несколько хозяйственных ям и развалов сосудов. На полу жилища у входа находится округлая ямка без находок, заполненная слабоокрашенным серым песком. Северная половина пола образует приподнятую над его уровнем ступеньку. В этой части пола нет развалов сосудов и хозяйственных ямок, что указывает на использование данной части жилища в качестве спального места. Концентрация находок наблюдается по краю котлована и в южной (рабочей) части пола. Заполнение котлована имеет сильный углистый окрас и полосы от сгоревших деревянных стен.

Жилище 10 обнаружено в 2024 г. в раскопе 8 в виде слабо выраженной на поверхности западины. Котлован на уровне материка имеет прямоугольную форму и размеры 6×3 м, глубину 0,45–0,5 м, площадь – 18–20 кв. м. Длинной осью жилище ориентировано почти строго по линии запад – восток (рис. 3). Углубленные выходы находятся с торцевых сторон и имеют ширину у основания около 1 м. Пол сооружения одноуровневый. У восточного выхода находился очаг, присутствие которого выдает скопление микроскопических жженых костей. Концентрация находок отмечена по верхнему краю котлована. Заполнением котлована является серый слабоокрашенный песок.

Результаты

Большинство изученных жилищ (1–5, 7, 9) являются однокамерными полуземляночными сооружениями квадратной или близкой к квадрату прямоугольной формы, заглубленными в землю на 0,6–1 м. Лишь одно жилище является двухкамерным (жилища 6, 8). Возможно, частью еще одного двухкамерного сооружения является прямоугольная постройка с двумя торцевыми выходами (жилище 10), обращенными на неизученные участки поселения, где можно ожидать нахождение второй жилой камеры.

Площадь углубленной части однокамерных и отдельных камер двухкамерного жилища не велика и колеблется от 20 до 50 кв. м. На сохранившихся участках котлованов их борта в плане выглядят спрямленными, а в профиле – отвесными. В жилищах 4, 7, 8, 9 удалось проследить наличие облицовки бортов котлована горизонтальными брёвнами или жердями, оставившими после себя углистые следы. Правда, столбиков, прижимающих деревянную обшивку к бортам котлована, обнаружено не было. Возможно, отдельные участки бортов котлована дополнительно укреплялись плетнём. В любом случае, в условиях сыпучего песчанистого грунта наличие облицовки стенок котлованов органическими материалами является конструктивно оправданным.

Выходом из заглубленной части жилища служил узкий, углубленный в землю траншееобразный пандус шириной 0,9–1 м и протяженностью от 2 до 4 м. У большинства жилищ выход направлен к южному скату дюны и ближайшему берегу реки, в единичных случаях – на север к противоположному скату дюны (жилище 7), в сторону соседнего жилища (жилища 3, 10). Характерной особенностью энеолитических жилищ Ховринского поселения является обустройство выхода в углу котлована, хотя встречается расположение выхода из центра стены (жилища 2, 9). Наличие столбовых ямок с внешней стороны от входа (жилище 9) предполагает существование защитного навеса, предотвращающего попадание осадков в углубленный тамбур и внутрь жилища.

Кровля у большинства жилищ имеет пирамидальную форму с четырьмя скатами. На это указывает близкая к квадрату в плане форма котлованов, наличие центрального опорного столба (жилища 1–3, 7, 8) либо нескольких столбов, расположенных вокруг центрального очага (жилища 4, 9) и заменяющих центральной опорный столб. Центральный опорный столб у крупных жилищ должен был испытывать серьезную нагрузку от перекрытия, вследствие чего для его установки требовалась более глубокая и широкая яма либо устанавливались спаренные столбы (жилище 4). Сходящиеся верхние концы жердей шатрового перекрытия могли соединяться штырьевым способом, оставляя место для выхода дыма. При этом нижние концы перекрытия опирались непосредственно на землю в 1,5–2 м от края котлована либо на бревенчатый сруб, не оставивший от себя следов. В результате по краю котлована образовалось защищенная от осадков земляная полочка, используемая для хранения вещей.

Двухскатная кровля зафиксирована лишь в двух случаях (жилища 5, 6). Об этом говорит расположение по длинной оси этих жилищ цепочки ямок под столбы, поддерживающие продольную горизонтальную балку.

Пол жилищ одноуровневый (3, 6–8, 10) и двухуровневый (1, 2, 4, 5, 9). Двухуровневый пол имеют, как правило, более крупные жилища, одноуровневый – менее крупные. Различие по высоте верхнего и нижнего уровня пола составляет 15–40 см. Наиболее углубленная часть пола находится у входа из жилища или в его центре и используется как хозяйственная площадка. Здесь располагается отопительный очаг, хозяйственные ямки, развалы сосудов, наблюдается концентрация расщепленного кремня и готовые орудия из камня.

Отопительные очаги представляют собой довольно крупную округлую или овальную яму с уплощенным дном, заполненную углистым или прокаленным оранжевым песком. Большинство жилищ имеет по одному крупному очагу, расположенному неподалеку от входа, что обеспечивало тепловую завесу в холодный период года. Примечательно, что у большинства жилищ отопительный очаг примыкает к земляному борту котлована (жилища 1–3, 5–7, 10). Можно высказать предположение, что земляной борт котлована преднамеренно использовался людьми в качестве экрана, отражающего тепло из очага и способствующего более равномерному обогреву помещения. Вероятно, на этом месте отсутствовала деревянная облицовка борта котлована.

У нескольких жилищ отопительный очаг занимает центральное место в полу (жилище 4, 8, 9). В этом случает вместо центрального опорного столба наблюдается использование трех-четырех столбов, расположенных вокруг очага и поддерживающих конструкцию дымохода. В остальном конструкция жилищ с центральным расположением очага имеет мало отличий от жилищ со смещенным к стене очагом.

Второй (дополнительный) отопительный очаг зафиксирован только в двухкамерном жилище 6. Он сооружен у входа во вторую камеру и, вероятно, обеспечивал более равномерный прогрев удлиненного помещения.

Под спальные места отведен противоположный от входа участок пола, имеющий вид приподнятой ступеньки, облицованной тонкими бревнами или жердями, оставившими после себя углистые полосы. Ширина такой ступеньки составляет от 1 до 2 м, что позволяло разместить на ней всех обитателей жилища. В жилищах с одноуровневым полом спальное место оборудовалось в виде приподнятого на деревянных столбиках помоста, следы от которого сохранились в виде рядов небольших ямок (жилища 1, 2, 7). В крупных жилищах спальные места были отгорожены деревянной перегородкой (жилище 1, 2), на месте которой остались столбовые ямки, что защищало их проникающего из входа холодного воздуха. В спальной части жилища отсутствуют крупные хозяйственные ямы, развалы сосудов и скопления расщепленного кремня.

Двухкамерное жилище имеет те же конструктивные особенности, что и однокамерные. Выход оборудован в южном направлении из угла первой камеры, перекрытой двухскатной крышей, поддерживаемой продольной балкой и четырьмя опорными столбами, расположенными с равным интервалом по центральной оси жилища. Главный очаг находится вблизи западной стены, вспомогательный – у входа во вторую камеру. Во второй камере очаг расположен в центре рядом с центральным опорным столбом, и, следовательно, помещение имеет четырехскатную крышу.

В жилищах не обнаружено крупных хозяйственных ям/погребков, вынесенных за пределы жилых построек. Следует также отметить, что в большинстве жилищ отмечены следы пожара в виде углистого заполнения и углистых полос от сгоревшей облицовки стенок котлованов.

Обсуждение

Изученные энеолитические жилища поселения Ховрино расположены в единых геоморфологических условиях, на приблизительно равном интервале между собой. При этом расстояние между выделенными группами жилищ не сильно превышает расстояние между отдельными жилищами. Большинство жилищ своими входами сориентированы к южному скату дюны и лишь одно развёрнуто своим входом к противоположному скату. Но при этом его конструктивные особенности ничем не выделяются на фоне остальных жилищ: выход из угла, очаг у стенки, спальное место у противоположной от входа стороне пола.

Однокамерные и двухкамерное жилища имеют однотипную конструкцию наземной и углубленной части. В единственном двухкамерном жилище наблюдается сочетание

двускатной и пирамидальной формы перекрытия, расположение очагов как у стены, так и по центральной оси, выход из угла и по центру стены. Сближает между собой оба типа жилищ наличие в большинстве из них следов пожара и признаков спешного покидания поселка его обитателями: на своих местах оставлены хрупкие и плохо транспортируемые глиняные сосуды, многочисленные орудия из камня и меди. Изделия из меди для данной эпохи представляют значительную ценность, и потому их нахождение в жилищах указывает на стихийное бедствие (пожар?), прервавшее жизнь поселения.

По ряду косвенных признаков энеолитическое Ховринское поселение просуществовало непродолжительное время, не превышающее одного-двух сезонов. На это указывает концентрация находок в жилищах и слабая насыщенность культурного слоя между ними; в каждом жилище найдено относительно небольшое количество сосудов, большинство из которых образует частичные и полные развалы; отсутствуют явные следы перестройки жилищ и прорезания более поздними сооружениями более ранних. Все это было бы невозможным при длительном существовании поселка.

Перечисленные факты дают основание рассматривать энеолитические жилища Ховринского поселения единовременными, а сам поселок – гомогенным и одномоментным.

Принципы организации энеолитического поселка Ховрино и используемые его обитателями домостроительные традиции являются типичными для населения лесной зоны Восточной Европы. Они заключаются в размещении поселков на песчанистых, хорошо дренируемых возвышениях/дюнах вблизи реки, постройке небольших, преимущественно однокамерных полуземлянок квадратной и прямоугольной формы с ограниченным количеством очагов. На Средней Волге подобные жилища появляются в эпоху мезолита и продолжают сооружаться до конца неолита включительно (Кудашов, 2021, с. 175). В конце неолита – бронзовом веке Волго-Камья на смену небольшим полуземляночным жилищам приходят крупные удлинённо-прямоугольные и многокамерные жилища, соединенные углубленными переходами (Никитин, Соловьев, 2002, с. 47). На территории степной зоны Восточной Европы в это время господствует иная домостроительная традиция, предполагающая сооружение крупных наземных или слабо углубленных жилищ прямоугольной формы (Санжаров, 2010, с. 251; Ивашов, 2015, с. 14).

Конструктивно большая часть энеолитических жилищ Ховринского поселения близка к жилищам имеркской культуры Примокшанья, имеющим квадратную форму, небольшие размеры, земляную ступеньку-лежанку и внутренние стенки-перегородки. К сожалению, количество изученных жилищ имеркской культур невелико, а их сохранность неудовлетворительна (Ставицкий, Королев, 2006, с. 95–97), что снижает достоверность выводов.

Меньшая часть энеолитических жилищ Ховринского поселения проявляет сходство с жилищами волосовской культуры Примокшанья, представляющими собой относительно небольшие прямоугольные полуземлянки с одним или несколькими выходами и расположением очагов по главной оси сооружения (Королев, Ставицкий, 2006, с. 35, 36).

Из чего следует вывод, что домостроительные традиции обитателей энеолитического Ховаринского поселения сформировались на основе традиций, характерных для имеркской и волосовской культур Примокшанья. Наиболее наглядно органическое сочетание двух описанных домостроительных традиций демонстрирует двухкамерное жилище: с одной стороны, шатровое перекрытие, очаг у стенки, выход из угла, с другой стороны – двускатная крыша, центральные очаги.

За пределами Среднего Поволжья сходные традиции домостроительства обнаружены на Среднем Дону, где в ходе раскопок Шиловского поселения изучено девять полуземляночных жилищ, отнесенных к абашевской культуре (Пряхин, 1976, с. 11–20). Абашевские жилища Шиловского поселения представляют собой однокамерные и двухкамерные постройки квадратной или прямоугольной формы с двускатной кровлей, опирающейся на продольную балку и деревянные стенки, вынесенные за пределы котлованов. Входы из жилищ довольно часто располагаются в углу сооружения и перекрыты защитным навесом. Углубленная часть жилищ имеет деревянную облицовку стенок. Очаги расположены как в центре, так и вблизи стен. Отмечаются случаи, когда очаги находятся в окружении нескольких столбовых ямок. Спальное место максималь-

но удалено от ближайшего выхода и оборудовано земляным или деревянным помостом – ступенькой, зафиксированы случаи оборудования внутри жилища перегородок. При описании четырёх построек (2, 7, 8, 14) А.Д. Пряхиным отмечено наличие в их центре глубоких ям «неясного назначения» (Пряхин, 1976, с. 15). Принимая во внимание, что в упомянутых жилищах ямки от столбов, поддерживающих поперечную перекладину двускатной кровли, обнаружены не были, можно предположить, что перечисленные жилища имели четырехскатную крышу и центральные опорные столбы, аналогичные тем, что мы наблюдаем в Ховринском поселении.

Наиболее существенным отличием жилищ Ховринского поселения от абашевских жилищ Шиловского поселения являются более скромные размеры первых. В этой связи следует отметить, что волосовские жилища Примокшанья также заметно уступают по размерам волосовским жилищам Марийского Поволжья. Следовательно, изменение размеров жилищ при сохранении их конструктивных особенностей имеет под собой не столько культурные, сколько социально-экономические причины, исходя из чего можно предположить, что социальные и экономические условия жизни энеолитического населения лесного Посурья отличались от таковых на Средней Волге или на Дону в худшую сторону, вследствие чего размеры ховринских жилищ уменьшились по сравнению с абашевскими жилищами Среднего Дона.

ЛИТЕРАТУРА

Вискалин А.В. Разведки памятников неолита-энеолита на территории Ульяновской области // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 24–25.

Вискалин А.В. Поселение ранних металлургов и коневодов на Барыше // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. С. 370–376.

Вискалин А.В. Результаты исследования 6 жилища Ховринского энеолитического поселения // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 191–200.

Вискалин А.В. Ховринская мезолитическая стоянка // Человек, адаптация, культура / Отв. Ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 228–239.

Вискалин А. В. Памятники и культурные процессы на территории Ульяновского края в энеолите-раннебронзовом веке // Краеведческие записки. Вып. 17 / Ред. Ю. К. Володина и др. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2019. С. 207–224.

Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Ховрино в Посурье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамГПУ, 2002. С. 58–80.

Вискалин А.В., Овчинникова Н.В. Ховринское поселение эпохи раннего металла в восточном Посурье (итоги исследования 1994 г.) // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПИРО, 2003. С. 208–219.

Вискалин А.В., Корнев А.В. Результаты исследования Ховринского поселения в 2024 г. // Краеведческие записки. Вып. 23 / Отв. ред. В. И. Лосева. Ульяновск: УлГТУ, 2025. С. 3–16.

Ивашов М.В. Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону. Автореф. Дисс.... канд. истор. наук: Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2015. 27 с.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.

Кудашов А.С. Жилища мезолита и раннего неолита Марийского Поволжья // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 1. С. 173–176.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 162 с.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1976. 168 с.

Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск: Восточноукраинский национальный ун-т им. В. Даля, 2010. 488 с.

Информация об авторе:

Вискалин Александр Викторович, кандидат исторических наук, археолог, ООО «Центр археологических исследований «Симбирская старина» (г. Ульяновск, Россия); alvisk@mail.ru

REFERENCES

Viskalin, A. V. 1994. In Nikitina, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 24–25 (in Russian).

Viskalin, A. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 5. Tver: Tver State United Museum, 370–376 (in Russian).

Viskalin, A. V. 2006. In Vasilieva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 191–200 (in Russian).

Viskalin, A. V. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura (Man, Adaptation and Culture)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 228–239 (in Russian).

Viskalin, A. V. 2019. In Volodina, Yu. K. et al (eds.) *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 17. Ul'ianovsk: "Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia" Publ., 207–224 (in Russian).

Viskalin, A. V., Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Stavitsky, V. V. 2002. In Stashenkov, D. A., (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 2. Samara: Samara State Pedagogical University, 58–80 (in Russian).

Viskalin, A. V., Ovchinnikova, N. V. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* Penza: Penza State Pedagogical University, 208–219 (in Russian).

Viskalin, A. V., Kornev, A. V. 2025. In Loseva, V. I. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 23. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 3–16 (in Russian).

Ivashov, M. V. 2015. *Pamiatniki katakombnogo vremeni na Verkhnem Donu (Monuments of the Catacomb period on the Upper Don region).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Korolev, A. I., Stavitskiy, V. V. 2006. *Primokshan'e v epokhu rannego metalla (The Moksha Region during the Early Metal Period).* Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Kudashov, A. S. 2021. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Scientific Bulletin)* 10 (1), 173-176 (in Russian).

Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2002. *Poseleniia i postroiki Mariiskogo Povolzh'ia (epokha kamnia i bronzy) (Settlements and Dwellings of the Mari Volga Region: Stone and Bronze Ages)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

Pryakhin, A. D. 1976. *Poseleniia abashevskoi obshchnosti (Abashevo community settlements).* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Sanzharov, S. N. 2010. *Vostochnaia Ukraina na rubezhe epokh srednei (Eastern Ukraine at the turn of the Middle and Late Bronze Ages).* Lugansk: V. Dahl East Ukrainian National University (in Russian).

About the Author:

Viskalin Aleksandr V. Candidate of Historical Sciences, LLC "Center for Archaeological Research 'Simbirskaya Starina'". 83, 12th September Street, Apt. 59, Ulyanovsk, **432025**, Russian Federation; alvisk@mail.ru

Статья поступила в журнал 30.01.2026 г.
Статья принята к публикации 28.02.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.20.34

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АЛТАТИНСКОЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ МОНАХОВ I)

© 2026 А.А. Выборнов, Ф.Ф.Гилязов, Н.С. Дога, А.И. Юдин, М.А. Кулькова, Е.В. Пархомчук

В статье вводятся в научный оборот материалы раскопов 2024-2025 годов поселения Монахов I в Саратовской области и проводится их культурно-хронологическая атрибуция. Получены стратиграфические данные о соотношении комплексов среднего бронзового века и позднего энеолита. Это позволяет чётко объединить посуду, каменный инвентарь и фаунистические остатки меднокаменного века в один комплекс. Сосуды последнего изготовлены из илистой глины с примесью раковины, имеют профилированную и прямостенную форму. Они орнаментированы гребенчатым штампом, прочерками, наколами, вариацией плетёных фактур. Среди узоров представлены горизонтальные ряды, вертикальный зигзаг, шагающая гребёнка. Орудия изготовлены из кварцита на отщепах: концевые и боковые скребки, ножи, бифасиальные наконечники стрел. Аналогичные признаки характерны для алтатинской культуры. Радиоуглеродные даты фиксируют для материалов позднего энеолита 4900 - 4400 лет ВР. Фаунистические остатки представлены как дикими, так и домашними видами животных, что доказывает наличие у носителей алтатинской культуры производящего хозяйства. Обнаружены редкие находки мезолитического и раннеэнеолитического облика.

Ключевые слова: археология, степное Поволжье, поздний энеолит, керамика, кварцитовый инвентарь, фауна, алтатинская культура, хронология, производящее хозяйство

NEW EVIDENCE ON THE ALTATA ENEOLITHIC CULTURE OF THE VOLGA STEPPE REGION (FOLLOWING THE RESULTS OF THE STUDY AT THE MONAKHOV I SITE)

A.A.Vybornov, F.F.Gilyazov, N.S.Doga, A.I.Yudin, M.A.Kulkova, E.V.Parkhomchuk

This paper presents the results of excavations conducted in 2024–2025 at the Monakhov I site in Saratov Oblast, along with the cultural and chronological attribution of the recovered materials. Stratigraphic data on the ratio of complexes of the Middle Bronze Age and the Late Eneolithic have been obtained. This allows for a clear unification of pottery, lithic tools, and faunal remains from the Copper Age into a single assemblage. The pottery from this complex was made of silty clay with shell-temper. The vessels have profiled and straight-walled shapes, and are decorated with combed stamps, dashes, punctures and variations of braided textures. Patterns include horizontal rows, vertical zigzags, and "stepping comb" motifs. The tools, made of quartzite flakes, include end and side scrapers, knives, and bifacial arrowheads. Similar features are characteristic of the Altata culture. Radiocarbon dates for Late Eneolithic materials range from 4900 to 4400 BP. The fauna includes both wild and domestic animals, demonstrating the existence of a producing economy in the Altata culture. Rare finds of Mesolithic and Early Eneolithic periods were also found at this site.

Keywords: archaeology, Steppe Volga River region, Late Eneolithic, pottery, quartzite tools, fauna, Altata culture, chronology, producing economy

Территория степной части Нижнего Поволжья вызывает интерес специалистов в плане изучения как дальнейших судеб хвалынской энеолитической, так и генезиса ямной культуры раннего бронзового века. Поэтому особую научную значимость имеют материалы позднего энеолита. Приоритетными являются комплексы алтатинского типа, которые после обобщения всех имевшихся материалов были выделены в особую культуру (Юдин, 2010, с. 363–379). В разработке различных аспектов её изучения существуют определённые сложности. Во-первых, количество памятников интересующего нас облика не превы-

Рис. 1. Стратиграфия раскопов поселения Монахов I (1- раскоп 1; 2 – раскоп 2).
Fig. 1. Stratigraphy of excavation areas at the Monakhov I settlement (1- excavation area 1; 2- excavation area 2).

шает десяти. Во-вторых, они имеют разную степень информативности. В-третьих, раскопки стоянок алтатинской культуры проводились в XX веке и с тех пор источниковая база не увеличилась. В-четвёртых, данные о хозяйстве алтатинцев очень скудны. Оставались вопросы и по хронологической позиции этих древностей. Поэтому новые раскопки одного из памятников имеют определённую научную новизну. Таковым является поселение Монахов I, обнаруженное на высокой террасе левого берега реки Большой Узень в 4 км западнее села Монахов Александровогайского района Саратовской области. Первые раскопки на этом памятнике были проведены в 1984 году (Юдин, 1986, с. 37–40). Большое значение имела стерильная прослойка между верхним (эпохи бронзы) и нижним (энеолитическим) слоями, что позволяло считать материалы в последнем достаточно гомогенными среди памятников данного типа. Учитывая всё вышесказанное, были возобновлены раскопки на столь важном объекте.

Стратиграфия и планиграфия памятника

В 2024 году близ шурфа № 2 1984 года был заложен раскоп № 1 площадью 32 кв. м, общая глубина которого составила 190 см. Верхние 10–20 см составляли дерновый слой, далее на всей площади раскопа залегал слой светло-коричневого суглинка (рис. 1:1). Его толщина варьировалась от 50 см в северной части раскопа до 95 см в южной. Следующий пласт плотного светло-серого суглинка – мощностью от 20 до 30 см. Он содержал фрагменты костей животных и артефакты, относящиеся к катакомбной культуре. Далее на всей площади раскопа фиксировался стерильный от находок

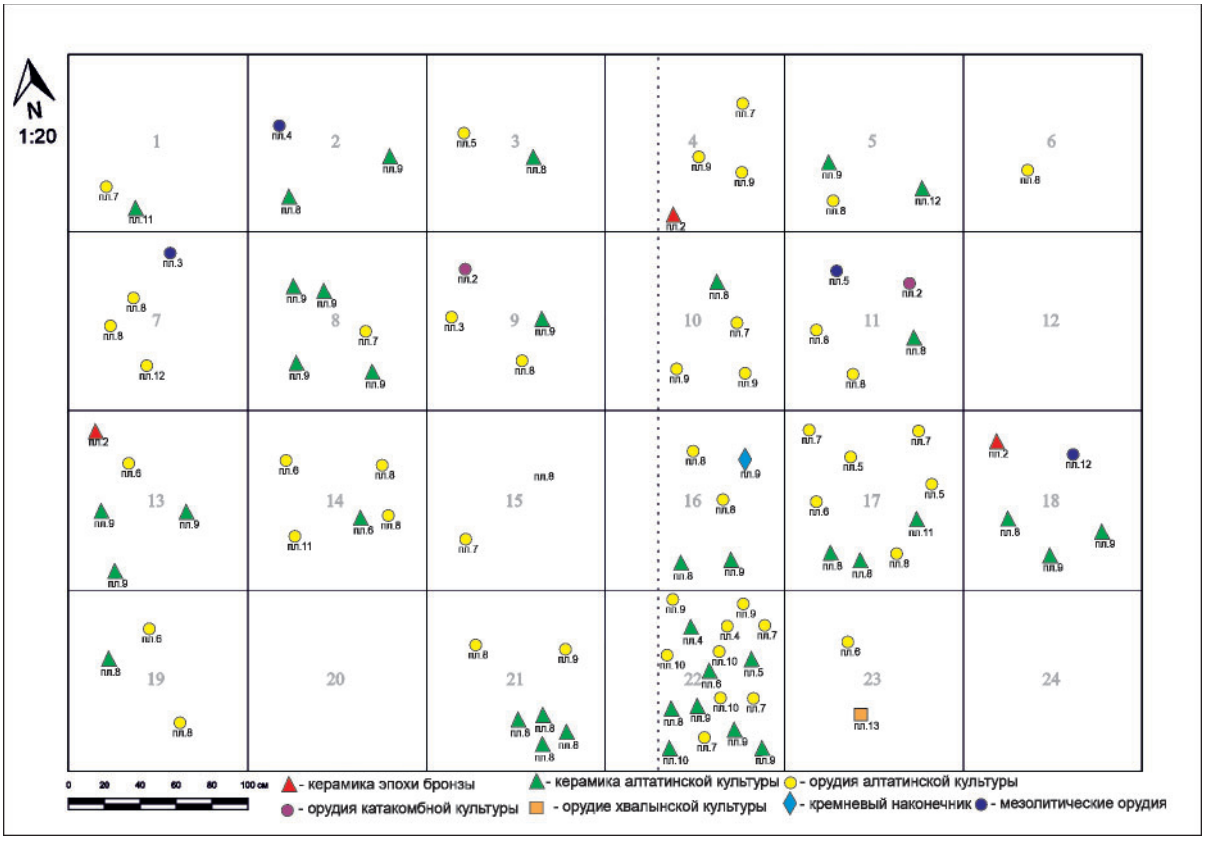

Рис. 2. План раскопа 2 поселения Монахов I.
Fig. 2. Plan of excavation area 2 at the Monakhov I settlement.

пласт светло-коричневого суглинка, толщиной от 15 см в южной части раскопа до 30 см в северной. Мощность следующего пласта темно-серого суглинка варьируется от 25 до 35 см. Он содержал фрагменты костей животных и артефакты, относящиеся к алтатинской культуре. Находки с этого участка весьма малочисленны, что даёт основание предполагать периферийность данной части стоянки. Всего было обнаружено 33 артефакта, включая сколы и отщепы, и 349 костей животных. Раскоп 2 был заложен в 2025 году в 40 м к востоку от первого. Его площадь составила 24 кв. м, и линии квадратов раскопа расположены с севера на юг (рис. 2). Культурные напластования стоянки Монахов I на участке раскопа № 2 достигают толщины 1,1 м в северной части раскопа и неоднородны по всей площади (рис. 1: 2). Стратиграфически выделяются два литологических слоя: верхний и нижний. Первый имеет светло-серый цвет и очень слабо насыщен находками. Так, в кв. 4 (пласт 2), кв. 7 (пласт 2) и кв. 18 (пл. 2) обнаружены венчик и три стенки от неорнаментированных сосудов, которые относятся к позднему бронзовому веку, а в кв. 13 (пл. 2) найден фрагмент стенки с орнаментом, аналогичным керамике среднего бронзового века (рис. 2).

Наиболее важным наблюдением является то, что нижний и верхний слои разделяет стерильная прослойка светло-коричневого цвета мощностью 0,25–0,3 м, которая прослеживается на всей площади раскопа (рис. 1: 2). Это позволяет предполагать гомогенность находок, обнаруженных в нижнем слое и отнесенных к энеолиту.

Нижний слой имеет значительно более темный цвет из-за примеси гумуса, залегает по всей площади раскопа и связан с прослойкой раздробленных костей животных. Мощность пласта 0,30–0,35 м. С этим горизонтом связаны наиболее выразительные находки на памятнике. В кв. 22 (пл. 8–9) найден развал сосуда, черепки от которого расположены и в соседних (16, 21, 10, 3, 1) квадратах. Кроме скопления фрагментов от второго сосуда (кв. 8, пл. 9) есть один черепок от него в кв. 1 (пл. 11) (рис. 2). Что касается каменного инвентаря, то в первой линии раскопа (1–6 кв.) найдено всего восемь орудий из кварцита, причём

почти все в нижних (7–11) пластах (рис. 2). Увеличение числа таких артефактов чётко прослеживается к двум южным линям раскопа (кв.13–24). Наибольшая концентрация фиксируется в западной части (кв. 16, 17, 22, 24) участка (рис. 2). И по глубине они залегают в пластах от 7 до 12, то есть ниже стерильной прослойки.

Керамический, каменный и костяной инвентарь

Наиболее представительную выборку составляют 58 фрагментов керамики, которые залегали в нижних пластах раскопов. Судя по данным И.Н. Васильевой, часть из них изготовлена из илистой глины с примесью раковин пресноводных моллюсков и органического раствора, а другая – из жирного ила, в состав которого входят немногочисленные естественные мелкие обломки пресноводных раковин. Толщина стенок варьируется от 0,5 до 1,1 см с преобладанием 0,8 см. Из общего числа черепков по разным показателям можно выделить 12 сосудов. Для них характерна горизонтальная штриховка внутренней поверхности зубчатым инструментом. Один экземпляр выделяется своеобразной загладкой, которая напоминает шахматный орнамент (рис. 5: 1, фото). По верхним частям можно констатировать как прямостенную (рис. 4: 1–3), так и профилированную формы сосудов (рис. 5: 1–2). По одной нижней части фиксируется плоское дно (рис. 5: 5). Венчики чуть толще стенок (рис. 4: 1–2; 5: 1–2). По их плоскому срезу расположены оттиски зубчатого штампа (рис. 4: 1; 5: 1) или насечки (рис. 4: 2). Узор на поверхности сосудов нанесён преимущественно гребенчатым штампом разных форматов. Есть узкий (пунктирный) (рис. 5: 1), средний (рис. 4: 7) и широкий (рис. 5: 3). На одном сосуде зубчатые отпечатки сочетаются с двойными прямыми прочерченными линиями (рис. 5: 1), а на втором – с разреженными вдавлениями (наколом) подовальной формы (рис. 4: 2). Ещё один экземпляр несёт на поверхности как гребенчатые оттиски, так и разделённые наколы треугольной формы (рис. 5: 4–5). Выделяется сосуд, украшенный способом, который отличен от гребенчатого и сближается с плетёными фактурами (рис. 5: 2). Оригинальным является фрагмент с ямчатыми вдавлениями подовальной формы. Его отнесение к алтатинскому комплексу подтверждается как технологией его изготовления, так и обнаружением ниже стерильной прослойки. Что касается орнаментальных композиций, то они представлены несколькими видами: горизонтальные ряды оттисков шагающей гребёнки (рис. 4: 1, 10; 5: 3), диагональные и горизонтальные ряды плотно поставленных оттисков (рис. 4: 5), «ёлочка» (рис. 4: 6), сочетание вертикального зигзага и горизонтальных рядов прочерков (рис. 5: 1). Специфичен узор из плетёных фактур (рис. 5: 2). Два сосуда лишены орнамента, но они относятся к основному комплексу. Они найдены под стерильной прослойкой (пл. 9) и по технологии тождественны остальным (рис. 4: 3).

Вышеперечисленная совокупность признаков хорошо коррелирует с характеристиками керамической традиции алтатинской культуры. Большинство показателей находят ближайшие аналогии в материалах стоянок Алтата и Пшеничное (Юдин, 2012, с. 189, рис. 71: 4, 6, 10; 196, рис. 78: 3, 13, 14). Есть они, включая прочерченный орнамент, и в комплексе стоянки Русское Труёво 2 в Среднем Посурье, материалы которой автор раскопок относит к алтатинской культуре (Ставицкий, 2002, с. 102, рис. 7). Способ нанесения орнамента плетёными фактурами известен и на посуде лесостепного Поволжья (Васильева и др., 2020, с. 208, рис. 2: 2). Ряд определённых отличий (раструбовидные формы венчиков, применение шнура для орнаментации, сложные композиции) могут объясняться либо ограниченной выборкой, либо хронологической разницей памятников.

Необходимо отметить находку маленького неорнаментированного сосуда профилированной формы (рис. 4: 9). По данным И.Н. Васильевой, он изготовлен по хвалынской технологии. Такие сосуды встречаются в материалах ямной культуры (Мерперт, 1974, рис. 13). Но в них они представлены только в погребениях, поэтому более вероятна его принадлежность к комплексу алтатинской посуды.

Каменный инвентарь интересующего нас памятника представлен 214 экземплярами. Следует отметить, что в первом раскопе найдено всего 26 артефактов, что с учётом единичности фрагментов алтатинского типа подтверждает периферийность этого участка. Сырьём для получения орудий труда служил кварцит серого цвета. Ядрищ не обнаружено, но разнообразные и многочисленные пред-

меты дебитажа (табл. 1: 1–8) дают основание предполагать, что первичное раскалывание происходило на территории памятника.

Таблица 1. Категории каменного инвентаря поселения Монахов I

Table 1. Categories of stone inventory of the Monakhov I settlement

№	категория	количество
продукты первичного расщепления		
1	аморфные куски	5
2	обломки	31
3	осколки	23
4	вторичные сколы	2
5	чешуйки	3
6	отщепы	57
7	пластинчатые отщепы	7
8	пластины	4
предметы со вторичной обработкой		
9	скребки	38
10	ножи	6
11	наконечники	5
12	пластины с ретушью	2
13	отщепы с ретушью	4

Основной заготовкой для изготовления орудий труда являлись отщепы и пластинчатые отщепы. Из них сделано 42 экз. Найдено всего четыре пластины, две из которых отличаются толщиной (0,6 и 0,7см) (рис. 8: 5, 7). Что касается отщепов, то орудия из них характеризуются массивностью: доминируют заготовки толщиной от 0,5 до 1,5 см. Ведущую категорию изделий составляют скребки нескольких типов – 38 экз. По длине они варьируются от 2,1 до 3,4 см, но наиболее устойчивые параметры от 2,3 до 2,8 см. Преобладают концевые скребки с ретушью по одной или двум продольным граням, то есть конце-боковые (16 экз.) (рис. 3: 6, 7, 9; 6: 1–9). Типичных концевых 14 экз. (рис. 3: 8, 13, 14; 7: 1–8). По форме рабочего лезвия 13 скребков округлые (рис. 3: 6, 13; 6: 1–4; 7: 1–6), ещё шесть изделий с прямым рабочим краем (рис. 3: 8, 146: 5–8; 7: 7) и пять со скошенным (рис. 3: 7, 9; 6: 9–11; 7: 8). Кроме них – ещё два обломка боковых (рис. 7: 9), один дублированный (рис. 6: 14), два обработаны по всему периметру (рис. 6: 13, 16). На одном концевом скребке обе продольные грани несут крутую ретушь, а брюшко по всей поверхности обработано плоской подтёской (рис. 6: 17). Ещё одно изделие сочетает скребковидное лезвие на продольной стороне на спинке и дублированные рабочие края на поперечных гранях (рис. 6: 15). Завершает эту категорию орудий артефакт с участком пологой ретуши на спинке и одной боковой гранью на брюшке с крутой обработкой (рис. 6: 12). Такая обработка встречается на скребках алтатинской культуры (Юдин, 2010, с. 368, рис. 4:16–17). Следует отметить, что в раскопе 1 скребков со своеобразной подтёской брюшка не обнаружено.

Вторую категорию изделий составляют ножи – 6 экз. Один имеет два подокруглых лезвия, оформленных пологой ретушью, далеко заходящей на спинку продольных сторон отщепа (рис. 7: 11). Следующий артефакт сделан на сколе, тыльная часть которого могла служить обушком. Он обработан краевой ретушью по одной продольной стороне, как по спинке, так и по брюшку (рис. 7: 12). Два ножа изготовлены на массивных (толщина 1,6–1,8 см) заготовках аналогичной техникой (рис. 7: 10, 15). Ещё два изделия на отщепах имеют одностороннюю обработку одной продольной стороны пологой краевой ретушью (рис. 3: 10–11). К ножам допустимо отнести и два сечения пластин с ретушью по продольной грани спинки (рис. 7: 13, 16) или брюшка (рис. 7: 14).

Следующую категорию орудий представляют наконечники стрел и дротиков – 5 экз., причём только один из них обнаружен в раскопе № 1. К сожалению, от них сохранились только верхние (рис. 8: 1) или нижние (рис. 3: 5; 8: 3) части. Но одно изделие имеет подтрапециевидную форму и прямое узкое основание (рис. 8: 2). Такие типы нехарактерны для прикаспийской, хвалынской и катакомбной культур, но встречаются именно в алтатинских комплексах (Юдин, 2012, с. 199, рис. 81: 9). Следует отметить, что наконечник аналогичной формы обнаружен и в раскопе № 1 (рис. 3: 5). Ещё один артефакт может трактоваться как обломок дротика (рис. 8: 6), который характерен для позднего энеолита (Юдин, 2012, с. 191, рис. 73:4; с. 198, рис. 80: 7; 199, рис. 81: 5). В случае с монаховским экземпляром важно обратить внимание на оформление его основания: оно имеет угол наклона, который вполне приемлем для тесловидного орудия.

Таким образом, каменный инвентарь алтатинского типа представлен исключительно

Рис. 3. Находки из раскопа 1: 1-3 –керамика; 4-14 – кварцитовые орудия.
Fig. 3. Finds from the excavation area 1: 1-3 – pottery; 4-14 – quartzite tools.

кварцитовым сырьём. Доминирующей заготовкой для изготовления орудий служили отщепы. Среди инструментального набора преобладают скребки концевого и конце-бокового типов с овальным, прямым или скошенным рабочим краем. Использовалась подтёска вентральной части этих изделий. Ножи, изготовленные на отщепах и массивных сколах, с прямым или овальным лезвием, сформированным краевой двусторонней ретушью. Наконечники стрел имеют подромбическую форму с прямым коротким основанием.

Кроме артефактов из кварцита в раскопе № 2 обнаружен наконечник стрелы из кремня. Его перо обломано, но это не уменьшает к нему интереса. Форма изделия характеризуется небольшой выемкой в основании и наличием шипа на одной из продольных сторон (рис. 8: 4). Эти признаки сближают его с «флажковым» типом. Аналогичные формы обнаружены в Северном Прикаспии, но находки депаспортизированы, так как были найдены во время сборов с поверхности барханов (Дубягин и др., 1982, с. 120, рис. 18: 14–19). Поэтому их привязка к конкретному культурному комплексу затруднена. Более надёжный контекст представляют материалы константиновской культуры позднего энеолита Нижне-

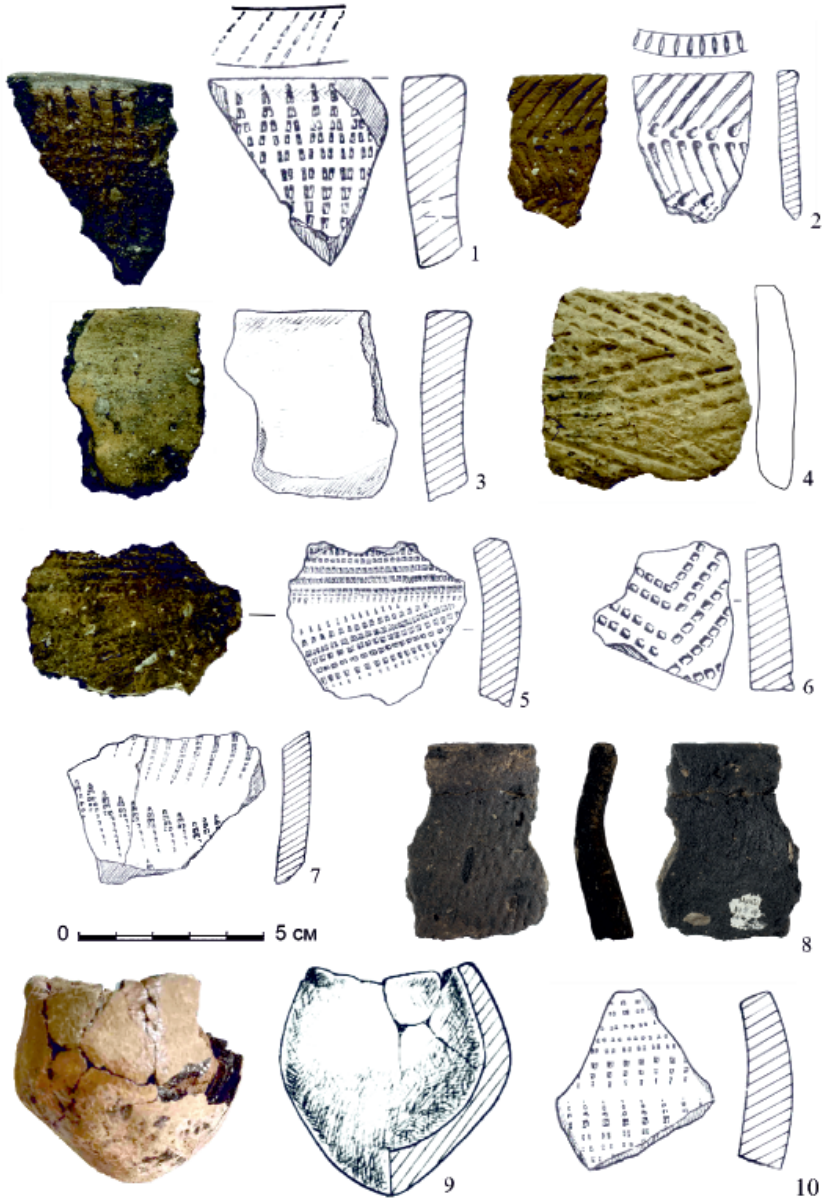

Рис. 4. Керамика поселения Монахов I.
Fig. 4. Pottery from the Monakhov I settlement.

го Подонья (Кияшко,1994, с. 112, рис. 26, 23). Есть определённое сходство и с кварцитовым наконечником со стоянки Пшеничное (Юдин, 2010, с. 368, рис. 4: 28). Один артефакт несёт на одной внешней и одной боковой поверхностях желобки, что позволяет предполагать его использование в качестве грузила. Кроме каменных изделий найдено четыре костяных острия.

В верхних пластах раскопа № 1 обнаружен наконечник стрелы (рис. 3: 4), форма которого находит аналогии в комплексах раннего и среднего бронзового века (Гей, 2025, с. 441, рис. 111: 4; с. 454, рис. 115: 14; Дергачёв, 2025, с. 125, рис. 92). В этом плане вполне вероятна его связь с керамикой, сходной с катакомбной. Но нельзя не отметить, что такие типы появляются в позднем энеолите (Кияшко, 1994, с. 112, рис. 26: 17–20; Котова, 2013, рис. 207: 24–29). Есть схожие формы и на стоянке Пшеничное (Юдин, 2012, с. 199, рис. 81: 18), доминирующая часть комплекса которой относится к алтатинской культуре, а часть соотносится с нижнедонскими материалами позднего энеолита (Юдин, 2012, с. 199, рис. 81: 10).

Что касается хронологических рамок алтатинской культуры, то до недавнего времени

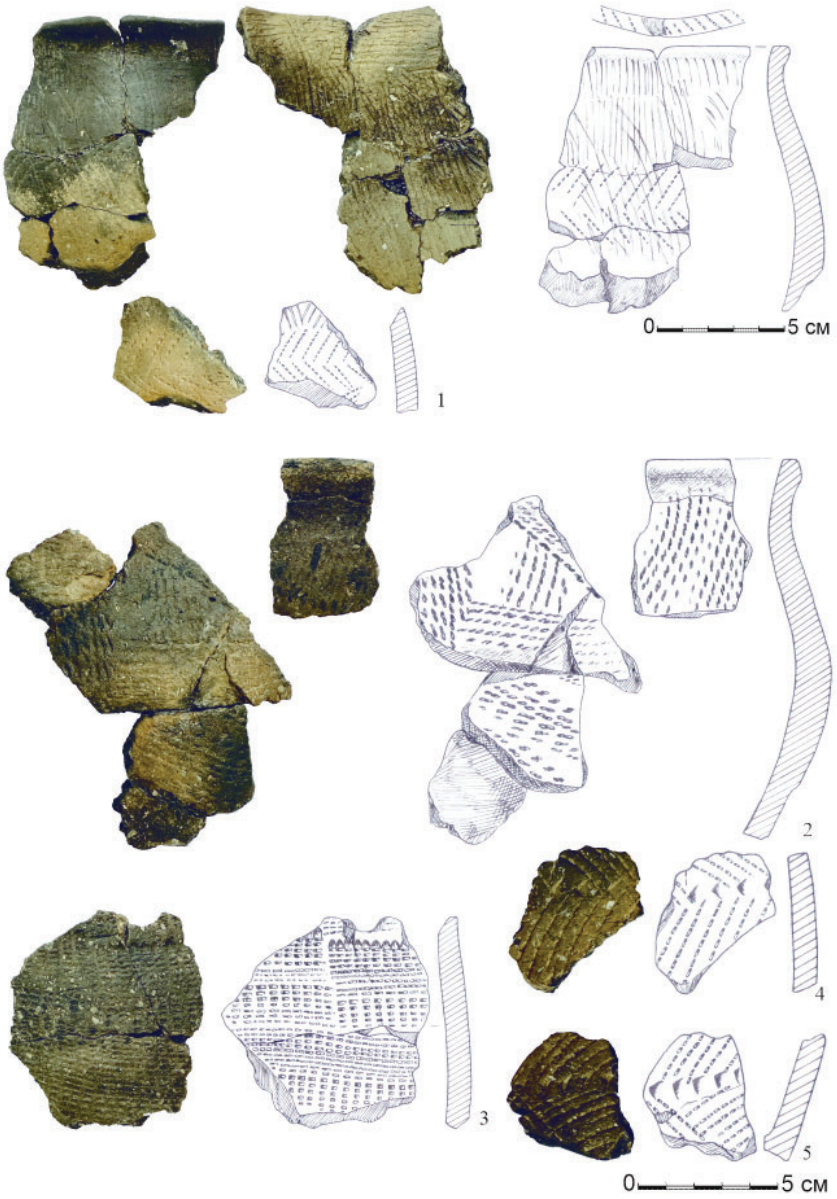

Рис. 5. Керамика алтатинской культуры поселения Монахов I.
Fig. 5. Altata culture pottery from the Monakhov I settlement.

для её материалов были известны лишь две даты. Первая для стоянки Ветёлки 5790 ± 80 BP (Юдин, 2008, с. 374), но она сделана по раковинам моллюсков, что по современным данным специалистов в области радиоуглеродного метода может приводить к удревнению. Вторая получена по органике в керамике стоянки Алтата 5120 ± 70 BP (Моргунова, 2011, с. 163). Третье значение для сосуда с ребром из комплекса Пшеничное 5240 ± 80 BP (Шалапинин, 2011, с. 20). Обе коррелируют с финалом хвалынской культуры (Дога, 2024, с. 18), но следует учитывать в посуде примесь раковины, что допускает некоторое удревнение возраста. Для алтатинского комплекса лесостепного Посурья со стоянки Русское Труёво 2 получены: по костям – дата 4790 ± 70 и по керамике – 4680 ± 70 BP, а для аналогичной посуды Русского Труёво I – 4740 ± 80 BP (Выборнов, 2012, с. 25). Непосредственно для материалов алтатинской культуры поселения Монахов I по костям животных получены даты 4928 ± 50 BP (2 сигма 3908–3633 BC) (SPb_4312), 4845 ± 50 (2 сигма 3713–3519 BC) (SPb_4442) и 4697 ± 45 (2 сигма 3626–3370 BC). По зубу кулана получено на AMS ещё одно значение – 4420 ± 44 BP (2 сигма 3331–2915 BC) (GV 06180). Последнее соотносится

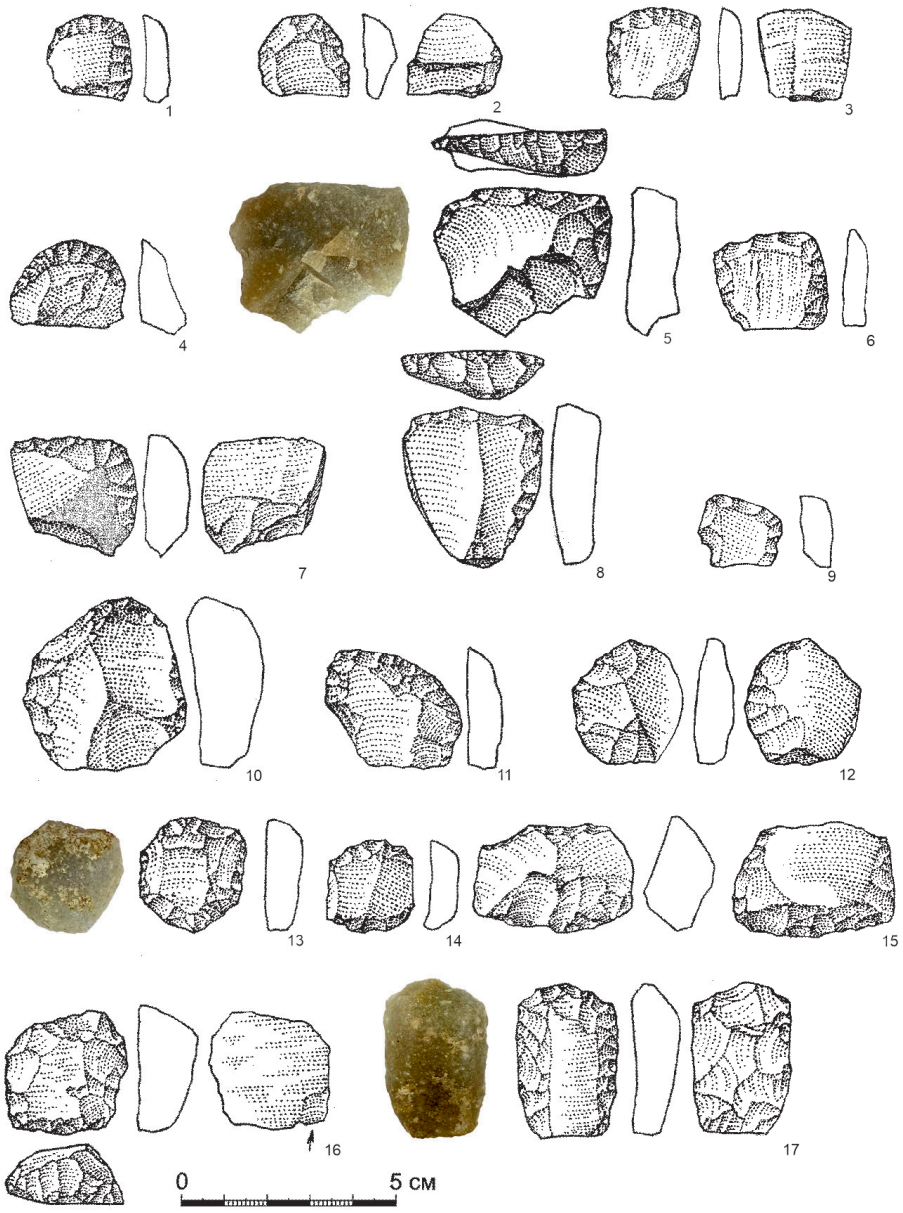

Рис. 6. Кварцитовые скребки поселения Монахов I.
Fig. 6. Quartzite scrapers from the Monakhov I settlement.

с маленьким сосудом, имеющим аналогии в ямной культуре (Кузнецов и др., 2018, с. 87, табл. 1), но нельзя исключать его принадлежность к алтатинской культуре.

Ещё несколько находок имеют важное значение для разработки вопроса о соотношении алтатинской и хвалынской культур. Один маленький фрагмент венчика (толщина 1,2 см) с примесью ракушки имеет плоский срез, а орнамент нанесён плетёными фактурами (рис. 3: 2). Такой способ украшения характерен для керамики хвалынской энеолитической культуры (Васильева, 2010, с. 165–167). Сходна с последней (по определению И.Н. Васильевой) и технология его изготовления: из жирной илистой глины с большой концентрацией дроблёной раковины, предварительно нагретой на костре. С этим венчиком хорошо коррелируют два кремнёвых орудия: концевой скребок с округлым рабочим лезвием из широкой пластины матового кремня светло-серого цвета из раскопа 2 (рис. 8: 10) и широкая пластина из аналогичного сырья с ретушью по продольной грани из раскопа 1 (рис. 3: 12). Аналогичные характеристики присущи материалам хвалынской культуры (Дога, 2024, с. 16). По костям тура (коллаген) получена дата 5600 ± 60 BP (2 сигма 4550–4336

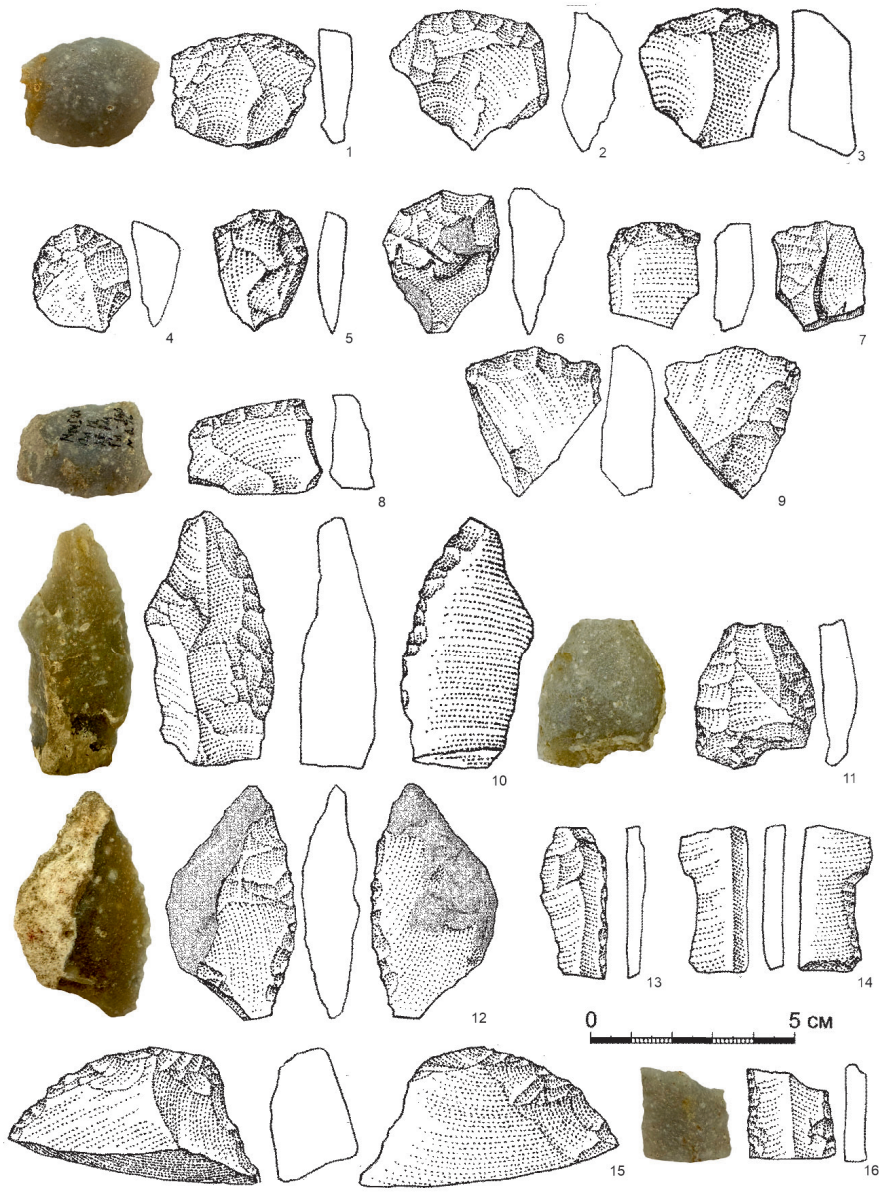

Рис.7. Кварцитовые орудия поселения Монахов I.
Fig. 7. Quartzite tools from the Monakhov I settlement.

ВС) (SPb_4315), которая чётко укладывается в хроноинтервал последней (Дога, 2024, с. 18). Исследователи не исключали определённый период сосуществования хвалынской и алтатинской культур, основываясь на обнаружении совместного залегания в одном слое стоянки Алтата, кроме алтатинской керамики, нескольких черепков хвалынского типа. Сопоставление полученных дат позволяет сделать вывод о более ранней позиции хвалынской культуры по отношению к алтатинской.

Значимы для вопроса о каменной индустрии алтатинской культуры семь находок из матового кремня серого цвета и полупрозрачного кремня чёрного цвета. Исследователи отмечали на эпонимной стоянке кроме доминирующих кварцитовых изделий небольшой процент кремнёвых пластин и орудий из них (Малов, 2008, с. 67). На поселении Монахов I найдены сработанный нуклеус конической формы высотой всего 2 см (рис. 8: 8), первичный скол с коркой, верхняя часть ножевидной пластины шириной 1,0 см (рис. 8: 13), нерегулярная пластина и три скребка (один на отщепе) концевого типа (рис. 8: 9, 11, 12). Такие признаки характерны для материалов

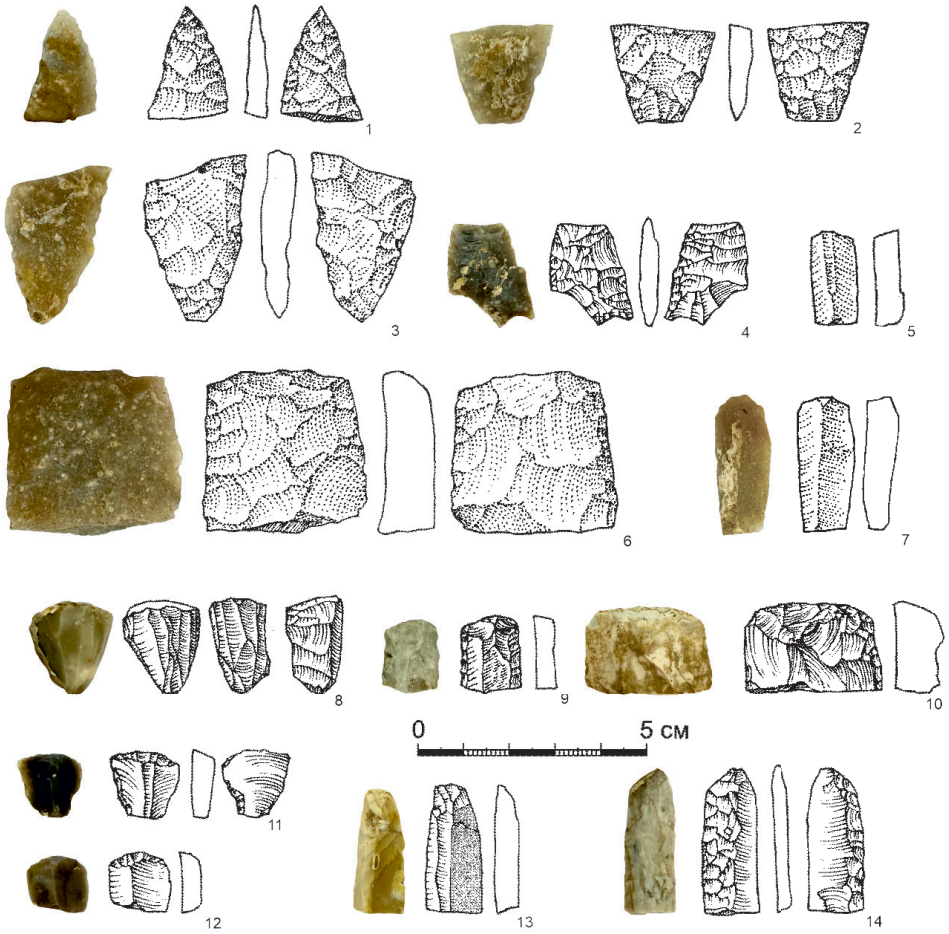

Рис. 8. Каменные орудия труда поселения Монахов I: 1-3, 5-7 – кварцит; 4,8-14 – кремень.
Рис. 8. Stone tools from Monakhov I settlement: 1-3, 5-7 – quartzite; 4,8-14 - flint

эпохи мезолита. Ещё один кремневый артефакт обнаружен в предматериковом слое (пл. 12) и представляет собой обломок пластины с пологой ретушью на одной продольной грани спинки и краевой обработкой на одной стороне с брюшка (рис. 8: 14). Нельзя исключать его принадлежность как к мезолиту, так и неолиту. Таким образом, связь кремнёвых изделий с алтатинским комплексом весьма проблематична.

В раскопе № 2 найдено около 1800 костей животных, 1560 из которых определены Н.В. Росляковой. Столь значительное количество находок, обнаруженных достоверно в энеолитическом слое, позволяет получить новые данные о хозяйстве алтатинской культуры. Следует отметить, что определения фауны на стоянке Алтата выявили только дикие виды животных (Малов, 2008, с. 70). По материалам поселения Монахов I кроме сайги и тарпана впервые для гомогенного комплекса алтатинской культуры достоверно выявлены и домашние виды: овца и крупный рогатый скот. Последние обнаружены в пластах 10 и 12, что значительно ниже стерильной прослойки, отделяющей слой позднего энеолита от вышележащего эпохи бронзы. По сути, это первые достоверные данные о видовом составе животных для алтатинской культуры. Это позволяет более обоснованно утверждать наличие производящего хозяйства у носителей алтатинской культуры.

В.И. Платововым проведён газохроматографический анализ нагара с поверхности двух образцов керамики этого типа (рис. 4, 8). Установлено, что в состав нагара входят жирные кислоты, характерные для растительных жиров. Соотношения кислот C16:0/C18:0=0-18, C12:0/C14:0 >0.15, C16:1/C18:1 >2.8). Это подтверждается процентным соотношением (C12:0 + C14:0)/(C12:0 + C14:0 + C18:2 + C18:3), которое составляет менее 18%

и указывает на остатки жирных кислот растительных масел. Кроме того, в исследуемых образцах содержится большое количество остатков ненасыщенной линолевой кислоты (C18:2), что свидетельствует о приготовлении в данных сосудах пищи растительного происхождения. Повышенное содержание пальмитолеиновой кислоты (C16:1) указывает на жиры животного происхождения. Если концентрация C16:0 ниже, чем C18:0, и также определяется небольшая концентрация C15:0 и C17:0 вместе с олеиновой кислотой (C18:1) и ее изомерами, органический остаток может происходить из жиров жвачных животных, включая молочные продукты. Присутствие в исследуемых экстрактах образца 2 остатков короткоцепочечных жирных кислот (C10:0) также указывает на то, что в керамических изделиях могли присутствовать молочные жиры жвачных животных.

Кроме основного комплекса, в верхнем слое найдено четыре экземпляра неорнаментированных черепков эпохи поздней бронзы. Ещё три фрагмента толщиной 0,8 и 1,0 см, включая придонные части от плоского дна, – из глины без примеси раковины, а на внутренней поверхности присутствует загладка зубчатым инструментом. Узор нанесён гребенчатым штампом средней ширины в виде горизонтальных рядов (рис. 3: 1–2) или вертикального зигзага (рис. 4: 4). Эта керамика находит аналогии в материалах эпохи средней бронзы катакомбного (Малов, Филипченко, 1995, с. 58, рис. 4: 9, 11, 15) типа. Нельзя обойти вниманием и первую для катакомбной культуры Нижнего Поволжья дату по костям животных – 4125 ± 50 BP (2 сигма 2878–2506 BC) (SPb_4313). Она хорошо соответствует возрасту как полтавкинских комплексов лесостепного Поволжья (Кузнецов и др., 2018, с. 89, табл. 2), так и катакомбных Подонья (Кияшко, 2024, с. 149).

Выводы

Исследование поселения Монахов I позволило получить стратиграфическое разделение комплексов среднего бронзового века и позднего энеолита. Их различают как типолого-технологические показатели керамического инвентаря, так и радиоуглеродные даты: 4900–4700 лет BP (3900–3600 BC) и 4100 лет BP (2900 BC). Это даёт основание рассматривать комплекс алтатинской культуры как гомогенный. Керамика алтатинской культуры изготовлена из илистой глины или из ила. Фиксируется плоскодонность. По морфологии, способам орнаментации и композициям сосуды находят аналогии и в более северных лесостепных материалах, что указывает на взаимодействие населения этих регионов. Примечательно нанесение узоров, в том числе плетёными фактурами, типичными для посуды хвалынской культуры, что не исключает преемственность керамических технологий. Материалы эпохи раннего металла представлены каменным инвентарём, доминирующим сырьём для которого служил кварцит. Индустрия отщеповая. Среди категорий изделий доминируют концевые и конце-боковые скребки. Представлены экземпляры с подтёской брюшка. Ножи прямолезвийные. Бифасиальные наконечники с прямым коротким основанием. Такие типы изделий характеризуют комплекс алтатинской культуры. Выделяется кремнёвый наконечник флажкового типа с выемкой в основании, присущий константиновской культуре позднего энеолита, что предполагает контакты с населением Нижнего Подонья. Кроме диких видов животных впервые достоверно установлено у носителей алтатинской культуры наличие мелкого и крупного рогатого скота, что подтверждается и результатами липидного анализа. Обнаружение на поселении миниатюрного сосуда, сходного с ямными типами, требует осмысления. Единичные находки керамики и кремнёвых артефактов хвалынской культуры обнаружены в нижних пластах, что предполагает их более раннюю временную позицию по отношению к алтатинским материалам. Это подтверждается и датой – 5600 лет BP. Несколько кремнёвых изделий относятся к эпохе мезолита, что исключает их из состава алтатинского комплекса.

Благодарность: Авторы выражают большую благодарность И.Н. Васильевой, В.И. Платонову и Н.В. Росляковой за результаты анализов.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура / Под ред. С.А. Агапова. Самара: Поволжье, 2010. С.153–179.

Васильева И.Н., Королёв А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка III: морфология и технология // Самарский край в истории России. Вып. 7 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 2020. С. 199–210.

Выборнов А.А. О радиоуглеродных датах по керамике и другим материалам // Проблемы истории, археологии, образования / Отв. ред. О.Д. Мочалов. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2012. С. 15–31.

Гей А.Н. Ранний бронзовый век // История России. Т. 1 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2025. С. 438–458.

Дергачёв В.А. Ямная культура Карпато-Подунавья. Т. II. Кишинэу: Stratum Plus. 2025. 528 с.

Дога Н.С. Энеолитизация Нижнего Поволжья. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Казань. 2024. 25 с.

Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита – бронзы Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 95–134.

Кияшко А.В. Родовые склепы раннекатакомбного времени на Нижнем Дону и вопросы генезиса катакомбного обряда // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 4. С. 127–155.

Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. 132 с.

Котова Н.С. Дереивская культура и памятники нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан, 2013. 486 с.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У. Грачёвские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: СГСПУ. 2018. 195 с.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточноевропейской степи. Вып. 6 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2008. С. 32–134.

Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 4 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб: ИИМК РАН, 1995. С. 52–62.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 1974. 261 с.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труёво 2 на Верхней Суре и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. Вып. 2. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2002. С. 91–103.

Шалапинин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 25 с.

Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на р. Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 36–56.

Юдин А.И. Алтатинская энеолитическая культура Нижнего Поволжья // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. С. 363–380.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 212 с.

Информация об авторах:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Гилязов Филат Фаритович, научный сотрудник, научно-исследовательская часть, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); filatgiljazov12@gmail.com.

Дога Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); natalidoga@yandex.ru

Юдин Александр Иванович, доктор исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе, Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия (г. Саратов, Россия); aleyudin@yandex.ru.

Кулькова Марианна Алексеевна, доктор геолого-минералогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет (г. Санкт-Петербург, Россия); kulkova@mail.ru

Пархомчук Екатерина Васильевна Кандидат химических наук, заведующая лабораторией изотопных исследований «AIsotope», Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия); evparkhom@yandex.ru

REFERENCES

Vasilieva, I. N. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsk Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials*). Samara: "Povolzh'e" Publ., 133-152 (in Russian).

Vasilieva, I.N., Korolev, A.I., Shalapinin, A.A. 2020. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii krai v istorii Rossii (Samara Region in the History of Russia)* 7. Samara: Regional Museum of Local Lore, 199–210 (in Russian).

Vybornov, A. A. 2012. In Mochalov, O. D. (eds.). *Problemy istorii, arkheologii, obrazovaniya (Issues of history, archaeology, education)*. Samara: Volga State Social and Humanitarian Academy, 15–31 (in Russian).

Gey, A. N. 2025. In Makarov, N.A. (ed.). *Istoriia Rossii (The History of Russia).* Vol. I. Moscow: "Nauka" Publ., 438–458 (in Russian).

Dergachev, V. A. 2025. *Iamnaia kultura Karpato-Podunavia (Yamnaya Culture of the Carpathian-Danube Region)* Vol. 2. Chisinau: "Stratum plus" Publ. (in Russian).

Doga, N. S. 2024. *Eneolitizatsiia Nizhnego Povolzhia (Eneoliticization of the Lower Volga region).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Dubiagin, P.S., Chikrizov, F.D., Churinov, V.A.,Vasiliev, I.B., Vybornov, A.A.1982. In Merpert, N.Ya. (ed.) Volgo-Uralskaia step i lesostep v epokhu rannego metalla *(The Volga-Urals steppe and the forest steppe in the era of early metal).* Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 95–134 (in Russian).

Kiyashko, A. V. 2024. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 4 (23), 127–155 (in Russian).

Kiyashko, V. Ya. 1994. *Mezhdu kamnem i bronzoy (Between the Stone and Bronze).* Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum (in Russian).

Kotova, N. S. 2013. *Dereivskaya kultura i pamyatniki nizhnemihaylovskogo tipa (Dereivka culture and sites of the Lower Mikhaylovka type)*. Kiev; Kharkov: "Maydan" Publ. (in Russian).

Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D., Khokhlov, A. A., Antony, D. W. 2018. *Grachevskie kurgany. Arkheologiya, antropologiya, genomnyy analiz (Grachyovka barrows. Archaeology, anthropology, genomic analysis).* Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Malov, N. M. 2008. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* 6. Saratov: Saratov State University, 32–134 (in Russian).

Malov, N. M., Filipchenko, V. V. 1995. In Masson, V. M. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* (4). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 52–62 (in Russian).

Merpert, N. Ya. 1974. *Drevneishie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya (The Oldest Herdsmen of the Volga-Ural Interfluve)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Poplevko, G. N. 2007. *Metodika kompleksnogo issledovaniia kamennykh industrii (Methodology of the Complex Research of Stone Industries)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Stavitskiy, V. V. 2002. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski* (*Archaeological Notes*) 2. Rostov-on-Don: "Don archaeological society" Publ., 91–103 (in Russian).

Shalapinin, A. A. 2011. *Kul'turno-khronologicheskoe sootnoshenie pozdneeneoliticheskikh kompleksov Srednego Povolzh'ia (Cultural and Chronological Correlation between Late Eneolithic Complexes of the Middle Volga Region)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Yudin, A. I. 1986. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiya (Ancient cultures of the Northern Pre-Caspian Region)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 36–56 (in Russian).

Yudin, A. I. 2010. In Kamenetskii, I. S., Sorokin, A. N. (eds.). *Chelovek i drevnosti: Pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) (Man and Antiquities: In memory of Alexander Alexandrovich Formozov (1928-2009))*. Moscow: "Grif i K" Publ., 363–380 (in Russian).

Yudin, A. I. 2012. *Poselenie Kumyska i eneolit stepnogo Povolzh'ia (Kumyska Settlement and the Eneolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Vybornov Aleksandr A., Doctor of Historical Sciences, professor, Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; E-mail: vibornov_kin@mail.ru.

Doga Natalia S., Candidate of historical sciences, senior lecturer, Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; E-mail: natalidoga@yandex.ru.

Gilyazov Filat F., researcher of the scientific and research part, Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; E-mail: filatgiljazov12@gmail.com.

Yudin Aleksandr I., doctor of historical sciences, deputy director for scientific work; Research Center for the Preservation of Cultural Heritage E-mail: aleyudin@yandex.ru.

Kulkova Marianna A., doctor of geological and mineralogical sciences, professor of Geology and Geoecology Department; Herzen State Pedagogical University of Russia, nab. Moyki, 48/12, St. Petersburg, 191186, Russian E-mail: kulkova@mail.ru.

Parhomchuk Ekaterina V., Candidate of Chemical Sciences, Laboratory of isotope research «AIsotope». Akademika Lavrentieva ave. 17, 630090, Novosibirsk, Russian Federation; evparkhom@yandex.ru.

Статья поступила в журнал 13.12.2025 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904+902.2+544(479.24) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.35.50

FIRING CONDITIONS, MINERALOGICAL COMPOSITION AND MICROSTRUCTURAL CHARACTERISTICS OF PREHISTORIC CERAMICS FROM AZERBAIJAN

©2026, A. Ahadova, F. Guliyev, S. Mammadov, A. Ahadov

The aim of this study is to investigate the firing conditions, mineral assemblage and microstructural characteristics of prehistoric ceramics from Azerbaijan using an integrated archaeometric approach. Twelve ceramic fragments from six Neolithic and Chalcolithic archaeological sites were selected as case-study samples intended to demonstrate the applicability of integrated archaeometric methods rather than to provide a statistically representative characterization of prehistoric pottery in Azerbaijan. The scientific novelty of the study lies in the integrated archaeometric comparison of ceramic materials from multiple archaeological sites through the combined application of thermal analysis (TG/DTG/DTA), X-ray diffraction (XRD) and scanning electron microscopy (SEM). The results indicate that the ceramics were fired at relatively moderate temperatures, generally around 700 °C. The ceramic matrix is dominated by quartz and feldspar phases (predominantly albite), whereas the preservation of calcite suggests incomplete thermal decomposition. Thermal analysis revealed characteristic transformation stages, and SEM observations demonstrated the preservation of lamellar structures in the archaeological samples and their modification after experimental heating. The analyzed samples display broadly similar thermal and mineralogical characteristics, although the limited dataset does not permit broader conclusions regarding regional ceramic production traditions.

Keywords: Pottery; Archaeometry; Prehistoric; Archaeology; South Caucasus

УСЛОВИЯ ОБЖИГА, МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ И МИКРОСТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА

А. Ахадова, Ф. Гулиев, С. Мамедов, А. Ахадов

Целью настоящего исследования является изучение условий обжига, минерального состава и микроструктурных особенностей доисторической керамики Азербайджана с использованием комплексного археометрического подхода. В качестве исследовательских образцов были отобраны двенадцать керамических фрагментов из шести неолитических и энеолитических археологических памятников. Данные образцы рассматриваются как материалы для сравнительного исследования, направленного на демонстрацию возможностей комплексных археометрических методов, а не как статистически репрезентативная выборка неолитической и энеолитической керамики Азербайджана. Научная новизна работы заключается в комплексном сравнительном археометрическом исследовании керамических материалов из нескольких археологических памятников на основе совместного применения методов термического анализа (TG/DTG/DTA), рентгенодифракционного анализа (XRD) и сканирующей электронной микроскопии (SEM). Полученные результаты показывают, что керамика обжигалась при относительно умеренных температурах, преимущественно около 700 °C. Керамическая масса характеризуется преобладанием кварца и полевых шпатов (главным образом альбита), тогда как сохранность кальцита свидетельствует о неполном термическом разложении карбонатной составляющей. Термический анализ выявил характерные стадии минералогических преобразований, а результаты SEM показали сохранение пластинчатых структур в археологических образцах и их изменение после экспериментального нагрева. Исследованные образцы демонстрируют в целом сходные термические и минералогические характеристики, однако ограниченный объём выборки не позволяет делать более широкие выводы о региональных традициях производства керамики.

Ключевые слова: Керамика; Археометрия; Доисторический период; Археология; Южный Кавказ

Introduction

The study of prehistoric ceramics plays a crucial role in evaluating technological traditions, economic practices, and cultural interactions of early agricultural societies. In the South Caucasus (Kohl, Trifonov, 2014, p. 1575-1580),

particularly in Azerbaijan, Neolithic (Maynard et al., 2022) and Eneolithic settlements such as Shomutapa, Hasansu, Goytapa (Alakbarov, 2018), Hajialamkhanli (Taylor, Maynard, 2011), Menteshtapa (Lyonnet et al., 2016, p. 172-178) and Ismayilbaytapa (Herrscher et al., 2018) represent important archaeological sites associated with early sedentary communities (Nishiaki et al., 2015).

The investigated sites are associated with early farming communities in the Kura River basin (Lyonnet, Guliyev, 2010). These settlements represent important centers of early sedentary life in the South Caucasus (Akhundov et al., 2019, p. 23-29), where ceramic production played a key role in daily activities such as food preparation and storage. These sites provide important archaeological context for interpreting the firing practices and material characteristics of ceramic production in prehistoric Azerbaijan.

Research has mostly concentrated on typology and chronology despite the large-scale archaeological excavations carried out in Azerbaijan; the technological elements of pottery manufacture have not received enough attention. The physicochemical characteristics of ceramics, the choice of raw materials, and fire conditions have all received little consideration. To better understand the characteristics of historical pottery manufacture in this area, an integrated archaeometric approach is therefore necessary. Figure 1 displays the geographic distribution of the locations under study.

The Baku–Tbilisi–Ceyhan (BTC) oil pipeline project played a significant role in advancing archaeological research in Azerbaijan. Between 2001 and 2011, large-scale salvage excavations along the pipeline corridor led to the discovery of numerous prehistoric sites and the recovery of ceramic materials. The samples analyzed in this study were obtained within the framework of these BTC-funded archaeological investigations.

Archaeometry, as an interdisciplinary field combining methods of physics, chemistry, and archaeology, provides powerful tools for investigating ceramic materials. In particular, thermal analysis and X-ray diffraction allow the identification of mineral phases (Maggetti, 1982), evaluation of thermal transformations, and estimation of firing temperatures (Moropoulou, 1995). SEM microstructural analysis, together with thermal analysis and X-ray diffraction, offers valuable information on the structural development of ceramic materials during firing. SEM analysis allows direct observation of features such as lamellar clay structures, pore development, and sintering effects, which are essential for interpreting thermal transformations and validating results obtained from TG/DTG/DTA and XRD analyses.

Therefore, the integration of thermal analysis (TG/DTG/DTA), X-ray diffraction, and SEM microstructural analysis provides a useful approach for assessing firing conditions and selected technological parameters of prehistoric ceramics.

The purpose of this study is to investigate the thermal, X-ray diffraction, and microstructural properties of twelve ancient pottery fragments from six Azerbaijani archaeological sites. This study contributes additional archaeometric data for the investigation of prehistoric ceramics in the South Caucasus.

Archaeological sites

The ***Shomutapa*** settlement, situated in the vicinity of the Aghstafa railway station, represents one of the key Neolithic sites of the South Caucasus and is dated to the sixth–fourth millennia BC. The site was extensively investigated between 1960 and 1964 under the direction of the prominent Azerbaijani archaeologist I.G. Narimanov (Narimanov, 1987). Covering an area of approximately 1 ha, the cultural deposit reaches a maximum thickness of 1.5 m.

Archaeological excavations revealed the remains of circular domestic structures constructed from mudbrick and coated with clay plaster. These dwellings generally range between 2 and 4 m in diameter. In addition, smaller circular utility buildings measuring 1–1.5 m in diameter were identified within the settlement. Hearth installations attached to interior walls, as well as within adjacent open spaces, indicate the organization of domestic activities. The material assemblage recovered from the site includes a wide range of artifacts manufactured from clay, stone, and bone. Ceramic production is represented primarily by simple, flat-based vessels formed from clay tempered predominantly with sand and, to a lesser extent, with vegetal inclusions such as straw. Ground stone implements, including querns, grinders, and mortars, were recovered alongside polished stone axes, blade-like lithic tools, scrapers, perforators, and other utilitarian objects. Particularly noteworthy are

Fig. 1. Location of the studied archaeological sites in Azerbaijan in relation to the Baku–Tbilisi–Ceyhan (BTC) pipeline.
Рис.1. Расположение исследованных археологических памятников Азербайджана относительно трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (BTC).

agricultural implements such as primitive sickles composed of bone or wooden handles fitted with flint and obsidian inserts. Bone and antler hoes, numerous awls, spoons, and anthropomorphic figurines further illustrate the technological and cultural practices of the settlement's inhabitants. Archaeobotanical evidence has yielded remains of barley, as well as both free-threshing and hulled wheat varieties, while faunal assemblages include domesticated cattle, sheep and goats, pigs, and various wild animal species.

According to archaeological interpretations, Shomutapa, together with contemporaneous settlements distributed across the Ganja–Gazakh plain and the Marneuli plain of Georgia, represents an early stage in the development of farming and animal husbandry in the South Caucasus. The ceramic assemblage characteristic of the Shomutapa cultural tradition consists predominantly of handmade, brown to greyish vessels with flat bases, simple forms, and an absence of handles. One pottery sherd recovered from the site was selected for the present work (Fig. 2). The analyzed fragment belongs to a ceramic tradition in which some vessels were produced using clay tempered with chopped straw, whereas the majority contain sand, crushed stone, and grog inclusions. Decorative treatment includes applied plastic ornamentation and, in certain cases, painted motifs executed in red pigment. The subsistence economy of the Shomutapa population was based primarily on agriculture and animal husbandry, supplemented by hunting and fishing activities. Archaeobotanical investigations conducted at Shomutapa cultural sites have identified remains of cultivated or wild barley, wheat, and grape seeds, providing valuable evidence for the economic practices of early agricultural communities in the region.

Menteshtapa is a multilayered archaeological settlement located in the Tovuz region of western Azerbaijan and represents one of the most significant prehistoric sites investigated in recent decades. Between 2008 and 2013, a joint Azerbaijani–French archaeological mission conducted extensive excavations at the site, revealing a long sequence of occupation extending from the Neolithic to the Early Bronze Age (Lyonnet et al., 2016). The investigations identified three major occupational phases, documenting nearly four millennia of cultural development in the region.

Radiocarbon dating indicates that the earliest phase of settlement corresponds to the Late Neolithic period, approximately 5800–5700 BC. This occupation level is characterized by circular architectural structures constructed from mudbrick. The associated ceramic assemblage consists mainly of plant-tempered wares, including both burnished and painted pottery. Although the material culture recovered from this horizon is relatively limited in quantity, several discoveries are of particular archaeological significance. Among these are a copper-based

metal object and fragments of azurite recovered from one of the circular buildings, providing valuable evidence for the early use of mineral resources and metallurgical knowledge in the South Caucasus.

One of the most remarkable discoveries at Menteshtapa derives from the Late Neolithic cultural deposits, where a collective burial pit containing the remains of 38 individuals was uncovered. Juvenile skeletons constitute a substantial proportion of the assemblage, making this feature particularly important for studies of prehistoric demography and mortuary practices.

For the present archaeometric investigation, a pottery fragment attributed to the Chalcolithic occupation of the site was selected for analysis (Fig. 2). The specimen originates from the collections of the Institute of Archaeology and Anthropology of the Azerbaijan National Academy of Sciences, where the archaeological materials recovered from Menteshtapa are currently curated.

Ismailbaytapa is a Neolithic settlement located northeast of Khindiristan village in the Aghdam district of Azerbaijan, approximately 250 m west of the Guzanli–Khindiristan highway. The site consists of a mound measuring approximately 100 m in diameter and 4 m in height. Its eastern, southern, and western margins have been partially affected by irrigation channels; however, apart from minor disturbances, the mound remains relatively well preserved.

Archaeological investigations commenced in 2012 with the excavation of a 100 m² area on the eastern slope of the mound. Between 2012 and 2016, the excavation area was expanded to 400 m², encompassing four excavation squares. These investigations led to the identification and study of fifteen architectural features belonging to four successive construction phases, providing important insights into the occupational history of the settlement. Surface surveys and excavations yielded exclusively ceramic materials associated with the Karabakh Neolithic cultural tradition. The pottery assemblage is characterized predominantly by reddish fabrics, with both surfaces exhibiting varying degrees of firing and thermal alteration. Several sherds display red-ochre and chestnut-colored hues. Among the recovered materials are fragments of loop handles, pottery sherds bearing wedge-shaped incisions, and vessels decorated with impressed and incised ornamental motifs. The ceramic specimen selected for the present archaeometric study belongs to a storage vessel recovered from Ismayilbeytepe (Fig. 2). This sample was chosen as representative of the Neolithic ceramic tradition of the settlement and was subjected to detailed mineralogical and technological analyses.

In 2005, during the construction of the Baku–Tbilisi–Ceyhan oil pipeline, a Neolithic kurgan-type burial monument was discovered on the left bank of the Hasansu River in the Agstafa region of Azerbaijan. The site derives its name, Hasansu, from the nearby river. Archaeological investigations previously conducted at the ***Hasansu*** settlement were continued in 2011 within Excavation Square VIII, which covered an area located near the central part of the settlement.

A sterile layer separating the cultural deposits into two distinct stratigraphic phases was clearly observed in Square VIII, consistent with earlier excavations. During the investigations, at a depth of approximately 1.5–1.7 m, the remains of a mudbrick structure were uncovered adjacent to the northern profile of the excavation trench. The exposed feature represented approximately one-half of a circular-plan room. Since this structure and several associated architectural fragments were constructed directly above the sterile layer, they can be attributed to the second occupational phase of the settlement. The burial practices documented within the kurgan, together with the ceramic, lithic, and metal artifacts, as well as various ornamental objects recovered during excavation, have been comprehensively analyzed and compared with analogous archaeological materials from other sites in the South Caucasus. These studies have contributed significantly to the understanding of Neolithic cultural traditions in the region. The ceramic fragment (Fig. 2) selected from the Hasansu assemblage for the present archaeometric investigation was identified as belonging to a domestic utilitarian ware used in everyday household activities.

Hajialamkhanli is a Neolithic settlement located approximately 8 km east of Tovuz city and 1.5 km northeast of the well-known Neolithic site of Goytepe in western Azerbaijan. The settlement is represented by a mound measuring approximately 60 m in width, 80 m in length, and 1.5 m in height. Archaeological investigations commenced in 2012 and were conducted in parallel with the excavations at Goytepe. Fieldwork continued during the 2013 season, providing important data on the Neolithic

occupation of the region. Excavations were carried out within a 10 × 10 m trench located near the center of the mound. These investigations revealed a Neolithic cultural layer approximately 1.5 m thick. Within this deposit, four architectural horizons containing mudbrick building remains were identified, indicating successive phases of occupation. Among the most notable discoveries was an architectural feature resembling the numeral "8", uncovered in the central part of the settlement during investigations led by archaeologist Farhad Guliyev. Similar figure-eight-shaped structures were subsequently identified in other areas of the mound and within different construction horizons, suggesting that this architectural form may have been a recurring element of the settlement's building tradition. One of the excavated ovens was associated with a mudbrick partition wall. Its interior contained substantial ash deposits, numerous charcoal fragments, and burned stone and bone remains. Archaeological evidence demonstrated that this oven had been constructed directly above an earlier oven, indicating continuity in the use of domestic space. Another oven identified in the central sector of the settlement was surrounded by four small circular postholes of similar diameter (13–17 cm). These features have been interpreted as post supports associated with the roof structure of a dwelling. To the west of the oven, two pits and a storage installation were discovered adjacent to a wall. These clay-lined pits, measuring approximately 15–20 cm in depth, are thought to have functioned as storage facilities. In addition to the central oven, two further hearths were documented within the excavation area. Unlike the storage pits and architectural features, these hearths did not exhibit a direct structural association with surrounding buildings. Nevertheless, animal bones and river pebbles were recovered from their vicinity. The artifact assemblage includes several noteworthy finds, particularly an obsidian core, numerous bone awls, and sickle elements secured with bitumen. Collectively, the archaeological evidence demonstrates a long-term and structured pattern of habitation at Hajialamkhanli. The architectural remains exposed during excavation are of considerable chronological significance, representing some of the earliest stages of Neolithic settlement development in the South Caucasus. The buildings constructed at the beginning of the sixth millennium BC provide important evidence for understanding the emergence and development of early farming communities in the region. A ceramic sherd recovered from the site was selected for laboratory-based archaeometric analysis in the present study (Fig. 2).

Goytapa, dated to the sixth millennium BC, is one of the largest and most significant Neolithic archaeological complexes in the South Caucasus (Nishiaki et al., 2015). The site is located in the Tovuz district of western Azerbaijan, approximately 10 km east of the district center and 340 m from the Baku–Gazakh highway. Since 2008, extensive archaeological investigations have been carried out through an international collaboration involving Azerbaijani, Japanese, and French researchers. The settlement mound measures approximately 145 m in diameter and 9 m in height. Under the direction of archaeologist Farhad Guliyev, the Goytapa Archaeological Expedition conducted systematic excavations over an eight-year period, investigating an area of nearly 1000 m². During the 2013–2014 field seasons, excavations in the northeastern sector of the mound reached the natural subsoil, allowing the complete stratigraphic sequence to be documented. As a result of these investigations, fourteen architectural horizons were identified, providing an exceptionally detailed record of Neolithic occupation and settlement development.

Archaeological evidence demonstrates that Goytapa represents an advanced stage in the development of Neolithic communities in the South Caucasus. Excavations revealed numerous mudbrick architectural complexes, including both large and small circular structures, interconnected residential units, projecting walls, hearth installations, and associated domestic features. Smaller circular buildings were connected to larger structures by substantial walls, forming enclosed courtyard spaces. The arrangement of these architectural units into small neighborhood-like clusters reflects important social and economic transformations within Neolithic society. The architectural layout, spatial organization, and stratigraphic continuity documented at Goytapa provide valuable insights into patterns of social organization and community development during the Neolithic period. Detailed analysis of the stratigraphic sequence has also contributed significantly to the understanding of Neolithic architectural traditions and settlement dynamics in the South Caucasus. The excavations yielded a rich assemblage of

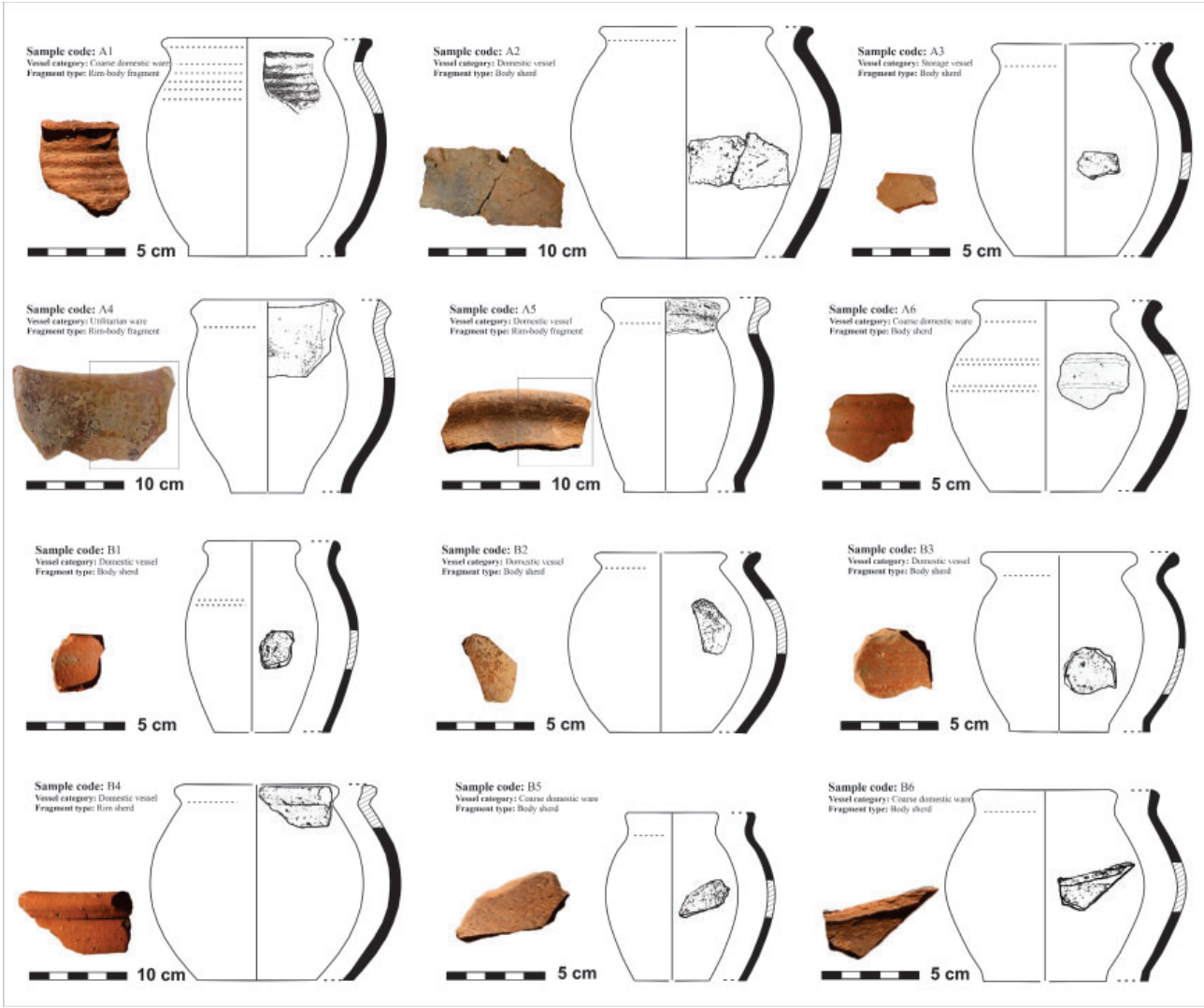

Fig. 2. Archaeological ceramic fragments selected for archaeometric analyses and their schematic evaluation (the highlighted areas indicate the approximate position of the analyzed fragments within the reconstructed vessel profiles). Shomutapa – A1, B1; Menteshtapa – A2, B2; Ismailbaytapa – A3, B3; Hasansu – A4, B4; Hajialamkhanli – A5, B5 and Goytapa – A6, B6.

Рис. 2. Археологические фрагменты керамики, отобранные для археометрического анализа, и их схематическая оценка (выделенные области указывают приблизительное положение анализируемых фрагментов в пределах реконструированных профилей сосудов). Шомутапа – A1, B1; Ментештапа – A2, B2; Исмаилбайтапа – A3, B3; Хасансу – A4, B4; Хаджиаламханли – A5, B5 и Гойтапа – A6, B6.

material culture, including finely crafted stone and bone tools, implements, and weapons, all of which have considerable scientific importance for evaluating technological and economic practices of early farming communities. The exceptional preservation and diversity of archaeological remains have established Goytapa as a key reference site for the study of the Neolithic in the region. In April 2012, the President of the Republic of Azerbaijan, Ilham Aliyev, visited the site and reviewed the ongoing archaeological investigations. Subsequently, a special decree was issued concerning the establishment of the Goytapa Archaeological Park, recognizing the outstanding cultural and scientific significance of the monument. Numerous ceramic fragments recovered during the excavations are currently preserved in the collections of the Institute of Archaeology and Anthropology. The pottery sherd selected for the present archaeometric study was obtained from this collection (Fig. 2).

Literature Overview

In recent decades, archaeometric approaches have become an essential tool for investigating prehistoric ceramic production technologies. To ascertain the mineralogical composition,

detect phase transitions, and calculate the firing temperatures of ancient ceramics, analytical methods like thermal analysis and XRD are frequently employed (Cultrone et al, 2001).

According to earlier research, mineralogical markers like muscovite and calcite are crucial for recreating fire conditions. While the presence of muscovite indicates insufficient thermal transformation of clay minerals, the survival of calcite in ceramic matrices is frequently linked to relatively low firing temperatures, usually below 750–800 °C. Quartz and feldspar are common constituents of ceramic fabrics and may derive from either the natural phase composition of clays or from added inclusions; however, distinguishing between these possibilities requires additional petrographic investigation.

Early ceramic production was frequently characterized by moderate firing temperatures and variable mineralogical compositions reflecting different geological environments, according to research done in areas like Anatolia (Sagona, 2004), the Near East (Kingery, 1988; Maniatis, 1981), and Europe (Tite, 1975) (Korolev, 2024; Gusentsova, 2024; Mosin, 2024; Kolpakov et al., 2024; Kirichenko, 2022; Kirichenko, 2023). These investigations highlight how crucial it is to combine several analytical techniques in order to produce accurate interpretations of ceramic mineral assemblage (Quinn, 2013).

Although archaeometric studies of prehistoric ceramics have been conducted in Anatolia, the Near East and Eastern Europe (Rathossi, Pontikes, 2010), comparable integrated TG/DTG/DTA, XRD and SEM investigations remain extremely limited for Neolithic and Chalcolithic ceramics of Azerbaijan. Therefore, the present study provides a comparative dataset linking thermal behaviour, mineralogical composition and microstructural observations for prehistoric ceramics from several Azerbaijani archaeological sites.

Archaeological studies in the South Caucasus have yielded important details on the distribution, type, and dating of Neolithic and Eneolithic pottery. Nevertheless, there are still very few in-depth archaeometric studies that concentrate on the physicochemical characteristics and manufacturing processes of ceramics in Azerbaijan. Instead of focusing on material composition and firing circumstances, the majority of current research has focused on cultural and stylistic elements.

To better understand ancient pottery manufacture in this area, integrated research combining thermal and mineralogical data are obviously needed (Bakhmatova, 2018). By using integrated TG/DTG/DTA, XRD, and SEM techniques on ceramic materials from many archaeological sites in Azerbaijan, the current work contributes new data on firing conditions, mineral assemblage and microstructural characteristics of prehistoric ceramics from Azerbaijan.

The significance of integrating microstructural analysis with thermal and mineralogical techniques has been highlighted by recent archaeometric research. SEM studies have shown that vitrification characteristics, pore morphology, and the preservation or collapse of lamellar clay structures may be used as accurate markers of firing temperature and thermal behaviour procedures. When it comes to finding incomplete mineral transformations and differentiating between low-fired and high-fired ceramics, the combination of SEM with TG/DTG/DTA and XRD investigations has been very successful. However, such combined approaches remain relatively limited in studies focused on prehistoric ceramics of the South Caucasus region (Ashley, 2022), highlighting the significance of the present work (Agalarov, Guliyev, 2025).

The current work is not typical since it applies these complimentary techniques to ceramic samples from many archeological sites, offering a comparative dataset on microstructural features, XRD-derived mineral phases, and fire circumstances.

Methodology

The analyzed ceramic samples were obtained from several well-known Neolithic and Eneolithic archaeological sites in Azerbaijan and were provided for analysis by Dr. Farhad Guliyev, Director of the Institute of Archaeology and Anthropology of the Azerbaijan National Academy of Sciences. The analyses were carried out by the author at the Institute of Physics of the Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan.

The analyzed ceramic fragments originate from six archaeological sites located within the Kura River basin and investigated during the Baku–Tbilisi–Ceyhan (BTC) pipeline archaeological project. Shomutapa, Hasansu, Goytapa and Hajialamkhanli are generally attributed to the Early Neolithic period and are

*Table 1.*Archaeological characteristics of analyzed ceramic samples
Таблица 1. Археологические характеристики проанализированных образцов керамики.

Sample	Site	Period	Cultural affiliation	Context	Vessel category	Fragment type
A1	Shomutapa	Early Neolithic	Shomutapa-Shulaveri	habitation layer	Coarse domestic ware	Rim-body fragment
B1	Shomutapa	Early Neolithic	Shomutapa-Shulaveri	habitation layer	Domestic vessel	Body sherd
A2	Menteshtapa	Chalcolithic	Chalcolithic horizon	habitation layer	Domestic vessel	Body sherd
B2	Menteshtapa	Chalcolithic	Chalcolithic horizon	habitation layer	Domestic vessel	Body sherd
A3	Ismailbaytapa	Neolithic	Karabakh Neolithic	habitation layer	Storage vessel	Body sherd
B3	Ismailbaytapa	Neolithic	Karabakh Neolithic	habitation layer	Domestic vessel	Body sherd
A4	Hasansu	Neolithic	Shomutepe-Shulaveri	habitation layer	Utilitarian ware	Rim-body fragment
B4	Hasansu	Neolithic	Shomutepe-Shulaveri	habitation layer	Domestic vessel	Rim sherd
A5	Hajıalamkhanli	Neolithic	Shomutepe-Shulaveri	habitation layer	Domestic vessel	Rim-body fragment
B5	Hajıalamkhan	Neolithic	Shomutepe-Shulaveri	habitation layer	Coarse domestic ware	Body sherd
A6	Goytapa	Early Neolithic	Shomutepe-Shulaveri	habitation layer	Coarse domestic ware	Body sherd
B6	Goytapa	Early Neolithic	Shomutepe-Shulaveri	habitation layer	Coarse domestic ware	Body sherd

associated with the Shomutapa-Shulaveri cultural tradition, while Menteshtapa and Ismailbaytapa belong to the Late Neolithic–Eneolithic horizon. The selected samples represent ordinary domestic pottery and consist mainly of body sherds and small vessel fragments recovered from habitation contexts (Table 1). Due to the fragmentary state of preservation, complete vessel reconstruction was not possible; however, the samples were selected as representative ceramic fabrics from each archaeological site. Rather than offering a statistically representative description of Neolithic and Chalcolithic pottery in Azerbaijan, twelve ceramic fragments (Fig. 2) were chosen as case-study samples to illustrate the usefulness of integrated archaeometric techniques.

The purpose of the investigation was not to establish a comprehensive technological classification of Neolithic and Chalcolithic pottery in the region, but rather to evaluate the applicability of integrated archaeometric methods (TG/DTG/DTA, XRD and SEM) for the characterization of selected ceramic materials from different archaeological contexts. Therefore, the results should be considered as a preliminary comparative dataset rather than a statistically representative assessment of prehistoric ceramic production in Azerbaijan.

Prior to examination, the samples were air-dried overnight at 50°C and ground into a fine powder using an agate mortar.

A D2Phaser (Bruker) diffractometer with Ni-filtered CuKα radiation (λ = 1.5406 Å) was used for XRD/PXRD (Zhou, 2018) on randomly oriented samples. Diffraction data were collected in the 2θ range of 5°–75° with a scanning rate of $1.2°\cdot min^{-1}$. Based on the XRD data, semi-quantitative estimations of the mineral phases were obtained (Rice, 2015). To evaluate the amount of amorphous material present in the samples, the area of the broad background hump representing the amorphous phase was compared with the corresponding areas obtained from standard mixtures containing known proportions of natural amorphous materials. These standards were analyzed under identical scanning conditions. Using this approach, semi-

quantitative estimates of the total amorphous content were calculated.

The semi-quantitative evaluation considered the intensity of characteristic diffraction peaks, sample density, and the mass absorption coefficients of the elements for CuKα radiation. Mineral phase identification was performed using DIFFRAC.SUITE software, together with the TOPAS program for non-standard quantitative and structural analysis, and the ICDD Powder Diffraction Database.

The relative abundance of mineral phases was estimated using the Reference Intensity Ratio (RIR) method, a widely applied approach for quantitative phase analysis in powder X-ray diffraction. In this study, experimentally determined laboratory RIR values were used for the calculations.

Thermogravimetric (TG) (Mammadov, Ahadova, 2023) and differential thermal analyses (DTA) of the ceramic powders were carried out using a PerkinElmer STA 6000 Simultaneous Thermal Analyzer under the following conditions: heating from ambient temperature to 950°C at a heating rate of 5 °C·min^{-1}, with a balance sensitivity of 0.1 μg and a nitrogen gas flow rate (Ahadova et al., 2024; Mammadov et al., 2023) of 20 mL·min^{-1}.

Micrographs were obtained under high-vacuum conditions using an accelerating voltage of 15 kV. Both secondary electron (SE) and backscattered electron (BSE) imaging modes were employed to observe surface morphology and compositional contrast. To evaluate thermal transformations, selected samples were additionally subjected to controlled laboratory heating at 900 °C for 1 hour. The microstructure of these experimentally heated samples was compared with that of the original archaeological specimens to assess changes related to dehydroxylation, carbonate decomposition, and sintering processes.

Results

XRD analysis.

The mineralogical composition and microstructural characteristics (Ahadov et al., 2024) of the studied ceramic samples provide important information on the mineral composition and firing conditions of the ceramics. The dominance of quartz (27.4–56.3%) reflects the mineral composition of the ceramic bodies (Table 2). For analytical purposes (Karmanov, 2024), the archaeological ceramic samples were assigned laboratory codes A1–A6 and B1-B6 corresponding to their respective archaeological sites.

Table 2. Mineral phase composition of ceramic samples based on XRD analysis
Таблица 2. Минеральный фазовый состав керамических образцов по данным XRD-анализа.

Sample Code	Sample Site	Quartz (%)	Albite (%)	Calcite (%)	Muscovite (%)	Other minerals (%)
A1	Shomutapa	42.4	28.9	16.2	11.5	1.0
B1	Shomutapa	40.8	30.1	15.8	11.9	1.4
A2	Menteshtapa	42.9	12.1	8.8	35.0	1.2
B2	Menteshtapa	41.3	13.4	8.1	35.8	1.4
A3	Ismailbaytapa	35.2	21.3	17.7	23.0	2.8
B3	Ismailbaytapa	33.9	22.8	16.2	24.3	2.8
A4	Hasansu	37.4	41.7	6.1	12.8	2.0
B4	Hasansu	38.6	40.2	6.8	12.4	2.0
A5	Hajıalamkhanli	27.4	42.4	5.6	22.6	2.0
B5	Hajıalamkhan	28.8	40.9	6.4	21.7	2.2
A6	Goytapa	56.3	40.7	1.9	0.0	1.1
B6	Goytapa	54.9	42.1	1.7	0.1	1.2

SEM was performed to investigate the microstructural characteristics of the ceramic samples. The analyses were carried out using a field-emission scanning electron microscope (FE-SEM). Prior to analysis, the samples were mounted on aluminum stubs and coated with a thin conductive layer to prevent surface charging.

Paired samples obtained from the same archaeological sites (A and B series) exhibited very similar mineralogical compositions and thermal characteristics.

TG/DTG/DTA analysis.

Because paired samples from the same archaeological sites exhibited nearly identical

thermal behaviour, only representative TG/DTG/DTA curves of samples A1–A6 are presented in Figure 3. Therefore, the detailed discussion focuses primarily on the representative A-series samples (whereas the B-series samples are presented in Table 2 to demonstrate intra-site consistency). According to the TG curves, the sample mass gradually decreases with increasing temperature. (Mammadov et al., 2025). The primary transformations take place in three distinct temperature ranges: 50–350 °C, 350–650 °C, and 650–850 °C.

A mass loss of 1.5–4.5% was observed in the first period (50–350 °C). Dehydration processes, including the removal of physically adsorbed and weakly bound water, are associated with this stage. A prominent DTG peak at around 120–150 °C and a substantial endothermic impact (Mammadov et al., 2025a) in the DTA curves, which show energy absorption connected to water release, support this.

The dehydroxylation of clay minerals can be attributed to for the lesser mass loss of 0.2–2.8% seen in the next interval (350–650 °C). This process, which corresponds to the structural disintegration of hydroxyl-bearing phases like muscovite, is reflected by a moderate DTG peak that is focused about 450–550 °C. The very small mass loss in this range indicates that the first fire process did not fully complete dehydroxylation.

A mass loss of 0.4 to 4.5% is seen in the next interval (650–850 °C), which is linked to the partial breakdown of carbonate phases, mainly calcite. The most noticeable DTG peak, which occurs between 680 and 720 °C, amply illustrates this. Samples differ in this peak's strength; A3 has the greatest reaction, which is consistent with its greater calcite concentration, while A2 has a somewhat weaker peak, which is indicative of its lower carbonate content in comparison to A1 and A3.

The overall mass loss for the archaeological samples (A1–A6) varies from 2.9 to 11.7%, which is indicative of variations in thermal stability and mineral composition. These findings are further supported by the DTA curves, which display additional thermal effects at higher temperatures that correspond to mineral transformations and a prominent endothermic peak at low temperatures. Minimal thermal changes are seen beyond around 750 °C, suggesting that most processes are finished below this temperature range.

SEM analysis.

SEM microstructural investigation provides independent evidence supporting these results for these temperature data (Fig. 4). The lamellar and layered morphology characteristic of clay minerals is well-preserved in the original archeological samples (a–f). In samples A1 (a), A2 (b), A4 (d), and A5 (e), stacked plate-like structures are clearly visible, indicating incomplete transformation of phyllosilicate phases such as muscovite. This microstructural preservation is consistent with the TG results, particularly the moderate mass loss in the 350–650 °C range, confirming that dehydroxylation was not fully achieved.

Sample A3 (c) displays a more heterogeneous and porous structure compared to the other samples, which correlates with its higher total mass loss (11.7%) and the strongest DTG peak near 700 °C. This reflects a higher content of carbonate phases and their partial decomposition (Ahadova et al., 2026). Sample A6 (f) shows localized structural disruption but still retains identifiable lamellar features, indicating limited thermal alteration.

In contrast, the samples heated experimentally at 900 °C for 1 hour (g–l) exhibit a significantly altered microstructure. The lamellar organization observed in the original samples is completely destroyed, and the structure becomes highly porous and disordered. Round pores and partially fused grain surfaces are observed in samples g (A1) and h (A2), suggesting advanced heat transformation and the beginning of sintering. The original samples lack these characteristics.

Due to the breakdown of carbonate phases and the release of CO2, samples I (A3) and L (A6) exhibit significant pore formation and structural collapse. The significant DTG peak in the 650–850 °C range is closely correlated with this result. Samples j (A4) and k (A5) show partial densification and surface smoothing, indicating the start of vitrification processes at high temperatures.

The archaeological ceramics did not experience such advanced thermal alteration, as seen by the stark difference between the original and experimentally heated samples. The initial firing temperature did not exceed about 700°C, as evidenced by the retention of lamellar structures, the lack of considerable sintering or vitrification, and the absence of widespread pore development (Mammadov et al., 2024). The studied Neolithic pottery pieces were burned at a moderate

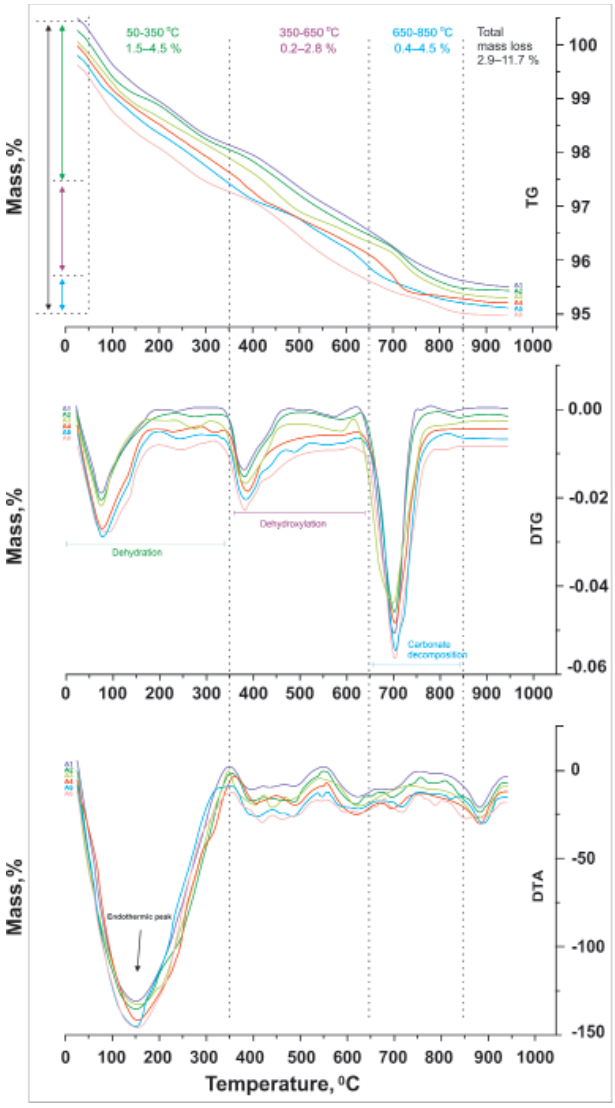

Fig. 3. TG/DTG/DTA curves of the archaeological ceramic samples (A1–A6)

Рис. 3. Кривые TG/DTG/DTA археологических керамических образцов (A1–A6).

temperature, most likely below 700°C, according to consistent and complimentary data from the combined TG/DTG/DTA and SEM studies. XRD data, which verify the existence of partly altered phases like calcite and muscovite, lend additional credence to this theory.

Discussion

The presence of feldspar minerals (albite) in significant amounts, particularly in samples A4-A6 and B4-B6, further is compatible with clay materials containing feldspar minerals or mixed sedimentary deposits. These minerals contribute to the structural stability observed in SEM micrographs and are consistent with the relatively low mass loss at higher temperatures in TG analysis.

Calcite is detected in all samples, with variable content ranging from 1.7% to 17.7%. Calcite may originate either from naturally calcareous clay deposits or from intentionally added carbonate-rich inclusions. The present dataset does not allow discrimination between these possibilities. The variation in calcite content among samples reflects differences in mineralogical composition; (Urbina et al., 1998) however, the available data do not allow determination of whether these differences are related to raw material provenance or ceramic preparation practices. The strong correlation between calcite content and the intensity of DTG (Molodin et al., 2019) peaks in the 650–850 °C range confirms that carbonate phases play a key role in the thermal behavior of the ceramics (Maritan, Mazzoli, Freestone, 2004). Muscovite, present in most samples (up to 35.8%), indicates the use of clay materials rich in phyllosilicates, likely derived from weathered metamorphic or sedimentary rocks. The preservation of muscovite in XRD and the lamellar structures observed in SEM images suggest incomplete thermal transformation, further supporting relatively low firing temperatures.

Mineralogical heterogeneity among the examined ceramic bodies is revealed by the combined mineralogical and thermal data. The variability in mineral composition between samples (e.g., high calcite in A3 versus lower amounts in B6) may reflect differences in ceramic paste composition; however, the available data do not allow determination of whether these differences result from raw material selection or ceramic preparation practices.

Furthermore, the absence of extensive vitrification and the preservation of primary clay structures indicate a relatively low-temperature firing, without controlled high-temperature conditions. This supports the interpretation that Neolithic ceramic production relied on low to moderate firing regimes. The obtained data primarily reflect firing conditions and mineralogical characteristics and do not permit a complete reconstruction of the entire ceramic production sequence.

XRD and SEM alone cannot be used to accurately identify deliberate tempering materials. To differentiate intentionally introduced temper from naturally occurring mineral inclusions, petrographic thin-section studies would be required. For the purpose of determining clay origin or deliberate temper additions,

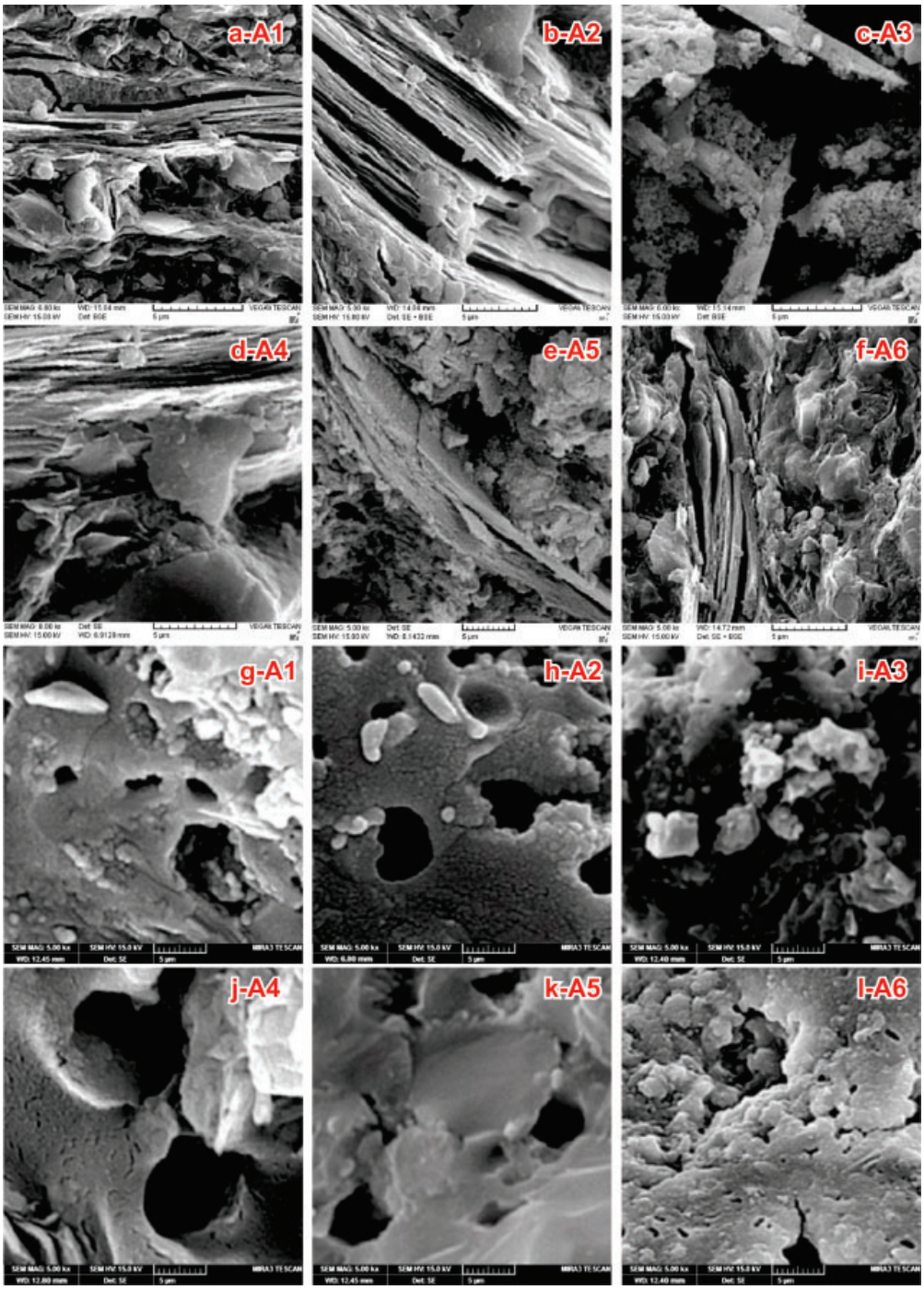

Fig. 4. FE-SEM micrographs of ceramic samples (A1–A6).
(a–f) Original archaeological samples showing layered (lamellar) clay structure;
(g–l) Same samples after controlled laboratory heating at 900 °C, showing collapse of lamellar morphology and development of porous structure.

Рис. 4. FE-SEM микрофотографии керамических образцов (A1–A6).
(a–f) Исходные археологические образцы, демонстрирующие слоистую (ламеллярную) структуру глины; (g–l) Те же образцы после контролируемого лабораторного нагрева при 900 °C, демонстрирующие разрушение ламеллярной морфологии и формирование пористой структуры.

mineralogical data are typically insufficient; petrographic investigations are typically needed (Quinn, 2013).

The lack of significant vitrification, the conservation of lamellar clay structures shown by SEM, and the preservation of muscovite and calcite in a number of samples indicate that fire temperatures did not rise above around 700–750 °C (Livingstone, 2001). Similar archaeometric findings have been documented for Neolithic

pottery from the Near East and Anatolia, where similar mineralogical traces were formed by low-efficiency kiln systems or open fire.

Caution should be used when interpreting the presence of calcite. The information at hand does not permit distinguishing between these options since petrographic thin-section examination was not carried out. As a result, the current investigation is unable to ascertain whether carbonate phases are a reflection of ceramic preparation techniques or geological provenance. Similar findings of calcite preservation have been documented in low-fired ancient pottery from different areas (Moropoulou et al., 1995).

Since quartz and feldspar are often found in ceramic textiles, they cannot be used as direct markers of particular sources of raw materials. Rather than providing clear proof of local provenance, their presence in the examined samples mostly reflects the mineralogical makeup of the ceramic bodies.

The estimated firing temperatures obtained for the Azerbaijani samples fall within the range commonly reported for Neolithic ceramics from Anatolia, the Near East, and other regions of the South Caucasus. The present results complement archaeological investigations conducted at Goytepe and Menteshtepe (Nishiaki et al., 2015; Lyonnet et al., 2016). Previous archaeometric investigations have demonstrated that many early ceramic traditions were characterized by firing temperatures between approximately 600 and 800 °C, indicating broadly similar firing practices among early farming communities. Similar firing temperatures (600–800 °C) have been reported for prehistoric ceramics from the Near East and the Mediterranean region (Maniatis and Tite, 1981; Moropoulou et al., 1995; Cultrone et al., 2001).

Comparison between archaeological samples and experimentally heated specimens demonstrates that substantial microstructural reorganization occurs after exposure to 900 °C. The absence of such features in the archaeological ceramics indicates that the original firing process did not reach similar temperatures. The SEM observations therefore provide independent support for the firing temperature estimates derived from thermal analysis and XRD results.

Several limitations should be acknowledged. The study is based on only twelve ceramic fragments originating from different archaeological sites and cultural contexts. Consequently, the dataset should be regarded as exploratory rather than statistically representative. In addition, the absence of petrographic analysis prevents detailed evaluation of temper composition, raw material provenance, and paste preparation techniques. Future studies involving larger sample sets and petrographic investigations will be necessary to address these questions.

Conclusions

The combined use of TG/DTG/DTA, XRD and SEM provides valuable information on firing conditions, mineral composition and microstructural characteristics of prehistoric ceramics. The consistency between thermal, X-ray diffraction, and microstructural data allows for a more reliable interpretation of firing conditions and transformation processes.

According to the thermal analysis, the primary physicochemical changes take place in three temperature ranges: carbonate breakdown (650–850°C), dehydroxylation (350–650°C), and dehydration (50–350°C). When compared to contemporary ceramic paste, the relatively low total mass loss of the archaeological samples (2.9–11.7%) suggests that the materials had previously experienced some thermal alteration during their initial fire. Further evidence that these processes were not finished comes from the modest strength of DTG peaks in the carbonate decomposition and dehydroxylation ranges.

XRD data, which demonstrate the survival of mineral phases including muscovite and calcite in several samples, corroborate these conclusions. While the existence of calcite shows only partial decarbonation, the retention of muscovite indicates incomplete dehydroxylation of clay minerals. When taken as a whole, these characteristics indicate that the fire conditions were not high enough to fully convert the material.

These observations are further supported by direct microstructural data from SEM research. Limited structural rearrangement is indicated by the original samples' well-preserved lamellar and layered morphologies, which are typical of phyllosilicate minerals. On the other hand, samples that have been heated experimentally to 900 °C exhibit a collapse of the lamellar structure, increased porosity, and the beginning of sintering, which includes partial grain fusion and surface smoothing. The absence of such features in the archaeological specimens further supports the interpretation of relatively low firing temperatures.

Taken together, the evidence indicates that the ceramics were probably fired at moderate temperatures, usually not going over around 700 °C. Rather than controlled high-temperature firing, such firing conditions may reflect low-efficiency firing systems, perhaps employing open firing or low-efficiency kiln systems.

From the standpoint of raw materials, the analyzed ceramics display variability in mineralogical composition, particularly in the proportions of quartz, feldspar, calcite and muscovite. These differences may reflect variations in ceramic paste composition and raw material preparation. However, the available XRD and SEM data do not permit the identification of specific clay sources or the distinction between natural inclusions and intentionally added temper.

Despite these variations, the samples' microstructural traits, thermal behavior, and mineral makeup are generally consistent. The similarities observed among the analyzed samples may indicate comparable firing behaviour and mineralogical characteristics, but the small sample size prevents drawing more general conclusions about Azerbaijan's Neolithic and Chalcolithic pottery manufacture.

This study provides a comparative archaeometric dataset for prehistoric ceramics from Azerbaijan and demonstrates the applicability of integrated TG/DTG/DTA, XRD and SEM analyses for investigating firing technology in the South Caucasus.

The present study should be regarded as a preliminary archaeometric investigation based on a limited number of ceramic fragments from different archaeological contexts. Future studies involving larger sample sets and additional analytical methods, including petrographic analysis, will be necessary to evaluate regional technological variability in greater detail.

Use of AI: During the preparation of the manuscript, the ChatGPT tool (developed by OpenAI; last accessed on [09 May 2026]) was used for specific tasks related to the linguistic processing of the scientific text. In particular, the tool was employed to correct grammatical errors, refine the syntactic structure of complex sentences, and adapt certain sections of the manuscript to a more standard academic writing style (primarily in the sections “Literature Overview,” descriptive parts of “Results and Discussion,” and “Conclusions”).

In several cases, the tool was also used to reformulate sentences originally written by the authors in order to reduce repetitive phrasing and improve the logical coherence of the text, without altering its scientific meaning. All original formulations, interpretations of the results of X-ray diffraction, X-ray fluorescence, and thermal analyses, as well as the final conclusions, were independently developed by the authors based on the conducted experimental research. Artificial intelligence tools were not used for the generation of scientific data, data analysis, or formulation of scientific conclusions. The authors confirm that the scientific content, data interpretation, and conclusions were produced independently.

Acknowledgments

We thank the anonymous reviewers for their valuable comments and suggestions. Additionally, we express our gratitude to Dr. A.Agalarzade, Dr. V.Mahmudova and Dr. K.Almammadov, the archaeologists of the Institute of Archaeology and Anthropology of Azerbaijan National Academy of Sciences, for their support and provision of the samples.

REFERENCES

Agalarov, M., Guliyev, A. 2025. In *Azerbaijan Journal of Archaeology and Anthropology* 1(2), 66–76 (in English).

Ashley, S., Sabine, R., Taylor, H. et al. 2022. In *Nature Ecology and Evolution.* 813-822. https://doi.org/10.1038/s41559-022-01701-6 (in English).

Ahadov, A., Mammadov, S., Gurbanov, M., Abishov, A., Ahadova, A. 2024. In *Physics and Chemistry of Solid State* 25(4), 689–693. https://doi.org/10.15330/pcss.25.4.689-693 (in English).

Ahadova, A., Abishov, A., Gurbanov, M., Mammadov, S., Ahadov, A. 2024. In *Advanced Physical Research* 6(3), 239–246. https://doi.org/10.62476/apr63239 (in English).

Ahadova, A., Ahadov, A., Mammadov, S. 2026. In *Eminak: Scientific Quarterly Journal* 1(53), 36–54. https://doi.org/10.33782/eminak2026.1(53).839 (in English).

Akhundov, T. I., Lyonnet, B., Almamedov, K., Jafarov, N., Guliyev, F., Museibli, N. 2019. In *Azerbaijan Archaeology and Ethnography* 2, 19–33. (in English).

Alakbarov, V. A. 2018. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 46(3), 22–31. https://doi.org/10.17746/1563-0110.2018.46.3.022-031 (in English).

Bakhmatova, V. N. 2018. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 5, 93–100. https://www.evrazstep.ru/index.php/aes/article/view/390 (in Russian).

Cultrone, G., Rodriguez-Navarro, C., Sebastian, E., Cazalla, O., De La Torre, M. J. 2001. In *European Journal of Mineralogy* 13(3), 621–634. https://doi.org/10.1127/0935-1221/2001/0013-0621 (in English).

Gusentsova, T. M. 2024. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 175–183. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.175.183 (in Russian).

Herrscher, E., Poulmarc'h, M., Pecqueur, L., Jovenet, E., Benecke, N., Decaix, A., Lyonnet, B., Guliyev, F., André, G. 2018. In *American Journal of Physical Anthropology* 167(4), 856–875. https://doi.org/10.1002/ajpa.23718 (in English).

Karmanov, V. N. 2024. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 228–240. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.228.240 (in Russian).

Kingery, W. D., Vandiver, P. B., Prickett, M. 1988. In *Journal of Field Archaeology* 15(2), 219–244. https://doi.org/10.2307/530169 (in English).

Kirichenko, D. A. 2022. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 468–472. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.468.472 (in Russian).

Kirichenko, D. A., Agalarzade, A. M. 2023. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 302–309. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.4.302.309 (in Russian).

Kohl, P. L., Trifonov, V. A. 2014. In *The Cambridge World Prehistory*, 1571–1595. https://doi.org/10.1017/cho9781139017831.096 (in English).

Kolpakov, E. M., Kiseleva, A. M., Murashkin, A. I., Shumkin, V. Ya. 2024. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 116–128. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.116.128 (in Russian).

Korolev, A. I. 2024. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 253–263. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.253.263 (in Russian).

Livingstone Smith, A. 2001. *Bonfire II: The return of pottery firing temperatures*. Journal of Archaeological Science, 28(9), 991–1003. https://doi.org/10.1006/jasc.2001.0713 (in English).

Lyonnet, B., Guliyev, F. 2010. In *Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology* 13, 219–228. https://doi.org/10.22520/tubaar.2010.0012 (in English).

Lyonnet, B., Helwing, B., Hansen, S., Mirtskhulava, G., Guliyev, F., Jalilov, B., Alakbarov, V., Bakhshaliyev, V., Ashurov, S. 2016. In *Quaternary International* 395, 170–183. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.02.038 (in English).

Maggetti, M. 1982. In *Archaeological Ceramics,* 121–133.

Mammadov, S., Ahadova, A. 2023. In *East European Journal of Physics* 3, 531–534. https://doi.org/10.26565/2312-4334-2023-3-61 (in English).

Mammadov, S., Gurbanov, M., Abishov, A., Ahadov, A., Ahadova, A. 2025. In *Applied Radiation and Isotopes* 223, 111901. https://doi.org/10.1016/j.apradiso.2025.111901 (in English).

Mammadov, S., Gurbanov, M., Rahimli, R., Abishov, A., Ahadov, A. 2025. In *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry* 334, 4899–4906. https://doi.org/10.1007/s10967-025-10162-7 (in English).

Mammadov, S., Ahadova, A., Abishov, A., Gurbanov, M., Ahadov, A. 2023. In *East European Journal of Physics* 2, 182–186. https://doi.org/10.26565/2312-4334-2023-2-18 (in English).

Mammadov, S., Gurbanov, M., Abishov, A., Ahadov, A. 2024. In *European Journal of Physics* 1, 436–441. https://doi.org/10.26565/2312-4334-2024-1-47 (in English).

Maniatis, Y., Tite, M. S. 1981. In *Journal of Archaeological Science* 8(1), 59–76. https://doi.org/10.1016/0305-4403(81)90012-1 (in English).

Maritan, L., Mazzoli, C., Freestone, I.C. 2004. İn *Archaeometry*, 46(2), 301–312.

Maynard, D., Qoshgarli, Q., Museibli, N., Najafov, Sh., Asadov, V., Agalarzade, A., Kirichenko, D., Huseynov, M., Zeynalov, A. 2022. In *Internet Archaeology* 59, 1–25. https://doi.org/10.11141/ia.59.11 (in English).

Molodin, V., Mylnikova, L., Kulkov, A., Zaitseva, G., Durakov, I. 2019. In *Chemistry for Sustainable Development* 27(1), 101–108. https://doi.org/10.15372/csd20190116 (in English).

Moropoulou, A., Bakolas, A., Bisbikou, K. 1995. In *Thermochimica Acta* 257, 743–753. https://doi.org/10.1016/0040-6031(94)02122-X (in English).

Mosin, V. S. 2024. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 92–101. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.92.101 (in Russian).

Narimanov, I.G. 1987. *Shomutepe – drevneyshee zemledelcheskoe poselenie Azerbaydzhana* [Shomutepe: The Earliest Agricultural Settlement of Azerbaijan]. Baku: Elm. (in Russian).

Nishiaki, Y., Guliyev, F., Kadowaki, S. 2015. In *American Journal of Archaeology* 119(3), 279–294. https://doi.org/10.3764/aja.119.3.0279 (in English).

Quinn, P. S. 2013.. *Ceramic Petrography: The Interpretation of Archaeological Pottery and Related Artefacts in Thin Section.* Oxford: Archaeopress Archaeology (in English).

Rathossi, C., Pontikes, Y. 2010. *Effect of firing temperature and atmosphere on ceramics and bricks made from Greek clays*. Applied Clay Science, 47(3–4), 147–158. https://doi.org/10.1016/j.clay.2009.11.036 (in English).

Rice, P. M. 2015. *A Sourcebook. 2nd ed.* Chicago: University of Chicago Press (in English).

Sagona, A., Sagona, C. 2004. Leuven: Peeters (in English).

Taylor, P. M., Maynard, D. 2011. In *Internet Archaeology*, 1–19 (in English).

Tite, M. S., Maniatis, Y. 1975. In *Nature* 257, 122–123. https://doi.org/10.1038/257122a0 (in English).

Urbina, M., García-Guinea, J., Correcher, V., Delgado, A., García, R. 1998. In *Journal of Luminescence* 79(1), 21–28. https://doi.org/10.1016/S0022-2313(98)00015-5 (in English).

Whitbread, I. K. 1989. A proposal for the systematic description of thin sections towards the study of ancient ceramic technology. In *Archaeometry* 31(2), 267–287. https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.1989.tb01032.x (in English).

Zhou, X., Wang, H., Zhang, Y., Wang, X., Du, P. 2018. In *Solid Earth Sciences* 3(1), 16–29. https://doi.org/10.1016/j.sesci.2017.12.002 (in English).

About the Authors:

Ahadova Aybeniz S., PhD in chemistry, Institute of Physics Public Legal Entity, Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan, Baku; aybaniz.ahadova@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9173-9537 (**Corresponding author)**

Farhad Guliyev E., Dr., Institute of Archaeology and Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences, fgy222421@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1994-4776

Mammadov Sahib G., Assos.Prof., Institute of Physics Public Legal Entity, Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan, Baku; mammadov.irp@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4547-4491

Ahadov Ahmad B., scientific researcher, Institute of Physics Public Legal Entity, Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan, Baku; radioloq@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6039-8714

Информация об авторах:

Ахадова Айбениз С., кандидат химических наук, Институт физики Государственно-Правовое Учреждение, Министерство науки и образования Азербайджанской Республики (г. Баку, Азербайджан); aybaniz.ahadova@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9173-9537 (автор-корреспондент)

Фархад Гулиев Е., Др, Институт археологии и антропологии, Национальная академия наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан); fgy222421@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1994-4776

Маммадов Сахиб Г., доцент, Институт физики Государственно-Правовое Учреждение, Министерство науки и образования Азербайджанской Республики (г. Баку, Азербайджан);mammadov.irp@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4547-4491

Ахадов Ахмад Б., научный сотрудник, Институт физики Государственно-Правовое Образование, Министерство науки и образования Азербайджанской Республики (г. Баку, Азербайджан); radioloq@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6039-8714

Статья поступила в журнал 17.05.2026 г.
Статья принята к публикации 30.07.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.51.66

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ И СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В КУРГАНЕ 109 ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА НА НИЖНЕМ ДОНУ

© 2026 г. А.В. Копылов, В.П. Копылов, И.В. Губарев

В работе представлены итоги спасательных археологических работ, проведенных в дельте р. Дон на территории западной группы Елизаветовского курганного могильника. В результате был исследован курган 109, в котором было обнаружено 14 разновременных погребений. Основная их часть была совершена в эпоху бронзы, и лишь три погребения относятся к периоду функционирования варварского Елизаветовского городища. Было установлено, что первоначальная насыпь, сооруженная в эпоху бронзы, была перекрыта в скифское время насыпью сложной архитектуры, в результате чего центр кургана был смещён к востоку. В кургане 109 впервые в Елизаветовском могильнике были зафиксированы человеческие жертвоприношения, совершенные в момент погребальной тризны. Центральное погребение кургана скифского времени оказалось ограбленым, однако остатки инвентаря позволили датировать его 80-70 гг. IV в. до н.э. Вместе с тем, проведенные исследования позволяют отнести курган 109 к группе элитных курганов Елизаветовского могильника, куда также относятся и Пятибратние курганы.

Ключевые слова: археология, Северное Причерноморье, Нижний Дон, Елизаветовский могильник, Елизаветовское городище, курган, скифское время, эпоха бронзы, жертвоприношение.

BRONZE AGE AND SCYTHIAN PERIOD BURIALS OF THE BARROW 109 AT THE ELIZAVETOVSKIY BURIAL GROUND ON THE LOWER DON REGION

A.V. Kopylov, V.P. Kopylov, I.V. Gubarev

The paper deals with the results of salvage excavations carried out in the delta of the Don River on the territory of the western group of the Elizavetovskiy barrow field. As a result, barrow 109 was investigated, where 14 different-time burials were found. Most of these burials were made during the Bronze Age, with only three ones dating to the period of the barbarian Elizavetovsky settlement. It was found that the original mound, made in the Bronze Age, was covered by a mound of complex architecture during the Scythian period, shifting the barrow center to the east. In barrow 109, for the first time in the Elizabethan burial ground, human sacrifices were recorded at the time of the funeral feast. The central burial of the Scythian period barrow turned out had been plundered, but the remains of the inventory allowed dating it to the 80-70 years of the IV century BC. At the same time, the conducted research allows us to attribute barrow 109 to the group of elite barrows of the Elizavetovskiy burial ground, which also includes the Pyatibratniye barrows.

Keywords: archaeology, Northern Black Sea region, Lower Don, Elizavetovskiy burial ground, Elizavetovskoye hillfort, barrow, Scythian period, Bronze Age, sacrifice.

В 2013 году силами Южно-Донской археологической экспедиции НМЦА ЮФУ и РРО ВОО «ВООПИиК» были проведены исследования в западной группе Елизаветовского курганного могильника, расположенного в дельте Дона. Раскопки носили спасательный характер и проводились под руководством А.В. Копылова при научном консультировании В.П. Копылова[1]. В результате проведенных работ было исследовано шесть курганов, в которых было обнаружено 34 разновременных погребения. Данная работа посвящена самому крупному из исследованной группы – кургану № 109. Стоит отметить, что отдельные итоги проведенных исследований были изложены в нескольких сообщениях (см.: Копылов и др., 2015, с. 375; Копылов, Копылов, 2015, с. 18–21), однако полностью данный комплекс публикуется впервые.

Курган 109 располагался в самой высокой точке плато (рис. 1: 1), образованного ещё в древности двумя рукавами Дона; остатка-

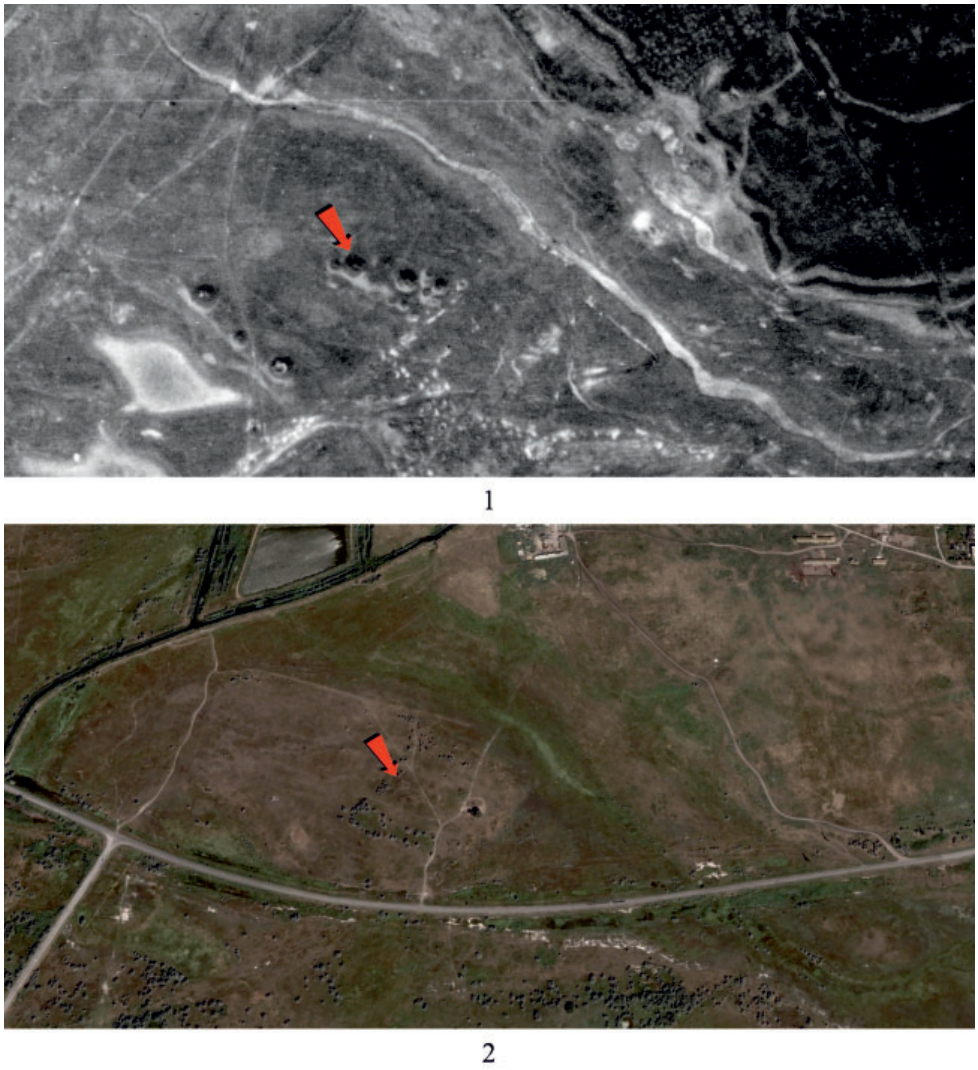

Рис. 1. Местоположение кургана 109: 1 – аэрофотоснимок 1943 года; 2 – космоснимок 2013 года
Fig. 1. Location of barrow 109: 1 – aerial photograph from 1943; 2 – satellite image from 2013

ми одного из них на данный момент можно считать ерик Дугин (Губарев, 2024а, с. 41). Округлая в плане насыпь высотой 4,07 м и диаметром 60 м имела куполовидную форму с западиной в центральной части (рис. 1: 2).

В результате проведенных раскопок была исследована вся насыпь, а также прилегающие к ней участки. Установлено, что первоначально она была сооружена в эпоху ранней бронзы, при этом её диаметр не превышал 15 м. В скифское время она была перекрыта насыпью более сложной конфигурации, в результате чего центр кургана сместился в восточном направлении. С насыпью скифского времени связаны погребения 1, 3, 4, а с насыпью эпохи бронзы – погребения 2, 5–14. Для удобства изложения материала насыпь эпохи бронзы была обозначена как курган 109/1 (рис. 2).

С целью соблюдения хронологии создания курганных насыпей первоначально дадим описание погребений, связанных с насыпью кургана эпохи бронзы. Стоит отметить, что ни в одном из открытых погребений следов перекрытий могильной ямы и подстилки на дне ямы обнаружено не было.

Погребение 2 (рис. 3: 1) находилось к юго-востоку от центра кургана 109/1, на расстоянии 2,35 м от R0, на глубине 2,5 м. Границы могильной ямы в плане не читались. Сохранившиеся кости индивида (фрагменты тазовой, берцовой и лучевой костей) располагались в беспорядке, в связи с чем восстановить первоначальное положение костяка не представляется возможным. В 0,78 м северо-западу от скопления костей находился лепной сосуд. Это острорёберный сосуд с плоским дном и венчиком, едва отогнутым наружу (рис. 3: 2).

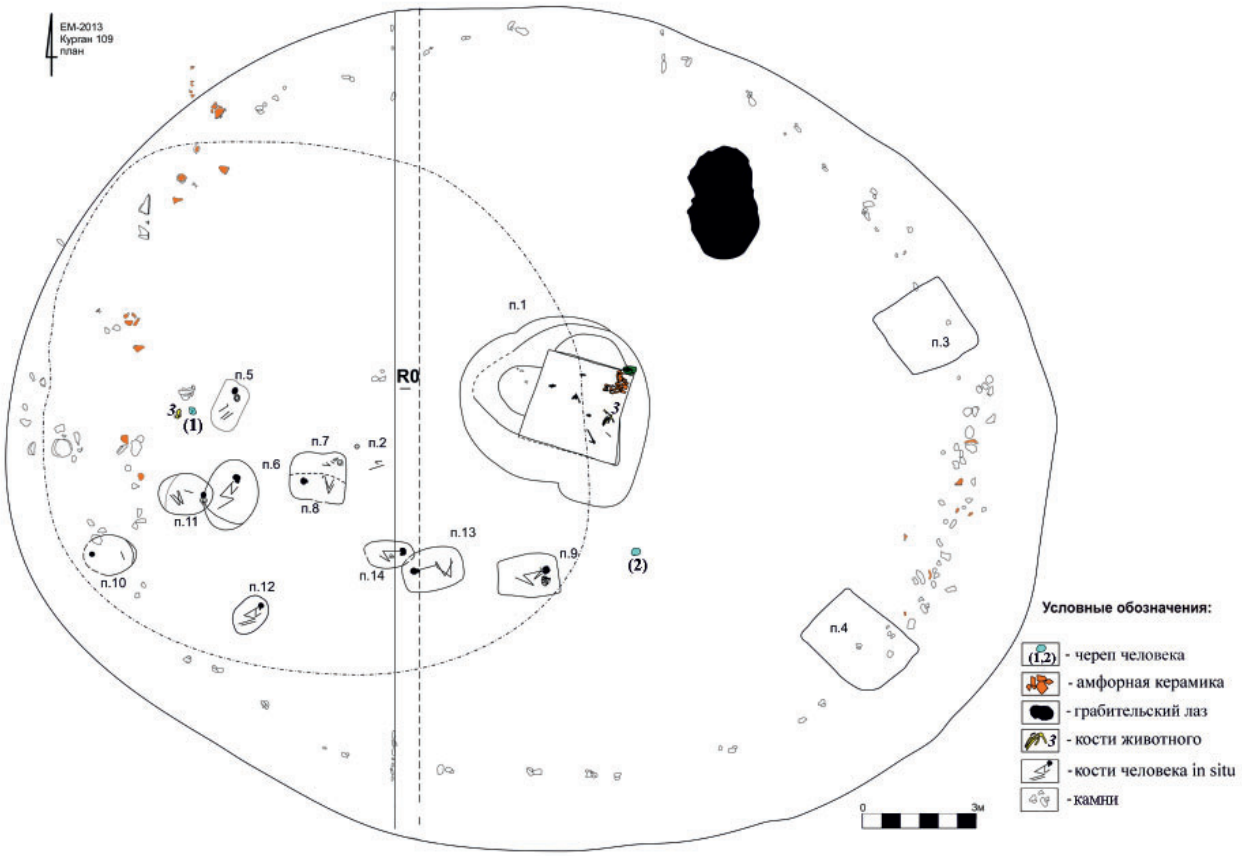

Рис. 2. Общий план кургана 109.
Fig. 2. General plan of the barrow 109

Несмотря на то, что основная часть верхнего края сосуда утрачена, восстановлению поддается орнамент, выполненный в технике оттиска плетеной веревочкой. Шейка сосуда орнаментирована мотивом из арок, подчеркнутых горизонтальной линией по ребру. Поверхность сосуда имеет тёмный цвет с заметными следами нагара, а в тесте в качестве примеси использовался шамот. Основные параметры сосуда следующие: высота 10 см, диаметр устья 12,5 см, наибольший диаметр тулова 13,4 см, диаметр дна 6 см, толщина стенки 0,7 см. Характерные особенности формы сосуда и орнаментальные приёмы позволяют датировать погребение ранним этапом эпохи поздней бронзы.

Погребение 5 (рис. 3: 3, 4) располагалось к западу от центра кургана 109/1, на расстоянии 4,1 м от R0, на глубине 2,99 м. Могильная яма имела овальную в плане форму. Длинной осью она ориентирована по линии ВСВ – ЗЮЗ. Размеры ямы 1,46×0,92 м. Стенки ямы имели отвесную форму, дно было ровным. На дне ямы находились остатки черепа и костей ног индивида, имевшие крайне плохую сохранность. Судя по их расположению, погребённый был уложен в скорченном положении на левом боку, головой на ССВ. К югу от остатков черепа находился лепной сосуд. Это плоскодонный сосуд баночной формы. Край венчика имеет округлую форму и слегка скошен внутрь (рис. 3: 5). Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть высоты сосуда. Сосуд неорнаментирован. Тесто сосуда содержит примесь песка и шамота. Параметры сосуда следующие: высота 17,5 см, диаметр устья 17,1 см, диаметр плечика 17, 7 см, диаметр дна 10,4 см, толщина стенки 0,8 см. Обряд захоронения и характерные особенности формы сосуда позволяют датировать погребение эпохой поздней бронзы.

Погребение 6 (рис. 4: 1, 2) находилось к юго-западу от центра кургана 109/1, на расстоянии 4,85 м от R0, на глубине 3,25 м. Могильная яма в форме овала была ориентирована длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. Размеры ямы 1,82×1,31 м. Стенки ямы вертикальные, резко переходящие в ровное дно.

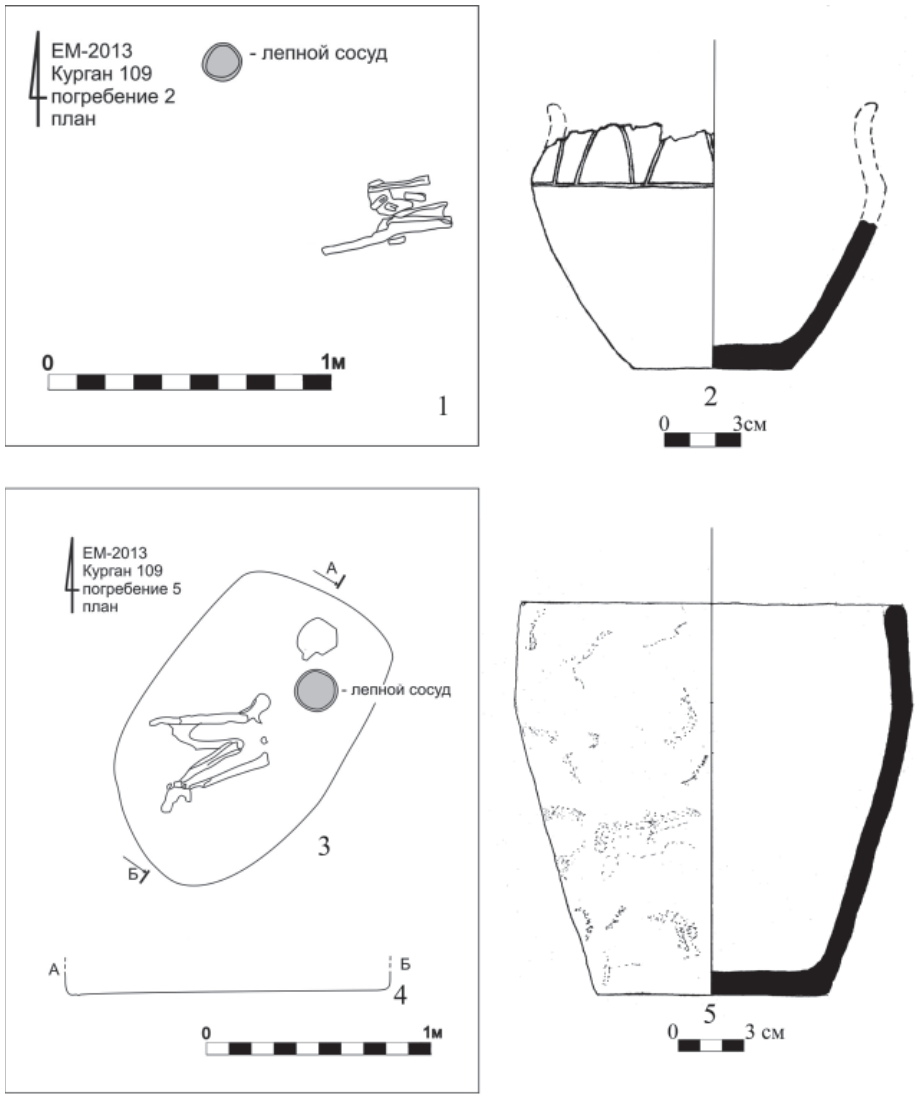

Рис. 3. План погребений кургана 109/1 и инвентарь:
1 – погребение 2; 2 – сосуд из погребения 2; 3 – погребение 5; 4 – разрез погребения 5; 5 – сосуд из погребения 5
Fig. 3. Burial plan of barrow 109/1 and artifact set :
1 – burial 2; 2 – vessel from burial 2; 3 – burial 5; 4 – section of burial 5; 5 – vessel from burial 5

В южном секторе могильной ямы стенка полого скошена ко дну. На дне обнаружен хорошо сохранившийся скелет взрослого человека. Индивид лежал на левом боку головой на ССВ, ноги были согнуты. Левая рука согнута в локте, кисть находилась в районе черепа, правая рука была выпрямлена вдоль туловища и располагалась на правой бедренной кости. Инвентарь отсутствует. Положение индивида и его ориентировка позволили датировать погребение эпохой средней бронзы.

Погребение 7 (рис. 4: 5) располагалось к югу от центра кургана 109/1, на расстоянии 3 м от R0, на глубине 2,53 м. По причине того, что погребение было впущено и прорезало более раннее погребение 8, границы могильной ямы проследить не удалось. На дне были обнаружены фрагменты бедренной, берцовой и лучевой костей скелета. Судя по их расположению, индивид находился в скорченном положении, головой на СВ. К востоку от скопления костей стоял лепной сосуд. Это плоскодонный сосуд баночной формы с выраженной закраиной у дна и округлым верхним краем (рис. 4: 6). Поверхность пятнистая, от тёмно-коричневого до розоватого цвета. В тесте – песок. Высота сосуда 11,5 см, диаметр устья 15,4 см, диметр дна 10,1 см, толщина стенки 0,65 см. Морфологические особенности сосуда позволяют датировать погребение эпохой поздней бронзы.

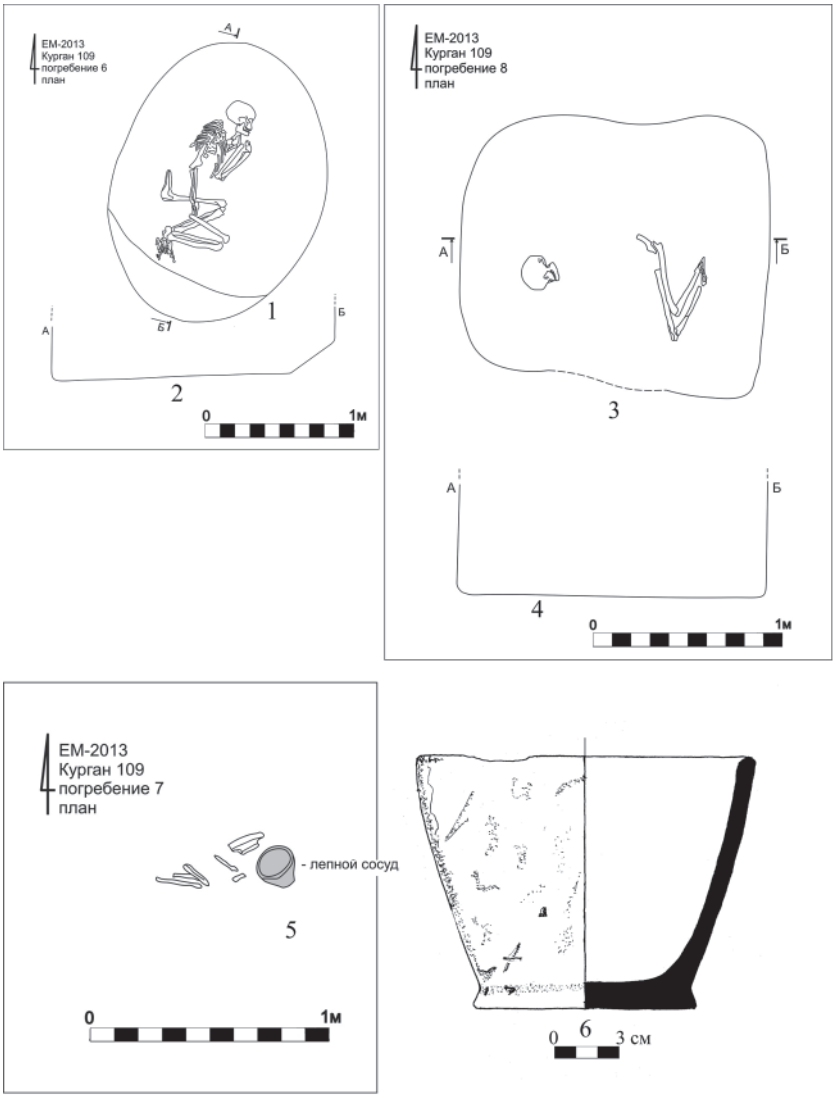

Рис. 4. План погребений кургана 109/1 и инвентарь: 1 – погребение 6; 2 – разрез погребения 6; 3 – погребение 8; 4 – разрез погребения 8; 5 – погребение 7; 6 – сосуд из погребения 7
Fig. 4. Burials plan of barrow 109/1 and artifact set: 1 – burial 6; 2 – section of burial 6; 3 – burial 8; 4 – section of burial 8; 5 – burial 7; 6 – vessel from burial 7

Погребение 8 (рис. 4: 3, 4) было обнаружено к югу от центра кургана 109/1, на расстоянии 3,60 м от R0, на глубине 3,15 м. Могильная яма прямоугольной формы имела скругленные углы и была ориентирована длинной осью по линии В – З. Размеры ямы по линии восток – запад – 1,60 м, по линии север – юг – 1,33 м. Часть южной стенки ямы была разрушена норой. На дне находились фрагменты черепа и костей ног взрослого человека. Судя по их расположению, индивид был уложен на правый бок, в скорченном положении, головой на запад. Ноги были согнуты в коленях под острым углом. Инвентарь отсутствует. По форме могильной ямы и положению индивида погребение было датировано эпохой ранней бронзы.

Погребение 9 (рис. 5: 1, 2) находилось к юго-востоку от центра кургана 109/1, на расстоянии 6 м от R0, на глубине 2,96 м. Могильная яма имела форму неправильного прямоугольника с закругленными углами и расширением в восточной части. Длинной осью яма была ориентирована по линии В – З. Размеры ямы 1,65×1,20 м. Стенки ямы отвесные, дно ровное. На дне находились остатки скелета взрослого человека средней сохранности. Сохранились череп и кости рук и ног. Судя по расположению сохранившихся костей, индивид лежал на левом боку в силь-

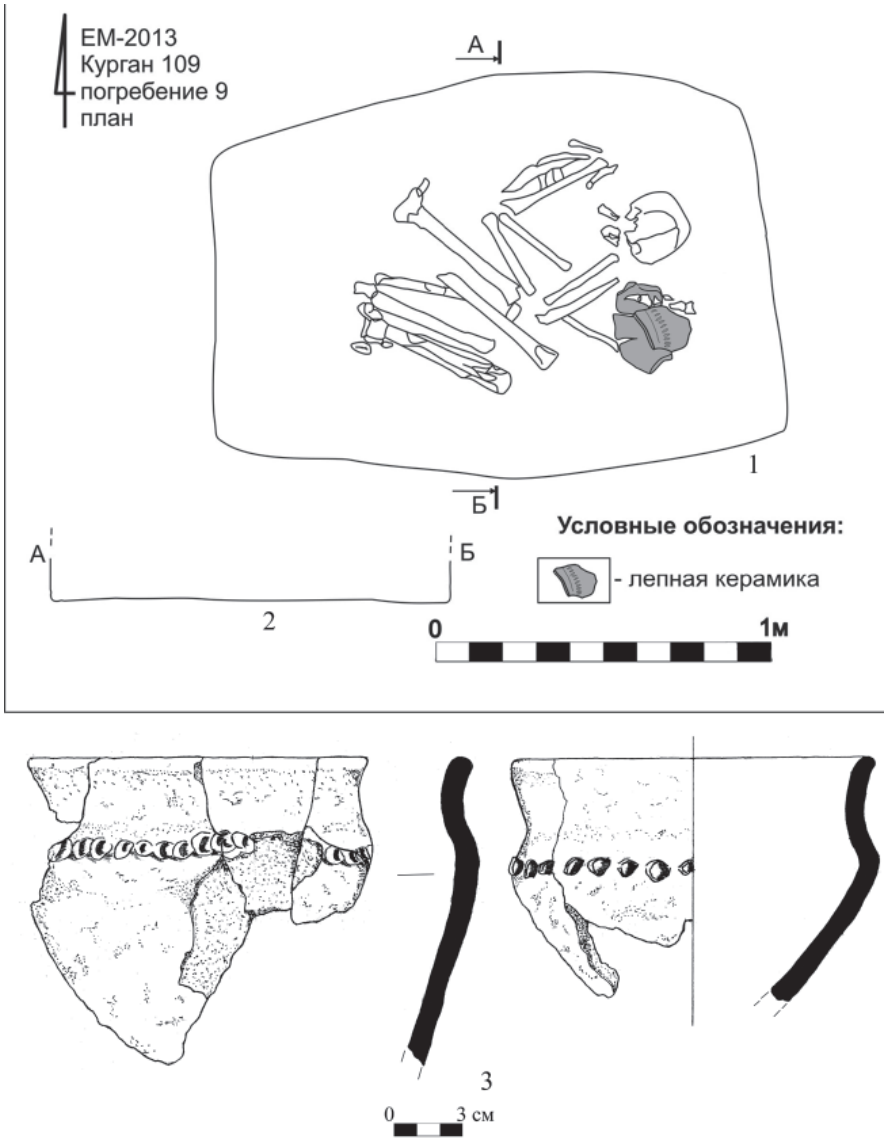

Рис. 5. План, разрез погребения 9 кургана 109/1 и его инвентарь:
1 – погребение 9; 2 – разрез погребения 9; 3 – фрагменты сосудов из погребения 9
Fig. 5. Plan, section of burial 9 of barrow 109/1 and its artifact set:
1 – burial 9; 2 – section of burial 9; 3 – fragments of vessels from burial 9

но скорченном положении, головой на ВСВ. Ноги были согнуты в коленях под острым углом. Левая рука была сильно согнута в локте, а кисть её находилась в районе черепа. Положение правой руки точно не восстанавливается. К югу от лицевой части черепа находились фрагменты трех лепных сосудов разных размеров. Черепок самого крупного сосуда лежал на дне ямы внешней стороной вниз, накрытый фрагментом сосуда меньшего размера. Оба эти сосуда были помещены в погребение уже фрагментированными (рис. 5: 3). Внутри образовавшегося пространства между ними находился фрагмент третьего сосуда. Судя по сохранившимся фрагментам, самый крупный сосуд представлял собой плоскодонный горшок с ярко выраженным плечом и отогнутым наружу верхним краем. По плечику сосуд украшен орнаментом в виде вдавлений плоской лопаточкой. Поверхность сосуда серого цвета, бугристая, с примесью шамота в тесте. Сохранившаяся высота сосуда 13,8 см, диаметр устья 21,7 см, толщина стенки 0,9 см. Меньший сосуд имеет остроребёрную форму, отогнутый наружу венчик и резко сужающиеся ко дну стенки. Плечико украшено вдавлениями, выполненными плоской лопаточкой. Поверхность сосуда бугристая,

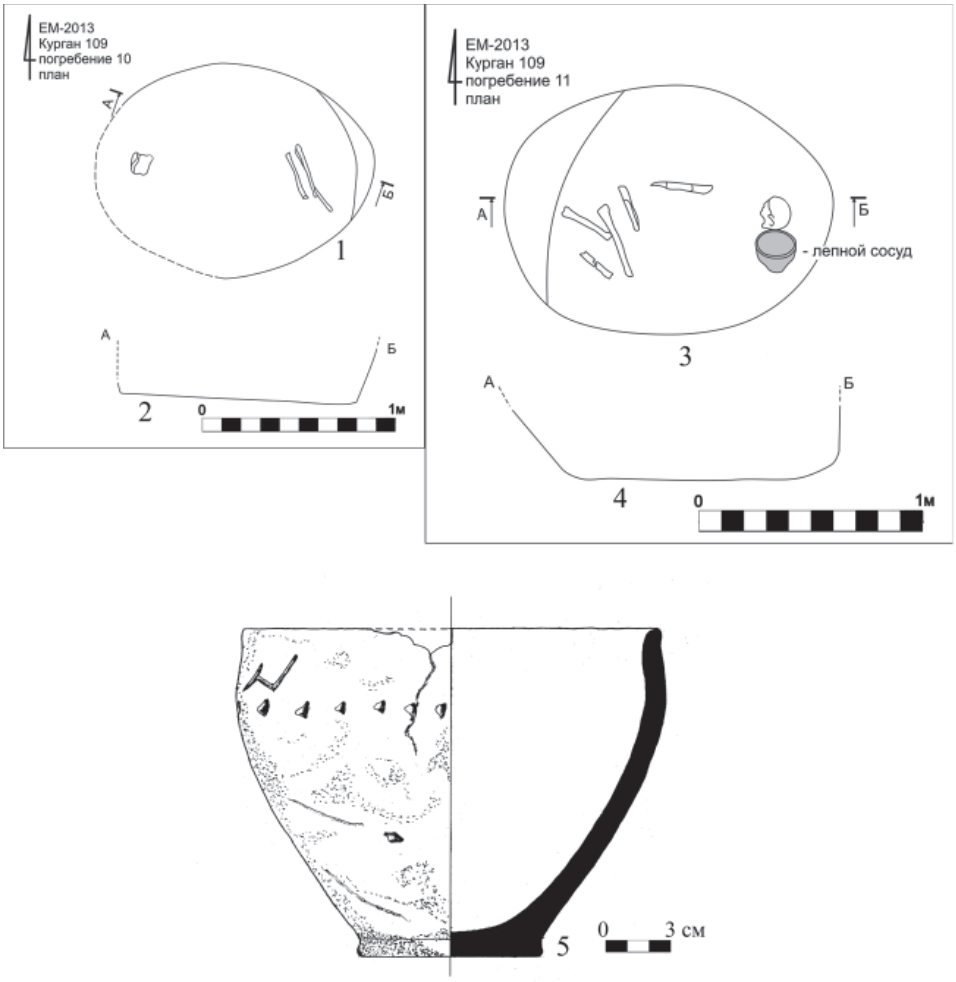

Рис. 6. План погребений кургана 109/1 и инвентарь: 1 – погребение 10; 2 – разрез погребения 10; 3 – погребение 11; 4 – разрез погребения 11; 5 – сосуд из погребения 11.
Fig. 6. Burial plan of burial barrow 109/1 and artifact set: 1 – burial 10; 2 – section of burial 10; 3 – burial 11; 2 – section of burial 11; 5 – vessel from burial 11

серого цвета, со следами нагара под верхним краем. Тесто без видимых примесей. Сохранившаяся высота сосуда 11 см, диметр устья 16,5 см, диаметр плечика 16,4 см, толщина стенки 0,8 см. Третий фрагмент представлял собой сосуд со слабо выраженным плечиком и прямосрезанным верхним краем. Поверхность сосуда чёрного цвета со следами подлощения и примесью песка в тесте. Диаметр устья 15 см, толщина стенки 1,1 см. Погребальный обряд, форма могильной ямы и положение индивида, а также инвентарь позволили авторам датировать погребение ранним периодом эпохи поздней бронзы.

Погребение 10 (рис. 6: 1, 2) располагалось к юго-западу от центра кургана 109/1, на расстоянии 9,20 м от R0, на глубине 2,73 м. Могильная яма в форме овала размером 1,40×1,10 м была ориентирована длинной осью по линии В – З. Её восточная стенка была скошена ко дну, а западная граница читалась с трудом. На дне могильной ямы находились фрагменты скелета человека (черепа и берцовых костей) крайне плохой сохранности. Судя по их расположению, индивид был уложен в скорченном положении головой на З. Инвентарь отсутствует. Погребение относится к эпохе бронзы.

Погребение 11 (рис. 6: 3, 4) находилось к юго-западу от центра кургана 109/1, на расстоянии 6 м от R0, на глубине 2,73 м. Могильная яма овальной формы размером 1,45×1,10 м была ориентирована длинной осью по линии В – З. Западная стенка ямы была скошена ко дну, тогда как восточная оставалась отвесной. На дне могильной ямы находились остатки скелета взрослого человека. Сохранились фрагменты черепа, левая плечевая кость, а также частично фрагментированные бедрен-

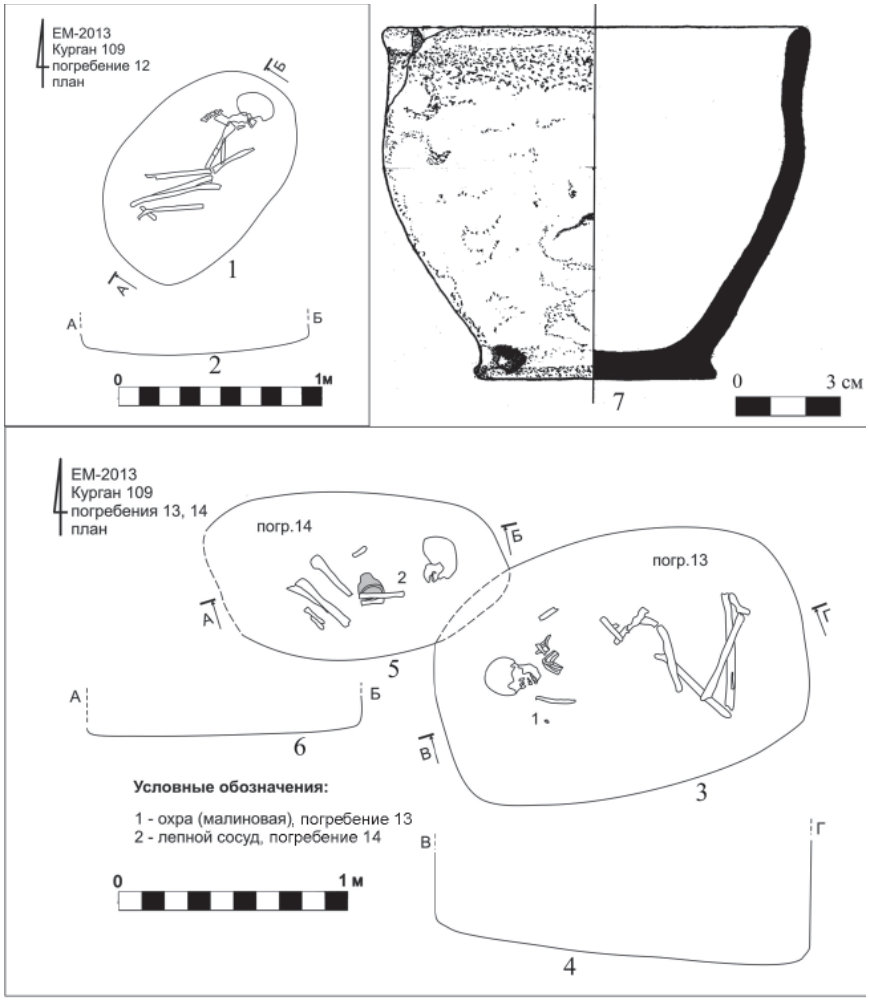

Рис. 7. План погребений кургана 109/1 и инвентарь: 1 – погребение 12; 2 – разрез погребения 12; 3 – погребение 13; 4 - разрез погребения 13; 5 - погребение 14; 6 - разрез погребения 14; 7 – сосуд из погребения 14

Fig. 7. Burials plan of barrow 109/1 and artifact set: 1 – burial 12; 2 – section of burial 12; 3 – burial 13; 4 – section of burial 13; 5 – burial 14; 6 – section of burial 14; 7 – vessel from burial 14

ные и берцовые кости. Расположение костных остатков позволяет предположить, что индивид лежал на левом боку в скорченном положении, головой на восток. Положение рук и ног точно не реконструируется. К югу от черепа был помещён лепной сосуд. Это сосуд (рис. 6: 5) с коротким, слабо отогнутым наружу округлым венчиком. Тулово имеет слегка выпуклую форму. Наибольший диаметр тулова находится в верхней части сосуда. Дно сосуда плоское, узкое, с выраженными закраинами. Орнамент состоит из ряда небольших подтреугольных вдавлений, расположенных по линии наибольшего диаметра тулова. Над этим мотивом на шейке сосуда прочерчен знак, который, вероятно, является небольшим фрагментом однорядного горизонтального зигзага. Цвет поверхности сосуда варьирует от светло-серого до тёмного. В тесте присутствует примесь песка. Параметры сосуда: высота 15 см, диаметр венчика 19 см, диаметр тулова 19,4 см, диаметр поддона 8,3 см, высота поддона 0,8 см, толщина стенки 1,1 см. На основании обряда захоронения и инвентаря погребение может быть датировано эпохой поздней бронзы.

Погребение 12 (рис. 7: 1, 2) располагалось к югу от центра кургана 109/1, на расстоянии 6,80 м от R0, на глубине 2,45 м. Могильная яма имела овальную форму в плане и была ориентирована длинной осью по линии ВСВ – ЗЮЗ. Размеры ямы составляли 1,10×0,75 м. Дно могильной ямы имело вогнутую форму: в центральной части глубина была на 5 см больше, чем по краям. На дне располагался скелет человека достаточно хорошей сохранности. Судя по всему, индивид располагался на левом боку в скорченном положении, головой на ВСВ.

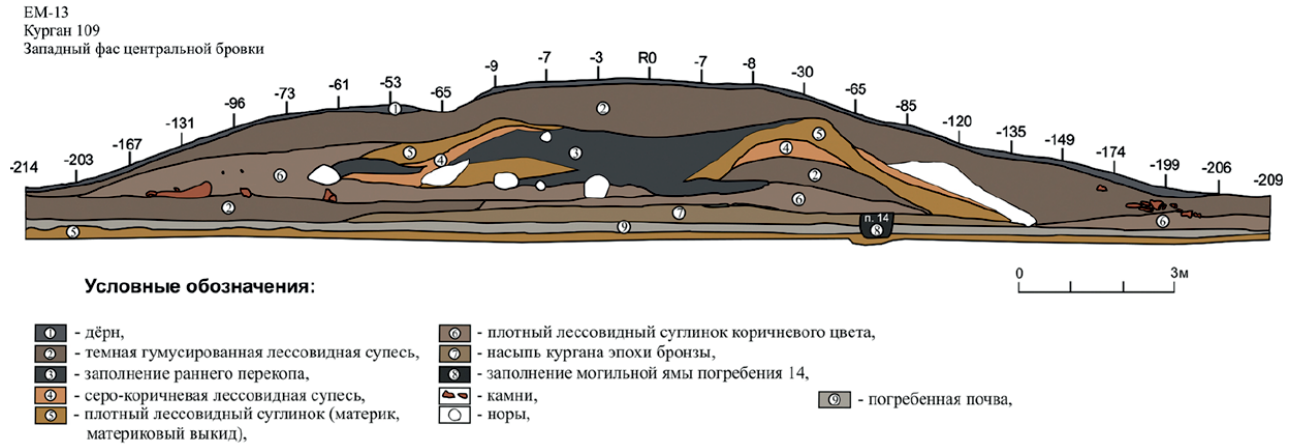

Рис. 8. Западный фас центральной бровки кургана 109
Fig. 8. Western face of main baulk of barrow 109

Правая рука была согнута в локте, кисть располагалась у лицевой части черепа. Ноги были согнуты в коленях под острым углом. Инвентарь в погребении отсутствует. На основании особенностей погребального обряда погребение может быть отнесено к эпохе бронзы.

Погребение 13 (рис. 7: 3, 4) находилось к юго-востоку от центра кургана 109/1, на расстоянии 3,10 м от R0, на глубине 3,10 м. Могильная яма овальной формы была ориентирована длинной осью по линии ЗЮЗ – ВСВ. Размеры ямы составляли 1,60×1,10 м. Стенки ямы были отвесными, дно – ровным. На дне могильной ямы находился скелет взрослого человека, сохранившийся довольно хорошо. Сохранились череп, небольшая часть грудной клетки, отдельные фрагменты костей рук и кости ног. Расположение костных остатков позволяет предположить, что индивид лежал на правом боку в скорченном положении, головой на запад – юго-запад. Положение рук не восстанавливается, ноги были согнуты в коленях под острым углом. В 0,2 м к югу от черепа обнаружен небольшой фрагмент охры малинового цвета. Иной инвентарь отсутствует. На основании особенностей погребального обряда, а также наличия охры малинового цвета авторы датируют погребение эпохой ранней бронзы.

Погребение 14 (рис. 7: 5, 6) было сооружено к юго-востоку от центра кургана 109/1, на расстоянии 4,20 м от R0, на глубине 2,94 м. Могильная яма овальной формы была ориентированная длинной осью по линии З – В. Юго-восточная часть ямы прорезала могильную яму погребения 13. Размеры ямы составляли 1,20×0,7 м. Западная граница ямы читалась с трудом. На дне могильной ямы обнаружены фрагменты скелета человека: череп, отдельные фрагменты костей рук и кости ног. Расположение костных остатков позволяет предположить, что индивид лежал на левом боку в скорченном положении, головой на восток. Ноги были согнуты в коленях под острым углом. Положение восстанавливается только у правой руки, которая, судя по остаткам костей, была согнута в локте и кистью направлена к черепу. Между коленями и локтями погребенного на боку лежал лепной сосуд. Это сосуд баночной формы (рис. 7: 7). Сосуд имел плоское дно с выраженной закраиной и высокий, слабо профилированный венчик. Поверхность сосуда чёрного цвета, хорошо заглажена; в тесте присутствуют примеси шамота и песка. Параметры сосуда: высота 9,8 см, диаметр верхнего края 11,8 см, наибольший диаметр тулова 11,6 см, диаметр дна 6,6 см, толщина стенки 0,62 см. На основании погребального обряда и формы сосуда погребение может быть датировано эпохой поздней бронзы.

Насыпь кургана 109 имела сложную архитектуру (рис. 8). Удалось проследить последовательность сооружения погребального комплекса, которую возможно реконструировать следующим образом.

В центральной части будущего кургана была подготовлена обширная площадка, в центре которой была сооружена могильная яма погребения 1. Выкид из ямы был выложен вокруг неё в виде мощного вала, часть которого была сооружена из глинобитных «кирпичей». После чего вся площадка вместе с валом вокруг могильной ямы, а также стенки этой

ямы были покрыты мощным слоем камыша, который отчетливо читался на стенках ямы. Толстым слоем камыша также была покрыта и ниша в северо-восточном углу могильной ямы погребения 1, где был обнаружен бронзовый котел. В восточной части ямы зафиксированы следы грабительских воронок. Перекрытие могильной ямы, если таковое существовало, проследить не удалось. Следов деревянных конструкций зафиксировано не было. Насыпь кургана 109 при сооружении была укреплена каменной крепидой, большая часть которой была выбрана казаками. В отдельных местах крепиды зафиксированы следы погребальной тризны в виде скопления амфорной, лепной керамики и костей животных. В западной части крепиды следы погребальной тризны зафиксированы на уровне насыпи кургана 109/1, а в восточной части – на уровне погребенной почвы. В западной части крепиды, под камнями рядом с костями животного, а также в насыпи кургана к югу от погребения 1 были обнаружены два целых человеческих черепа (рис. 2: 1, 2). Учитывая тот факт, что черепа обнаружены среди остатков крепиды в насыпи кургана эпохи раннего железного века, в котором следы впускных захоронений отсутствуют, а иных костей скелета обнаружено не было, возможно предположить, что обнаруженные черепа связаны с ритуальным жертвоприношением при совершении погребальной тризны.

В процессе исследования остатков крепиды, в различных её частях были обнаружены обломки транспортных амфор, использованных в момент совершения тризны. Всего было обнаружено девять фрагментов ножек и два фрагмента венчиков амфор Гераклеи Понтийской, два обломка ножек и фрагмент венчика амфор Фасосса. Наибольшее скопление фрагментов амфор было зафиксировано в западной части крепиды.

В северо-восточной части насыпи кургана 109 была обнаружена грабительская траншея, достигавшая уровня материкового суглинка.

Погребение 1 (рис. 9: 1–3) было расположено в центральной части кургана 109, в 5 м от R0, на глубине 3,50 м. В верхней части яма имеет овальную в плане форму и размеры по линии ЮЮЗ – ССВ 5,60 м; по линии СЗЗ – ЮВВ 4,80 м. Стенки ямы сужаются ко дну. Дно имело квадратную форму и размеры 2,70×2,70 м. На дне могильной ямы были отчётливо прослежены неглубокие канавки, ширина которых не превышала 0,15 м. Они были заглублены в дно и располагались вдоль стенок ямы, а также параллельно друг другу приблизительно на одинаковом расстоянии в направлении З – В. Стенки могильной ямы, дно, а также канавки были устланы камышом, остатки которого были зафиксированы практически по всей площади. Погребение было ограблено в древности, о чём свидетельствует затёчная структура заполнения ямы. Судя по всему, грабители проникли в могилу с западной стороны, где были прослежены границы грабительской ямы и не было зафиксировано камышовой подстилки.

В западном секторе заполнения могильной ямы были встречены фаланги, позвонки и фрагмент нижней челюсти человека. В центральной части могильной ямы на глубине 4,03 м находились остатки скелета взрослого человека. В юго-восточной части ямы в анатомическом порядке были зафиксированы берцовые кости левой ноги с остатками стопы. Положение индивида не восстанавливается, но, судя по расположению берцовых костей с остатками ступни и местонахождению остатков напутственной пищи и транспортных амфор, он был ориентирован головой на З. У восточной стенки ямы, в юго-восточной её части, находились кости животных – остатки напутственной пищи. Также остатки костей животного были зафиксированы в бронзовом котле.

Инвентарь

В заполнении грабительской камеры был обнаружен фрагмент серебряной гривны, изготовленной из витого жгута (рис. 10: 1). Длина сохранившегося фрагмента гривны – 14 см, внешний диаметр – около 18 см.

Там же был обнаружен трёхлопастной бронзовый наконечник стрелы с острой головкой пирамидальной формы и углублениями на лопастях (рис. 10: 2).

На дне ямы, к западу от костей животных, находились остатки колчанного набора (центральный) в виде «спёкшихся» бронзовых наконечников стрел в количестве 28 экземпляров (рис. 10: 3). Судя по сохранившимся экземплярам, все они имеют острую головку пирамидальной формы с углублениями на лопастях. Такие наконечники А.И. Мелюкова включала в третью хронологическую группу (Мелюкова, 1964, с. 23).

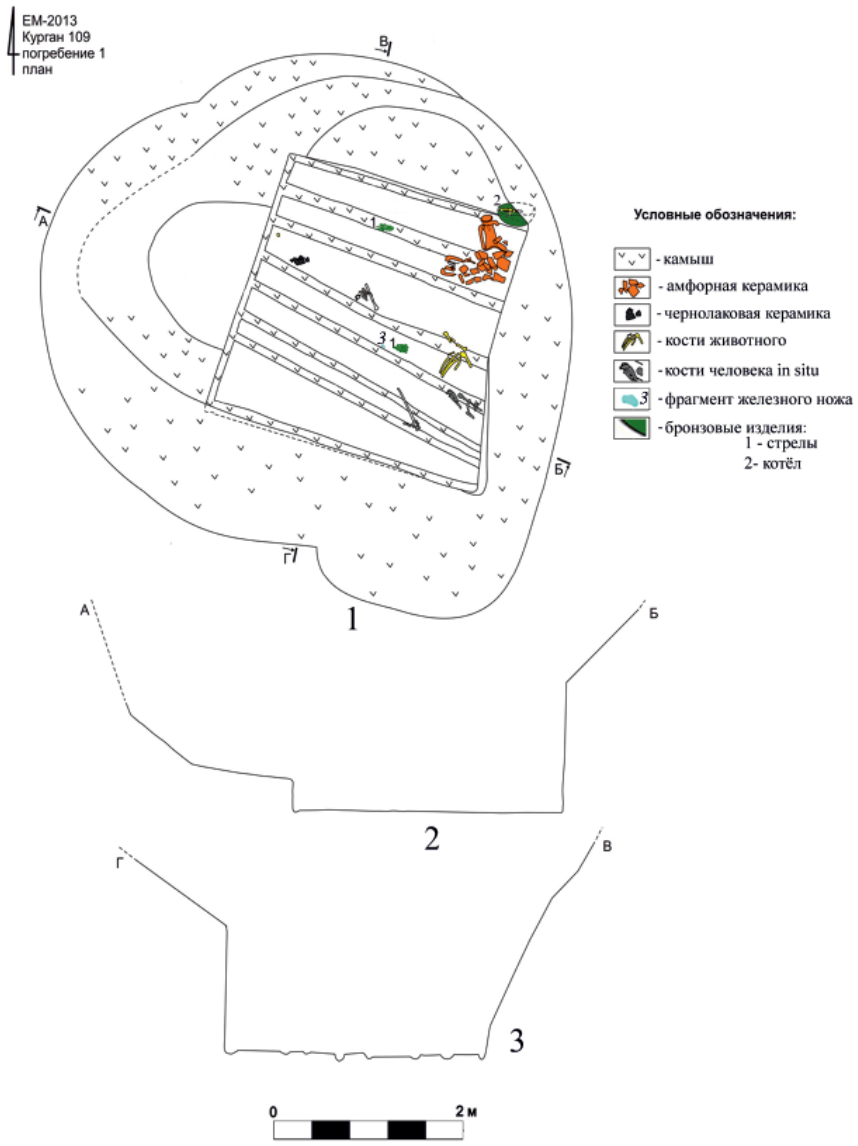

Рис. 9. План и разрез погребения 1 кургана 109: 1 – план погребения; 2 – разрез погребения 1 по линии А-Б; 3 – разрез погребения 1 по линии Г-В

Fig. 9. Plan and section of burial 1 at barrow 109: 1 – burial plan; 2 – section of burial 1 along the А-Б line; 3 – section of burial 1 along the В-Г line

К западу от этого колчанного набора был обнаружен фрагмент рукоятки, очевидно, однолезвийного меча с остатками костяных накладок, крепившихся при помощи бронзовых заклепок (рис. 10: 4). Длина сохранившегося фрагмента 5,5 см, ширина – 2,7 см. Однолезвийные мечи с костяными накладками на рукояти встречались в погребениях Елизаветовского могильника неоднократно (Янгулов, 2008, с. 64–70).

На расстоянии 0,45 м от северной стенки ямы находились остатки ещё одного колчанного набора (северный), который сохранился в виде остатков следов бронзового окисла, и поэтому форму наконечников восстановить не удалось (рис. 10: 5).

У западной стенки ямы были обнаружены фрагменты раздавленного чёрнолакового аттического килика на высоком кольцевом поддоне (рис. 10: 6). Полностью килик не восстанавливается, однако сохранившиеся следы прилепа позволяют говорить о том, что он обладал петельчатыми ручками. На внутренней стороне дна сохранился орнамент в виде штампованных пальметок. Лак блестящий, черного цвета и хорошего качества. Высота килика 7,5 см, диаметр устья 10,8 см, диаметр поддона 6,6 см.

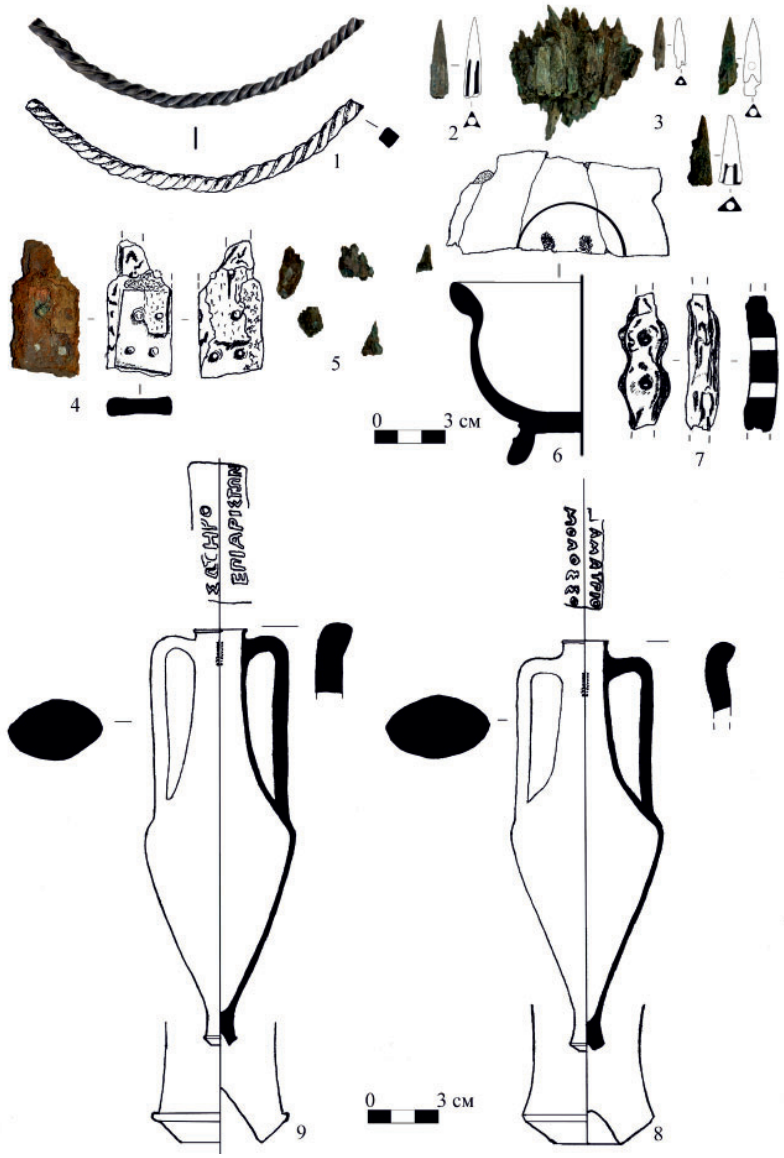

Рис.10. Инвентарь погребения 1 кургана 109: 1 – фрагмент гривны; 2 – наконечник стрелы; 3 – остатки колчанного набора (центральный); 4 – фрагмент рукоятки меча; 5 – остатки колчанного набора (северный); 6 – фрагмент чёрнолакового килика; 7 – фрагмент псалия; 8,9 – амфоры Гераклеи Понтийской

Fig. 10. Burial set from burial 1 of barrow 109: 1 – fragment of a torque; 2 – arrowhead; 3 – remains of a quiver set (central); 4 – fragment of a sword hilt; 5 – remains of a quiver set (northern); 6 – fragment of a black lacquer kylix; 7 – fragment of a bit shank; 8,9 – amphorae of Heraclea of Pontus

В северо-восточном углу могильной ямы устьем на север лежала раздавленная транспортная амфора Гераклеи Понтийской (рис. 10: 8) с двустрочным клеймом на горле, содержащим эпоним ΜΟΛΟΣΣΟΣ, отнесенный В.И. Кацем ко II Магистратской группе и датируемый 80–70 гг. IV в. до н. э. (Кац, 2007, с. 429, табл. V-3, 7).

Рядом с первой амфорой, к югу от неё, устьем на запад лежала вторая раздавленная транспортная амфора Гераклеи Понтийской (рис. 10: 9). На её горле также содержалось двустрочное клеймо с эпонимом ΑΡΙΣΤΩΝ, отнесенное ко II Магистратской группе, датируемой В.И. Кацем 80–70 гг. IV в. до н. э. (Кац, 2007, с. 429, табл. V-3, 9).

В северо-восточном углу могильной ямы в специально обустроенной нише стоял бронзовый котёл с петельчатыми вертикальными ручками и расширяющейся к основанию полой ножкой (рис. 11). Эллипсовидное тулово котла имело довольно хорошую сохранность. Высота котла 27,5 см, высота ножки 9,9 см, размеры верхнего края 39,5×28,5 см.

Рис. 11. Котёл из погребения 1 кургана 109.
Fig. 11. Cauldron from burial 1 of barrow 109

Вертикальные ручки, овальные в сечении (размером 1,7×1,3 см), имеют высоту 3,2 см и ширину 7,7 см. Диаметр ножки у основания 16 см, в месте соединения с туловом – 9,9 см; ширина её верхнего края – 1,3 см, а толщина стенки – 1,1 см. Внутрь котла в древности была помещена расчленённая пополам тушка овцы. Важно подчеркнуть, что ниша изначально была сделана в стене могильной ямы с целью использования ее в качестве тайника. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что перекрывающая нишу стенка была покрыта толстым слоем камыша. Именно это позволило сохранить котел от грабителей. Стоит отметить, что помещение в бронзовый котел тушек овцы является характерной особенностью элитных елизаветовских курганов и встречается в различных группах Елизаветовского могильника (Миллер, 1910, с. 103).

Дата погребения определяется двумя клейменными гераклейскими амфорами 80–70 гг. IV в. до н. э. Этому не противоречит и датировка чернолакового аттического килика (Чечулина, 2020, с. 251–274). Необходимо отметить, что в заполнении грабительской мины был обнаружен фрагмент железного псалия с восмёрковидным утолщением в средней части (рис. 9: 7).

Погребение 3 (рис. 12: 1, 2) было сооружено у восточного края насыпи кургана 109, в 6,53 м от R0, на глубине 3,35 м. Квадратная в плане могильная яма была ориентирована сторонами по линии СЗ – ЮВ и СВ – ЮЗ. В центральной части заполнение ямы имело затёчную структуру, что свидетельствует об ограблении погребения в древности. В западной части заполнения ямы, у дна, встречались отдельные камни, которые попали туда, как нам представляется, из крепиды. Размеры ямы 2,15×2,15 м. Стенки ямы слегка наклонены ко дну, дно ровное. На дне ямы находились два камня. Ни остатков скелета, ни какого-либо инвентаря не было зафиксировано.

Погребение 4 (рис. 12: 3, 4) находилось к юго-востоку от центра кургана 109, в 7,45 м от R0, на глубине 3,12 м. Прямоугольная могильная яма была ориентирована длинной осью по линии СЗ – ЮВ. В западной части заполне-

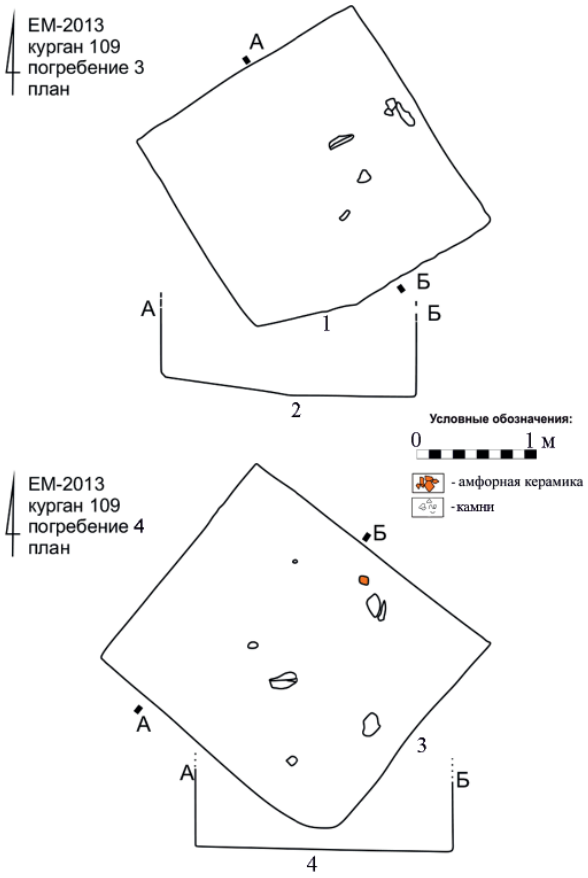

Рис. 12. Планы и разрезы погребений 3 и 4 кургана 109: 1 – план погребения 3; 2 – разрез погребения 3; 3 – план погребения 4; 4 – разрез погребения 4
Fig. 12. Plans and sections of burials 2 and 3 of barrow 109: 1 – plan of burial 3; 2 – section of burial 3; 3 – plan of burial 4; 4 – section of burial 4

ние ямы имело затёчную структуру. Стенки ямы наклонены ко дну, дно ровное. Размеры могильной ямы 2,61×1,98 м. В заполнении ямы встречались отдельные камни и мелкие фрагменты стенок амфор, которые, очевидно, попали туда из крепиды в момент ограбления погребения. На дне ямы остатков скелета погребённого и погребального инвентаря обнаружено не было. Следует отметить, что могильная яма погребения 4 попала во вторую восточную контрольную бровку, и тот факт, что её границы в бровке не читались, свидетельствует о том, что она была сооружена до момента возведения насыпи, а грабительская мина, зафиксированная в западной части могильной ямы, ни в одну из контрольных бровок не попала, потому что оказалась между ними. Таким образом, у нас есть все основания считать погребение 4 синхронным погребению 1. Кроме того, как уже ранее отмечали исследователи, для курганов Елизавтовского могильника, сооруженных в период V–IV вв. до н. э. впускные погребения не характерны (см.: Русаков, 2020, с. 230; Марченко и др., 2000, с. 216).

В ходе исследования кургана 109, в 12 м к западу от границ его насыпи, были зафиксированы остатки тризны в виде лепного плоскодонного горшка, массивного наконечника копья, лежащего остриём на север, и фрагмента железного гвоздя, находившегося под ним (рис. 13: 3). Лепной горшок имеет округлое тулово, узкое дугообразное в разрезе горло и ярко выраженную придонную часть (рис. 13: 2). По плечику нанесен орнамент в виде пальцевых вдавлений. Поверхность рыхлая, черного цвета. В тесте в качестве примеси использованы слюда и песок. Размеры горшка: высота 16,7 см, диаметр устья 12,9 см, наибольший диаметр тулова 15,5 см, диаметр дна 7,4 см. Аналогичный сосуд происходит из погребения № 1/2009 восточной группы Елизаветовского могильника «Пятьдесят шесть курганов», датированного третьей четвертью IV в. до н. э., и отнесен нами к варианту В I типа горшков Елизаветовского могильника (Губарев, 2024б, с. 176–177). Положение наконечника позволяет говорить, что первоначально он мог быть воткнут в грунт. Перо наконечника копья имело остролистную форму и линзовидное сечение (рис. 13: 1). Втулка не сохранилась. Длина сохранившейся части наконечника 43 см, ширина пера – 8 см.

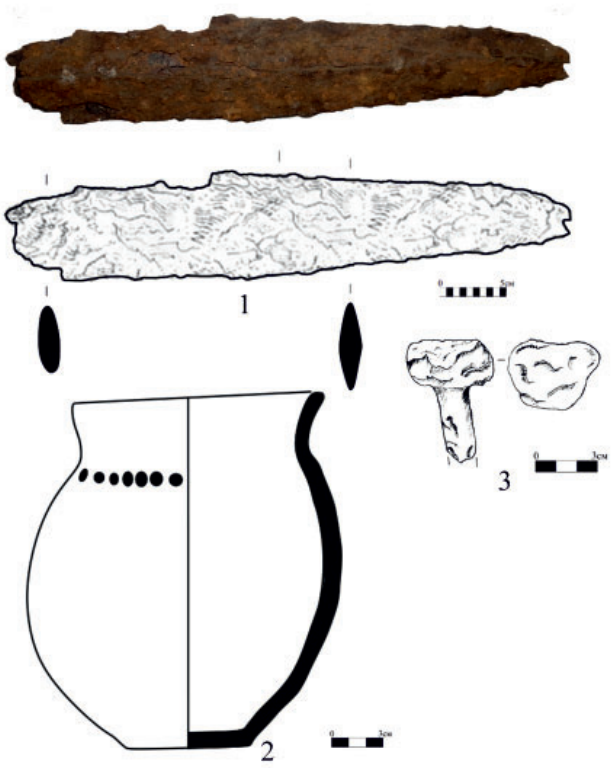

Рис. 13. Находки из тризны кургана 121 1981 года: 1 – наконечник копья, 2 – лепной горшок, 3 – фрагмент гвоздя.

Fig. 13. Findings from funeral feast of barrow 121 discovered in 1981: 1 – spearhead, 2 – hand-made pot, 3 – nail fragment

По всей видимости, эта тризна относится к кургану 121, исследованному курганным отрядом Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1981. Именно в этом кургане была открыта могильная яма с каркасно-столбовой конструкцией (Копылов, 1982). Важно подчеркнуть, что наконечники копий в составе погребальных тризн на территории Елизаветовского могильника встречаются довольно редко.

В итоге отметим, что исследование кургана 109 Елизавтовского могильника подтверждает гипотезу о существовании в дельте Дона переправы, функционировавшей еще с эпохи бронзы (Русаков, 2020, с. 230). Кроме того, архитектура насыпи исследованного кургана, выполненная с применением глинобитных конструкций, которые впервые были зафиксированы П.И. Хицуновым в группе «Пять братьев» (ОАК, 1874, с. XLIII), позволяет отнести курган 109 к группе элитных курганов Елизаветовского могильника. Особо

стоит отметить, что впервые для Елизаветовского могильника были зафиксированы человеческие жертвоприношения, совершенные в момент погребальной тризны.

Примечания:

[1] Учитывая тот вклад, который внес В.П. Копылов не только в полевой этап работ, но и в обработку полученного материала, считаем своим долгом подчеркнуть его соавторство в данной работе.

ЛИТЕРАТУРА

Губарев И.В. Елизаветовский археологический комплекс по данным картографии и немецкой аэрофотосъемки 1940-х гг. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 2024а. С. 34–47.

Губарев И.В. Лепная керамика V-III вв. до н.э. из Елизаветовского могильника на Нижнем Дону // КСИА. 2024б. № 277. С. 177–191. DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.277.175-189.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, 2007. 480 с.

Копылов В.П. Отчёт о раскопках Елизаветовского могильника в Ростовской области в 1981 году. Ростов-на-Дону, 1982 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 8733.

Копылов А.В., Копылов В.П., Коваленко А.Н., Русаков М.Ю., Янгулов С.Ю., Бокша Ю.И., Меньшикова В.А. Исследования Елизаветовского городища и его окрестностей в 2011 и 2013 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 372–375.

Копылов А.В., Копылов В.П. Элитный скифский курган № 109 Елизаветовского могильника // Виноградовские чтения: материалы Международной научно-практической конференции (11 апреля 2015 года) / Отв. ред. С.Л. Дударев. Армавир: ТоварищЪ, 2015. С. 18–21.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М.: Палеограф, 2000. 281 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов / САИ. Вып. Д1-4. М.: Наука, 1964. 113 с.

Миллер А.А. Раскопки въ районѣ древняго Танаиса (съ 1 табл. и 30 рис.) // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 35. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1910. С. 86–130.

Отчет ИАК за 1870 и 1871 годы с атласом. СПб.: [б. и.], 1874. XLIV, 303 с.

Русаков М.Ю. Исследование кургана 136 Елизаветовского могильника // КСИА. 2020. № 259. С. 221-232. DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.259.221-232.

Чечулина И.А. Аттическая чернолаковая керамика со штампованным орнаментом из Ольвии // Stratum plus. 2020. № 3. С. 251-274.

Янгулов С.Ю. Оружие из погребений V в. до н.э. Елизаветовского могильника в дельте Дона // РА. 2008. № 1. С. 63-72.

Информация об авторах:

Копылов Андрей Викторович, независимый исследователь (г. Москва, Россия), andrey.kopylov@gmail.com

Копылов Виктор Павлович (1948-2020), кандидат исторических наук, профессор, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Губарев Иван Викторович, доцент, Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону, Россия), ivan8.93@mail.ru

REFERENCES

Gubarev, I. V. 2024. In Kovalenko, A. N. (ed). *Prichernomore v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia (The Black Sea region in Ancient and Early Medieval period)* 3. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU, 34–47 (in Russian).

Gubarev, I. V. 2024. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 277, 177–191 (in Russian). DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.277.175-189.

Katz, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)(Greek ceramic stamps of classical and hellenistic epoch (Complex research result)).* Series: Bosporskie

issledovaniia (Bosporan Studies) XVIII. Simferopol – Kerch: Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies named after A.E. Krymsky of the NAS of Ukraine (in Russian).

Kopylov, A. V. 1982. *Otchet o raskopkakh Elizavetovskogo mogilnika v Rostovskoi oblasti v 1981 godu (Report on the excavations of the Elizavetovskiy burial ground in the Rostov region in 1981)*. Rostov-on-Don. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences F. R-1, no 8733 (in Russian).

Kopylov, A. V., Kopylov, V. P., Kovalenko, A. N., Rusakov, M. Yu., Yangulov, S. Yu., Boksha, Yu. I., Men'shikova, V. A. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 godakh (Archaeological Discoveries in 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 372–375 (in Russian).

Kopylov, A. V., Kopylov, V. P. 2015. In Dudarev, S. L. (ed.). *Vinogradovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (11 aprelya 2015 goda) (Vinogradov's Readings: proceedings of the International scientific and practical conference (April 11, 2015))*. Armavir: "Tovarishch" Publ., 18–21 (in Russian).

Marchenko, K. K., Zhitnikov, V. G., Kopylov, V. P. 2000. *Elizavetovskoe gorodishche na Donu (Elizavetovskoye hillfort on the Don).* Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian)

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Armament of the Scythians).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources). D1–4. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Miller, A. A. 1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 35. Saint Petersburg, 86–130 (in Russian).

1874. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1870 i 1871 gody s atlasom (Report of the Imperial Archaeological Commission from 1870 and 1871 with atlas)*. Saint Petersburg (in Russian).

Rusakov, M. Yu. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 259, 221–232 (in Russian). DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.259.221-232.

Chechulina, I. A. 2020. In *Stratum plus* (3), 251–274 (in Russian).

Yangulov, S. Yu. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 63–72 (in Russian).

About the Authors:

Kopylov Andrey V. independent researcher (Moscow, Russia), andrey.kopylov@gmail.com

Kopylov Viktor P. (1948-2020) PhD in History, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Gubarev Ivan V. Associate Professor, Don State Technical University. 1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, Rostov region, 344000, Russian Federation; ivan8.93@mail.ru

Статья поступила в журнал 26.02.2025 г.
Статья принята к публикации 26.08.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 9.903.7 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.67.90

ТИПОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЛЬ ХРАМОВЫХ КОМПЛЕКСОВ БАКТРИИ И МАРГИАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

© 2026 г. А.М. Курбонов, Ш.Б. Шайдуллаев, Е.Е.Воробьева, Р.Р. Фахрутдинов, Е.Н.Голубева

Статья посвящена комплексному анализу монументальных сооружений на территории Бактрии и Маргианы в эпоху бронзы (рубеж III–II – первая половина II тыс. до н.э.). На материалах археологических исследований ключевых памятников (Гонур, Тоголок, Джаркутан, Дашли) Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) авторы предлагают новую типологию монументальных комплексов. Классификация основана на объективных критериях: особенностях архитектурной планировки, организации внутреннего пространства и специфике археологического инвентаря. Важно подчеркнуть, что авторы используют термин «храм», как условное обозначение, и ставят целью верификацию гипотезы о существовании специализированных культовых центров. В результате исследования делается вывод о полифункциональности монументальных комплексов, которые выступали в роли общественно-культовых центров, обеспечивавших социальную интеграцию и управление. Их функционирование свидетельствует о наличии в обществе БМАК консолидированной элиты, совмещавшей религиозные, военные и административные функции в период формирования стратифицированного общества.

Ключевые слова: археология, Центральная Азия, эпоха бронзы, БМАК, Бактрия, Маргиана, храм, алтарь, типология, элита.

TYPOLOGY AND SOCIAL ROLE OF TEMPLE COMPLEXES IN BRONZE AGE BACTRIA AND MARGIANA

A.M. Kurbonov, Sh.B. Shaydullaev, E.E. Vorobieva, R.R. Fakhrutdinov, E.N. Golubeva

The article deals with a comprehensive analysis of monumental structures on the territory of Bronze Age Bactria and Margiana (the turn of the III–II – the first half of the II millennium BC). Based on the materials of archaeological research of key sites (Gonur, Togolok, Jarkutan, Dashli) of the Bactrian-Margian Archaeological Complex (BMAK) the authors propose a new typology of monumental complexes. The classification is based on objective criteria: the features of the architectural layout, the organization of the interior space and the specifics of the archaeological inventory. It is important to emphasize that the authors use the term "temple" as a symbol and aim to verify the hypothesis of the existence of specialized cult centers. The study concludes that monumental complexes were multifunctional, serving as public and cult centers that facilitated social integration and governance.Their functioning indicates the presence of a consolidated elite in the BMAK society that combined religious, military and administrative functions during the formation of a stratified society.

Keywords: archaeology, Central Asia, Bronze Age, BMAK, Bactria, Margiana, temple, altar, typology, elite.

Изучение монументальной архитектуры эпохи бронзы Центральной Азии остаётся одной из ключевых проблем археологии. На рубеже III/II и в первой половине II тыс. до н. э. на территории Бактрии (бассейн р. Амударьи) и Маргианы (дельта р. Мургаб) в рамках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее – БМАК), известного также в центральноазиатской археологии как цивилизация Окса, сформировались сложные архитектурные ансамбли, традиционно интерпретируемые как храмы. Монументальные комплексы БМАК, исследуемые на ключевых археологических объектах (Гонур, Тоголок, Джаркутан, Дашли), уже несколько десятилетий находятся в центре внимания специалистов (Аскаров, 1989; Сарианиди В.И., 1977, 1977а; Sarianidi, 1986, 1994; Хуфф, Шайдуллаев, 1999). С момента открытия памятников БМАК активно обсуждаются вопросы о функ-

циональном назначении и роли монументальных храмовых комплексов в обществе.

Первооткрыватель и ведущий исследователь памятников дельты р. Мургаб (Гонур-депе и Тоголок) В.И. Сарианиди последовательно отстаивал точку зрения о храмовом характере комплексов на примере археологических исследований Гонура и Тоголока (Сарианиди, 1984, 1989, 1990, 1990а, 1994, 1997, 2004, 2010). Основываясь на специфических архитектурных формах (алтари, жертвенники, «храмы огня» и «храмы воды») и находках предметов, связываемых с культовой практикой (ритуальная посуда, каменные и глиняные «скипетры», предметы с солярной и зооморфной символикой), В.И. Сарианиди интерпретировал эти сооружения как центры протозороастрийского культа (Сарианиди, 1990, 1998, 2007). В данной модели храм выступает как доминирующий идеологический и, вероятно, административный институт, вокруг которых консолидировалось общество и формировалась ранняя жреческая элита.

Исследователи, работавшие преимущественно на памятниках Бактрии (бассейн р. Амударьи), также признают культовую функцию рассматриваемых построек и акцентируют внимание на более широком социально-политическом контексте. Они подчеркивают, что эти здания были:

Центрами власти и управления. Их монументальность и расположение в центре поселений свидетельствуют о концентрации властных полномочий.

Резиденциями формирующейся элиты (включая жречество), контролировавшей ключевые ресурсы и символический капитал (Шайдуллаев, 2009, с. 107).

Административными узлами, о чем говорят находки многочисленных печатей и булл, служивших для учета и контроля товаров (Аскаров, Ширинов, 1985, с. 16–17; Шайдуллаева, Курбонов А.М., 2023; Курбонов, 2023, 2024).

Инструментом социальной стратификации и идеологической консолидации (Шайдуллаев, 2009, с. 58).

В этой парадигме храмы – это уже не только места для ритуалов, а полифункциональные институты, сочетавшие религиозную, административную и экономическую власть, что сближает их с понятием «протогосударственных» центров.

Ряд исследователей (Lamberg-Karlovsky, 1994; Francfort, 1984, 1994) подвергли прямолинейную «храмовую» интерпретацию сомнению. Проводя сравнительный анализ с синхронными цивилизациями Ближнего Востока, они указывают на отсутствие прямых письменных свидетельств, на сходство планировок некоторых построек с крупными общинными домами или резиденциями вождей. Так, например, H.-P. Francfort напрямую ставит вопрос о правомерности однозначной «храмовой» атрибуции. Он указывает, что многие архитектурные элементы (большие залы, платформы) имеют аналоги в светской (дворцовой) архитектуре Месопотамии и Ирана. Его сравнительный анализ показывает, что для уверенной интерпретации функции недостаточно лишь архитектурных аналогий, необходим скрупулезный анализ контекста находок внутри этих сооружений (Francfort, 1994; Francfort at al., 2005).

C.C. Lamberg-Karlovsky говорит о «вождествах» (chiefdoms) или т. н. «ханатах» бронзового века, избегая терминов «государство» или «храмовое хозяйство» в их классическом месопотамском понимании. Исследователь акцентирует внимание на региональной специфике и возможности существования различных моделей социальной организации, не обязательно центрированных исключительно на храме (Lamberg-Karlovsky, 1994).

Таким образом, в современной науке сформировалась дихотомия интерпретаций: с одной стороны – культово-ритуальная модель (преимущественно для Маргианы), а с другой – социополитическая и административная модель (чаще для Бактрии). Утверждения о «жреческой элите» или «административном контроле» не всегда подкрепляются детальным анализом того, какие именно артефакты, в каких конкретно зонах сооружений были найдены. Отсутствует единая типология, которая бы классифицировала эти комплексы не по умозрительным функциям, а по объективным, верифицируемым критериям: планировке, характеру внутреннего пространства и специфике материальных находок. Для продвижения в решении вопроса необходим системный анализ археологических данных эталонных памятников БМАК – Гонура, Тоголока, Джаркутана и Дашли (рис. 1) – и определение на этой основе их вероятной полифункциональной роли.

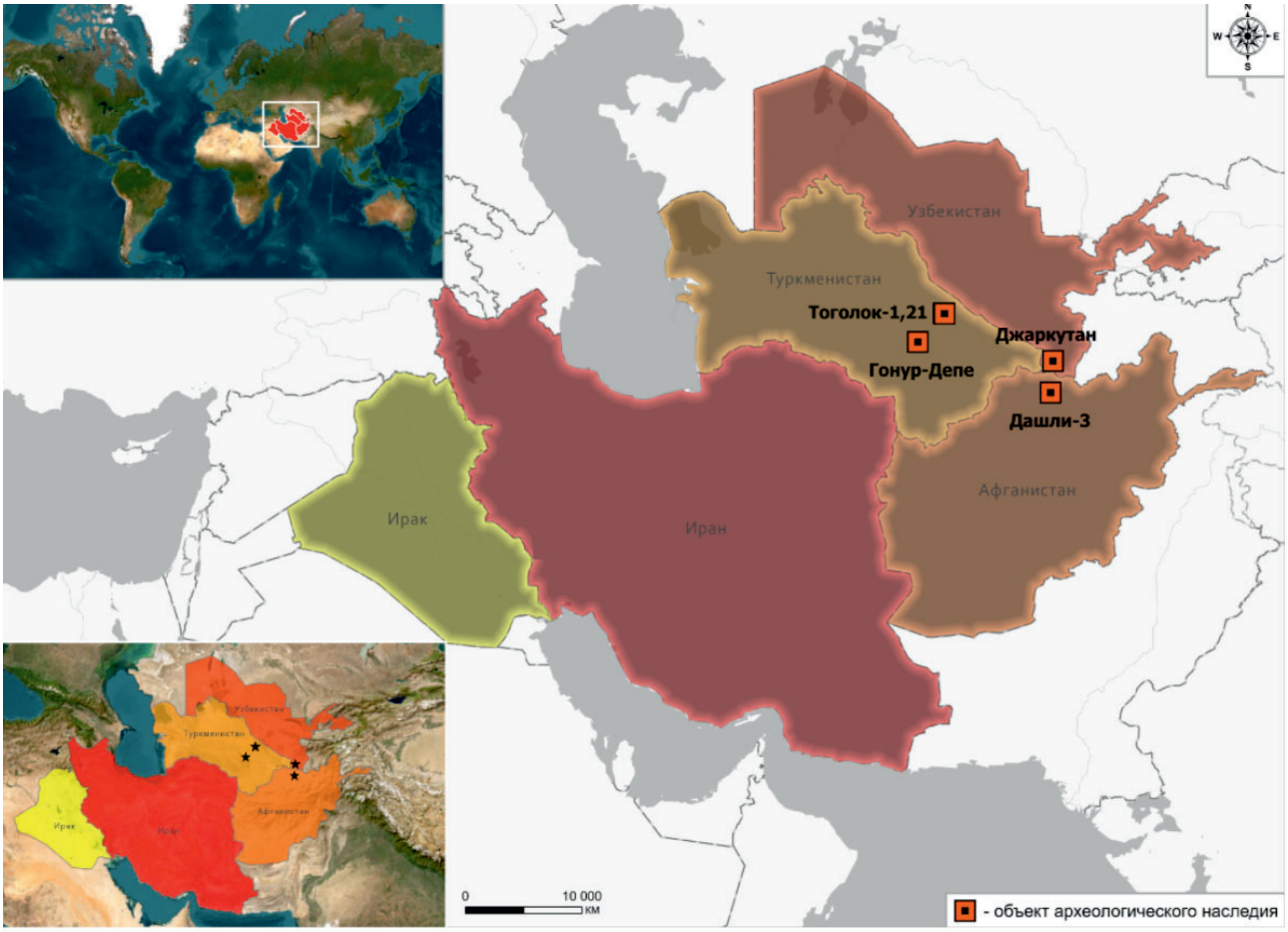

Рис. 1. Памятники Центральной Азии и Среднего Востока.
Fig. 1. Monuments of Central Asia and the Middle East.

Предположительно, процесс возникновения и развития храмовых центров был связан с комплексом социально-экономических процессов эпохи бронзы. Концентрация населения в крупных поселениях, зафиксированная археологически (например, площадь Гонура достигает 55 га), наличие специализированных ремесленных кварталов, выявленных на Джаркутане и Гонуре, и, что наиболее важно, имущественная дифференциация, убедительно документированная материалами некрополей (Дубова, 2004; Хамидов, Каттаева, 2025), могли создавать предпосылки для возникновения т. н. «религиозных» центров как самостоятельных институтов (Sarianidi, 1981).

Другим важным фактором развития храмов в бронзовом веке стало ускорение процессов социальной стратификации. Углубление разделения труда, выделение жреческого сословия и его возвышение до группы, обладающей специализированными религиозными знаниями, потребовали возведения храмов как особых архитектурных комплексов (Шайдуллаев, 2009). Однако, как будет показано ниже, археологические материалы БМАК не дают однозначных свидетельств о существовании обособленного жреческого сословия. Находки печатей и булл, интерпретируемые как инструменты учета, скорее указывают на контроль элиты над экономическими ресурсами, на ее статус как распределителей продуктов и участников принятия политических решений. В то же время данные артефакты не позволяют утверждать, что этот контроль осуществлялся именно жречеством (Francfort, 1994, 2009; Salvatori, 2000).

К числу ключевых факторов формирования храмов относятся и древние верования, такие как культ огня, воды, небесных светил, почитание предков и другие религиозные представления. Эти религиозно-философские концепции обусловили появление в архитектуре храмов таких элементов, как алтари,

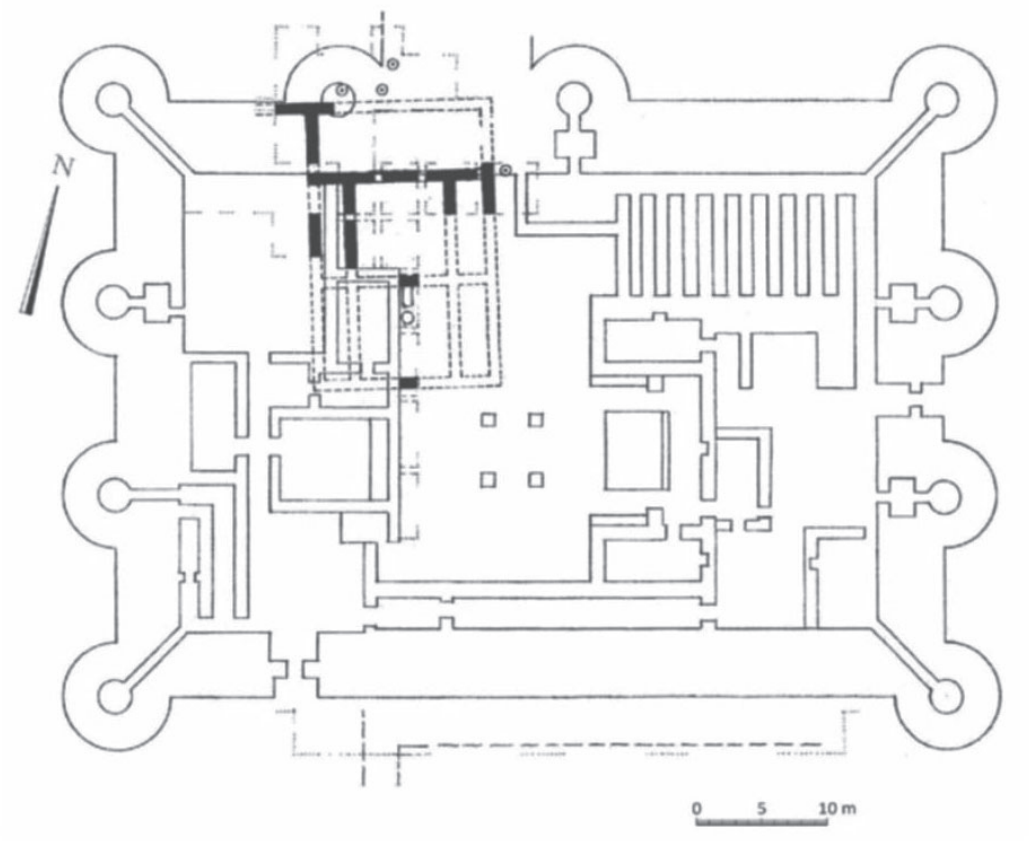

Рис. 2. План храма с центральным залом (Джаркутан) (по: Huff, 2000, p. 67).
Fig. 2. Plan of the temple with the central hall (Jarkutan) (according to Huff, 2000, p. 67).

священные огненные жертвенники, водные резервуары и ритуальные площадки. Так, в храме Тоголока-21 были обнаружены помещения для приготовления священного напитка, а в центральной части Гонура – ритуальные сооружения, связанные с водным культом, что является наглядным выражением указанных верований (Sarianidi, 1986; Сарианиди, 2004, с. 38–51). Следует отметить, что интерпретация этих элементов как культовых требует осторожности и сопоставления с контекстом находок.

Предлагаемая типология основана на комплексном анализе объективных археологических данных, а не на априорных функциональных определениях. В качестве основных критериев для выделения типов выбраны:

1) архитектурная планировка (общая конфигурация сооружения, система помещений);

2) организация внутреннего пространства (распределение функциональных зон, характер проходов и коммуникаций);

3) наличие специфических архитектурных элементов (стационарные алтари, ритуальные очаги, водные резервуары, платформы).

Синтез этих критериев и анализ артефактов, обнаруженных in situ, позволяет перейти от общих интерпретаций к верифицируемой классификации.

Тип А. Монументальные комплексы с центральным залом и стационарным алтарём. Яркими примерами данного типа служат сооружения на городищах Джаркутан (Бактрия) (рис. 2) и Тоголок-21 (Маргиана) (рис. 4). Планировочным ядром комплекса является крупное квадратное или прямоугольное помещение (площадью до 150–200 кв. м), часто выделенное массивными стенами и ориентированное по сторонам света. Вход в таких сооружениях, как правило, один, и он может быть усложнен системой коридоров или последовательностью помещений, создающих эффект выделения сакрального пространства. Доминантой интерьера служит монументальная ступенчатая или платформенная конструкция из сырцового кирпича или пахсы, интерпретируемая как алтарь и расположенная в центре или у дальней (обычно западной) стены. Алтарь иногда окружает невысокая ограда или подиум.

Рис. 3. План многоалтарного комплекса (Тоголок-1) (по Сарианиди, 1998, рис.52).
Fig. 3. Plan of the multi-altar complex (Togolok-1) (according to Sarianidi, 1998, fig.52).

Вокруг центрального зала могут группироваться небольшие вспомогательные комнаты, лишенные столь выраженных архитектурных доминант.

На поверхности и у подножия алтарей фиксируются мощные прослойки прокаленной глины и золы – свидетельства многократного разведения ритуального огня. Рядом обнаруживаются специализированные сосуды, тонкостенные кубки на высоких поддонах для возлияний, небольшие чаши-жаровни для сожжения ароматических веществ (Сарианиди, 2010, с. 78). Совокупность находок указывает не только на проведение здесь публичных или элитарных церемоний, связанных с алтарем как фокусом сакрального действия, но и убедительно свидетельствует о сакральном статусе центрального зала.

На основании вышесказанного можно утверждать, что архитектура и инвентарь убедительно свидетельствуют о преимущественно культовой функции сооружений этого типа. Данные храмовые комплексы – это пространства, предназначенные для проведения церемоний и, возможно, используемые ограниченным кругом лиц.

Тип Б. Многоалтарные ритуальные сооружения. Классическим образцом этой типологической группы является комплекс Тоголок-1 (Сарианиди, 1990а; Sarianidi, 1981, 1990) в Маргиане. Архитектура этого типа радикально отличается от первого. Вместо единого доминантного пространства мы наблюдаем здесь множество (от 7 до 12) стандартизированных, небольших прямоугольных помещений, объединенных вокруг центрального двора или коридора (рис. 3). Каждое такое помещение оборудовано собственным, тщательно выложенным из кирпича квадратным очагом-алтарем, часто с небольшой нишей в стене рядом с ним. Помещения изолированы друг от друга, входы в них

ведут из общего пространства (Sarianidi, 1998, p. 90–91). Подобная планировка указывает на коллективный характер ритуальной практики и высокую интенсивность культовой деятельности (Курбонов, 2024).

Находки в каждом из помещения однотипны и образуют четкий «ритуальный набор». У очагов обнаружены остатки углей и пепла. Рядом находятся специальные каменные ступки и песты, керамические сосуды с остатками растительных веществ (предположительно, эфедры или конопли), а также мелкие чаши и курильницы (Сарианиди, 1990, 1990a, 2010, с. 69–83). Важным индикатором является обнаружение в некоторых помещениях личных печатей-амулетов с уникальными изображениями. Этот комплекс связан с проведением индивидуализированных, но коллективно организованных ритуалов, вероятно предназначенных для приготовления и употребления психоактивного напитка (хаомы/сомы) (Сарианиди, 2010).

Таким образом, можно утверждать, что ритуальная архитектура типа Б указывает на иное по сравнению с постройками типа А, более «клеточное» и скорее корпоративное единство группы посвященных, совершающих параллельные обряды в многоалтарных сооружениях, и, возможно, на менее иерархичную социальную структуру организации отправления в них культа.

Тип В. Интегрированный комплекс. Наиболее сложный и масштабный тип, служил дворцово-храмовым комплексом Северного Гонура (рис. 5) в Маргиане. Данное сооружение представляет собой не отдельное здание, а обширный архитектурный ансамбль, обнесённый стеной (теменос), внутри которого соединены разнородные зоны: парадная/культовая (двор с алтарём или бассейном), жилая (блоки комнат), хозяйственно-административная (склады, мастерские, архив печатей и булл) и мемориальная (элитный некрополь) (рис. 4; Сарианиди, 2007).

Полифункциональность ансамбля доказывается различием находок в отдельных его секторах. В частности, в культовом секторе фиксируются ритуальные сосуды, культовая пластика, а также обнаружены следы огненных церемоний, что подтверждает сакральную функцию этой части комплекса (Сарианиди, 1998, с. 82–90).

В административном секторе (ряд помещений у главного входа) сконцентрированы сотни глиняных булл (оттисков печатей) и самих печатей, что свидетельствует о централизованном контроле над товаропотоками, распределением ресурсов и ведением административного учета (Сарианиди, 2007).

В хозяйственных помещениях обнаружены крупные хранилища с зерном, а в прилегающих мастерских – литейные формы, тигли, шлаки и заготовки для производства металлических изделий. Это указывает на прямой контроль местной элиты над ремесленным производством и стратегическими запасами продовольствия (Hiebert, Lamberg-Karlovsky, 1992; Francfort, 2009).

Богато оформленные жилые покои, где найдены предметы роскоши (украшения, импортная керамика, изделия из полудрагоценных камней), однозначно говорят об элитарном, вероятно, правящем статусе его постоянных обитателей (Sarianidi, 1998, p. 111–113).

На основании приведённых данных Северный Гонур невозможно охарактеризовать исключительно как «храм». Это протогородской общественный центр, где в одном сооружении были сконцентрированы ключевые функции управления, производства, идеологии. Здесь же располагалась резиденция правящей верхушки. Религиозный компонент здесь важен, но он встроен в более широкую систему власти и контроля.

Таким образом, данный тип представляет собой интегрированный центр власти, где религиозные, административные, экономические и резиденциальные функции сосуществуют в едином, укрепленном архитектурном комплексе. Здесь нельзя отделить «храм» от «дворца» или «склада» – это целостный институт управления обществом БМАК на высшем уровне.

Проблема социальной структуры общества БМАК напрямую связана с интерпретацией монументальных комплексов. Если они были центрами власти, то кто ими управлял? Обособленная жреческая корпорация или синкретичная военно-религиозная элита? Ключ к ответу даёт анализ погребальной практики, в частности материалов элитного некрополя Гонура, изученного В.И. Сарианиди (Sarianidi at al., 2010) и Н.А. Дубовой (Дубова, 2004; Dubova, 2021).

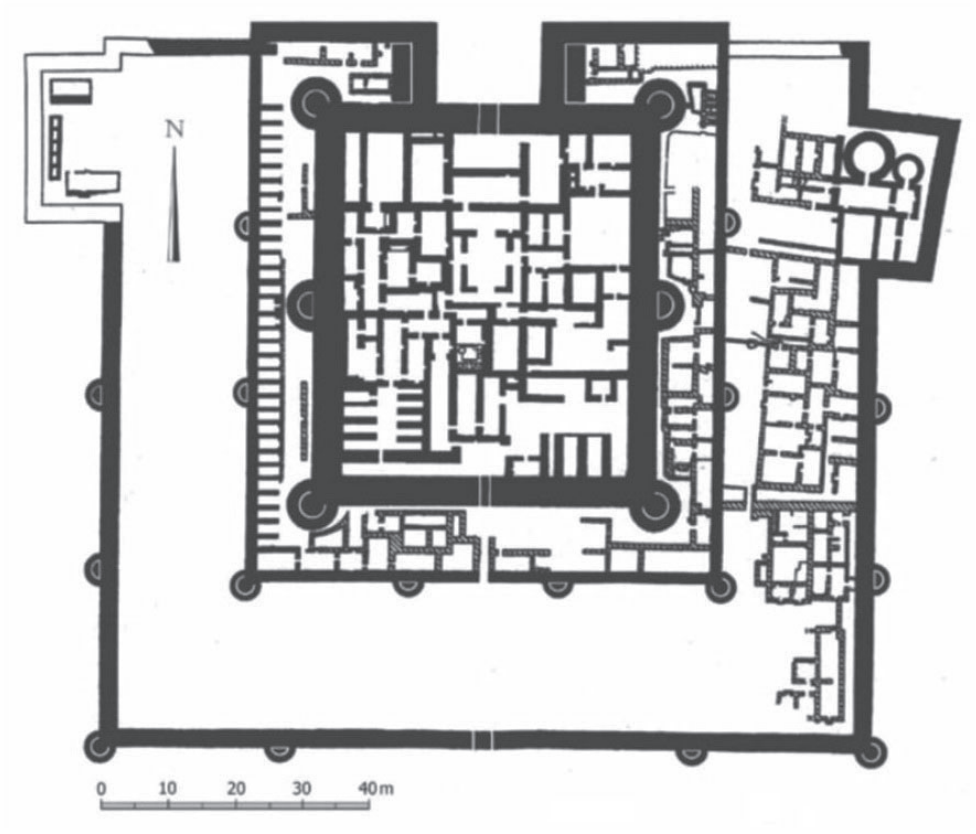

Рис.4. План комплекса Тоголок-21 (по: Сарианиди, 1998, рис.42).
Fig.4. Plan of the complex of Togolok-21 (according to Sarianidi, 1998, fig.42).

Археологические исследования погребальных комплексов Гонура демонстрируют наличие яркой имущественной и статусной дифференциации. Крупные погребальные камеры резко контрастируют с рядовыми захоронениями. Погребальный инвентарь элитных погребений включает изделия из золота и серебра, полудрагоценные камни (лазурит, сердолик, бирюза), импортную расписную керамику и сложные композитные украшения (**Хамидов,** Каттаева, 2025), в том числе уникальные мозаичные композиции (Дубова и др., 2019). **Этот факт свидетельствует о существовании привилегированного высшего слоя**, контролировавшего доступ к дефицитным ресурсам и трансрегиональным торговым сетям.

Однако более детальный анализ ставит под сомнение гипотезу о существовании в рамках этой элиты узкоспециализированных профессиональных групп, в частности предложенную В.И. Сарианиди интерпретацию Гонура как центра жреческой власти (Сарианиди, 2007, 2010). В одних и тех же богатых погребениях артефакты, традиционно связываемые с различными сферами власти, встречаются совместно. С одной стороны, это предметы возможного ритуального статуса: специальные тонкостенные сосуды (возможно, для возлияний или курений), жезлы или булавы из драгоценных материалов, украшения с солярной или астральной символикой. С другой стороны, военно-административная функция подтверждается наличием бронзового оружия (кинжалы, топоры) и символических «скипетров» как знаков власти и, что особенно важно, печатей и булл. Последние выступают прямыми инструментами административного контроля над имуществом, учётом и распределением (Sarianidi at al., 2010). Такое сочетание не позволяет чётко выделить «чисто жреческие» или «чисто воинские» захоронения. Данная картина скорее свидетельствует о нерасчленённости, синкретизме властных функций у представителей верхушки общества БМАК.

Таким образом, материалы погребального обряда, при всей их выразительности, не дают оснований говорить о существовании обособленного и доминирующего жреческого сословия. Вместо этого они указывают на

Рис. 5. План интегрированного комплекса (Северный Гонур) с выделением зон: культовая, административная, хозяйственная (по: Сарианиди, 1998, рис.67).
Fig. 5. Plan of the integrated complex (North Gonur) with the following zones highlighted: cult, administrative, economic (according to Sarianidi, 1998, fig.67).

формирование универсальной, консолидированной элиты, в руках которой были сосредоточены ключевые рычаги управления, религиозно-идеологический авторитет, военная сила и хозяйственно-административный контроль. Наиболее адекватными представляются модели синкретичного статуса «вождь-жрец» или тесного кланового альянса, где одни и те же семьи или лица осуществляли комплекс сакральных и светских функций. Эта интерпретация хорошо согласуется с полифункциональным характером самих монументальных комплексов (тип В, Гонур), которые служили одновременно и храмом, и дворцом, и административным центром.

Проведенное исследование, основанное на системном анализе архитектуры, инвентаря и сравнительных данных, позволяет пересмотреть интерпретации монументальных комплексов БМАК и сделать следующие выводы:

Предложенная типология отражает разнообразие общественных институтов: от специализированных культовых сооружений (типы А, Б) до интегральных протогородских центров (тип В).

Анализ находок, особенно для комплексов типа В, подтверждает их полифункциональный характер, при котором ритуальная деятельность неотделима от управления ресурсами, ремесленного производства и проживания элиты.

Данные не подтверждают существование доминирующего обособленного жреческого сословия, однако свидетельствуют о формировании так называемой консолидированной элиты, в руках которой были сосредоточены религиозные, военные и хозяйственные рычаги власти.

Исходя из вышеизложенного, монументальные комплексы БМАК на территории Центральной Азии в эпоху бронзы могут быть определены как многофункциональные общественно-культовые центры. Они играли роль ключевых институтов, обеспечивавших социальную интеграцию, идеологическое единство и экономическое управление в условиях формирования стратифицированных обществ. Данный вывод носит гипотетический характер и базируется на совокупности таких косвенных признаков, как: монументальная архитектура, наличие артефактов

административного контроля (печати, буллы), следы ремесленного производства и элитные погребения. Прямых свидетельств выполнения указанных функций на данный момент не выявлено. Тем не менее применение типологического подхода и детальный анализ материальных остатков позволяют реконструировать механизмы функционирования обществ БМАК даже при отсутствии письменной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Аскаров А., Ширинов Т. Раскопки монументального храма на Джаркутане // Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии» / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Фан, 1985. С. 16–17.

Аскаров А.А. Древнебактрийский храм огня на Джаркутане // Культура Среднего Востока / под ред. Г.А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1989. С. 7–27.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации: сборник статей к 75-летию В.И. Сарианиди / Ред. М.Ф. Косарев, П.А. Кожин, Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2004. С. 254–280.

Дубова Н.А., Ковалева Н.А., Вересоцкая Г.Э., Юминов А.М. Мозаики бронзового века из некрополя Гонур-депе (Туркменистан): технологии и символика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 35–48.

Курбонов А.М. Алтын-Депе – древнейшее место культовое место в Средней Азии // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 107–110.

Курбонов А.М. Инновационные процессы в храмовых сооружениях Центральной Азии в эпоху бронзы // Археология Евразийских степей. 2024. № 5. С. 322–336.

Сарианиди В.И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии // СА. 1977а. № 1. С. 203–224.

Сарианиди В.И. Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1984. Вып. 7. С. 5–17.

Сарианиди В.И.. Раскопки монументальных зданий на Дашли-3 // Древняя Бактрия / Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. САЭ. Вып. 3 / Отв.ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1984. С. 5–32

Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 152–170.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.

Сарианиди В.И. 1990а. Сельский храм Тоголок-1 в Маргиане // ВДИ. 1990. № 2 (193). С. 161–167.

Сарианиди В.И. Теменос Гонура // ВДИ. 1997. № 1. С. 148–168.

Сарианиди В.И. Храм воды в Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Miras. 2004. № 3. С. 38–51, 84–97, 130–143.

Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. 2007. №1. С. 49–63.

Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад, 2010. 202 с.

Хамидов О. А., Каттаева Г. Ч. Типология ожерелий культуры Сапалли // *Поволжская археология*. 2025. № 4 (54). С. 148–160.

Хуфф Д., Шайдуллаев Ш.Б. Некоторые результаты работ узбекско-германской экспедиции на городище Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 1999. С. 19–26.

Шайдуллаев Ш.Б. Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии). Самарканд. 2009. 350 с.

Шайдуллаева Г.Ш., Курбонов А.М. Отражение зороастризма в храмах Средней Азии эпохи бронзового века // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 294–301.

Dubova N. A. The "Royal Necropolis" at Gonur Depe: an attempt at systematization (plan, constructions, rituals) // The World of the Oxus Civilization / edited by Bertille Lyonnet and Nadezhda A. Dubova. London; New York : Routledge, 2021. P. 247–278.

Francfort. H.-P. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique: l'âge du bronze en Bactriane orientale et le déclin des civilisations urbaines du 3e millénaire. Lille, 1984.

Francfort H.P. The archaic temples of Central Asia: a comparison with Near Eastern models // Cambridge archaeological journal. 1994. Vol. 4, issue 1. P. 37–60.

Francfort H.-P., Fussman, G., Kellens J., Tremblay X. Aryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale. Paris: de Boccard, 2005. 209 p.

Francfort H.-P. L'âge du bronze en Asie centrale: La civilisation de l'Oxus // Anthropology of the Middle East. 2009. No. 4(1). P. 91–111.

Hiebert Fredrik T., Lamberg-Karlovsky Carl C. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands // *Iran. 1992. №* 30. P. 1–15.

Lamberg-Karlovsky C.C. The Bronze Age 'khanates' of Central Asia." //Antiquity. 1994. № 68 (259). P. 398–405.

Salvatori S. Seals of Bactria and Margiana: A New Assessment of their Chronological Position and a Typological Study // East and West. 2000. Vol. 50, No. 1/4. P. 97–145

Sarianidi V.I. Margiana in the Bronze Age: The Study of Bronze Age sites in the lower Murghab // The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries / Ed. P.L. Kohl. New York: M.E. Sharpe, 1981. P. 165–220.

Sarianidi V.I. Le complexe culturel de Togolok 21 en Margiane // Arts Asiatiques. 1986. Vol. XLI. P. 5–21.

Sarianidi V.I. Ein aussergewöhnlicher Tempel komplex von Togolok in Turkmenien // Das Altertum. 1990. Bd. 36. P. 167–176.

Sarianidi V.I. Excavations at Southern Gonur // Iran. 1994. Vol. XXXI. L. P. 25–38.

Sarianidi V.I. Margiana and protozoroastrism. Athens: Kapon editions, 1998. 190 p.

Информация об авторах:

Курбонов Абдусамад Мелигалиевич, преподаватель кафедры источниковедения и истории Узбекистана, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Шайдуллаев Шапулат Базарович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой источниковедения и истории Узбекистана, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); shapulat@mail.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия), доцент кафедры археологии, Термезский государственный университет (г.Термез, Узбекистан) veer47@mail.ru

Фахрутдинов Раиль Равилович, профессор**,** доктор исторических наук, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия); RaiRFahrutdinov@kpfu.ru

Голубева Екатерина Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kategol@mail.ru

REFERENCES'

Askarov, A., Shirinov, T. 1985. In Rtveladze, E. V. (ed.). *Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii «Tvorcheskoe nasledie narodov Srednei Azii v pamiatnikakh iskusstva, arkhitektury i arkheologii» (Abstracts of papers presented at the scientific conference "The creative heritage of the peoples of Central Asia in works of art, architecture and archaeology").* Tashkent: "Fan" Publ., 16–17 (in Russian).

Askarov, A. A. 1989. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Kultura Srednego Vostoka (The culture of the Middle East).* Tashkent: "Fan" Publ., 7–27 (in Russian).

Dubova, N. A. 2004. In Kosarev, M. F., Kozhin, P. A., Dubova, N. A. (eds.). *U istokov tsivilizatsii (Near the Sources of Civilizations).* Moscow: "Stariy sad" Publ., 254–280 (in Russian).

Dubova, N. A., Kovaleva, N. A., Veresotskaya, G. E., Yuminov, A. M. 2019. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 47 (4), 35–48 (in Russian).

Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 107–110 (in Russian).

Kurbonov, A. M. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 322–336 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) 2, 20–28 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1984. In *Informatsionnyi biulleten MAIKTsA (IAICCB Newsletter)* 7, 5–17 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1984. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Drevniaia Baktriia (Ancient Bactria).* Series: Materialy Sovetsko-Afganskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Soviet-Afghan archaeological expedition) 3. Moscow: "Nauka" Publ., 5–32 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1989. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* 1, 152–170 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1990. *Drevnosti strany Margush (Antiquity of Margush country).* Ashkhabad: "Ylym" Publ. (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1990a. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* 2 (193), 161–167 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1997. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* 1, 148–168 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 2004. In *Miras* (3), 38–51, 84–97, 130–143.

Sarianidi, V. I. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 81–90 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 2010. *Zadolgo do Zaratushtry (Arkheologicheskie dokazatel'stva protozoroastrizma v Baktrii i Margiane) Long before Zaratushtra (archaeological evidences of Protozoroastrianizm in Bactria and Margiana).* Moscow: "Staryy sad" Publ. (in Russian).

Khamidov, O. A., Kattaeva, G. Ch. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 54 (4), 148–160 (in Russian).

Khuff, D., Shaydullaev, Sh. B. 1999. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 30. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 19–26 (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 2009. *Etapy vozniknoveniia i razvitiia gosudarstvennosti na territorii Uzbekistana (na primere Baktrii) (The stages of the emergence and development of statehood on the territory of Uzbekistan (using Bactria as an example)).* Samarkand (in Russian).

Shaidullaeva, G. Sh., Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 294–301 (in Russian).

Dubova, N. A. 2021. In Lyonnet, Bertille and Dubova, Nadezhda (eds.). *The World of the Oxus Civilization*. London; New York : Routledge, 247–278.

Francfort, H.-P. 1984. *Recherches sur l'Asie centrale protohistorique: l'âge du bronze en Bactriane orientale et le déclin des civilisations urbaines du 3e millénaire.* Lille.

Francfort, H. P. 1994. In *Cambridge archaeological journal*. Vol. 4, issue 1, 37–60.

Francfort, H.-P., Fussman, G., Kellens, J., Tremblay, X. 2005. *Aryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale*. Paris: de Boccard.

Francfort, H.-P. 2009. In *Anthropology of the Middle East* 4(1), 91–111 (in French).

Hiebert, Fredrik T., Lamberg-Karlovsky, C. C. 1992. In *Iran* (30), 1–15.

Lamberg-Karlovsky, C. C. 1994. In *Antiquity* 68 (259), 398– 405.

Salvatori, S. 2000. In *East and West*. Vol. 50, No. 1/4, 97–145.

Sarianidi, V. I. 1981. In Kohl, P.L. (ed.). *The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries.* New York: M.E. Sharpe, 165–220.

Sarianidi, V. I. 1986. In *Arts Asiatiques* XLI, 5–21.

Sarianidi, V. I. 1990. In *Das Altertum* 36, 167–176.

Sarianidi, V. I. 1994. In *Iran* XXXI. L, 25–38.

Sarianidi, V. I. 1998. *Margiana and protozoroastrism*. Athens: Kapon editions.

About the Authors:

Kurbonov Abdusamad M., Lecturer at the Department of Source Studies and History of Uzbekistan, Termez State University (Termez, Uzbekistan); Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Shaidullaev Shapulat B., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Source Studies and History of Uzbekistan, Termez State University (Termez, Uzbekistan); shapulat@mail.ru

Vorobeva Elena E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology and Ethnology, Kazan Federal University (Kazan, Russia) veer47@mail.ruveer47@mail.ru

Fakhrutdinov Rail R., Professor, Doctor of Historical Sciences, Kazan Federal University (Kazan, Russia); RaiRFahrutdinov@kpfu.ru

Golubeva Ekaterina N., Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman str., 20, Kazan, 420111, Russian Federation; kategol@mail.ru

Статья поступила в журнал 30.11.2025 г.
Статья принята к публикации 14.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.6 (575.151)

ТИПОЛОГИЯ СТАТУЭТОК САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2026 г. У.Э. Шайдуллаев

Сапаллинская культура сформировалась на территории Южного Узбекистана в позднем бронзовом веке (2200–1300 гг. до н. э.). Эта культура играла важную роль в культурных процессах, протекавших в Центральной Азии в бронзовом веке. Элементы материальной культуры, относящиеся к данной культуре, – жилищная архитектура, хозяйственные традиции, металлические изделия и, в особенности, терракотовые статуэтки – являются важнейшими источниками для изучения религиозных, духовных и художественных представлений общества. Большинство статуэток, найденных в памятниках сапаллинской культуры, выполнены из сырцовой глины, в меньшем количестве – из терракоты, и только одна статуэтка изготовлена из камня. Статуэтки выполнялись вручную и высушивались на солнце. Терракотовые и каменные статуэтки сапаллинской культуры происходят из памятников Сапаллитепа, Джаркутан и Бустон VI. По морфологическим признакам они подразделяются на антропоморфные (сидячие, стоячие и бюстовидные формы) и зооморфные (изображения целого тела животных и их голов). Все глиняные статуэтки выполнены в схематичной, упрощённой манере, тогда как единственная каменная зооморфная статуэтка отличается чёткой и реалистичной формой. В статье рассматриваются 57 антропоморфных и зооморфных статуэток сапаллинской культуры, их морфологическая типология, иконография и семантика.

Ключевые слова: археология, сапаллинская культура, бронзовый век, антропоморфные и зооморфные статуэтки, Центральная Азия, Древний Восток, глина, терракота, мергель.

TYPOLOGY OF SAPALLI CULTURE FIGURINES

U.E. Shaydullaev

The Sapalli culture emerged in the territory of southern Uzbekistan during the Late Bronze Age (2200–1300 BC) and occupies an important place in the Bronze Age cultural processes of Central Asia. Elements of material culture associated with this culture – residential architecture, economic traditions, metalwork and especially terracotta figurines – constitute essential sources for studying the religious, spiritual and artistic beliefs of this society. Most figurines found at Sapalli culture sites were made of raw clay, a smaller number are of terracotta and only a single figurine was produced from stone. The figurines were handmade and sun-dried. Terracotta and stone figurines of the Sapalli culture originate from the sites of Sapallitepe, Djarkutan and Buston VI. Morphologically, they are classified into anthropomorphic (seated, standing and bust-shaped forms) and zoomorphic (whole-animal figures and animal heads). All clay figurines are rendered in a schematic, simplified manner, whereas the single stone zoomorphic figurine is distinguished by its clearly defined, realistic form. This article deals with 57 anthropomorphic and zoomorphic figurines of the Sapalli culture, their morphological typology, iconography and semantics.

Keywords: archaeology, Sapalli culture, Bronze Age, anthropomorphic and zoomorphic figurines, Central Asia, Ancient Near East, clay, terracotta, marl.

Сапаллинская культура локализуется на территории Южного Узбекистана и рассматривается как местный северобактрийский вариант Оксской цивилизации (рис. 1). Сравнительный анализ керамических материалов показывает, что сапаллинская культура синхронна памятникам стадии Намазга-VI в Туркменистане и датируется периодом между XX–XV вв. до н. э. (Lyonnet, Dubova, 2020, p. 457; Хамидов, Каттаева, 2025, с. 148–160).

В археологии Центральной Азии сапаллинская культура относится к числу наиболее хорошо изученных культур (Аскаров, 1977; Аскаров, Ширинов, 1993; Шайдуллаев, 2009). Памятники сапаллинской культуры на территории Южного Узбекистана были выявлены в конце 1960-х гг. Исследователями Института искусствознания был открыт памятник Молалитепа (Беляева, Хакимов, 1973), а Самаркандская археологическая экспедиция начала раскопки на Сапаллитепе (Альбаум, 1969; Аскаров, 1971; 1973). В 1973 г. А. Аскаров приступил к исследованиям крупнейшего поселения сапаллинской культуры – Джар-

Рис. 1. Географическое расположение сапаллинской культуры.
Fig. 1. Geographical location of the Sapalli culture

кутана (Аскаров, 1977; Аскаров, Абдуллаев, 1983). В дальнейшем раскопки продолжались в сотрудничестве с немецкими (Huff, 1995; 2000) и французскими исследователями (Бендезу-Сармиенто, Мустафакулов, 2008; Bendezu-Sarmiento, Mustafakulov, 2013).

В настоящее время выявлено 45 памятников сапаллинской культуры (Augustinova et al., 2015, p. 262–281; Stanco et al., 2014, p. 37; Stanco et al., 2016, p. 86–111; Augustinova et al., 2017, p. 141–148; Двуреченская и др., 2014, с. 69–82; Хамидов, 2020, с. 14–17; Kaniuth, 2020, p. 460–469), из которых на 12 (26,7%) проводились археологические раскопки.

На трёх из археологически исследованных памятников (25%) были обнаружены терракотовые статуэтки. К ним относятся Сапаллитепа, Джаркутан и Бустон VI (рис. 2).

В последние годы выявлены и изучены памятники сапаллинской культуры, такие как Молали (Аскаров, 1977, с. 59; Каримова, 2017, с. 76; Сверчков, Бороффка, 2015, с. 75), Бустон I, II, III, IV, V, VI, VII (Аскаров, 1977, с. 57; Аскаров, Абдуллаев, 1983, с. 6; Аванесова, 2016; Аванесова, Каспаров, 2015, с. 27–54) и Тиллябулак (Kaniuth, 2007, p. 31–47; Teufer, 2015).

Учёные сопоставили строительные периоды памятников сапаллинской культуры, результаты радиоуглеродного анализа (^{14}C) и образцы материальной культуры (сосуды из хлоритового камня, фаянсовые изделия, предметы из слоновой кости) с материальными источниками наиболее развитых культур Древнего Востока и предложили следующую периодизацию: Сапалли (2200–1900 гг. до н. э.), Джаркутан (1900–1600 гг. до н. э.), Кузали (1600–1500 гг. до н. э.), Молали (1500–1400 гг. до н. э.), Бустон (1400–1300 гг. до н. э.) (Asqarov, Shaydullayev, 2005, с. 45).

Сапаллинская культура демонстрирует высокий уровень развития архитектуры, земледелия, скотоводства и ремесел, особенно в изготовлении фигурок. Антропоморфные и зооморфные статуэтки из глины и камня являются важными художественными и идеологическими элементами этой культуры.

Материалы и методы исследования

Методы исследования

В данной статье в качестве методологической основы использованы типологический анализ, синтез, сравнительный анализ и обобщение. В частности, процесс классификации 57 статуэток, найденных на основных памят-

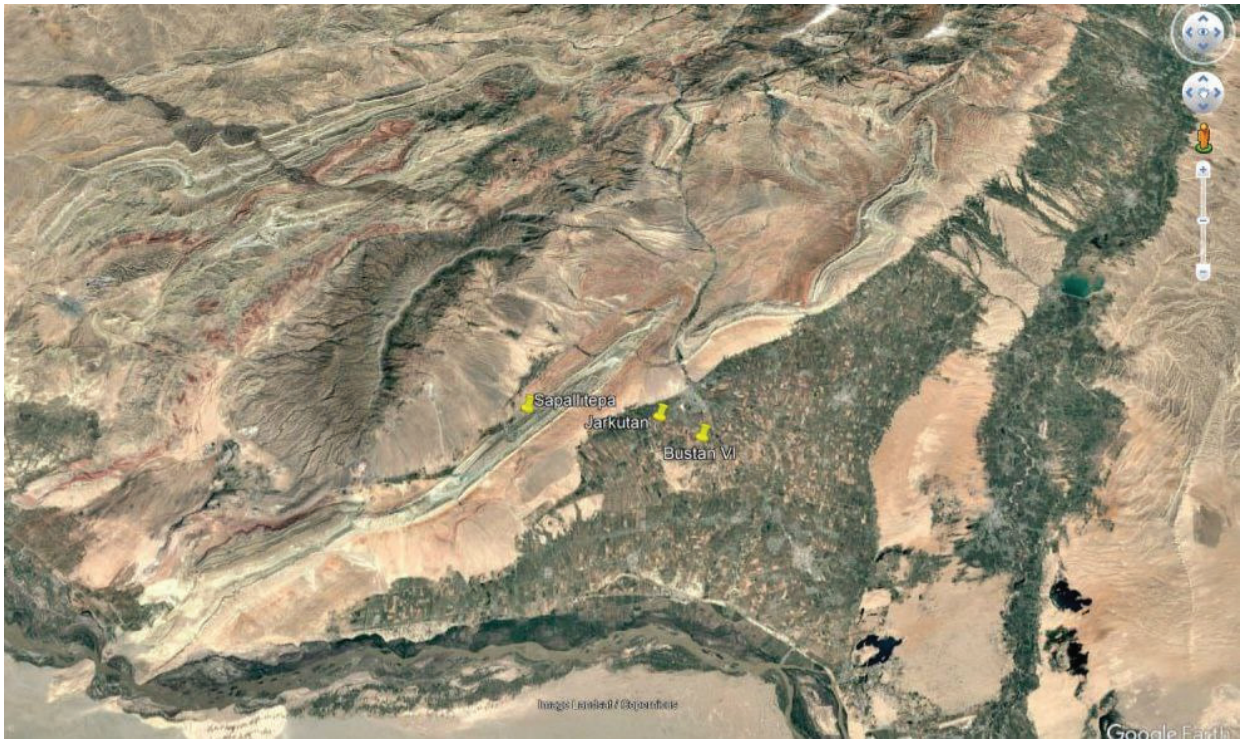

Рис. 2. Памятники Сапаллинской культуры с находками статуэток (Сапаллитепа, Джаркутан, Бустон VI).
Fig. 2. Archaeological sites of the Sapalli culture with findings of figurines (Sapallitepe, Djarkutan, Buston VI).

никах сапаллинской культуры – Сапаллитепа, Джаркутан и Бустон VI, осуществлялся на основе типологического анализа. Основным критерием классификации служили морфологическая структура изображённого образа и его семантическое содержание. Соответственно, статуэтки были разделены на антропоморфные и зооморфные типы. По материалу изготовления выделены две категории: глина (терракота) и камень (мергель).

Описание материала

Терракотовая статуэтка представляет собой небольшую пластическую модель, формируемую вручную из глины и высушенную на солнце или обожженную в печи. С точки зрения иконографии она может иметь ритуальное или символическое значение. Намеренное повреждение отдельных частей тела или утрирование некоторых элементов (например, грудей, голов или рогов) указывает на семантический акцент.

В мировой археологии культ антропоморфных статуэток восходит к эпохе верхнего палеолита (Gimbutas, Marler, 1991). В Центральной Азии самые ранние статуэтки относятся к Джейтунской культуре (Южный Туркменистан) и датируются 6500–4500 гг. до н. э. (Hiebert, Kurbansakhatov, 2003). Производство терракотовых статуэток известно с неолита и в бронзовом веке на большей части Центральной Азии сохраняло единый стиль и форму (Luneau, Shirazi, 2019, p. 151–173).

Терракотовые статуэтки возникли как основное выражение народных верований ещё до формирования сапаллинской культуры. Бронзовые терракоты Ирана и Центральной Азии демонстрируют долгий период устойчивости формы и стиля с небольшими локальными вариациями (Массон, 1981, pl. VIII–XIII; Sarianidi, 2007, p. 70, figs. 47–49; Luneau, Shirazi, 2019).

Многочисленные образцы терракотовых статуэток сапаллинской культуры изучались различными исследователями, которые рассматривали их иконографический и семантический аспекты в своих трудах (Аскаров, 1973, с. 8; Аскаров, 1977; Ионесов, 1988; Шайдуллаев, 2009; Аванесова, 2013).

Обсуждение

В период Сапалли в кенотафах существовала традиция класть ягнёнка вместо умершего, которого не удалось захоронить, тогда как

начиная с раннего периода Джаркутана появлялась практика погребения куклы из ткани или образа человека из сырой глины вместо тела умершего (Ионесов, 1990, с. 96).

На памятниках сапаллинской культуры обнаружено множество терракотовых статуэток, и для их глубокого изучения важен типологический анализ. До настоящего времени не была создана единая комплексная типология терракотовых статуэток сапаллинской культуры, однако отдельные элементы этих объектов рассматривались в трудах ряда исследователей.

В частности, иконографический (изобразительный), технологический и семантический анализ терракотовых статуэток из памятников сапаллинской культуры встречается в работах А.А. Аскарова, В. Ионесова, Ш.Б. Шайдуллаева, Н.А. Аванесовой (Аскаров, 1973, с. 8; Аскаров, 1977; Ионесов, 1988; Шайдуллаев, 2009; Аванесова, 2013).

В работах А.А. Аскарова анализировались глиняные и каменные статуэтки, найденные в ходе археологических раскопок на Сапаллитепе и Джаркутане в 1969–1985 гг., с точки зрения их иконографического и семантического содержания.

В своей статье В. Ионесов провёл иконографический, семантический, мифологический и сравнительный анализы статуэтки осла (или лошади), найденной в 70-м захоронении Джаркутан 4В весной 1985 года под руководством А.А. Аскарова.

Ш.Б. Шайдуллаев в диссертации рассматривал терракотовые статуэтки коров и верблюдов в контексте зоолатрических религиозных представлений жителей Джаркутана; два эмбриональных образа беременной женщины и бюст умершего мужчины иллюстрируют культ предков.

Н.А. Аванесова проанализировала терракотовые статуэтки из Бустона VI как изделия, созданные под влиянием кочевых племён Андроново.

Приведённые данные показывают, что до настоящего времени не разработана единая типологическая классификация терракотовых статуэток сапаллинской культуры.

Результаты

В ходе археологических раскопок на памятниках сапаллинской культуры было найдено 58 статуэток, из которых 48 (82,8%) – антропоморфные, 10 (17,2%) – зооморфные (Аскаров, 1973, с. 114, рис. 49; Аскаров, 1977, с. 84, 188, табл. 24: 9, 11, 14; табл. 25: 15; Шайдуллаев, 2009, с. 131–135, 161, рис. 20, 21, 32, 41; Аванесова, 2013, с. 285, 322–338, 340–352, 353, 355; табл. 8: 7; 3:5; 5:5,6; 6:5; 7:5,6; 8:11,12; 9:6,7,9; 11:6; 12:2; 13:6; 14:8,9; 15:5,7; 16:6; 17:5,6; 18:8,9; 19:5; 21:5,6; 22:5; 24:7; 25:6,7; 26:5,6; 27:10,11; 30:7; 31:8; 32:6; 33:5; 34:9,10; 36:7,8).

Из двух антропоморфных статуэток, найденных в могиле № 191 Бустона VI, одна была утеряна при транспортировке находок (Аванесова, 2013, с. 306). Поэтому в анализ включены 57 статуэток.

Из трех глиняных зооморфных статуэток, найденных на Сапаллитепе, две были сильно повреждены, поэтому определить, к какому животному они относятся, затруднительно. Головы фигур были сломаны, ноги сильно повреждены, поэтому эти две зооморфные статуэтки не включены в типологическую классификацию.

Из 57 исследованных статуэток 56 изготовлены из глины, одна – из мергеля. Следовательно, по материалу изготовления статуэтки сапаллинской культуры можно разделить на глиняные (терракота) и мергельную. Глиняные статуэтки доминируют количественно (98,2%).

В настоящее время глиняные статуэтки, найденные на Сапаллитепе и Джаркутане, хранятся в фондах музея истории Узбекистана и Термезского государственного музея-заповедника бронзового века (Munasyants, Musakayeva, 2020, b. 80).

В данном исследовании разработана научная классификация и типология статуэток, найденных на памятниках Сапаллитепа, Джаркутан и Бустон VI, а также изучены их функции, материал и семантическое значение. Кроме того, приведены сведения о сходствах и различиях этих статуэток с терракотовыми статуэтками памятников бронзового века Древнего Востока.

Первый тип. Антропоморфные статуэтки

Антропоморфные статуэтки подразделяются на следующие подтипы: статуэтки, изображающие стоячее целое тело; статуэтки стоячие без головы или рук; статуэтки в сидячем положении с полным изображением тела;

статуэтки в сидячем положении без головы или рук; бюстовые статуэтки; статуэтки, связанные с беременностью.

Статуэтки, изображающие стоячее целое тело

Статуэтки данного типа изображают человека в стоячем положении с полностью проработанным телом. В памятниках сапаллинской культуры найдено всего 10 экземпляров.

Статуэтка из могилы № 40 на Сапаллитепе изображает стоячего человека с руками, разведёнными в стороны. Голова короткая, сплющенная и заостренная, талия широкая (Аскаров, 1973, с. 114, рис. 49) (рис. 3: 1).

В памятнике Бустон VI выявлено девять терракотовых статуэток данного подтипа.

Первая статуэтка найдена в центре могилы № 58 на слое угля. Голова статуэтки намеренно сломана, лицо чётко прорисовано, изображен головной убор (шляпа или колпак-капюшон), глаза опущены вниз (Аванесова, 2013, с. 324, табл. 5:6).

Вторая статуэтка обнаружена в могиле № 111. Статуэтка стоячая, тело сформировано, руки и ноги прорисованы, черты лица не выражены. Пупок украшен бирюзовой бусиной (Аванесова, 2013, с. 334, табл. 15:5).

Третья статуэтка найдена в могиле № 190. Статуэтка с выраженной лицевой структурой и волосами, обозначенными вертикальными линиями. Состояние фигурки неудовлетворительное (Аванесова, 2013, с. 340, табл. 21:6).

Четвёртая статуэтка найдена в могиле № 191. По обеим сторонам талии статуэтки расположено по пять стеклянных бусин (ожерелье). Руки статуэтки анатомически выражены, лицо не прорисовано (Аванесова, 2013, с. 341, табл. 22:5).

Пятая статуэтка найдена в могиле № 278. Статуэтка представляет собой стоящую фигуру с моделированными руками и ногами. Черты лица не прорисованы (Аванесова, 2013, с. 345, табл. 26:6).

Шестая статуэтка обнаружена в могиле № 315. Руки у статуэтки присутствуют, лицо овальной формы (Аванесова, 2013, с. 349, табл. 30:7).

Седьмая статуэтка найдена в могиле № 108. Руки у статуэтки присутствуют, лицо прорисовано, пупок украшен бусиной. На поясной части статуэтки прикреплены четыре бронзовые биконические бусины (Аванесова, 2013, с. 352, табл. 36:7,8).

Восьмая и девятая статуэтки найдены в могиле № 359. Лица статуэток не прорисованы, руки и ноги присутствуют (Аванесова, 2013, с. 355, табл. 33:5).

Женская статуэтка схематичного типа, аналогичная сапаллитепинской, была найдена на памятнике Тепа-Гиссар (Северо-Восточный Иран) в ходе раскопок Э. Шмидта в 1931–1932 гг. (Schmidt, 1933, pl. 42, fig. 114) (рис. 3: 2). Аналогичные статуэтки обнаружены также Т. Дж. Арне на памятнике Шахтепа в 1932–1933 гг. (Arne, 1945, fig. 526) (рис. 3: 3) и Ф. Вульсином на памятнике Туренгтепа в 1931 г. (Wulsin, 1932, pl. 17, fig. 3) (рис. 3: 4). Отличительной особенностью древнеиранских фигурок является материал изготовления – алебастр (Тепа-Гиссар) и камень (Туренгтепа, Шахтепа).

Статуэтки стоячие без головы или рук

Статуэтки данного типа изображены без головы, рук или ног, некоторые специально сломаны; на телах иногда присутствуют горизонтальные линии.

Примеры:

Сапаллитепа – 1 статуэтка (женская) (Аскаров, 1977, с. 188, табл. 24: 9, 11, 14);

Бустон VI – 11 статуэток (Аванесова, 2013, с. 285, табл. 8: 7; с. 324, табл. 5: 5; с. 325, табл. 6: 5; с. 327, табл. 8: 11, 12; с. 328, табл. 9: 6, 7; с. 340, табл. 21: 5; с. 343, табл. 24: 7; с. 345, табл. 26: 5; с. 346, табл. 27: 11).

Статуэтки в сидячем положении с полным изображением тела

Все экземпляры данного подтипа происходят с памятника Бустон VI. У статуэток изображены голова, руки и ноги. Некоторые статуэтки имеют чётко прорисованные половые признаки, диадему на голове, сидят с согнутыми коленями, пояс украшен лазуритовыми бусинами, двухголовые или в положении молитвы (Аванесова, 2013, с. 322, табл. 3: 5; с. 326, табл. 7: 6; с. 330, табл. 11: 6; с. 332, табл. 13: 6; с. 335, табл. 16: 6; с. 336, табл. 17: 5; с. 337, табл. 18: 8, 9; с. 338, табл. 19: 5; с. 344, табл. 25: 6, 7; с. 346, табл. 27: 10; с. 350, табл. 31: 8; с. 351, табл. 32: 6; с. 353, табл. 34: 9).

Статуэтки в сидячем положении без головы или рук

Всего выявлено пять статуэток, все с памятника Бустон VI. Некоторые без головы, некоторые без рук или ног, некоторые сломаны: сохранены только голова и нижние конеч-

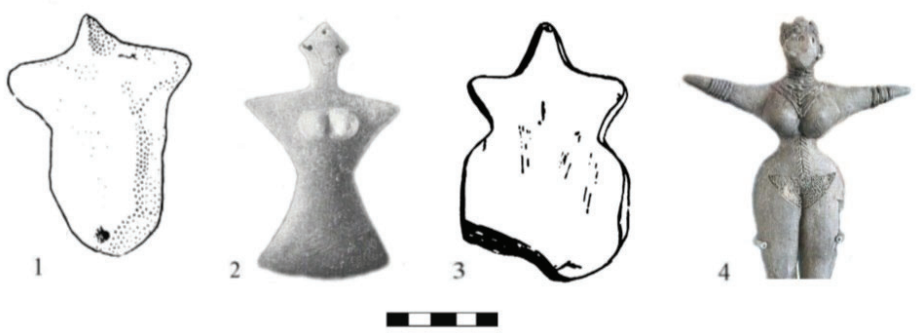

Рис. 3. Статуэтка из Сапаллитепы в виде стоячей человеческой фигуры с разведёнными в стороны руками и её аналоги: 1 – Глиняная антропоморфная статуэтка (пол не определён) (Сапаллитепа); 2 – Алебастровая женская статуэтка (Тепа - Гиссар). Период Гиссар IIIC (2200-2000 гг. до н. э.); 3 – Каменная культовая статуэтка в виде человеческой фигуры (Шахтепа); 4 – Каменная женская статуэтка (Туренгтепа). Период Туренгтепа IIIB (2600–2100 гг. до н. э.) (Аскаров, 1973, с.114, рис.49; Schmidt, 1933, pl.XLII, H 3699; Arne, 1945, p.253, fig.526; Wulsin, 1932, pl.XVII, fig.3-5)

Fig. 3. Figurine from Sapallitepe in the shape of a standing human figure with arms extended to the sides and its analogues: 1 – clay anthropomorphic figurine (sex undetermined) (Sapallitepe); 2 – alabaster female figurine (Tepe Hissar). Hissar IIIC period (2200–2000 BC); 3 – stone cultic figurine in the shape of a human figure (Shahtepe); 4 – stone female figurine (Turengtepe). Turengtepe IIIB period (2600–2100 BC) (Askarov, 1973, p.114, fig.49; Schmidt, 1933, pl.XLII, H 3699; Arne, 1945, p.253, fig.526; Wulsin, 1932, pl.XVII, fig.3-5)

ности, руки и туловище отсутствуют (Авенесова, 2013, с. 326, табл. 7: 5; с. 331, табл. 12: 2; с. 333, табл. 14: 8; с. 336, табл. 17: 6; с. 353, табл. 34: 10).

Бюстовые статуэтки

Единичный антропоморфный бюст найден на памятнике Джаркутан (Шайдуллаев, 2009, рис. 20: 1a–c; Бокиев и др., 2015, с. 119, рис. 10). Он изготовлен вручную из необожжённой глины. Размеры: 20×32 см. Волосы, борода и усы окрашены в чёрный цвет, щеки – в красный. Нос заострённый, уши широкие, рот открыт, глаза закрыты. С учётом открытого рта и закрытых глаз можно предположить, что бюст изображает умершего мужчину. Обнаружение этой фигурки подтверждает существование ритуала поклонения духам предков на Джаркутане (Шайдуллаев, 2009, с. 134; Бокиев и др., 2015, с. 118–119) (рис. 4: 1a, 1b, 1c).

Статуэтки, связанные с беременностью

Выявлено четыре статуэтки данного типа.

Первая статуэтка обнаружена в могиле № 71 памятника Сапаллитепа. На ней изображена одна грудь, голова. Руки статуэтки сломаны. Особое внимание уделено выпуклому животу, пупок чётко прорисован (Аскаров, 1977, с. 188; табл. 24: 14) (рис. 5: 4).

Вторая и третья статуэтки найдены на памятнике Джаркутан. На статуэтках изображены эмбриональные образы. Первая эмбриональная фигурка меньшего размера (диаметр 7 см). Она окрашена в красный цвет. Вторая фигурка несколько крупнее. Внешне глаз и

Рис. 4. Бюстовая статуэтка человека (Джаркутан) (Шайдуллаев, 2009, рис.20).

Fig. 4. Human bust figurine (Djarkutan) (Shaydullaev, 2009, fig.20).

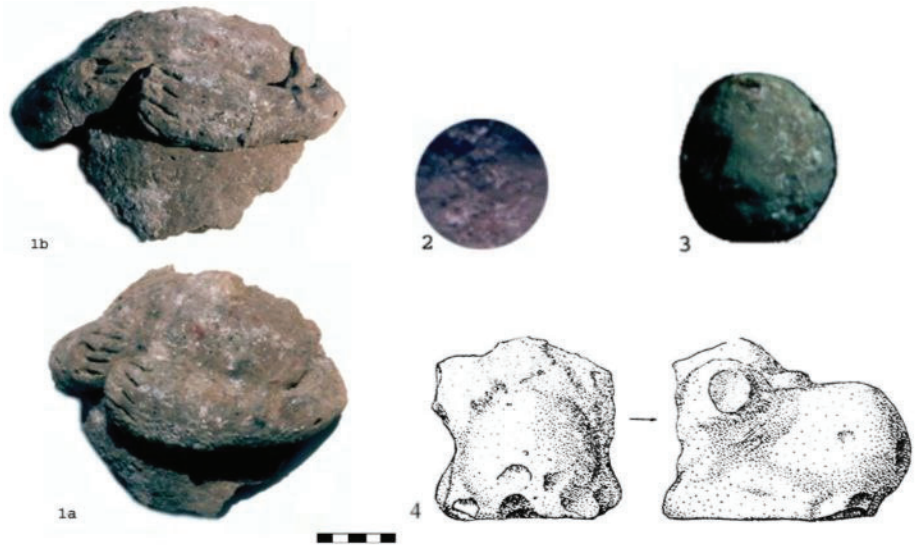

Рис.5. Статуэтки, связанные с беременностью: 1a, 1b – живот беременной женщины (Джаркутан); 2, 3 – статуэтки эмбрионов (Джаркутан); 4 – статуэтка беременной женщины (Сапаллитепа) (Шайдуллаев, 2009, рис.21; Аскаров, 1977, с.188, табл. XXIV, рис.14).

Fig.5.Figurines related to pregnancy: 1a, 1b – abdomen of a pregnant woman (Djarkutan); 2, 3 – embryo figurines (Djarkutan); 4 – figurine of a pregnant woman (Sapallitepe) (Shaydullaev, 2009, fig.21; Askarov, 1977, p.188, tab. XXIV, fig.14).

ухо человека изображены чёрной краской, а сама глиняная масса окрашена в красный цвет (Шайдуллаев, 2009, с. 313, рис. 21: 2, 3) (рис. 5: 2, 3).

Последняя статуэтка принадлежит памятнику Джаркутан и изображает живот беременной женщины. Обе руки положены на живот. Между руками изображены два извивающихся змеиных мотива. Отдельные участки живота и рук окрашены в красный цвет (Шайдуллаев, 2009, с. 314, рис. 21:1a,1b). Красный цвет и изображение змеи символизируют представление о загробном мире: в мифологии красный цвет ассоциируется с кровью, змея – с подземным божеством. Вероятно, дух предка мог защитить беременную женщину от страданий (рис. 5: 1a, 1b).

Второй тип. Зооморфные статуэтки

Зооморфные статуэтки делятся на два подтипа: статуэтки с изображением тела животного; статуэтки с изображением только головы животного.

Статуэтки с изображением тела животного

Обнаружены на памятниках Сапаллитепа и Джаркутан, всего четыре экземпляра.

Первая и вторая статуэтки найдены в жилой части Сапаллитепа. Первая изготовлена из глины. Она изображает хряка с коротким заострённым хвостом (Аскаров, 1977, с. 188, табл. 24: 9).

Вторая статуэтка отличается материалом. Она сделана из мергельного камня. Статуэтка выполнена реалистично. Она изображает лягушку. Правая передняя нога сломана, но голова, глаза с чёрными зрачками и сидячее положение хорошо выражены (Аскаров, 1977, с. 188, табл. 25: 15; Munasyants, Musakayeva, 2020, b. 80, 37-rasm). Размер: 4×3 см (рис. 6).

Третья и четвёртая статуэтки найдены на Джаркутане, обе из глины. Третья статуэтка изображает слона, что подтверждает культурную связь жителей Джаркутана с Хараппской цивилизацией (Шайдуллаев, 2009, рис. 34: 4). Четвёртая статуэтка изображает двугорбого верблюда – «Бактрийского верблюда» (Шайдуллаев, 2009, рис. 32: 5). Также двугорбые верблюды широко распространены в бронзовом веке в Марджийоне и Восточном Иране (Сарианиди, 1989, с. 152). Остеологические источники подтверждают широкое распространение верблюда в культуре Андроново в XV–XIII вв. до н. э. (Кузьмина, 1963, с. 39). По исследованиям В.В. Иванова, двугорбый верблюд был приручён в Центральной Азии в III–II тыс. до н. э. и распространился в Месопотамию во II тыс. до н. э. (Иванов, 1989, с. 173).

Приручение и распространение двугорбого верблюда – отдельная тема, однако его статус как священного животного и его зоолатриче-

Рис. 6. Статуэтка лягушки из мергельного камня (Сапаллитепа) (Аскаров, 1977, с.188, табл.25:15; Munasyants, Musakayeva, 2020, b.80).
Fig. 6. Frog figurine made of marl stone (Sapallitepe) (Askarov, 1977, p. 188, tab. 25:15; Munasyants, Musakayeva, 2020, p.80).

ский характер подтверждаются. Выражение его в терракоте – первый свидетель; упоминание в «Авесте» как «мощного, опасного» животного – второй; использование слова «ustra» у Заратустры как названия верблюда – третий доказательный аргумент его сакрального значения.

Фигурки с изображением головы животного

Всего выявлено четыре статуэтки, все из глины, принадлежат памятникам Джаркутан и Бустон VI.

Первая статуэтка обнаружена в могиле № 80 памятника Бустон VI, изображена голова быка (Аванесова, 2013, с. 328, табл. 9: 9).

Вторая зооморфная статуэтка принадлежит памятнику Бустон VI, могила № 111. Это изображение головы осла (Аванесова, 2013, с. 334, табл. 15:7).

Третья статуэтка найдена в Джаркутане и представляет собой голову быка (корова/бык). Голова быка является одной из наиболее распространённых сюжетных тем в первобытном изобразительном искусстве. География её распространения очень широка (Хлопин, 1981, с. 26–30). Зоолатрический характер образа быка можно проследить по данным «Авесты». Животное (корова) впервые создано Ахура-Маздой в Арьянам Вайджа, на правом берегу священной реки Дайти, где появляется яркий белый бык, подобный луне.

Четвёртая статуэтка найдена в Джаркутане 4В, могила № 70. Она изображает голову осла (или лошади?). Фигурка выполнена из обожжённой глины и окрашена в красный цвет. Шея осла (или лошади) слегка изогнута, уши подняты, рот полуоткрыт. Размер статуэтки 6 см (Ионесов, 1988, с. 12).

Возникает вопрос: каким образом фигурка осла (или лошади) оказалась в человеческой могиле и каково её ритуальное значение? Этнографические данные показывают, что изображения ослов и лошадей почитались как символы солнца и неба, земли и воды (Евсюков, Комиссаров, 1985, с. 80–94; Пропп, 1986, с. 171–181). В горных районах Таджикистана осел ассоциировался с благополучием (Брагинский, 1956, с. 58). По сведениям М.С. Андреева, жители долины Хуф клали деревянную игрушечную лошадь в могилу мальчика (Андреев, 1953, с. 192). В «Авесте» осел и лошадь упоминаются как благие существа: осел – «святой» и «совершенно чистый», лошадь – «истинно чистая, благородная» (Авеста, 2008, В.II).

Фигурка осла (или лошади) из Джаркутана в определённой степени схожа с терракотовой фигуркой, найденной на Алтинтепе (Массон, 1981, табл. 13; Сарианиди, 1973, с. 113–116, рис. 1). Пока рано делать окончательные выводы о схожести, однако наличие подобных фигурок свидетельствует о близости культурных традиций народов бронзового века.

Вывод

Исследования показывают, что на памятниках Сапалли выявлено всего 57 статуэток, которые по иконографическим признакам делятся на антропоморфные и зооморфные. Антропоморфных фигурок больше, чем зооморфных. Фигурки выполняли не только функцию заменителя тела умершего в кенотафах, но и отражали разнообразие и развитость религиозных представлений. Использование терракотовых статуэток распространяется с раннего этапа Джаркутан сапаллинской культуры и достигает широкого развития в период Бустон.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: изд. МИЦАИ, 2013. 640 с.

Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников древне-городской Бактрии. Самарканд: МИЦАИ, 2016. 634 с.

Аванесова Н.А., Каспаров А.Р. Практика вторичного захоронения / Погребальная практика некрополя Бустон VII // Вестник МИЦАИ.2015. Т. 21. С. 27–54.

Авеста. Видевдат. М.Исҳоқов таржимаси. Тошкент: Шарқ, 2008.

Альбаум Л.И. Памятники эпохи бронзы на территории Сурхандарьи // Общественные науки Узбекистана. 1969. № 5. С. 46–47.

Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 1 / Материалы к изучению культуры и быта таджиков. Т. 7. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1953. 251 с.

Аскаров А.А. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана // Общественные науки Узбекистана. 1971. № 8. С. 40–43.

Аскаров А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 24 с.

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.

Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан: к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1983. 119 с.

Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура на юге Средней Азии. Самарканд: Институт археологии Академик наук Республики Узбекистан, 1993. 162 с.

Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1973. С. 35–51.

Бендезу-Сармиенто Х., Мустафакулов С.И. Археоантропологические труды француско-узбекской экспедиции на Джаркутанском некрополе Сурхандаря // История материальной культуры Узбекистана. Т. 36 / Ред. Ш.Р. Пидаев. Самарканд: Фан, 2008. С. 75–87.

Боқиев А., Шайдуллаев А., Йўлдошева З. Окс цивилизацияси. Тошкент: Янги нашр, 2015.119 б.

Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. М.: АН СССР, 1956. 496 с.

Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Мокробородов В.В., Рукавишникова И.В., Рукавишников Д.В. Маршрутные исследования на юге Узбекистана в 2013 году // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 69–82.

Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Колесницы на земле и в небесах // Атеистические чтения. Вып. 14 / Ред. Т.И. Трифонова. М.: Политиздат, 1985. С. 80–94.

Иванов Вяч.Вс. О соотношении археологических, лингвистических и культурно-семиотических реконструкций (на материале комплекса Тоголок-21). // ВДИ. 1989. № 2. С. 185–187.

Ионесов В.И. Новые исследования могильника эпохи бронзы Джаркутан 4В // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 22 / Отв. ред. А.А. Аскаров. Ташкент: Фан, 1988. С. 3–13.

Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н. э. Южного Узбекистана). Дисс... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 294 с.

Каримова Д.О. Шимолий Бақтрия аҳолисининг дафн маросимлари ва диний эътиқодлари (бронза даври моддий маданият ёдгорликлари мисолида). Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация. Тошкент, 2017. 161 б.

Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. 1963. № 2. С. 38–46.

Массон В.М. Алтын-Депе / Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л.: Наука, 1981. 176 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 364 с.

Сарианиди В.И. Статуэтка лошади с Алтын-Тепе // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 113–116, Рис.1.

Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зароастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 152–169.

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Материалы поселения эпохи поздней бронзы Молали // Археология Узбекистана. 2015. № 1 (10). С. 75–88.

Хамидов О.А. Шимолий Бақтриянинг Кучук 1 даврига оид янги ёдголликлари. Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси матни. Самарқанд, 2020. 157 б.

Хамидов О.А., Каттаева Г.Ч. Типология ожерелий культуры Сапалли // Поволжская археология. 2025. № 4 (54). С. 148–160.

Хлопин И.Н. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // Древний Восток и мировая культура / Отв. ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука, 1981. С. 26–30.

Шайдуллаев Ш.Б. Ўзбекистон ҳудудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари (Бақтрия мисолида). Тарих фанлари доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертацияси. Самарқанд, 2009. 350 б.

Arne T.J. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm: Sino-Swedish Expedition, 1945. P.253. Fig.526.

Asqarov A.A., Shaydullayev Sh.B. Baqtriyaning bronza va ilk temir davri madaniyatlari xronologiyasi // O'zbekiston tarixi moddiy madaniyat va yozma manbalarda.Toshkent, 2005. B.45.

Augustinova A., Stančo L., Shaydullaev Sh., Mrva M. Archaeological Survey in the Zarabag Micro Oasis (South Uzbekistan), Preliminary Report on the Season 2015 // Studia Hercynia. 2015. Vol. 19, no. 1-2. P. 262–281.

Augustinova A., Stančo L., Damašek L., Mrva M., Shaydullayev Sh. Archaeological Survey of the Oases of Zarabag, Karabag and Kampyrtepa in the Piedmont of the Kugitang Mountains, South Uzbekistan – Preliminary Report for the Season 2016 // Studia Hercynia, 2017. Vol. 21, no. 1. P. 141–148.

Bendezu-Sarmiento, J., S. Mustafakulov. "Le site proto-urbain de Dzharkutan durant les âges du bronze et du fer // Recherches de la Mission archéologique franco-ouzbèkeProtohistoire." Cahiers d'Asie centrale, 2013. P. 207–236.

Gimbutas M, Marles J. The civilization of the goddess: the world of old Europe. Harper, SanFrancisco: 1991. 529 p.

Hiebert F.T., Kurbansakhatov K. A Central Asian village at the dawn of civilization: excavations at Anau, Turkmenistan. Philadelphia: UPenn Museum of Archaeology, 2003. 489 p. http://doi.org/10.9783/9781934536230

Huff D. Fragen zur Siedlungsgeschichte von Dzarkutan // Archaeologia Iranica et Orientalis: Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe / ed. L. de Meyer and E. Haerinck. Ghent: Peeters, 1995. P. 22–26.

Huff D. Tempel oder Palast? Dscharkutan – Monumentalbauten und Siedlung im bronzezeitlichen Baktrien // Archäologische Entdeckungen. Die Forschungen des Deutschen Archäologischen Instituts im 20. Jahrhundert / ed. H. Kyrieleis. Mainz: Zabern, 2000. P. 115–118

Kaniuth K. Tilla Bulak – 2007 Vorbericht zur dritten Kampagne // AMIT. Band 39. Berlin: 2007. P. 31–47.

Kaniuth K. Life in the countryside. The rural archaeology of the Sapalli culture // Lyonnet B., Dubova, N.A. (Eds.). The World of the Oxus Civilization (1st ed.). London; New York: Routledge, 2020. P. 457–486.

Luneau, E., Shirazi R. "Figurines féminines nues protohistoriques d'Iran oriental et d'Asie centrale: typologie, usages et symbolique // Figurines féminines nues: ProcheOrient, Egypte, Nubie, Méditerranée orientale, Asie centrale (VIIIe millénaire av. J.-C–IVes. ap. J.-C.) / ed. S. Donat, R. Hunzker-Rodewald, and I. Weygand. Paris: de Boccard, 2019. P.151–173.

The World of the Oxus Civilization / Lyonnet B, Dubova N.(eds.). London; New York: Routledge, 2020. 457. p.

Munasyants V.S., Musakayeva A.A. "O'zbekiston madaniy merosi" mualliflik turkumi: O'zbekiston tarixi davlat muzeyi. 1-qism. "Arxeologiya va numizmatika" kitob- albom. Toshkent, 2020. B.80.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. P. 70, fig. 47-49

Schmidt E.F. Excavations at Tepe Hissar Excavations of 1931. Philadelphia: 1933. pl.XLII. H 3699. Fig.114

Stančo L., Shaydullaev Sh., Bendezu-Sarmiento J., Pažout A., Vondrova H. Kayrit Burial Site (South Uzbekistan): Preliminary Report for Season 2014 // Studia Hercynia. 2014. Vol. 18, no. 1–2. P. 31–41.

Stančo L., Shaydullaev Sh., Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J., Kysela J., Shaydullaev A., Khamidov O., Havlík J., Tlustá J. Preliminary Report on the Excavations at Burgut Kurgan in 2015 // Studia Hercynia. 2016. Vol. 20, no. 2. P. 86–111.

Teufer M. Spätbronzezeitliche Grabfunde aus Nordbaktrien und benachbarten Regionen / Archäologie in Iran und Turan, 13. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts Aussenstelle Teheran, 2015. 688 p.

Wulsin F. Excavations at Tureng Tepe, near Asterabad // Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology, V.2. No.1, 1932. pl.XVII. Fig.3-5.

Информация об авторе:

Шайдуллаев Улугбек Эшкуватович, PhD студент кафедры археологии, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); ulugbekshaydullayev51@gmail.com

REFERENCES

Avanesova, N. A. 2013. *Buston VI – nekropol' ognepoklonnikov dourbanisticheskoi Baktrii (Buston VI - Necropolis of Fire Worshipers in Pre-Urban Bactria).* Samarkand: IICAS (in Russian).

Avanesova, N. A. 2013. *Buston VI – nekropol ognepoklonnikov drevne-gorodskoi Baktrii (Buston VI – Necropolis of Fire Worshipers in ancient urban Bactria).* Samarkand: IICAS (in Russian)

Avanesova, N. A., Kasparov, A. R. 2015. In *Vestnik Mezhdunarodnogo Instituta Tsentral'noaziatskikh issledovaniy (Bulletin of International Institute for Central Asian Studies)* (21), 27–54 (in Russian).

Avesta. 2008. *Videvdat.* Tashkent: "Sharq" Publ. (in Uzbek).

Al'baum, L. I. 1969. In *Obshchestvennye nauki Uzbekistana (Social Sciences of Uzbekistan)* 5, 46–47 (in Russian)

Andreev, M. S. 1953. *Tadzhiki doliny Khuf (verkhovia Amu-Dari) (The Tajiks of the Khuf Valley (upper part of the Amu Darya River))* 1. Series: Materialy k izucheniiu kultury i byta tadzhikov (Materials for the study of Tajik culture and way of life) 7. Stalinabad: Academy of Sciences of the Tajik SSR (in Russian).

Askarov, A. A. 1971. In *Obshchestvennye nauki Uzbekistana (Social Sciences of Uzbekistan)* 8, 40–43 (in Russian).

Askarov, A. A. 1973. *Sapallitepa (Sapallitepe)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Askarov, A. A. 1977. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age of the south of Uzbekistan)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Askarov, A. A., Abdullaev, B. N. 1983. *Dzharkutan: k probleme protogorodskoy tsivilizatsii na yuge Uzbekistana (Djarkutan: on the issue of proto-urban civilization in the south of Uzbekistan).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Askarov, A. A., Shirinov, T. Sh. 1993. *Rannyaya gorodskaya kultura na yuge Srednei Azii (Early urban culture in the south of Central Asia)*. Samarkand: Institute of Archaeology, Academician of Sciences of the Republic of Uzbekistan (in Russian).

Belyaeva, T. V., Khakimov, Z. A. 1973. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Iz istorii antichnoi kultury Uzbekistana (From the history of ancient culture of Uzbekistan)*. Tashkent: Publishing House of Literature and Art named after Gafur Gulyam, 35–51 (in Russian).

Bendezou-Sarmiento, Kh., Mustafakulov, S. I. 2008. In Pidaev, Sh. R. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 36. Samarkand: "Fan" Publ., 75–87 (in Russian)

Boqiev, A., Shaydullayev, A., Yo'ldosheva, Z. 2015. *Oks tsivilizatsiyasi (Oxus civilization).* Tashkent: "Yangi nashr" Publ. (in Uzbek).

Braginskiy, I. S. 1956. *Iz istorii tadzhikskoi narodnoi poezii. Elementy narodno-poeticheskogo tvorchestva v pamiatnikakh drevnei i srednevekovoi pismennosti (From the history of Tajik folk poetry: Elements of folk-poetic works in ancient and medieval written monuments).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Dvurechenskaya, N. D., Dvurechenskiy, O. V., Mokroborodov, V. V., Rukavishnikova, I. V., Rukavishnikov, D. V. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 236, 69–82 (in Russian).

Evsyukov, V. V., Komissarov, S. A. 1985. In Trifonova, T. I. (ed.). *Ateisticheskie chteniia (Atheistic readings)* 14. Moscow: "Politizdat" Publ., 80–94 (in Russian).

Ivanov, V. V. 1989. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 2, 185–187 (in Russian).

Ionesov, V. I. 1988. In Askarov, A. A. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 23. Tashkent: "Fan" Publ., 3–13 (in Russian).

Ionesov, V. I. 1990. *Stanovlenie i razvitie ranneklassovykh otnosheniy v osedlozemledel'cheskom obshchestve Severnoy Baktrii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov II tys. do n. e. Yuzhnogo Uzbekistana) (The formation and development of the early class relations in the sedentary agricultural society of Northern Bactria (based on materials from burial complexes of the 2nd millennium BC in Southern Uzbekistan)).* PhD Diss. Samarkand (in Russian)

Karimova, D. O. 2017. *Shimoliy Baktriya aholining dafn marosimlari va diniy e'tiqodlari (bronza davri moddiy madaniyat yodgorliklari misolida) (Funerary rituals and religious beliefs of the population of northern Bactria (based on Bronze Age material culture monuments)).* PhD dissertation. Tashkent (in Uzbek).

Kuzmina, E. E. 1963. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 38–46 (in Russian).

Masson, V. M. 1981. *Altyn-Depe (Altyn-depe)*. Series: Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition) XVIII. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Propp, V. Ya. 1986. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki (Historical origin of a fairy tale)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1973. *In Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti (Ancient Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113–116 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1989. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1, 152–169 (in Russian).

Sverchkov, L. M., Boroffka, N. 2015. In *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan)* 1 (10), 75–88 (in Russian).

Khamidov, O. A. 2020. *Shimoliy Baktriyaning Kuchuk 1 davriga oid yangi yodgorliklari (New monuments of the Northern Bactria, Kuchuk 1 period).* PhD dissertation. Samarkand (in Uzbek)

Khamidov, O. A., Kattaeva, G. Ch. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 54 (4), 148–160 (in Russian).

Khlopin, I. N. 1981. In Diyakonov, I. M. (ed.). *Drevnii Vostok i mirovaia kultura (The Ancient East and World Culture).* Moscow: "Nauka" Publ., 26–30 (in Russian).

Shaydullaev, Sh. B. 2009. *O'zbekiston hududida davlatchilikning paydo bo'lishi va rivojlanish bosqichlari (Baqtriya misolida) (Emergence and development stages of statehood in Uzbekistan: the case of Bactria).* PhD dissertation. Samarkand (in Uzbek).

Arne, T. J. 1945. *Excavations at Shah Tepe, Iran*. Stockholm: "Sino-Swedish Expedition" Publ.

Askarov, A. A., Shaydullaev, Sh. B. 2005. In *O'zbekiston tarixi moddiy madaniyat va yozma manbalarda (History of Uzbekistan in material culture and written sources)*. Tashkent, 45 (in Uzbek).

Augustinova, A., Stančo, L., Shaydullaev, Sh., Mrva, M. 2015. In *Studia Hercynia.* Vol. 19, no. 1–2, 262–281.

Augustinova, A., Stančo, L., Damašek, L., Mrva, M., Shaydullayev, Sh. 2017. In *Studia Hercynia*. Vol. 21, no. 1, 141–148.

Bendezu-Sarmiento J., Mustafakulov S. 2013. In *Recherches de la Mission archéologique franco-ouzbèke Protohistoire (The proto-urban site of Dzharkutan during the Bronze and Iron Ages: Research of the French-Uzbek archaeological mission*). Cahiers d'Asie centrale, 207–236.

Gimbutas, M., Marles, J. 1991. *The civilization of the goddess: the world of old Europe*. San Francisco: Harper.

Hiebert, F. T., Kurbansakhatov, K. 2003. *A Central Asian village at the dawn of civilization: excavations at Anau, Turkmenistan*. Philadelphia: UPenn Museum of Archaeology.

Huff, D. 1995. In de Meyer, L., Haerinck, E. (eds.). *Archaeologia Iranica et Orientalis: Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe*. Ghent: "Peeters" Publ., 22–26.

Huff, D. 2000. In Kyrieleis, H. (ed.). *Archäologische Entdeckungen. Die Forschungen des Deutschen Archäologischen Instituts im 20*. Jahrhundert. Mainz: Zabern, 115–118.

Kaniuth, K. 2007. In *AMIT*, Band 39, Berlin, 31–47.

Kaniuth, K. 2020. In Lyonnet B., Dubova N. A. (eds.). *The World of the Oxus Civilization* (1st ed.). London; New York: Routledge, 457–486.

Luneau, E., Shirazi, R. 2019. In Donat, S., Hunzker-Rodewald, R., Weygand, I. (eds.). *Figurines féminines nues: Proche-Orient, Egypte, Nubie, Méditerranée orientale, Asie centrale (VIIIe millénaire av. J.-C–IVes. ap. J.-C.).* Paris: de Boccard, 151–173.

Lyonnet, B., Dubova, N. (eds.). 2020. *The World of the Oxus Civilization*. London; New York: Routledge (in English).

Munasyants, V. S., Musakayeva, A. A. 2020. *"O'zbekiston madaniy merosi" mualliflik turkumi: O'zbekiston tarixi davlat muzeyi. 1-qism. "Arxeologiya va numizmatika" kitob-albom ("Cultural Heritage of Uzbekistan" authorship series: State Museum of History of Uzbekistan, vol. 1, Archaeology and numismatics).* Tashkent (in Uzbek).

Sarianidi, V. I. 2007. *Necropolis of Gonur*. Athens: Kapon Editions, 70, fig. 47–49.

Schmidt, E. F. 1933. *Excavations at Tepe Hissar: Excavations of 1931*. Philadelphia. pl. XLII, H 3699, fig. 114.

Stančo, L., Shaydullaev, Sh., Bendezu-Sarmiento, J., Pažout, A., Vondrova, H. 2014. In *Studia Hercynia*, Vol. 18, no. 1–2, 31–41.

Stančo, L., Shaydullaev, Sh., Bendezu-Sarmiento, J., Lhuillier, J., Kysela, J., Shaydullaev, A., Khamidov, O., Havlík, J., Tlustá, J. 2016. *Studia Hercynia*, Vol. 20, no. 2, 86–111.

Teufer, M. 2015. *Spätbronzezeitliche Grabfunde aus Nordbaktrien und benachbarten Regionen (Late Bronze Age grave finds from Northern Bactria and neighboring regions)*. Series: Archäologie in Iran und Turan, 13. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts Aussenstelle Teheran.

Wulsin, F. 1932. In *Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology.* Vol. 2, No. 1. pl. XVII. Fig. 3–5.

About the Author:

Shaydullaev Ulugbek E., PhD student, Termez State University, "Barkamol avlod" str., 43, Termez, 190111, Uzbekistan; ulugbekshaydullayev51@gmail.com

Статья поступила в журнал 30.01.2026 г.
Статья принята к публикации 20.05.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.91.103

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ УСТЬ-КАМЕНКА

©2026 г. В.А. Лысенко

Статья посвящена анализу погребального обряда курганного могильника у с. Усть-Каменка Днепропетровской области. Памятник существовал в I в. до н.э. – I в. н.э., одновременно с рядом грунтовых некрополей, расположенных близ укрепленных поселений на правом берегу Днепра. Цель данной работы – выявление особенностей погребального обряда и сравнение полученных результатов с информацией об обряде, практикуемом в грунтовых некрополях. В ходе данного исследования был проведен качественный, количественный и пространственный анализы. Это позволило определить признаки погребального обряда, выявить среди них стандартные, особые и индивидуальные. Сочетание этих признаков легло в основу группировки погребальных комплексов, однако картографирование этих групп не выявило особых погребальных зон. Полученные результаты были соотнесены с материалами грунтовых некрополей, выделен ряд общих черт и различий, которые были обусловлены разными образами жизни (оседлый *vs* кочевой) и характерными для них идеологическими установками.

Ключевые слова: археология, Северное Причерноморье, Нижнее Поднепровье, ранний железный век, римское время, сарматское время, погребальный обряд, курганный могильник, грунтовый могильник, среднесарматская культура, позднескифская культура

BURIAL RITE OF UST-KAMENKA BARROW CEMETERY

V.A. Lysenko

This paper deals with the analysis of burial rite of the barrow cemetery, located nearby the village of Ust-Kamenka in the Dnipropetrovsk region. The site functioned from the first century BC to the first century AD, contemporaneously with cemeteries without mounds associated with fortified settlements on the right bank of the Dnieper River. The aim of the study is to identify specific features of the burial rite and to compare the results with data on the rite practiced in burial grounds without mounds. The qualitative, quantitative, and spatial analyses applied in the research made it possible to distinguish the main characteristics of the burial rite and its standard, special and individual features. The burial assemblages were grouped according to the combination of these features; however, spatial mapping of these groups did not reveal any distinct burial zones. The results were compared with materials from cemeteries without mounds, revealing both common features and significant differences. These differences were due to different lifestyles (sedentary vs. nomadic) and their characteristic ideological attitudes.

Keywords: archaeology, Northern Black Sea region, Lower Dnieper region, Early Iron Age, Roman period, Sarmatian period, burial rite, barrow cemetery, cemetery without mounds, Middle Sarmatian culture, Late Scythian culture

В Нижнем Поднепровье в конце I в. до н. э. – I в. н. э. появились курганные могильники, отсутствовавшие в данном регионе в течение нескольких столетий (Мордвинцева, 2015а, с. 123). При этом местное население продолжало хоронить своих умерших в грунтовых некрополях, расположенных поблизости от укрепленных поселений. Погребальному обряду таких некрополей посвящено несколько работ (Мордвинцева, 2015б; Лысенко, 2026 (in print)), в то время как курганные некрополи еще не подвергались подробному анализу. Целью данной работы является анализ погребального обряда одного из наиболее репрезентативных с точки зрения источниковой базы могильников – Усть-Каменского – и сравнение полученных результатов с данными относительно одновременных грунтовых некрополей Нижнего Поднепровья. При обнаружении признаков сходства и/или различий могут быть поставлены вопросы о причинах их появления и содержании стоявших за этими явлениями культурно-исторических процессов.

История археологического изучения

Усть-Каменский курганный некрополь располагался в Апостоловском районе Днепропетровской области на окраине

села Усть-Каменка, на мысу у слияния рек Каменки и Базавлук. Первые раскопки были проведены Никопольской археологической экспедицией ИА АН УССР под руководством Е.А. Махно, проводившей археологические изыскания в регионе в связи с началом строительства Каховской ГЭС. Из 63 курганов, нанесенных на план, в 1951 г. было раскопано 20, результаты этого исследования были опубликованы в статье 1960 г. (Махно, 1960). Дальнейшие работы на памятнике проводились в период между 1983 и 1985 гг. силами Сарматской экспедиции Днепропетровского университета под руководством В.И. Костенко. В ходе этих исследований было изучено еще 50 курганных насыпей, а результаты исследований были опубликованы в монографии (Костенко, 1993), где также были определены характерные черты погребального обряда, рассмотрена хронология памятника и приведен этнокультурный контекст возникновения Усть-Каменского некрополя. Таким образом, на данный момент опубликованы материалы раскопок 71 кургана, отнесенных к могильнику Усть-Каменка, которые содержали 82 могилы с 86 погребенными. Памятник был отнесен к среднесарматской культуре.

Опубликованы также отдельные статьи, посвященные планиграфии памятника (Яценко, 2016), типологии найденных в нем фибул (Кропотов, 2024).

Методика

При анализе погребального обряда использовалась методика, предложенная В.И. Мордвинцевой (Мордвинцева, 2015б, с. 118), которая сочетает качественный, количественный и пространственный анализ. С помощью качественного анализа определяют признаки погребального обряда (погребальное сооружение, останки погребенного, инвентарь, дополнительные структуры; терминология: Смирнов, 1997, с. 30–31). С помощью количественного анализа эти признаки разделяются на стандартные (присущие большинству), особые (признаки, распространенность которых менее 50%) и индивидуальные (присущие единичным погребениям). На этапе пространственного анализа рассматриваются особенности размещения всех компонентов обряда в пространстве могилы и всего некрополя. Далее следует выделить гендер- и возраст-сопряженные признаки, разделить погребения на группы в соответствии с полом и возрастом погребенного и подгруппы на основании особенностей погребального инвентаря, чтобы проследить разницу в посмертном обращении в зависимости от пола и возраста.

Качественный анализ

В этой части исследования компоненты погребального обряда группируются в зависимости от их функционального назначения и физических свойств.

Погребальные сооружения находились под земляными насыпями диаметром от 6 до 29 м, высотой от 0,1 до 1,8 м[1]. Под одной насыпью находилось от одного до трех сооружений. Они были представлены подбойными могилами и ямами прямоугольной и квадратной формы.

Подбойные могилы состояли из подпрямоугольных входной ямы и расположенной в ее длинном борту[2] погребальной камеры. Камера находилась ниже входной ямы на 15–80 см. В тех случаях, когда был прослежен заклад, он был выполнен из древесины. Остальные могилы представляли собой прямоугольные и квадратные ямы без дополнительных функциональных элементов[3].

В прямоугольных ямах и подбойных могилах хоронили как взрослых, так и детей. Обычно дети погребались во впускных могилах, исключение составил курган № 27, возведенный над захоронением ребенка. В могилах квадратной формы хоронили взрослых индивидуумов[4].

Останки погребенных были обнаружены в двух состояниях – ненарушенном и нарушенном на постпогребальной стадии в результате неких обрядов или ограбления. Разрушение/ограбление происходило тогда, когда останки уже были скелетированными.

Положение костных останков в пространстве погребальной камеры зависело от типа сооружения. Так, в подбойных и прямоугольных могилах погребенный всегда лежал вдоль длинной стенки, в квадратных же во всех случаях – диагонально. Когда скелеты не были разрушены или их поза достоверно реконструировалась, они не различались по позоопределяющим (горизонтально вытянуто) и позообразующим (дорсально) признакам. Некоторые отличия были среди позохарактеризующих признаков (руки могли быть вытянуты вдоль туловища, одна или две руки могли покоиться на животе/тазовых костях, на груди; кости ног всегда были вытянуты, в

некоторых случаях сведены в коленях и голенях, скрещены в голенях).

В большинстве могил обнаружен ***погребальный инвентарь***, к которому относились предметы, не являющиеся конструктивными элементами погребального сооружения. Его следует разделять на сопровождающий (находящийся внутри погребальной камеры), сопутствующий (находящийся за пределами камеры, но внутри погребального сооружения) и сопредельный (находящийся за пределами погребального сооружения, но в непосредственной от него близости) (Терминология: Смирнов, 1997, с. 31–32).

Сопровождающий инвентарь, найденный в могилах исследуемого некрополя, можно разделить на элементы костюма и погребальные приношения. К костюму относятся декоративные (бусы, подвески, пронизи, серьги, браслеты, перстни, нашивные бляшки, костяные пластинки с отверстиями, накладки) и функциональные элементы (фибулы, пуговицы и застежки, поясные пряжки, наконечники и скобы ремней, портупейные кольца). Приношения разделяются на предметы, связанные с употреблением пищи (кости животных, сосуды открытой и закрытой форм, ножи вместе с остатками пищи), повседневным трудом (ножи отдельно от пищи, оселки, кремни, крючки, иглы, шила, прясла), косметические принадлежности (зеркала, терочник для косметики (?), сосуды для хранения ценных веществ – пиксиды, бальзамарии, флаконы; сами вещества: смола, краска разных цветов), вооружение (наконечники стрел, копий, остатки колчана, колчанный крюк, длинные и короткие мечи, кинжалы, топор), упряжь (псалии, удила), предметы, часто интерпретируемые в археологической литературе как амулеты (колокольчики, астрагалы, ажурные подвески, клыки животных, раковины, бронзовая антропоморфная фигурка, кусочки мела или известняка), предметы, указывающие на ритуальные действия (курильницы, захоронения овцы, черепах на подсыпке из песка, остатки тризны).

Некоторые предметы были выполнены из драгоценных металлов (золотая серьга, серебряные пряжка), некоторые встречались редко (упряжь, металлическая посуда и сосуды для ценных веществ – флакон, бальзамарий). Это позволяет предположить, что данные категории предметов могли маркировать более высокий социальный статус погребенного. В некоторых случаях в кургане или даже в погребении захоронены не части животного, а целые туши, что, вероятно, указывает на затратную/символическую модель жертвоприношения (Мордвинцева, 2025, с. 382) и, как следствие, на более высокий статус погребенного. Еще одним подобным маркером, видимо, является топор из предположительно женского (определение по вещевому комплексу) захоронения № 49.1.1. Исследователи интерпретируют такие топоры как инсигнии (Хазанов, 1971, с. 51); аналогичный признак был отмечен в элитарном погребении женщины у с. Чугуно-Крепинка (Симоненко, 2011, с. 168).

В некоторых случаях в погребальных сооружениях зафиксированы признаки дополнительного обустройства. Это могли быть как конструктивные элементы (ступеньки со следами жертвоприношения во входной яме подбойной могилы, ниши с жертвоприношением в бортах могил прямоугольной формы), так и неконструктивные элементы в виде дублирующих (растительные подстилки из камыша или коры, древесины, меловые подсыпки) и опорных (подушки из камыша) поверхностей, дублирующих объемов (гробы, саркофаг, следы деревянных плах, облицовка бортов могилы древесиной).

Иногда отмечены остатки обрядовых действий, жертвоприношения черепах, овец, разведения костров во входной яме и погребальной камере, выброс грунта из могилы, сформированный кольцом вокруг могилы.

Дополнительные структуры в масштабе некрополя представлены ямами, содержавшими остатки жертвоприношений/тризны (кости животных, фрагменты керамики), следами костров рядом с могилой, обелиском из гранита.

Количественный анализ

В ходе количественного анализа проводится подсчет однородных компонентов, которые в результате могут быть определены как стандартные (половина и более случаев), особые (менее половины случаев) и индивидуальные (встречающиеся единично).

Погребальные сооружения распределены следующим образом: подбойные могилы – 41 (50%); простые прямоугольные могилы – 26 (32%); квадратные – 15 (18%). Таким образом подбойные могилы являлись стандартной формой погребального сооружения, они содержали 43 (50%) погребенных. Остальные

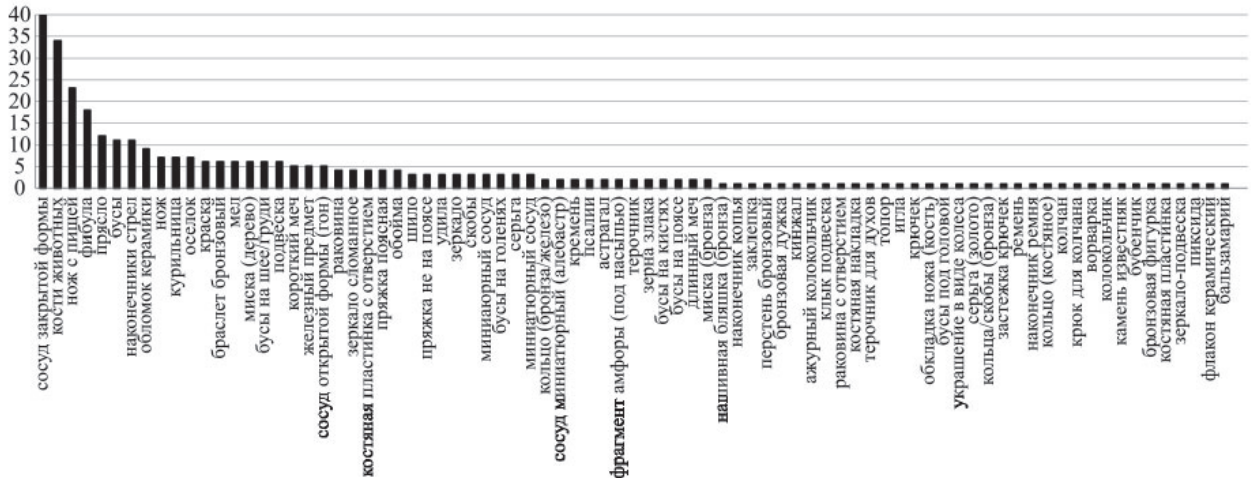

Рис. 1. Количественное распределение категорий инвентаря.
Fig. 1. Quantitative distribution of artifact categories.

типы могил были особым признаком погребального обряда.

Опорные поверхности в виде тростниковых или деревянных подголовий были отмечены только в двух случаях. Дублирующие объемы в виде гробов, саркофага, органического покрывала, установки деревянных плах вокруг и над погребенным зафиксированы в 23 случаях (27% от общего числа комплексов). Дублирующие поверхности находились в 31 могиле (36%). Таким образом, дополнительное обустройство погребальной камеры не являлось стандартным действием в погребальном обряде. Однако при рассмотрении этих признаков отдельно для каждой формы погребального сооружения можно отметить, что использование дублирующей поверхности и дублирующего объема – это стандартная форма обращения в варианте обряда с использованием ям квадратной формы (дублирующие объемы: 10 (67%); поверхности: 12 (80%)).

Останки погребенных. В могилах прослежено не менее 86 погребенных, из них взрослых 71 (83%), детей 15 (17%).

Ориентировка погребенных в пространстве была прослежена или достоверно реконструирована в 50 случаях, стандартной была ориентировка в южном секторе (35 – 70%), особой была ориентировка на запад и в северном секторе (15 – 30%).

Поза, в которой были уложены усопшие, отмечена в 48 случаях (в остальных либо были нарушены погребения, либо кости истлели полностью). Положение рук установлено в 45 случаях, ног – в 47. Стандартным положением погребенного было вытянутое дорсальное (100%), с вытянутыми вдоль туловища руками (84%) и ногами (72%).

Посмертный инвентарь. В выборку для количественного анализа посмертного инвентаря не попали погребения, подвергшиеся вмешательству на постпогребальной стадии обряда (преднамеренное разрушение, ограбление). Таким образом, при расчетах были учтены материалы 50 погребений.

Наиболее распространенной категорией погребального инвентаря является «сосуд закрытой формы» (80%, из них гончарные – 49%, лепные – 29%), «кости животных» (68%), «ножи, найденные с пищей» (46%) (рис. 1). Эти предметы стоит интерпретировать как стандартные категории для изучаемого некрополя, остальные являются либо особыми признаками, либо единичными.

В одном погребении могло находиться от одного до четырех сосудов закрытого типа (с одним – 38%; с двумя – 50%; с тремя – 9%; с четырьмя – 3%), ножи были всегда в единственном экземпляре, кости животных, в тех случаях, когда об этом напрямую говорится в тексте публикации, представлены чаще всего передней ногой и лопаткой овцы, иногда костями КРС и лошади. Остальные категории инвентаря находились преимущественно в единичных экземплярах[5]. Особое количество отмечено для ряда категорий: браслеты, фибулы, поясные пряжки, ножи, оселки, прясла, скобы, курильницы, кусочки мела встречались в количестве до двух единиц; удила, портупейные кольца – до трех; астрагалы – до 12; наконечники стрел – до 29.

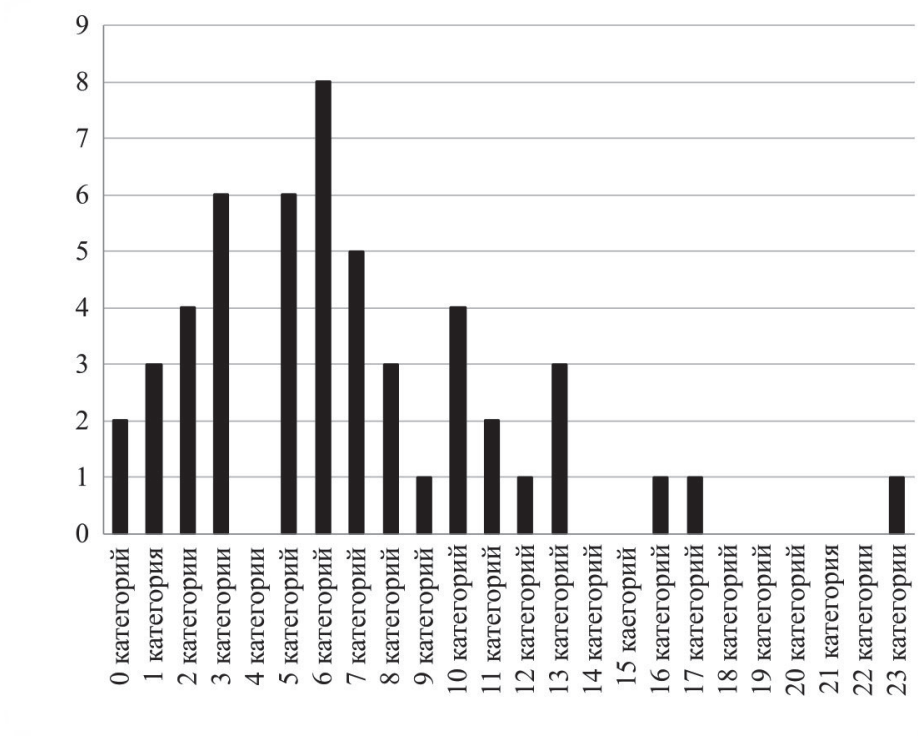

Рис. 2. Количество категорий инвентаря внутри могил.
Fig. 2. Number of grave goods categories within burials.

Без инвентаря были погребены два индивидуума, с одной категорией – три, с двумя – четыре, с тремя – шесть, с пятью – шесть, с шестью – восемь, с семью – пять, с восемью – три, с девятью – один, с 10 – три, с 11 – два, с 12 – один, с 13 – три, с 16 – один, с 17 – один, с 23 – один. Вероятно, в исследуемом обществе нормой положения было от трех до семи уникальных категорий инвентаря, восемь и более категорий стоит интерпретировать как «избыточное» количество, две и менее – как неполное (рис. 2).

Среди погребений с неполным набором погребального инвентаря преобладали захоронения детей (шесть – 67%), в остальных случаях погребения взрослых.

Сопутствующий инвентарь находился во входных ямах непотревоженных подбойных могил, всего в четырех случаях (8%). В одном случае был отмечен нож (№ 53), в другом – развал кувшина (№ 54). В двух случаях во входных ямах находились остатки жертвоприношений: панцири черепах на песчаной подсыпке на специальной ступеньке (№ 32) и нога и лопатка КРС, фрагменты керамики (№ 34.2).

Сопредельный инвентарь находился под некоторыми насыпями курганов (7%): были найдены фрагменты керамики и разрозненные кости животных. Вероятно, эти находки можно интерпретировать как остатки жертвоприношений/тризны, совершаемых на завершающей стадии.

Дополнительные структуры. В ряде насыпей (10%) были выкопаны ямы, от одной до трех. В пяти из них не было отмечено никаких находок, в других были кости крупного рогатого скота, обломки тарной и столовой керамики, бисер, зернотерка, голова коня. Видимо, эти ямы являются свидетельством жертвоприношений/поминальных действий на постпогребальном этапе.

Пространственный анализ

Пространственный анализ проводится для выявления особенностей и закономерностей в размещении элементов погребального обряда в пространстве могилы и всего некрополя. Картографирование различных признаков может помочь выявить особые зоны, предназначенные для одного рода, носителей специфического социального статуса. Анализ размещения предметов внутри могилы может помочь реконструировать костюм, определить его особенности, связанные с полом, возрастом, родом деятельности.

Некрополь располагался на мысу, образованном реками Каменкой и Базавлук. С юго-запада некрополь был ограничен рекой

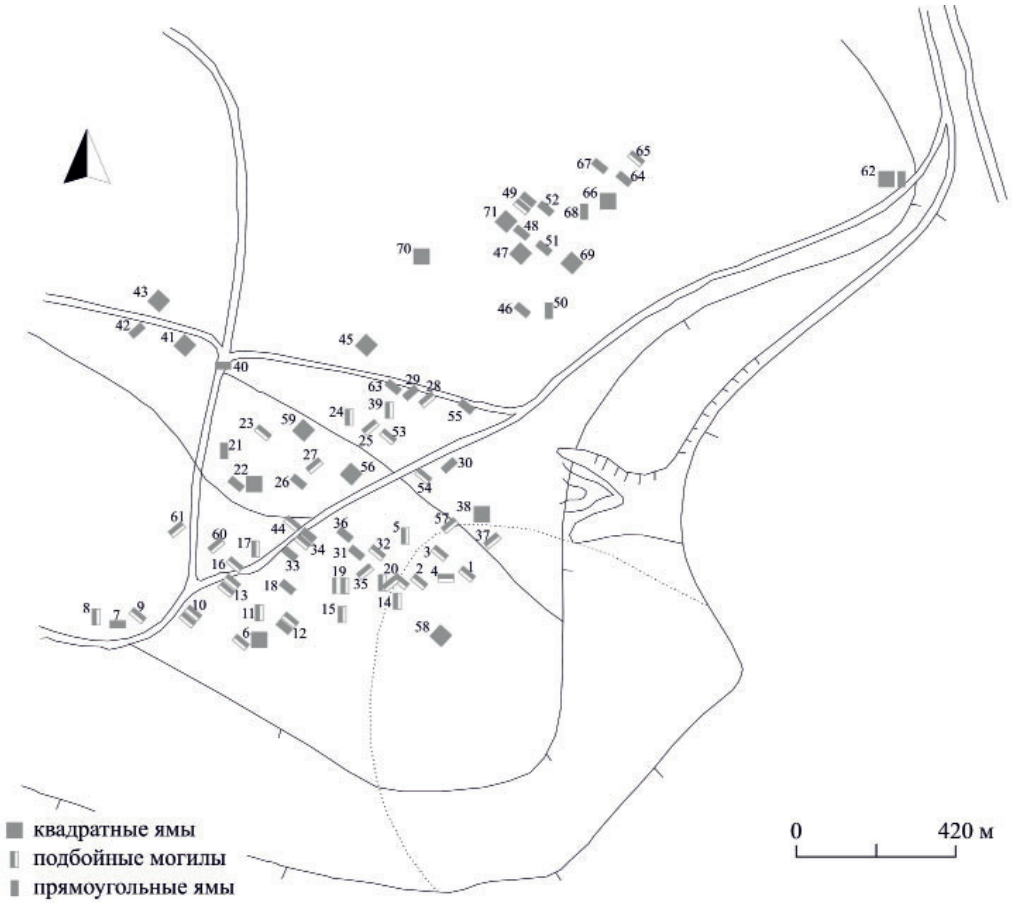

Рис. 3. План некрополя.
Fig. 3. Plan of the necropolis.

Каменкой, с северо-востока – насыпью высотой до 6 м, возведенной в скифское время (Костенко, 1993, с. 11).

На плане некрополя (рис. 3), имеющегося в публикации (Костенко, 1993, рис. 5), курганы нанесены в едином размере, без масштабирования, из-за чего невозможно определить, как именно располагались курганы относительно друг друга и, следовательно, выявить систему в их размещении. Уверенно можно сказать, что курганы были организованы двумя компактными неравномерными группами (16 курганов на северном участке и 55 на южном), разделенными полосой незанятого курганами пространства. В южной части, немного в стороне, находились две группы по несколько курганов (три и четыре), в северной части отдельно стоял курган № 62, возведенный еще в эпоху бронзы, но содержавший два впускных погребения сарматского времени.

Могилы прямоугольной и квадратной форм находились на всех участках, как и подбойные могилы, но их концентрация отмечена на южном участке (39 – 95%). Погребальные сооружения преимущественно были ориентированы длинной стороной по оси СЗ – ЮВ (подбойные: 20 – 49%; прямоугольные: 16 – 62%), квадратные могилы, в свою очередь, были ориентированы углами СЗ – ЮВ/СВ – ЮЗ в восьми (53%) случаях.

Останки погребенных. Положение в пространстве могилы напрямую зависело от ее формы. В подбойных и прямоугольных могилах скелет располагался вдоль длинной стенки. В квадратных могилах останки всегда располагались по диагонали, от угла в угол.

В пространстве некрополя погребенные располагались головой в южный сектор (подбойные: Ю, ЮЗ по шесть случаев – 24%; прямоугольные: ЮЗ пять – 42%; квадратные: ЮЗ пять – 38%). Несовпадение стандартной ориентации костяка и погребального сооружения (в случае с прямоугольными и подбойными могилами) связано с плохой сохранностью костяков и невозможностью достоверно реконструировать их положение в пространстве.

Погребальный инвентарь. В пространстве могилы элементы костюма располагались преимущественно на погребенном. Бусы были собраны в ожерелья, также ими были расшиты элементы одежды (головной убор, ворот, рукава, пояс, штанины или обувь), подвески находились в составе ожерелий, серьги находились у черепа и под лопаткой, браслеты были надеты на предплечья, перстень находился в ногах, фибулы скрепляли одеяние и находились в области плеч и локтей, пряжки – в области таза.

Подношения находились как внутри погребальной камеры, так и во входной яме. Внутри камеры они, вероятно, занимали свободное пространство: одновременно могли находиться и в ногах, и в головах погребенного, в углах могилы квадратной формы, внутри дублирующего объема вместе с погребенным. Предметы вооружения лежали вдоль правой или левой руки, кинжал был зажат в кисти.

Нанесение различных категорий инвентаря на план некрополя (рис. 4) не выявило особого характера их размещения. Однако стоит отметить, что такие категории, как «длинный меч» (курганы № 37, 40), «короткий меч» (№ 32, 41, 43, 52, 58, 62.1, 66) и «наконечник копья» (№ 38, 56), сконцентрированы преимущественно группами (40–41–43) у северо-западной оконечности некрополя, (52–66) у северной, (38–37–4–58) у юго-восточной. Курган 62 находится на удалении от остального некрополя по направлению к северо-востоку, курганы 32 и 56 расположены в центральной части некрополя.

Гендер- и возраст-сопряженные признаки

Из 50 комплексов, включенных в выборку, шесть содержали погребения мужчин, три – женщин[6], 13 – детей. В погребениях женщин представлен ряд категорий инвентаря (бусы, подвески, прясла, зеркала, румяна), которые не отмечены в погребениях мужчин, что

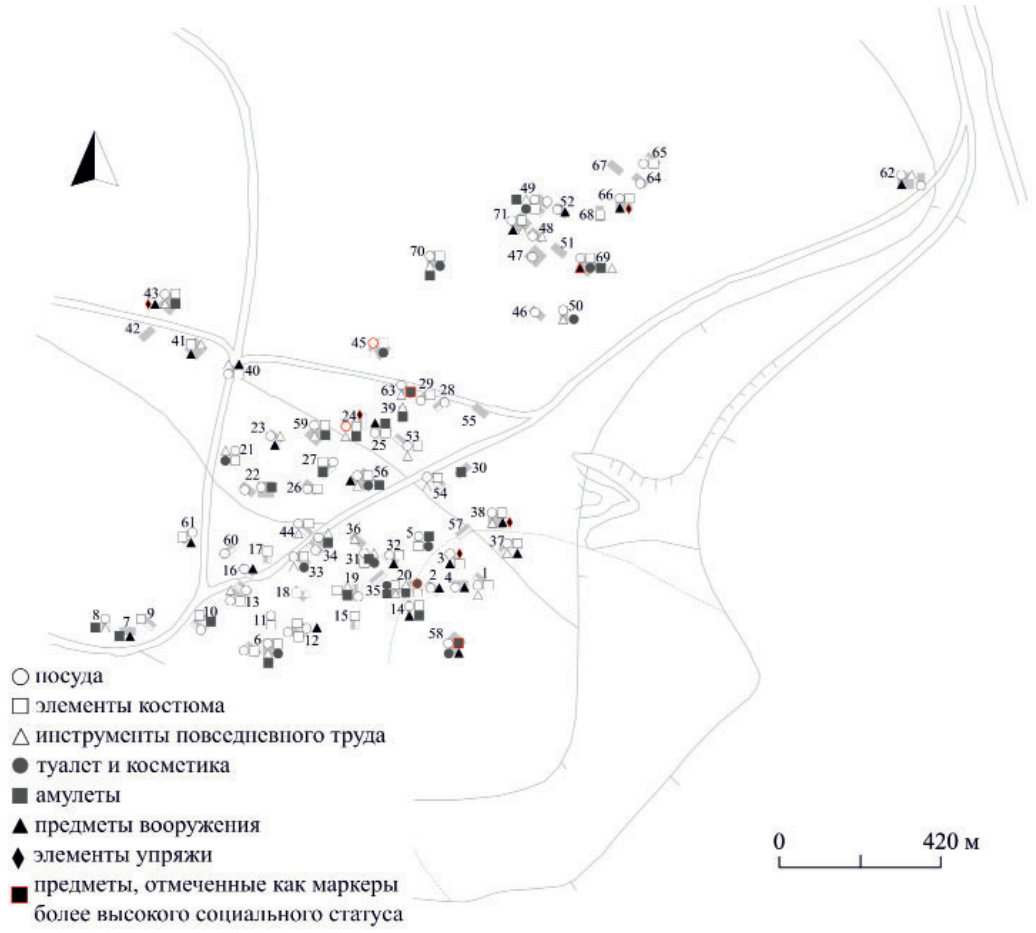

Рис. 4. Категории погребального инвентаря в пространстве некрополя.
Fig. 4. Grave goods categories within the necropolis.

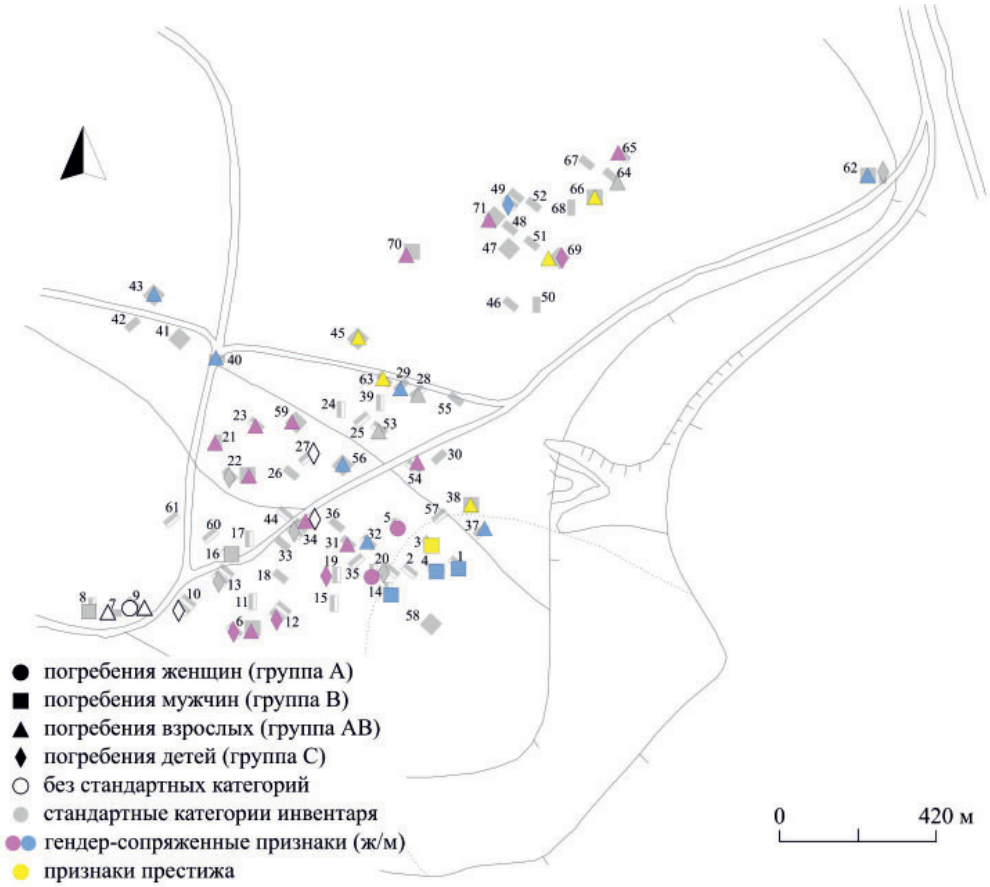

Рис. 5. Группы погребений на плане некрополя.
Fig. 5. Groups of burials on the necropolis plan.

позволяет интерпретировать их как гендер-сопряженные. В погребениях мужчин среди присущих только им вещей можно выделить поясные пряжки, элементы упряжи и кинжал. Кроме этого, гендер-сопряженными мужскими категориями также могут считаться остальные элементы вооружения (мечи, наконечники копий), которые не отмечены ни в одном погребении с «женскими» категориями[7].

Среди погребений детей не было выявлено особых категорий, которые можно было бы маркировать как возраст-сопряженные, но стоит отметить, что детей сопровождали в первую очередь кости животных, элементы костюма и амулеты. Не свойственны для их погребений узда, предметы вооружения (даже наконечники стрел) и предметы, связанные с выполнением повседневного труда. Гендер-сопряженные признаки встречаются как характерные для одного пола, так и для обоих полов одновременно[8].

Так, исходя из половозрастной идентификации и состава погребального инвентаря погребения можно разделить на группы (рис. 5):

Группа А: погребения женщин.

Подгруппа А1: погребения без стандартных категорий инвентаря, безынвентарные. Всего: одно безынвентарное погребение.

Подгруппа А2: погребения со стандартными категориями инвентаря.

Подподгруппа А2.1: погребения с гендер-сопряженными категориями. Всего: два погребения с 9 и 18 категориями инвентаря.

Подгруппа А3: погребения с предметами престижа. Не отмечены среди погребений с достоверно установленной женской половой принадлежностью.

Группа В: погребения мужчин.

Подгруппа В1: погребения без стандартных категорий инвентаря, безынвентарные. Не отмечены среди погребений с достоверно установленной мужской половой принадлежностью.

Подгруппа B2: погребения со стандартными категориями инвентаря. Всего: два – с тремя и шестью категориями инвентаря.

Подподгруппа B2.1: погребения с гендер-сопряженными категориями. Всего: три – от трех до пяти категорий инвентаря.

Подгруппа B3: погребения с предметами престижа. Всего: одно – с шестью категориями инвентаря.

Группа AB: погребения взрослых без достоверной гендерной идентификации.

Подгруппа AB1: погребения без стандартных категорий инвентаря, безынвентарные. Всего: два – с двумя категориями инвентаря.

Подгруппа AB2: погребения со стандартными категориями инвентаря. Всего: три – от трех до пяти категорий инвентаря.

Подподгруппа AB2.1: погребения с гендер-сопряженными категориями – женскими. Всего: 11 – от 5 до 24 категорий инвентаря.

Подподгруппа AB2.2: погребения с гендер-сопряженными категориями – мужскими. Всего: семь – от 6 до 16 категорий инвентаря.

Подгруппа AB3: погребения с предметами престижа. Всего: пять, из них два содержали «мужские» гендер-сопряженные признаки – 10 и 12 категорий инвентаря; два содержали «женские» гендер-сопряженные признаки – по 14 категорий инвентаря; одно не содержало гендер-сопряженных признаков – шесть категорий инвентаря.

Группа C: погребения детей.

Подгруппа C1: погребения без стандартных категорий инвентаря, безынвентарные. Всего: одно безынвентарное.

Подподгруппа C1.1: погребения с гендер-сопряженными категориями. Всего: два – с двумя и тремя категориями инвентаря.

Подгруппа C2: погребения со стандартными категориями инвентаря. Всего: пять – от одной до пяти категорий инвентаря.

Подподгруппа C2.1: погребения с гендер-сопряженными категориями – женскими. Всего: четыре – от двух до шести категорий инвентаря.

Подподгруппа C2.2: погребения с гендер-сопряженными категориями – мужскими и женскими. Всего: одно – с девятью категориями инвентаря.

Подгруппа C3: погребения с предметами престижа. Погребения детей не содержали предметов престижа.

Выводы

Таким образом, в некрополе представлено несколько вариантов погребального обряда. Для наиболее распространенного характерны индивидуальные погребения в прямоугольных ямах и подбойных могилах, где погребенный всегда располагается вдоль длинной стены камеры. Так хоронили мужчин, женщин и детей, в том числе под индивидуальными насыпями (№ 27). В подбойных могилах в курганах № 13 и 34 были отмечены парные захоронения взрослых и младенцев, в первом случае мужское (разрушено), во втором – женское. Основное погребение в могиле № 34 содержало избыточное количество стандартных категорий инвентаря и дополнительное обустройство в виде гроба и меловой подсыпки. Костяк ребенка находился рядом, без погребального инвентаря.

Ко второму варианту относятся могилы квадратной формы с диагональными захоронениями. Эти комплексы всегда содержали превышающее стандартные значения количество категорий инвентаря. Для них также было характерно дополнительное обустройство камеры (саркофаг, гробы, меловые подсыпки). Так хоронили только взрослых мужчин и женщин. Видимо, этот обряд предписывался лицам с особым (более высоким?) социальным статусом. В кургане № 69 женское захоронение сопровождали останки младенца. Основное погребение было уложено по диагонали, как во всех квадратных ямах, однако скелет ребенка лежал вдоль одной из стенок, не параллельно основному захоронению, что может свидетельствовать о том, что его статус в обществе не соответствует необходимому для погребения по «диагональному» обряду. Погребение женщины сопровождало избыточное количество стандартных категорий инвентаря (однако без мясной пищи/жертвы), предметы, вероятно несущие идеологическую нагрузку (топор, пирамидка из мела, пирамидка из гранита с окрашенной в красный цвет гранью; лицо погребенной женщины покрывала розовая краска/румяна). Скелет ребенка сопровождался бусами и подвесками, найденными под черепом.

Подобные парные захоронения, отмеченные в обоих вариантах обряда, иногда интерпретируют как могилы родителя и ребенка, свидетельство смерти при родах или спустя

непродолжительное время. В данном же случае небольшая представленность детей в могильнике[9] при высокой детской смертности в древности может указывать на особую роль этих младенцев в обряде. Например, в случае с «парными» захоронениями эти тела могут быть свидетельством неких обрядовых действий, маркерами событий, сопровождавших похороны, выполнять роль инвентаря/жертвы, причем речь идет необязательно о преднамеренном убийстве младенца: его естественная смерть могла просто совпасть с проведением похорон (Crawford, 2007, p. 89–90). В таком случае эти погребения стоит рассматривать как индивидуальные.

По составу погребального инвентаря комплексы можно разделить на: безынвентарные погребения (A1, C1), погребения без стандартных категорий, но с гендер-сопряженными (C1.1), со стандартными категориями (B2, AB2, C2), гендер-сопряженными (A2.1, B2.1, AB2.1, AB2.2, C2.1, C2.2), с предметами, отмеченными как признаки престижа (B3; AB3). Предметами, маркирующими более высокий социальный статус, были импортные изделия (стеклянные бальзамарии), металлическая посуда, декоративные элементы из драгоценных металлов (серьга), элементы упряжи, топор (инсигния?), полные туши животных. То, что подобные элементы инвентаря не отмечены в захоронениях детей, указывает на отсутствие наследования социального статуса в этом обществе (Мордвинцева, 2015б, с. 139). То, что большинство детских могил не содержало стандартных для этого социума признаков погребального обряда (сосуд закрытой формы, кости животного (лопатка и часть ноги овцы), нож «с пищей»), может свидетельствовать о том, что они не являлись его полноправными членами.

Мужчин, женщин и детей хоронили на всех участках некрополя, отдельно друг от друга. В тех случаях, когда в насыпь совершалось подзахоронение, это всегда были могилы детей (размеры костяков 0,8–1,1 м). Из особенностей размещения могил можно выделить расположение захоронений мужчин по границам некрополя и группу «мужских» курганов в юго-восточной части могильника.

Сравнение с грунтовыми могилами Нижнего Поднепровья

В завершение стоит сопоставить полученные результаты с данными о погребальном обряде в известных синхронных некрополях позднескифской археологической культуры Золотая Балка (Мордвинцева, 2015б) и Красный Маяк (Лысенко, в печати).

Среди общих черт можно отметить использование определенных типов погребальных сооружений: прямоугольные ямы и подбойные могилы. Искать этому какое-то специальное объяснение не представляется целесообразным, поскольку они являются архетипами «яма» и «ниша» и известны с эпохи Мустье (Смирнов, 1997, с. 41), а в рассматриваемый период были распространены во многих частях античной ойкумены.

Еще одним общим элементом является набор гендер-сопряженных признаков. Во всех некрополях это ожерелья из бус, расшивка бусами ворота, рукавов и подола/штанин одежды, обуви, пояса, наличие в могиле пряслиц, румян, зеркал, туалетных принадлежностей – для женщин; вооружение, поясные пряжки, элементы узды – для мужчин. Это указывает на схожие гендерные субкультуры в исследуемых обществах. Среди прочих подношений можно отметить несколько краснолаковых сосудов, фибулы типа Aucissa, стеклянный бальзамарий, красноглиняные флаконы. Эти предметы являются импортными и, видимо, отражают включенность этих социумов в надрегиональные сети взаимодействия.

Различия же фиксируются для всех признаков погребального обряда, начиная с организации захоронения. В Усть-Каменском некрополе практиковались индивидуальные захоронения в могиле, а в грунтовых некрополях доминировали катакомбы с многоактными погребениями с разрушением скелета на постпогребальном этапе при подзахоронении новых умерших. Индивидуальные погребения в грунтовых некрополях являлись особым признаком и, вероятно, были присущи определенной социальной категории населения (Мордвинцева, 2015б, с. 139). Это различие можно объяснить идеологическими установками или социальным устройством общества.

Еще одним, вероятно, идеологически обусловленным отличием является обряд с «диагональными» погребениями, аналогии которому известны в курганных некрополях Нижнего Дона, Поволжья и Приуралья (Скрипкин, 2017, рис. 32а), но в грунтовых некрополях Нижнего Поднепровья он неизвестен.

Различаются и действия, совершаемые на завершающем этапе. В Усть-Каменском некрополе стандартом является жертвоприношение, в результате которого часть туши (обычно нога и лопатка) с посудой и ножом оставлялись в погребальной камере. В грунтовых некрополях подобные действия являются особым признаком. Кроме того, отличается стандартное жертвенное животное (Усть-Каменка – овца; Красный Маяк, Золотая Балка – лошадь, МРС, КРС). Этот обычай также является стандартом для некрополей кочевников в Волго-Донском регионе (Мордвинцева, 2015а, с. 117), а различия в выборе жертвенного животного указывают на образ жизни социума (Мордвинцева, 2025, с. 402–403). Помимо жертвоприношений животных, в грунтовых некрополях также не отмечены меловые подсыпки, фигурки из мела, очаги и костры внутри могилы.

В составе погребального инвентаря менее распространены амулеты, что может объясняться небольшим количеством детских погребений, которым в основном присуща данная категория предметов. Среди элементов костюма в курганных погребениях отсутствуют браслеты, декорированные змеиными головами, что, видимо, указывает, на то, что подобный декор имел идеологическую нагрузку, неблизкую исследуемому социуму. Отсутствуют такие импортные предметы, как шарнирные фибулы-броши, шкатулки, характерные для женских погребений, монеты, фигурные сосуды, изделия из драгоценных металлов, которые в погребениях грунтовых некрополей характерны для носителей более высокого социального статуса. Отсутствие этих предметов может указывать на более низкую степень вовлеченности хоронившего в курганах населения в сети распространения данных товаров или на отсутствие мотивации к самопрезентации при проведении погребальных ритуалов через их демонстрацию.

Различия в обрядах, практикуемых в сравниваемых некрополях, в большинстве случаев, вероятно, были обусловлены особыми идеологическими установками, характерными для специфических хозяйственно-культурных типов оставивших их социумов (оседлый *versus* кочевой). В то же время использование некоторых одинаковых предметов в погребальном инвентаре, в том числе импортов римского производства, свидетельствует о включенности этих социумов в одни и те же надрегиональные сети взаимодействия.

Таким образом, можно констатировать сосуществование на одной, сравнительно небольшой территории социумов, различающихся по хозяйственно-культурному типу. Ситуация, когда кочевники сосуществуют в одной экологической зоне с оседлым населением, не уникальна (Хазанов, 2002, с. 107–108). Появление кочевого населения в регионе, где его не было продолжительное время, может быть мотивировано, например, необходимостью получить доступ к (новому) рынку сбыта или, наоборот, стремлением оседлого населения торговать с номадами (Хазанов, 2002, с. 328–329, 333), или приглашением со стороны государства, контролирующего эту территорию, с целью получения их военной силы (Хазанов, 2002, с. 344). Например, возникновение курганных некрополей в Поднепровье в I в. до н. э. объясняют действиями Митридата VI Евпатора в его борьбе с Римом и привлечением степных варваров, что мотивировало их продвижение к центрам античной цивилизации (Мордвинцева, 2015а, с. 130–131).

Примечания:

[1] Этот показатель малоинформативен, поскольку на момент раскопок 1983–1985 гг. поле подверглось распашке и большинство насыпей утратило первоначальный вид.

[2] Отмечена одна подбойная могила с двумя подбоями (№ 9).

[3] В одном случае отмечена могила с заплечиками, однако автор раскопок предположил (Костенко, 1993, с. 25), что входная яма была повреждена при ограблении (на постпогребальной стадии?). На чертеже (Костенко, 1993, рис. 14.1) также не отмечены заплечики, поэтому в данном тексте эта могила будет считаться ямой прямоугольной формы.

[4] Исключение составляет курган № 69, о нем ниже.

[5] За исключением предметов, которые обычно находятся парами: серьги, псалии, обоймы и наконечники ремня, а также категорий, норму положения которых рассчитать затруднительно: бусы, подвески.

[6] Антропологическое определение проводила Т.С. Кондукторова (Кондукторова, 1956, приложение 1б).

[7] Кроме разрушенного погребения № 58, где были найдены бусы (бисер) и фрагменты клинкового оружия.

В данном случае это могло быть украшение ножен в мужском погребении или оружие в женском, что в таком случае может свидетельствовать о том, что клинковое вооружение было не просто гендерным/профессиональным признаком, а также могло быть маркером специфического положения в обществе.

[8] Могила № 49.1 (бусы + бисер + сломанное зеркало + поясные пряжки).

[9] Всего 15 (17%). Стоит отметить, что все детские скелеты в индивидуальных могилах не были младенческими и имели длину около метра.

ЛИТЕРАТУРА

Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье по материалам Усть-Каменского могильника. Днепропетровск: ДДУ, 1993. 152 с.

Кропотов В.В. Фибулы Усть-Каменского могильника на Нижнем Днепре // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 1. С. 46–65.

Лысенко В.А. Погребальный обряд могильника Красный Маяк // Проблемы истории, филологии и культуры. В печати.

Махно Є.В. Розкопки пам'яток епохи Бронзи та Сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IX. Дослідження на території Каховського водоймища. Результати робіт Нікопольсько-Гаврилівської експедиції / Ред. В.М. Даниленко, О.Ф. Лагодовська, А.І. Фурманська. Киев: Видавництво академії наук Української РСР, 1960. С. 14–38.

Мордвинцева В.И. Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье // ВДИ. 2015а. № 1. С. 109–135.

Мордвинцева В.И. Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка // Stratum plus. 2015б. № 4. С. 115–142.

Мордвинцева В.И. Жертвоприношения животных в Северном Причерноморье в Сарматскую эпоху // ВДИ. 2025. № 2. С. 379–412.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 272 с.

Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград: ВолГУ, 2017. 293 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Восточная литература, 1997. 279 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму (постановка проблемы) // Проблемы скифской археологии / МИА. № 177 / Отв. ред. П.Д. Либеров, В.И. Гуляев. М.: Наука, 1971. С. 127–142.

Яценко С.А. Сарматский могильник 2-й половины I – начала II вв. н.э. у с. Усть-Каменка: особенности планиграфии // Старожитності степового причорномор'я і Криму. Т. XIX. / Ред. Г.М. Тощев. Запоріжжя: МСП-41, 2016. С. 196–211.

Crawford S. Companions, co-incidences or chattels? Children in the early Anglo-Saxon multiple burial ritual // BAR International Series 1696. Children, Childhood and Society / Ed. by S. Crawford, G. Shepherd. Oxford: BAR Publishing, 2007. P. 83–92

Информация об авторе:

Лысенко Владимир Александрович, младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (г. Москва, Россия), аспирант НИУ Высшая школа экономики (г. Москва, Россия); lysnkvldmr@gmail.com

REFERENCES

Kostenko, V. I. 1993. *Sarmaty v nizhnem Podneprov'e po materialam Ust'-Kamenskogo mogil'nika (The Sarmatians in the Lower Dnieper Region based on Materials from the Ust-Kamensk Burial Ground).* Dnepropetrovsk (in Russian).

Kropotov, V. V. 2024. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 23 (1), 46–65 (in Russian).

Lysenko, V. A. (in print). In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (in Russian).

Makhno, E. V. 1960. In Danylenko, V. M., Lahodovska, O. F., Furmanska, A. I. (eds.). *Arkheolohichni pam'yatky URSR. IX. Doslidzhennya na terytoriyi Kakhovs'koho vodoymyshcha (Archaeological Sites of the Ukrainian SSR. Vol. IX. Research on the Territory of the Kakhovka Reservoir)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 14–38 (in Ukrainian).

Mordvintseva, V. I. 2015a. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* (1), 109–135 (in Russian).

Mordvintseva, V. I. 2015б. In *Stratum plus* (4), 115–142 (in Russian).

Mordvintseva, V. I. 2025. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* (2), 379–412 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2011. *Rimskii import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ia (Roman Import of the Sarmatians from the Black Sea Region)*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

Skripkin, A. S. 2017. *Sarmaty (The Sarmatians).* Volgograd: Volgograd State University Publ. (in Russian).

Smirnov, Yu. A. 1997. *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar' (Labyrinth: Morphology of intentional burial. Study, texts, glossary)*. Moscow: "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khazanov, A. M. 2002. *Kochevniki i vneshniy mir (Nomads and the outside world)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).

Shul'ts, P. N. 1971. In Liberov, P. D., Gulyaev, V. I. (eds.). *Problemy skifskoi arkheologii (Issues of Scythian archaeology).* Series*:* Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 177. Moscow: "Nauka" Publ., 127–142 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2016. In Toschev, G. M. (ed.). *Starozhytnosti stepovoho prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea)* XIX. Zaporizhzhia: "MSP-41" Publ., 196–211 (in Russian).

Crawford, S. 2007. In Crawford, S., Shepherd, G. (eds.). *Children, Childhood and Society.* BAR International Series 1696. Oxford: BAR Publishing, 83–92.

About the Authors:

Lysenko Vladimir A., junior researcher Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science. Rozhdestvenka St., 12/1, Moscow, 107031, Russia. PhD student HSE University. Staraya Basmannaya St., 21/4, bldg. 2, Moscow, 105066, Russia; lysnkvldmr@gmail.com

Статья поступила в журнал 10.02.2026 г.
Статья принята к публикации 09.07.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.104.117

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF CERAMICS FROM THE FYODOROVKA CULTURE SITES OF THE BRONZE AGE IN CENTRAL KAZAKHSTAN[1]

©2026, V.G. Loman

The article presents a study of the ceramics production technology of the Fyodorovka archaeological culture (Bronze Age, Central Kazakhstan). The relevance of the work is due to the insufficient study of this cultural formation in the Kazakhstan region, which is associated with a limited number of archaeological studies and uneven distribution across the territory. The aim of the study is to reconstruct local production traditions and analyze the technological features of the Fyodorovka ceramics production. For this purpose, materials from 17 sites in Central Kazakhstan were studied; vessels from the Lisakovsky 1 burial ground (Northern Kazakhstan) were used for comparison. The study was conducted according to the methodology of A. A. Bobrinsky. The following were analyzed: raw materials and pottery pastes; techniques for constructing the "seed-bodies" and hollow bodies of vessels; surface treatment methods; technologies for imparting strength and eliminating moisture permeability (a firing). A comparison of Central Kazakhstan ceramics with Fyodorovka materials from the Lisakovsky 1 burial ground revealed similar technological traditions (raw material selection, pottery paste recipes, and construction methods), with some regional differences (the use of gruss in Central Kazakhstan and chamotte in Northern Kazakhstan). It was confirmed that the wall only "seed-bodies" can serve as an indicator of the ceramics' affiliation with the Fyodorovka culture, while vessels with the bottom to wall «seed-bodies» are associated with the Alakul culture. The data obtained provide a basis for further comparative research and can be used in the study of other regions and cultures of the Bronze Age.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, the Bronze Age, Andronovo cultural-historical community, Fyodorovka culture, burial grounds, settlements, ceramic, technical and technological analysis, comparative analysis.

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ПАМЯТНИКОВ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА[2]

В.Г. Ломан

В статье представлено исследование технологии изготовления керамики федоровской археологической культуры (эпоха бронзы, Центральный Казахстан). Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью данной культурной формации в казахстанском регионе, что связано с ограниченным числом археологических исследований и неравномерностью их распределения по территории. Цель исследования – реконструкция локальных производственных традиций и анализ технологических особенностей изготовления федоровской керамики. Для этого изучены материалы 17 памятников Центрального Казахстана; для сравнения привлечены сосуды из могильника Лисаковский-1 (Северный Казахстан). Исследование проводилось по методике А. А. Бобринского. Анализировались: исходное сырье и формовочные массы; приемы конструирования начинов и полого тела сосудов; способы обработки поверхности; технологии придания прочности и устранения влагопроницаемости (обжиг). Сравнение центрально-казахстанской керамики с федоровскими материалами могильника Лисаковский-1 показало близость технологических традиций (выбор сырья, рецептов формовочных масс, способов конструирования), при некоторых региональных особенностях (использование дресвы в Центральном Казахстане, шамота – в Северном Казахстане). Подтверждено, что емкостные начины

1 The work was carried out with the financial support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, the research topic is "The study of hydraulic structures of the Bronze Age in Central Kazakhstan: localization, mapping, design features, functional purpose" (IRN AP26100535).

2 Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, тема исследования – «Исследование гидротехнических сооружений эпохи бронзы Центрального Казахстана: локализация, картографирование, конструктивные особенности, функциональное назначение» (IRN AP26100535).

могут служить индикатором принадлежности керамики к федоровской культуре, тогда как сосуды с донно-емкостными начинами связаны с алакульской культурой. Полученные данные создают основу для дальнейших сравнительных исследований и могут быть использованы при изучении других регионов и культур эпохи бронзы.

Ключевые слова: археология, Казахстан, бронзовый век, андроновская культурно-историческая общность, федоровская культура, могильники, поселения, керамика, технико-технологический анализ, сравнительный анализ.

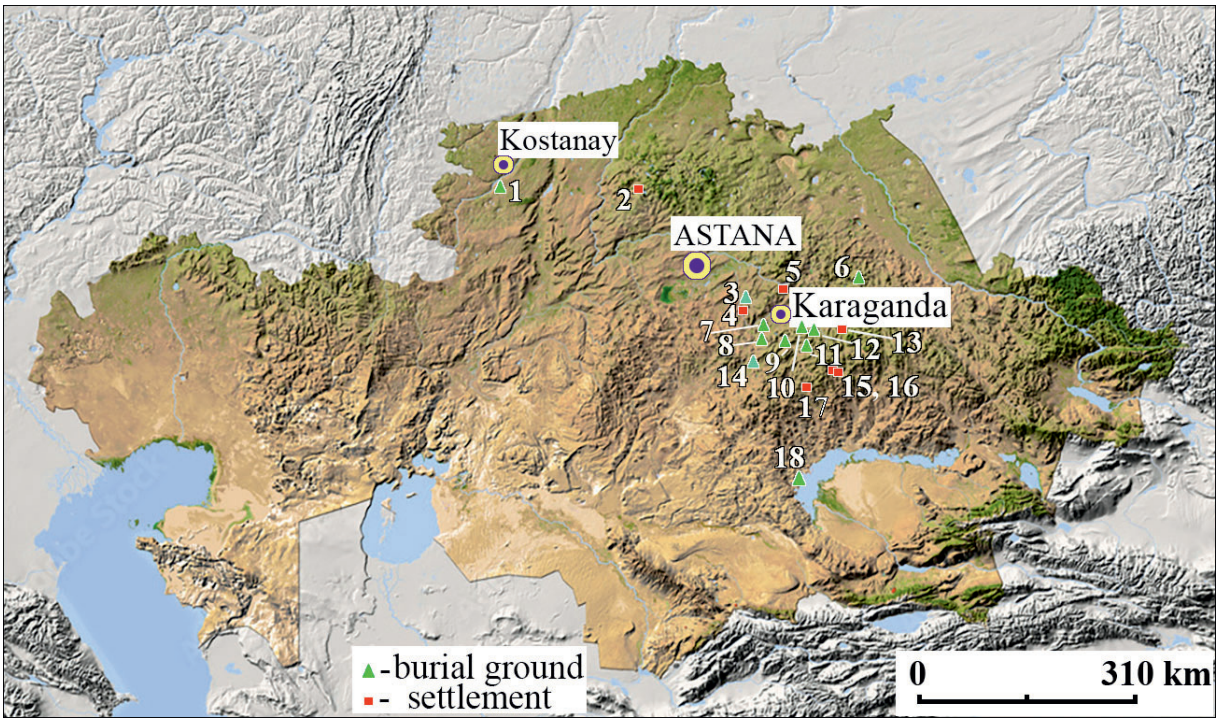

Fig. 1. The location of the sites analysed in this paper: 1 – b.g. Lisakovsky-1; 2 – settl. Shagalaly-2; 3 – b.g. Ikpen-1; 4 settl. – Ikpen-2; 5 – settl. Kreshchenovka; 6 – b.g. Ayappergen; 7 – b.g. Sherubay-1; 8 – b.g. Dar'insky; 9 – b.g. Taldinsky-1; 10 – b.g. Korzhar; 11 – b.g. Bada; 12 – b.g. Besoba; 13 – Bakybulak; 14 – b.g. Akbaybishe, 15, 16 – Karatal-1, 2; 17 – settl. Atasu-1; 18 – b.g. Tasaral (b.g. – burial ground; settl. – settlement)

Рис. 1. Местонахождение памятников, проанализированных в работе: 1 – мог. Лисаковский-1; 2 – пос. Шагалалы-2; 3 – мог. Икпень-1; 4 – пос. – Икпень-2; 5 – пос. Крещеновка; 6 – мог. Аяпперген; 7 – мог. Шерубай-1; 8 – мог. Дарьинский; 9 – мог. Талдинский-1; 10 – мог. Коржар; 11 – мог. Бада; 12 – мог. Бесоба; 13 – пос. Бакыбулак; 14 – мог. Акбайбише; 15, 16 – пос. Каратал-1, 2; 17 – пос. Атасу-1; 18 – мог. Тасарал

Central Kazakhstan, with its rich historical heritage, is a unique territory for the study of ancient cultures. One of the least studied cultural formations in the region is the Fyodorovka archaeological culture, which was part of the Andronovo cultural-historical community of the Bronze Age in Kazakhstan, the Southern Urals, and Western Siberia.

The dearth of scientific data on the Fyodorovka culture in Kazakhstan is due to several factors. A key issue is the insufficient number of archaeological studies conducted on settlement and burial complexes. Another limiting factor is the uneven distribution of research, leading to significant gaps in the study of specific Kazakhstan territories. Thanks to research by the Saryarka Archaeological Institute at the Buketov Karaganda National Research University, Central Kazakhstan has been studied more extensively than other regions.

Archaeological analysis of Fyodorovka sites reveals a remarkable pattern: despite significant territorial fragmentation, there is a marked unification of ceramic assemblages. This trend is reflected in the high degree of similarity in the morphological and stylistic characteristics of pottery.

The pottery traditions of the Fyodorovka culture are actively studied by archaeologists in Western Siberia (Gutkov et al., 2014; Ilyushina,

2009; 2014a; 2014b; 2015; 2017; 2019; Savko, 2021 a-c; 2023 a, b; Savko et al., 2023; Stepanova, Savko, 2022). However, in Kazakhstan, research aimed at reconstructing local production traditions and analyzing the technological features of Fyodorovka ceramics is still in its infancy. This necessitates the accumulation and systematization of material for a comprehensive study of the technological aspects of Fyodorovka ceramic production.

This article presents the results of a study of Fyodorovka ceramic technology in Central Kazakhstan based on materials from 17 sites (10 burial grounds and 7 settlements – Fig. 1). Vessels from the Fyodorovka section of the Lisakovsky-1 cemetery (Kostanay Region, Northern Kazakhstan) were used for comparison. The study followed A.A. Bobrinsky's methodology (1978, 1999) using an MBS-10 binocular microscope.

Ceramics from burial grounds (Central Kazakhstan). A total of 64 vessels from 10 burial grounds were analyzed (Fig. 2; Fig. 3). Raw materials and pottery pastes were studied for all samples, construction techniques were analyzed for 38 samples. For 60 vessel fragments, only techniques related to the hollow body were studied, as the bases were missing. Surface treatment was analyzed for 50 vessels.

Raw materials. Three types of raw materials were used in the production of ceramics: 1) low-ferrous clays – 7.9%, 2) medium-ferrous clays – 81.2%, 3) highly-ferrous clays – 10.9%.

Based on fine natural sand content, low-ferrous clays are classified as low-sanded, while highly-ferrous clays are classified as medium-sanded. Medium-ferrous clays are subdivided into low-sanded (32.7%), medium-sanded (61.5%), and highly sanded (5.8%). Overall, preference was given to medium-ferrous, medium-sanded clays (used in 50% of all vessels).

Pottery pastes. The following types of artificial additives to clay were used: organic – herbivore manure or extracts; organo-mineral – bone (1.6%); mineral – broken stone temper (81.3%), sand (15.6%), chamotte (9.3%), and talc (1.6%). Six pottery paste recipes were noted, with variations:

1) clay + Sand
   a) + manure – 12.5%,
   b) + organic matter – 1.6%,
2) clay + Broken stone temper
   a) + manure – 46.8%,
   b) + organic matter – 28.0%,
3) clay + Sand + Chamotte + manure – 1.6%,
4) clay + Broken stone temper + Chamotte + manure – 6.3%,
5) clay + Talc + Chamotte + manure – 1.6%,
6) clay + Broken stone temper + Bone + manure – 1.6%.

The predominant recipe was "clay + broken stone temper + manure/organic matter," accounting for 74.8% of samples. Notably, the Ikpen-1 burial ground lacked broken stone temper, utilizing sand and chamotte instead.

Broken stone temper was primarily used (60.4%) of medium size, in concentrations of 1:3 (15.6%), 1:4 (46.9%), and 1:5 (37.5%). Fine broken stone temper (11.3%), in concentrations of 1:3 and 1:4, and coarse broken stone temper (28.3%), in concentrations of 1:3 (6.7%), 1:4 (53.3%), and 1:5 (40.0%) was also used. Overall, the 1:4 concentration was predominant (49.1% of all samples).

The use of fine, medium, and coarse sand was noted in 10 vessels (15.7%), in concentrations ranging from 1:2 to 1:5.

Chamotte was found in the pottery paste of six vessels (9.5%) from the Ikpen-1 and Sherubay-1 burial grounds, exclusively in mixed recipes with sand, broken stone temper, and talc. Its size ranged from medium to coarse, with concentrations of 1:4 and 1:5.

A single vessel with crushed bone added (small size, at a concentration of 1:6) was discovered at the Korzhar burial ground.

Recipes with chamotte are almost completely absent from the ceramics of Central Kazakhstan. Only at the Ikpen-1 burial ground were two vessels found using mixed recipes: "clay + Broken stone temper + Chamotte + manure" and clay + Talc (medium size, at a concentration of 1:4) + Chamotte + manure."

Construction of the "seed-body". Only one method was identified: the wall only «seed-body» (Fig. 4), belonging to the composite group, a subgroup of patch building. Based on the manufacturing method, the "seed-bodies" are divided into: type 1 – patchwork-lumpy (86.8% of all vessels), subtype a – single-layer (63.6% of patchwork-lumpy), subtype b – double-layer (36.4%); type 2 – patchwork-spiral (13.2% of all vessels), subtype – single-layer.

Hollow body construction. The identified construction methods belong to the manual class, the composite group, the patchwork subgroup, the

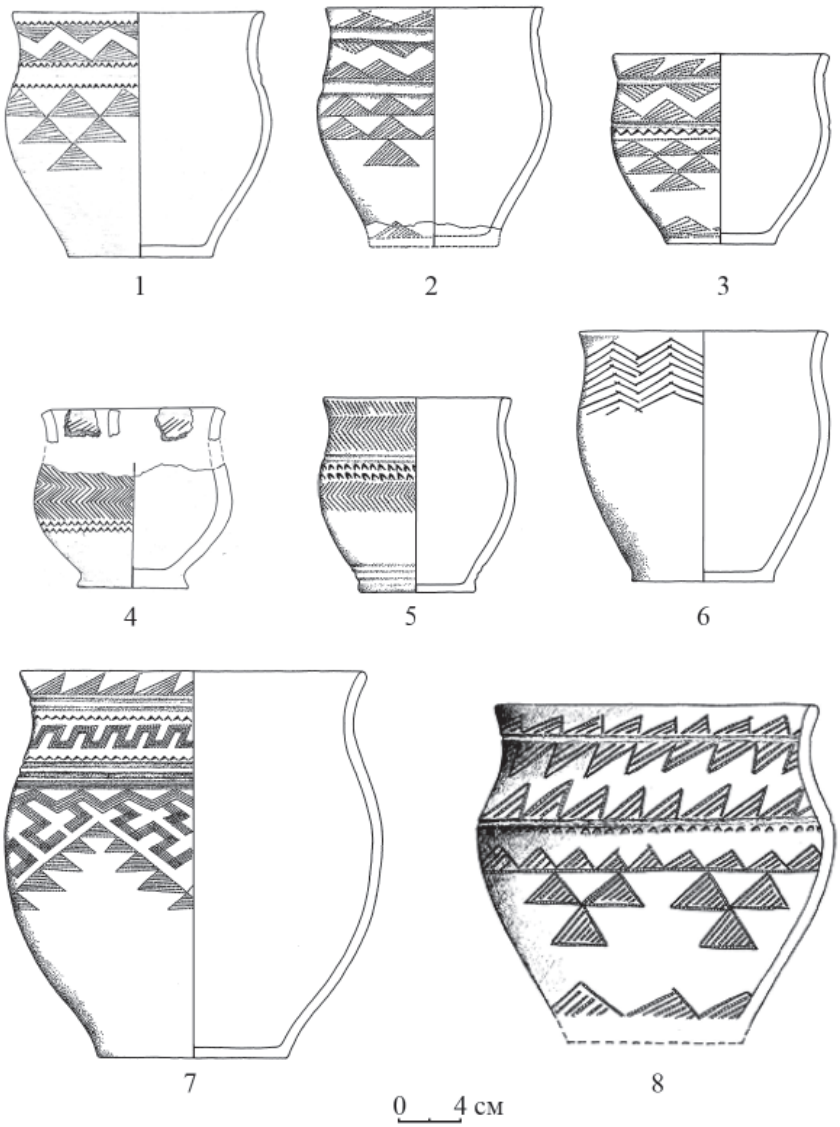

Fig. 2. Ceramics of the Fyodorovka culture from the burial grounds of Central Kazakhstan: 1, 4 – Bada (Varfolomeev, Loman, 2017, Fig. 1); 2, 3, 5-7 – Korzhar (Varfolomeev V.V. et al., 2019, Fig. 4); 8 – Taldinsky-1 (Kukushkin et al., 2020, Fig. 1)

Рис. 2. Керамика могильников федоровской культуры Центрального Казахстана: 1, 4 – мог. Бада (Варфоломеев, Ломан, 2017, рис. 1); 2, 3, 5-7 – мог. Коржар (Варфоломеев В.В. и др., 2019, рис. 4); 8 – мог. Талдинский-1 (Кукушкин и др., 2020, рис. 1)

patchwork-lumpy (90.0%) and patchwork-spiral types, and the single-layer subtype (10.0%). Within the patchwork-lumpy subtypes, the following subtypes are distinguished: a) single-layer (56.7% of all vessels) and b) double-layer (33.3% – Fig. 5).

Technological schemes for vessel construction.

1. The wall only "seed-body" with patchwork-lumpy walls (86.9%): a) in one layer and a bottom made of one layer of patches (42.1% of all vessels), b) in one layer and a bottom made of two layers of patches (13.2%), c) in two layers and a bottom in one layer (21.1%), d) in two layers both walls and bottom (10.5%);

2. The wall only "seed-body" with walls made of patches along a spiral trajectory (13.1%): a) in one layer and a bottom in one layer (10.5% of all vessels), b) in one layer and a bottom in two layers (2.6%).

Shaping. The ceramics were made in a mould-capacity, sewn together, judging by the

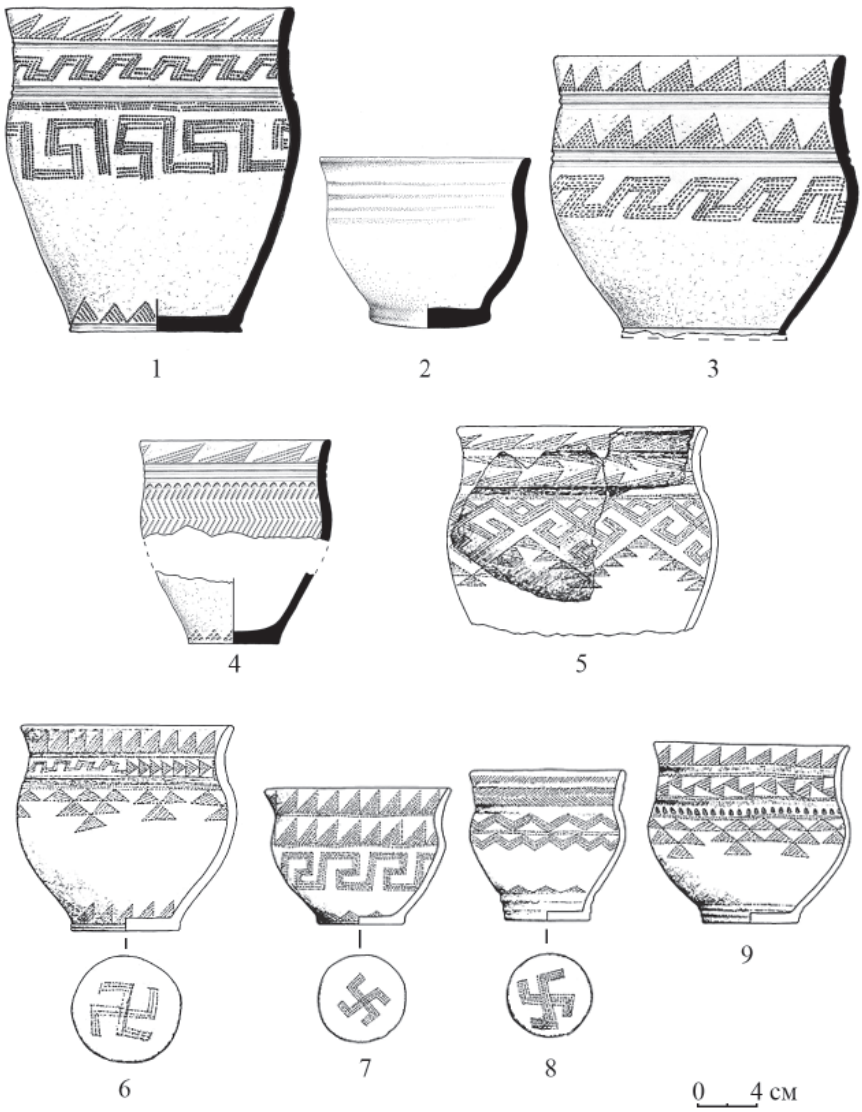

Fig. 3. Ceramics of the Fyodorovka culture from the burial grounds of Central Kazakhstan: 1-4 – Dar'insky (Loman, Kukushkin, 2012, Fig. 12, Fig. 13); 5, 6 – Besoba (Kukushkin, Dmitriev, 2017, Fig. 8); 7-9 – Sherubay-1 (Kukushkin, Dmitriev, 2018, Fig. 3)

Рис. 3. Керамика могильников федоровской культуры Центрального Казахстана: 1-4 – мог. Дарьинский (Ломан, Кукушкин, 2012, рис. 12, рис. 13); 5, 6 – мог. Бесоба (Кукушкин, Дмитриев, 2017, рис. 8); 7-9 – мог. Шерубай-1 (Кукушкин, Дмитриев, 2018, рис. 3)

imprints preserved on the outer surfaces of the vessels, from leather or fabric. Finger squeezing and hammering were used for shaping. On some vessels, rims were formed using an applied coil.

Surface treatment. Fifty vessels were identified using methods related to two trends in the development of surface treatment skills:

Without coating treatment (90.0% of all vessels used to determine surface treatment):

Class I. Smoothing (36.0% of all vessels).

Group 1. Simple (20.0%): type 1 – with fingers (4.0% of all vessels), type 2 – with a leather flap (10.0%), type 3 – with fabric (2.0% of all vessels), type 4 – with sheepskin (4.0%).

Group 2. Furrowed (16.0%): type 1 – with grass (12.0%), type 2 – with chip (4.0%).

Class II. Burnishing (54.0%). Group 1. Simple. Subgroup 1 – on a dried base.

Coating treatment (10.0%): five vessels were coated with clay plaster (slip), with two having

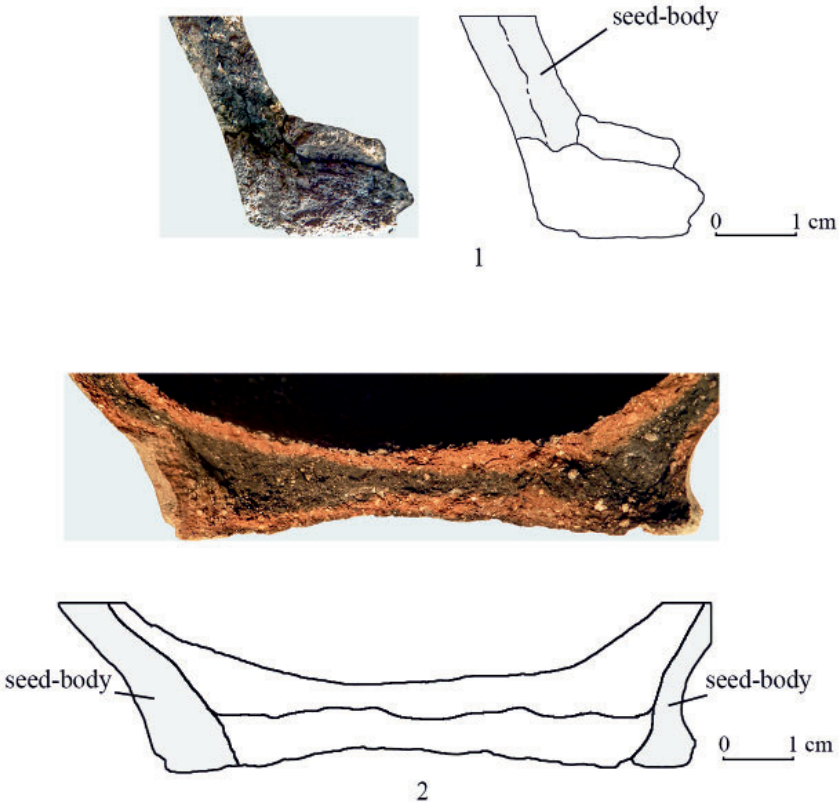

Fig. 4. Burial ground Korzhar: 1, 2 – the wall only "seed-bodies"
Рис. 4. Могильник Коржар: 1, 2 – емкостные начины

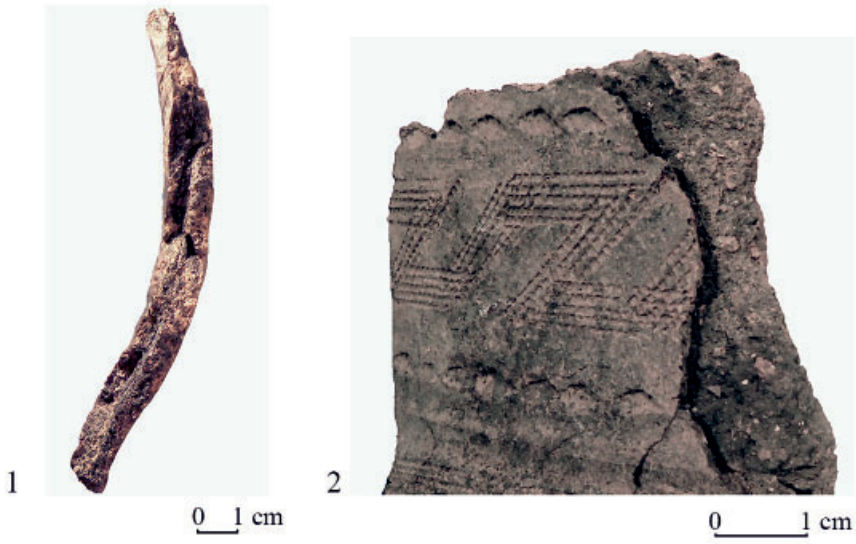

Fig. 5. Patchwork-lumpy double-layer hollow body: 1 – burial ground Sherubay-1; 2 – burial ground Korzhar
Рис. 5. Лоскутно-комковатое полое тело в два слоя: 1 – могильник Шерубай-1; 2 – могильник Коржар

the inner surface coated and three having the outer surface (Fig. 6).

Note the combinations of methods from different directions: two vessels from the Besoba burial ground had their outer surface coated with clay plaster, then burnished in one of them, and smoothed with a leather flap in the other. Five vessels from the Dar'insky burial ground had their outer surface burnished, and the inner surface smoothed with a leather flap (three vessels) or grass (two vessels). One of the vessels from the Sherubay-1 burial site had its outer surface coated with plaster, then smoothed with grass, and its inner surface smoothed with grass.

Imparting strength to vessels and eliminating moisture permeability.

Firing in a reducing environment – 43.9%, including: short-term low-temperature firing – 92.0%, rapid rise in low final temperatures and rapid cessation of their effect – 8.0%,

Firing in an oxidizing environment, partial exposure to annealing temperatures – 56.1%, including: rapid rise in temperature and short holding at the final temperature – 78.0%, cooling in the firing device with a rapid drop in final temperatures – 22.0%.

Ceramics from the Lisakovsky-1 burial ground (Northern Kazakhstan). A total of 39 vessels were studied. The raw materials and pottery pastes were analysed for all samples, and the construction techniques of the "seed-bodies" were analysed for 23. For fragments of 26 vessels, only those related to the construction of a hollow body could be studied, as the bases were missing. Surface treatment was analysed for 29 vessels.

Raw materials. The use of three types of raw materials was revealed: 1) medium-ferrous clays – 84.6%, 2) highly ferrous-rich clays – 12.8%, 3) a mixture of non-ferrous and medium-ferrous clays – 2.6%.

Medium-ferrous clays are predominantly (57.6%) slightly sanded, while highly-ferrous clays are all moderately sanded. A clear preference for medium-ferrous clays is evident in both regions, with a difference in the degree of sand content.

Pottery pastes. The following artificial clay additives were used in the production of Lisakovsky-1 burial ground ceramics: organic – herbivorous animal manure or its extract; organo-mineral–freshwater mollusc shells (5.1%); mineral–chamotte (74.4%) and sand (38.5%).

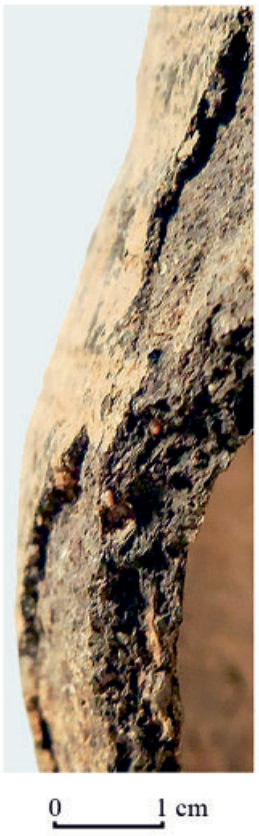

Fig. 6. Coating treatment of the outer surface (burial ground Sherubay-1)
Рис. 6. Обмазка внешней поверхности (могильник Шерубай-1)

The ceramics were made using four pottery paste recipes:

1) clay + Sand
   a) + manure – 12.8%,
   b) + organic matter – 12.8%,
2) clay + Chamotte
   a) + manure – 43.7%,
   b) + organic matter – 12.8%,
3) clay + Sand + Chamotte + manure – 12.8%,
4) clay + Chamotte + Shell + manure – 5.1%.

The main recipe was "clay + Chamotte + manure/organic matter" (56.5%). Chamotte was also noted in mixed recipes with sand and crushed shell.

Chamotte of medium size (51.7%) was used in concentrations of 1:3 (13.3%), 1:4 (26.7%), and 1:5 (60.0%), and coarse (48.3%), in concentrations of 1:3 (21.4%) and 1:5 (78.6%).

Chamotte had a medium ferrous content in 62.1% of cases, high ferrous content in 24.1%, and low ferrous content in 13.8%.

Fine sand (20.0%) was used in a 1:2 concentration, medium sand (73.3%) in concentrations

from 1:2 to 1:5, with 1:3 being the predominant concentration, and coarse sand (6.7%) in a 1:4 concentration.

Construction of the "seed-body". The "seed-bodies" of the Fyodorovka vessels from the Lisakovsky-1 burial ground were constructed exclusively using the wall only «seed-body» programme, patchwork-lumpy type with subtypes: a) single-layer (52.2%) and b) double-layer (47.8%).

Construction of the hollow body. The hollow body construction methods of the Lisakovsky-1 vessels belong to the handcrafted class, the composite group, the patchwork subgroup, the patchwork-lumpy type, and the subtypes: a) single-layer (57.7%) and b) double-layer (42.3%).

Technological schemes for vessel construction.

One TS was identified for 23 vessels with the following variants:

1. The wall only «seed-body» with patchwork-lumpy walls (100.0%): a) single layer and a bottom made of a single layer of patches (4.3%), b) single layer and a bottom made of two layers of patches (47.8%), c) two layers and a single-layer bottom (8.7%), d) two layers of both walls and bottom (39.2%).

Some bottoms were attached to the "seed-body" from the inside using clay coil.

Shaping. Some vessels were made using a mould-base. Finger squeezing and knocking were used for shaping.

Surface treatment. Without coating treatment (89.7% of all vessels for which surface treatment was determined).

Group 1. Simple (13.8%): type 1 – with fingers (1 specimen), type 2 – with a leather flap (1 specimen), type 3 – with fabric (1 specimen), type 4 – with a wooden scraper (1 specimen).

Group 2. Furrowed (10.3% of all vessels): type 1 – with grass (2 specimens), type 2 – with a chip (1 specimen).

Class II. Burnishing (65.5%).

Group 1. Simple. Subgroup 1 – on a dried base.

Coating treatment (37.9%): clay coating covered the outer surface of 45.5% of vessels, the inner surface of 27.2%, and both surfaces of 27.2%. A combination of methods was also used: six vessels had their outer surfaces coated and then polished, while two of them also had a coated inner surface. Two vessels had a polished outer surface and a coated inner surface.

Imparting strength to vessels and eliminating moisture permeability.

Firing in a reducing environment accounted for 64.1% of the total, including: short-term low-temperature firing (84.0%), rapid rise in low final temperatures and rapid cessation of their effect (8.0%), and prolonged exposure to low temperatures (8.0%).

Firing in an oxidizing environment, partial exposure to annealing temperatures with a rapid temperature rise and short hold at the final temperature (35.9%).

Let us separately consider a specific category of the Fyodorovka "set" – the so-called "**dishes**", which are usually found in burial grounds located to the north of Central Kazakhstan, although they are also occasionally found in settlements (Kargat-6 in the Baraba forest-steppe (Molodin, 1985, p. 102), Ushkatty and Tasty-Butak (Gryaznov, 1966, p. 13), Lisakovskoye (Usmanova, 2005, p. 91)), including those in Central Kazakhstan (Ust-Kenetai (Evdokimov, 1982, Fig. 4: 3). "Dishes" are quite rare – no more than 50 specimens have been found (Popkova, 2018). These items have the appearance of small rectangular or oval trays with low walls and rounded corners, which can be equipped with molded or applied flat protrusions.

Four "dishes" from the Lisakovsky-1 burial ground were studied.

Raw materials. Medium-ferrous clay with medium sand content (1 specimen) and weakly sanded clay (1 specimen), a mixture of medium-ferrous clay with high sand content in a wet state and low-ferrous clay in a dry state (1 specimen), as well as silty clay (1 specimen) were used. All samples contain detrital brown ironstone, fine and medium quartz sand, and two contain a natural admixture of mica.

A technical and technological analysis revealed that, in terms of the characteristics of the raw materials and the pottery pastes recipes, the "dishes" are no different from the main ceramic collection of the Lisakovsky-1 burial ground. It is worth noting that the same concentrate of two types of clay, as in one of the "dishes," was used at the burial ground to make some Alakul vessels.

Pottery pastes. One recipe was recorded: clay + Chamotte + manure. Chamotte was used in fine (1 specimen) and medium (3 specimens) sizes, in concentrations of 1:4 (2 specimens), 1:5 (1 specimen), and 1:6 (1 specimen), and had a low (3

specimens) and medium (1 specimen) degree of of iron content.

Construction.

The three "dishes" were made by sculpting and finger pressing on a flat surface using a patchwork-lump method (in two layers), using the bottom to wall «seed-body» program, simultaneously creating the bottom and low walls. Corner projections were molded, with two examples having them at the corners of the top of the piece, and one at the transition from the walls to the bottom. The construction method of the fourth example is interesting: first, also using a patchwork-and-lumpy technique on a flat surface, a tray was created, into the ends of which transverse walls were then embedded. The corner projections were glued on.

Ceramics from the settlements of Central Kazakhstan.

Fragments of 212 vessels from 7 settlements were studied. The raw materials and pottery pastes were analysed for all vessels, the "seed-bodies" construction methods were analysed for 31 vessels, the hollow body construction methods were analysed for 144 vessels, and the surface treatment methods were determined for 119 vessels.

Raw materials. Overall, the settlement materials revealed the use of 5 types of raw materials:

1) non-ferrous clay – 0.5%,
2) low-ferrous clay – 3.3%,
3) medium-ferrous clay – 63.7%,
4) highly ferrous clay – 31.6%,
5) a mixture of clay and kaolin – 0.9%.

The use of low-ferrous clay is recorded at the settlements of Atasu-1 (medium sandy) and Kreshchenovka (lightly sandy) (one vessel at each), while non-ferrous clay (lightly sandy) was found in only one vessel at the settlement of Ikpen-2.

The primary raw material at the settlements of Atasu-1, Ikpen-2, Karatal-2, and Shagalaly-2 was medium-ferrous clay, while at the settlements of Bakybulak, Karatal-1, and Kreshchenovka, it was highly ferrous clay. A mixture of clay with crushed kaolin was recorded in two vessels at the settlement of Kreshchenovka.

Based on the concentration of natural fine sand, medium-ferrous clays were predominantly used (78.7%) medium-sand. Highly sandy medium-ferrous clays were found in small quantities (5.1%) at the Karatal-2 and Shagalaly-2 settlements, while weakly sandy clays (16.2%) were found at Atasu-1, Ikpen-2, and Shagalaly-2.

Highly ferrous clays were found with medium sand content (64.7%), while highly sandy clays (5.9%) were found at the Karatal-1 settlement. Low sandy highly ferrous clays (29.4%) were used primarily at the Kreshchenovka settlement and were also noted at the Ikpen-2 and Shagalaly-2 settlements (one vessel at each).

Pottery pastes. The following types of clay additives were used in the composition of the pottery pastes: organic – manure of herbivorous animals or its extract; minerals – broken stone temper (73.6%), chamotte (19.8%), sand (9.0%), talc (0.5%), metallurgical slag (0.5%).

Nine recipes were recorded for the composition of pottery pastes:

1) clay + Sand
   + a) manure – 2.7%
   + b) organic matter – 5.7%
2) clay + Broken stone temper
   + a) manure – 34.9%
   + b) organic matter – 35.4%
3) clay + Chamotte
   + a) manure – 6.5%
   + b) organic matter – 9.4%
4) clay + Broken stone temper + Chamotte
   + a) manure – 2.4%
   + b) organic matter – 0.5%
5) clay + Sand + Chamotte + manure – 0.5%
6) clay + Broken stone temper + Metallurgical slag + manure – 0.5%
7) clay + Talc + manure – 0.5%
8) clay-kaolin mixture + manure – 0.5%,
9) a mixture of clay and kaolin + Chamotte + organic matter – 0.5%.

Recipes with sand were noted only at the Ikpen-2 and Kreshchenovka settlements. The most common recipes at all settlements were "clay + Broken stone temper + manure/organic matter" – a total of 70.3%.

A single vessel with talc (medium size, concentration 1:4) was found in the materials from the Shagalaly-2 settlement, and a vessel with metallurgical slag (medium size, concentration 1:5) was found at the Atasu-1 settlement. Ceramic fragments with metallurgical slag were found by researchers at the Taldysay settlement (Kalieva, 2022, p. 125). Unfortunately, it is not entirely clear from the text of the article to what historical period these fragments belong, as the site is multi-layered.

Sand used was primarily coarse (47.4%), followed by fine (21.0%) and medium (31.6%) sand, in concentrations ranging from 1:3 to 1:5.

Broken stone temper was primarily used at the settlements (55.8% of the total) of medium size, in a concentration of 1:5 (55.2%), with the exception of the Bakybulak settlement, where coarse stone was preferred (60.5%). Small amounts of fine stone (8.3%) were found at the Atasu-1, Karatal-1, and Shagalaly-2 settlements. The preferred concentration for coarse stone (35.9%) was 1:5 (57.1%).

Chamotte was most often (66.7%) added to the pottery pastes of medium size, in a concentration of 1:5 (53.6%), as were fine (14.3%) and coarse (19.0%) chamotte. No chamotte vessels were found at the Karatal-1 and Karatal-2 settlements.

Construction of "seed-bodies". Based on the materials from the Fyodorovkaka culture settlements, two construction patterns have been identified: the wall only "seed-body" (80.6%) and the bottom to wall "seed-body" (19.4%). The bottom to wall "seed-bodies" (6 specimens) were found only at the Kreshchenovka settlement.

Based on the general characteristics of the source material, the studied "seed-bodies" belong to the composite group; based on the shape of its portions, they belong to the patchwork subgroup; and based on the construction method, they belong to the patchwork-lumpy type.

Construction of a hollow body. The selected construction methods belong to the manual class, the composite group, the patchwork subgroup, and the following types:

1. Patchwork-lumpy (87.5%), subtypes: a) single-layer (55.6% of all vessels) and b) two-layer (31.9%);

2. Patchwork-spiral (12.5%), subtypes: a) single-layer (10.4% of all vessels) and b) two-layer (2.1%).

Technological schemes for vessel construction. Two TS were identified:

1. The bottom to wall "seed-body", patchwork-lumpy, with a patchwork-lumpy hollow body (19.4%) – a) in one layer (12.8% of all vessels); b) in two layers (6.5%).

2. The wall only "seed-body" with patchwork-lumpy walls (80.6%) – a) in one layer, both walls and bottom (48.4%); b) in one layer, and a bottom of two layers (22.6%); c) in two layers, and a bottom in one layer (6.5%); d) in two layers, both walls and bottom (3.2%).

Apparently, there was also a TS associated with a patchwork-spiral hollow body.

Shaping. Judging by the preserved imprints on the outer surface, the vessels were made in solid mould-capacities on a leather lining. The patchwork bottom was applied from the inside, after which another layer of patches could be applied on the outside. Finger squeezing was used for shaping. On some vessels, a clay coil was applied to decorate the rim.

Shaping. Judging by the preserved imprints on the outer surface, the vessels were made in solid mould-capacities on a leather lining. The patchwork bottom was applied from the inside, after which another layer of patches could be applied on the outside. Finger squeezing was used for shaping. On some vessels, a clay coil was applied to decorate the rim.

Surface treatment. Without coating treatment.

Class I. Smoothing (44.5% of all vessels used to determine surface treatment):

Group 1. Simple (23.5%): type 1 – with fingers (4.2%), type 2 – with fabric (3.4%), type 3 – with a wooden scraper (10.0%), type 4 – with sheepskin (1.7%), type 5 – with a leather flap (4.2%).

Group 2. Furrowed (21.0%): type 1 – with grass (13.4%), type 2 – with a chip (7.6%).

Class II. Burnishing (52.9%).

Group 1. Simple. Subgroup 1 – on a dried base (45.4%), subgroup 2 – on a dry base (7.6%).

Coating treatment – coating the outer surface (2.5% of all vessels).

The surfaces of 16 vessels were treated using a combination of methods: smoothing the outer surface with cloth and grass on the inner (1 vessel); smoothing the outer surface with a leather flap and grass on the inner (2 vessels); smoothing the outer surface with sheepskin and a wooden scraper on the inner (1 vessel); burnishing the outer surface and smoothing with a wooden scraper on the inner (5 vessels); burnishing the outer surface and smoothing the inner surface – with grass (2 vessels), fingers (2 vessels), a chip (2 vessels), and a wooden stick (1 vessel).

Imparting strength to vessels and eliminating moisture permeability.

Firing in a reducing environment – 47.8%, including: short-term low-temperature firing – 87.0%, rapid rise in low final temperatures and rapid cessation of their effect – 2.6%, cooling in the firing device – 1.3%, prolonged exposure to low temperatures – 9.1%.

Firing in an oxidizing environment – 52.2%, including: partial exposure to annealing temperatures, rapid temperature rise and short holding at the final temperature, removal of vessels from the firing device and their rapid cooling in air – 40.5%, partial exposure to annealing temperatures, cooling in the firing device with a rapid drop in final temperatures – 20.2%, full exposure to annealing temperatures – 39.3%.

Comparison of ceramics from burial grounds and settlements in Central Kazakhstan. At the raw material selection stage, medium-ferrous clays clearly predominated – 59.2% of vessels from settlements and 82.7% from burial grounds. It should be noted that at three settlements (Bakybulak, Karatal-1, and Kreshchenovka), highly ferrous-rich clays were used much more frequently than medium-ferrous clays (from 62.2% to 81.8%).

The main artificial additive in the composition of the pottery pastes was broken stone temper – 73.9% (settlements) and 82.8% (burial grounds). Chamotte was found in burial ceramics only in mixed recipes at two sites: Ikpen-1 ("clay + sand + Chamotte + manure" and "clay + Talc + Chamotte + manure," one vessel each) and Sherubay-1 ("clay + Broken stone temper + Chamotte + manure," four vessels).

Medium broken stone temper was used primarily – 55.8% (settlements) and 60.4% (burial grounds). A 1:5 ratio (55.2%) was observed for settlement ceramics, while a 1:4 ratio (46.9%) was observed for burial ceramics.

The primary recipe used for the pottery pastes of both settlement and burial ceramics was "clay + Broken stone temper + manure/organic matter" (70.6% for settlements and 74.8% for burials).

The "seed-bodies" of both settlements and burial grounds of the Fyodorovkaka culture were constructed using the wall only "seed-body" method – 80.6% of settlement ceramics and 100% of burial grounds. Only at one (Kreshchenovka) of the five settlements whose ceramics made it possible to study construction were "seed-bodies" made using the bottom to wall «seed-body» method. The hollow body was constructed from clay patches – types:

1. Patchwork-lumpy (87.5% of settlements, 90.0% of cemeteries), subtypes: a) single-layer (63.5% of settlements, 63.0% of burial grounds); b) double-layer (36.5% of settlements, 37.0% of burial grounds).

2. Patchwork-spiral (15.8% of settlements, 10.0% of cemeteries). The hollow bodies of vessels from both settlements and burial grounds, crafted from patchwork along a spiral trajectory, were constructed in a single layer. Two-layer patchwork-spiral designs were observed only in the ceramics of the Karatal-2 settlement.

The following general technological schemes apply: the wall only "seed-body" with patchwork-lumpy walls: a) a single layer for both the walls and the bottom; b) a single layer and a two-layer bottom; c) two layers and a single-layer bottom; d) two layers for both the walls and the bottom.

The vessels were made using mould-capacity; the walls were pressed and knocked out during final shaping. The vessel surfaces were processed primarily (45.0% at settlements and 36.0% at burial grounds) by smoothing and burnishing on a dried base (57.5% at settlements and 54.0% at burial grounds). Coating treatment was observed on 3% of vessels from settlements and 10.0% from burial grounds.

The pottery production technology of settlements and burial grounds is unified by the following:

1) the use of medium-ferrous, medium-sand clays as the primary raw material;

2) the basic recipe for composing pottery pastes is "clay + Broken stone temper + manure/organic matter";

3) the broken stone temper was primarily of medium size;

4) the vessel "seed-bodies" were made using the wall only "seed-body" program, a patchwork-and-lump method;

5) the surfaces of more than half of the vessels were burnished.

Summarizing the results of the technological analysis of the ceramics from settlements and burial grounds, we come to the conclusion that in terms of production technology, they have much more in common, and the existing differences are insignificant and do not give any reason to think about the preservation of some ancient traditions of production in the dishes from burials.

Comparison of ceramics from burial grounds in Central Kazakhstan and the Lisakovsky-1 burial ground (Northern Kazakhstan).

When selecting raw materials in both regions, medium-ferrous clays were primarily selected: CK – 82.7%, NK – 84.6%. In Central Kazakhstan (the Bada burial ground), the use of low-ferrous clay was noted (3 vessels), while in Northern

Fig. 7. The vessel with the wall only "seed-body" (burial ground Sherubay-1)
Рис. 7. Сосуд с емкостным начином (могильник Шерубай-1)

Kazakhstan, a mixture of non-ferrous and medium-ferrous clays was used.

When composing pottery pastes, the Fyodorovka potters in these regions had the preferences: CK – "clay + Broken stone temper + manure/organic matter" (74.8%), NK – "clay + Chamotte + manure/organic matter" (56.5%).

We see a similar similarity in traditions regarding size – the choice of the average fraction of the main mineral additive (CK – broken stone temper 60.4%, NK – chamotte 51.7%). It should be noted that coarse chamotte was added primarily at a 1:5 ratio (CK–100.0%, NK–78.6%).

The "seed-bodies" of all vessels were universally constructed exclusively according to the wall only "seed-body" program. Similar cultural traditions are also observed in the construction of the hollow body, which was created using patchwork-lump methods (CK – 90.0%, NK – 100.0%), in two subtypes: a) in one layer (CK – 63.0%, NK – 57.7%) and b) in two layers (CK – 37.0%, NK – 42.2%). Vessels with a single-layer, patchwork-spiral hollow body have been found at two burial grounds in Central Kazakhstan; such vessels are absent from the ceramic collection of the Lisakovsky-1 burial ground. Vessels found in both regions were made by Fyodorovka potters using the following general technological scheme: the wall only "seed-body" with patchwork-lumpy walls (CK – 86.8%, NK – 100%), subtypes: a) single-layer walls and a single-layer base (CK – 48.5%, NK – 4.3%), b) single-layer walls and a two-layer base (CK – 15.2%, NK – 47.8%), c) two-layer walls and a single-layer base (CK – 24.2%, NK – 8.7%), d) two-layer walls and a two-layer base (CK – 12.1%, NK – 39.2%).

No differences in surface treatment methods were recorded.

Thus, as an analysis of the construction of Fyodorovka culture vessels has shown, they have exclusively the wall only "seed-body" (Fig. 7). At the same time, within the Alakul culture of

the Andronovo cultural-historical community, the bottom to wall "seed-bodies" are observed mainly in both northern and central Kazakhstan (Loman, 1993, p. 110).

Thus, the wall only "seed-bodies" can serve as an indicator of the ceramics' affiliation with the Fyodorovka culture, while vessels with the bottom to wall "seed-bodies" are associated with the Alakul culture. This difference in design reflects not only technological but also cultural and historical aspects, such as the different origins of the bearers of these two cultures and the different traditions of ceramic vessel production.

These results provide a basis for further comparative research and can be used in the study of other regions and cultures of the Bronze Age.

REFERENCES

Bobrinsky, A.A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya (Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study).* Moscow: Nauka (in Russian).

Bobrinsky, A.A. 1999. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (Current Issues in the Study of Ancient Pottery).* Samara: Publishing House of Samara State Pedagogical Univ., 5–109 (in Russian).

Evdokimov, V. V. 1982. In Evdokimov, V. V. (ed.). *Voprosy arkheologii, etnografii Tsentral'nogo Kazakhstana (Issues of Archaeology and Ethnography of Central Kazakhstan).* Karaganda: Karaganda State University Publ., 3–20 (in Russian).

Gryaznov, M. P. (ed.). 1966. *Andronovskaya kul'tura. Vyp. 1. Pamyatniki zapadnykh raionov (Andronovo Culture. Part 1. Sites of the Western Regions).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B3-2. Moscow, Leningrad: Nauka. (in Russian).

Gutkov, A. I., Papin, D. V., Fedoruk, O. A. 2014. In Molodin, V. I., Epimakhov, A. V. (eds.). *Arii stepey Evrazii: Epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh: Sb. pamyati E.E. Kuz'minoy (The Aryans in the Eurasian Steppes: the Bronze and Early Iron Ages in the Steppes of Eurasia and Contiguous Territories: Elena Kuzmina Memorial Volume)*. Barnaul: Altai State University, 311–320 (in Russian).

Ilyushina, V. V. 2009. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (11), 46–53 (in Russian).

Ilyushina, V. V. 2014a. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (3), 26–28 (in Russian).

Ilyushina, V. V. 2014b. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevyanko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s''ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 567–571 (in Russian).

Ilyushina, V. V. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 31 (4), 38–47 (in Russian).

Ilyushina, V. V. 2017. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule–Belokurikhe (Proceedings of the 2nd (21st) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul, Belokurikha)* I. Barnaul: Altai State University, 253–257 (in Russian).

Ilyushina, V. V. 2019. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 45 (2), 36–48 (in Russian).

Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie. Sbornik statey, posvyashhenniy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* (*Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation (Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition*) 2. Almaty: Research center of history and archeology Begazy-Tasmola, 188–202 (in Russian).

Kukushkin, I.A., Dmitriev, E.A. 2018. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (4), 42–48 (in Russian).

Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2020. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 26. Barnaul: Altai State University Publ., 76–83 (in Russian).

Loman, V. G. 1993. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya. (Protection and Study of the Cultural Heritage of Altai)* Part I. Barnaul: Altai State University, 109–111 (in Russian).

Loman, V. G., Kukushkin, I. A. 2012. In Loman, V. G. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Saryarki (Archaeology and History of Saryarka).* Karaganda: Karaganda State University Publ., 81–106 (in Russian).

Molodin, V. I. 1985. *Baraba v epokhu bronzy (Baraba in the Bronze Age).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Popkova, A. Yu. 2018. In Zubov, S. E. (ed.). *L Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 1-4 fevralya 2018 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* (*50th Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 1–4, 2018): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists).* Samara: Samara State University, 160–163 (in Russian).

Savko, I. A. 2021a. In Alkin, S. V. (ed.). *Arkheologiya: Materialy 59-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii 12–23 aprelya 2021 g. (Archaeology: Proceedings of the 59th International Scientific Student Conference, April 12–23, 2021).* Novosibirsk: Publishing and Printing Center of Institute of Archaeology and Ethnography, 59–60 (in Russian).

Savko, I. A. 2021b. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 28. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 624–632 (in Russian).

Savko, I. A. 2021c. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 34 (2), 193–211 (in Russian).

Savko, I. A. 2023. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 29. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 829–837 (in Russian).

Savko, I. A. 2023. In Alkin, S. V., Oktyabrskaya, I. V. (eds.). *300-letie Rossiiskoi akademii nauk – arkheologiya i etnografiya Sibiri: traditsii, shkoly i otkrytiya (300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences – Archaeology and Ethnography of Siberia: Traditions, Schools and Discoveries).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 111–113 (in Russian).

Savko, I. A., Fedoryuk, O. A., Demin, M. A., Sitnikov, S. M. 2023. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 35 (4), 113–132 (in Russian).

Stepanova, N. F., Savko, I. A. 2022. In Molodin, V. I. (ed.). *Izuchenie drevnei istorii Severnoi i Tsentral'noi Azii: ot istokov k sovremennosti: tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu ekspeditsii D.G. Messershmidta (Study of the ancient history of Northern and Central Asia: from origins to the present: abstracts of the International scientific conference dedicated to the 300th anniversary of D.G. Messerschmidt's expedition).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 148–152 (in Russian).

Usmanova, E. R. 2005. *Mogil'nik Lisakovskii I: fakty i paralleli (Lisakovsky I Burial Ground: Facts and Parallels).* Karaganda; Lisakovsk: Karaganda State University (in Russian).

Varfolomeev, V. V., Dmitriev, E. A., Loman, V. G. 2019. In Goryachev, A. A. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Semirech'ia. (History and Archeology of the Semirechie)* 6. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 50–74 (in Russian).

Varfolomeev, V. V., Loman, V. G. 2017. In Khabdulina, M. K. (ed.). *Bronzovyi vek Kazakhstana: issledovaniya i novye otkrytiya (The Bronze Age of Kazakhstan: Studies and New Discoveries)* 1. Astana: "Master" Publ., 57–63 (in Russian).

About the Author:

Loman Valeriy G., Candidate of Historical Sciences, Karaganda Buketov National Research University. Universitetskaya, 28 str., Karaganda, 100024, Kazakhstan; lvg7@yandex.ru

Информация об авторе:

Ломан Валерий Григорьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Карагандинский национальный исследовательский университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); lvg7@yandex.ru

Статья поступила в журнал 05.07.2024 г.
Статья принята к публикации 23.08.2024 г.

УДК 903.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.118.126

БАРСОВСКИЙ VII МОГИЛЬНИК КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

©2026 г. Ю.П. Чемякин, Д.В. Селин, М.С. Кишкурно

В статье представлены результаты мультидисциплинарных исследований материалов из погребений Барсовского VII могильника. Анализ сохранившегося антропологического материала показал, что в погр. 3 был захоронен взрослый человек. В погр. 5 также зафиксированы остатки одного взрослого индивида. Было выполнено радиоуглеродное датирование, а также изотопный анализ зуба человека и бересты из погр. 3, меха животного из погр. 4 и фрагмента черепа человека из погр. 5. По особенностям погребальной практики и сопроводительного инвентаря предполагаемый возраст погребений может составлять III–I вв. до н.э., что хорошо согласуется с датировками, полученными по бересту и меху. Их пересекающийся временной интервал составил сер. II – сер. I вв. до н.э. Две даты, полученные по антропологическому материалу, уходят в VIII–IV вв. до н.э., т.е. они являются более древними, чем предполагаемый возраст погребений, и не соотносятся с датами, полученными по бересте из погребения 3 и по меху из погребения 4. По всей видимости, подобный «древний» радиоуглеродный возраст антропологического материала является следствием имевшегося пресноводного резервуарного эффекта, величина которого может составлять до 334 лет.

Ключевые слова: археология, Барсова Гора, кулайская культурно-историческая общность, могильник, антропологический анализ, радиоуглеродное датирование, изотопный анализ

BARSOVO VII BURIAL GROUND OF THE KULAY CULTURAL AND HISTORICAL COMMUNITY: RESULTS OF MULTIDISCIPLINARY STUDY[2]

Yu.P. Chemyakin, D.V. Selin, M.S. Kishkurno

This paper deals with the results of a multidisciplinary study of materials from the Barsovo VII burial ground. Analysis of the anthropological material showed that an adult human was buried in burial 3. The remains of one adult individual were also identified in burial 5. Radiocarbon dating and isotope analysis were carried out on a human tooth and birch bark from burial 3, animal fur from burial 4 and a fragment of a human skull from burial 5. Based on the features of burial practices and accompaniments, the estimated age of the burials may be between the 3rd and 1st centuries BC, which agrees well with the dates obtained from birch bark and fur. Their overlapping time interval was the mid-2nd – mid-1st centuries BC. The two dates obtained from the anthropological material go back to the 8th–4th centuries BC, i.e., they are older than the estimated age of the burials and do not correlate to the date obtained from the birch bark from burial 3 and the fur from burial 4. Apparently, such an “old” radiocarbon age of the anthropological material is a consequence of the existing freshwater reservoir effect, the magnitude of which can be up to 334 years.

Keywords: archaeology, Barsova Gora, Kulay cultural and historical community, burial ground, anthropological analysis, radiocarbon dating, isotopic analysis

Введение

Еще сравнительно недавно кулайские могильники не были известны. Первым могильником, отождествленным с этой культурой, был Каменный мыс в Новосибирской области, исследованный Т.Н. Троицкой в

[1] Радиоуглеродное датирование и анализ изотопов выполнены в рамках проекта РНФ № 24-28-00650 «Стратиграфия, хронология и изотопные исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века Сургутского Приобья» (руководитель – Ю.П. Чемякин).

[2] Radiocarbon dating and isotope analysis were carried out as a part of the Russian Science Foundation project No. 24-28-00650 “Stratigraphy, chronology and isotope studies of Bronze Age – Early Iron Age sites in the Surgut Ob region” (headed by Yu.P. Chemyakin).

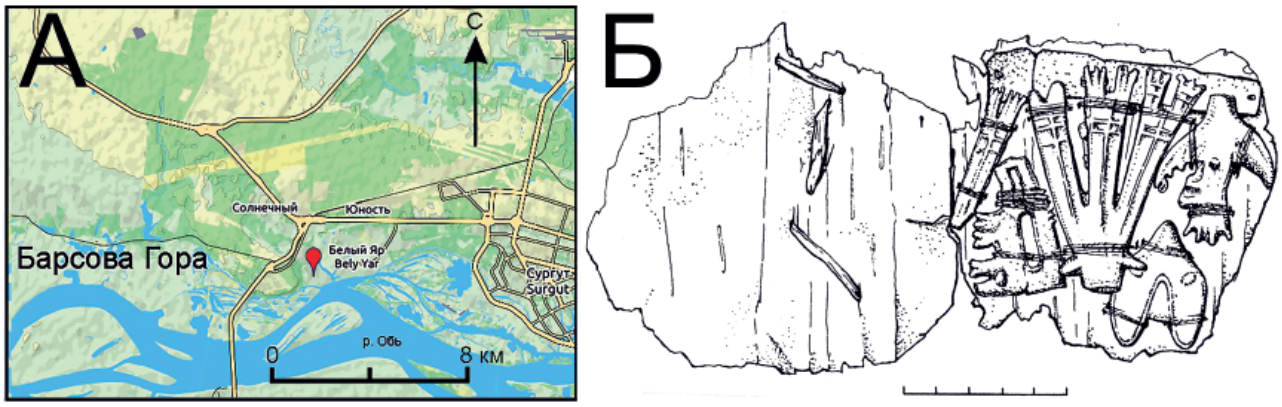

Рис. 1. А – месторасположение Барсовского VII могильника на карте-схеме;
Б – берестяная коробочка и ее содержимое из погребения 3 (по полевой зарисовке Г.А. Степановой).
Fig. 1. А – location of the Barsovo VII burial ground on the sketch-map;
Б – birch bark box and its content from burial 3 (based on a field sketch by G.A. Stepanova).

1969-1974 гг. (Троицкая, 1979). Его антропологическая коллекция до сих пор является самой крупной. Сегодня на всей территории существования кулайской культурно-исторической общности открыто около 10 кулайских могильников и столько же одиночных могил и захоронений на культовых местах (святилищах). Однако антропологический материал в них очень бедный, т.к. в процессе археологизации костный материал практически не сохраняется. Поэтому каждые новые находки представляют значительный интерес.

В 1991 г. Г.А. Степановой при раскопках селища Барсова гора I/21 в одноименном урочище недалеко от г. Сургута (правый берег р. Оби, рис. 1А) был открыт Барсовский VII могильник, отнесенный к кулайской культуре (Чемякин, Степанова, 1994). Ею были исследованы 6 погребений. На самом селище были раскопаны жилища белоярской и кулайской же археологических культур эпохи раннего железа. Часть погребений была сделана во внешних ямах кулайского жилища, то есть была позже его. В 1992 и 1996 гг. исследование могильника продолжил Ю.П. Чемякин (Чемякин, Шатунов, 1997), выявивший еще три погребения.

Особый интерес представляют захоронения 3 и 5. В них сохранились образцы антропологии, что позволяет провести антропологический анализ этих материалов и выполнить радиоуглеродное датирование. Одна УМС-дата была получена по меху из погребения 4. Для определения абсолютного возраста образцов пробоподготовка была проведена в лаборатории изотопных исследований с использованием оборудования ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск). Радиоуглеродное датирование реализовано в ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ – ННЦ», графитизация коллагена – на AGE-3 (Ionplus, Швейцария), УМС-анализ – на MICADAS-28 (Ionplus, Швейцария).

Описание погребений

Погребение 3 находилось во внешней яме кулайского жилища и впервые четко зафиксировалось в 45–50 см от поверхности (–150–155 см от условного 0). Могильная яма была ориентирована по линии СВ–ЮЗ и имела вытянутую подтреугольную форму с тупым северо-восточным и приостренным юго-западным концами (рис. 2А). Размер ее 1,64 × 0,45 м. Дно в профиле уплощенное, с закругленными краями, пониженное в северо-восточной части (рис. 2Б). Основное заполнение – серо-желтая супесь с вкраплениями угля и мощной прослойкой темно-серой супеси с включениями углей, тлена и органики на дне. Глубина ямы 45–50 см от погребенной поверхности (–173 см). Остатки скелета человека очень плохой сохранности обнаружены на гл. –166–167 см. Сохранились только фрагменты челюсти и небольшой осколок кости ноги (*3*). Судя по остаткам костей, погребенный был уложен в деревянную колоду (лодку?), обугленные остатки которой (*1*) дошли до нас в виде широких (до 5 см) углистых полос, фиксируемых по краям ямы. Положение сохранившихся костей (обломки челюсти почти по центру ямы со смещением к ее северо-восточному концу; фрагмент кости ноги – в юго-западной части

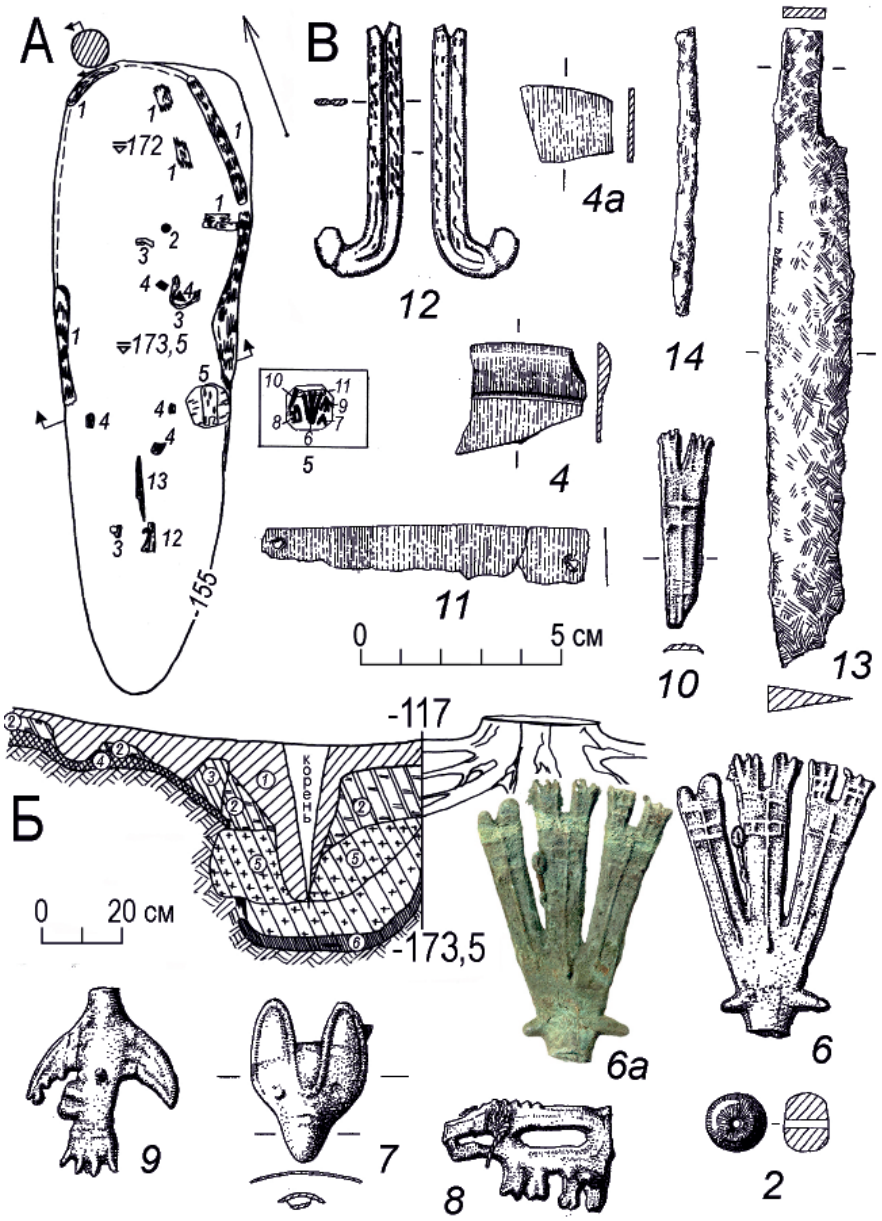

Рис. 2. Погребение 3 Барсовского VII могильника: А – план погребения: *1* – обугленное дерево; *2* – бусина; *3* – челюсть и фрагменты костей человека; *4* – фрагменты зеркал; *5* – «коробочка»; *6–10* – культовое литье; *11* – пластинка; *12* – крючок; *13* – нож; *14* – стержень; Б – профиль погребения: *1* – лесная подстилка и подзол; *2* – серо-желтая супесь с вкраплениями подзола; *3* – желтый песок; *4* – погребенный подзол; *5* – серо-желтая супесь с включениями угольков; *6* – темно-серая супесь с углем; В – погребальный инвентарь (номера на рисунке соответствуют номерам в погребении) (*2* – гагат; *5* – береста; *13, 14* – железо; *остальное* – медь, бронза).

Fig. 2. Burial 3 of the Barsovo VII burial ground: A – burial plan: *1* – carbonized tree; *2* – bead; *3* – human jaw and bone fragments; *4* – mirror fragments; *5* – "box"; *6 –10* – cultic cast item; *11* – blade; *12* – hook; *13* – knife; *14* – rod; Б – stratigraphy: *1* – forest floor and podzolic soil; *2* – gray-yellow sandy loam with podzol inclusions; *3* – yellow sand; *4* – buried podzols; *5* – gray-yellow sandy loam with charcoal inclusions; *6* – dark gray sandy loam with coal; B – burial set (numbers in the figure correspond to numbers in the burial) (*2* – jet; *5* – birch bark; *13, 14* – iron; *the rest* – copper, bronze).

ямы) предполагает захоронение умершего на спине головой на СВ. Почти посередине северо-восточной половины ямы, чуть выше головы обнаружена гагатовая бусина (*2*). Рядом с нижней челюстью на ур. –169 см лежали два фрагмента бронзового зеркала (*4*). Такие же обломки найдены на гл. –166–167 см в юго-западной части ямы. Здесь же, у восточной стенки погребения, на ур. –169–170 см найдена берестяная «сумочка» восьмиугольной

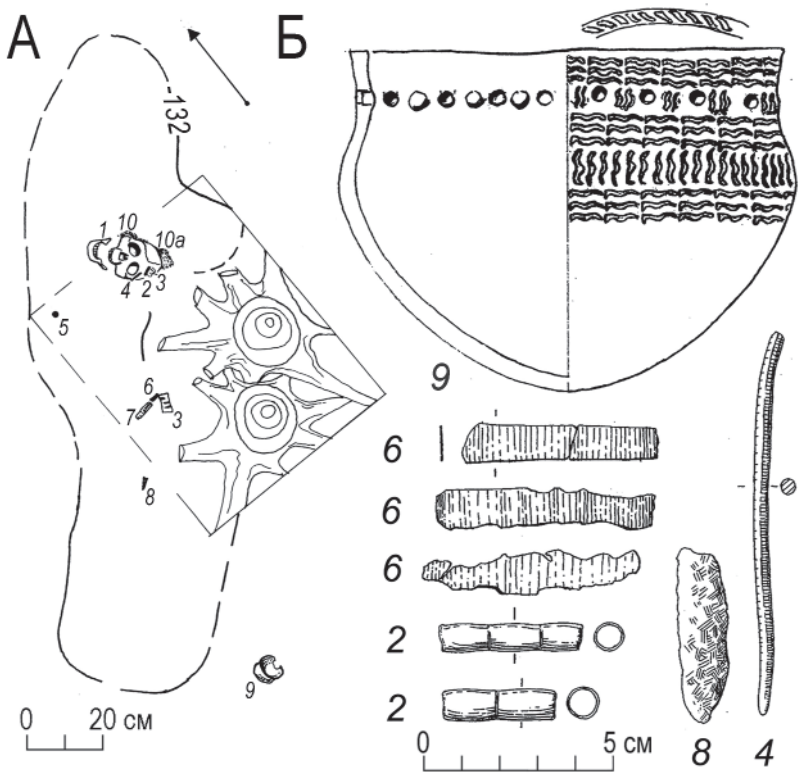

Рис. 3. Погребение 5 Барсовского VII могильника: А – план погребения: *1* – череп; *2* – пронизки; *3* – береста; *4* – стержень; *5* – бусина (стекло); *6* – пластинки; *7* – кости; *8* – нож; *9* – сосуд; *10* – охра; Б – погребальный инвентарь (номера на рисунке соответствуют номерам в погребении) (*2, 6* – медь, бронза; *4* – серебро; *8* – железо; *9* – глина).

Fig. 3. Burial 5 of Barsovo VII burial ground: A – burial plan: *1* – skull; *2* – beads with holes; *3* – birch bark; *4* – rod; *5* – bead (glass); *6* – blades; *7* – bones; *8* – knife; *9* – vessel; *10* – ochre; Б – burial set (numbers in the figure correspond to numbers in the burial) (*2, 6* – copper, bronze; *4* – silver; *8* – iron; *9* – clay).

формы (*5*) с бронзовой культовой пластикой, прикрепленной к ней крученой нитью (рис. 1Б). Среди них орнито- и зооморфы (*8, 9*), два антропоморфа (или древовидных фигурки – *6, 10*), головка медведя или лисы (? – *7*). Под ними лежала тонкая бронзовая пластинка (*11*). При выемке коробочка рассыпалась. В юго-западной части ямы, по центру, на гл. –169–170 см острием на СВ лежал железный нож (*13*), рядом – бронзовый плоский крючок с орнаментом в виде рядов «уточек» (*12*). В погребении найден также тонкий железный стержень (*14*).

Погребение 4 – подчетырехугольная с закругленными углами яма, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, размером 0,92 × 0,36 м, зафиксирована в придонной части, на гл. –122 см от условного 0. Она была заполнена серым песком с включениями угля и подзола, окантована по периметру темно-серой прослойкой с углистыми и редкими охристыми вкраплениями. Уплощенное дно ямы чуть понижалось к юго-востоку, достигая гл. –129,5 см. Остатков костяка не обнаружено. В северо-западной части и центре погребения на гл. –125–129 см располагалась берестяная подчетырехугольная «сумка», украшенная плетением (?) и стеклянными с внутренней позолотой бусинами. Размер ее сохранившейся части составил 43 × 13 см. Внутри вдоль «сумки» находились фрагменты медной пластины с остатками меха, а ниже ее – клочок меха с медной (?) пластинкой, украшенной процарапанными зигзагами. У северо-западного угла ямы, к юго-западу от берестяной «сумки», на гл. –123–129 см находился маленький глиняный сосуд на поддоне, орнаментированный штампами в виде «уточки».

Погребение 5 оказалось почти полностью разрушенным корневой системой крупных деревьев (рис. 3А). Вещевой материал и остатки костей были смещены со своих изначальных местоположений. Уровень их залегания колебался в пределах –123–166

см. Примерный размер ямы 1,7 × 0,4–0,45 м. Череп (*1*) обнаружен на гл. –149–163 см в ее северо-восточной части и развернут поперек продольной оси погребения. На нем и вокруг сохранились небольшие пятна охры (*10*). В области левой височной части черепа обнаружена бронзовая полая височная пронизка (*2*) с остатками бересты (*3*). Рядом в вертикальном положении находился серебряный прутик (*4*). Верхний его конец фиксировался на ур. –164 см. В центре ямы на гл. –144 см найдена голубая прозрачная бусина (*5* – рассыпалась при выемке). Здесь же на разных уровнях обнаружены фрагменты костей ног (*7*) и бронзовая пластина с остатками бересты (*3, 6*). К юго-западу от этих находок, на гл. –123 см, лежал обломок железного ножа (*8*). За пределами примерных очертаний ямы, в 15 см от юго-юго-западного угла, обнаружен глиняный сосуд (*10*), очевидно, смещенный с первоначального местоположения корнями деревьев. В 1992 г. удалось несколько расчистить корни дерева. При этом были найдены фрагмент челюсти человека и два обломка медной или бронзовой пластины (*6*).

Результаты и обсуждение

Антропологический материал очень плохой сохранности принадлежит двум индивидам. Возраст определялся по степени изношенности зубов (Scott, 1979). Одонтоскопическое обследование проводилось по стандартной одонтологической программе с учетом маркеров архаики (Зубов, 2006; Зубова, 2013).

Погребение 3. Пол определить не удалость, возраст – Adultus. Представлено отдельными изолированными зубами (нижний левый первый моляр и нижний правый первый премоляр) с сильно поврежденной посмертно эмалью. Отмечена стертость коронки моляра невысокой степени (балл 3). В патологическом аспекте на премоляре зафиксирован кариес на окклюзивной поверхности, а на моляре отмечено наличие зубного камня.

Представленный нижний левый первый моляр характеризуется наличием пяти бугорков и Y-узором коронки. Отмечена ямка протостилида. Моляр двухкорневой. Архаичные фены не зарегистрированы.

Погребение 5. Пол определить не удалость, возраст – Adultus. Представлено сильно фрагментированными костями черепа очень плохой сохранности. Идентифицированы фрагменты затылочной кости, правой височной с ушным отверстием и скуловым отростком, теменных костей с сильным разрушением наружного слоя компакты и внутреннего диплоэ, а также фрагменты нижней челюсти и зубы.

Сохранились верхний правый второй моляр и нижние латеральные резцы, клыки, премоляры и моляры с правой стороны челюсти и один нижний левый первый моляр. Все зубы имеют посмертные повреждения, прижизненные сколы отмечены только на нижнем правом первом премоляре. Стертость коронок зубов умеренная (баллы 2–5). Зафиксированные патологические изменения зубочелюстной системы выражены наличием заболеваний пародонта слабой степени развития нижнечелюстных резцов, клыков, вторых и третьих моляров, а также зубного камня.

Верхнечелюстной второй моляр характеризуется сильно редуцированным гипоконусом (балл 3+), нередуцированным метаконусом и отсутствием бугорка Карабелли; имеет три корня. На нижнечелюстных клыках отмечена слабо выраженная лопатообразность (балл 1). Нижний первый моляр имеет шесть бугорков и Y-узор коронки; второй моляр – четыре бугорка и X-узор. Все нижнечелюстные моляры двухкорневые. Из числа архаичных признаков зафиксированы только наличие дополнительных дистального и мезиального гребней на нижнем правом первом премоляре.

Плохая сохранность, неполная комплектность зубов и сильные посмертные повреждения эмали затрудняют таксономическую идентификацию индивидов.

По зубу человека из погр. 3 получена радиоуглеродная дата 2387 ± 34 л.н., перевод в календарный возраст продемонстрировал диапазон 732–392 гг. до н.э. (95,4%). Вторая дата из этого погребения, полученная по бересте, показывает иной диапазон – 2053 ± 29 л.н., калиброванные значения составили 158 гг. до н.э. – 23 гг. н.э. Первая дата попадает в зону т.н. «гальштатского плато», когда на калибровочной кривой имеется горизонтальная зона, дающая широкий хронологический диапазон, что не позволяет получить более узкую хронологию. Однако вторая дата моложе первой на 334 года и при калибровке укладывается в период вт. пол. II в. до н.э. – перв. четв. I в. н.э. Выявленная разница в возрасте между зубом человека и берестой может являться следствием пресноводного резервуарного эффекта. Для индивида из погр. 3 были получены данные по

Таблица 1. Радиоуглеродный и календарный возраст образцов из погребений Барсовского VII могильника и результаты анализа стабильных изотопов.

Table 1. Radiocarbon and calibrated ages of samples from the burials at the Barsovo VII burial ground and the results of stable isotope analysis.

Объект	Лабораторный шифр образца	Материал для датирования	Радиоуглеродный возраст, л.н.	Калиброванная дата, гг. до н.э.		δ13 C (‰ VPDB)	δ15 N (‰ AIR)	C:N	C %/N %
				1σ	2σ				
р. II, погр. 3, уч. Х/107	GV-5886	Зуб человека	2387 ± 34	514-500 (7,3%) 486-400 (60,9%)	732–698 (5,1%) 664–650 (2,5%) 546–392 (87,8%)	-20,7	13,5	3,2	43,8/16,2
р. II, погр. 5, уч. Х/106	GV-5887	Кость человека	2492 ± 36	763-734 (11,7%) 696-664 (13,1%) 650-546 (43,6%)	778–476 (95,4%)	-			
р. II, погр. 3, уч. Ц/107	GV-6230	Береста	2053 ± 29	101-67 (23,1%) 60 гг. до н.э. – 8 гг. н.э. (39,8%)	158 гг. до н.э. – 23 гг. н.э. (95,4%)	-27,4	2,4	-	-
р. II, погр. 4, уч. Ц/105	GV-6231	Мех	2145 ± 30	343-320 (15,1%) 202-148 (39,8%) 137-111 (13,3%)	351-289 (23,3%) 227-220 (0,8%) 210-89 (65%) 80-53 (6,4%)	-23,5	10,1	-	-

Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный проведена на основе калибровочной кривой Intcal20 в программе OxCal v4.4.4

легким стабильным изотопам. Значение δ13C составило –20,7‰, δ13N – 13,5 ‰. Такие значения могут свидетельствовать о значительном потреблении рыбы, по всей видимости, в пищевой рацион этого индивида на регулярной основе входила речная и/или озерная рыба, что и обусловило появление пресноводного резервуарного эффекта.

Датирование меха животного из погр. 4 показало дату в 2145 ± 30 л.н. Она является хронологически более близкой дате, полученной по бересте из погр. 3. Так как при переводе в календарный возраст указанная дата попадает на два участка калибровочной кривой, выявлено два хронологических промежутка. Первый укладывается в период 351-289 гг. до н.э. (23,3%), второй – 227-53 гг. до н.э. (72,2%). Второй промежуток хорошо соотносится с датой, полученной по бересте, их общий временной интервал составляет интервал в 158–53 гг. до н.э., т.е. сер. II – сер. I вв. до н.э. Изотопный анализ меха животного показал значение δ13C в –23,5‰, δ13N – 10,1 ‰. Содержание δ13C согласуется с результатами, полученными по зубам двух лошадей с Барсового городка III/7 и кости медведя (Косинцев, Чемякин, в печати). При этом, по сравнению с лошадьми, значения δ13N оказались выше на 2,9–3,3 ‰, а с медведем – на 5 ‰, что может косвенно свидетельствовать об употреблении этим животным рыбы.

Для погр. 5 по черепу человека получена радиоуглеродная дата 2492 ± 36 л.н. При переводе в календарный возраст эта датировка попадает в «гальштатское плато» и показывает диапазон 778–476 гг. до н.э. (95,4%). Возможное удревнение этой даты также может быть связано с резервуарным эффектом.

Заключение

Таким образом, установлено, что в погр. 3 был захоронен взрослый человек. В погр. 5 также зафиксированы остатки одного взрослого индивида. Исследованные погребения укладываются в погребальную традицию кулайского населения Сургутского Приобья, где к настоящему моменту исследо-

ваны Барсовский III могильник, погребение на городище Барсов городок I/20, некрополи Сырой Аган 13 и 16 (Борзунов, Зыков, 2003; Шорин, 2006; Баранов, 2008 и др.). Для них характерно помещение тел умерших по обряду ингумации в подпрямоугольные погребальные камеры небольшой глубины, на дне которых могли фиксироваться остатки деревянных конструкций или лодок. Сопроводительный инвентарь включал различные бронзовые изделия, культовое литье, украшения, керамические сосуды, бусы.

Анализ кулайских могильников Среднего Приобья и погребального инвентаря показывает, что для кулайского общества было характерно выраженное социальное расслоение. Выделяются обилием сопровождающих вещей погребения вождей (богатырей), часто представляющие одиночные могилы – Агрнъёган 1 (Перевалова, Карачаров, 2006, с. 62–71), Нивагальское 34 (Карачаров, 2011, 2017), разграбленное погребение в бассейне р. Тромъеган (Бауло 2022, с. 216), погребение на городище Согом 64 и другие. Богатое погребение мальчика лет шести из Барсовского III могильника допускает вывод о наследственности власти (Борзунов, Зыков, 2003). Наличие прикладов, культового литья, захоронения в лодках на Барсовском VII могильнике свидетельствуют об особом статусе служителей культа. Одиночные погребения Барсовского III могильника и на городище Барсов городок I/20, содержавшие культовое литье, подтверждают этот тезис.

С другой стороны, в самом крупном в Сургутском Приобье кулайском могильнике Сырой Аган 16 из 20 погребений в восьми оказались обломки железных изделий (в трех – ножей). Из этих восьми в четырех были фрагменты серебряных изделий, а в трех еще и стеклянные бусины с внутренней позолотой. Ни культового литья, ни престижных (статусных) бронзовых вещей не найдено. Видимо, это был могильник рядовых членов общины с разным имущественным и, возможно, социальным положением.

Имеющиеся данные по возрастным определениям останков на могильнике Сырой Аган 16 демонстрируют, что в погребальных камерах на этом могильнике, как и на Барсовском VII, захоранивались взрослые индивиды (Баранов, 2008, с. 236). Однако подобная картина может быть следствием того, что детские кости не сохранялись в почве в процессе археологизации. Кроме того, в одной камере был похоронен один индивид. Однако, на могильнике Каменный Мыс, расположенном в Новосибирском Приобье, в погребения могли помещать двух или трех умерших (Троицкая, 1979).

По особенностям погребальной практики и сопроводительного инвентаря предполагаемый возраст погребений может составлять III–I вв. до н.э., что хорошо согласуется с датировками, полученными по бересте и меху. Их пересекающийся временной интервал составил сер. II – сер. I вв. до н.э. Две даты, полученные по антропологическому материалу, уходят в VIII–IV вв. до н.э., т.е. они являются более древними, чем предполагаемый возраст погребений, и не соотносятся с датами, полученными по бересте из погребения 3 и по меху из погребения 4. Однако они хорошо коррелируют с датой по костяку с Усть-Полуя – 794–540 до н.э. (Ua52103), где разница между датами по костям и по углю объясняется пресноводным резервуарным эффектом (Лозей, Флемминг и др., 2017). По всей видимости, подобный «древний» радиоуглеродный возраст антропологического материала в Барсовском VII могильнике также является следствием имевшегося пресноводного резервуарного эффекта, учитывая, что оба этих памятника находятся в непосредственной близости от р. Обь. Предположительную величину пресноводного резервуарного эффекта для территории Барсовой Горы показывают результаты датирования погребения 3. Разница в радиоуглеродном возрасте между зубом человека и берестой из этой могилы составила 334 года.

Продолжение комплексных мультидисциплинарных исследований антропологических материалов, полученных в ходе раскопок на территории Сургутского Приобья, позволит по-новому взглянуть на особенности погребальной практики в эпоху раннего железного века. Актуальной остается задача определения величины пресноводного резервуарного эффекта, которая позволит скорректировать уже полученные радиоуглеродные датировки.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов М.Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 219–238.

Бауло А.В. «Изваян от меди...»: Каталог сибирских древностей, отлитых из бронзы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 231 с.

Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох / Ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М: Этно-онлайн, 2006. 72 с.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013. № 4. С. 107–127.

Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 9 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Том. ун-т, 2011. С. 82–110.

Карачаров К.Г. Погребение 1 могильника кулайской культуры Нивагальское 34 // Археология и история Северо-Западной Сибири / Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 88–102.

Косинцев П.А., Чемякин Ю.П. Лошадь у населения Приобья в раннем железном веке: результаты радиоуглеродного датирования и изотопных анализов // Вестник НГУ (в печати).

Лозей Р.Дж., Флеминг Л.Ш., Номоконова Т.Ю., Гусев А.В. Абсолютные датировки. Питание людей и пресноводный резервуарный эффект // Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1 / Археология Арктики. Вып. 4 / Науч. ред. О.Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 65–80.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия "ГРАФО", 2006. 352 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.

Чемякин Ю.П., Степанова Г.А. Новый стратифицированный памятник раннего железного века на Барсовой горе // Сургут. Сибирь. Россия. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 400-летию г. Сургута: тез. докл. (22–25 марта 1994) / Отв. Ред. И.Л. Манькова. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1994. С. 215–219.

Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. Охранные раскопки кулайского могильника на Барсовой горе // 275 лет сибирской археологии/ Ред. Н.И. Дроздов и др. Красноярск: КГПУ, 1997. С. 35–36.

Шорин А.Ф. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2006. С. 156–164.

Scott E.C. Dental wear scoring technique // American Journal of Physical Anthropology. 1979. Vol. 51. No. 2. p. 214–217.

Информация об авторах:

Чемякин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, Россия); yury-che@yandex.ru

Селин Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); selin@epage.ru (Корреспондирующий автор)

Кишкурно Мария Святославовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); kishkurno_maria@mail.ru

REFERENCES

Baranov, M. Yu. 2008. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Barsova gora: drevnosti taezhnogo Priob'ia (Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob Region)*. Ekaterinburg–Surgut: “Ural'skoe izdatel'stvo” Publ., 219–238 (in Russian).

Baulo, A. V. 2022. *«Izvayan ot medi...»: Katalog sibirskikh drevnostei, otlitykh iz bronzy ("Sculpted from copper...": Catalogue of Siberian antiquities cast in bronze).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Borzunov, V. A., Zykov, A. P. 2003. In Chairkina, N. M. (ed.). *Obrazy i sakralnoe prostranstvo drevnikh epokh (Images and sacred space of ancient eras).* Yekaterinburg: "Akva-Press" Publ., 103–112 (in Russian).

Zubov, A. A. 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov (Methodological Guide for Anthropological Analysis of Odontologic Materials).* Moscow: "Etno-onlain" Publ. (in Russian).

Zubova, A. V. 2013. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)* (4), 107–127 (in Russian).

Karacharov K. G. 2011. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (9). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 82–110 (in Russian).

Karacharov K. G. 2017. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoi Sibiri (Archaeology and history of the Northwestern Siberia).* Series: Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri (Proceedings and research on history of the Northwestern Siberia). Nefteyugansk; Yekaterinburg: Uralskii rabochii Publ., 88–102 (in Russian).

Kosintsev, P. A., Chemyakin Yu. P. In press. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* (in Russian).

Lozei, R. Dzh., Fleming, L. Sh., Nomokonova, T. Yu., Gusev, A. V. 2017. In Korochkova, O. N. (ed.). *Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya. T. 1. (Ust-Polui: materials and research. Vol. 1) Arkheologiya Arktiki (Arctic Archaeology)* 4. Ekaterinburg: "Delovaya pressa" Publ., 65–80 (in Russian).

Perevalova E. V., Karacharov K. G. 2006. *Reka Agan i ee obitateli (The Agan River and its inhabitants).* Yekaterinburg; Nizhnevartovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; GRAFO Publ. (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1979. *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Kulayka Culture in the Novosibirsk Ob Region).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chemyakin Yu. P., Stepanova G. A. 1994. In Mankova, I. L. (ed.). *Surgut. Sibir'. Rossiya (Surgut. Siberia. Russia)*. Yekaterinburg: Ural State University, 215–219 (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Shatunov, N. V. 1997. In Drozdova, N. I. et al. (eds.). *275 let sibirskoi arkheologii (275 years of Siberian archaeology).* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 35–36 (in Russian).

Shorin, A. F. 2006. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (3). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 156–164 (in Russian).

Scott, E. C. 1979. In *American Journal of Physical Anthropology.* Vol. 51. No. 2, 214–217.

About the Authors:

Chemyakin Yury P. Candidate of Historical Sciences, Researcher, Ural Federal University. Mira str., 19, Yekarinburg, 620062, Russian Federation;; yury-che@yandex.ru

Selin Dmitry V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Acad. Lavrentyev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; selin@epage.ru (Corresponding author)

Kishkurno Maria S. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Acad. Lavrentyev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation;; kishkurno_maria@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.04.2026 г.
Статья принята к публикации 18.05.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903:672.66 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.127.138

ЯКОРЯ ОРИГИНАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КРЫМА

©2026 г. А.Е. Кислый

Статья посвящена публикации и анализу новых данных о якорях эпохи бронзы, происходящих из Крыма, прежде всего с берегов Керченского пролива. Подобные материалы представляют большую редкость ввиду особенностей из обнаружения. На поселениях они встречаются нечасто, а обнаруженные на морском дне даже при специальных обследованиях имеют проблемную датировку. Особое значение представляемых находок состоит в том, что они чётко датированы благодаря сопутствующему материалу. Обнаружение якорей у входа в жилище, у очага вместе с подобными более поздними случаями (архаический дом на Пантикапее, у очага) говорит о возникновении и развитии своеобразного культа. Изучение морского дела, рыболовства у населения эпохи бронзы Северного Причерноморья традиционно уступало тематике достижений в области скотоводств и земледелия. Между тем, новые данные позволяют говорить о достаточно высоких технологиях в этом направлении, перспективности исследований. Дана типология древних якорей подобной конструкции, что позволяет расширить дальнейший поиск.

Ключевые слова: археология, якоря древности, эпоха бронзы, Северное Причерноморье, культ якорей, типология.

BRONZE AGE ANCHORS OF ORIGINAL DESIGN FROM CRIMEA

A.E. Kisly

This article deals with the publication and analysis of new data on Bronze Age anchors found on the shores of the Kerch Strait. Such materials are extremely rare due to the peculiarities of their discovery. They are not often found in settlements and those discovered on the seabed are difficult to dating even with special surveys. The particular significance of these finds consists in their clear dating due to the accompanying material. Discovering of anchors at the entrance to a house, near a fireplace, along with similar later examples (an archaic house in Panticapaeum, near a fireplace) suggests the emergence and development of a unique cult. The study of seamanship and fishing among Bronze Age population of the Northern Black Sea region has traditionally been overshadowed by advances in livestock breeding and agriculture. Meanwhile, new data suggest that the technology in this area was quite advanced and that further research is prospecting. A typology of ancient anchors of similar design is presented, allowing for further research.

Keywords: archaeology, ancient anchors, Bronze Age, Northern Black Sea region, cult of anchors, typology.

Тема мореплавания в период доцивилизационного развития различных социумов Средиземноморья и Причерноморья сложна, мало разработана или даже во многом гадательна по многим причинам. Артефакты бесписьменной эпохи по теме редки, чаще всего это почти однотипные каменные грузила и якоря, поднятые со дна моря. Их культурная атрибуция и датировка затруднены. Типологический археологический анализ, как один из исследовательских методов науки, малоэффективен в виду небольшого количества находок, а также сложности обнаружения артефактов даже при проведении специальных археологических работ (Hudson, Fernández, 2023, p. 1, 21). В публикациях отмечены трудности поиска в этом направлении для «морских береговых и внутренних территорий, расположенных вблизи источников пресной воды» (Rosenberg et al., 2016, p. 457–477).

Вместе с тем, актуальность исследований в этом направлении очевидна. Особенности экономики развитого присваивающего хозяйства в доцивилизационный период или в период ранних цивилизаций остаются слабо изученными, ибо больше внимания уделялось прогрессивному агропасторализму (Hudson, Fernández, 2023, p. 1). Не последнюю роль в

«экстенсивной» экономике играли морские сражения, войны, эффективное рыболовство и другое, что могло в принципе приносить прибавочный продукт. Один из примеров, подобного экстенсива представляют т.н. «народы моря», и не только их вешняя активность, но и аутентичная экономика. Лишь благодаря немногим письменным, изобразительным данным времени Древнего Египта XIV – XII вв. до н. э. можем предположить, кто они. Поэтому каждая находка, проливающая свет на уровень развития морского дела, рыболовства в эпоху бронзы названных регионов, а там более чётко датированная находка, важна.

Сравнительно недавно на поселении Дездар–Дере каменской культуры Крыма (ККК) в районе Севастополя при работе экспедиции ИА РАН под руководством О.И. Шарова (Кислый, 2024) обнаружены каменные якоря ранее неизвестной формы. Датировка поселения определяется в рамках конца III – начала II тыс. до н.э. Учитывая весь комплекс находок, датировка самих якорей может быть ограничена ранним периодом культуры, т.е. III тыс. (Кислый, 2025). Знакомство с находками якорей из Дездар–Дере позволило предметно пересмотреть иные материалы ККК.

На поселении Каменка эпохи средней бронзы в разные годы раскопок обнаружены еще два якоря подобного типа, т.е. близкого к дездарскому. Напомним, поселение Каменка эпохи средней бронзы (конец III – нач. II тыс. до н.э.) расположено на северо–восточной окраине Керчи, практически перед спусками к морской лагуне и Керченскому проливу. В древности поселение играло роль своеобразного перевалочного пункта у Прото–Боспора Киммерийского, именно его особенности позволили еще В.Д. Рыбаловой говорить об отдельном, крымском варианте культуры (Рыбалова, 1974, с. 42). Свидетельства морского дела, рыболовства проявляются здесь в находках рыболовных грузил, рыбных костей, чешуи и моллюсков морских пород.

Якоря обнаружены в разных по времени слоях поселения. Поэтому необходимы в отношении таких слоев определенные пояснения. Выделение находок нижнего слоя, который можно датировать от второй половины III тыс. до н.э., на Каменке затруднено. Этот слой не столь мощный, как более поздний (последняя треть или конец III – начало II тыс. до н.э.) и «прочитывается» лишь в тех случаях, когда есть какие–то раздельные отложения. В.Д. Рыбаловой вертикальную стратиграфию проследить не удалось. Она пыталась установить горизонтальную стратиграфию по типологии керамики, обнаруженной в разных жилищах, но очевидно, в одном горизонте (Рыбалова, 1974). Далее, исследовательница не успела полностью проанализировать находки керамики катакомбного типа, с оттисками шнура, а также те ранние образцы керамики, что связывали Каменку с Предкавказьем. Соответственно, ею выделенные материалы – более ранний и поздний, во многом подобны. Больше внимания уделено сабатиноидным признакам. Несмотря на приведенные аналогии с керамикой «из могил катакомбной формы» близ хутора Ливенцовка, главный её вывод состоял в том, что в нижнем слое «почти все основные типы керамики по форме достаточно близки к «многоваликовым»…» (Рыбалова, 1974, с. 24, 27). Ко второму же слою, позднему, отнесено, к примеру, жилище № 9, откуда происходит сосуд с невысоким прямостоящим венчиком и раздутым туловом, украшенный богатой валиковой орнаментацией (Рыбалова, 1974, с. 43, рис. 13, *2*), характерный для развитого этапа ККК, с аналогами на поселениях Киммерик, Щебетовка, Алчак–Кая, Планерское (Кислый, 2022, с. 87, 89, 94, 94, рис. 33, 35, 40, 41). В нём, безусловно, видны пережитки катакомбной культуры. Названный сосуд В.Д. Рыбалова объединяет почему–то с формами с резко выделенным ребром на тулове, замечая, что «главный объединяющий их признак – соотношение ширины горла и плечиков» (Рыбалова, 1974, с. 34, рис. 13, *3*), хотя это вовсе не так. Сосуд с ребром ближе к культуре многоваликовой керамики, к отдельным формам керамики из крепости Ливенцовка (Братченко, 2012, с. 72, 78, рис. 38, 44, *2, 3*).

В наших исследованиях выделение нижнего слоя достаточно вероятно потому, что прослежены остатки жилища с ровиком, маркирующие нижний слой, а выше, в верхнем слое – остатки жилища с каменным основанием, перекрывающее первое жилище (с ровиком) и повторяющее его форму. То есть, в плане жилища разных слоев совпадали, что имеет свое объяснение (Кислый, 2022, с. 35–38). Между ранним и более поздним периодом жизни на Каменке не было временного

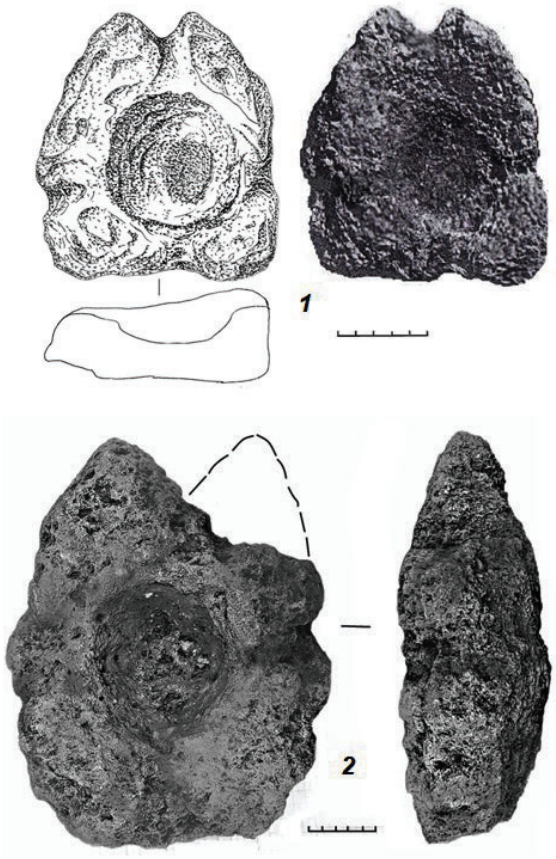

Рис. 1. Каменные детали якорей каменско–дездарского типа. Поселение Каменка: 1 – 1994 год исследования; 2 – 2001 год исследования.

Fig. 1. Stone anchor components of the Kamenka–Dezdar type. Kamenka settlement: 1 – investigations in 1994; 2 – investigations in 2001.

разрыва, а «застройка» была достаточно плотная. Поэтому, вероятнее всего прослеженные В.Д. Рыбаловой жилища «промежуточной формы между овалом и прямоугольником» – жилище № 9, а также, вероятно, № 8 (Рыбалова, 1974, с. 31, рис. 7), были перестроены. А наличие ровика в раскопе I и рядом жилища (№6) округлой формы из камней (Рыбалова, 1974, с. 21, рис. 2) – свидетельство фиксирования двух жилищ разной конструкции в одном (это сейчас трудно понять) слое. Аналогичная, но немного сложнее картина и в раскопе IV, где жилища, окруженные ровиками чётко видны, одно из них имеет два очага внутри, а жилища из камней просто сильно повреждены, они более поздние (Рыбалова, 1974, с. 33, рис. 8). Итак, в вертикальной стратиграфии слои прочитываются, но каждый раз надо учитывать непрерывность бытования жизни на поселении.

Перейдем к описанию находок. Один из публикуемых якорей (якорный камень) выполнен из местного плотного камня ракушечника, форма близка к пятиугольнику. Размер – 13×11,5×4,5 см, углубление в средней части, примерно 9×8×1,5 см. На дне углубления чуть заметны следы черного нагара. С четырех сторон в бортах изделия имеются проточины для привязывания, расположенные попарно напротив друг друга (рис. 1: 1). При обнаружении изделие интерпретировано как привязываемая лампада или льячка, теперь в связи с находками из Дездар–Дере можно в находке видеть якорь особого типа.

Перед нами подвязной якорь конструктивно близкий к якорю–грибу. Потертости в лунке в средней части изделия характерны для установки веретена аналогично тому, что мы знаем из Дездар–Дере и Созопола (Кислый, 2025). Четыре проточины для крепления канатом к веретену чётко прослеживаются на боковых гранях предмета. Обратим внимание, что одна из сторон якоря имеет два выступа–рога. Углубление для каната между ними особенно глубокое. Эти особенности и вес предмета (4 кг 171 гр.) позволяют в нём видеть сложное якорное устройство (рис. 6, 11: реконструкция), промежуточное по своим свойствам между первым и вторым якорем из Дездар–Дере (рис. 6: 9, 10). Возможно, ближе к якорю из Созопола у берегов Болгарии (Кислый, 2025).

Примечательна ситуация обнаружения якоря. Он находился в нижнем слое отложений раскопа VII, сразу же под неплотно лежащей каменной вымосткой у жилища (рис. 2, условный знак «Я»).

От жилища сохранились нижние рваные камни в один ряд. Вымостка была устроена юго–западнее входа, что связано с преобладающими резкими северо–восточными ветрами этой местности. Она бесформенна (примерно 2,5×2,5 м), из небольших камней (0,2×0,15×0,15 м) в один слой. Согласно отчету о раскопках эта хозяйственная площадка у жилища существовала продолжительное время, вероятно, относилась к периоду отложений как нижнего, так и верхнего горизонта (Кислый, 2002, с. 12). При переходе к верхнему слою отложений она была дополнительно утрамбована глиной и сгумусированными отложениями. Севернее к вымостке примыкала площадка обожженной глины (0,8×0,6 м,

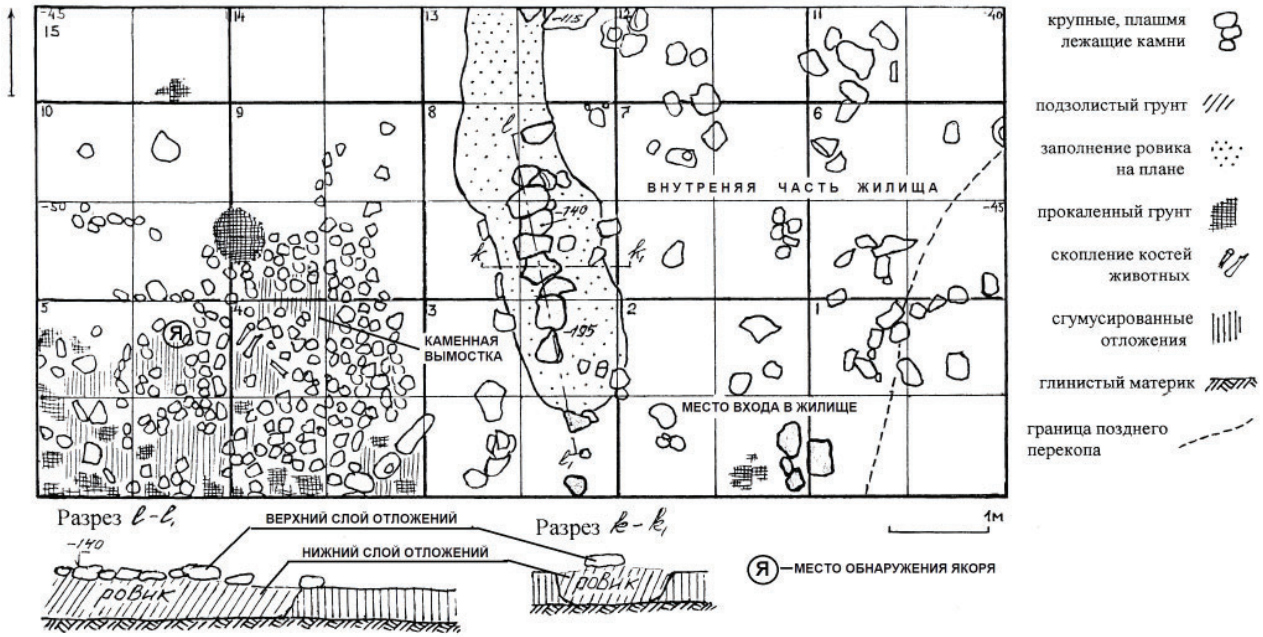

Рис. 2. Поселение Каменка. Раскоп VII. Условия находки детали якоря.
Fig. 2. Kamenka settlement. Excavation area VII. Discovering conditions of anchor components.

слой до 2 см толщиной). Объект сохранился плохо. Вероятно, площадка подмазывалась несколько раз, в результате её поверхность имела вид обожженной глиняной обмазки, поднимающейся немного выше уровня вымостки. Соответственно, пятна горелого грунта заметны также и между камнями вымостки (рис. 2). Севернее пятен прослежены кусочки (2×3 см) стекловидного шлака; на этом же уровне, т.е. немного выше уровня вымостки, обнаружена группа расколотых трубчатых костей крупного рогатого скота.

Таким образом, описываемая территория у жилища могла быть связана с разнообразной хозяйственной деятельностью у жилища, в частности, с металлообработкой. Подобные «дворики» с подветренной стороны у входа жилищ отмечены и в других случаях. На уровне пола жилища с каменной конструкцией обнаружены: фрагмент (лежак) зернотерки, концевой кремнёвый вкладыш серпа, костяное шило, две группы костей, по шесть разновеликих «бабок», т.е. пяточные кости крупного рогатого скота. У входа в жилище – небольшой фрагмент иной зернотерки, два тёрочника округлой формы, фрагменты керамики.

В слое самой вымостки обнаружены: аккуратные каменные тёрочники, костяное лощило, две поделки из трубчатой кости животного (возможно, неудачные заготовки пряжек), предположительно костяная подвязная мотыжка теслообразной формы из лопатки животного. Обратим внимание на разнообразные по форме камни местной породы (в одном случае – морская галька) с «забитыми» поверхностями. Очевидно, это ударные инструменты и наковаленки. Керамика обычна для поселения, в том числе с высоким отклоненным раструбом верхней части. Отметим также фрагменты керамики с черным или коричневатым подлощением, с гребенчатым заглаживанием, формы посуды приземистых пропорций с горловиной, приспособленной для удержания крышки. Обнаружен фрагмент такой крышки. Сосуды подобного типа объемны, диаметр горловины до 25–28, а тулова до 35–40 см. Среди небольших форм – керамика с невысоким венчиком и горизонтальными полосами «катакомбноидного» вида, широкие чаши и пиалы.

Естественно, находки нижнего слоя в этом месте выделяются несколько проблемно. Рассмотрим те, что чётко обнаружены немного ниже вымостки, т.е., как бы прямо сопутствовали якорю (рис. 3). Хотя, подчеркнём ещё раз, не исключается перемешивание материала. Обнаружены такие индивидуальные находки: фрагмент диоритового топора (1/2 часть) со следами вторичного использования – потертости от подвязывания в средней части фрагмента (отметим, была предпринята

попытка проработки новой сверлины); ракушечниковый круглый терочник со следами потертости (рис. 3: 23, 24).

Керамические сосуды сопутствующего слоя представлены, в основном, тремя типами. 1 – характерные сосуды с s–образным профилем и сравнительно резким изломом тулова в средней части (рис. 3: 2–4, 6); 2 – сосуды с прямостоящим или близким к нему тонким или утолщенным венчиком и округлим туловом (рис. 3: 8–10, 12–15); 3 – сосуды с утолщенным, отклонённым в разной мере венчиком и округлым туловом (рис. 3: 2, 3, 7, 11, 16, 17, 19). Среди сосудов последней группы выделяются формы со специальным выступом с внутренней стороны для удержания крышки (рис. 3: 3). Такая особенность характерна для каменской посуды. В целом, известны фрагменты с еще более выделенным выступом. Сосуды второго и третьего типа абсолютно преобладают. Кроме того, обнаружены отдельные фрагменты горшковидных сосудов с венчиком, отклонённым внутрь (рис. 3: 1) и фрагменты мисок с высокими, открытыми вверх стенками (рис. 3: 3).

Орнаментация небогата – прочерченный орнамент в виде треугольников по тулову с разным заполнением внутренней части треугольников, вдавливания ногтем, стеком, глубокая линия под венчиком в месте перехода к тулову (рис. 3: 8, 19–22). Как и в верхних слоях, поверхность горшков иногда имеет следы гребенчатого заглаживания, на отдельных фрагментах стенок сосудов прослежено подлощение. Таким образом, формы керамики в целом аналогичны тем, что обнаружены в слое вымостки и выше.

Анализируя керамику, нельзя не отметить её значительное отличие от известной из Ливенцовской крепости, хотя С.Н. Братченко несколько раз подчеркивал близость памятников (Братченко, 2012). К тому же многие формы кажутся пережиточными, напоминают керамику кемиобинской культуры. Это кубковидные чаши и сосуды с невысокими венчиками. Какие–то реплики сближают керамику с глейковской. У них раздутые тулова сосудов, приземистые большие формы, отметим также тонкостенную керамику типа чаш или пиал. Редко встречаемая орнаментация и, пусть не

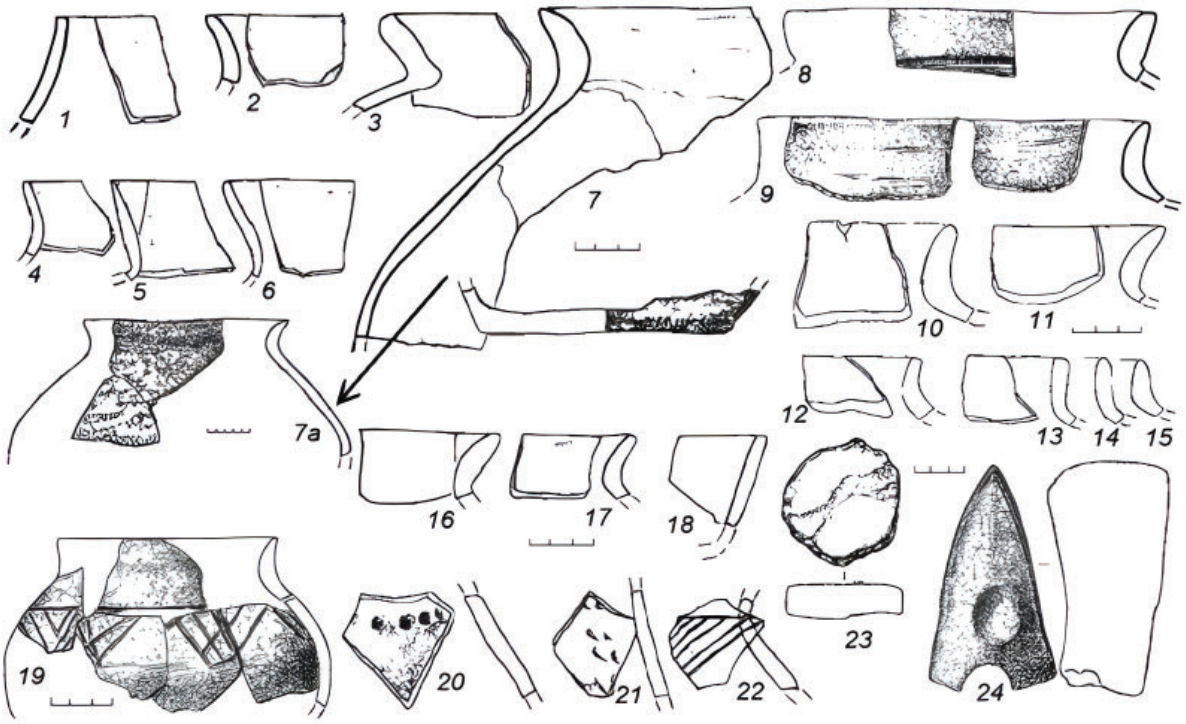

Рис. 3. Поселение Каменка. Сопутствующий материал находке якоря из раскопа VII.
Fig. 3. Kamenka settlement. Accompanying material of the anchor finding from the excavation area VII.

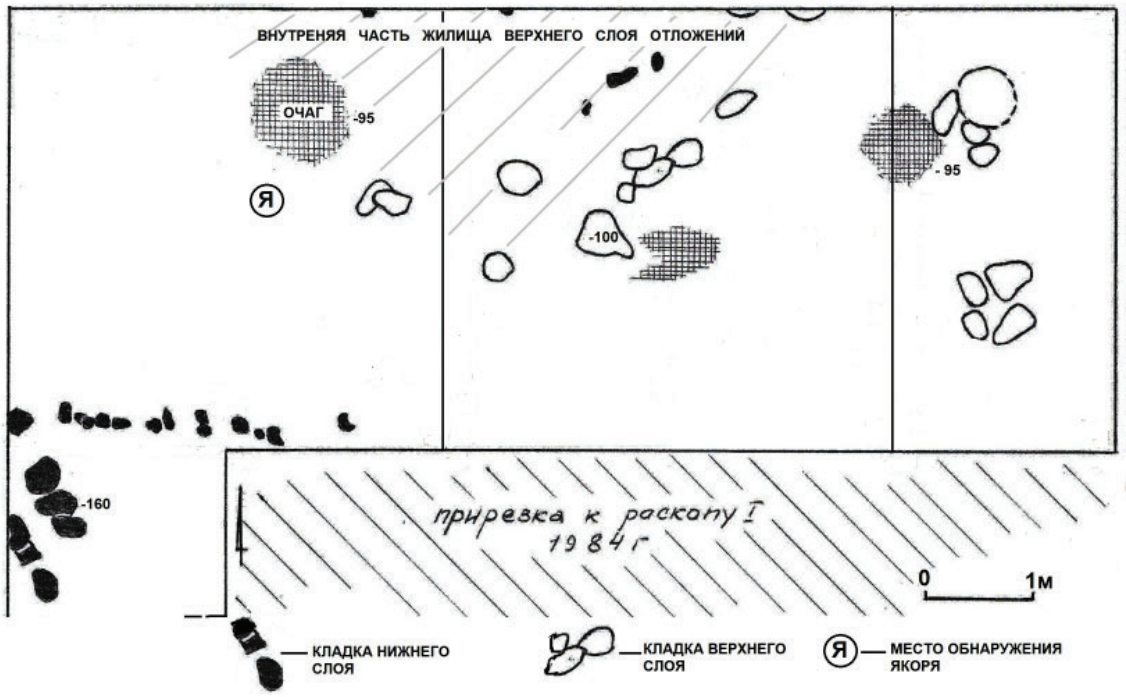

Рис. 4. Поселение Каменка. Раскоп I. Условия находки детали якоря.
Fig. 4. Kamenka settlement. Excavation area I. Discovering conditions of anchor components.

яркое, но имеющееся подлощение. Отметим, что на иных площадях пос. Каменка обнаружены подлощенные фрагменты тонкостенных сосудов с каннелюрой при переходе от шейки к венчику, что очень характерно для Глеек 2.

Второй каменский якорь (якорный камень) не менее интересен (рис. 1: 2). Обнаружен на площади северной прирезки к раскопу I (раскопки 1994 г.) в верхнем, каменской культуры слое отложений (Кислый, 1995, с.80; рис. 10: 7). Размеры – 35×21×11 см. Примерно в средней части верхней плоскости якоря имеется развальцованное углубление диаметром 7–14 см, глубиной до 10 см. Обратная сторона немного выпуклая, затертая. В меньшей мере затерта вся поверхность якоря. Вес – 4 кг, 335 гр. Сравнение с первым каменским якорем из Каменки позволяет чётко определить, что один рог этого якоря был сломан в древности. Место слома хорошо определяется и возможна реконструкция (рис. 1: 2). Соответственно, первоначальный вес якоря был немного больше.

Условия местонахождения и сопутствующий материал очень близки к тому, что мы видели в первом случае. Расчищен юго–западный угол жилища с очень редкой кладкой в один камень. Якорь обнаружен на хозяйственной территории, примыкающей с юго–запада к жилищу (рис. 4, отметка «Я»).

Зафиксировано несколько (очажных?) пятен, включающих прокаленный до кирпичного цвета грунт на глубину до 5–7 см. Форма пятен округлая или подокруглая, наибольшее – диаметром до 1 м. Южнее входа в жилище обнаружены фрагменты зернотерки из местного очень плотного известняка, камня–«дикаря». Лежак разбит, сохранившаяся часть указывает на сильную сработанность камня; курант имел характерную ладьевидную форму (рис. 5: 11, 12).

Иные находки следующие. 1. Фрагменты (острия) двух кремневых наконечников копий, сильно окатанных и затупленых (рис. 5: 6, 7). 2. Два скребка на отщепах. Один из них имел сильно забитую концевую рабочую часть (рис. 5: 8, 9), второй использовался в качестве ножа, имел заостряющую ретушь на боковых гранях. 3. Фрагмент наковаленки из плотного ракушечника, размером 4,8×5,2 см (рис. 5: 10). 4. Фрагмент (рабочая часть) костяного лощила из ребра животного (рис. 5: 14). 5. Прямоуголная поделка из кости с аккуратно заглаженными краями и снятой фаской по периметру (рис. 5: 13). На более отдаленных участках обнаружены характерные рыболовные грузила. Стоит отметить, что сочетание зернотерок и якорей среди находок к югу у жилища, у его входа и в первом и во втором

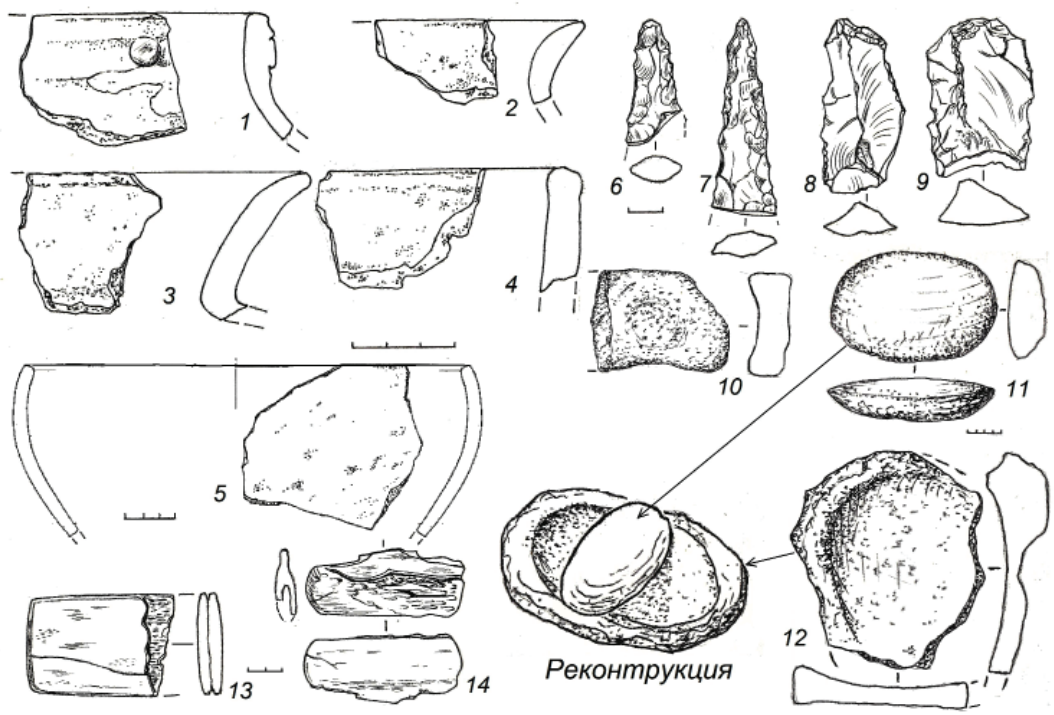

Рис. 5. Поселение Каменка. Сопутствующий материал находки якоря из раскопа I.
Fig. 5. Kamenka settlement. Accompanying material of the anchor finding from excavation area I.

случае, возможно, не случайно. Также совпадают находки на двух площадках у жилищ: округлых тёрочников, наковаленок, подпрямоугольных или округлых поделок из кости.

Керамический материал на площадке и в исследованной части жилища невыразителен, встречался редко. Связано это с тем, что жилище очищалось от мусора. Слои отложений выше и ниже дали типичный каменский набор посуды. Собственно с якорным камнем можно связать фрагменты сосудов с отклонёнными венчиками, в том числе резко, с прямостоящим венчиком и характерным для ККК пуговичным налепом в качестве украшения, а также миски (рис. 5: 1–5).

Условия обнаружения якорей в культурном (верхнем и нижнем слое поселения), у входа в жилища, рядом с очагами, незначительные следы нагара на одном из якорей свидетельствуют, что они могли быть использованы в каком–то ритуале, связанном с домашним очагом и морем. Хотя, как мы видим, материал обеих слоев сходен, принадлежит к одной культуре, но какое–то временное расстояние между использованием одного и второго якоря прошло. То есть, ритуал использования якорей на данном поселении был достаточно укоренившийся. Если это в целом так, хотя бы в какой–то мере (а представляется, что здесь мы не ошибаемся), то уместно вспомнить многие аналоги, где якорь играл культовую роль. Нет ничего удивительного в том, что якорь стал для многих морских народов символом спасения (Шаповалов, 1997, с. 114). Можно предположить, что в нашем случае якоря стали символом возврата к домашнему очагу. Когда заканчивался сезон мореходства, якоря приносили на поселение, но оставляли не в случайных местах, а укладывали у входа в дом, у очага. Очаги и хозяйственные площадки у входа в жилище прослежены на Каменке, как для нижнего, так и для верхнего горзонта отложений (Кислый, 2022, с. 37).

Якоря или части якорей помещали в местах отправления культов с древнейших времен. К эпохе бронзы относятся находки якорей или их частей в храме финикийского Библоса (2300 г. до н.э.), Ваала в Угарите (XIX в. до н.э.), Изодоруса в Канопусе (западная часть дельты Нила), на Кипре в храмах Китиона и Энгоми (поздняя бронза) и др. (Окороков и др., 2023; 3000–летний…, 2020). Интересно, что в «Башенном храме» Библоса пять якорей образовывали как бы нижнюю ступень лестницы, ведущей ко входу в храм (Окороков и др., 2023, с. 1).

Для Боспора наиболее близкая аналогия культовому перемещению якорей из корабля на поселение – это обнаруженные каменные

штоки у очага архаичного дома на Пантикапее. Напомним, как об этих находках писала И.Д. Марченко: «Интересна находка, связанная с мореходством. В очаге соседнего дома были положены в виде обрамления части (так называемые штоки) от двух якорей. Сам факт находки их в очаге дома конца VI в. до н. э. вызывает удивление. Чем объяснить присутствие якоря в столь необычном месте? Вполне возможно, что он имел какое–то особое значение для хозяина и его семьи, сохранялся как дорогая реликвия и т. д. Ведь писал Гесиод, что рули от кораблей сберегали дома у очага, держа их в самом священном месте» (Марченко, 1974, с. 21). Отметим, что и на Каменке, и на Пантикапее рядом с символами мореходства обнаружены глиняные обожженные площадки (на Патикапее до 1 м в диаметре), очажные пятна, следы литейного производства. Напомним также, что согласно нашим выводам, на Каменке основная жизнедеятельность жителей велась не в скромных жилищах, а рядом с ними, на придомовой площадке (Кислый, 2020, с. 37).

Представляется очень харатерной такая деталь обнаруженных якорей, как выступающие каменные «рога». Они, безусловно, играли дополнительную роль при сцеплении с грунтом. В таком случае, обвязной канат между рогами не должен был быстро перетираться при скольжении камня по дну. Поэтому углубления между «рогами» особенно глубокие. Веротно сам вес камня позволял якорю ложиться на дно именно на эти «рога». Но не исключено, что дальнейшие открытия позволят предположить какую–то особую форму (конструкцию) штока для поворота якоря на «рога» при натяжении каната.

Но самая любопытная вещь, связанная с рогатыми якорями, заключается в возможности предполагать более точную реконструкцию уже опубликованного якоря из поселения Дездар–Дере. Конечно, при зацеплении якоря за каменистое дно и натяжении каната его рога часто ломались. Тем более, что материал якорей – относительно мягкие крымские породы камня. После слома одного из рогов, якорем продолжали пользоваться, как это произошло с якорем из Дездар–Дере, но уже с меньшей эффективностью. Однако, чётко заметно, что и этот якорь первоначально имел с одной стороны два выступающих рога (рис. 6: 10).

Якоря с рогами каменской культуры имеют свои аналоги среди современных якорей. Якорь Денфорта один из лучших в типологической серии т.н. якорей–плугов, имеет прекрасные удерживающие свойства, особенно на илистых, песчаных грунтах, хуже работает на каменистых (рис. 6: 13). Для сцепления с грунтом дна важен был определенный угол между штоком и плоскостью рогов якоря – $40–30^0$. Для вытаскивания таких якорей из зацепа устроен нижний рим – кольцо в нижней части якоря, к которому особо прочно привязывался канат. К верхнему риму на веретене применяют лёгкое, разрываемое при натяжении крепление – к примеру, пластиковой лентой (Якорь…, 2022). Подобным образом устроено крепление т.н. японского якоря, традиционного в рыболовецкой культуре. В нём использовался деревянное веретено–палка, а канат к верхнему риму вовсе привязывался обрывком ткани, ветошью (рис. 6: 12). «Основное крепление якорного каната предусмотрено снизу… Вверху канат прихватывается к проушине тонким кончиком или куском ветоши, которые можно легко порвать при "глухом" зацепе, дав ход судну» (Федорович, 2007).

Значит, в принципе, при погружении через канат на нижнем риме (здесь – «проушина») с большей уверенностью можно было получать положение якоря на дне моря лапами вниз. Хотя центр тяжести каменских якорей смещен так, что в любом случае он ложился рогами вниз. Надо также иметь ввиду, что рога могли быть немного длиннее, они не могли не обломаться (завальцеваться) по своей длине за время работы якоря. В принципе, признаем, что в якорях такого типа одним из недостатков было возможное положение якоря на дне рогами вверх или просто на боку, когда удерживающая сила якоря терялась. Особенно это характерно для этнографичеки известных однорогих якорей со штоком (т.е. поперечной веретену перекладиной) или без (рис. 6: 12), в этом случае не важно, ибо якорь мог упасть рогом вверх и шток не выполнял свою роль рычага–переворачивателя (см. также: Скрягин, 1979, с. 30, рис. 26, *1*). Безусловно, можно полагать, что в каменском якоре подобно этнографическим аналогим был шток. Но для этого у нас пока нет чётких данных. Каменский якорь без штока, но с нижним римом был наиболее эффективным, подобным современ-

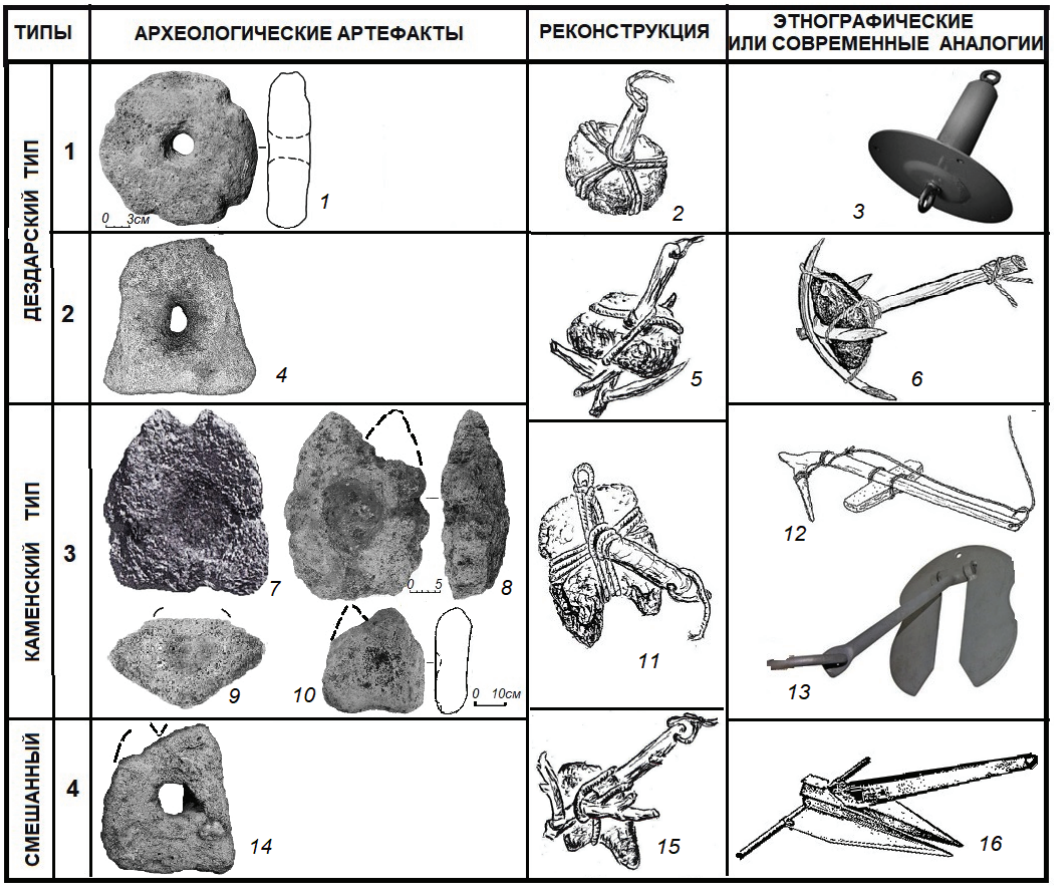

Рис. 6. Типология якорей каменско–дездарского типа. 1 – поселение Дездар–Дере (по: Кислый, 2025); 3 – современный аналог (по: Якорь…, 2024); 4 – деталь якоря из Анапского музея (по: Евсюков, 2023); 6 – этнографический материал (по: Скрягин, 1979); 7, 8 – Поселение Каменка (раскопки А.Е. Кислого, 1994 и 2001 гг.). 9 – Сазопол (по: Лазаров, 1978); 10 – поселение Дездар–Дере (по: Кислый, 2025); 12 – Древний Восток (по: Скрягин, 1979); 13 – современный аналог (по: Скрягин, 1979); 14 – деталь якоря из Анапского музея (по: Евсюков, 2023); 16 – современный аналог (по: Якорь Fortress, https://yacht-parts.ru/catalog/exterior/yakornoe/yakor_fortress_alyuminievyy/).

Fig. 6. Typology of anchors of the Kamenka–Dezdar type. 1 – Dezdar–Dere settlement (by: Kisly, 2025); 3 – modern analogue (by: Anchor..., 2024); 4 – anchor detail from the Anapa Museum (by: Evsyukov, 2023); 6 – ethnographic material (by: Skryagin, 1979); 7, 8 – Kamenka settlement (excavations by A.E. Kisly, 1994 and 2001). 9 – Sazopol (by: Lazarov, 1978); 10 – Dezdar–Dere settlement (by: Kisly, 2025); 12 – Ancient East (by: Skryagin, 1979); 13 – modern analogue (by: Skryagin, 1979); 14 – anchor detail from the Anapa Museum (by: Evsyukov, 2023); 16 – modern analogue (by: Anchor Fortress, https://yacht–parts.ru/catalog/exterior/yakornoe/yakor_fortress_alyuminievyy/).

ному якорю–плугу (рис. 6: 3, 7–10*)*. Отметим, что последние могли иметь вес от 4 кг и более, т.е. близкий к каменским.

Якоря с рогами каменской культуры очень вероятно также имели веревочные петли–рим как в верхней части веретена, так и в нижней. При помощи нижнего рима якорь можно было правильно уложить на дно. Возможно также, что веретено в лунке было немного подвижным в плоскости от рогов вдоль длинных сторон якоря для принятия необходимого угла наклона. В таком случае понятно, почему важно было иметь в камне якоря не отверстие, а лунку. Однако, на этом последнем элементе нашей реконструкции не будем настаивать. Возможно, проблема в ином. Древний якорь–гриб имел не столь длинное веретено, ибо длинное играло бы роль рычага при натяжении каната. Если бы якорь с рогами имел более длинное веретено, то при натяжении каната оно просто разламывало бы камень на части. Во избежании разлома достаточно было укрепить веретено немного подвижно в лунке, или в сквозном отверстии.

Таким образом, перед нами предстает особая «каменская» морская культура якор-

ных устройств, технологий, связанная с морем. Вероятно, якоря подобного облика были достаточно употребимы и долго использовались. Их общие особенности следующие. Первая – сравнительно короткое веретено; далее – размещение крепежного отверстия (или лунки) приблизительно по центру якорного камня, а не сбоку (сверху), что характерно для большинства известных древних якорей, особенно для египетских, трапециевидных. Размещение отверстия (лунки) по центру как раз и делает всю форму якоря с веретеном подобной грибу. Третье – вес якоря мог быть небольшим. Наконец: повышенная удерживающая сила за счет особой конструкции.

Выделяются два типа якорей в серии находок древних якорей каменско–дездарского типа (рис. 6). I – с центральным отверстием в якорном камне; II – с центральной лункой в якорном камне. Далее можно выделить подтипы. 1). Собственно якоря с условным названием «якорь–гриб» (дездарский тип). Каменная деталь подокруглой формы, имелось отверстие в средней части, Веретено сравнительно жестко закреплялось (рис. 6: 2). Существует современный аналог такого якоря, применяемый для маломерных судов (рис. 6: 3). При этом, сравнимы, и даже совпадают, как параметры веса так и размеры (Кислый, 2025). 2). Якорь–гриб с угловатым камнем, имеющим отверстие для надевания на веретено (рис. 6: 4). Конструкция могла включать сучья–рога (Скрягин, рис. 11, и анапский). Просто подвязывать к канату такой камень с отверстием в средней части (а не сбоку) мало эффективно, применимо лишь при случае на рыбацких лодках. Вернее всего, анапский якорь использовался в эпоху бронзы или античное время и имел деревянное веретено, возможно и рога, о чем пишет С.В. Евсюков (Евсюков, 2023)[1]. 3). Якорь–гриб плуговидный, каменского типа (рис. 6: 3). Это якорь с камнем, имеющим не отверстие, а углубление в средней части. Вероятно, производная форма от первого подтипа, вызванная особеностями морского и/или речного дна. В чем-то этот подтип более совершенен и требовал в производстве и употреблении большей сноровки. Веретено могло крепиться немного подвижно, форма камня чаще пятиугольная с чётко выступающими углами (якорь из Созопола – рис. 6: 9) или с функциональными рогами (Дездар–Дере, Каменка). В таком, полноценном по своим функциям якоре, нужны два рима (кольца), которые в «упрощенном» варианте формировались из каната на краю веретена и с обратной стороны (на краю) каменной детали (рис. 6: 11). Современный аналог – якорь–плуг (рис. 6: 13). И в этом случае параметры по весу могли быть близкими у древнего и современного якоря. Известны также близкие по функциональному значению этнографические образцы, выполненные из дерева, поэтому требовавшие штока–утяжелителя. Однако, этот шток, как уже отмечено, не играл роль рычага–переворачивателя при натяжении каната. 4). Якорь, в котором камень имел и рога (или чётко выступающие углы), и отверстие в средней части для веретена (якоря из Анапского музея – рис. 6: 4), (Евсюков, 2023). Для этого подтипа якорей требовался более плотный, не ломкий камень. Якорь мог использоваться как якорь–гриб; реже, при поломки рогов, – просто как подвязной якорь–камень.

Представляя первый опыт классификации нового типа, отметим следующее. Якоря, даже древние, – это технологически сложные устройства. Многие якоря после поломки рогов, выполненных в камне, продолжали использовать. Поэтому, к примеру, якорь из Созопола или якорь с лункой из Дездар–Дере сильно окатаны, их сложно определеить и реконструировать без аналогий. Сломы и особенности крепления оказались лучше видными на якорях из Каменки.

Рыболовы–моряки, но прежде всего в сложных условиях воины, не только использовали уникальные для своего времени приспособления для торможения, остановки движения судна, но и разработали унифицированные приспособления, имеющие соответствующие функции. Безусловно, имелись также якоря более простой формы, т.е. простые камни–якоря, описанные специалистами. Они использовались чаще рыболовами. Военные действия требовали новшеств. В данном случае, видим, что якоря могли быть не очень тяжелыми, но достаточно эффективными при сцеплении с морским грунтом. Рыхлость и ломкость местного камня–ракушечника также диктовала потребность изобретения небольших по форме и весу, но эффективных для своего времени якорных устройств. Эффективность древних конструкций подтверждается бытованием современных аналогичных по весу и по форме якорей.

Примечание:

[1] Автор благодарен руководству Анапского музея за оказанную помощь в работе с якорями. К сожалению, пока более подробная информация об условиях находки якорей недоступна. Частично информация дополнена А.Н. Шамраем, археологом–подводником. Вероятно, якоря обнаружены у мыса Тузла (Таманский берег Керченского пролива). Благодарю за помощь.

ЛИТЕРАТУРА

Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Киев: Скиф, 2012. 308 с.

Евсюков С.В. История античного якоря. 15 августа, 2023. Доступно по URL: https://museumanapa.ru/anchor-1/ (дата обращения 25.07.2024).

Кислый А.Е. Отчет о раскопках Керченской экспедиции в 1994 г. Симферополь, 1995. 106 с.

Кислый А.Е. Отчет Керченской экспедиции о раскопках в 2001 г., Симферополь, 2002. 47 с. // Архив ИАК № 368.

Кислый А.Е. Каменская культура Восточного Крыма: древность и современность. Ростов-на-Дону: Медиаграф, 2022. 192 с.

Кислый А.Е. Дездар–Дере. Шаров. Память // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века: сборник статей памяти О.В. Шарова / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 34 / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2024. С. 36–45.

Кислый А.Е. Древнейший якорь эпохи бронзы усложнённой конструкции и проблемы интерпретации каменской культуры Крыма // Stratum plus. 2025. № 2. С. 251–159. Доступно по URL: https://www.e-anthropology.com/Katalog/Arheologia/STM_DWL_2tRS_eQrQll3aJ47W.aspx

Лазаров М. Потерянная флотилия. Л.: Судостроение, 1978. 134 с.

Марченко И.Д. Город Пантикапей / Археологические памятники Крыма. Симферополь: Таврия, 1974. 88 с.

Окороков А.В., Кулагин А.В. Корабельный якорь как древний символ веры и надежды // Культурологический журнал. 2023. № 1 (16) С. 1–8. Доступно по URL: http://cr–journal.ru/rus/journals/369.html&j_id=26 (дата обращения: 02.09.2025).

Рыбалова В.Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. Вып. 16 / Ред. А.М. Микляев. Л.: Аврора, 1974. С. 19–49.

Скрягин Л.Н. Якоря. М.: Транспорт, 1979. 384 с.

Трехтысячелетний египетский якорь обраружен у побережья. Доступно по URL: https://www.trskinfo.ru/2020/10/27/3000-letnij-egipetskij-yakor-obnaruzhen-u-poberezhya/ (дата обращения: 23.10.2025).

Федорович. Владивосток. Якоря – достоинства и недостатки. Доступно по URL: https://forum.motolodka.ru/read.php?f=2&i=58604&t=58257 (дата обращения: 23.10.2025).

Шаповалов Г. Корабли веры: судоходство в духовной жизни древней Украины. Запорожье: Дикое Поле, 1997. 156 с.

Якорь для лодки ЯТ 1 «грибок». Доступно по URL: https://tehnoparus.com.ua/product/yakor-dlya-lodki-pvh-yat1 (дата обращения: 15.10.2024).

Якорь–зацепляйка. Доступно по URL: https://www.XNiRwhlDKOk, https://www.youtube.com/watch?v=YX2uE4AKVe4 (дата обращения 23.10.2025).

Якорь Fortress. Доступно по URL: https://yacht-parts.ru/catalog/exterior/yakornoe/yakor_fortress_alyuminievyy/ (дата обращения 02.04.2026).

Hudson Mark, Fernández Irene M. Muñoz. Bronze Fish. Marine Resources and the Bronze Age Economy // Old World: Journal of Ancient Africa and Eurasia. 2023. No. 3 (1). P. 1–44. Доступно по URL: https://www.sciencedirect.com/org/science/article/pii/S2667075523000040 (дата обращения: 16.10.2024).

Rosenberg Danny, Agnon Marva, Kaufman Daniel. Conventions in fresh water fishing in the prehistoric southern Levant: The evidence from the study of Neolithic Beisamoun notched pebbles // Journal of Lithic Studies. 2016. No. 3 (3). P. 457–477. Доступно по URL: https://www.researchgate.net/publication/-308777208 (дата обращения: 18.10.2024).

Информация об авторе:

Кислый Александр Евгеньевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); kisly.a@mail.ru

REFERENCES

Bratchenko, S. N. 2012. *Leventsovskaia krepost. Pamiatnik kultury bronzovogo veka (Leventsovka fortress. A Bronze Age cultural site).* Kiev: "Skif" Publ. (in Russian).

Evsyukov, S. V. 2023. *Istoriia antichnogo iakoria. 15 avgusta, 2023 (History of the Ancient Anchor. 15 August, 2023)*. Available at URL: https://museumanapa.ru/anchor–1/ (accessed: 25.07.2024). (in Russian).

Kisly, A. E. 1997. *Otchet o raskopkakh Kerchenskoi ekspeditsii v 1994 g. (Report on the excavations of the Kerch expedition in 1994).* Simferopol (in Russian).

Kisly, A. E. 2002. *Otchet Kerchenskoi ekspeditsii o raskopkakh v 2001 g. (Report of the Kerch expedition on 2001 excavations).* Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, no 368 (in Russian).

Kisly, A. E. 2022. *Kamenskaia kultura Vostochnogo Kryma: drevnost i sovremennost (Kamenka culture of Eastern Crimea: ancient and modern times).* Rostov–on–Don: "Mediagraf" Publ. (in Russian).

Kisly, A. E. 2024. In Mastykova, A. V. (ed.). *Polevoi dnevnik. Vostochnaia Evropa v antichnoe vremia i Srednie veka: sbornik statei pamiati O.V. Sharova (Field notebook. Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages: collected articles in memory of O.V. Sharov)*. Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy *(Proceedings of Rescue Archaeological Studies)* 34. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 36–45 (in Russian).

Kisly, A. E. 2025. In *Stratum plus* (2), 251–159 (in Russian).

Lazarov, M. 1978. *Poteriannaia flotiliia (Lost fleet).* Leningrad: "Sudostroenie" Publ. (in Russian).

Marchenko, I. D. 1974. *Gorod Pantikapei (The city of Panticapaeum).* Series: Arkheologicheskie pamiatniki Kryma (Archaeological monuments of Crimea). Simferopol: "Tavria" Publ. (in Russian).

Okorokov, A. V., Kulagin, A. V. 2023. In *Kulturologicheskii zhurnal (Cultural Studies Journal)* 1 (16) 2023. P. 1–8. Available at: //http://cr–journal.ru/rus/journals/369.html&j_id=26. (accessed: 02.09.2025) (in Russian).

Rybakova, V. D. 1974. In Miklyaev, A. M. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 16. Leningrad: "Avrora" Publ., 19–49 (in Russian).

Skryagin, L. N. 1979. *Iakoria (Anchors).* Moscow: "Transport" Publ. (in Russian).

Trekhtysiacheletnii egipetskii iakor obraruzhen u poberezhia (A three–thousand–year–old Egyptian anchor was discovered off the coast). Available at: https://www.trskinfo.ru/2020/10/27/3000–letnij–egipetskij–yakor–obnaruzhen–u–poberezhya/. (accessed: 23.10.2025) (in Russian).

Fedorovich. Vladivostok. Iakoria – dostoinstva i nedostatki (Fedorovich. Vladivostok. Anchors – advantages and disadvantages). Available at: https://forum.motolodka.ru/read.php?f=2&i=58604&t=58257. (accessed: 23.10.2025) (in Russian).

Shapovalov, G. 1997. *Korabli very: sudokhodstvo v dukhovnoi zhizni drevnei Ukrainy (Ships of faith: shipping in the spiritual life of ancient Ukraine).* Zaporizhia: "Dikoe Pole" Publ. (in Russian).

Iakor dlia lodki IaT 1 «gribok» (Anchor for the YAT 1 "Gribok" boat). Available at: https://tehnoparus.com.ua/product/yakor–dlya–lodki–pvh–yat1. (accessed: 15.10.2024) (in Russian).

Iakor–zatsepliaika (Anchor–grapple). Available at: https://www.XNiRwhlDKOk, https://www.youtube.com/watch?v=YX2uE4AKVe4 (accessed: 23.10.2025). (in Russian).

Iakor (Fortress anchor). Available at: https://yacht–parts.ru/catalog/exterior/yakornoe/yakor_fortress_alyuminievyy/ (accessed: 02.04.2026) (in Russian).

Hudson, Mark, Fernández, Irene M. Muñoz. 2023. In *Old World: Journal of Ancient Africa and Eurasia* 3 (1), 1–44. Available at: https://www.sciencedirect.com/org/science/article/pii/S2667075523000040. (accessed: 16.10.2024).

Rosenberg, D., Agnon, M., Kaufman, D. 2016. In *Journal of Lithic Studies*. 3 (3), 457–477. Available at: https://www.researchgate.net/publication/-308777208 (accessed: 18.10.2024).

About the Author:

Kisly Alexander E., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of archaeology of the Crimea RAS, Vernadsky Prospekt., Building 2, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; kisly.a@mail.ru

Статья поступила в журнал 23.02.2026 г.
Статья принята к публикации 21.05.2026 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.139.151

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НОИН-УЛИНСКОГО ДРОМОСНОГО КУРГАНА 1 («МОКРОГО»)

©2026 г. Н.А. Агапитова (Сутягина)

На основе комплексного анализа археологических, письменных и изобразительных источников предложена реконструкция погребального обряда Ноин-Улинского кургана 1 («Мокрого»). Во время его строительства были соблюдены необходимые внешние атрибуты элитного погребения кочевников хунну, датируемых концом I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. Форма наземного сооружения и конструкция деревянной гробницы, набор предметов сопроводительного инвентаря и локализация некоторых категорий вещей были стандартными для больших дромосных курганов Ноин-Улы. Одновременно в устройстве могильной ямы, погребальной камеры и ее оформлении проявились индивидуальные особенности. Большая часть обнаруженных здесь вещей аналогична и даже идентична находкам из других дромосных курганов, однако встречались уникальные художественные произведения древнего искусства и мастерства. По времени создания исследуемое захоронение синхронно другим Ноин-Улинским курганам.

Ключевые слова: археология, хунну, Ноин-Ула, курган 1, погребальный обряд, декор гробницы, сопроводительный инвентарь

BURIAL RITE OF THE NOYON-UUL TERRACE TOMB 1 (“MOKRYI”)

N.A. Agapitova (Sutiagina)

The method of the archaeological, written and visual sources comprehensive analysis allowed to reconstruct the burial rite of the terrace tomb1 (“Wet”) at Noyon-Uul. During its construction, the necessary external attributes of an elite burial structure of the Xiongnu nomads, dating back to the end of the 1st century BC and the first half of the 1st century AD, were preserved.The shape of the above-ground structure and construction of the wooden chamber, the set of accompaniments and locations of the some categories of objects were standard for the large terrace tombs at Noyon-Uul. At the same time, the structure of the burial pit, the burial chamber and its decoration revealed unique features. Most of discovered finds were known and even identical to the artifacts in other terrace tombs, but there were unique objects of ancient art and craftsmanship. The burial site under study is synchronous to other terrace tombs at Noyon-Uul.

Keywords: arhaeology, Xiongnu, Noyon-Uul, terrace tomb1, burial rite, decoration of wooden chamber, accompaniments

Введение

Курган 1 («Мокрый») – одно из самых загадочных погребений археологического комплекса эпохи хунну в горах Ноин-Ула. Он расположен в восточной группе Суцзуктэ около южной границы древнего некрополя у русла реки (рис. 1). В 1924–1925 гг. здесь проводила исследования Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова. В течение этого времени были предприняты четыре попытки раскопать курган, но завершить работу удалось только весной 1925 г. Обилие талых и грунтовых вод, с которым столкнулись участники экспедиции в процессе работы, закрепило за погребением название «Мокрый». Соблюдая пункты Соглашения (1924 г.) и Договора (1926 г.) об условиях дальнейшей работы с ноин-улинскими материалами, находки из кургана 1 были возвращены в Монголию (Агапитова (Сутягина), 2024, с. 180–184)[1]. В 1954–1955 гг. Ц. Доржсурэн раскопал несколько сопроводительных захоронений в южной части насыпи, которые принял за жертвенные места (Доржсурэн, 1962, с. 40). В 2021 г. вокруг дромосного кургана были обнаружены погребения с круглой наземной конструкцией, однако их связь до проведения раскопок может определяться лишь предположительно (Эрдэнэ-Очир, Сутягина, 2022, с. 214 рис. 2).

Вплоть до настоящего времени полная публикация материалов этого захоронения отсутствует, а сведения о нем фрагментарны. Причинами стали долгий и прерывистый процесс раскопок, разрозненность полевой документации и коллекции. Однако комплексный анализ археологических и разновремен-

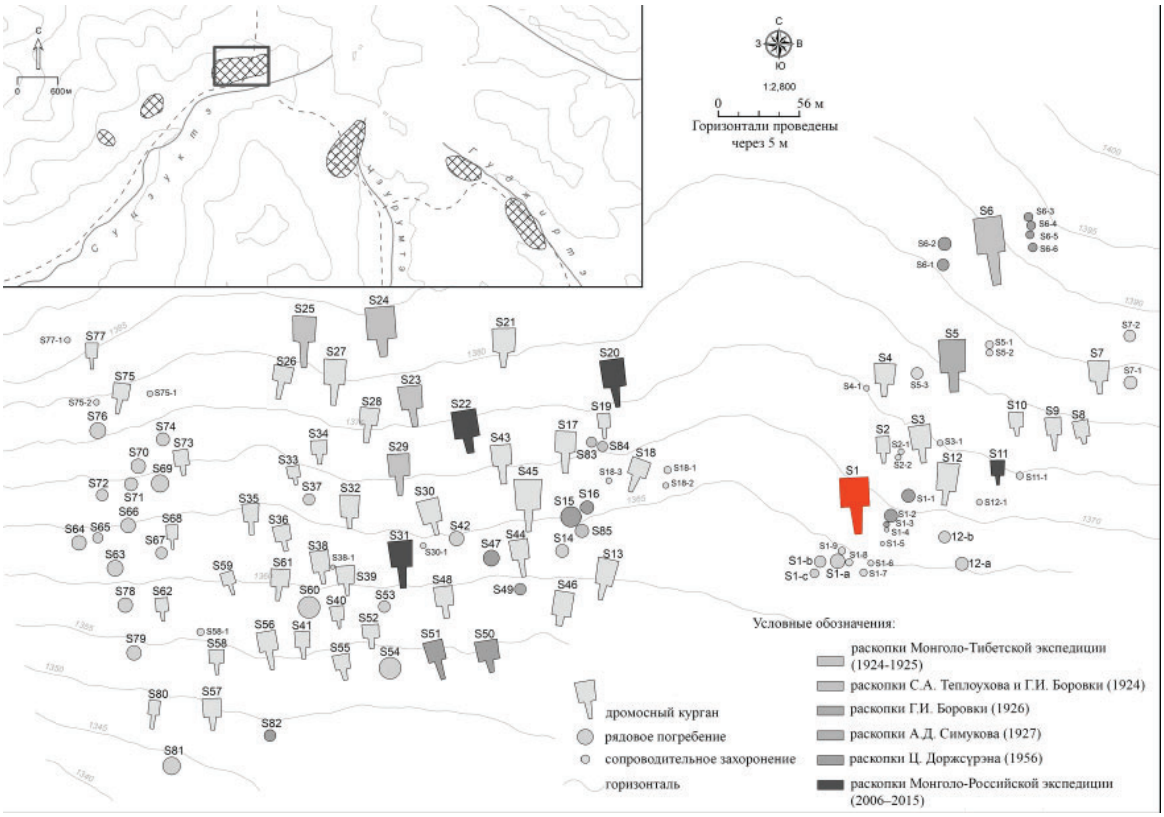

Рис. 1. План могильника в Суцзуктэ и курган 1 (по: Эрдэнэ-Очир, Сутягина, 2022. С. 214, рис. 2).
Fig. 1. Plan of the burial ground in the Sutszukte Valley with barrow 1
(according to: Erdene-Ochir, Sutiagina, 2022, p. 214 fig.2).

ных письменных и изобразительных источников позволяет реконструировать некоторые детали погребального обряда.

История исследования кургана и информационные лакуны

Полевые работы начались 24 марта 1924 г. под руководством сотрудника экспедиции С.А. Кондратьева одновременно с изучением кургана 6 («Верхнего») в пади Суцзуктэ и Баллодовского кургана в пади Цзурумтэ. Раскопки проводились шурфом, заложенным в центре наземной конструкции. Однако высокий уровень грунтовых вод и расположение погребения рядом с руслом реки сильно мешали исследованиям, которые приходилось прерывать. В конце феврале 1925 г. рабочим удалось добраться до деревянной погребальной конструкции. Раскопочный шурф попал прямо в центральную часть гробницы. В процессе разбора ее заполнения были обнаружены перекрытия и продольные опорные балки внешнего сруба и внутренней камеры. Перекрытие было сломано в центре, но довольно хорошо сохранилось в углах. У внутренней камеры упали верхние бревна южной стены, а западная стена была разрушена. К началу марта участники экспедиции очистили западную часть внутренней камеры и дошли до западного «коридора»[2], разобрали хорошо сохранившийся восточный «коридор», а также стоящий вплотную к восточной стене гроб. Перебрав его заполнение, гроб вытащили по частям. Остатки расстеленного войлочного ковра завернули краями к центру и подняли наверх. Северо-восточный угол внутренней камеры и северный «коридор» гробницы были исследованы в последнюю очередь (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 2–4).

После завершения работ П.К. Козлов написал о «Мокром» кургане заметку в газете и уделил внимание при публикации академического издания кратких отчетов экспедиции (АРГО. Ф. 18. Оп. 5. Д. 78; Козлов, 1925, с. 10, рис. 10). В дальнейшем в разных изданиях воспроизводились краткое описание конструкции и некоторые чертежи, опись обнаруженных предметов с топографией, фотографии и рисунки наиболее впечатляющих находок (Trever, 1932; Umehara, 1960; Руденко, 1962). В последние десятилетия вновь были опубли-

кованы изображения уже известных вещей из этого комплекса (Treasures…, 2011, il. 184, 187, 189, 232, 395, 396; Елихина, 2017, с. 298; Хунну…, 2020, ил. 34, 38, 40; Талын…, 2022, с. 47, 56).

В итоге сведения о погребальном обряде «Мокрого» кургана ограничиваются краткими раздробленными описаниями в нескольких публикациях.

Корпус источников и методы исследования

Для реконструкции и изучения погребального обряда кургана 1 основными источниками стали полевые материалы Монголо-Тибетской экспедиции и учетно-хранительская документация научных учреждений. Ценные наблюдения и описания работы, подробности об извлечении и первичной обработке находок содержатся в датируемых концом февраля–началом марта 1925 г. и подтвержденных другими источниками записях в дневнике С.А. Кондратьева, который постоянно присутствовал на раскопе (Жизнь и научная деятельность…, 2006, с. 173–177). Некоторые детали рабочего процесса С.А. Кондратьев описал в письмах, адресованных П.К. Козлову (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55. Л.1об.–3).

На основе сохранившихся полевых заметок и заведенной С.А. Кондратьевым «специальной книжки для археологического дневника» появилась возможность последовательно восстановить процесс раскопок кургана 1. В заметках описаны работы на кургане в период с 24 марта по 19 августа 1924 г. В археологическом дневнике, охватывающем период с 25 февраля по 7 марта 1925 г., изложены события и результаты завершающего этапа исследования (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 1–8, 61–61об.).

Отчет о раскопках погребения включает указанную выше информацию, дополненную описанием и многочисленными измерениями погребальной конструкции и отдельных ее деталей. С.А. Кондратьев описал расположение предметов внутри деревянной гробницы на момент ее открытия. Приложенная к отчету опись предметов содержит дату обнаружения, полевой номер, название или описание предмета, место его находки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 110–115, 115 об).

Значимой частью корпуса источников являются чертежи, рисунки и фотографии. Планы и профили деревянной гробницы С.А. Кондратьев и его коллеги рисовали в полевых условиях на основе сделанных измерений (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 25–27). Сличение оригинальных и опубликованных С.И. Руденко чертежей позволило установить, что последние были доработаны на основе данных отчета (Руденко, 1962, с. 15 рис. 12, 13). В экспедиции было сделано несколько экземпляров рисунков детали гроба с изображением птицы (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 54. Л. 4). Сохранилась фотография наземной конструкции «Мокрого» кургана (Козлов, 1925, рис. 3, 10).

Поскольку комплекс находок из кургана 1 никогда полностью не публиковался, определяющее значение для изучения сопроводительного инвентаря имеют описания, фотографии и рисунки предметов. В ходе первичной обработки и упаковки к каждому предмету прикреплялась бирка с указанием кургана и порядкового номера по полевой описи (Жизнь и научная деятельность…, 2006, с. 177). В дальнейшем эти сведения дополнились учетными данными Склада древностей ГАИМК, куда коллекция поступила для реставрации и изучения в 1925 г. (Сутягина, 2023, с. 18–29).

Сотрудники экспедиции сделали зарисовки нефритовых пластин и графическую реконструкцию найденного в обломках керамического сосуда (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 30; Оп. 4. Д. 54. Л. 3). Значительное количество рисунков и фотографий предметов было выполнено уже в 1924–1928 гг. в процессе подготовки археологической коллекции к публикации (Медведева, 2023, с. 74–84). На изобразительных документах указаны номер погребения и предмета, что позволяет достоверно определить принадлежность вещей к комплексу исследуемого захоронения (Неизданный каталог…, 2023).

Таким образом, раскопки кургана 1 и дальнейшее изучение коллекции находок сопровождалось подробной фиксацией. Объединение данных всего корпуса выявленных разновременных источников позволило реконструировать погребальный обряд этого захоронения следующим образом.

Погребальное сооружение и деревянная гробница

Погребальный комплекс кургана 1 представляет собой захоронение, характерное для знати хунну конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. Обрамляющая насыпь четырехугольная каменная ограда сохранилась на

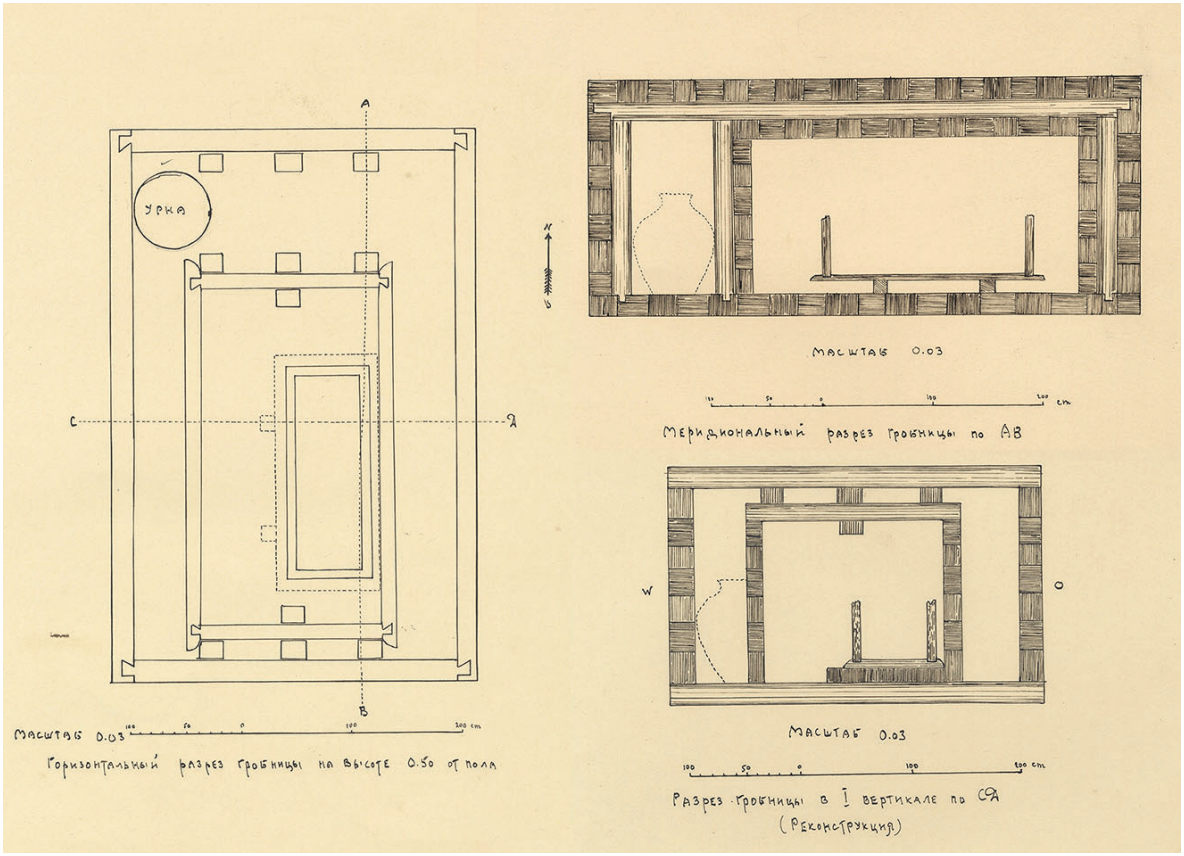

Рис. 2. Деревянное погребальное сооружение кургана 1. План и профили гробницы (по материалам АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 25–27).
Fig. 2. Wooden burial structure in barrow 1. The plan and profiles of the chamber (after ARGS. Fund 18. Register 1. Folder 102. Pages 25–27).

высоту 1,25–1,56 м, особенно хорошо в углах. С южной стороны к ней примыкает дромос. Согласно реестру выявленных Монголо-Тибетской экспедицией объектов длина стороны ограды составляла 21,9 м, длина дромоса – около 21 м, его ширина – 8,8–4,57 м (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 57. Л. 6; Руденко, 1962, с. 16). В сопроводительных захоронения глубиной 1,65–2,8 м встречались обгоревшее дерево, уголь и кости (Доржсурэн, 1962, с. 40).

Принятая в Монголо-Тибетской экспедиции методика раскопок не предполагала изучения формы и заполнения могильной ямы. Однако описания, дошедшие до настоящего времени в виде полевых отчетов и отдельных записей, позволяют сделать некоторые стратиграфические наблюдения. Верхняя часть раскопочного шурфа, частично совпавший с грабительским, была заполнена примерно на 1,2 м сползшими с насыпи глиной и камнями. На глубине около 2,4 м грунт приобрел красноватый цвет, характерный для засыпки могильной ямы. Камни попадались реже и на отметке около 3,5 м полностью исчезли. Зафиксированная ниже вязкая черная земля свидетельствует о наличии здесь угольной прослойки (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 61). Она встречалась во многих дромосных гробницах хунну, особенно в северной зоне их строительства (Коновалов, 2008, с. 17; Миняев, 2009, с. 51; Полосьмак и др., 2011, с. 72–73; Сутягина, 2021, с. 281). Помимо ритуальных практик древние строители могли использовать уголь для сохранения герметичности пространства деревянной гробницы подобно китайскому обряду (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 38).

Раскопочный шурф попал в центральную часть деревянной гробницы, открыв доступ к гробу (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 27). Погребальное сооружение, установленное на дне могильной ямы на глубине 10,13 м, было сделано из отесанных бревен (рис. 2). Размеры внешнего сруба, зафиксированные по внутренней стороне, составили 4,61 × 2,9 м, высота – 1,75 м (семь венцов). Перекрытие внешнего сруба состояло из двадцати одного

бревна, уложенного в поперечном направлении (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 68. Л. 113об.). Они лежали на продольных стенах сруба, девяти опорных столбах и трех продольных балках, упирающихся в пазы в южной и северной стенах. Сломанная центральная часть перекрытия просела внутрь гробницы.

Внутренняя камера была установлена на пол внешнего сруба, собранного из восемнадцати поперечно уложенных бревен. Ее размеры составили 3×1,55 м при высоте примерно 1,45 м (шесть венцов). Точнее определить высоту стен оказалось затруднительным из-за разрушений. Поперечное перекрытие камеры было сделано, предположительно, из четырнадцати бревен, которые опирались на стены, продольную балку и два опорных столба. Продольные и поперечные стены внутренней камеры соединялись способом «с остатком». Камера размещена внутри сруба таким образом, что образовались широкий северный (1,09 м), практически равные западный (0,47 м) и восточный (0,54 м), очень узкий южный (0,2 м) «коридоры». Опорные столбы (в сечении – около 0,2 м) были установлены вплотную к поперечным стенам только в северном и южном «коридорах». Нижним концом они фиксировались в полу с помощью шипов, а в верхней части предположительно имели фигурные завершения с ложем для балки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 111об., 113об.).

Гроб (1,94 × 0,74 м, высота 0,54 м (?)) стоял вдоль восточной стены внутренней камеры, что достоверно определено по сохранившимся *in situ* подгробным доскам. Он был сильно поврежден, особенно в верхней части. Крышку найти не удалось (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 111–113об.). Обнаруженные среди деревянных щепок фигурные дощечки позволяют предположить, что доски гроба соединялись традиционным способом с помощью фигурных шпонок.

Останки погребенного в кургане человека найдены не были. Однако в западном «коридоре» среди фрагментов ковра сохранились три зубные коронки, по которым М.П. Грязнов в 1926 г. предположил юношеский или взрослый возраст индивида (Сутягина, 2023, с. 42).

Сложное сооружение кургана 1 соответствовало «стандарту» элитного захоронения хунну, сформировавшемуся к рубежу эр. При строительстве наземной конструкции и погребальной камеры были соблюдены необходимые внешние атрибуты: крупная четырехугольная насыпь с дромосом, сопроводительные захоронения, двойная погребальная камера с опорно-балочной системой.

По масштабам наземной конструкции и системе расположения сопроводительных захоронений «Мокрый» курган уступает основным захоронениям Ноин-улинских некрополей в Суцзуктэ (курган 6) и Цзурумтэ (Баллодовский), а также комплексов в Цараме или Гол Моде (Сутягина, 2021, с. 278–293; Sutiagina, 2023, p. 49–68; Миняев, 2009, с. 50; Эрдэнэбаатар и др., 2015, с. 30–40). Однако положение в восточной группе Суцзуктэ недалеко от основного кургана указывает на особый статус погребенного здесь человека. Исследуемое погребение сопоставимо по размерам с курганом 54 в Ильмовой пади и расположенными в центральной части Суцзуктэ курганами 20, 22, 31, крупнее дромосных курганов 23, 24, 25, а также раскопанной гробницы 6 в Оргойтоне (Руденко, 1962, с. 9, 19, 20; Коновалов, 2008, с. 9; Полосьмак и др., 2011, с. 53; Полосьмак, Богданов, 2015, с. 16, 28; Николаев, Миняев, 2019, с. 110).

Набор признаков сближает это захоронение с расположенным недалеко курганом 6 в Суцзуктэ: расположение гроба вдоль восточной стены, устройство деревянной гробницы и способ соединения бревен внутренней камеры «с остатком». Аналогичным образом была собрана деревянная гробница в кургане 22 (Сутягина, 2021, с. 282–283 рис. 4; Полосьмак, Богданов, 2015, с. 20 таб. XI, с. 21 рис. 1.16). При этом деревянное погребальное сооружение «Мокрого» кургана оказалась небольшим. Оно близко по размерам конструкции из кургана 20 и практически совпадает с деревянным сооружением кургана 6 могильника Оргойтон. С последним имеется сходство и в положении гроба вдоль восточной стены внутренней камеры (Николаев, Миняев, 2019, с. 113, 121).

Оформление гробницы

Несмотря на ограбление и частичное разрушение погребального сооружения, внешний вид находок и зафиксированная на момент раскопок топография позволяют атрибутировать часть найденных здесь предметов как остатки декора гробницы. Таковыми являют-

Рис. 3. Фрагмент шелкового покрытия войлочного ковра (ФО НА ИИМК РАН. Колл. А 1536/110. Нег. III 2861; по: Неизданный каталог…, 2023, с. 381 фото 272).
Fig 3. Fragment of the silk cover of the felt carpet (SA IHMC RAS Photographic Department. Collection A 1536/110. Imp. III 2861; according to: Unpublished catalogue…2023, p. 381 photo 272).

ся фрагменты войлочных ковров, узкие четырехугольные шелковые ленты и вышитые ткани в форме ромбов, золотые декоративные пластины и фрагмент лакированной доски с росписью.

Пол внутренней камеры был застелен войлочным ковром, от которого сохранились фрагменты вдоль стен и под гробом. С.А. Кондратьев отмечал наличие «…в орнаменте ковровой ткани рыси, грифоны, пятнистые олени» (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 3). Найденный в западном «коридоре» кусок ковра был украшен иначе: «Там есть обезьяна (?), какая-то хищная кошка и, по-видимому, медведь» (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55. Л. 1об.) (рис. 3). На основе описаний и фотографий 1920-х гг.[3] можно предположить, что речь идет об одном ковре, но разных его частях: аппликациях по периметру и декору шелкового покрытия центральной части (Неизданный каталог…2023, с. 380, 381, фото 271, 272).

На внутренней поверхности южной стены внешнего сруба прямо над уровнем пола была зафиксирована длинная шелковая лента с орнаментом в виде ромбов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 115об.; Неизданный каталог…, 2023, с. 131, рис. 9). Эта находка позволяет предположить полную или частичную драпировку стен шелком. Фрагменты такой же ткани лежали в восточном «коридоре» и во внутренней камере.

Установленный вдоль восточной стены внутренней камеры гроб сохранился плохо, однако в отчете была отмечен стандартный способ его сборки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 111). Участникам экспедиции удалось снять доски около северной подгробной опоры. Именно здесь сохранилась знаменитая роспись с изображением летящей птицы (рис. 4). Она являлась частью внешней поверхности пола гроба (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55. Л. 1об.). Большая часть треугольных и четырехугольных фрагментов вышитого шелка и золотых пластин лежали на полу внутренней камеры вдоль западной стенки гроба и внутри него (рис. 5). В полевом отчете отмечалось, что среди тканей попадались отдельные фрагменты со следами «вшитого в них пластинчатого золота» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 112об.).

Рис. 4. Фрагмент доски гроба с лакированным покрытием. Национальный музей Монголии. Фото автора
Fig 4. Fragment of the lacquered coffin board. The National Museum of Mongolia. Photo by author.

Расположение и сочетание перечисленных находок позволяют считать их также частью декора гроба. Рядом с ним лежала бронзовая позолоченная ручка для переноски.

В оформлении вертикальных и горизонтальных поверхностей деревянной гробницы кургана 1 использовались те же способы, что и в других захоронениях в Ноин-Уле. Внимание привлекают индивидуальные черты. Центральная часть лежавшего на полу внутренней камеры ковра была украшена изящным орнаментом в виде спиралей и покрыта полихромным китайским шелком. Это отличает найденное изделие от хорошо известной находки из кургана 6 и других захоронений хунну. Остатки драпировки стен шелковыми тканями, но с иным орнаментом, были прослежены *in situ* на вертикальных поверхностях гробниц в курганах 6 и 23 в пади Суцзуктэ. В последнем для этой цели могли использовать разные образцы ткани. Фрагменты шелковой драпировки стен внутренней камеры сохранились и в кургане 6 могильника Оргойтон (Николаев, Миняев, 2019, с. 119, 121).

Найденный в «Мокром» кургане гроб представляет собой пример сочетания разных материалов и техник в оформлении. Остатки лакированного гроба с шелковой внутренней обивкой были найдены в Ноин-улинском кургане 20 (Полосьмак и др., 2011, с. 73). Использование вышитого шелка в оформлении гроба было прослежено как в раскопанных Монголо-Тибетской экспедицией курганах, например в кургане 6, так и в ходе современных раскопок кургана 22. В последнем, как и в «Мокром» кургане, на тканях сохранились следы от аппликаций золотыми лентами. Украшение поверхности гроба с помощью золотых лент и четырехлистников, имитирующих решетку мобильного жилища,

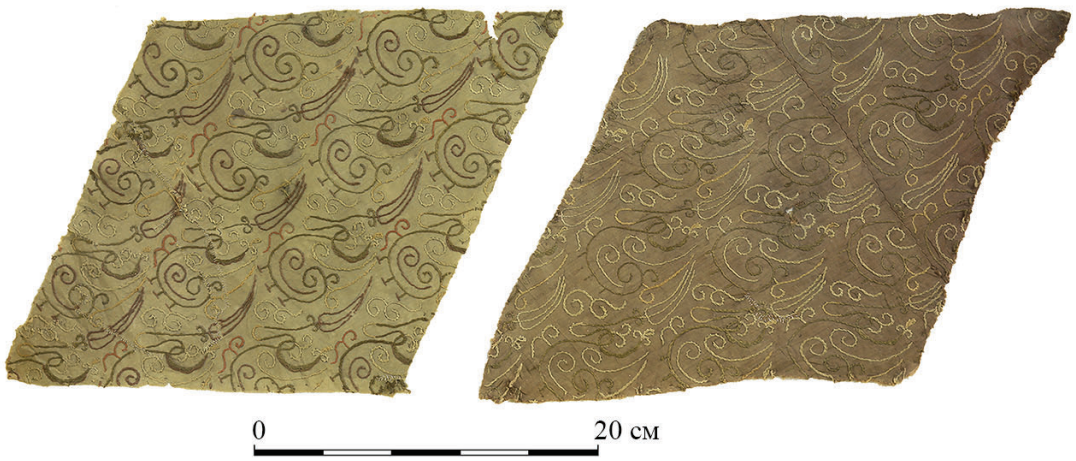

Рис. 5. Фрагменты шелковых тканей (по: Treasures…2011. P. 266, il. 395, 396).
Fig. 5. Fragments of the silk fabrics (according to: Treasures…2011. P. 266, il. 395, 396).

– хорошо известный прием, используемый не только в элитных захоронениях, но и в погребениях менее знатных кочевников (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 38–39). Можно предположить, что установленный в кургане 1 гроб собирали на месте из имеющихся материалов, соблюдая лишь внешний стандарт погребальной конструкции без учета художественной ценности исходных материалов.

Предметы сопроводительного инвентаря

Набор вещей в погребении знатного кочевника можно реконструировать на основе архивных документов и материалов коллекции находок из «Мокрого» кургана. Поскольку гробница подверглась ограблению и разрушению, то многие вещи были сломаны и сдвинуты с первоначальных мест, определенных обрядом. Однако зафиксированные в полевой описи указания на расположение находок в момент раскопок позволяют высказать некоторые наблюдения о топографии предметов внутри гробницы с учетом традиций размещения вещей в могилах хунну.

О наличии в захоронении китайской колесницы, которая часто использовалась в погребальной практике хунну, свидетельствуют фрагменты покрытых черным и красным лаком спиц (3 фр.) и бронзовые навершия спиц зонта (2 ед., 4 фр.) (Руденко, 1962, таб. XXXIII, *5*). По материалам полностью раскопанных курганов хунну известно, что колесницу устанавливали на одном из перекрытий могильной ямы. Поскольку в «Мокром» кургане заполнение ямы не исследовалось, то в коллекции представлены только отдельные детали. Навершия были обнаружены на полу около гроба и в западной части погребальной камеры, куда они попали из грабительского шурфа и в ходе дальнейшего разрушения стен внутренней камеры (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 114, 115, 115об.). Они представляют собой прямую трубку с шипом и четырехлистником в верхней части. Их точные аналоги происходят из Баллодовского кургана (Sutiagina, 2023, p. 65, fig. 9). Рядом с бронзовыми навершиями были найдены еще два предмета, которые предположительно можно отнести к деталям колесницы: массивное изделие в виде головы животного с открытой пастью и навершие более крупного размера с четырехугольным сечением втулки (Руденко, 1962, таб. XXXII, *2,* XXXIII, *4*). Подобные вещи не известны в других Ноин-улинских погребениях, однако в

Рис.6. Сосуд (по: Талын…, 2022, с. 56).
Fig. 6. A vessel (according to: Heritage…, 2022, p. 56).

кургане 1 могильника Гол Мод 2 была найдена серия похожих крупных наверший с четырехугольной втулкой (Эрдэнэбаатар и др., 2015, с. 99, 117).

Керамические сосуды традиционно находились в северной части гробницы (рис. 6). В северо-западном углу северного «коридора» стояла *in situ* целая большая урна с характерным волнистым орнаментом по плечикам и круглым отверстием у дна, внутри которого сохранились зерна растений[4] и уголь (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 112, 115; Талын…, 2022, с. 56). В северо-восточном углу был обнаружен «развал» второго сосуда. Согласно реконструкции С.А. Кондратьева, второй сосуд был не более 30 см высотой, имел сильно профилированную верхнюю часть, украшенную двойной линией по плечикам (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 54. Л. 3).

Волосы в шелковых футлярах, пустые футляры и отдельные пряди были собраны преимущественно в западном и восточном «коридорах». Несколько прядей и фрагментов футляров с нашитыми фестонами лежали в пределах внутренней камеры, куда предметы могли попасть из-за разрушенной западной

стены. По полевой документации и передаточным описям, составленным для Ученого комитета Монголии, в коллекции насчитывалось 26 предметов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 114–115, 115об.; 1926 г. Д. 107. Л. 133–135, 140, 141). Особенностью этого комплекса является наличие преимущественно прядей волос подобно Кондратьевскому кургану, а не заплетенных кос как в Ноин-улинском кургане 6 или кургане 7 в Цараме. Два погребальных флага были обнаружены в восточном «коридоре», фрагменты еще одного – в северной части внутренней камеры. Независимо интерпретации наличия отрезанных человеческих кос в дромосных гробницах хунну, нельзя исключать, что первоначально они были развешаны на стенах, а затем упали или были сорваны во время ограбления. Такое предположение можно сделать по аналогии с находками из кургана 7 могильника Царам, где косы были зафиксированы *in situ* на стенах внешнего сруба. Н.В. Полосьмак и Е.С. Богданов предполагали, что косы могли быть связаны с конской экипировкой (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 67).

Среди найденных в захоронении предметов лишь два можно отнести к конской упряжи. В западном «коридоре» вместе с косами был обнаружен бронзовый умбон, а в южной части гроба – изделие сердцевидной формы с тремя «ушками» (Руденко, 1962, рис. 26, *г, д*; Неизданный каталог…, 2023, с. 162, рис. 41; с. 196, рис. 79). Подобное изделие, происходящее из Ноин-улинского кургана 22, ранее атрибутировали как налобную бляху (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 57–58). На этом основании находки из кургана 1 и ее точную аналогию из Баллодовского кургана также можно считать конскими налобниками. В одном из писем С.А Кондратьев сообщал П.К. Козлову о найденных здесь «небольших медных полушариях непонятного назначения» (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55. Л. 2). Судя по описанию, это могли быть небольшие бляхи от сбруи, подобные находке в Ноин-улинском кургане 6 или в кургане 1 могильника Гол Мод 2 (Сутягина, 2021, с. 282, рис. 3а, *3,4*; Эрдэнэбаатар и др., 2015, с. 131). Однако ни фотографий, ни иных упоминаний этих вещей на данный момент не обнаружено.

Внутри гроба и на полу к западу от него лежали необработанные заготовки и обработанные нефритовые пластины (29 ед.) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 114). Последние различаются по цвету от светлых тонов до насыщенного зеленого и по форме: кольцо *би*, трапециевидные и прямоугольные пластины, полукруглые и когтевидые с просверленными отверстиями. На поверхности некоторых изделий виден прочерченный орнамент (Treasures…, 2011, p. 142 il. 183, 184, 144 il. 189). У нескольких предметов часть орнамента срезана. Перечисленные наблюдения позволяют предположить, что в погребение было положено не целое украшение, а отдельные пластины в качестве роскошных вещей для демонстрации статуса умершего. По количеству предметов этот набор уступает только коллекции нефритовых пластин из Баллодовского кургана, где было собрано тридцать три обработанных пластины (или их фрагментов) (Сутягина, Иванов, 2012, с. 441–447 рис. 1, 2). В других погребениях знати хунну количество нефритовых изделий меньше, хотя некоторые значительно превосходят по качеству (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 73–76; Эрдэнэбаатар и др., 2015, с. 149–151).

Небольшие фрагменты китайского красного лакового покрытия с темным орнаментом на деревянной основе были собраны в западной части внутренней камеры (Неизданный каталог…, 2023, с. 178 рис. 60; с. 397, фото 288) (рис. 7). Они могли быть частью гроба или сосуда, однако по сохранившимся лаковым чешуйкам уверенно определить форму предмета невозможно.

На полу внутренней камеры гробницы обнаружено множество кусков китайских шелковых тканей разного переплетения и орнаментов. Некоторые из них были атрибутированы как части одежды с подкладом. Интерес представляет найденный в восточном «коридоре» фрагмент однотонного светло-коричневого шелка, который в полевой описи определен как «кусок очень тонкого шелка с продавленными углублениями, в которых – шарики мучнистой консистенции» (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 7об.). Похожие вещи происходят из Ноин-улинского кургана 24. Чем именно были эти изделия в культуре хунну пока определить затруднительно.

Комплекс находок из кургана 1 демонстрирует довольно стандартный для элитного захоронения набор предметов сопроводительного инвентаря, включающий традиционные

Рис. 7. Фрагменты лакового покрытия (РО НА ИИМК РАН. Инв. № 5799. Р I. Оп. 1. Д. 776. Л. 109; по: Неизданный каталог…, 2023, с. 178 рис. 60).
Fig. 7. Fragments of the lacquered cover (SA IHMC RAS Manuscript Department. Inv. № 5799. Fund P I. Register 1. Folder 776. Page 109; according to: Unpublished catalogue…2023, p. 381 photo 272).

для культуры хунну и статусные импортные изделия. Прослеженная на основе полевой документации топография находок позволила обозначить некоторые закономерности в расположении вещей внутри погребальной камеры. В «коридорах» находились керамические сосуды, большая часть кос и отдельные детали конской упряжи. В пространстве внутренней камеры лежали фрагменты китайских лакированных изделий, нефритовые пластины, фрагменты шелковых изделий или отрезов тканей, т.е. дорогие импортные вещи. Обращение к типологии отдельных категорий находок позволяет увидеть, что в разные курганы могли быть положены одинаковые серийные вещи.

Заключение

Сохранившаяся разновременная полевая и учетно-хранительская документация об исследовании кургана 1 («Мокрого») дала возможность реконструировать детали погребальной конструкции и обряда, набор сопроводительного инвентаря и особенности распределения внутри сакрального пространства, сопоставить полученные данные с материалами Ноин-улинских курганов и синхронных элитных погребений хунну. Погребальное сооружение соответствует внешним стандартам элитного захоронения. Сопроводительный инвентарь включает импортные вещи и традиционные для культуры хунну предметы.

Общие черты погребального обряда кургана 1 и других дромосных захоронений Ноин-улинских курганов, близкие типы вещей и текстиля подтверждают ранее сделанный вывод о кратком периоде строительства больших курганов в Суцзуктэ в пределах нескольких десятков лет (Слюсаренко, Мыглан, 2017, с. 298–305). Серия индивидуальных признаков конструкции, ее убранства и предметного комплекса позволяет говорить об особенностях каждого захоронения при внешнем единообразии и стандартизации погребального обряда знати хунну в конце I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.

Примечания:

[1] Предметы сопроводительного инвентаря из кургана 1 хранятся в Национальном музее Монголии и ‘экспонируются в Национальном музее «Чингисхан» в г. Улан-Баторе.

[2] Пространство между стенами внешнего сруба и внутренней камеры деревянной гробницы.

[3] В публикации С.И. Руденко изображение ковра ошибочно связано с Кондратьевским курганом (Руденко, 1962, таб. XL). Принадлежность этого предмета к комплексу кургана 1 определена по архивным документам.

[4] Данные образцы были предварительно определены как зерна Проса обыкновенного (Panicum Miliaceum) в ходе исследований С.В. Панковой (Государственный Эрмитаж) и Н.В. Васильевой (Государственный Эрмитаж) в рамках проекта по изучению материалов Оглахтинского могильника.

ЛИТЕРАТУРА

Агапитова (Сутягина) Н.А. «Там можно будет сохранить коллекции в целом, не разделяя их…» Официальные документы о перемещениях и передачах ноин-улинской коллекции // СГЭ. Т. LXXXII / Ред. М.В. Балан и др. СПб: ГЭ, 2024. С. 180–186.

Доржсурэн Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол (1954–1957 гг.) // Монгольский археологический сборник / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1962. С. 36–44.

Елихина Ю.И. Эрмитаж дахь Ноён-уулын эрдэнэс. П.К. Козловын шинжилгээний анги 1924–1926 (Сокровища Ноин-улинских курганов из собрания Эрмитажа. Находки экспедиции П.К. Козлова 1924–1926 гг.). Улаанбаатар, 2017. 368 с. (на монг.яз.)

Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Науч. ред. Е.И. Кычанов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 404 с.

Козлов П.К. Северная Монголия – Ноин-Улинские памятники // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П.К. Козлова / Ред. С.Ф. Ольденбург. Л.: АН СССР, 1925. С. 1–12.

Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2008. 98 с.

Медведева М.В. Подготовка издания археологической коллекции Монголо-Тибетской экспедиции во второй половине 1920-х гг. в Академии истории материальной культуры: этапы, участники и проблемы // Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. / Архивное наследие ИИМК РАН. Т. II / Отв. ред. М.В. Медведева, Н.А. Сутягина, Н. Эрдэнэ-Очир. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 59–88.

Миняев С.С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 49–58.

Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. / Архивное наследие ИИМК РАН. Т. II / Отв. ред. М.В. Медведева, Н.А. Сутягина, Н. Эрдэнэ-Очир. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 420 с.

Николаев Н.Н., Миняев С.С. Некоторые результаты исследования «княжеского кургана» хунну на могильнике Оргойтон // АСГЭ. Вып. 42 / Науч. ред. Б.С. Короткевич. СПб.: ГЭ, 2019. С. 110–123.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Часть 1. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2015. 136 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: АН СССР, 1962. 206 с.

Слюсаренко И.Ю., Мыглан В.С. Дендрохронологический анализ погребальных конструкций из курганов хунну в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы / Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 297–305.

Сутягина Н.А. Новые сведения о раскопках кургана № 6 («Верхнего») на севере Монголии в горах Ноин-Ула // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посв. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Труды ИИМК РАН. Т. LVII / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб: ИИМК РАН, 2021. С. 278–293.

Сутягина Н.А. Археологическая коллекция Монголо-Тибетской экспедиции в 1920–1930-е гг.: задачи, идеи, решения // Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. / Архивное наследие ИИМК РАН. Т. II / Отв. ред. М.В. Медведева, Н.А. Сутягина, Н. Эрдэнэ-Очир. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 15–58.

Сутягина Н.А., Иванов Г.Л. Нефритовые изделия из коллекции Баллодовского кургана (по материалам Иркутского областного краеведческого музея) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3. Материалы III Междунар. научн. конф. Т. 2 / Ред. Д. Тумэн, М. Эрдэнэ, Э. Мижиддорж Улан-Батор: МонГУ, 2012. С. 441–447.

Талын язгуурнтны өв соёл (Наследие степной знати) / Отв. ред. С. Чулуун, Ж.Баярсайхан. Улаанбаатар: Чингис хаан музей, 2022. (на монг. яз.)

Хүннү. Эзэнт гүрний дүрслэх урлаг (The Xiongnu, art of an Empire) / Отв. ред. Г. Эрэгзэн, Ну Мён гу. Улаанбаатар. 2020. (на монг. яз.)

Эрдэнэбаатар Д., Идэрханай Т., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С., Батболд Н., Галдбадрах Б., Маратхаан А. Балгасын тал дахь Гол Мод-2-ын хүннүгийн язгуартны булшны судалгаа. Улаанбаатар, 2015. (на монг. яз.)

Эрдэнэ-Очир Н.-О., Сутягина Н.А. Планы могильных полей в падях Цзурумтэ, Суцзуктэ и Гуджиртэ (Ноин-Ула, Монголия) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т.34, № 2. С. 207–227.

Sutiagina N.A. The Ballod kurgan. Research methods and the reconstruction of the funeral rite // Studia Archaeologica. 2023. T. XLII. Fasc. 5. P. 49–68.

Treasures of Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia (Хүннүгийн өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү гүрний соёл). Ulaanbaatar, 2011. (на англ. яз.)

Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: Printing-house J. Fedorov, 1932. 76 p.

Umehara S. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia. Tokyo: The Toyo Bunko publications, 1960. 301 p.

Информация об авторе:

Агапитова (Сутягина) Наталья Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, хранитель коллекций археологических памятников древней и средневековой Монголии, Тувы и Забайкалья, Отдел Востока Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); na.agapit@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281

REFERENCES

Agapitova (Sutiagina), N. A. 2024. In Balan, M. V. et al. (eds.). *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* LXXXII. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 180–186 (in Russian).

Dorjsuren, Ts. 1962. In Kiselev, S. V. (ed.). *Mongolskii arkheologicheskii sbornik (Mongolian archaeological almanac).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Elikhina, Yu. I. 2017. *Ermitazh dakh Noen-uulyn erdenes. P.K. Kozlovyn shinzhilgeenii angi 1924–1926 (Treasures of the Noyon-Uul barrows in the State Hermitage Museum collection. Some finds from the expedition led by P.K. Kozlov 1924–1926).* Ulaanbaatar (in Mongolian).

Kychanov, E. I. (ed.). 2006. *Zhizn i nauchnaia deiatelnost S.A. Kondrateva (1896–1970): v Mongolii i v Rossii (Life and scientific activities of S.A. Kondratiev (1986–1970) in Mongolia and Russia).* Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Kozlov, P. K. 1925. Oldenburg, S. F. (ed.). *Kratkie otchety ekspeditsii po issledovaniiu Severnoi Mongolii v sviazi s Mongolo-Tibetskoi Ekspeditsiei P.K. Kozlova (Summary Reports of Expeditions for the Exploration of Northern Mongolia in Connection with the Mongol-Tibetan Expedition by P.K. Kozlov).* Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 1–12 (in Russian).

Konovalov, P. B. 2008. *Usypalnitsa khunnskogo kniazia v Sudzhi (Ilmovaia pad, Zabaikale) (The tomb of a Xiongnu Prince in Sudzha (Ilmovaya pad, Transbaikalia)).* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Medvedeva, M. V. 2023. In Medvedeva, M. V., Sutyagina, N. A., Erdene-Ochir, N. (eds.). *Neizdannyi katalog noin-ulinskoi kollektsii. Arkhivnye materialy. 1920–1930-e gg. (Unpublished Catalogue of The Noin-Ula Collection. Archival Materials. 1920–1930-s).* Series: Arkhivnoe nasledie IIMK RAN (Archival heritage of IHMC, RAS) Vol. 2 Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 59–88 (in Russian).

Minyaev, S. S. 2009. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) 37* (2), 49–58 (in Russian).

Medvedeva, M. V., Sutyagina, N. A., Erdene-Ochir, N. (eds.). 2023. *Neizdannyi katalog noin-ulinskoi kollektsii. Arkhivnye materialy. 1920–1930-e gg. (Unpublished Catalogue Of The Noin-Ula Collection. Archival Materials. 1920–1930-s).* Series: Arkhivnoe nasledie IIMK RAN (Archival heritage of IHMC, RAS) Vol. 2 Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Nikolaev, N. N., Miniaev, S. S. 2019. In Korotkevich, B. S. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 42. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 110–123 (in Russian).

Polos'mak, N. V., Bogdanov, E. S. 2015. *Kurgany Sudzukte (Noin-Ula, Mongoliya)* (*Burial Mounds of Sudzukte (Noin-Ula, Mongolia*). Part 1. Novosibirsk: "INFOLIO" Publ. (in Russian).

Polos'mak, N. V., Bogdanov, E. S., Tseveendorge, D. 2011. *Dvadtsatyi noin-ulinskii kurgan (The Twentieth Noin-Ula Mound).* Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1962. *Kul'tura khunnov i noin-ulinskie kurgany* (*Xiongnu culture and Noin-Ula burial mounds)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., (in Russian).

Slyusarenko, I. Yu., Myglan, V. S. 2017. In Molodin, V. I. Khansen, S. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye metody v arkheologii: noveyshie itogi i perspektivy (Multidisciplinary Methods in Archaeology: latest updates and outlook)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 297–305 (in Russian).

Sutyagina, N. A. 2021. In Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sb. nauch. st., posv. 80-letiyu professora D.G. Savinova (The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography)*. Series: Trudy IIMK RAN (Proceedings of IHMC RAS). Vol. LVII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 278–293 (in Russian).

Sutyagina, N. A. 2023. In Medvedeva, M. V., Sutyagina, N. A., Erdene-Ochir, N. (eds.). *Neizdannyi katalog noin-ulinskoi kollektsii. Arkhivnye materialy. 1920–1930-e gg. (Unpublished Catalogue Of The Noin-Ula Collection. Archival Materials. 1920–1930-s).* Series: Arkhivnoe nasledie IIMK RAN (Archival heritage of IHMC, RAS) Vol. 2 Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 15–58 (in Russian).

Sutyagina, N. A., Ivanov, G. L. 2012. In Tumen, D., Erdene, M., Mizhiddorzh, E. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)* 3. Ulan-Bator: Mongolian State University Publ., 441–447 (in Russian).

Chuulun, S., Bayarsayhan, J. (ed.) 2022. *The Heritage of the Steppe Nobility*. Ulaanbaatar: Chinggis Khaan Museum (in Mongolian)

Eregzen, G., Nu Men gu (ed.). 2020. *The Xiongnu, art of an Empire*. (in Mongolian)

Erdenbaatar, D., Iderkhangai, T., Mijiddorj, E., Orgilbayar, S., Batbold, N., Galbadrakh, B., Maratkhaan, A. 2015. *Investigation of Xiongnu Elite Burials GolMod-2 at Balgasyn Tal)*. Ulaanbaatar (in Mongolian)

Erdene-Ochir, N.-O., Sutiagina, N.A. 2022. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 34 (2), 207–227 (in Russian).

Sutiagina, N. A. In 2023. *Studia Archaeologica*. T. XLII. Fasc. 5. P. 49–68. (in Russian)

Treasures of Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia (Хүннүгийн өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү гүрний соёл). Ulaanbaatar, 2011.

Trever, K. 1932. *Excavation in Northern Mongolia (1924–1925)*. Leningrad: Printing-house J. Fedorov (in English)

Umehara, S. 1960. *Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia*. Tokyo: The Toyo Bunko publications.

About the Author:

Agapitova (Sutyagina) Natalia A., Candidate of Historical Sciences, The State Hermitage Museum, Russia, St Petersburg, Dvortsovaya emb., 34, na.agapit@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281

Статья поступила в журнал 09.12.2025 г.
Статья принята к публикации 16.03.2026. г.

УДК 902.64 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.152.167

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИИ НОЖЕК АМФОР ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ[1]

© 2026 г. В.П. Колосов, А.А. Гиблова

Хронологическая атрибуция фрагментированных ножек амфор Гераклеи Понтийской на практике затруднена из-за высокой вариативности форм и ограничений существующих типологий. В статье представлены результаты комплексного исследования 189 целых амфор с применением методов геометрической морфометрии и статистического анализа. Критический пересмотр прежних схем выявил существенные ограничения имеющихся в науке представлений. Индуктивный анализ эмпирических данных дал адекватное отражение реально наблюдаемой вариативности форм сосудов и их ножек. Исследование выявило устойчивые закономерности эволюции форм ножек от ранних к поздним типам, что позволило уточнить хронологические ориентиры. Практическая значимость работы заключается в создании инструмента для более точной датировки фрагментированных амфор.

Ключевые слова: археология, Гераклея Понтийская, амфорные ножки, геометрическая морфометрия, типология.

STATISTICAL ANALYSIS OF THE MORPHOLOGY OF AMPHORAE FEETS FROM HERACLEA PONTICA[2]

V.P. Kolosov, A.A. Giblova

The chronological attribution of fragmented amphorae feets from Heraclea Pontica is difficult in practice due to the high variability of shapes and the limitations of existing typologies. This paper deals with the results of a comprehensive study of 189 intact amphorae using geometric morphometrics and statistical analysis. A critical review of previous schemes revealed significant limitations of the concepts available in science. An inductive analysis of empirical data provided an adequate reflection of the actual observed variability in vessels and their foot shapes. The study identified stable patterns in the evolution of foot shapes from early to late types, which made it possible to clarify chronological points. The practical significance of this work lies in working out a procedure for more accurate dating of fragmented amphorae.

Keywords: archaeology, Heraclea Pontica, amphorea feets, geometric morphometrics, typology.

Тарные амфоры, центром производства которых традиционно считается Гераклея Понтийская, широко представлены в материалах памятников Северного Причерноморья. Их массовое распространение сделало эти сосуды важным объектом археологических исследований. Первая систематизация данной группы керамики была предпринята Б. Н. Граковым, который в 1926 г. определил Гераклею Понтийскую как основной центр производства этих амфор и выделил две группы клейм (Граков, 1926). Значительный вклад в изучение типологии внесла И. Б. Зеест, предложившая в 1948-1960 гг. классификацию из пяти типов (Зеест, 1948, 1960). Дальнейшее развитие типологии связано с работами И. Б. Брашинского (Брашинский, 1980, с. 22–25; 1984, с. 18-20). Исследователь пересмотрел морфологические группы, выделенные И. Б. Зеест, предложив новую группировку, добавив к существующей типологии еще два типа. Наиболее современная и детализированная типологическая схема была разработана С. Ю. Монаховым, который считается признанным современным специалистом по морфологии и хронологии античных амфор доримской эпохи (Монахов, 2003). В его системе амфоры разделены на

[1] Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00811 «Возможности применения многомерной статистики и геометрической морфометрии для разработки типологии античных керамических сосудов (на примере амфор Гераклеи Понтийской)».

[2] The work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00811 "Possibilities of using multidimensional statistics and geometric morphometry to develop a typology of Classical era pottery (using the example of the amphorae of Heraclea of Pontica)".

четыре основных типа: тип I (пифоидный) – характеризуется округлой формой тулова, с подтипом I-A, отличающимся увеличенной высотой и уменьшенным диаметром; тип II (конический) – имеет тулово, приближающееся в сечении к конусу, с эволюционным подтипом II-A; тип III (биконический) – по форме близок к амфорам фасосского производства; тип IV («джаферки») – представляет собой подражание керамике Книда и Коса (Монахов, 2003, с. 123-143)[1]. В наших недавних работах с применением статистических методов было показано разделение всей совокупности амфор на две эволюционные линии: основную (типы I, I-A, II) и биконическую (типы III и II-A). Нам удалось количественно подтвердить высказывавшееся ранее мнение (Монахов, 2003, с. 123 и далее), что хронологические изменения в обеих линиях направлены на постепенную эволюцию от приземистых форм к более стройным, и продемонстрировать на графиках непрерывность этого процесса (Колосов, Гиблова, 2025).

Хронологическая атрибуция сосудов по-прежнему представляет сложность для исследователей, не специализирующихся на данной группе керамики. Это связано с высокой вариативностью форм и отсутствием чётких критериев определения значимых признаков. Особые трудности возникают при работе с фрагментированным материалом, в частности с профильными фрагментами амфор, что особенно актуально в полевых условиях.

В современной научной литературе существует ряд исследований, посвященных морфологии амфорной тары, которые могут быть полезны в практической работе археологов. Одним из основополагающих трудов по типологии амфор Северного Причерноморья является работа С. Ю. Монахова (Монахов, 2003), систематизировавшая формы сосудов и их хронологию. Однако данное исследование сосредоточено преимущественно на анализе целых экземпляров, вследствие чего морфология отдельных профильных частей остается недостаточно разработанной.

Более специализированный подход демонстрирует работа А. П. Абрамова (Абрамов, 1993), в которой была предпринята не совсем удачная попытка создания систематизированного определителя профильных частей различных типов античных амфор (о критике данного подхода см.: Монахов, 1999, с. 12). К сожалению, несмотря на наличие описательных дефиниций и иллюстративного материала, приведённые примеры венцов и ножек не отражают всего спектра их изменчивости. Это снижает практическую ценность работы для идентификации редких или переходных форм. Сопоставление фрагментированных материалов с типологией целых форм, предложенной И. Б. Брашинским, по мнению автора, невозможно из-за недостатка данных (Абрамов, 1993, с. 38).

Помимо специализированных исследований по типологии амфор, важные данные об эволюции форм амфорной тары содержатся в работах, посвящённых более широким проблемам античной археологии. В частности, в диссертации Г. А. Ломтадзе, где рассматривается античный импорт на Боспоре, представлена типология гераклейских амфор, включающая описание морфологии ножек и их хронологическую атрибуцию (Ломтадзе, 2005, с. 44–48). Однако отсутствие подробной характеристики эмпирической базы и методов анализа ограничивает возможности использования этих выводов в практической работе[2].

Таким образом, несмотря на длительную историю изучения и ряд успешных исследований, для работы с фрагментированным материалом не существует простого и доступного алгоритма атрибуции, удобного в практическом применении. Для создания такого алгоритма требуется не только описание наиболее распространенных форм, но и определение статистических параметров их изменчивости с применением математических инструментов. Эффективность данного подхода была показана при анализе морфологии целых амфор Гераклеи Понтийской, когда в результате был предложен алгоритм по датированию неклеймёных сосудов (Колосов, Гиблова, 2023, 2025).

Целью данного исследования является поиск корреляции между временем производства и морфологией ножек гераклейских амфор. В качестве хронологических маркеров сосудов были использованы амфорные клейма.

В задачи исследования входило: 1) критический анализ существующих схем типологии ножек и определение основных устойчивых форм; 2) анализ взаимосвязи между морфологией ножек и общей типологией сосудов;

3) выявление маркеров для хронологической атрибуции.

Материалами для анализа послужили амфорные коллекции ряда российских музеев, публикация которых стала результатом работы коллектива Саратовского Госуниверситета под руководством С. Ю. Монахова. Изданные авторами каталоги представляют собой масштабный проект по систематизации данных и демонстрируют актуальную версию типологии, хронологии и атрибуции центров производства понтийской керамики. В рамках данной работы мы всецело полагаемся на предложенную в этих каталогах атрибуцию сосудов, как по морфологическим характеристикам, так и по керамической эпиграфике[3]. Хронологическая привязка также осуществлялась нами на основе системы, использованной в указанных каталогах и восходящей к классификации В.И. Каца (Кац, 2007). Важно подчеркнуть, что предметом настоящего исследования является не пересмотр атрибуции или хронологии, а исключительно анализ морфологической изменчивости сосудов и их элементов для апробации современных методов анализа[4].

Все измерения проводились по профильным изображениям амфор, опубликованным в указанных выше каталогах. Данные чертежи выполнены в едином стандарте, снабжены масштабной линейкой и имеют допустимую точность для морфометрического анализа. Возможную незначительную погрешность, связанную с графической фиксацией, можно считать допустимой при работе с массовым керамическим материалом.

Анализ вариации форм методами геометрической морфометрии реализован посредством расстановки меток на изображениях электронным дигитайзером TpsDig2 (Rohlf, 2015). Затем в программе MorphoJ (Klingenberg, 2011) проводился обобщенный Прокрустов анализ, полученные в результате прокрустовы координаты объектов далее анализировались с помощью метода главных компонент (ГК). Используемый набор бесплатных программ хорошо зарекомендовал себя в биологических (Васильев и др., 2018), антропологических (Громов, Казарницкий, 2022; Казарницкий и др. 2021) и археологических исследованиях (Демичева и др. 2024), посвященных изучению вариации объектов сложной формы. Результаты анализа ГК демонстрируются в виде графиков, для построения которых использовался пакет программ Statistica 12.0.

Типология амфорных ножек тесно связана с типологическими схемами развития целых форм. В работе А. П. Абрамова представлена следующая морфология ножек (Абрамов, 1993, с. 39, 101): 1) два варианта формы ножек расширяющихся к низу, диаметром 54-57 мм, соответствующих основным типам амфор I, I-A[5], которые автор датирует первой половиной IV в. до н.э. (рис. 1: 1, 2); 2) форма, сходная с ножками фасосских амфор (далее в тексте – псевдофасосская), диаметром 54 мм, соответствующая типу III (дата не указана) (рис. 1: 3); 3) «практически цилиндрическая», диаметром 44-46 мм, соответствующая типу II-A, датирована исследователем второй половиной IV–началом III вв. до н.э.(рис. 1: 4). Типы сосудов исследователь указывает на основе типологии И. Б. Брашинского.

В работе Г. А. Ломтадзе приведены схожие определения с более детальной хронологической разбивкой (Ломтадзе, 2005, с. 45-48): для типа I диаметр 56-66 мм (первая–начало второй четверти IV в. до н.э.), для типа I-A диаметр 45-56 мм (вторая четверть IV в. до н.э.), для типа II диаметр 40-45 мм (середина–третья четверть IV в. до н.э.), для типа III диаметр 54 мм (середина–третья четверть IV в. до н.э.), для типа II-A диаметр 40 мм и менее (последняя четверть IV–начало III вв. до н.э.). Типы были даны также по И. Б. Брашинскому.

При анализе этих данных следует обратить внимание на ряд важных моментов:

Во-первых, существенным ограничением в обеих работах является отсутствие описания выборки. Дифференциация диаметров ножек типов I и I-A существенно различаются: 54-57 мм у А. П. Абрамова и 45-66 мм у Г. А. Ломтадзе, и наоборот – у обоих исследователей для псевдофасосских ножек указан очень определенный размер (54 мм), по всей видимости, почерпнутый из одного источника. Но поскольку эмпирическая база, на которой основаны выводы, не приводится, верифицировать приводимые данные исследователей невозможно.

Во-вторых, предлагаемые схемы создают впечатление строгой дифференциации, не учитывая промежуточных или аномальных вариантов. В работе А. П. Абрамова указан пункт 3.32: «для случаев, когда морфологиче-

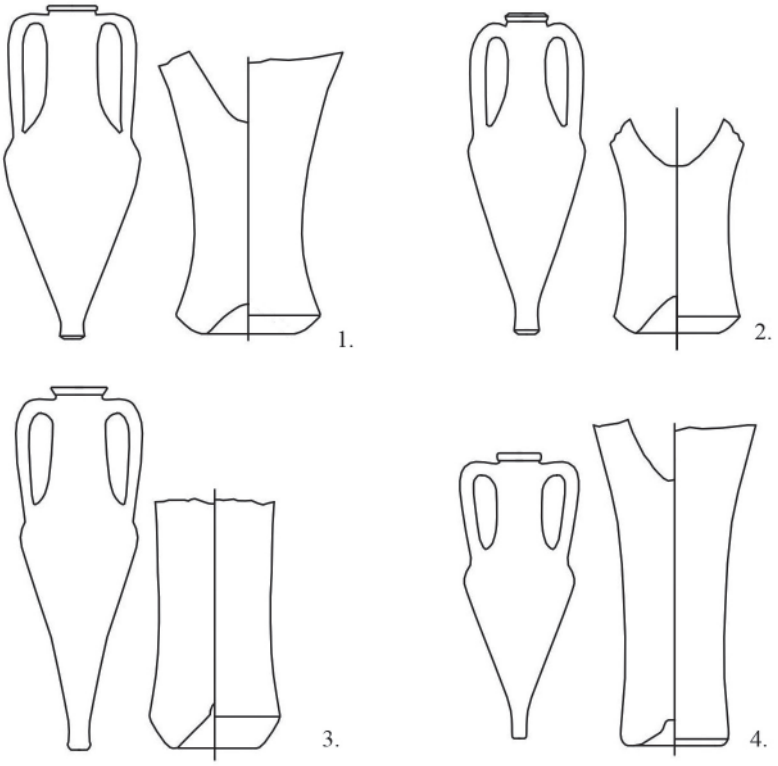

Рис. 1. Морфология ножек по А.П. Абрамову (Абрамов, 1993,с. 101):
1. – тип I; 2. – тип I-A; 3. – тип III; 4. – тип II-A.
Fig. 1. Morphology of amphorae feets according to A.P. Abramov (Abramov, 1993. P. 101):
1 – type I; 2 – type I-A; 3 – type III; 4 – type II-A.

ские или метрические признаки не позволяют отнести ножку однозначно к тому или иному варианту» (Абрамов, 1993, с. 39). Для полноценного анализа необходимо понимание статистической вероятности таких случаев, а также степени естественной вариативности форм в пределах типологических норм.

В-третьих, несмотря на небольшие различия, в обоих исследованиях фактически описываются три основные морфологические формы: расширяющаяся, цилиндрическая и псевдофасосская. Если псевдофасосская форма определяется относительно легко, то разграничение между цилиндрической и расширяющейся формами может вызывать сложности, поскольку крайние варианты расширяющейся формы приближаются к цилиндрической, а диапазоны вариации абсолютных размеров (диаметров) ножек могут перекрываться.

С учетом указанных замечаний в предлагаемом нами исследовании анализируется выборка, состоящая из 189 целых сосудов. Несмотря на то, что количество фрагментированных ножек, обнаруживаемых в ходе полевых сезонов на археологических памятниках, исчисляется тысячами, в данной работе объем выборки сознательно ограничен целыми экземплярами. Это ограничение компенсируется возможностью сопоставления морфологических особенностей ножек с типологией сосудов и хронологией клейм.

Анализ исследуемой выборки амфор показал существенную вариативность форм ножек даже в рамках чётко дифференцированных типов. Это несколько противоречит их жёсткой классификации в существующих типологиях (рис. 2). Например, показателен случай амфор типа I: обнаруженные экземпляры (рис. 2: 1, 2) существенно отличаются по профилю от формы, представленной в работе А. П. Абрамова (рис. 1: 1). Аналогичная картина наблюдается и для других типов: для типа I-A (рис. 2: 3), а также для типа II, где зафиксирован необычайно широкий морфологический диапазон (рис. 2: 4–6). Особого внимания заслуживают биконические амфоры: вопреки традиционному мнению,

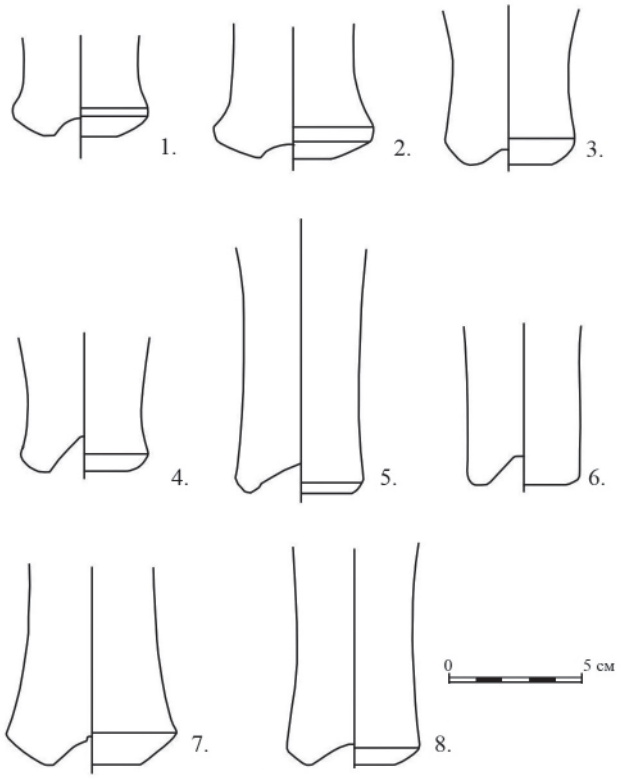

Рис. 2. Морфологическое разнообразие ножек (номера по: Колосов, Гиблова, 2025): тип I: 1 (№ 38), 2 (№ 11), тип I-A: 3 (№ 50); тип II: 4 (№ 64), 5 (№ 68), 6 (№ 166); тип III: 7 (№ 159), 8 (№ 184).
Fig. 2. Morphological diversity of amphorae feets (item numbers according to: Kolosov, Giblova, 2025): type I: 1 (No. 38), 2 (No. 11); type I-A: 3 (No. 50); type II: 4 (No. 64), 5 (No. 68), 6 (No. 166); type III: 7 (No. 159), 8 (No. 184).

в выборке имеются примеры данного типа не только с псевдофасосскими ножками, но также с высокими расширяющимися ножками и близкими к цилиндрической форме (рис. 2: 7–8)[6].

Кроме того, расширяющиеся ножки с так называемым «двойным ребром»[7] в ряде случаев имеют некоторое сходство с псевдофасосскими (рис. 2: 2). Среди расширяющихся экземпляров дополнительно выделяются удлинённые, вплоть до форм, близких к цилиндрическим. Амфоры типа II-A, характеризующиеся цилиндрическими ножками небольшого диаметра, которые, тем не менее, варьируют от формы цилиндра до небольшой конусообразности, в связи с чем они имеют сходство с расширяющимися образцами основной типологической линии.

Эти примеры наглядно демонстрируют расхождение между естественной вариативностью и жесткими типологическими схемами. Таким образом, при отсутствии возможности сопоставления ножек с целой амфорой (как в данной выборке), ориентация на эталонные образцы может привести к ошибочной атрибуции.

Связь между морфологией ножек и типами амфор можно проследить по распределению на графике, построенном с учетом морфологических характеристик сосудов. Основой послужил анализ формы целых амфор, выполненный с применением методов геометрической морфометрии (далее в тексте – ГМ) (рис. 3)[8]. Классификация форм ножек для следующего графика осуществлялась на основе визуального анализа, что, несмотря на определенную долю субъективности, позволило выявить устойчивые закономерности (рис. 4). Результат показывает связь формы ножек с эволюцией амфор, частично подтверждая типологическую схему, изложенную в указанных выше работах: расширяющиеся соответствуют типам I, I-A и II, псевдофасосские ножки характерны для амфор биконической формы (тип III), а цилиндрические – для амфор типа II-A.

Проведённый анализ позволяет теперь уточнить эволюционные изменения формы ножек в рамках представленной типологии. Среди

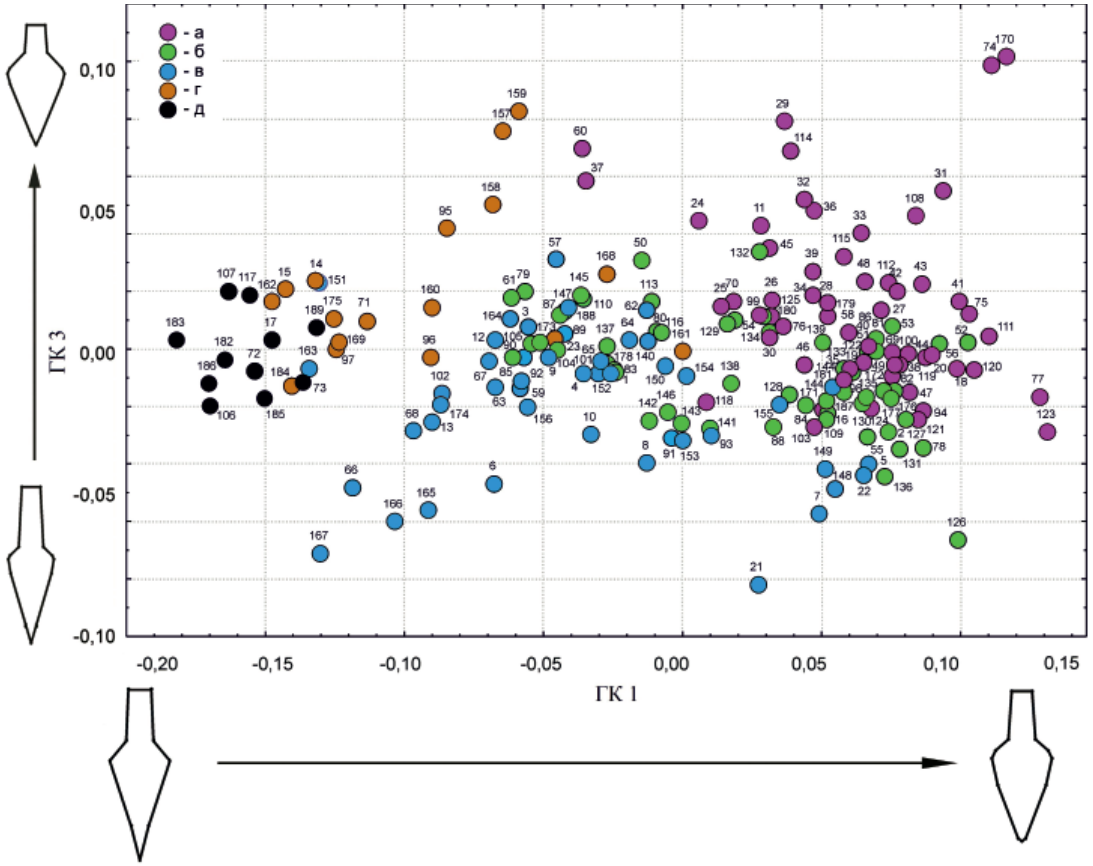

Рис. 3. Результаты анализа формы амфор по ГМ. Распределение амфор в пространстве 1 и 3-й главных компонент (ГК 1 и ГК 3). Определение типов по С.Ю. Монахову: а – тип I; б – тип I-A; в – тип II; г – III; д – II-A (по: Колосов, Гиблова, 2025, рис. 5).

Fig. 3. Results of the amphorae shapes analysis using Geometric Morphometrics (GM). Distribution of amphorae in the space of the 1st and 3d principal components (PC1 and PC3). Type identification according to S.Yu. Monakhov: а – type I; б – type I-A; в – type II; г – type III; д – type II-A (according to: Kolosov, Giblova, 2025, fig. 5).

расширяющихся ножек образцы с «двойным ребром» встречаются в основном среди сосудов I-го типа. Расширяющиеся удлиненные ножки присутствуют у амфор типа II, при этом у амфор более стройных пропорций их доля существенно выше, а ножки, вытянутые до формы цилиндра, принадлежат наиболее стройным сосудам.

В линии биконических амфор наблюдается постепенное изменение формы ножек от псевдофасосских к цилиндрическим, соответствующее переходу от амфор типа III к сосудам типа II-A. Хотя большинство биконических сосудов типа III сохраняют псевдофасосские ножки, некоторые экземпляры (рис. 4: ж) демонстрируют переходные формы с цилиндрическими или слабо расширяющимися ножками, занимая промежуточное положение между сосудами типов III и II-A. Дальнейшая эволюция в этой группе приводит к появлению высоких расширяющихся ножек у амфор типа II-A (рис. 4: и), что отражает общую тенденцию к увеличению стройности пропорций. Этот процесс носит постепенный характер, подтверждая плавность морфологических изменений в рамках эволюционного развития форм.

Особое внимание стоит обратить на конвергенцию форм: крайние варианты расширяющихся ножек типа II (рис. 4: е) и ножки близкие к цилиндрическим (рис. 4: г) морфологически сближаются с цилиндрическими ножками типа II-A (рис. 4: з). Другими словами, амфоры разных эволюционных линий в ряде случаев имеют ножки сходных форм.

Таким образом, анализ отражает как основные направления эволюции форм ножек, так и существующие отклонения от типологических норм. Очевидно, что амфоры основной линии (типы I, I-A, II), характеризуются

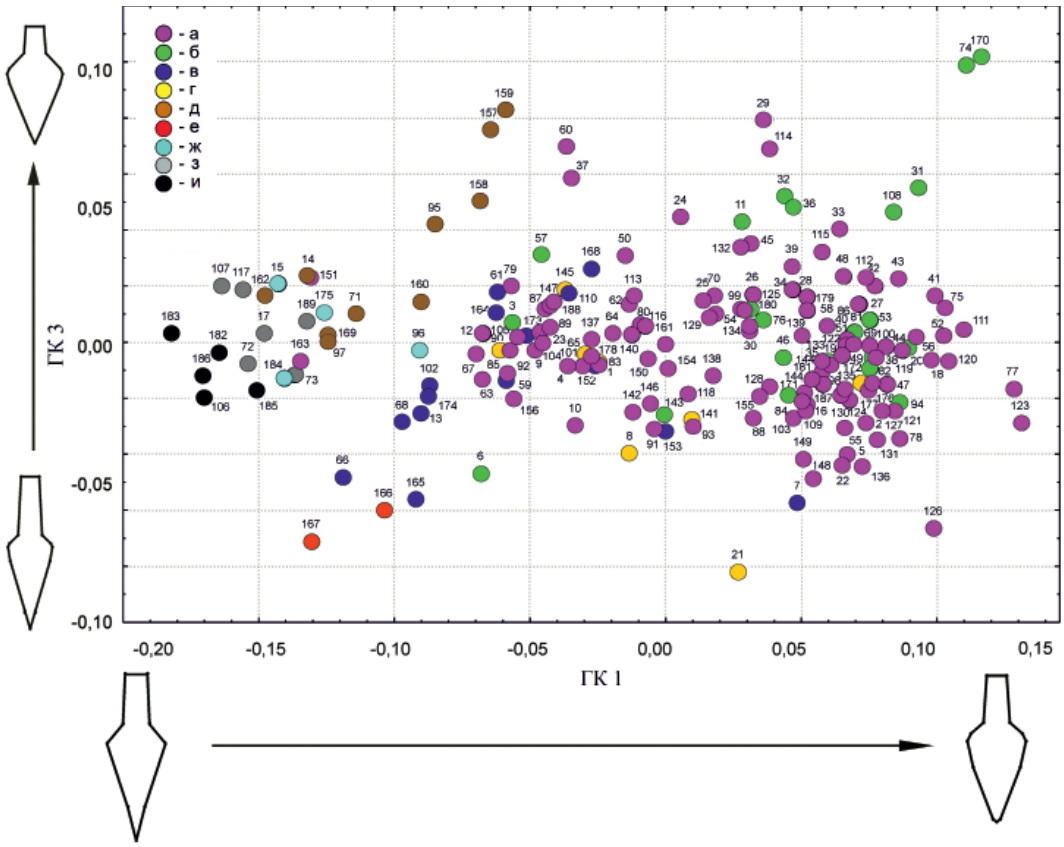

Рис. 4. Морфология ножек: а – расширяющиеся; б – расширяющиеся с двойным ребром; в – расширяющиеся высокие; г – расширяющиеся близкие к цилиндрическим; д – псевдофасосские; е – расширяющиеся очень высокие (близкие к цилиндрическим); ж – расширяющиеся, высокие (тип III); з – цилиндрические; и – расширяющиеся, высокие (тип II-А). Номера по: Колосов, Гиблова, 2025.

Fig. 4. Morphology of amphora feet: а – flaring; б – flaring with a double ridge; в – tall flaring; г – flaring, close to cylindrical; д – pseudo-Thasian; е – very tall flaring (close to cylindrical); ж – tall flaring (type III); з – cylindrical; и – tall flaring (type II-A). Item numbers according to: Kolosov, Giblova, 2025.

расширяющимися ножками, которые, как и сосуды, в своем развитии демонстрируют вытягивание вертикальных пропорций.

Для получения более детальной дифференциации требовалось проследить изменение этих пропорций хронологически и оценить различия в характеристиках для конвергентных форм. Поэтому для следующего анализа в качестве признаков был использован максимально широкий спектр доступных измерений (рис. 5: 1):

Максимальная ширина ($d_н$): наибольший горизонтальный диаметр (ширина) профиля ножки, определяемый в нижней части у основания.

Минимальная ширина ($d_{нmin}$): наименьший горизонтальный диаметр (ширина) профиля ножки, фиксируемый в зоне перехода в тулово сосуда («перехват»).

Высота ($h_н$): вертикальное расстояние по оси сосуда между линиями фиксации $d_{нmin}$ и $d_н$. Измерение производится строго по вертикальной оси.

Угол при основании (α): угол между линией, соответствующей уровню фиксации $d_н$, и прямой, соединяющей точки фиксации $d_н$ (основание) и $d_{нmin}$ (перехват).

В указанной системе признаков для обеспечения воспроизводимости и упрощения массового анализа сложный профиль ножки был описан геометрической моделью трапеции. В рамках данной модели измеряются её основания ($d_н$ и $d_{нmin}$), высота ($h_н$) и угол при нижнем основании (α). Следует отметить, что определение высоты $h_н$ сопряжено с методической сложностью при неявном или асимметричном характере зоны «перехвата». В подобных случаях положение точек для

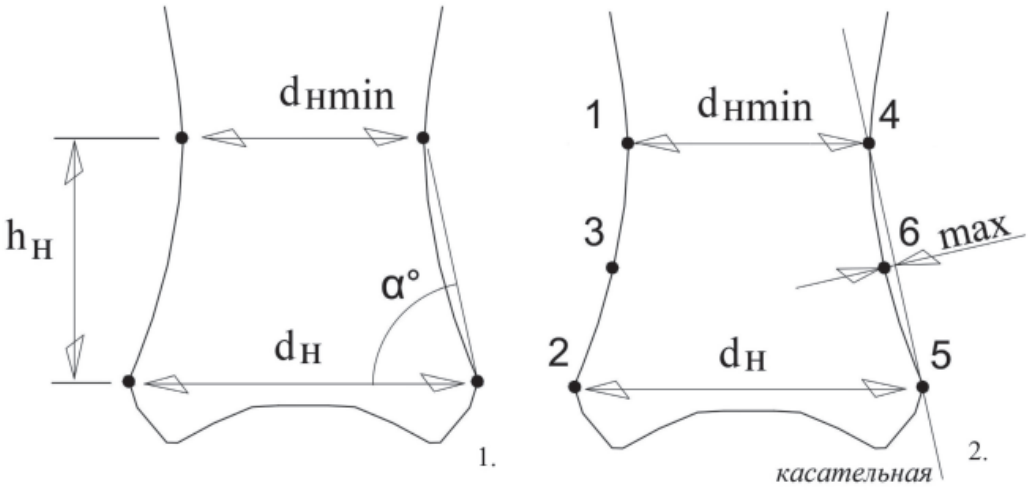

Рис. 5. Схема измерения признаков: 1 – метрические признаки: $d_{нmin}$ – минимальный диаметр ножки, $d_н$ – максимальный диаметр ножки, $h_н$ – высота ножки, α – угол между горизонтальной линией по уровню максимального диаметра, и линией проходящей через точки 4 и 5 (указаны на рис. 5.2); 2 – расстановка ландмарок на чертежах профилей: ландмарки 1 и 4 – минимальный диаметр ножки, ландмарки 2 и 5 – максимальный диаметр ножки, линия проходящая через точку 1(4) по касательной к внешней линии абриса нижней части ножки, ландмарки 3 и 6 – точки наибольшего прогиба, максимальное расстояние между касательной и абрисом ножки.

Fig. 5. Scheme of feature measurement: 1 – Metric features: $d_{нmin}$ – minimum foot diameter, $d_н$ – maximum foot diameter, $h_н$ – foot height, α – angle between the horizontal line at the level of the maximum diameter and the line passing through points 4 and 5 (indicated in fig. 5.2); 2 – placement of landmarks on the profile drawings: landmarks 1 and 4 – minimum foot diameter, landmarks 2 and 5 – maximum foot diameter, line passing through point 1(4) tangent to the outer contour line of the lower part of the foot, landmarks 3 and 6 – points of maximum curvature, the greatest distance between the tangent line and the foot contour.

измерения $d_{нmin}$ и $h_н$ фиксировалось по усредненным значениям.

Поскольку при таком упрощении сложный изгиб боковых линий абриса профиля не учитывается, реальная кривизна оценивалась отдельно. Метки на профильных чертежах ножек расставлялись с учетом ключевых особенностей контура: в углах описанной трапеции и в точках максимального прогиба бокового абриса (рис. 5: 2).

Дополнительно была проведена оценка потенциальной диагностической значимости морфологии основания ножки и нижней выемки (форма, размер, пропорции). Статистический анализ, включавший методы геометрической морфометрии, не выявил устойчивых корреляций ни с типологией амфор, ни с их хронологией, установленной по клеймам. Поскольку данный признак не несет полезной информации для атрибуции, он был исключен из дальнейшего анализа.

Анализ степени прогиба боковых линий абриса методом ГМ показал его второстепенную значимость по сравнению с обобщенными пропорциями ножки (рис. 6, 7). Более 80% всей изменчивости сосредоточено в ГК 1, отражающей различие ножек по относительной высоте, что на графике выразилось в дифференциации ножек основной и биконической линий: ножки амфор I и I-A типов располагаются в правой половине графика (приземистые пропорции), ножки амфор III и II-A типов – в левой половине графика (более стройные пропорции) (рис. 6). Сосуды II типа имеют ножки разных пропорций и демонстрируют широкий разброс с некоторой тенденцией в сторону большей стройности. Степень прогиба бокового абриса отразилась во 2-й и 3-й ГК (10 % и 7 % изменчивости соответственно), при этом во 2-й компоненте выражается относительная высота точки прогиба, а в 3-й – степень её прогиба. Результаты, визуализированные на графике (рис. 7), показывают, что если ножки псевдофасосской (тип III) и цилиндрической формы (II-A) отличаются от остальных объектов, то среди амфор основной типологической линии этот

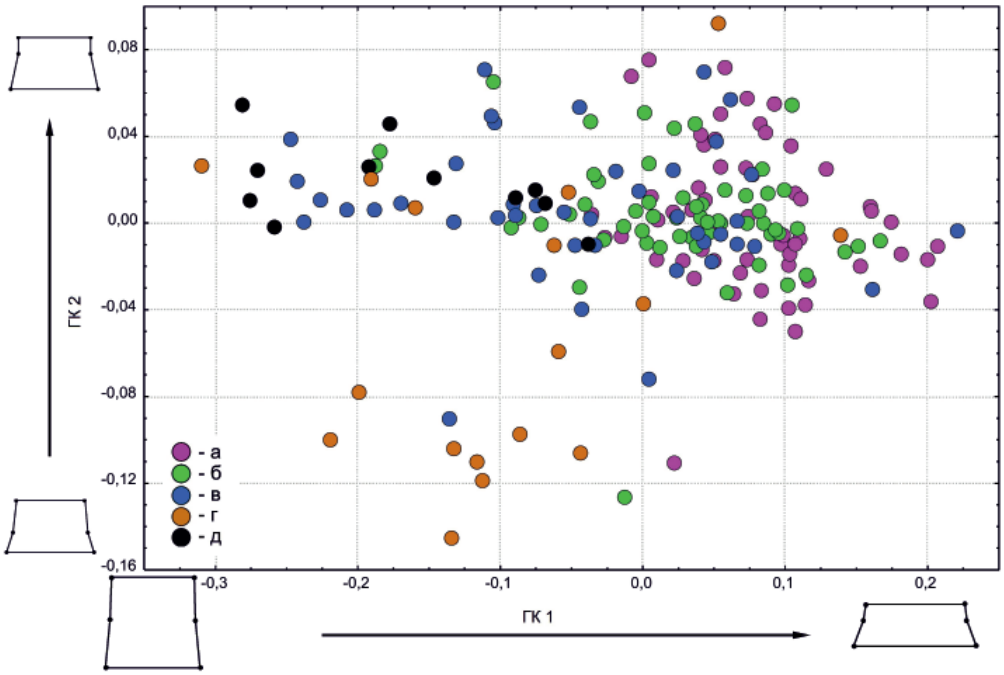

Рис. 6. Результаты анализа ГМ. Распределение ножек в пространстве 1 и 2-й главных компонент (ГК 1 и ГК 2) (усл. обозн. см. рис. 3). Определение типов по С.Ю. Монахову.
Fig. 6. Results of the analysis using GM. Distribution of amphora feet in the space of 1st and 2nd principal components (PC1 and PC2) (symbols see fig. 3). Type designation according to S.Yu. Monakhov.

признак не является надежным маркером для дифференциации[9].

При анализе метрических характеристик наиболее значимые результаты были получены при сопоставлении нижнего диаметра ножки ($d_н$) и угла при основании (α). На графике (рис. 8), где по осям отложены указанные параметры, прослеживаются различия между ножками сосудов разных типов. Ножки биконических амфор демонстрируют диапазон $d_н$ 50-67 мм, тогда как для амфор типа II-A характерны значения менее 44 мм. Наиболее многочисленную группу составляют ножки основной типологической линии (типы I, I-A, II) с диапазоном $d_н$ 39-63 мм и углом α от 70° до 90°. Установлена обратная зависимость между исследуемыми параметрами: ножки с большим диаметром основания ($d_н$) отличаются меньшими значениями угла α, в то время как узкие ножки приближаются по форме к цилиндру.

Для исследуемой группы сосудов хронологические этапы морфологической эволюции могут быть реконструированы на основе анализа времени их производства. Значительное количество сохранившихся ножек принадлежит амфорам с читаемыми клеймами (рис. 9). Хотя распределение в хронологических группах не является жестким, установлена устойчивая закономерность: для ранних экземпляров характерны увеличенный диаметр основания ($d_н$) и минимальный угол (α), тогда как поздние образцы отличаются суженным диаметром и формой, приближающейся к цилиндрической.

Полученные данные расходятся с типологическими критериями, указанными в работах А. П. Абрамова и Г. А. Ломтадзе. Согласно А. П. Абрамову, для первой половины IV в. до н.э. характерны ножки диаметром 54–57 мм, тогда как в нашем материале (РФГ–II МГ) этот показатель варьируется в пределах 50–60 мм, демонстрируя более широкий диапазон. Г.А. Ломтадзе выделяет для типа I диаметр 56–66 мм (первая – начало второй четверти IV в. до н.э.), а для типа I-A – 45–56 мм (вторая четверть IV в. до н.э.). Однако в нашей выборке аналогичные размеры (45–65 мм) встречаются у ножек, соответствующих клеймам от РФГ до IV МГ, что согласно хронологической классификации охватывает период с конца V в. до 30-х гг. IV в. до н.э. Важно отметить, что указанный исследователями характерный диаметр псевдофасосских ножек (54 мм) не в

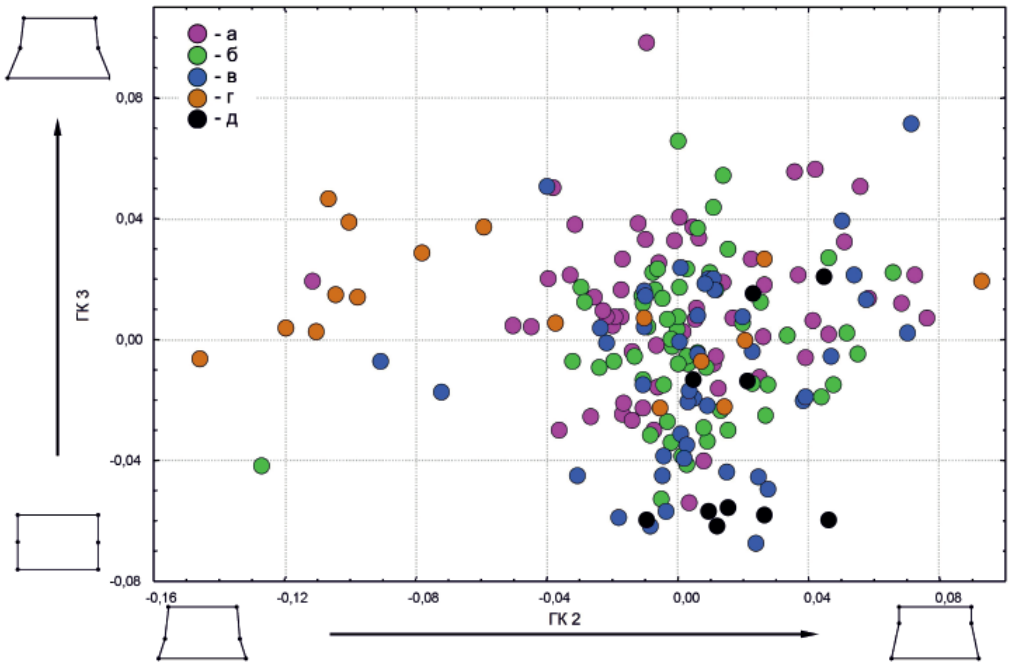

Рис. 7. Результаты анализа ГМ. Распределение ножек в пространстве 2 и 3-й главных компонент (ГК 2 и ГК 3) (усл. обозн. см. рис. 3). Определение типов по С.Ю. Монахову.
Fig. 7. Results of the analysis using GM. Distribution of amphora feet in the space of principal components 2 and 3 (PC2 and PC3) (symbols see fig. 3). Type designation according to S.Yu. Monakhov.

полной мере отражает существующую вариативность: в представленной выборке этот параметр колеблется в пределах 50–65 мм, что существенно шире обозначенных исследователями характеристик[10].

На основании проведенного анализа мы предлагаем усовершенствованный алгоритм атрибуции ножек гераклейских амфор. На первом этапе, в соответствии с традиционным подходом, осуществляется предварительное определение принадлежности к основным типам амфор по морфологическим характеристикам ножек: расширяющиеся формы соответствуют основной линии (типы I, I-A, II), псевдофасосские и цилиндрические – биконической линии (типы III, II-A)[11]. На втором этапе проводится уточняющая классификация с использованием метрических параметров ($d_н$ и угол α), что позволяет минимизировать ошибки при работе с переходными и атипичными формами.

Практическое применение алгоритма реализуется с помощью серии графиков (рис. 8–10) и заключается в следующей последовательности действий:

Определение типологической линии. По измеренным значениям $d_н$ и α находится точка, соответствующая исследуемой ножке. Ее положение в распределении объектов на графике (рис. 8) позволяет определить вероятную принадлежность к одной из двух основных линий: основной линии (типы I, I-A, II) или биконической линии (типы III и II-A[12]). Ключевым моментом является возможность идентифицировать именно основную линию, к которой принадлежат различные варианты расширяющихся ножек (рис. 8: а–г), что позволяет снизить вероятность ошибки при визуальном определении.

Уточнение хронологии по клеймам. Для окончательной датировки используется график, на котором показана связь тех же морфометрических параметров ($d_н$ и α) с конкретными хронологическими группами клейм (рис. 9). Совмещение данных позволяет перейти от морфологических типов к вероятным временным диапазонам.

Работа с основным эволюционным рядом. Поскольку основная линия наиболее многочисленна и вариативна, для удобства ее объекты с указанием групп клейм вынесены на отдельный график (рис. 10). Этот график служит детализированной шкалой для датировки ножек основной линии, наглядно

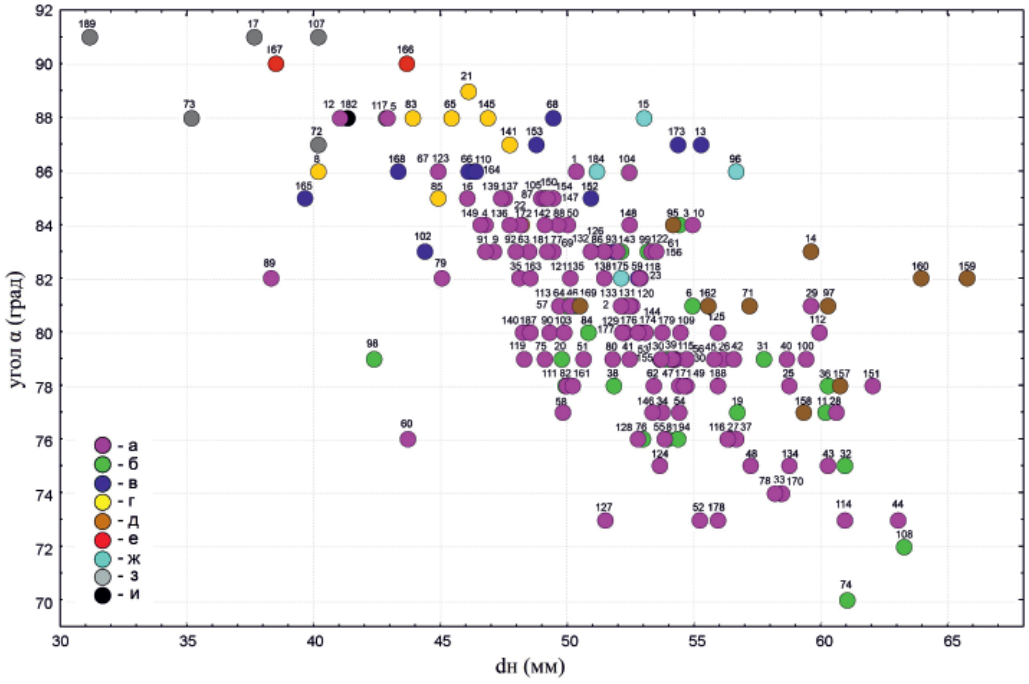

Рис. 8. Распределение ножек по максимальному диаметру ($d_н$) и углу α. Морфология (усл. обозн. см. рис. 4).
Fig. 8. Distribution of amphora feet by maximum diameter ($d_н$) and angle α. Morphology (symbols see fig. 4)

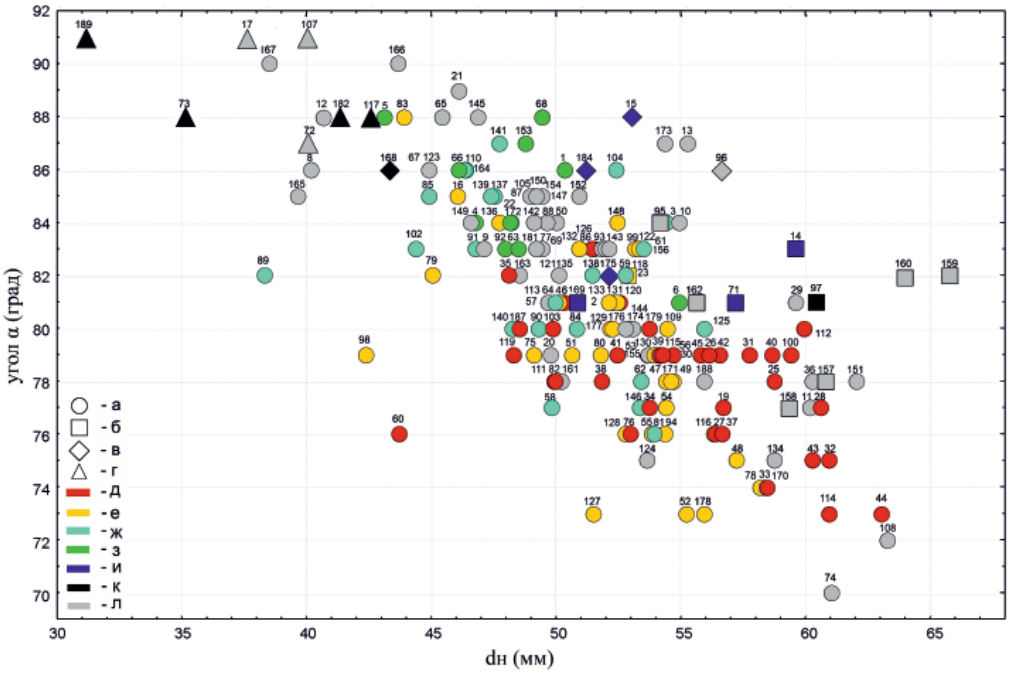

Рис. 9. Распределение ножек по максимальному диаметру ($d_н$) и углу α. Типология и хронология: а – расширяющиеся (амфоры типа I, I-A, II); б – псевдофасосские ножки (тип III); в – высокие расширяющиеся ножки (тип III); г – ножки типа II-A; хронологические группы клейм: д – раннефабрикантская и первая магистратская группы (РФГ и I МГ); е – вторая магистратская группа (II МГ); ж – третья магистратская группа (III МГ); з – четвертая магистратская группа (IV МГ); и – пятая магистратская группа (V МГ); к – позднефабрикантская группа (ПФГ); л – клейма отсутствуют, не определяются или не читаются. Номера по: Колосов, Гиблова, 2025.

Fig. 9. Distribution of amphora feet by maximum diameter ($d_н$) and angle α. Typology and chronology: а – flaring (amphorae of the type I, I-A, II); б – pseudo-Thasian feet (type III); в – tall flaring feet (type III); г – type II-A feet; chronological groups of stamps: д – early fabricant and the first magistrate groups (РФГ and I МГ); е – the second magistrate group (II МГ); ж – the third magistrate group (III МГ); з – the fourth magistrate group (IV МГ); и – the fifth magistrate group (V МГ); к – late fabricant group (МГ); л – there are no stamps, undetermined or unreadable. Item numbers according to: Kolosov, Giblova, 2025.

демонстрируя градиент изменений от ранних к поздним формам.

Таким образом, предложенные графики являются рабочими инструментами: исследователь, измерив $d_н$ и угол α фрагмента, последовательно сопоставляет его с этими визуальными схемами, двигаясь от общей типологической идентификации к конкретной хронологической оценке.

если угол α небольшой (75–80 градусов), то вероятность того, что ножка относится к более ранним группам (РФГ–II МГ) выше[13].

Для ножек, у которых $d_н$ – 45-50 мм, угол α – 80–87 градусов, характерны клейма III–IV МГ.

Ножки, у которых $d_н$ – менее 45 мм, угол α – близок 90 и выше градусов, в основной

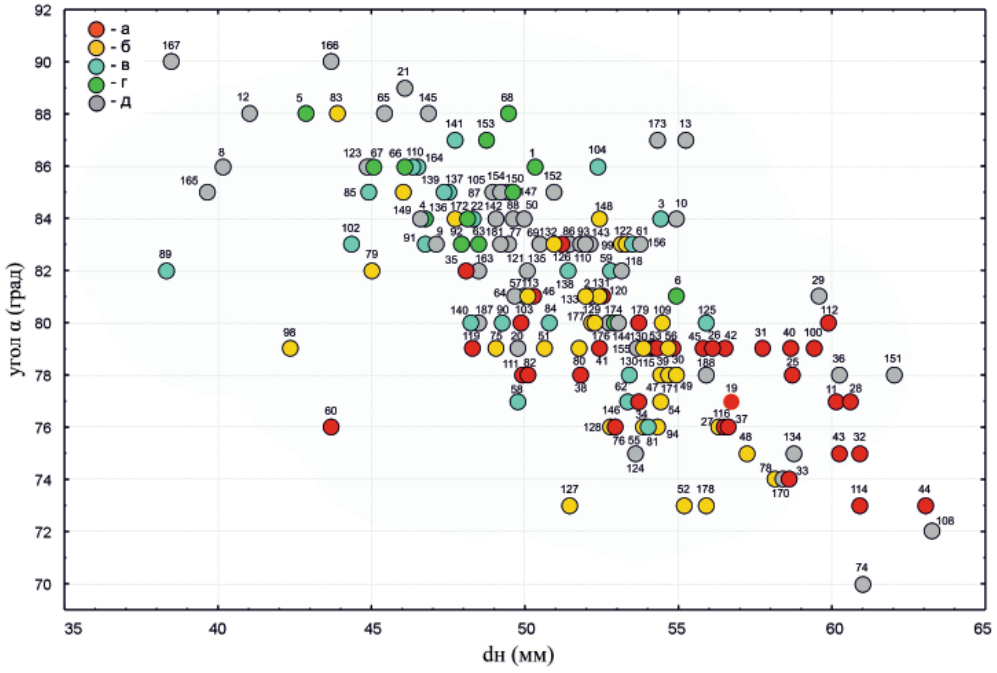

Рис. 10. Амфоры основной эволюционной линии (типы I, I-A и II по С.Ю. Монахову). Распределение ножек по максимальному диаметру ($d_н$) и углу α. Хронологические группы клейм: а – раннефабрикантская и первая магистратская группы (РФГ и I МГ); б – вторая магистратская группа (II МГ); в – третья магистратская группа (III МГ); г – четвертая магистратская группа (IV МГ); д – пятая магистратская группа (V МГ); е – клейма отсутствуют, не определяются или не читаются.

Fig. 10. Amphorae of the main evolutionary line (types I, I-A, and II according to S.Yu. Monakhov). Distribution of amphora feet by maximum diameter ($d_н$) and angle α. Chronological groups of stamps: а – early fabricant and the first magistrate groups (РФГ and I МГ); б – the second magistrate group (II МГ); в – the third magistrate group (III МГ); г – the fourth magistrate group (IV МГ); д – there are no stamps, undetermined or unreadable.

Для ножек, у которых значения $d_н$ – более 55 мм, угла α менее 80 градусов, характерны клейма РФГ и I МГ.

Для ножек, у которых $d_н$ – 50-55 мм, угол α – 75-85 градусов, характерны клейма широкого диапазона: от РФГ до III МГ. При этом, своей массе относятся к типу II-A, для которых характерны клейма V МГ и ПФГ.

К артефактам, параметры которых существенно отличаются от отображенных на графике, следует относиться с определенным сомнением в правильности их отнесения к

данному центру, полноте графической фиксации или сохранности.

Важно отметить, что указанные характеристики отражают как различия, так и совпадение морфологии двух типологических линий (основной и биконической), являющихся следствием постепенной эволюции обеих линий в схожие цилиндрические формы малого диаметра. Поздние ножки биконической и основной линий (Рис. 4: в, ж) имеют близкие параметры: $d_н$ – 45-55 мм, угол α – 82–88 градусов (рис. 8: в, ж). Можно отметить, что расширяющихся ножек амфор III типа меньше, чем псевдофасосских (4 против 10) и они характеризуются более высокими значениями угла α. Поэтому в спорных и затруднительных случаях ножки таких пропорций стоит относить ко времени не ранее IV МГ. Аналогичным образом можно рассуждать об объектах, характеризующихся диаметром $d_н$ менее 45 мм, основное число которых относится к типу II-А[14] (клейма V и ПФГ). Со сходными параметрами в выборке имеются всего две ножки типа II (№№ 166, 167), синхронные самым поздним амфорам основной типологической линии (рис. 4: е, 8: е), в связи с чем вероятность и степень ошибки невелика[15]. Наиболее сложными в определении являются образцы расширяющихся ножек, близких к цилиндрическим (рис. 4: г). Это исключения, и они немногочисленны (7 экземпляров из всей выборки). Они отличаются от ножек типа II-А несколько большим диаметром $d_н$ и меньшим углом α (8: г), хронологически им соответствуют в основном амфоры с клеймами не ранее III МГ.

Таким образом, предложенный алгоритм атрибуции, основанный на последовательном определении типологической линии (основная/биконическая) и ключевых морфометрических параметров ($d_н$ и угол α), позволяет достаточно эффективно классифицировать амфорные ножки и соотносить их с конкретными хронологическими группами клейм (РФГ, I–V МГ, ПФГ). Выявленные закономерности связи морфологии ножек и хронологии клейм предоставляют собой инструмент для датировки и типологического анализа. Созданное морфологическое поле (график по двум простым и измеряемым параметрам – диаметру и углу ножки) позволяет оперативно соотносить новые находки с верифицированной выборкой, переводя атрибуцию в плоскость количественного сравнения.

Ключевое методологическое ограничение предшествующих подходов заключалось в том, что выделяемые типы являлись идеальными образцами (конструктами). Как конструкты, они не позволяли оценить свойства совокупности: ни полноту охвата всего спектра вариаций, ни близость реальных образцов к предполагаемому центру гипотетического нормального распределения. Если прежние схемы давали статичную картину «типов», то предлагаемый алгоритм описывает динамическое «поле вариаций», измеряя и формализуя саму изменчивость. В отличие от них, он принципиально основан на индуктивном анализе эмпирических данных и является прикладным инструментом, позволяющим исследователям быстрее и увереннее ориентироваться в практической работе с материалом. Безусловно, эффективность алгоритма существенно зависит от репрезентативности исходной выборки и не претендует на абсолютную завершенность. При этом он воспроизводим, основан на простых морфометрических параметрах и остается открытым для уточнения и корректировки по мере накопления новых данных.

Примечания:

[1] Мы приводим лишь краткое описание морфологических особенностей типов амфор и истории их изучения. Подробнее о морфологии типов см.: Брашинский, 1984, с. 18-20; Монахов, 2003, с. 123-144; об истории изучения амфорных клейм см.: Федосеев, 2016, с. 15-23; о дискуссии по принадлежности некоторых амфорных серий Гераклее Понтийской см.: Монахов, 2007; Кац, 2024.

[2] Нужно отметить, что в работе Г.А. Ломтадзе не ставилось задачей создание детальной типологии фрагментов. Несмотря на это, содержащиеся в ней определения и параметры ножек служат наглядной иллюстрацией распространённого подхода, основанного на репрезентации материала в виде дискретных типов.

[3] Данная работа продолжает исследование морфологии амфор Гераклеи Понтийской. Полный перечень исследованных сосудов с библиографическими ссылками на соответствующие каталоги, а также описание анализа целых форм приведен в нашей предыдущей работе (Колосов, Гиблова, 2025).

[4] В данной работе мы опираемся на относительную хронологическую шкалу гераклейских клейм, разработанную

В.И. Кацем (Кац, 2007) и впоследствии уточненную в ряде современных исследований. Использование этой последовательности (раннефабрикантская, магистратская и позднефабрикантская группы: РФГ, I-V МГ, ПФГ) в качестве единой системы позволяет анализировать морфологическую эволюцию независимо от дискуссий об абсолютной датировке. Соответствие хронологических групп абсолютным датам можно найти в специальной литературе (см., например: Федосеев, 2016).

[5] В исследовании А.П. Абрамова для данных форм указаны типы I и I-А, но форма ножки и хронологический диапазон позволяет считать, что имеется в виду также и тип II.

[6] Типы амфор в выборке приводятся в соответствии с определениями, данными в публикациях С. Ю. Монахова и соавторов. В тексте и подписях к рисункам используется формулировка «определение по С. Ю. Монахову».

[7] Стоит отметить, что признак «двойного ребра» у многих экземпляров не поддается точной фиксации из-за эрозии поверхности.

[8] Суть данных методов состоит в оценке различий формы объектов на основе сопоставления положения гомологичных характерных меток (landmarks), общих для всех объектов выборки (подробнее о ГМ см. Васильев и др., 2018; о данном графике и об анализе см. Колосов, Гиблова, 2025).

[9] Номера на рис. 6-7 не приведены из-за плотности расположения точек; данные графики служат для визуализации общих тенденций, а не для идентификации отдельных сосудов.

[10] Хронология в нашем исследовании используется как инструмент для верификации морфологических трендов: при анализе внутренней структуры выборки мы оперируем относительной хронологией групп клейм. Однако для корректного сопоставления наших данных с выводами А. П. Абрамова и Г. А. Ломтадзе, которые используют абсолютные даты, мы приводим датировки клейм, соответствующие общепринятой хронологической системе в каталогах С.Ю. Монахова и соавторов, не затрагивая её дискуссионные аспекты.

[11] В качестве иллюстрации эталонных форм, можно привести изображения в работе А.П. Абрамова (см. рис. 1 в данной работе). Стоит лишь добавить, что ножки псевдофасосской формы имеют следующие признаки: высокие ножки с сильным расширением в нижней части, диаметр dн: 55-60 мм, угол α: 80-85°, высота от линии dн до точки прогиба абриса около 20 мм.

[12] В нашей модели тип II-А рассматривается как прямое продолжение биконического типа III, что отличается от традиционной схемы. Обоснование см.: Колосов, Гиблова, 2025.

[13] При диаметре 50–55 мм, и угле α менее 80 градусов лишь 4 экземпляра принадлежат амфорам с клеймами III МГ, остальные РФГ–II МГ.

[14] Часть ножек этой группы не указана на графике, так как в публикации не приведены чертежи ножек. Измерения по общему абрису сосуда имеют низкую точность, но можно лишь констатировать, что у них сходные с остальными амфорами этого типа параметры ($d_н$ менее 45 мм).

[15] Согласно хронологической классификации В.И. Каца, IV МГ датируется кон. 50-х -30-ми гг. IV в. до н.э. А. П. Абрамов датирует амфоры II-А типа второй пол. IV–нач. III в. до н.э. В работе Г. А. Ломтадзе амфоры II-А типа датированы посл. четв. IV–нач. III в. до н. э., а амфоры III типа относятся к сер.–трет. четв. IV в. до н.э. (см. выше с. 6–7). Следовательно, несмотря на некоторые расхождения в датировках конкретных типов, амфоры с ножками указанных характеристик не могут быть датированы периодом ранее середины IV в. до н.э. Стоит отметить, что по мнению С. Ю. Монахова, более ранняя датировка амфор III типа возможна (Монахов, 2003, с. 144). К сожалению, для более точной дифференциации выборка в нашей работе пока недостаточна.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3 / Ред. Я.М. Паромов. М.: АРХЭ, 1993. С. 4–135.

Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V-III вв. до н.э. Л.: Наука, 1980. 268 с.

Брашинский И. Б. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XIV / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1984. С. 3–22.

Васильев А.Г., Васильева И.А., Шкурихин А.О. Геометрическая морфометрия: от теории к практике. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. 471 с.

Граков Б. Н. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Труды ГИМ. Вып. 1. Разряд археологический. М.: ГИМ, 1926. С. 165–206.

Громов А.В., Казарницкий А.А. Искусственная деформация головы у ранних окуневцев // Археологические вести. Вып. 34 / Гл. ред. Н.В. Хвощинская. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 266–274.

Демичева А.С., Берсенев Е.В., Бахшиев И.И. Метод геометрической морфометрии в археологии: к вопросу об источниках // Историко-культурное наследие. 2024. Т. 14. № 4. С. 385–392.

Зеест И.Б. О типах гераклейских амфор // КСИИМК. Вып. XXII / Отв. ред. А. Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 48–52.

Казарницкий А.А., Капинус Ю.О., Григорьев А.П. Об искусственной деформации черепов степных культур эпохи бронзы // Stratum plus. 2021. № 2. С. 307–318.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / Боспорские исследования. Вып. 18. Симферополь; Керчь: Деметра, 2007. 480 с.

Кац В.И. Мнимые и подлинные «псевдо-гераклейские» клейма // Stratum plus. 2024. № 6. С. 53–70.

Колосов В.П., Гиблова А.А. К вопросу о типологии тарных амфор Гераклеи Понтийской // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии / Ред. В.А. Хршановский. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 258–264.

Колосов В. П., Гиблова А. А. Амфоры Гераклеи Понтийской: морфологический анализ с применением статистических методов // РА. 2025. № 1. С. 54–68.

Ломтадзе Г. А. Античный импорт на Боспоре в IV – начале III в. до н.э. (опыт количественного анализа по материалам керамической тары). Дисс. … канд. ист. наук. М., 2005. 279 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II веков до н. э. Саратов: СГУ, 1999. 680 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммерида, Саратовск. ун-та, 2003. 352 с.

Монахов С.Ю. «Псевдо-гераклейские» амфоры IV – первой трети III вв. до н. э. из Южного Причерноморья // Из истории античного общества. Вып. IX – X / Отв. ред. А.В. Махлаюк. Нижний Новгород: ННГУ, 2007. С. 86–96.

Федосеев Н. Ф. Гераклея Понтийская. Т. 2. Керчь: Соло-Рич, 2016. 319 с.

Klingenberg C. P. MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics // Molecular ecology resources. 2011. №11 (2). P. 353–357.

Rohlf F. J. The tps series of software // Hystrix. 2015. №26 (1). P. 9–12.

Информация об авторах:

Колосов Владимир Павлович, м.н.с. ОАМ, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); tepavi@yandex.ru

Гиблова Анастасия Андреевна, лаборант ОАМ, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); giblovaaa@yandex.ru

REFERENCES

Abramov, A. P. 1993. In Paromov, Ya. M. (ed.). *Bosporskii sbornik (Bosporan Collection)* 3. Moscow: “ARKHE” Publ., 101–108 (in Russian).

Brashinskii, I. B. 1980. *Grecheskii keramicheskii import na Nizhnem Donu v V-III vv. do n.e. (Greek ceramic imports in the Lower Don region from the V to the III centuries BC)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Brashinskii, I. B. 1984. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* XIV. Moscow: “Nauka” Publ, 3–22 (in Russian).

Vasiliev, A. G., Vasilieva, I. A., Shkurikhin, A. O. 2018. *Geometricheskaja morfometrija: ot teorii k praktike* (*Geometric morphometrics: from theory to practice)*. Moscow: “ KMK” Publ. (in Russian).

Grakov, B. N. 1926. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 1. Moscow: State Historical Museum, 165–206 (in Russian).

Gromov, A. V., Kazarnitskiy, A. A. 2022. In Khvoshchinskaya, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 34. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, RAS, 266–274 (in Russian).

Demicheva, A. S., Bersenev, E. V., Bahshiev, I. I. 2024. *Istoriko-kul'turnoe nasledie (Historical and Cultural Heritage)* 14 (3), 385–392 (in Russian).

Zeest, I. B. 1948. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 48–52 (in Russian).

Kazarnistkiy, A. A., Kapinus, Yu. O., Grigoriev, A. P. 2021. In *Stratum plus* (2), 307–318 (in Russian).

Kats, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie klejma jepohi klassiki i jellinizma (opyt kompleksnogo izuchenija) (Greek ceramic stamps of the Classical and Hellenistic periods (experience of comprehensive study))*. Series: Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies) 18. Simferopol; Kerch: "Demetra" Publ. (in Russian).

Kats, V. I. 2024. In *Stratum plus* (6), 53–70 (in Russian).

Kolosov, V. P., Giblova, A. A., 2023. In Khrshanovskyi, V. A. (ed.).

Bosporskii fenomen: Itogi, problemy, diskussii (The Bosporan Phenomenon: Results, problems, discussions). Saint Petersburg: "Chistyi list" Publ., 258–264 (in Russian).

Kolosov, V. P., Giblova, A. A., 2025. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)*) (1), 54–68 (in Russian).

Lomtadze, G. A. 2005 *Antichnyi import na Bospore v IV – nachale III v. do n.e. (opyt kolichestvennogo analiza po materialam keramicheskoi tary) (Classical period import on the Bosporus in the IV – early III century BC (experience of quantitative analysis based on transport ware)).* Moscow. Diss. of Candidate of Historical Sciences (in Russian).

Monakhov, S. Yu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII–II vekov do n.e. (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Complexes of Ceramic Vessels of 7th–2nd Centuies B.C.)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Monakhov, S. Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsenrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of the Amphorae of the Leading Exporting Centers for Goods in Ceramic Containers)*. Moscow; Saratov: "Kimmerida" Publ., Saratov State University (in Russian).

Monakhov, S. Yu. 2007. In Makhlayuk, A. V. (ed.). *Iz istorii antichnogo obshchestva (From the History of Ancient Society)* 9–10. Nizhnii Novgorod: Nizhnii Novgorod State University, 86–96 (in Russian).

Fedoseev, N. F. 2016. *Gerakleya Pontijskaya (Heraclea Pontica)* 2. Kerch: "Solo-Rich" Publ. (in Russian).

Klingenberg, C. P. 2011. In *Molecular ecology resources* 11 (2), 353–357.

Rohlf, F. J. 2015. In *Hystrix* 26 (1), 9–12.

About the Authors:

Kolosov Vladimir P. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; tepavi@yandex.ru

Giblova Anastasia A. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; giblovaaa@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2025 г.
Статья принята к публикации 04.02.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 (903.57) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.168.186

О НЕКОТОРЫХ НЕКРОПОЛЯХ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

©2026 г. В.А. Асадов, Ш.Н. Наджафов

До сих пор на территории Северного Азербайджана были обнаружены и изучены многочисленные поселения и могильники античного периода (IV в. до н.э. – II в. н.э.). Эти памятники помогают дополнить знания об истории Азербайджана в период существования здесь государства Кавказской Албании. Во время проведения работ по закладке Южно-Кавказского газового трубопровода наряду с памятниками других эпох были также выявлены античные поселения и могильники. Могильники состояли в основном из кувшинных погребений, за исключением Бейимсаровского могильника, где присутствовали как кувшинные, так и грунтовые могилы. На сегодняшний день на территории Азербайджана обнаружено и исследовано более ста могильников с захоронениями в кувшинах-кюпах. Начиная с 20-х годов XX века во многих регионах Азербайджана, за исключением северо-восточной части, были выявлены могильники с кувшинными погребениями. Их сравнительный анализ с аналогичными погребениями других регионов Южного Кавказа, прослеживания процесса возникновения и распространения этого погребального обряда, его развития и т.д. позволило накопить ценные исходные данные для исследования в будущем многих вопросов, связанных с этим погребальным обрядом. В ходе археологических раскопок этих памятников были выявлены многочисленные и разнообразные образцы материальной культуры. Изучение этих артефактов даёт дополнительную информацию об экономике, быте, религиозных воззрениях, ремесленных отраслях, международной торговле, классовом расслоении населения Кавказской Албании.

Ключевые слова: археология, Кавказская Албания, античный период, некрополь, кувшинные погребения, керамические сосуды, предметы украшения.

ABOUT SOME CLASSICAL ERA NECROPOLISES IN AZERBAIJAN

V.A. Asadov, Sh.N. Najafov

Up to now, numerous settlements and burial grounds of the classical era (IV century BC - II century AD) have been discovered and studied in the territory of Northern Azerbaijan. These antique monuments help to supplement the knowledge of the history of Azerbaijan during the existence of the state of Caucasian Albania here. During the construction of the South Caucasus Gas Pipeline, along with sites from other periods, antique settlements and burial grounds were also discovered. The burial grounds consisted mainly of jug burials, with the exception of the Beyimsar burial ground, where both jar and ground burials without mounds were present. To date, more than one hundred burial grounds with burials in jar-kyups have been discovered and studied in the territory of Azerbaijan. Beginning in the 20s of the XX century, burial grounds with jars were discovered in many regions of Azerbaijan, with the exception of the north-eastern part. Their comparative analysis with similar burials in other regions of the South Caucasus, tracing the process of the emergence and spread of this burial rite, its development, etc. allowed us to accumulate valuable initial data for future research into many issues related to this burial rite. During the archaeological excavations of these sites, numerous and diverse examples of material culture were discovered. The study of these artefacts provides additional information about the economy, life, beliefs, handicraft industries, international trade and class stratification of the population of Caucasian Albania.

Keywords: archaeology, Caucasian Albania, Classical era, necropolis, jar burials, pottery, ornaments.

Введение

Перед работами, выполненными в связи с проведением трубопровода РЮКТ (Расширение Южно-Кавказского Трубопровода), и в ходе этих работ в коридоре трубопровода были осуществлены археологические полевые исследования. Во время этих исследований были обнаружены археологические памятники, относящиеся почти ко всем периодам истории (Maynard et al., 2022). Исследованные среди этих памятников поселения и некрополи античного периода (III в. до н. э. – II в. н. э.) внесли свой вклад в изучение этой эпохи в истории Азербайджана.

Из сведений письменных источников и проведённых археологических исследований становится ясно, что промежуток времени между II в. до н. э. и II н. э. оценивается как период большого прогресса в изменении социальных отношений, развитии хозяйственной жизни, ремесла, расширении торговых связей. Этот отрезок истории характеризуется укреплением Албанской государственности, возникновением ряда городов античного периода, влиянием эллинизма на этот регион. Наличие торговых путей, связывающих Албанию с другими областями Южного Кавказа и с Северным Кавказом, дало мощный толчок к расширению и укреплению международных отношений (Мамедов, 1987). Тесные связи между родственными албанскими племенами дали возможность сформировать единую общеалбанскую культуру.

В этот период, начиная с II века, в Албанию стала проникать христианская религия, в основном из Сирии и Палестины (Мамедова, 1986, с. 5). Распространение христианства в Албании уже в начале IV века (313/314-е гг.) привело к превращению её в государственную религию. Но, несмотря на это, большинство албанцев продолжало придерживаться своих традиционных религий, что отразилось на их погребальных обрядах.

Постановка проблемы

Как было отмечено, этот период характеризуется развитием экономики Албании. Сведения древних авторов и многочисленные археологические памятники говорят о плотности населения Албании. Иногда в одном ограниченном пространстве встречается несколько синхронных поселений. Это также подтверждается обилием погребальных памятников. Исследования показывают, что города Албании в основном были образованы именно на основе дальнейшего развития поселений, которые в большинстве своём являлись политико-административными и идеологическими центрами отдельных племён (Бабаев, 1990, с. 179).

Исторически сложилось так, что значительная часть известных в истории человечества типов погребений встречается на Южном Кавказе, в том числе на территории Азербайджана. Но особое место в указанный период занимают погребения, осуществлённые в разных по размерам керамических сосудах-кувшинах. Такие погребения вошли в историко-археологическую литературу под названием «кувшинные погребения». В античную эпоху на территории не только Албании, но и практически всего Южного Кавказа это был один из наиболее устойчивых и широко распространённых погребальных обрядов.

У кувшинных погребений (а также грунтовых в античный период) отсутствуют наземные признаки, в связи с этим они были открыты только при проведении земляных работ. В то же время, учитывая, что до настоящего времени обнаружено больше сотни некрополей кувшинных погребений, они наряду с грунтовыми являются самым распространённым типом погребений на территории Азербайджана в тот период.

Отметим, что в указанный период из-за расширения связей со странами античного мира в Албании началось усиление влияния эллинистической культуры. Но в это время усваивалось отнюдь не всё, а только то, что соответствовало уровню местного развития, для чего был подготовлен фундамент для развития местной культуры (Кошкарлы, 1985, с. 98). Под влиянием созданных связей в городах Кавказской Албании начали использовать обожжённые кирпичи, изготавливать черепицы античного типа, печатать монеты, имитирующие греческие деньги (Бабаев, 1972). Вероятнее всего, керамические сосуды, используемые в погребальном обряде, являются продуктом ремесла большого города (может быть, города Самуниса), расположенного вблизи некрополей. Например, наличие многочисленных синхронных обжигательных печей Мингечаура указывает на то, что здесь находился один из центров гончарного производства в Кавказской Албании (Ионе, 1951, с. 32–33).

Погребальные кувшины обычно имеют удлинённый или шарообразный корпус и самые различные размеры. Как правило, это кувшины с широкой горловиной и плоским дном. У этих кувшинов в подавляющем большинстве ручки отсутствуют, а корпус по направлению к основанию резко сужается. Венчик кувшинов горизонтально уплощённый, отогнут наружу и украшен насечками или щипковым орнаментом, основной цвет сосудов – красновато-розовый.

Обряд кувшинного захоронения

Обряд кувшинного захоронения в Албании представляет собой размещение трупа внутри большого хозяйственного кувшина,

который впоследствии горизонтально укладывался в специально подготовленную четырехугольную или овальную яму, которая затем засыпалась. Вследствие этого кувшинные погребения, обычно за редким исключением, наземных признаков не имеют. Как правило, погребальные кувшины ничем не отличаются от используемых для хозяйственных нужд больших кувшинов. Видимо, для захоронения использовались обычные хозяйственные, возможно вышедшие из употребления кувшины. Погребальный инвентарь кувшинных погребений состоял из керамических сосудов, украшений, оружия и т. д.

Как правило, в кувшинных погребениях наблюдается обряд одиночного захоронения в одном кувшине. В крайне редких случаях встречаются парные захоронения в одном кувшине (Даниелян, 1959, с. 263–268) и одиночные захоронения с использованием двух кувшинов, уложенных горловиной друг к другу (Азимбеков, 1926, с. 67–82).

С целью размещения покойника в кувшине обычно отламывали часть горловины погребального сосуда, иногда вместе с частью корпуса, и только в очень редких случаях отламывали часть днища погребального кувшина. После размещения в сосуде покойника отломившаяся часть устанавливалась на место, выполняя роль своеобразной крышки гроба. После размещения внутри кувшина трупа и сопровождающего его могильного инвентаря отверстие горловины погребального сосуда прикрывалось. Для этого использовали обломки крупных сосудов, известковые плиты, сырцовый или обожжённый кирпич, а иногда и плоские камни.

Покойников укладывали в погребальный кувшин в одежде. Это подтверждается наличием в некоторых из них фрагментов тканей (Голубкина, 1971, с. 257–263). Помимо этого, в могилах в большом количестве имеются ручные и ножные браслеты, колокольчики, фибулы, заколки, булавки, бусы, серьги, подвески из разных материалов (металла, пасты, стекла, каури и т. д.), золотые, серебряные и бронзовые пуговицы. Все это является убедительным подтверждением того, что албанцы хоронили своих покойников в одежде, вместе со всеми украшениями.

После размещения трупа в погребальном кувшине вокруг него устанавливали могильный инвентарь. Он состоял из небольших, но разнообразных по назначению керамических сосудов, орудий труда, разнообразного оружия, украшений, стеклянных изделий (графинов, флаконов). В кувшинных погребениях часто встречались монеты, пряслица, фрагменты тканей, косточки различных фруктов и т. д. Вероятнее всего, сосуды в могилах на момент погребения содержали мясную или же другую пищу и напитки, что подтверждается находкой в них костей животных и птиц, а также осадков жидкостей.

После этого вокруг самого погребального кувшина устанавливали керамические сосуды больших и средних размеров, а затем могильная яма засыпалась землёй и через некоторое время уже не имела абсолютно никаких наземных признаков.

Термин «кувшинные погребения» предполагает ингумацию трупа. Обряд кремации трупа с последующим захоронением костей в керамическом сосуде не считается обрядом «кувшинного погребения».

Обряд захоронения в керамических кувшинах на территории Северного Азербайджана просуществовал довольно длительное время (с середины I тыс. до н. э. до VIII в н. э.). Все это время этот погребальный обряд сосуществовал с другими типами погребений, а на рубеже двух эр (II–I вв. до н. э. – I–II вв. н. э.) был одним из основных обрядов на территории не только Северного Азербайджана, но и всего Южного Кавказа. Возникновение и широкое распространение этого погребального обряда в Северном Азербайджане совпадает с периодом возникновения и существования здесь государства Албании и встречается почти во всех регионах этого государства, за исключением прикаспийской зоны от Дербента до Апшерона.

По мнению И.И. Мещанинова, обряд кувшинных погребений принадлежал не полукочевым племенам, зимовавшим в степной зоне кура-араксского междуречья, а оседлым племенам предгорных и равнинных зон, которые, используя природные речные долины, занимались здесь земледелием (Мещанинов, 1936, с. 5).

Таким образом, в период наибольшего распространения обряда захоронения в кувшинах (II в до н. э. – II н. э.) в Азербайджане носители этого погребального обряда наиболее плотно заселяли долины крупных речных артерий, таких как Кура, Аракс, и их

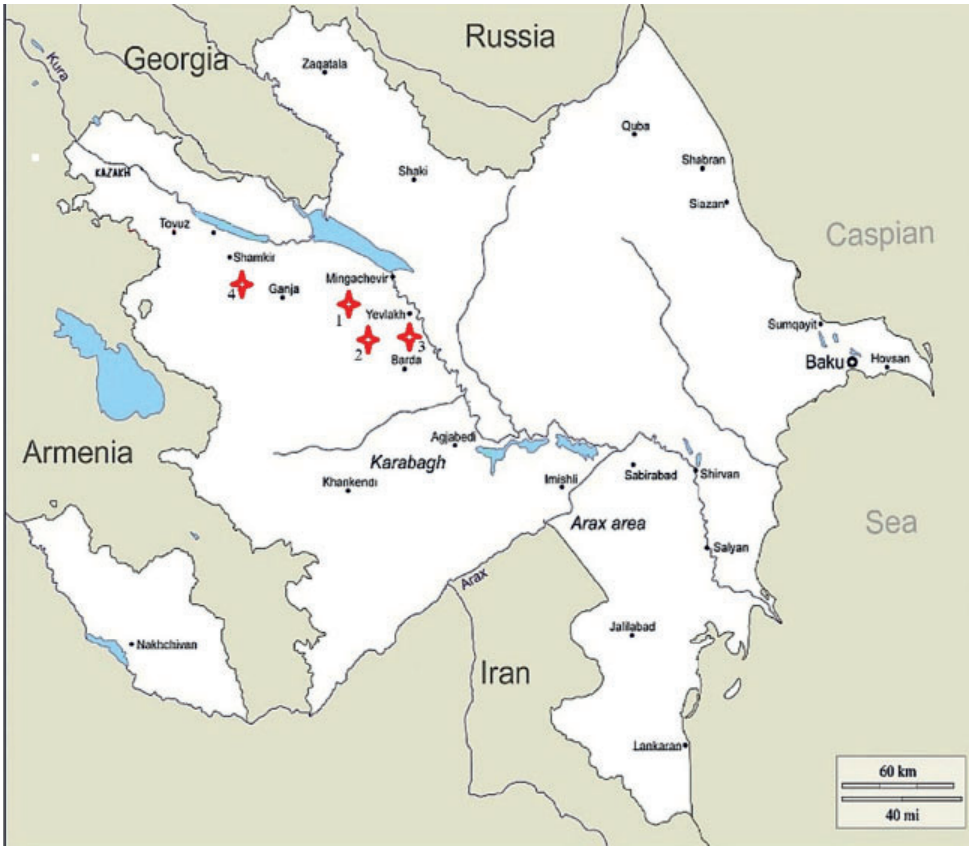

Рис. 1. Месторасположение некрополей античного периода: 1 – Самедабадский некрополь; 2 – Бейимсаровский некрополь; 3 – Ялдилинский некрополь; 4 – Гаракепенектепинский некрополь
Fig. 1. Location of classical era necropolises : 1 – Samedabad necropolis; 2 – Beyimsar necropolis; 3 – Yaldili necropolis; 4 – Garakepenektepe necropolis

притоков, Мильскую и Муганскую степи и предгорные зоны Большого и Малого Кавказа, а также Талышских гор.

Все выявленные на сегодняшний день в Азербайджане кувшинные погребения хронологически делятся на три группы: это ранние кувшинные погребения, датируемые V–III вв. до н. э.; погребения периода расцвета этого обряда в Азербайджане, когда он становится одним из основных среди функционирующих типов погребений, датируются периодом II в. до н. э. – II в. н. э.; и поздние кувшинные погребения III–VIII вв. н. э., когда обряд кувшинных погребений постепенно исчезает.

Следует отметить, что материалы из кувшинных погребений в целом имеют широкие аналоги среди материалов из других типов погребений, поселений и городов Кавказской Албании. Они являются естественным отражением уровня материальной культуры того периода и его связей с предшествующими историческими эпохами, но имеют и определённые, присущие только им специфические элементы. Такая специфичность наблюдается как в некоторых проявлениях, характерных только кувшинным погребениям, так и в определённых локально-региональных чертах. Но, несмотря на всю свою самобытность, обряд погребения покойников в кувшинах неразрывно был связан с историей Кавказской Албании, продолжая предшествующую местную погребальную традицию во многих её элементах. Кувшинные погребения сумели отразить в себе важнейшие изменения, имевшие место в политической, духовной и материальной истории этого государства. В составе могильного инвентаря кувшинных погребений в определённой степени можно увидеть процесс развития албанского общества. В свою очередь, и сам погребальный инвентарь с развитием общества менялся, исчезали некоторые виды и формы сосудов, украшений и других предметов, а их места занимали другие. В составе могильного инвентаря кувшинных погребений много разнообразных по формам и функциональ-

ному назначению керамических предметов, орудий труда, украшений, предметов глиптики и торевтики, изделий из стекла, монеты, а также предметов вооружения, как наступательного, так и оборонительного назначения.

При анализе выявленных в кувшинных погребениях артефактов отчётливо прослеживается динамика развития и прогресс, а порой и упадок в хозяйстве, быту и других областях общественного строя. Хотя среди могильного инвентаря кувшинных погребений нередко встречаются предметы, привозимые из других стран, его основу составляют образцы предметов местного производства, свидетельствующие о высоком уровне развития многих отраслей ремесла и хозяйства, широких разносторонних международных связей Албании. Все это оказывает неоценимую помощь в полномасштабной реконструкции многих вопросов истории и культуры Кавказской Албании.

Как было отмечено выше, во время археологических исследований в зоне трубопровода наряду с другими типами разновременных памятников исследовались также некрополи античного периода. Ниже рассматриваются некоторые из этих памятников.

Отметим, что, за исключением одного погребения, обнаруженного на небольшом холмике в Шамкирском районе, все изученные некрополи расположены в Евлахском районе на равнинной местности, долгое время используемой для посевов (рис. 1). Все погребальные кувшины в этих некрополях были уложены в погребальные камеры в горизонтальном положении.

Ялдилинский некрополь. Во время исследований здесь было выявлено 21 кувшинное погребение . Все погребальные кувшины, обнаруженные в Ялдилинском некрополе, были ориентированы (с некоторым незначительным уклоном) по направлению восток – запад. Скелеты внутри погребального кувшина были также ориентированы соответственно (головой к устью кувшина, ногами по направлению ко дну). Все покойники в кувшинах были уложены на левом боку, в сильно скорченном положении (за исключением погребения под номером 21, где покойник был уложен на правый бок). Некоторые исследователи скорченное положение покойников объясняют тем, что для предотвращения нанесения ущерба живым покойников перед погребением связывали (Марковин, 1969, с. 106). По мнению М.А. Бакушева, не исключено, что уложение покойников в могилу в скорченном виде связано с верованием в то, что, приведя их в спящее состояние, они пробудятся в «потустороннем мире» (Бакушев, 2008, с. 79).

Несмотря на то, что во многих случаях в некрополях с кувшинными погребениями прослеживается нестабильность в ориентации погребений (погребальных кувшинов), иногда встречаются также некрополи, где погребения ориентированы в одном направлении. Как и в некрополях с кувшинными погребениями Мингечаура и Самедабада, в Ялдилинском некрополе мы наблюдаем такую же стабильность. Вокруг погребальных кувшинов были расставлены большие керамические сосуды. Внутрь погребальных кувшинов были также положены керамические сосуды относительно меньшего объёма, украшения и пр. Внутри большинства сосудов вокруг погребальных кувшинов прослеживались осадки пищи. Некоторые учёные наполнение сосудов вне погребального кувшина едой связывают с верованием в то, что дух погребённого покойника, для того чтобы питаться, время от времени выходил из кувшина (Xəlilov, 2009, p. 32), но в любом случае этот ритуал предусматривал обеспечение покойника пищей в потустороннем мире.

Отметим, что во всех исследованных кувшинных погребениях встречались крошки угля, а это указывает на разжигание здесь огня во время выполнения погребального обряда. Предполагается, что горевший во время погребения костёр должен был отогнать злых духов (Qazıyev, 1953, p. 9). Исследование Ялдилинских кувшинных погребений показало, что в этом некрополе также были полностью исполнены все погребальные обряды погребения в кувшинах (размещение вокруг и внутрь погребального кувшина инвентаря, наполнение сосудов пищей и напитками, разжигание огня и т.д.). Отметим, что на некоторых погребальных кувшинах (погребения под номером 13 и 14) несколько выше дна, была просверлена дырка диаметром в 15 сантиметров, характерная для части кувшинных погребений. Такие случаи встречались и в других некрополях кувшинных погребений. По мнению специалистов, эти дырки были предусмотрены не для протекания из кувшина жидкостей, образовавшихся во

Рис. 2. Ялдилинский некрополь: 1 – погр. №14; 2 – погр. №18
Fig. 2. Yaldili necropolis: 1 – burial No. 14; 2 – burial No. 18

время процесса гниения трупа, а по верованиям того периода они служили для свободного выхода и возвращения духа покойника из кувшина (Халилов, 1985, s. 79). То, что дырка на погребальном кувшине под номером 13 была просверлена не внизу, а наверху ещё раз подтверждает это предположение.

Внутри кувшинного погребения № 14 были обнаружены фрагменты бронзовой диадемы и бусы разной формы. Бусы изготовлены из пасты, стекла и полудрагоценных камней. Отметим, что диадемы на памятниках Кавказской Албании встречаются редко. Диадемы, или предметы украшения, известные по-другому под названием налобные повязки, головные обручи, налобные короны, встречаются в Азербайджане уже на памятниках бронзового периода (Садыхзаде, 1971, табл. IV). Своеобразием этого кувшинного погребения является наличие на обоих голенях скелета ножных браслетов. На левую ногу было надето 16, на правую – 17 браслетов (рис. 2: 1).

Большое число браслетов на руках и ногах покойников характерно для определённого периода погребального обряда кувшинных погребений. Специалисты, руководившие археологическими раскопками в Мингечеауре, относят погребения с многочисленными браслетами среди инвентаря (например, в одном погребении на правую и левую ногу покойника было надето 56 браслетов) к

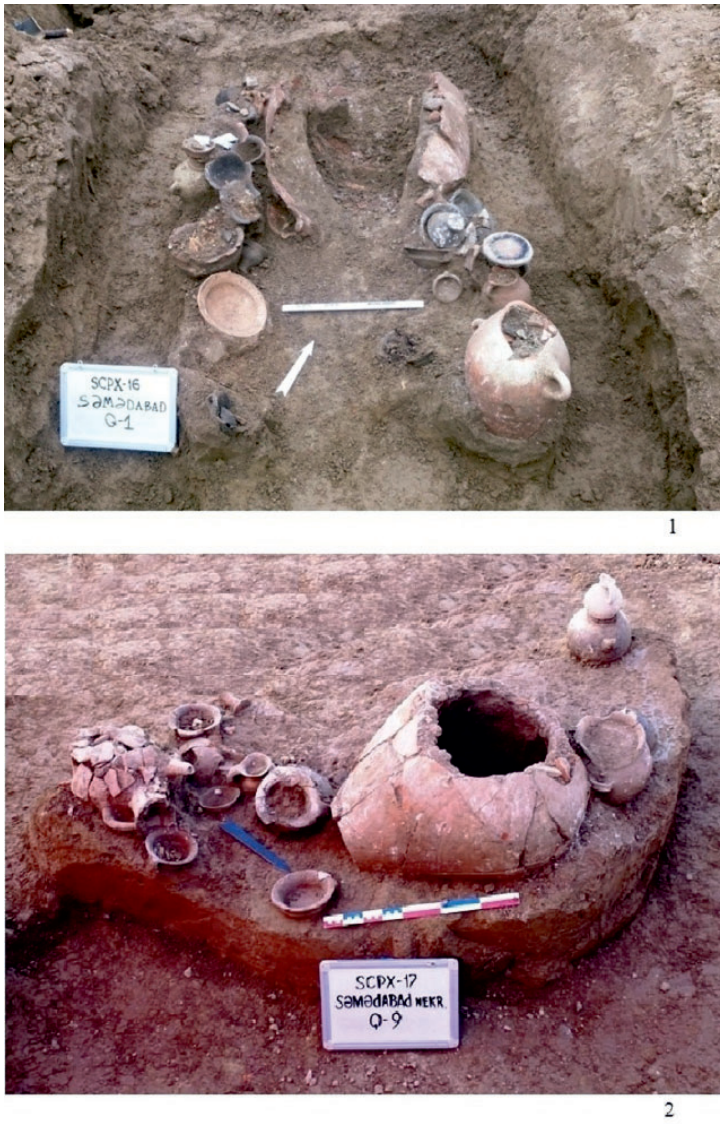

Рис. 3. Самедабадский некрополь: 1 – погр. №1; 2 – погр. №9
Fig. 3. Samadabad necropolis: 1 – burial No 1; 2 – burial No 9

ранней и средней стадии кувшинных погребений (III–II вв. до н. э.) (Qazıyev, 1960, p. 14). В поздних кувшинных погребениях ножные браслеты отсутствуют. По их мнению, нахождение такого количества в погребениях указывает на то, что они были не только украшениями, но также имели обменный и религиозный характер (Qazıyev, 1960, p. 14). Ношение браслетов имело религиозно-магическое значение и считалось обязательным (Ахундова, 2020, с. 68). Это мнение подтверждается также браслетами с плотно прижатыми концами на горловинах сосудов, обнаруженных в Мингечауре (Qazıyev, 1949, p. 80, fig. 4, 5). Специалисты считают, что наличие такого большого количества браслетов в погребении говорит о принадлежности погребённого к определённому классу (Ахундова, 2020, с. 68).

Отличительной чертой погребения № 18 было в том, что его венчик был прикрыт большой крышкой. На верхней части дисковидной крышки имеются две параллельные ручки. Видимо, эта крышка служила для прикрытия танды ров (рис. 2: 2). Вообще, как было отмечено выше, для размещения трупа внутри кувшина его венчик обламывали, а затем прикрывали это место каким-нибудь предметом – например, частью другого керамического сосуда, каменной плитой, кирпичом и т. д. В данном случае эту роль выполнила крышка.

Во время раскопок Ялдилинских кувшинных погребений, обладающих богатым

Рис. 4. Самедабадский некрополь: 1 – погр. №4; 2 – погр. №7
Fig. 4. Samadabad necropolis: 1 – burial No 4; 2 – burial No 7

инвентарём, были получены многочисленные керамические материалы (рис. 5: 1–3). Они состояли из керамических сосудов большого объёма, расставленных вокруг большинства погребальных кувшинов и образцов посуды малого объёма, установленных рядом с покойником внутри кувшина.

Среди интересных находок Ялдилинского некрополя можно отметить горшок среднего размера с вздутым туловищем. На сосуде имеются четыре дугообразные ручки, соединяющие плечико сосуда с краем выступа. Не исключено, что этот сосуд имел ритуальный характер и использовался в религиозных церемониях (рис. 5: 3).

Анализ археологических материалов погребений, проведённые аналогии, наблюдения за погребальным обрядом позволяют отнести Ялдилинский некрополь к III–I вв. до н. э.

Самедабадский некрополь. Во время раскопок было определено, что Самедабадский некрополь содержит в себе два типа погребений. Здесь одновременно были заложены рядом кувшинные и грунтовые погребения. На основе наблюдений стало известно, что верхняя часть погребений подверглась разрушениям. Естественно, это происходило из-за того, что в течение долгого времени земля использовалась для посева.

В Самедабадском некрополе были исследованы 11 погребений. Из них погребения под номерами 1, 2, 3, 5, 8, 9, 10 и 11 являются кувшинными погребениями (рис. 3: 1–2), погребения же под номером 4 и 7 – грунтовыми (рис. 4: 1–2). Из-за большого разрушения погребения № 6 было невозможно определить его тип.

Сырость земли на этой территории плохо повлияла на состояние костей в погребениях. Но, несмотря на это, в неповреждённых погребениях № 3, 4 и 9, а также в относительно разрушенных погребениях № 7, 10 и 11 были обнаружены фрагменты человеческого скелета и костей животных. Отметим, что из-за полного разрушения погребения № 8 не было возможности обнаружить кости скелета, удалось лишь собрать черепки погребального кувшина и сопровождающий материал. Погребения Самедабадского некрополя можно отнести к погребениям с очень богатым инвентарём. Среди инвентаря этих погребений присутствовали образцы многочисленных керамических сосудов, украшения, изготовленные из бронзы и стекла, а также фрагменты железных изделий. Понятно, что, если бы погребения не были разрушены, численность этих артефактов была бы выше. Обнаруженные погребальные кувшины состояли из крупных хозяйственных кувшинов грушевидной формы.

В Самедабадском некрополе в ориентации погребений, независимо от их типов, также наблюдалась стабильность. Все они были

Рис. 5. 1-3 – глиняные сосуды с Ялдилинского некрополя; 4-15 – глиняные сосуды с Самедабадского некрополя
Fig. 5. 1-3 – clay vessels from the Yaldili necropolis; 4-15 – clay vessels from the Samadabad necropolis

уложены по направлению северо-запад – юго-восток. Погребения были заложены на разных глубинах, от 50 до 120 см от дневной поверхности. Высота погребальных кувшинов колебалась между 70–125 см, диаметры туловищ – между 50–80 см. Отметим и то, что между инвентарём кувшинных и грунтовых погребений не было никаких отличий.

Специфическая особенность ваз, обнаруженных в Самедабадском некрополе, состоит в том, что на краю у всех у них имеются ручки в форме выступа, изображающего черепашью голову (рис. 5: 10, 15). Видимо, это опирается на какое-то верование, связанное с тотемизмом. Сосуды этого типа относятся к подгруппе зооморфных сосудов, на поверхность которых частично или полностью нанесены изображения разных животных и птиц. В большинстве случаев на таких сосудах размещалось изображение змеи. Например, на туловище красноглиняного сосуда, обнаруженного в катакомбном погребении Мингечаура, относящегося к I–III вв. н. э., было прилеплено изображение змеи с широко раскрытой пастью (Голубкина, 1953, рис. 43, XXVI, 4). Другой сосуд с изображением змеи был найден в кувшинном погребении Мингечаура I–II вв. н. э. На территории Азербайджана вазы с ручками в зооморфном стиле были найдены в Мингечауре (Голубкина, 1953, рис. 15–16), в каменных ящиках Ярдымлинского района (Кошкарлы, 1992, с. 80–82), в северо-восточных районах Азербайджана (Халилов, 1985, с. 122–123), на памятниках периода раннего железа Дагестана (Пикуль, 1967, с. 114–173). Интересно, что зооморфные рисунки продолжают встречаться также на раннесредневековой керамике (Əhmədov, 1959, table XVIII, 5, 6).

Глиняные сосуды, обнаруженные на раскопочном участке, в основном розового и серого цвета. На поверхность некоторых из них нанесён белый, желтоватый, сероватый, а иногда салатовый ангоб. Глина у них в большинстве случаев смешана с песком, поверхность слегка залощена.

В ходе раскопок были обнаружены нижеуказанные интересные находки:

1. Малообъёмный сосуд типа матры. Часть венчика отколота. Венчик раскрывается наружу. Узкая цилиндрическая горловина постепенно переходит в плечико. Корпус плоский, одна часть выпуклая (рис. 5: 13). Матры были обнаружены на многих памятниках античного периода, в том числе в кувшинных погребениях Мингечаура (Qazıyev, 1960, table XV–XVII), в Ялойлутепе (Исмизаде, 1956, с. 51, табл. XVII, 2, XIX, 2), Шемахе (Nuriyev, 1965, p. 160, table 1, 4) и в Ганыхской (Алазанской) долине Грузии (Ниорадзе, 1940).

2. Качественно изготовленный горшок среднего объёма на трёх ножках. Широкий венчик раскрывается наружу. Под плоским дном имеются три конусообразные ножки. На горловину прилеплен ложный носик овальной формы (рис. 5: 14).

3. Антропоморфная фигура в образе женщины. Чётко вырисовываются голова, нос, брови, руки, бёдра и ноги. Голова напоминает птичью головку. На раскрытых в стороны обеих руках имеется по четыре дугообразные лепки, напоминающие браслеты. Спереди справа находится острая грудь в виде соска, слева – лепка в виде сердца с кругом посредине. Талию опоясывает лепной поясок (кушак) с круглыми пуговками. Ниже пояса и на бёдрах находятся вдавленные точки, создающие треугольники. Такие же вдавленные круглые точки находятся на подставке, на которой стоит статуэтка. Часть левой ноги откололась. Тыльная сторона фигуры плоская. Не взывает сомнений, что эта фигура имела культовый характер и использовалась во время религиозных ритуалов (рис. 10: 13).

Отметим, что аналогичные фигуры обнаружены в разных регионах Азербайджана, а также на Гамарли (Арташасте), Сардарабаде (Армавире), Учмуаззин (Вагаршапарте) и на других памятниках Армении (Хачартян, 1979, с. 87–103, табл. I–III, рис. 2–4), на памятнике Соркине в Грузии (Бохочадзе, 1951, с. 95–96). Терракотовые женские фигуры, относящиеся к описываемому периоду, неоднократно встречались на памятниках античного периода в Центральной Азии: на территории Туркменистана (Ремпель, 1949; Пугаченкова, 1967), в среднем течении реки Амударьи (Пилипко, 1977), Узбекистане (Пугаченкова, 1973, с. 105–108; Воробьева, 1981) и Таджикистане (Мухитдинов, 1975; Мешкерис, 1977).

4. Маленький сосуд светло-розового цвета, у которого венчик, вдавливаясь с краёв, принял форму желобка (рис. 5: 12).

Во время раскопок Самедабадского некрополя были обнаружены стеклянные бусы (рис.

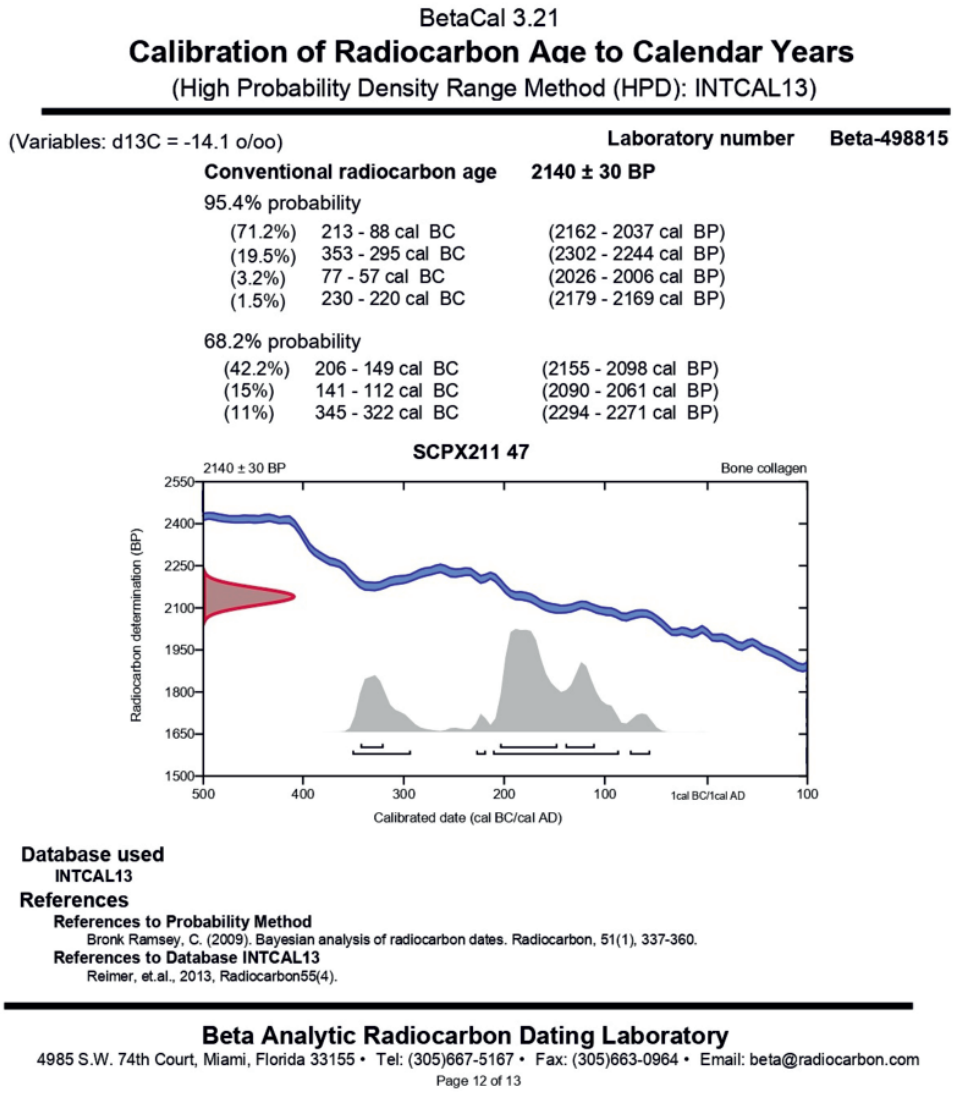

Рис. 6. Результаты ^{14}C-датирования (Самедабадский некрополь, погр. №10)
Fig. 6. Results of ^{14}C dating (Samadabad cemetery, burial No 10)

10: 11). В ходе раскопок были также встречены бусы из агата (рис. 10: 12) и серы.

Из остеологических находок привлекают внимание медвежьи когти.

Анализ образцов материальной культуры, аналогии с другими синхронными памятниками, особенности погребального обряда позволяют внести Самедабадский некрополь в хронологические рамки между концом III века и началом I века до н. э. (рис. 6).

Бейимсаровский некрополь. В Бейимсаровском некрополе были раскопаны и исследованы 11 кувшинных погребений (рис. 7: 1–2; 8: 1–4). Во многих случаях в некрополях с кувшинными погребениями прослеживается нестабильность в ориентации погребальных кувшинов. В Бейимсаровском некрополе мы также частично наблюдаем эту нестабильность. Погребальные кувшины, обнаруженные в некрополе, были ориентированы в основном в западно-восточном направлении, погребение № 1 – в северо-восточном – юго-западном, погребение № 10 – в северо-восточном – юго-западном. Все покойники в кувшинах были уложены на правом боку в сильно скорченном или полускорченном положении. На основе типологических особенностей археологические материалы, обнаруженные на Бейимсаровском некрополе, относятся к II в. до н. э. – II в. н. э.

Вокруг погребальных кувшинов, обнаруженных во всех трёх некрополях, были расставлены большие керамические сосуды. Внутрь погребальных кувшинов были также положены керамические сосуды относительно меньшего объёма, украшения и пр.

Рис. 7. 1-2 – Бейимсаровский некрополь (погр. №6 и №10); 3 – Гаракепенектепинский некрополь (погр. № 1); 4-6 – артефакты, найденные в погр. №1 Гаракепенектепинского некрополя (4 – железные браслеты; 5 – железный кинжал; 6 – железный меч)

Fig. 7. 1-2 – Beyimsar necropolis (burials No. 6 & No. 10); 3 – Garakepenektepe necropolis (burial No. 1); 4-6 – artefacts found in burial No. 1 of the Garakepenektepe necropolis (4 – iron bracelets; 5 – iron dagger; 6 – iron sword)

Внутри большинства сосудов и вокруг погребальных кувшинов прослеживались остатки пищи. Некоторые учёные наполнение сосудов вне погребального кувшина едой связывают с верованием в то, что дух погребённого покойника, для того чтобы питаться, время от времени выходил из кувшина (Xəlilov, 2009, p. 32), но в любом случае этот ритуал предусматривал обеспечение покойника пищей в потустороннем мире.

Во время раскопок некрополей были обнаружены многочисленные богатые материалы. Среди сотен отмеченных образцов материальной культуры преобладают керамические сосуды и их фрагменты. Керамические сосуды, выявленные во всех трёх некрополях, по своей форме и содержанию, за некоторым исключением, мало отличаются от друг от друга. Керамические сосуды, как правило, светло-розового и серого цвета. Иногда встречались экземпляры чёрного и бурого цвета. У одной части из них поверхность покрыта беловатым и желтоватым ангобом. Несмотря на то что большинство сосудов изготовлено вручную, без применения гончарного круга, они очень качественные. На основе типоло-

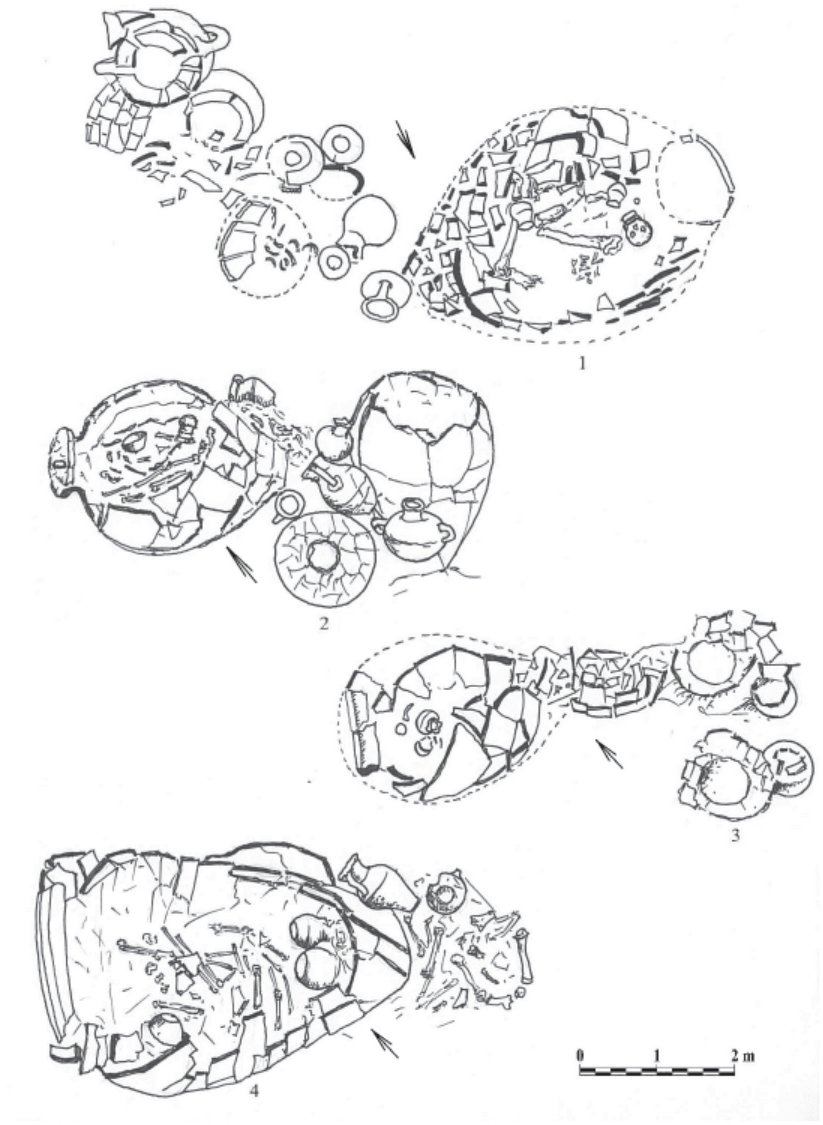

Рис. 8. Бейимсаровский некрополь: 1 – погр. №5; 2 – погр. №6; 3 – погр. №7; 4 – погр. №10 (автор Ф.С. Фарманов)
Fig. 8. Beyimsar necropolis: 1 – burial No. 5; 2 – burial No. 6; 3 – burial No. 7; 4 – burial No. 10 (by F.S. Farmanov)

гических особенностей эти материалы относятся к II в. до н. э. – II в. н. э. Керамические сосуды, выявленные при раскопках, по своему назначению состоят из горшков, мисок, подойников, ваз, кувшинов с лепестковым венчиком (рис. 9; 10: 1–3), кувшинов с носиком (рис. 10: 4), узкогорлых кувшинов, глубоких мисок, жбанов, светильников (рис. 5: 11), крышек и т. д., а также из их фрагментов. Среди погребального инвентаря в некрополе были также маслобойка (рис. 10: 5), матра (рис. 9: 8; 10: 6) и амфора.

Все глиняные сосуды из некрополей являются сосудами Ялойлунского типа, поверхность которых украшена лепными и прочерченными узорами, с круглыми, лепестковыми и желобчатыми венчиками (Шарифов, 1927; Исмизаде, 1956), что говорит о высоком художественном вкусе мастеров, изготовивших их в основном вручную (рис. 5: 4–9). Предметы и украшения, изготовленные из бронзы, состоят из ножных браслетов (ободков) (рис. 10: 7–9), ручных браслетов, диадем, колец, бус, колокольчиков, серёг, пуговиц и разных круглых изделий. Железные изделия представлены оружием и орудиями труда. К оружию относятся лезвия кинжалов, наконечники дротиков, к орудиям труда же – острие лезвия ножа, фрагмент серпа и части железных изделий.

По результатам данных радиоуглеродной лаборатории Beta Analytic (США, Майами), кувшинное погребение Бейимсаровского некрополя под номером 10 можно отнести к ряду поздних погребений (табл. 1).

Таблица 1.
Table 1

Number	Beta	Conventional Age	Calendar calibration (95.4% Probability)	Material	Comments
SCPX Sample 1	483542	2100 +/- 30 BP	95.4% probability| (95.4%) 198 - 47 cal BC (2147 - 1996 cal BP) |	cow bone grave 10	antique period

Гаракепенектепе. Во время археологических раскопок средневекового поселения по линии РЮКТ на территории с. Гараджамирли Шамкирского района Азербайджана был проведён осмотр близлежащего холма Гаракепенектепе. На этом холме наблюдались следы древнего поселения и могильника. Среди них встречались черепки глиняных сосудов, относящихся к бронзовому, античному и средневековому периодам. Также в некоторых местах на данной территории были замечены человеческие кости, вышедшие на поверхность земли. Видимо, это были кости скелетов из расположенных на холме погребений, которые были вскрыты в результате многолетнего вмывания дождями.

Во время осмотра Гаракепенектепе здесь было обнаружено также одно кувшинное погребение. Из-за частичного вскрытия погребение ясно прослеживалось (Əsədov et al., 2017, p. 69–73).

Во время очищения земли вокруг погребального кувшина рядом с дном был обнаружен бурый сосуд кувшинного типа, поставленный впритык к погребальному кувшину. Рядом с сосудом выявились куски дерева. Видимо, здесь в своё время разжигался костёр. Неслучайно поверхность сосуда была покрыта следами сильной гари. Куски угля были встречены также внутри погребального кувшина. Отметим, что случай размещения единственного сосуда рядом с погребальным кувшином был отмечен и в погребении № 12 Ялдилинского некрополя. Здесь у устья погребального кувшина был обнаружен крупный грушевидный сосуд, поставленный впритык к погребальному кувшину (Əsədov et al., 2015, p. 19–27).

После очищения внутренней части погребального кувшина удалось определить положение скелета (рис. 7: 3). Покойник был уложен в погребении головой к устью кувшина (север – юг), что характерно для абсолютного большинства кувшинных погребений Азербайджана. В восточной части кувшина между ногами трупа был размещён большой железный меч (рис. 7: 6). Меч был изготовлен из железного листа путём ковки. Длина меча 85 см, ширина 7 см. Видимо, меч был размещён в погребении без ножен. Обычно у мечей такого типа ножны бывают из дерева, плотно обтянутого кожей и покрытого бронзой. Черенки же у них покрывались костью или деревом, затем закреплялись. Подобные мечи были обнаружены в кувшинных погребениях древней Шемахы (Xəlilov, 1961, p. 36–37, table XXVI, 3), Мингечаура (Асланов и др., 1959, с. 188), Исмаиллы (Cəlilov et al., 2013, p. 61–62) и на других албанских памятниках Азербайджана.

Внутри погребального кувшина, в центральной и западной его части, ближе ко дну были обнаружены два железных браслета (рис. 7: 4), а рядом с ними плоские и длинные куски железного кинжала (рис. 7: 5).

Вообще, по сравнению с мечами, кинжалы в кувшинных погребениях встречаются чаще. Кинжал, обнаруженный в Гаракепенектепинском кувшинном погребении, больше соответствует типу меча, чем четырем характерным типам кинжалов, выделенным Г.М. Асланова (Асланов и др., 1959). Отметим, что внутри погребального кувшина, кроме железных оружий и обручей, не было размещено никакого инвентаря. Лишь когда очищались черепные кости, была обнаружена медная монета во рту покойника. А это говорит о влиянии на албанце в эллинистической культуры. Известно, что, по древним греческим мифам, для перехода реки Стикс, протекавшей между двумя мирами, покойники должны были платить хозяину лодки Харону. Погребальный инвентарь, обнаруженный в кувшинном погребении на Гаракепенектепе, и анализ археологических материалов позволяют отнести это кувшинное погребение к III–II вв. до н. э.

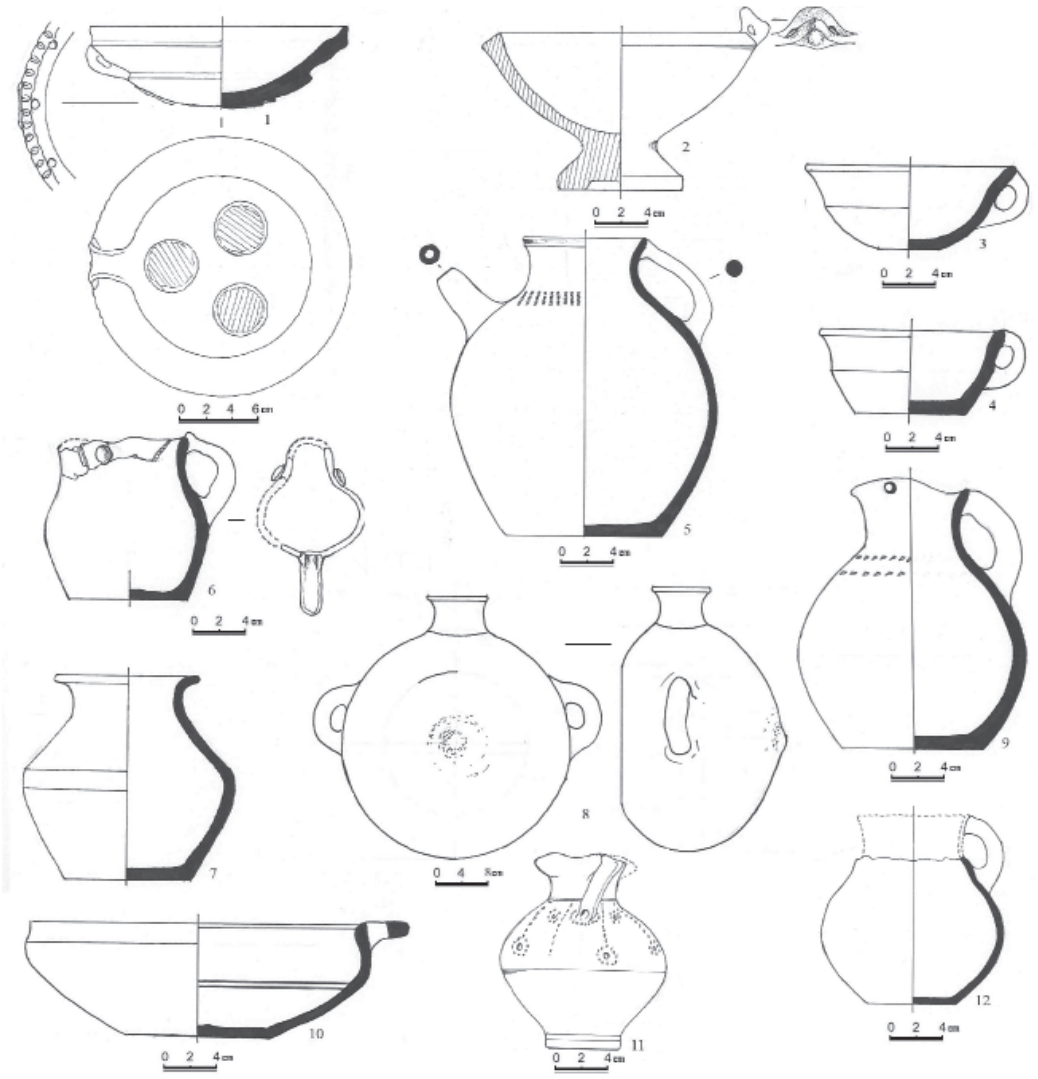

Рис. 9. Глиняные сосуды, найденные в Бейимсаровском некрополе (автор рисунка Ф.С. Фарманова)
Fig. 9. Clay pottery found in the Beyimsar necropolis (drawing by F.S. Farmanov)

Среди вышеуказанных некрополей много сходных черт. Исследование этих памятников дало возможность ещё раз проследить характерные особенности региона в III в. до н. э. – II в. н. э. Сходство между памятниками ярко проявляется как в структуре выявленных погребений, так и в керамических изделиях и украшениях. Во всех некрополях были полностью соблюдены все традиции обряда захоронения в кувшинных и грунтовых погребениях (размещение вокруг и внутри погребального кувшина инвентаря, наличие внутри сосудов осадков пищи и напитков, разжигание огня и т. д.). Несколько отличается кувшинное погребение, обнаруженное на холме Гаракепенектепе. Все погребальные кувшины были уложены вертикально, покойники также были ориентированы по направлению кувшина (головой к устью, ногами ко дну). Образцы материальной культуры во всех погребениях с малыми отклонениями имеют большое сходство по форме и содержанию.

Выводы

Из исследованных сотен кувшинных погребений в Азербайджане получены многочисленные артефакты, представленные разнообразными предметами материальной и духовной культуры. Роль и значение этого богатейшего культурно-исторического наследия в изучении истории и культуры Кавказской Албании, кстати очень слабо освещённых в письменных источниках, неоспоримо. Именно анализ полученных из погребальных памятников Албании, в том числе и из кувшинных погребений, многочисленных и разнообразных артефактов позволил в сочетании с другими памятниками исследовать многие аспекты хозяйственной, идеологиче-

Рис. 10. Артефакты, найденные Бейимсаровском некрополе: 1-6 – глиняные сосуды; 7-9 – бронзовые браслеты; 10-12 – бусы; 13 – глиняная женская статуэтка, найденная в Самедабадском некрополе (погр. №11)

Fig. 10. Artefacts found in the Beyimsar necropolis: 1-6 – pottery; 7-9 – bronze bracelets; 10-12 –beads; 13 – clay female figurine found in the Samadabad necropolis (burial No. 11)

ской, социальной, а порой и политической истории Кавказской Албании на протяжении практически всего периода существования этого государства.

ЛИТЕРАТУРА

Азимбеков И.М. Древности Ленкоранского края // Известия Азербайджанского Археологического комитета. 1926. Вып. 2. С. 66–82.

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. Баку: АН Азерб. ССР, 1959. 190 с.

Ахундова Г.К. Украшения Азербайджана античного периода. Баку: Elm və Təhsil, 2020. 280 с.

Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э.-III в. н.э. Баку: Элм, 1990. 235 с.

Бабаев И.А. Черепицы античной эпохи из раскопок Кабалы // Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку: Elm, 1972. С. 23.

Бакушев М.А. Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э.-IV в. н. э). Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2008. 206 с.

Бохочадзе А.В. Настакиси, Саркинэ, Дзалиси – города Иберии – античной эпохи // КСИА. Вып. 151 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1951. С. 93–102.

Воробьева М.Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма / Отв. ред. М.А. Итина. М.: Наука, 1981. С. 184–194.

Голубкина Т.И. Ажурные ткани из кувшинного погребения Мингечаура // СА. 1971. № 3. С. 257–263.

Голубкина Т.И. О зооморфной керамике из Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Вып. 2. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1951. С. 103–140.

Даниелян О.А. Парное погребение в кувшине из Мингечаура // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. 1959. Т. 15. № 3. С. 263–268.

Ионе Г.И. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Вып. 2. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1951. С. 31–79.

Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку: АН Азерб. ССР. 1956. 132 с.

Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку: Элм, 1985. 138 с.

Кошкарлы К.О. Пештасарский некрополь // Известия АН Аз. ССР. 1992. № 1-2. С. 79–93.

Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку: Элм, 1986. 281 с.

Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура / МИА. № 122. М.: Наука, 1969. 116 с.

Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе: Дониш, 1977. 151 с.

Мещанинов И.И. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 г. // Труды Азерб. ФАН СССР. 1936. Т. 24. С. 5–31.

Мухитдинов Х.Ю. Терракоты Саксанохура // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2 / Отв. ред. Б.Г. Гафуров и др. М.: Наука, 1975. С. 378–382.

Ниорадзе Г. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси: Мецниерба, 1940. 109 с.

Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала: Ин-т истории языка и литературы им. Г. Цадасы, 1967. 175 с.

Пилипко В.Н. Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи // СА. 1977. № 1. С. 187–202.

Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1973. С. 78–128.

Ремпель Л.И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. I / Отв. ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Туркменской филиал АН СССР, 1949. С. 332–372.

Садыхзаде Ш.Г. Древние украшения Азербайджана. Баку: Ишыг, 1971. 84 с.

Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э.-III в. н.э.). Баку: Элм, 1985. 276 с.

Хачатрян Ж.Д. Об античной коропластике Армении // ВДИ. 1979. № 3. С. 87–103.

Шарифов Д.М. Раскопки в Ялойлу-Тапа (Нухинский уезд 1929) / Материалы Азгосмузея. Вып. 1. Баку: Общество обследования и изучения АССР, 1927. 32 с.

Cəlilov B.M., Quliyev A. Hüseynov M.M. Çərmədil nekropolu. Bakı: Xəzər universiteti nəşriyyatı, 2013. 96 s.

Əhmədov Q.M. Azərbaycanın şirsiz keramikası. Bakı: Azərb.SSR EA nəşriyyatı, 1959. 224 s.

Əsədov V.A., Ağalarzadə A.M., Əbdürrəhmanov Ə.İ. Yəldili nekropolunun yeni qəbirləri // Dövlət və din. 2015. № 10 (39). S. 19-27.

Əsədov V.A., Hüseynov M.M., Fərmanov F.S. Qarakəpənəktəpə yaşayış yerindən tapılmış küp qəbir // Dövlət və din. 2017. № 4 (51). S. 69–73.

Maynard D., Goshgarli G.O., Museybli N.A., Najafov Sh.N., Asadov V.A., Agalarzadeh A.M., Kirichenko D.A., Huseynov M.M., Zeynalov A.A. Archaeological excavations on the SCPX Pipeline. Azerbaijan 2013-2018 // Internet Archaeology. 2022. Vol. 59. DOI: 10.11141/ia.59.11 70 p.

Nuriyev A.V. Gümüşlü yaşayış yeri haqqında ilk məlumat // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. 1965. Cild 6. S. 159–166.

Qazıyev S.M. Mingəsevirdə arxeoloji yadigarlar // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. 1949. Cild 1. S. 71–86.

Qazıyev S.M. İki küp və iki katakomba qəbri // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. 1953. Cild 3. S. 5–35.

Qazıyev S.M. Küp qəbirləri albomu. Bakı: Azərb. SSR EA nəşriyyatı, 1960. 44 s.

Xəlilov C.Ə. Xınıslı qədim yaşayış yeri // Azərb. SSR EA-nın Xəbərləri. İctimai elmlər seriyası. 1961. № 3. S. 31–47.

Xəlilov M.C. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı: Nafta-Press, 2009. 180 s.

Информация об авторах:

Асадов Вагиф Арифович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); asadov@gmail.com

Наджафов Шамиль Надирович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); shamil_necefov@mail.ru

REFERENCES

Azimbekov, I. M. 1926. In *Izvestiya Azerbaydzhanskogo Arkheologicheskogo komiteta (Bulletin of the Azerbaijan Archaeological Committee)* 2, 67–88 (in Russian).

Aslanov, G. M., Vaidov, R. M., Ione, G. I. 1959. *Drevniy Mingechaur (Ancient Mingachevir).* Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (in Russian).

Akhundova, G. K. 2020. *Ukrasheniya Azerbaydzhana antichnogo perioda (Ornaments of Azerbaijan in the classical era)*. Baku: "Elm və Təhsil" Publ. (in Russian).

Babayev, I. A. 1990. *Goroda Kavkazskoy Albanii v IV v. do n.e.-III v. n.e. (Cities of Caucasian Albania in the IV century BC – III century AD)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Babayev, I. A. 1972. In *Materialy k sessii, posvyashchennoy itogam polevykh arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1971 g. v SSSR (Materials for the session following the results of field archaeological and ethnographic research in 1971 in the USSR).* Baku: "Elm" Publ., 23 (in Russian).

Bakushev, M. A. 2008. *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Dagestana albano-sarmatskogo vremeni (III v. do n.e. – IV v. n. e) (Burial rite of the population of Dagestan during the Albanian-Sarmatian period (III century BC – IV century AD)).* Rostov on Don: "Rostizdat" Publ. (in Russian).

Bokhochadze, A. V. 1951. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 151. Moscow: "Nauka" Publ., 93–102 (in Russian).

Vorob'yeva, M. G. 1981. In Itina, M. A. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma (Culture and Art of Ancient Khorezm).* Moscow: "Nauka" Publ., 184–194 (in Russian).

Golubkina, T. I. 1971. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 257–263 (in Russian).

Golubkina, T. I. 1951. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* II. Baku: "Elm" Publ., 103–140 (in Russian).

Daniyelyan, O. A. 1959. In *Doklady AN Azerb. SSR (Reports of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR)* (15) 3, 263–268 (in Russian).

Ione, G. I. 1951. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* II. Baku: "Elm" Publ., 31–79 (in Russian).

Ismizade, O. Sh. 1956. *Yaloylutepinskaya kul'tura (Yaloylutepe culture).* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Koshkarly, K. O. 1985. *Antichnaya i rannesrednevekovaya torevtika iz Azerbaydzhana (Classical and early medieval toreutics from Azerbaijan)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Koshkarly, K. O. 1992. In *Izvestiia Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR)* 1–2, 3079–93 (in Russian).

Mamedova, F. Dzh. 1986. *Politicheskaya istoriya i istoricheskaya geografiya Kavkazskoy Albanii (Political history and historical geography of Caucasian Albania)* . Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Markovin, V. I. 1969. *Dagestan i gornaia Chechnia v drevnosti: Kaiakentsko-khorochoevskaia kultura (Dagestan and mountainous Chechnya in ancient times: Kayakent-Khorochoy culture).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 122. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Meshkeris, V. A. 1936. *Koroplastika Sogda (Coroplastics of Sogd*). Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).

Meshaninov, I. I. 1936. In *Trudy Azerb. FAN SSSR (Proceedings of the Azerbaijan Academy of Sciences of the USSR)* 24, 5–31 (in Russian).

Mukhitdinov, Kh. Yu. 1975. In Gafurov, B. G. (ed.). *Tsentral'naya Aziya v kushanskuyu epokhu (Central Asia in the Kushan Era)* 2. Moscow: "Nauka" Publ., 378–382 (in Russian).

Nioradze, G. 1940. *Raskopki v Alazanskoy doline (Excavations in the Alazani valley).* Tbilisi: "Metsniyerba" Publ. (in Russian).

Pikul, M. I. 1967. *Epokha rannego zheleza v Dagestane (The Early Iron Age in Dagestan).* Makhachkala: G. Tsadasa Institute of History of Language and Literature (in Russian).

Pilipko, V. N. 1977. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 187–202 (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1973. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Iz istorii antichnoy kul'tury Uzbekstana (From the history of the classical era culture of Uzbekistan)*. Tashkent: "Izd-vo lit. i iskusstva im. G. Guliama" Publ., 78–128 (in Russian).

Rempel, L. I. 1949. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* (*Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* I. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 332–372 (in Russian).

Sadikhzade, Sh. G. 1971. *Drevniye ukrasheniya Azerbaydzhana (Ancient ornaments of Azerbaijan).* Baku: "Ishyg" Publ. (in Russian).

Khalilov, Dzh. A. 1985. *Materialnaia kultura Kavkazskoi Albanii (IV v. do n.e.-III v. n.e.) (Material culture of the Caucasian Albania (IV century BC – III century AD)).* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Khachatryan, Zh. D. 1979. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* 3, 87–103 (in Russian).

Sharifov, D. M. 1927. *Raskopki v Ialoilu-Tapa (Nukhinskii uezd 1929) (Excavations in Yaloylu-Tapa (Nukha district, 1929)).* Series: Materialy Azgosmuzeya (Materials of the Azerbaijan State Museum). Vol. 1. Baku: Society for the Survey and Study of the Azerbaijani SSR (in Russian).

Jalilov, B. M., Guliyev, A., Huseynov, M. M. 2013. *Çərmədil nekropolu (Chermadil necropolis).* Baku: Khazar University (in Azerbaijani).

Akhmadov, G. M. 1959. *Azərbaycanın şirsiz keramikası (Unglazed ceramics of Azerbaijan)*. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijanian SSR (in Azerbaijani).

Asadov, V. A., Agalarzade, A. M., Abdurrakhmanov, A. I. 2015. In *Dövlət və din (State and religion)* 10 (39), 19–27 (in Azerbaijani).

Asadov, V. A., Huseynov, M. M., Farmanov, F. S. 2017. In *Dövlət və din (State and religion)* 4 (51), 69–73 (in Azerbaijani).

Maynard, D., Goshgarli, G. O., Museybli, N. A., Najafov, Sh. N., Asadov, V. A., Agalarzadeh, A. M., Kirichenko, D. A., Huseynov, M. M., Zeynalov, A. A. 2022. In *Internet Archaeology* (59). DOI: 10.11141/ia.59.11 70 p.

Nuriyev, A. V. 1965. In *Azərbaycanın maddi mədəniyyəti* (*Material Culture of Azerbaijan)* 6, 159–166 (in Azerbaijani).

Gaziyev, S. M. 1949. In *Azərbaycanın maddi mədəniyyəti* (*Material Culture of Azerbaijan)* 1, 71–86 (in Azerbaijani).

Gaziyev, S. M. 1953. In *Azərbaycanın maddi mədəniyyəti* (*Material Culture of Azerbaijan)* 3, 5–35 (in Azerbaijani).

Gaziyev, S. M. 1960. *Küp qəbirləri albomu (Album of jug graves).* Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (in Azerbaijani).

Khalilov, Dzh. A. 1961. In *Azərb. SSR EA-nın Xəbərləri. İctimai elmlər seriyası (News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Social sciences series)* (3), 31–47 (in Azerbaijani).

Khalilov, M. J. 2009. *Albaniyanın qəbir abidələri (IV-X əsrlər)* (*Grave monuments of Albania (IV-X centuries)).* Baku: "Nafta-Press" Publ. (in Azerbaijani).

About the Authors:

Asadov Vagif A. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid ave 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; vaqif-amea@mail.ru

Najafov Shamil N. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid ave. 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; shamil_necefov@mail.ru

Статья поступила в журнал 16.06.2025 г.
Статья принята к публикации 31.01.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.21 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.187.200

КУРГАНЫ «С УСАМИ» НА ВОСТОКЕ КАЗАХСТАНА: МЕТОДИКА ПОИСКА И РЕЗУЛЬТАТЫ[1]

©2026 г. А.А. Пушкарев, А.К. Айткали

Курганы «с усами» – погребально-поминальные комплексы, распространенные на обширной территории степной зоны Евразии. Вопросы их происхождения, хронологии и культурной принадлежности вот уже почти столетие являются предметом горячих споров среди археологов. В статье предлагается комплексная методика поиска курганов «с усами» с помощью спутниковых снимков. Она успешно применена на обширной территории Восточного Казахстана и Восточной Сарыарки и позволила выявить 183 ранее неизвестных кургана «с усами», что обеспечило прирост источниковой базы в пределах рассматриваемой области исследований на 270%. Это особенно важно в связи с гипотезой о формировании данной традиции именно в восточном ареале ее распространения. Введенные в научный оборот новые источники имеют большое значение в целом для изучения темы курганов «с усами». В количественном отношении выявленные объекты на 29% увеличили источниковую базу всех ранее выявленных курганов на территории степной зоны Евразии от Восточного Туркестана до Приднепровья. Описанная в статье методика может быть применена для поиска курганов «с усами» на других территориях их распространения. Проведенное исследование показало, что значительные ограничения метода встречены лишь в высокогорных районах Алтая, где из-за густого растительного покрова курганы «с усами» оказались неразличимы на спутниковой съемке.

Ключевые слова: археология, курганы «с усами», спутниковые снимки, геоинформационные системы, археологическая разведка, Восточный Казахстан, Центральная Азия

BARROWS WITH “MOUSTACHES” IN EASTERN KAZAKHSTAN: IDENTIFICATION METHODOLOGY AND RESULTS[2]

A. Pushkarev, A. Aitkali

Barrows with “moustaches” are burial and memorial sites distributed across a vast expanse of the Eurasian steppe zone. Issues concerning their provenance, chronology and cultural attribution have remained the subject of intense debate among archaeologists for nearly a century. This article proposes an comprehensive methodology for identifying barrowss with “moustaches” using satellite imagery. The approach was successfully applied over the extensive part of Eastern Kazakhstan and Eastern Saryarka, resulting in the identification of 183 previously unknown barrows with “moustaches” and increasing the source base for the study area by 270%. This is particularly significant in light of the hypothesis that this tradition originated in the eastern part of its distribution range. The newly introduced evidence is of considerable importance for the study of barrows with “moustaches” as a whole. Quantitatively, the newly identified sites increase by 29% the total number of previously recorded barrows of this type across the Eurasian steppe, from Eastern Turkestan to the Dnieper region. The methodology described in this article can also be applied for the searching barrows with “moustaches” in other parts of their distribution area. The study has shown that the method encounters serious limitations only in the high-mountain regions of the Altai, where dense vegetation cover renders these monuments indistinguishable in satellite imagery.

Keywords: archaeology, barows with “moustaches”, satellite imagery, GIS, archaeological reconnaissance, Eastern Kazakhstan, Central Asia

Введение

Курганы «с усами» представляют собой поминально-погребальные комплексы, включающие одну или несколько курганных насыпей и отходящие в восточном направлении две (реже одну) дуговидные гряды. Эти особые строения распространены на обширной территории степной зоны Евразии от Восточ-

[1] Статья подготовлена в рамках проекта по программно-целевому финансированию КН МНВО РК BR24992916 "Комплексные историко-археологические исследования области Абай

[2] The paper was fulfilled as a part of the Program BR24992916 “Comprehensive historical and archaeological research of the Abai region”

ного Туркестана на востоке до Приднепровья на западе (Грудочко, 2020а). Наибольшая концентрация курганов «с усами» фиксируется в Урало-Казахстанских степях, главным образом, в Центральном Казахстане, где на сегодняшний день зафиксировано более 400 таких объектов (Бейсенов, 2017).

Изучение курганов «с усами» (объектов с каменными грядами) как самостоятельного типа археологических памятников начинается в первой половине XX в., когда в степной зоне Казахстана были зафиксированы курганные сооружения, от которых отходят каменные гряды значительной протяженности. Уже в ранних обзорах подчеркивалось, что в формировании источниковедческой базы и постановке ключевых вопросов (распространение, конструкция, функция) существенную роль сыграли классики казахстанской археологии – А.Х. Маргулан, А.М. Оразбаев, М.К. Кадырбаев, С.М. Ахинжанов, Ф.Х. Арсланова и др. (Айткали и др., 2019).

В 1950–1960-е гг. формируется типологический подход, в рамках которого ключевыми признаками становятся композиция ансамбля, конфигурация и ориентировка гряд, а также соотношение «центрального» и «периферийных» элементов. На этом фоне в историографии закрепляется представление о необходимости рассматривать объект как единый архитектурно-ритуальный комплекс, а не совокупность изолированных деталей (Маргулан, 1949; Кадырбаев, 1966).

Существенный поворот в развитии темы связан с расширением географии исследований в восточный сектор Сарыарки и на восток Казахстана. С точки зрения степени изученности важно, что регион долгое время воспринимался как зона единичных и эпизодически изученных объектов (Бейсенов, 2017). Отсутствие системных исследований и репрезентативных раскопочных серий привело к тому, что восточный регион, несмотря на рост выявленных памятников, долго не рассматривался в числе вероятных центров формирования данного феномена. В последнее время с появлением новых данных исследователи высказывают гипотезу об истоках традиции курганов «с усами» именно с восточного ареала их распространения (Грудочко, 2020а, с. 121).

Внутри восточноказахстанского массива в 2010–2020-е гг. наметился переход к крупномасштабному учетно-разведочному этапу и постановке задач по серийному изучению. Так, по материалам обследования хребта Чингистау зафиксирован массив более чем из 560 объектов различных эпох, среди которых выявлены 36 курганов «с усами», что составило более половины от их общего количества, известного тогда на территории Восточного Казахстана (Бейсенов и др., 2017).

С историографической точки зрения наиболее устойчивой остается проблематика культурной и хронологической атрибуции. Для памятников Чингистау эта проблема прямо обозначена как «малоизученная и нерешенная» (Бейсенов и др., 2016). В более широком масштабе дискуссионность датировок подчеркивается и на сводном материале. Указывается, что вопросы хронологической атрибуции остаются спорными, несмотря на рост числа учтенных объектов и расширение географии исследований (Грудочко, 2020б).

В этой связи в научной литературе акцентируется необходимость перехода от преимущественно типологического «визуального» описания к междисциплинарному подходу, обеспечивающему уточнение датировки конкретных сооружений и выявление этапов возведения архитектурного комплекса. Таким образом, развитие исследований курганов «с усами» характеризуется последовательным переходом от этапа фиксации и описания к систематизации, типологическому анализу и интеграции междисциплинарных методов (Бейсенов и др., 2025).

Восточный Казахстан и Восточная Сарыарка в новейших работах выступают ключевыми территориями, на материале которых наиболее отчетливо виден рост источниковой базы. При этом отмечается ограниченность полевых данных: низкая доля раскопанных сооружений, недостаточная проработка стратиграфии и межгрядовых участков (Самашев, 2021). Совокупность этих факторов определяет приоритетные направления дальнейших исследований.

В последние десятилетия расширяется картографическая база, внедряются дистанционные методы фиксации и поиска, формируется практика сопоставления локальных групп и территориальных серий курганов «с усами». В работах, посвященных каменным грядам, подчеркивается, что использование дистанционных и естественнонаучных мето-

дов только набирает обороты, а полноценная интерпретация требует раскопок широкими площадями и тщательной документации площадок между грядами (Грудочко, 2020а; 2020б).

В рамках данного направления в статье предлагается методика поиска курганов «с усами» по данным спутниковой съемки. Ее применение позволяет обследовать обширные территории, практически недоступные для традиционной археологической разведки. Это способствует введению в научный оборот значительного количества новых источников и создает основу для дальнейшего изучения хронологии, происхождения и региональных особенностей традиции курганов «с усами».

Материалы и методы

Основные инструменты, использованные при проведении исследований, относятся к области геоинформационных систем (ГИС) в археологии (Conolly, Lake, 2006; Siart et al., 2018). В работе применяется широкий арсенал ГИС-методов: базовое картографирование на этапе историографических изысканий, работа с данными дистанционного зондирования (спутниковые снимки и цифровые модели местности) во время поиска археологических объектов, пространственная классификация и фильтрация объектов в процессе анализа полученных данных.

Исследование выполнялось с использованием программного обеспечения QGIS – свободно распространяемой ГИС-платформы, развиваемой международным профессиональным сообществом (QGIS, 2026). Выбор QGIS соответствует одной из задач настоящего исследования – описанию методики поиска курганов «с усами» и других археологических объектов, доступной широкому кругу исследователей. В QGIS использовались многочисленные встроенные инструменты картографирования, ГИС-анализа, пространственной классификации и фильтрации данных. Дополнительно применялись модули, расширяющие основной функционал программы. Для наших исследований активно применялись: QuickMapServices – модуль для подгрузки картографических сервисов, OpenTopography DEM Downloader – модуль для загрузки цифровой модели местности с глобальным покрытием, OSM Place Search – модуль для поиска топонимов, Lat Lon Tools и Calculate Geometry – модули для работы с географическими координатами, Layer Toggle Hotkeys – модуль для настройки горячих клавиш для слоев.

Основные картографические данные, которые использовались в процессе поиска – это спутниковые снимки сервисов Bing Maps (Bing Maps, 2026), Google Maps (Google Maps, 2026), Яндекс Карты (Яндекс Карты, 2026). В качестве вспомогательных данных использовались топографические карты OpenStreetMap (OpenStreetMap, 2026) и топокарты 1970–1980-х гг. (Российские топокарты, 2026). Все данные использовались в рамках лицензионных соглашений, предложенных соответствующими картографическими сервисами.

Описанный в статье алгоритм обработки и анализа данных является развитием методики разведки археологических памятников, примененной на горном хребте Тарбагатай (Пушкарев, 2025). В рамках данной статьи выбрана отдельная категория археологических памятников – курганы «с усами», и апробированные ранее методы и инструменты адаптированы именно для их поиска.

Результаты

В современном административном делении территория исследования находится в границах Восточно-Казахстанской и Абайской областей Республики Казахстан (рис. 1). Это историко-культурные и географические регионы Восточного Казахстана (Казахский Алтай, Тарбагатай и их предгорья) и Восточной Сарыарки (Казахский мелкосопочник). Обширная площадь данных территорий вкупе с малой освоенностью и труднодоступностью многих районов вызывала большие сложности в поиске археологических памятников всех эпох.

Курганы «с усами» во время их визуального поиска на местности практически не отличаются от большинства других курганов. Каменные гряды, несмотря на их большую протяженность, слабо выделяются на фоне окружающего ландшафта. Часто они плохо выражены в рельефе и поэтому уверенно идентифицировать их можно лишь при непосредственном осмотре.

Появление общедоступных глобальных данных спутниковой съемки значительно упростило поиск археологических памятников, хорошо выраженных на современной дневной поверхности. Использование данных спутниковой съемки позволило исследовать

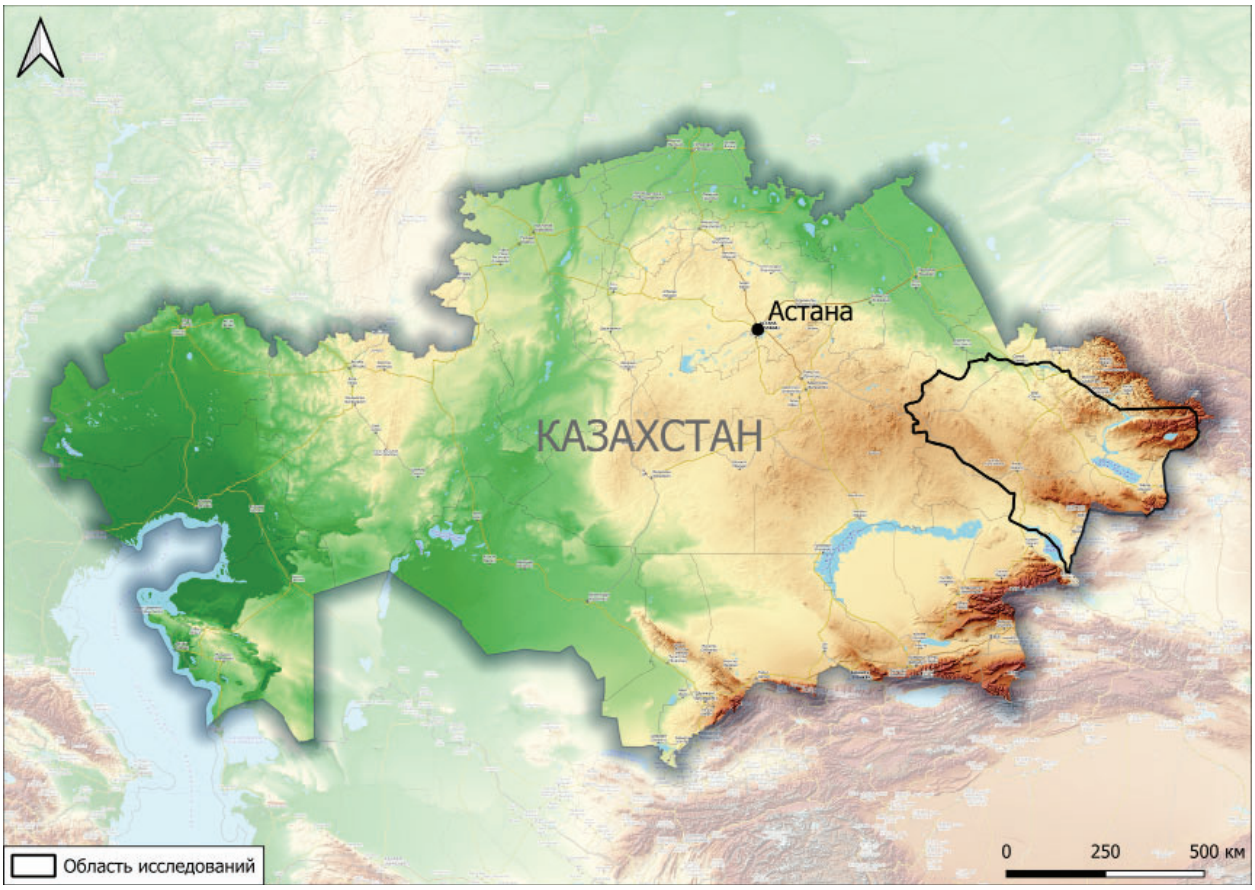

Рис. 1. Область исследований.
Fig. 1. Research area.

труднодоступные горные районы и предгорья, где наиболее часто встречаются курганы «с усами». Более того, перевод разведки из сложных полевых работ в камеральные исследования на компьютере позволил с ранее недостижимой скоростью и детальностью проводить поиск археологических объектов.

В ходе разведки по данным спутниковой съемки была разработана и апробирована методика, включающая три основных этапа: историографический, поисковый и проверочный. Совокупное применение этих этапов обеспечило достоверность полученных результатов.

Историографический этап состоял в поиске информации о курганах «с усами», ранее выявленных на территории Восточно-Казахстанской и Абайской областей. В круг поиска входили все виды научных публикаций и архивных источников.

Наиболее сложной являлась локализация археологических памятников, не имеющих в описании точных географических координат. Для поиска устаревших топонимов, ликвидированных населенных пунктов и т. п. активно использовались советские топографические карты 1970–1980-х гг. и информационный сервис OpenStreetMap. Для точной локализации использовались данные спутниковой съемки Google Satellite и Bing Satellite, которые сравнивались с описаниями и топографическими планами памятников.

В результате в архивных источниках и публикациях выявлено 44 могильника, содержащие в общей сложности 68 курганов «с усами» (рис. 2, таблица 1). Из них точно локализованы по спутниковым снимкам 22 могильника, содержавших 40 курганов «с усами». Эти данные стали эталонными для будущего поиска ранее неизвестных объектов.

Большая часть точно локализованных курганов «с усами» хорошо читается на спутниковых снимках, например, на могильнике Каракушик-2 (рис. 3: А). Имеются случаи, когда они плохо видны, либо вовсе скрыты. Плохо читаемые объекты встречены на могильниках: Сарытау, Сарыжомарт, Текебулак-2 (рис. 3: Б), Карабулак. Объекты, которые

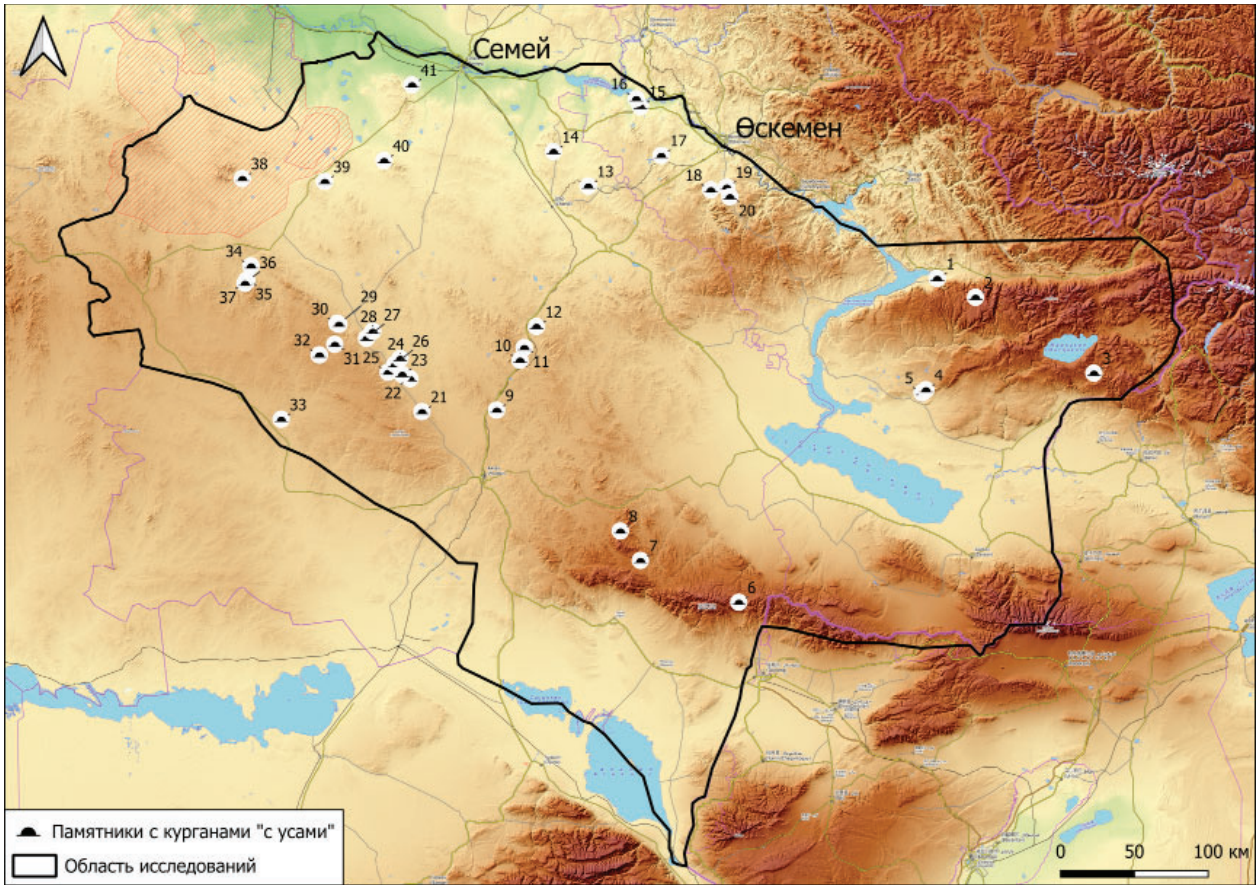

Рис. 2. Памятники с курганами «с усами», выявленные по архивным источникам и публикациям.
Fig. 2. Sites with barrows with “moustaches” identified from archives and publications.

Таблица 1. Памятники с курганами «с усами», выявленные по архивным источникам и публикациям
Table 1. Sites with barrows with “moustaches” identified from archives and publications

№	Наименование	К-во КсУ	Ссылка
1	Балгын	1	Свод..., 2006, с. 117
2	Акжайлау	1	Самашев и др., 2022, с. 185–194
3	Жайдак 6	1	Самашев, Чотбаев, 2020, с. 19–20
4	Курган "с усами" восточнее с. Жилытау	1	Свод …, 2006, с. 170
5	Жилытау 7	1	Свод …, 2006, с. 167
6	Шалкак	1	Толеубаев и др., 1998, с. 223 рис. 1. №2
7	Сынтас	1	Толеубаев и др., 1998, с. 223, рис. 1. №1
8	Бокенбай 2	1	Омаров и др., 2024, с. 39
9	Токай	1	Бейсенов и др., 2017, с. 55, таб. 4: №1
10	Аршалы 5	1	Свод …, 2006, с. 79; Омаров и др., 2023, с. 18
11	Сарытау	1	Умиткалиев и др., 2025, с. 1545–1559
12	Дельбегетей	1	Свод …, 2006, с. 75
13	Жартас I (Джартас I)	1	Археологические памятники..., 1987, с. 115–117, рис. 61
14	Зевакинский	3	Арсланова, 1975, с. 116–117
15	Курган "с усами" к западу от мог. Аиртау	1	Свод …, 2006, с. 234
16	Точка	1	Самашев, Қиясбек, 2022, с. 256–257

17	Кызылтас	4	Самашев, Қиясбек, 2022, с. 254–256
18	Бестерек 1	1	Самашев и др., 2024, с. 135–137
19	Секен	1	Свод …, 2006, с. 80
20	Капанбулак	1	Омаров и др., 2023, с. 57
21	Бокай	2	Бейсенов и др., 2017, с. 55–56, таб. 4: №12–13
22	Барлыбай-3	1	Бейсенов и др., 2017, с. 56, таб. 4: №14
23	Кул	1	Бейсенов и др., 2017, с. 55, таб. 4: №7
24	Мендеке	1	Бейсенов и др., 2017, с. 55, таб. 4: №5–6
25	Акши	2	Бейсенов и др., 2017, с. 55, таб. 4: №8–9
26	Актумсык	1	Бейсенов и др., 2017, с. 55, таб. 4: №4
27	Мибулак	1	Бейсенов и др., 2017, с. 55, таб. 4: №3
28	Сарыжомарт	1	Омаров и др., 2024, с. 21
29	Каракушик-2	4	Бейсенов и др., 2017, с. 56, таб. 4: №15–18
30	Каракушик-1	2	Бейсенов и др., 2017, с. 56, таб. 4: №19–20
31	Шаткалан	2	Бейсенов и др., 2017, с. 55, таб. 4: №10–11
32	Текебулак 2	1	Свод …, 2006, с. 37
33	Байкошкар	1	Бейсенов и др., 2017, с. 55, таб. 4: №2
34	Кырыкунгир	1	Бейсенов и др., 2017, с. 56, таб. 4: №28; Умиткалиев и др., 2016, с. 272–280
35	Карабулак	4	Бейсенов и др., 2017, с. 56, таб. 4: №24–27
36	Айтуган-1	2	Бейсенов и др., 2017, с. 56, таб. 4: №21–22
37	Айтуган-2	1	Бейсенов и др., 2017, с. 56, таб. 4: №23
38	Узынбулак-2	6	Бейсенов и др., 2017, с. 56, таб. 4: №29–32
39	Кокен	4	Бейсенов и др., 2017, с. 56, таб. 4: №33–36
40	Каратобе	1	Исин и др., 2018, с. 108–110; Айткали и др., 2019, с. 208–222
41	Сарыбулак	1	Жунисханов, Дупью, 2020, с. 70–78
б/н*	Сок	1	Толеубаев и др., 1998, с. 223, рис. 1: №3
б/н*	Байгали	1	Толеубаев и др., 1998, с. 223, рис. 1: №4
б/н*	Жиланды	1	Толеубаев и др., 1998, с. 224, рис. 2.

Примечание:
Номера в таблице 1 соответствуют номерам, указанным на рис. 2
* номер не указан, так как местоположение памятника на карте не определено

совершенно не видны на спутниковых снимках, встречены на могильниках: Кызылтас, Бестерек 1, Карабулак, Каратобе. В частности, курган «с усами» Каратобе стал виден на спутниковом снимке только после проведения раскопок (рис. 3: В).

В результате историографических исследований получена первичная карта распространения курганов «с усами» на изучаемой территории. Она послужила важным ориентиром на поисковом этапе. Исследованы эталонные образцы с отображением курганов «с усами» на спутниковых снимках Google Satellite и Bing Satellite. Особенно детально изучены курганы, которые плохо видны на спутниковых снимках, либо вовсе скрыты. Они наглядно демонстрируют, что в некоторых случаях идентификация искомых объектов на снимках может быть существенно затруднена.

Поисковый этап являлся самым длительным и трудоемким во всей процедуре исследования. На этом этапе осуществлялся визуальный просмотр спутниковых снимков по ячейкам сетки. Размер каждой ячейки составлял 1×0,45 км. Просмотр с поочередным перелистыванием областей карты был организован с помощью функции по автоматизации «автоматическое центрирование экрана карты при выделении ячейки» и «горячих клавиш» для инструментов (1) zoom и центрирование ячейки по размеру экрана; (2) включение инструментов выделения, (3) включение/отключение внешних картографических слоев, (4) создание векторных объектов. Поиск осуществлялся последовательно рядами с севера на юг. При завершении очередного ряда отсмотренные ячейки удалялись и осуществлялся просмотр следующего ряда и т. д.

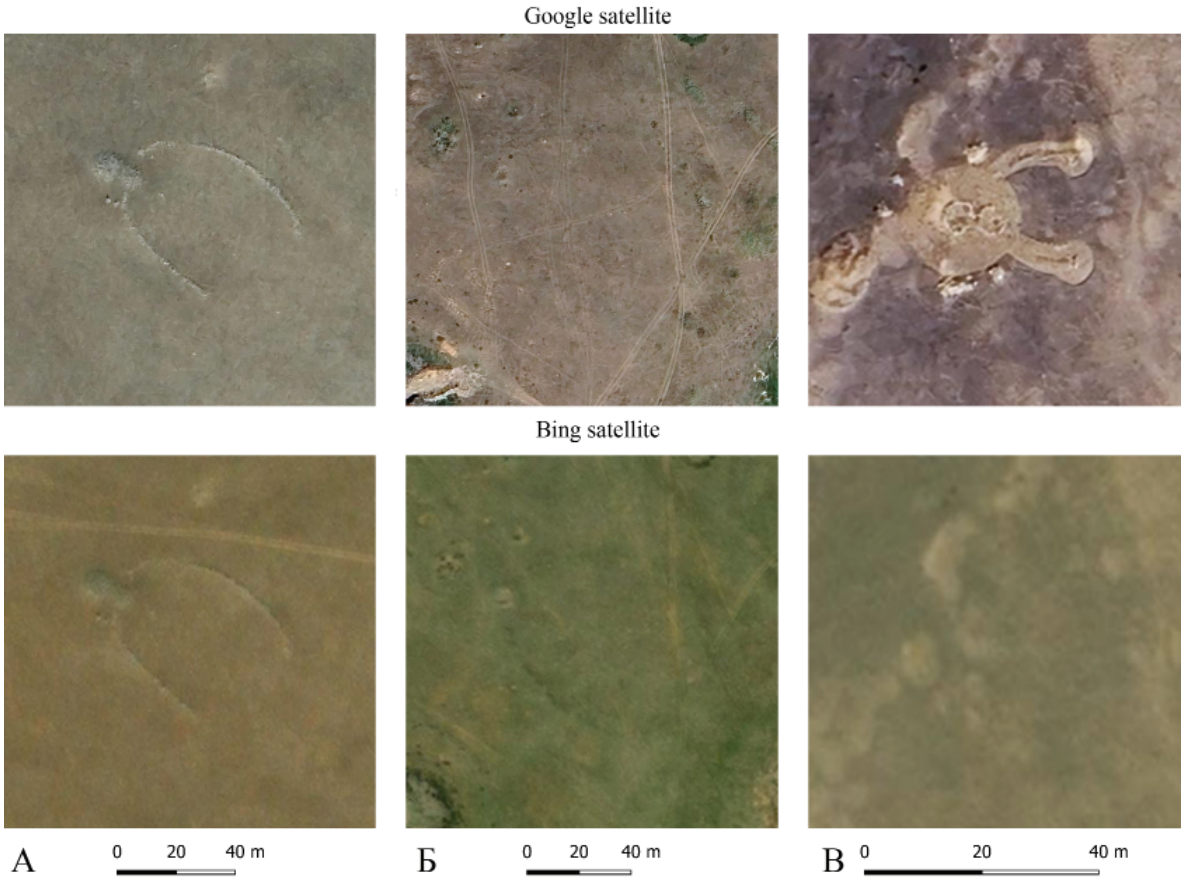

Рис. 3. Варианты отображения курганов «с усами» на спутниковых снимках Google Satellite и Bing Satellite: А – могильник Каракушик-2; Б – могильник Текебулак-2; В – могильник Каратобе (на Google Satellite после раскопок).
Fig. 3. Variants of displaying barrows with "moustaches" on Google Satellite and Bing Satellite images: А – Karakushik-2 burial ground; Б – Tekebulak-2 burial ground; В – Karatobe burial ground (on Google Satellite after excavations).

При выявлении объекта с признаками кургана «с усами» проводилась проверка его отображения на разных спутниковых снимках (Bing, Google, Yandex), так как на разных территориях, освещении, времени съемки и т. п. курганы отображаются с разной степенью детализации. Иногда проводилась проверка во внешнем приложении Google Earth Pro, где есть возможность просмотра исторических снимков одной и той же территории.

Для каждого объекта создавался новый точечный объект, где указывалась категория точности его идентификации. Нами использовались три категории: 1) объект с наибольшей степенью вероятности является курганом «с усами»; 2) объект вероятно является курганом «с усами», однако требуется проверка; 3) объект имеет некоторое сходство с курганом «с усами», но вероятность невелика. По окончании поиска проводился повторный просмотр выявленных объектов и сверка категорий идентификации. Отметим, что третья категория является вспомогательной и объекты, включенные в нее, не использовались нами в описании и статистической обработке в рамках данной статьи. При этом информация о них оставлена для будущих исследований, когда появятся новые картографические данные для дополнительной проверки.

Границы территории сплошного обследования изначально определялись по крайним точкам местоположения уже известных курганов «с усами». Далее в процессе поиска наглядно выявлена приуроченность курганов «с усами» к горным массивам и холмистой местности. С помощью цифровой модели местности Copernicus DEM30 (Open Topography, 2026) и инструмента построения уклонов рельефа (Slope) для изучаемой территории была построена карта горных массивов и холмистой местности. Впоследствии границы

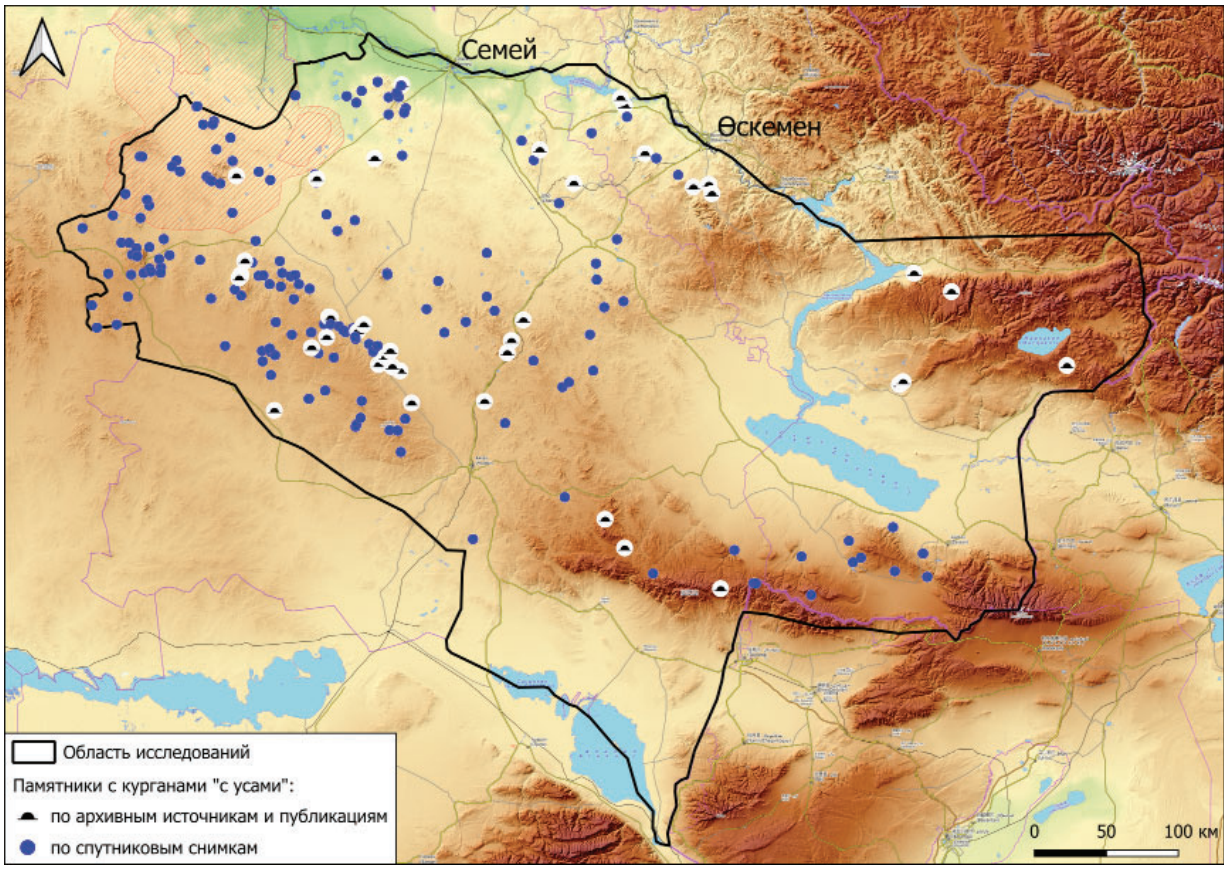

Рис. 4. Памятники с курганами «с усами», выявленные по спутниковой съемке, архивным источникам и публикациям.
Fig. 4. Sites with barrows with “moustaches” identified from satellite imagery, archives and publications.

поиска расширялись в соответствии с этой картой.

В общей сложности исследована территория 204 936 кв. км. Большая ее часть (91%) изучена с помощью сплошного обследования. Для оптимизации поиска небольшой участок (9%) горного Алтая в восточной части территории обследован только в областях долин, ущелий и плоскогорий, где с наибольшей вероятностью могли располагаться археологические объекты.

В результате поиска выявлено 160 неизвестных ранее могильников, содержащих в общей сложности 183 объекта, интерпретированных как курганы «с усами» (рис. 4). Наиболее показательно соотношение курганов, выявленных по архивным источникам и публикациям, – 68 (27%) и найденных в рамках настоящего исследования – 183 (73%).

Распределение по категориям точности идентификации выявленных объектов: 146 объектов (80%) с наибольшей степенью вероятности являются курганами «с усами»; 37 объектов (20%) вероятно являются курганами «с усами», однако требуется проверка. Объекты третьей категории (имеют некоторое сходство с курганом «с усами», но вероятность невелика) в статистику не включались.

В целом, распределение выявленных объектов по исследованной территории достаточно равномерно, однако имеется область, где курганы «с усами» совершенно не отображаются на данных спутниковой съемки – это территория горного Алтая и его предгорий в восточной части области поиска. Еще на этапе историографических исследований возникли проблемы с определением местоположения могильников Балгын, Акжайлау, Жайдак 6, Курган «с усами» восточнее с. Жилытау, Жилытау 7. Для всех этих памятников у нас имелись точные топографические привязки, позволяющие определить их местоположение. Несмотря на это, нам не удалось найти на спутниковых снимках сами курганы «с усами». В двух случаях (Акжайлау и Жилытау 7) выявлены другие курганы, входящие в состав могильников, однако «усы» идентифицировать не удалось. По-видимому, это связа-

но с плотным почвенным и растительным покровом, который скрывает «усы» у кургана. В описании могильников Балгын (Свод..., 2006. С. 117); Жайдак 6 (Самашев, Чотбаев, 2020. С. 19–20) напрямую указана задернованность объектов.

Информация обо всех известных и выявленных курганах «с усами» сведена в единый каталог, являющийся неотъемлемой частью проведенного исследования. Из-за значительного объема информации каталог был выделен в качестве приложения к статье и размещен на общедоступном онлайн архивном репозитории Mendeley Data компании Elsevier: https://data.mendeley.com/datasets/pcv5k5bx29/1 (Kurgans..., 2026).

Каталог состоит из двух частей. Первая представляет собой сводную таблицу всех археологических памятников, на которых обнаружены курганы «с усами». Наименования приведены для памятников, которые уже были обследованы в результате полевой разведки. Определение названий объектов, выявленных по данным спутниковой съемки, оставлено для исследователей, которые в будущем их достоверно идентифицируют и будут проводить на них полевые работы. Вторая часть каталога представляет собой альбом изображений спутниковых снимков курганов «с усами» с кратким описанием. Для каждого объекта представлены изображения из двух картографических сервисов: Google Satellite и Bing Satellite.

Проверочный этап заключался в проведении полевых разведок для верификации объектов, выявленных по данным спутниковой съемки. В полевом сезоне 2025 г. проведены разведки в Уланском районе Восточно-Казахстанской области и Жанасемейском районе области Абай на 13 могильниках, которые содержали 16 курганов «с усами». Полевые археологические разведки полностью подтвердили результаты поиска по спутниковым снимкам: все проверенные объекты были идентифицированы как курганы «с усами».

ДИСКУССИЯ

При оценке точности поиска объектов по спутниковым снимкам ключевыми являются вопросы достоверности идентификации и верификации полученных результатов. Достоверность определяется тем, что курганы «с усами» являются одними из самых выразительных среди археологических объектов, которые можно обнаружить на спутниковых снимках. Эти объекты обладают рядом устойчивых морфологических признаков, которые в совокупности позволяют идентифицировать их на доступных спутниковых снимках с высокой степенью достоверности. Главными маркерами являются: (1) Один или несколько курганов значительных размеров, хорошо различимых на спутниковых снимках. (2) Длинные гряды («усы»), тянущиеся от курганов на десятки/сотни метров. По исследованным объектам большинство гряд состоят из камней и по ширине не превышают нескольких метров. Несмотря на это, гряды часто отчетливо видны на спутниковых снимках благодаря произрастающей на них естественной растительности (главным образом кустарнику), выделяющейся на фоне окружающего ландшафта. На большинстве современных полей гряды из камней, как правило, опахиваются по контуру, что еще сильнее выделяет их. (3) Восточное направление гряд («усов»), иногда с отклонениями на юго- и северо-восток. Эта характерная черта курганов «с усами» встречается на всей территории их распространения в евразийских степях.

Верификация описанной в статье методики поиска проводится двумя способами. Во-первых, с помощью полевых разведок, выполненных после проведения поиска по спутниковым снимкам. Во-вторых, верификация также проводилась по курганам «с усами», выявленным ранее в архивных источниках и публикациях, местоположение которых было определено по спутниковым снимкам. Подтверждение производится обратным путем – ранее наличие объектов было достоверно подтверждено полевыми разведками, а теперь они верифицированы по спутниковым снимкам. Очевидно, из этого списка исключаются раскопанные объекты, так как их отображение на спутниковых снимках оказывается искусственным. Также исключаются объекты, совершенно незаметные на спутниковых снимках, так как их верификация стала возможной только в результате полевой разведки. С учетом вышесказанного отобрано 17 могильников с 29 курганами «с усами».

Итого, достоверно верифицированные по полевым исследованиям курганы «с усами» встречены на 30 могильниках в количестве 45 ед. Это составляет 21,2% от общего числа объектов (212), отображаемых на спутнико-

вых снимках. Важно отметить, что обнаруженные объекты распределены по обширной территории, а некоторые из них располагаются в труднодоступной горной местности. И вследствие этого их полевая разведка и верификация займут еще много времени. Настоящая статья вводит в научный оборот новые данные и тем самым создает основу для дальнейших исследований курганов «с усами» на обширной территории Восточного Казахстана и Восточной Сарыарки.

Дополнительно необходимо рассмотреть критерии определения границ области поиска. На карте известных курганов «с усами» восточнее территории Центрального Казахстана наблюдалась значительная лакуна в распределении известных объектов (Грудочко 2020а: 209), которая могла возникнуть вследствие малой археологической изученности территории. Эта область начиналась приблизительно с восточной границы современной Карагандинской области и продолжалась далее на восток. В соответствии с этим область исследований была определена в пределах современных Абайской и Восточно-Казахстанской областей.

На востоке область исследований доходит до границы КНР. Известно, что курганы «с усами» были обнаружены на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района, однако их местоположение фактически не определено (Грудочко и др., 2020в). К сожалению, из-за отсутствия доступа к архивным источникам по этой территории было невозможно провести историографические исследования и даже приблизительно определить границы необходимого обследования. В связи с этим Синьцзян-Уйгурский автономный район не был включен в область исследований. В будущем представляется целесообразным провести детальное изучение курганов «с усами» на этой территории, включающее историографические исследования, поиск по спутниковым снимкам и полевые разведки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенных исследований отработана методика поиска курганов «с усами» по данным спутниковой съемки, которая состояла из трех этапов. На историографическом этапе собрана информация обо всех курганах «с усами», известных по архивным источникам и публикациям. Полученные данные использовались в качестве эталонных для поиска неизвестных объектов. Также историографическая информация позволила определить начальную область исследований. На поисковом этапе обследована обширная территория площадью 204 936 кв. км., большая часть (91%) которой изучена с помощью сплошного просмотра спутниковых снимков по сетке. В процессе исследования использованы технологии ГИС для построения карты горных массивов и холмистой местности для более точного определения границ сплошного осмотра спутниковых снимков и оптимизации поиска на территории горного Алтая.

В результате обнаружено 160 неизвестных ранее могильников, на которых зафиксировано 183 объекта, интерпретированных как курганы «с усами». Прирост источниковой базы на рассматриваемой в статье области исследований составил 270%. В рамках общего количества курганов «с усами», известных на всей территории их распространения от Восточного Туркестана до Приднепровья, прирост составил 29%.

На проверочном этапе в ходе полевых разведок 2025 г. были верифицированы 16 курганов «с усами», ранее выявленных по данным спутниковой съемки. Важно отметить, что область исследования представляет собой обширную территорию, включающую труднодоступные горные районы. Из-за этого полевая верификация обнаруженных объектов потребует длительного времени.

Полученные результаты позволяют рассматривать Восточную Сарыарку и Восточный Казахстан как один из ключевых регионов для изучения происхождения, развития и хронологии традиции курганов «с усами». Дальнейшее изучение этих объектов требует комплексных междисциплинарных исследований от этапа полевой фиксации (детальная аэрофото и лидарная съемки, магниторазведка) до раскопок с забором проб для проведения всех доступных анализов (радиоуглеродный, антропологический, палеозоологический и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Доумани Дупью П., Исин А.И., Рахманкулов Е., Курмангалиев А.К. Новые данные о курганах с «усами» Восточного Казахстана // Маргулановские чтения – 2019: мате-

риалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: Глобус, 2019. С. 208–222.

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 116–129.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС/ Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. 278 с.

Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Т. 2. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 31–37.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Дуйсенбай Д.Б. Памятники хребта Чингистау. Курганы с «усами» // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Т. 2. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017.. С. 50–60.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А. Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 249–255.

Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Кукушкин И.А. Исследование кургана с «усами» Текей, Центральный Казахстан // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37. № 1. С. 188–205. Доступно по URL: https://journal.asu.ru/tpai/article/view/17304 (дата обращения: 26.03.2026). DOI: 10.14258/tpai(2025)37(1).-10.

Грудочко И.В. Курганы с «усами». Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н. э.). Будапешт: Martin Opitz, 2020а. 352 с.

Грудочко И.В. Типология и культурно-хронологическая интерпретация курганов с «усами» // Поволжская археология. 2020б. № 4 (34). С. 20–35. URL: https://archaeologie.pro/ru/archive/34/661/ (дата обращения: 26.03.2026). DOI: 10.24852/pa2020.4.34.20.35.

Грудочко И.В., Минлигареев Н.И., Мотовилов А.М., Станишевская С.С. Курганы с «усами» Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Наука ЮУрГУ: материалы 72-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук (Челябинск, 21–23 апреля 2020 г.) / Отв. ред. А.В. Коржов. Челябинск: ЮУрГУ, 2020в. С. 246–253.

Жунисханов А.С., Дупью П.Д. Результаты археологической разведки на территории горных массивов Кокентау и Семейтау // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2020. № 3 (23). С. 70–78. Доступно по URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/393 (дата обращения: 26.03.2026).

Исин А., Жунисханов А., Айткали А., Рахманкулов Е. Археологические памятники Семейтау и Кокентау в Восточном Казахстане // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі / Бас ред. Д. Ахметов. Өскемен: ШҚО әкімдігі, 2018. С. 108–110.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.

Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия археологическая. 1949. Т. 67. № 2. С. 3–36.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М., Оралбай Е.К. Археологические памятники Жарминского района Абайской области. Алматы: Қазақ университеті, 2023. 100 с.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Сагындыкова С.Т. Свод археологических памятников Аягозского района Абайской области. Алматы: Қазақ университеті, 2024. 252 с.

Пушкарев А.А. Археологическая разведка на Тарбагатае (Восточный Казахстан) по данным космической съемки: методика и результаты исследований // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 307–316. URL: https://www.evrazstep.ru/index.php/aes/article/view/1571 (дата обращения: 26.03.2026). DOI: 10.24852/2587-6112.2025.2.307.316.

Российские топо карты. Приложение для ОС Android. Germany, Gütersloh: ATLOGIS Geoinformatics GmbH & Co. KG. URL: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.atlogis.sovietmaps.free&pcampaignid=web_share (дата обращения: 26.03.2026).

Самашев З. Еще раз об объектах с каменными грядами // Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия историческая. 2021. № 3 (102). С. 70–78. URL: https://bulle-

tin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/1223 (дата обращения: 26.03.2026). DOI: 10.26577/JH.2021.v102.i3.07.

Самашев З., Қиясбек Ғ. Поисково-разведывательные работы в урочищах Кызылтас и Бестерек // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі / Бас ред. Д. Ахметов. Өскемен: ШҚО әкімдігі, 2022. С. 254–263.

Самашев З., Қиясбек Ғ., Водясов Е., Зайцева О., Вавулин М., Пушкарев А., Төлегенов Е., Половцев М. Выявление и фиксация археологических памятников на территории Уланского района ВКО // Вопросы археологии Восточного Казахстана / Труды Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Т. 1 / Гл. Ред. З. Самашев. Усть-Каменогорск; Алматы: Алейрон, 2024. С. 135–137.

Самашев З., Чотбаев А. Предварительные результаты археологических исследований памятников Казахского Алтая в 2020 г. // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі / Бас ред. Д. Ахметов. Өскемен: ШҚО әкімдігі, 2020. С. 10–21.

Самашев З., Чотбаев А., Половцев М., Самашев С., Киясбек Г. Курган сакской элиты Акжайлау // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі / Бас ред. Д. Ахметов. Өскемен: ШҚО әкімдігі, 2022. С. 185–194.

Свод археологических памятников Восточно-Казахстанской области / Гл. ред. А.Г. Кущ. Өскемен–Усть-Каменогорск: Гос. фонд поддержки культуры и искусства, 2006. 264 с.

Толеубаев А.Т., Бейсенов А.З., Омаров Г.К. Курганы с каменными грядами на северных склонах Тарбагатая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: материалы международной археологической конференции, посвященной памяти первого профессионального археолога Казахстана, лауреата премии им. Ч.Ч. Валиханова А.М. Оразбаева. Алматы, 1998. С. 218–224.

Умиткалиев У.У., Айтбаев А.Б., Адельчанов К.С. Предварительные результаты археологических работ в могильнике «Кырыкунгир» // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі / Бас ред. Д. Ахметов. Өскемен: ШҚО әкімдігі, 2016. С. 272–280.

Умиткалиев У., Дуйсенбай Д., Касенали А. Сарытауский поминально-погребальный комплекс (результаты археологических исследований 2021 года) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 5. С. 1545–1559. Доступно по URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1473 (дата обращения: 26.03.2026). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_5_1545-1559.

Яндекс Карты. Картографическая служба. М.: ООО «Яндекс», 2026. Доступно по URL: https://yandex.ru/maps (дата обращения: 26.03.2026).

Bing Maps. Web Mapping Platform. Redmond: Microsoft, 2026. Доступно по URL: https://www.bing.com/maps (дата обращения: 26.03.2026).

Conolly J., Lake M. Geographical Information Systems in Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 358 p. DOI: 10.1017/CBO9780511807459.

Google Maps. Web Mapping Platform. Mountain View: Google Inc., 2026. Доступно по URL: https://google.com/maps (дата обращения: 26.03.2026).

Kurgans with “moustaches” in Eastern Kazakhstan: identification methodology and results. Supplementary Materials. Mendeley Data, V1. Доступно по URL: https://data.mendeley.com/datasets/pcv5k5bx29/1 (дата обращения: 26.03.2026) DOI: 10.17632/pcv5k5bx29.1.

OpenStreetMap. Open map database. Cambridge: OpenStreetMap Foundation, 2026. Доступно по URL: https://www.openstreetmap.org/ (дата обращения: 26.03.2026).

OpenTopography. Topographic Data Platform. San Diego: University of California San Diego, 2026. Доступно по URL: https://opentopography.org (дата обращения: 26.03.2026).

QGIS. Ver. 3.44.6-Solothurn. 2026. Доступно по URL: https://qgis.org/ (дата обращения: 26.03.2026).

Siart C., Forbriger M., Bubenzer O. (Eds.). Digital Geoarchaeology: New Techniques for Interdisciplinary Human-Environmental Research. Cham: Springer, 2018. 269 p. DOI: 10.1007/978-3-319-25316-9.

Информация об авторах:

Пушкарев Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан supdron@gmail.com

Айткали Азат Калиулы, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан

REFERENCES

Aitkali, A. K., Zhuniskhanov, A. S., Doumani Dupuy, P., Isin, A. I., Rakhmankulov, E., Kurmangaliev, A. K. 2019. In Khabdullina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2019: materialy Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Margulan Readings – 2019: Proceedings of the International Archaeological Scientific and Practical Conference).* Nur-Sultan: “Globus” Publ., 208–222 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1975. In Akishev, K. A. (ed.). *Drevnosti Kazakhstana (Antiquities of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 1116–1290 (in Russian).

Akishev, K. A. (ed.). 1987. *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES (Archaeological Sites in the Flooding Area of Shulbinskaya Hydroelectric Power Station)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Beisenov, A. Z. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie. Sbonik statey, posvyashhenniy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* (*Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation (Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition*) 2. Almaty: Research center of history and archeology Begazy-Tasmola, 31–37 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Umitkaliev, U. U., Duysenbay, D. B. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie. Sbonik statey, posvyashhenniy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* (*Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation (Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition*) 2. Almaty: Research center of history and archaeology Begazy-Tasmola, 50–60 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Umitkaliev, U. U., Kul'kova, M. A. 2016. In *Evraziia v Kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiia, kul'tury (Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures)* 5, 249–255 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Akhiyarov, I. K., Kukushkin, I. A. 2025. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 37 (1), 188–205 (in Russian). Available at URL: https://journal.asu.ru/tpai/article/view/17304 (accessed 26.03.2026). DOI: 10.14258/tpai(2025)37(1).-10.

Grudochko, I. V. 2020a. *Kurgany s «usami». Epokha pozdnei drevnosti i rannego srednevekovia uralo-kazakhstanskikh stepei (IV–VII vv. n. e.) (Kurgans with ’moustache’. The epoch of the late prehistory and Early Middle Ages of the Ural-Kazakhstan steppes (4th–7th AD)).* Budapest: “Martin Opitz” Publ. (in Russian).

Grudochko, I. V. 2020b. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 34 (4), 20–35 (in Russian).

Grudochko, I. V., Minligareev, N. I., Motovilov, A. M., Stanishevskaya, S. S. 2020. In Korzhov, A. V. (ed.). *Nauka YuUrGU: materialy 72-i nauchnoi konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk (Science of South Ural State University: Proceedings of the 72nd Scientific Conference. Social and Humanitarian Science Sections)*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., 246–253 (in Russian).

Zhuniskhanov, A. S., Dupuy, P. D. 2020. In *Asian Journal “Steppe Panorama”* 23 (3), 70–78 (in Russian). Available at URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/393 (accessed: 26.03.2026).

Isin, A., Zhuniskhanov, A., Aitkali, A., Rakhmankulov, E. 2018. In Akhmetov, B. (ed.). *Altai – turki aleminin altyn besigi (Altai – The Golden Cradle of the Turkic World)*. Oskemen, 108–110 (in Russian).

Kadyrbaev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbaev, M. K., Orazbaev, A. M. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient Culture of Central Kazakhstan).* Alma-Ata: “Nauka” Publ., 303–433 (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1949. In *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriia arkheologicheskaia (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Archaeology Series)* 67 (2), 3–36 (in Russian).

Omarov, G. K., Besetaev, B. B., Kariev, E. M., Oralbai, E. K. 2023. *Arkheologicheskie pamiatniki Zharminskogo raiona Abaiskoi oblasti (Archaeological resources of the Zharma district, Abai region).* Almaty: Qazaq universiteti (in Russian).

Omarov, G. K., Besetaev, B. B., Sagyndykova, S. T. 2024. *Svod arkheologicheskikh pamiatnikov Aiagozskogo raiona Abaiskoi oblasti (Corpus of Archaeological resources of the Ayagoz district, Abai region)*. Almaty: Qazaq universiteti (in Russian).

Pushkarev, A. A. 2025. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 307–316 (in Russian). Available at URL: https://www.evrazstep.ru/index.php/aes/article/view/1571 (accessed 26.03.2026). DOI: 10.24852/2587-6112.2025.2.307.316.

Rossijskie topo karty. *Prilozhenie dlja OS Android (Russian topographic maps. Android App)*, 2025. Germany, Gütersloh: ATLOGIS Geoinformatics GmbH & Co. KG. Available at URL: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.atlogis.sovietmaps.free&pcampaignid=web_share (accessed 26.03.2026).

Samashev, Z. 2021. In *Vestnik Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni al'-Farabi. Seriia istoricheskaia (Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. Historical Series)* 3 (102), 70–78 (in Russian). Available at URL: https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/1223 (accessed 26.03.2026). DOI: 10.26577/JH.2021.v102.i3.07.

Samashev, Z., Qiyasbek, G. 2022. In Akhmetov, B. (ed.). *Altai – turki aleminin altyn besigi (Altai – The Golden Cradle of the Turkic World).* Oskemen, 254–263 (in Russian).

Samashev, Z., Qiyasbek, G., Vodyasov, E., Zaitseva, O., Vavulin, M., Pushkarev, A., Tolegenov, E., Polovtsev, M. 2024. In

Samashev, Z. (ed. in chief.). *Voprosy arkheologii Vostochnogo Kazakhstana (Issues on archaeology of Eastern Kazakhstan).* Series: Trudy Vostochno-Kazakhstanskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia (Proceedings of the East Kazakhstan Museum of Regional Study) 1. Ust-Kamenogorsk; Almaty: "Aleiron" Publ., 135–137 (in Russian).

Samashev, Z., Chotbaev, A. 2020. In Akhmetov, B. (ed.). *Altai – turki aleminin altyn besigi (Altai – The Golden Cradle of the Turkic World).* Oskemen, 10–21 (in Russian).

Samashev, Z., Chotbaev, A., Polovtsev, M., Samashev, S., Kiyasbek, G. 2022. In Akhmetov, B. (ed.). *Altai – turki aleminin altyn besigi (Altai – The Golden Cradle of the Turkic World).* Oskemen, 185–194 (in Russian).

Kusch, A. G. (ed.). 2006. *Svod arkheologicheskikh pamiatnikov Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (Corpus of Archaeological sites of East Kazakhstan region).* Oskemen; Ust-Kamenogorsk: State Fund for Support of Culture and Art (in Russian).

Toleubaev, A. T., Beisenov, A. Z., Omarov, G. K. 1998. In *Problemy izucheniia i sokhraneniia istoricheskogo naslediia: materialy mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati pervogo professional'nogo arkheologa Kazakhstana, laureata premii im. Ch.Ch. Valikhanova A.M. Orazbaeva (Issues of study and preservation of historical heritage: Proceedings of the International archaeological conference dedicated to the memory of the first professional archaeologist of Kazakhstan, laureate of the Ch.Ch. Valikhanov prize A.M. Orazbaev).* Almaty, 218–224 (in Russian).

Umitkaliev, U. U., Aitbaev, A. B., Adelchanov, K. S. 2016. In Akhmetov, B. (ed.). *Altai – turki aleminin altyn besigi (Altai – The Golden Cradle of the Turkic World).* Oskemen, 272–280 (in Russian).

Umitkaliev, U., Duysenbay, D., Kasenali, A. 2025. In *Asian Journal "Steppe Panorama"* 12 (5), 1545–1559 (in Kazakh). Available at URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1473 (accessed 26.03.2026). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_5_1545-1559.

Yandeks Karty. 2026. Kartograficheskaya sluzhba (Yandex Maps. Cartographic Service). Moscow: OOO "Yandeks" Publ. (in Russian). Available at URL: https://yandex.ru/maps (accessed 26.03.2026).

Bing Maps. 2026. Web Mapping Platform. Redmond: Microsoft. Available at URL: https://www.bing.com/maps (accessed 26.03.2026).

Conolly, J., Lake, M. 2006. *Geographical Information Systems in Archaeology.* Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511807459.

Google Maps. 2025. *Web Mapping Platform.* Mountain View: Google Inc. Available at URL: https://google.com/maps (accessed 26.03.2026).

Kurgans with "moustaches" in Eastern Kazakhstan: identification methodology and results. Supplementary Materials. Mendeley Data, V1, Available at URL: https://data.mendeley.com/datasets/pcv5k5bx29/1 (accessed: 26.03.2026) DOI: 10.17632/pcv5k5bx29.1.

OpenStreetMap. 2026. *Open Map Database.* Cambridge: OpenStreetMap Foundation. Available at URL: https://www.openstreetmap.org/ (accessed 26.03.2026).

OpenTopography. 2026. *Topographic Data Platform.* San Diego: University of California San Diego. Available at URL: https://opentopography.org (accessed 26.03.2026).

QGIS. 2026. Ver. *3.44.6-Solothurn.* Available at URL: https://qgis.org/ (accessed 26.03.2026).

Siart, C., Forbriger, M., Bubenzer, O. (eds.). 2018. *Digital Geoarchaeology: New Techniques for Interdisciplinary Human-Environmental Research.* Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-25316-9.

About the Authors:

Pushkarev Andrey Candidate of Historical Sciences, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University. 69 Protozanov St., Oskemen, 070004, East Kazakhstan Region, Kazakhstan; supdron@gmail.com

Aitkali Azat PhD, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, 25 Beibitshilik St., Astana, Z10K8P1, Kazakhstan; azza_semsk@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.03.2026 г.
Статья принята к публикации 16.06.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.201.216

ЦАРИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА (К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПАМЯТНИКА ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ)[1]

© 2026 г. Э.Е. Кравченко

Статья посвящена вопросу о статусе Царинского комплекса в среднем течении Северского Донца. В литературе делались попытки охарактеризовать его, как город. Анализ данных показывает, что памятник сочетал признаки города и простого крупного поселения. Памятник хазарского времени возник, как неукрепленное поселение, вокруг которого имелась густо населенная округа. Городище построили на последнем этапе его истории. При этом, поселение играло важную роль в жизни региона. Сюда свозилась сельскохозяйственная продукция. Населенный пункт был центром ремесла и торговли. На нем присутствовал контингент всадников. Можно предполагать наличие представителей администрации. Могильники памятника свидетельствуют о влиянии на погребальный обряд мировых религий. Этим он отличался от поселений округи, сопровождавшихся языческими некрополями зливкинского типа. Современники, проживавшие на малых поселениях, воспринимали этот населенный пункт, как город. При наличии условий, указанные центры стали бы городами, в смысле, который вкладывает в это определение наука. В целом, подобные поселения являются моделью, отражающей процесс формирования раннесредневековых городов в степях Восточной Европы.

Ключевые слова: археология, Северский Донец, хазары, городище, археологический комплекс, поселение, некрополь, город, укрепления.

ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF TSARINO IN THE MIDDLE PART OF THE SEVERSKY DONETS RIVER (ON THE ISSUE OF THE STATUS OF A SETTLEMENT FROM THE KHAZAR PERIOD)[2]

E.E. Kravchenko

The article deals with the status of the archaeological complex of Tsarino in the middle basin of the Severs-ky Donets River. Attempts have been made in the literature to characterize it as an urban center. Analysis of the available data reveals that this site combined features of an urban center and a simple large settlement. The Khazar-period settlement emerged as a large settlement, around which a densely populated area developed. Built in the final stages of its history, the settlement played a pivotal role in the life of the region. Agricultural produce harvested in the region was delivered here. The settlement was a hub where crafts flourished and trade activities were conducted. The settlement also had a contingent of horsemen. It can be assumed that members of the administration resided here. Burials at this site indicate that the cultural and ideological influence of world religions was widespread here. Thus, it differed from settlements in the region, which were accompanied by pagan necropolises of the Zlivki type. Contemporaries living in smaller settlements perceived this settlement as an urban center. Given the right historical conditions, these centers became cities in the sense defined

[1] Исследование выполнено в рамках Государственного задания НИИ «Института истории и археологии Византии и Причерноморья» Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002)».

[2] The research was prepared as a part of the State Assignment of the Research Institute of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University "Comprehensive historical and archaeological study of Byzantium and the Black Sea region in the period of late Classical era and the Middle Ages" (FEFM-2025-0002).

by modern scholarship. In this case, the history of the emergence and functioning of such settlements is a model reflecting the formation of cities in the steppes of Eastern Europe in the early Middle Ages.

Keywords: archaeology, Seversky Donets, The Khazars, fortified settlement, archaeological complex, settlement, Necropolis, urban center, fortifications.

Проблема выделения раннесредневековых городских центров среди степных и лесостепных поселений Восточной Европы интересовала исследователей (Рыбаков, 1956; Афанасьев, 1987; Катунин, 2000; Крыганов, 2001; Свистун, 2009 и др.). На детальном рассмотрении проблемы останавливались С.А. Плетнева (2002) и В.С. Флеров (2005; 2010). В их работах упоминается городище, расположенное в среднем течении Северского Донца. Внимание к этому памятнику обусловлено богатым и разнообразным материалом, выделяющим его среди прочих крупных поселений Донецкого региона.

Археологический комплекс у с. Маяки Славянского р-на ДНР (Царино городище, Царинский археологический комплекс) является одним из крупнейших средневековых памятников этой территории. Он входит в группу из 4 крупных поселений, два из которых (у пгт. Кировское/Заречное и с. Новоселовка Краснолиманского р-на ДНР) изучены слабо. Находящиеся на противоположном – правом берегу Северского Донца Царинский и Сидоровский археологические комплексы, изучены лучше и их материалы характеризуют средневековые древности региона в целом (рис. 1).

Рассматриваемый памятник неоднократно подвергался раскопкам. Исследования на нем проводили в 1928 г. (Н.В. Сибилев, А.И. Абрамов), 1936 г. (Г.Г. Афендик), 1963-66 и 1968 гг. (В.К. Михеев), 1976 и 1978 гг. (С.И. Татаринов и А.Г. Копыл), 1988-1991 гг. (М.Л. Швецов и Э.Е. Кравченко), 2005 и 2008 гг. (Э.Е. Кравченко). В целом, на археологическом комплексе было вскрыто около 8000 кв. м площади (Кравченко, 2024, с. 28).

Памятник функционировал в течение всей эпохи средневековья. В данной работе мы коснемся одного периода его истории – хазарского времени. Периода, когда он выделился из рядовых поселений, и на его основе сформировался крупный археологический комплекс, включающий городище с прилегающими к нему селищами и некрополями.

Указанному памятнику посвящено значительное количество работ, в которых его статус определялся по-разному. В.К. Михеев, употребляя в отчетах археологическую терминологию: - «*городище*», «*поселение*» (Михеев, 1963; 1964; 1965; 1966; 1968), или «*археологический комплекс*» (Михеев, 1985, с. 12), некрополь памятника (могильник 3) характеризовал, как некрополь «*большого земледельческо-ремесленного центра*» (Михеев, Копыл, 1989, с. 52–53). Определение «*центр*» часто встречалось и у других исследователей (Швецов, 2012; Ходжайов, и др., 2012), в том числе и у автора данной работы (Кравченко, 2009; 2020 а, с. 15; 2024 с. 127). При этом М.Л. Швецов в одной из работ охарактеризовал могильник 3, как некрополь «*городского поселения*» (Ходжайов и др., 2012, с. 136). В Каталоге археологической выставки, посвященной материалам Царинского археологического комплекса, группа авторов также употребила по отношению к нему определение «*город*» (Матеріальна та духовна культура…, 2017, с. 4).

Вопрос о статусе этого археологического объекта рассматривался С.А. Плетневой. В статье, посвященной городам Хазарии, она определяет городище у с. Маяки, как *город «среднего размера»* (Плетнева, 2002, с. 119). В качестве доказательств приводились: - относительно крупные размеры памятника, «отчетливо выделяющийся культурный слой», «наличие примыкающих к укреплению поселений», присутствие нескольких «ямных могильников». «И, пожалуй, главное – большое количество железных вещей, что свидетельствует о развитом кузнечном деле» и ремеслах в целом (Плетнева, 2002, с. 120).

Точка зрения С.А. Плетневой была подвергнута критике В.С.Флеровым. В статье, и вышедшей позже книге, городищу у с. Маяки были посвящены отдельные разделы (Флеров, 2005, с. 326-329; 2010, с. 72-75). В них автор указал на плохую изученность городища (рис. 2, 3), и возможность слабой заселенности его территории. Размеры поселения, мощность культурных напластований, как и концентрация поселений вокруг Царинского комплекса, по его мнению, обычны для городищ лесостепи. Отдельно им был рассмотрен вопрос

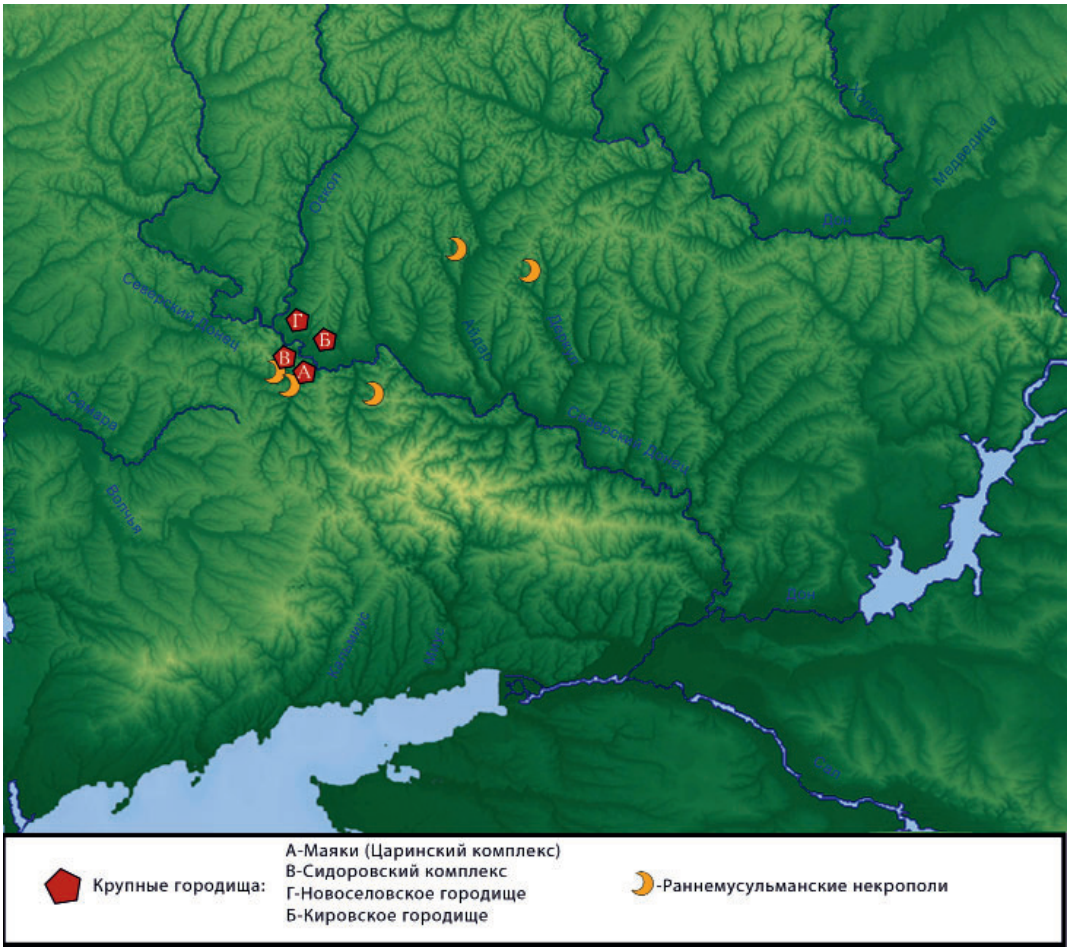

Рис. 1. Крупные средневековые археологические комплексы в среднем течении р. Северский Донец. Полумесяцами обозначены места расположения раннесредневековых мусульманских некрополей.
Fig. 1. Large medieval archaeological complexes in the middle part of the Seversky Donets River. The crescents mark the locations of early medieval Muslim cemeteries.

о наличии большого количества железных предметов. По мнению В.С.Флерова «само по себе кузнечное дело никак не может служить признаком города. Без него не могло существовать ни одно более или менее значительное поселение… сельского типа или крепость, как и без собственного гончарного ремесла». В целом, он резюмировал, что признаков, характеризующих Маяки, как город, нет (Флеров, 2005, с. 328; 2010, с. 74). В обеих работах В.С. Флерова была приведена близкая информация, так как, на момент написания многие материалы, либо не были изданы, либо были известны слабо. Ныне база данных о памятнике существенно пополнилась, что позволяет снова рассмотреть позиции, на которые обращалось внимание данных авторов.

1. Округа. В результате разведок, в окрестностях 4-х крупных археологических комплексов (Сидоровского, Царинского, Кировского и Новоселовского) выявлено значительное количество поселений хазарского времени. Размеры большинства их колебались от 0,5 до 2 га, достигая иногда 4 га. (Кравченко, 2020 а, с. 16-19, рис. 17; 2024, с. 13-15). Изучены они плохо. Раскопки производились только на некрополях (Зливки, Волоковое) (Швецов, 1991; Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986), и то, далеко не на всех. В целом, данные о поселениях округи ограничены материалами разведок и приводить их для решения вопроса о статусе памятника нет смысла. Можно лишь говорить о том, что его округа была густо заселена.

2. Размеры. Территорию памятника хазарского времени С.А. Плетнева и В.С. Флеров определяли так, как В.К. Михеев – 70 га (Михеев, 1985, с. 12-13). Указанная цифра представляет *общую* площадь Царинского археологического комплекса в период его наивысшего

Рис. 2. Царино городище. Вид с реки на северо-восточный угол.
Fig. 2. Tsarino fortified settlement. View from the river to the northeast sector.

расцвета, т.е. в XIII-XIV вв. (Кравченко, 2024, с. 122, рис. 89: И). Многолетние наблюдения на территории селища 1 (площадь 30 га), данные исследований В.К. Михеева (раскоп X) (Михеев, 1965, с. 20), шурфовки, производимой автором в 2008-2010 гг.; раскопок 1989 г. (Швецов, 2012) и расчистка разрушаемых комплексов на территории данного селища (Кравченко, 2000, рис. 16: 1, 3; 17; 2015, с. 461, рис. 22: 7-10), показали, что культурного слоя VIII-X вв. на селище 1, которое В.К. Михеев включал в состав памятника хазарского времени, нет. Максимум, где он может присутствовать, это на участке, прилегающем к валам городища. Таким образом, памятник хазарского времени имел меньшие размеры, чем указывалось ранее, и территория его вряд ли превышала 45 га, из которых 14,78 га (или 17,78 га) составляло городище (Михеев, 1968, с. 3, сравните Михеев, 1985, с. 12). На фоне окрестных неукрепленных поселений он, вне сомнений, выделялся своими размерами, однако говорить о том, что он выделялся ими и на фоне крупных укрепленных памятников региона не приходится. Площадь Новоселовского комплекса составляет около 100 га (Кравченко, 2016), Кировского – 60 га (Кравченко, 2004, с. 263), Сидоровского более 120 га (Кравченко, 2020 а, с. 22).

3. Культурный слой. Исследования и многолетние наблюдения за памятником, показали, что культурный слой присутствует на всей его площади. На селище 1 слой мощностью 0,3 м относится к золотоордынскому времени. В раскопе 25 (1«Г») (Швецов, 2012, рис.5: 5-6) встречены единичные фрагменты керамики раннего железного века. Материалов хазарского времени нет.

На селище 2 (рис. 4) раскопами разных лет (траншеи №№ 1-4/1936 г., раскопы №№ 1; 4; 6; 9; 14; 19-20; 22-24; 31; 33-37) (рис. 7) было вскрыто 5300 кв. м, что составляет 69% участков, раскопанных на Царинском археологическом комплексе в целом. Почти все раскопы группировались в западной части селища, где культурные напластования имели мощность

Рис. 3. Царино городище. Вид с востока.
Fig. 3. Tsarino fortified settlement. View from the east.

0,85 м (Михеев, 1964, с. 6; 1968, с. 5) (в эту толщину включались дерн, перекрывающие слой наносы, а на отдельных участках - материалы эпохи бронзы в нижней его части) (Михеев, 1963, с. 3; 1965, с. 4, 6, 10). Собственно, слой СМК не превышал 0,4-0,5 м. На западной окраине селища 2, занятой некрополями (рис. 7), культурный слой разрушен эрозийными процессами. Хуже исследована восточная часть селища, где было заложено 3 раскопа (№№ 9, 20 и 31) и 4 «траншеи». Культурные напластования хазарского времени здесь достигают 0,4-0,5 м. В раскопах №№ 9 и 20 в них были впущены захоронения некрополя 3, что позволяет предположить, что салтовское поселение здесь функционировало продолжительный промежуток времени.

Наиболее мощные напластования (до 2,5 м) встречены на восточной окраине археологического комплекса, на селище 3, расположенном, на террасе, на берегу Северского Донца (рис. 5). Эта наиболее древняя часть памятника содержит культурные наслоения разных эпох. Слой СМК не превышал 0,3-0,4 м. Следует сказать, что на этой части памятника встречаются горшки архаичного вида, близкие сосудам из погребений «соколовского» типа (Кравченко, 2024, рис. 61: 5). То есть на селище, вероятно, присутствуют и материалы VIII века.

4. Поселенческая структура городища. Городище занимает треугольную площадку плато (рис. 6). С северной стороны она ограничена спуском к реке Северский Донец, крутизна которого усилена ступенчатым эскарпом (рис. 2). На распаханной поверхности поля ранее читались пятна зольников, вытянутых двумя параллельными рядами вдоль длинной оси площадки городища (рис. 6). С запада зольники были ограничены распаханной линией укреплений, в центральной части которой находился въезд. С восточной стороны площадка завершалась узким, эскарпированным спуском, представляющим еще один въезд, соединявший её с селищем 3 и с берегом Северского Донца (рис. 3, 5) (Кравченко,

Рис. 4. Царинский комплекс. Вид на селища 2-3 с юго-запада.
Fig. 4. Tsarino complex. View of the 2-3 unfortified settlements from the southwest.

2024, рис. 10). Линия укреплений, защищающая городище, с западной стороны уходила в глубокую балку, ограничивающую с юго-запада и юга селище 2 (рис. 3; 4). Таким образом, она защищала и городище, и селище 2 одновременно. При этом, по сравнению с мощными эскарпами памятника, его оборонительная линия выглядит слабой. Разрезы ее, производимые В.К. Михеевым (Михеев, 1963, с. 6; 1968, с. 16-17; 1985, с. 12, рис. 3: 2-3), показали, что она имела невысокий вал без каких-либо дополнительных конструкций, насыпанный прямо на культурном слое памятника и неглубокий (1,05-1,3 м) ров с относительно широким дном (Михеев, 1985, с. 12). Сооружение такого типа вряд ли являлось серьезным препятствием для нападавших.

Культурный слой городища сильно поврежден распашкой. Согласно В.К. Михееву, на различных его участках мощность его достигала 0,3 - 0,75 метра. Исследования показали, что разница в толщине обусловлена присутствием смытого грунта, перекрывавшего культурные отложения. Там, где намыва нет, культурный слой не превышает 0,3 м и полностью уничтожен распашкой. На укрепленной части памятника В.К. Михеев заложил 9 раскопов: №№ 2, 5, 8, 15, 16, 18, 21 (Михеев, 1963, с. 5–6; 1964, с. 7, 20; 1965, с. 21; 1968, с. 12–18, 24), общей площадью 350 кв. метров (рис. 7). В большинстве их археологических объектов не было выявлено; только в раскопах 12 и 16 расчищено по одной хозяйственной яме (Михеев, 1965, с. 21, табл. XXI, 12; 1968, с. 15–16). В 2008 г. на территории городища, в пределах зольника №7 был заложен раскоп №32 (116 кв. м.). В нем зафиксирована группа комплексов хазарского времени: - 3 хоз. ямы и котлован полуземлянки. Все объекты несли следы сильного пожара. Густота их расположения свидетельствует, что зольники возникли на местах концентрации жилых и хозяйственных сооружений. Отсутствие же археологических комплексов в раскопах В.К. Михеева, вероятно, связано с тем, что все они были заложены за пределами зольников.

Таким образом, зольники позволяют проследить основные детали планировки

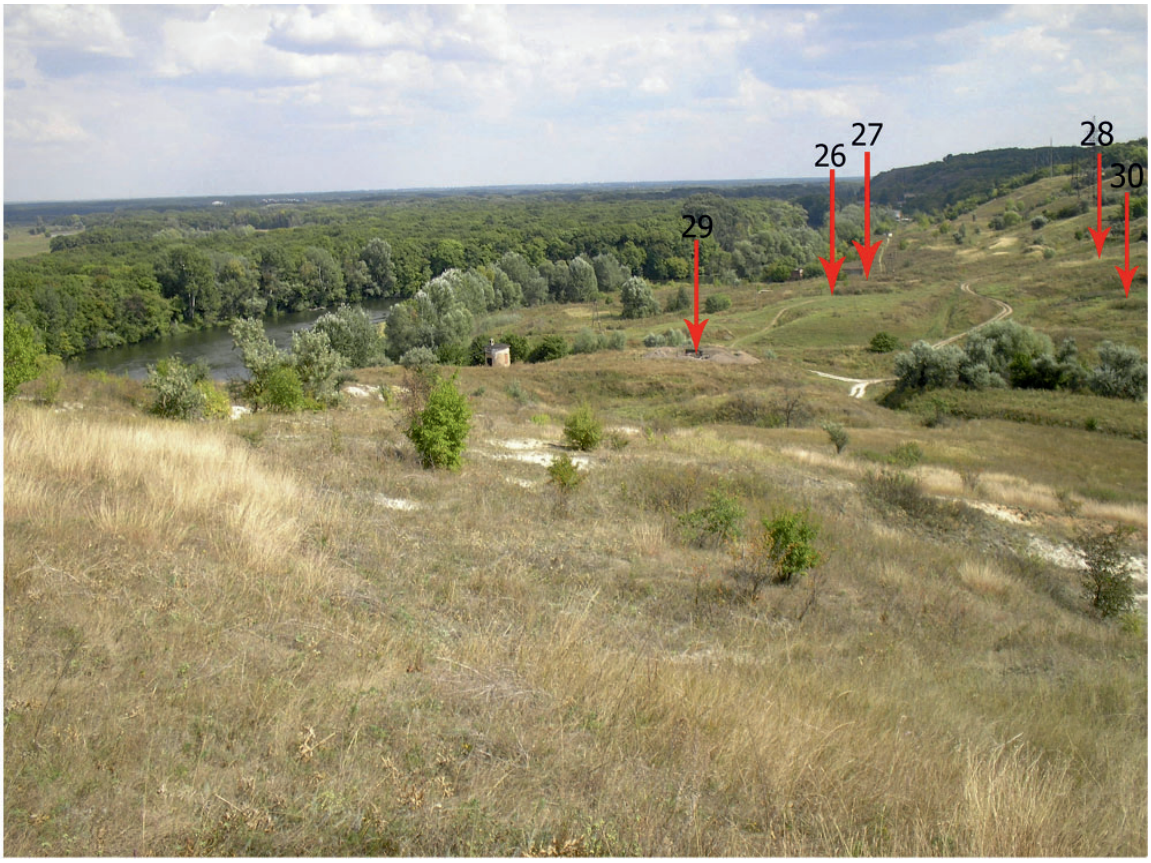

Рис. 5. Вид на селище 3 со спуска с городища. Цифрами и стрелками указаны места расположения раскопов.
Fig. 5. View of the unfortified settlement 3 from the descent from the settlement.
Numbers and arrows indicate the location of the excavation areas.

городища Царинского комплекса. Характер их расположения свидетельствует, что на площадке находилось два параллельных ряда усадеб (Кравченко, 2009 б, с. 137; 2020 а, с. 69), между которыми пролегала дорога. Она пересекала городище по центральной оси, от выезда на территорию селища 1 на его западной окраине до спуска на территорию селища 3 (Кравченко, Чепига, 2024) (рис. 6). Обращает внимание, отсутствие случаев стратиграфии в раскопе 32 между комплексами хазарского времени. Этот факт позволяет поставить вопрос о продолжительности существования городища. Для ответа на него имеющихся в распоряжении материалов недостаточно. В качестве рабочей версии можно предположить, что укрепленная часть памятника функционировала непродолжительный промежуток времени.

5. Постройки. В целом, на Царинском археологическом комплексе расчищено 12 построек хазарского времени. Они представлены тремя наземными сооружениями, 5 круглоплановыми постройками (Михеев, 1985, рис. 1: 1; Кравченко, 2022 б), 3 полуземлянками и 1 землянкой. Реально, их количество, вероятно, было большим, однако, в связи с особенностями почв памятника и сильной поврежденностью культурных напластований, удалось проследить только вышеописанные помещения. Важным представляется, что эти постройки по своей типологии не отличаются от построек рядовых поселений СМК.

6. Сельскохозяйственная деятельность. Среди предметов, обнаруженных при работах В.К. Михеева, орудия, связанные с сельским хозяйством, скотоводством и промыслами, составляют 25% находок, отличающихся существенным разнообразием: - серпы, косы, наральники, чресла, мотыги, лемехи от плугов, наконечники лопат, тесла-мотыжки разных размеров (Михеев, 1985, с. 16, рис. 21: 1-10; 22: 6-10; 23: 3-6; 24: 1-7, 9-20; 25: 2-16; Матеріальна та духовна культура… 2017, с. 22-31, Ілл. 20-31, 33-43). На памятнике присутствует большое количество жерновов (Сибилев, 1930, с. 11; Михеев, 1963, с. 6; 1985, рис. 27). Среди них, как обыкновенные камни от

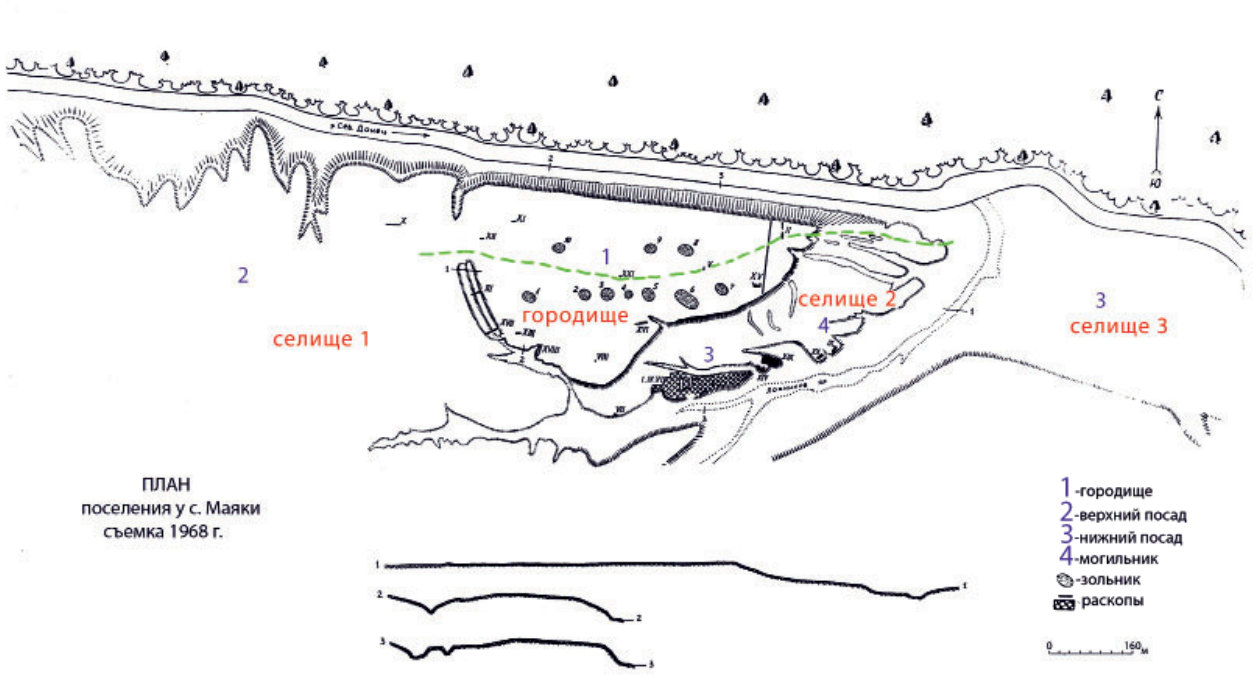

Рис. 6. План городища по В.К.Михееву (1968 г.) с обозначенными на нем зольниками и структурными частями археологического комплекса.
Fig. 6. Plan of the fortified settlement after V.K. Mikheev (1968) with the ash lenses and structural parts of the archaeological complex marked on it.

ручных мельниц, так и камни с вырезом под порхлицу, то есть, от мельниц с примитивным механическим приводом. Во многих сооружениях Царинского комплекса содержались как целые жернова, так и их обломки (Михеев, 1964, с. 10–12; 1965, с. 13–14). Точное количество находок не известно, но они исчисляются многими десятками и мельничные камни из Маяков содержатся во всех окрестных музеях. На памятнике присутствуют специализированные ямы - хранилища для сельхозпродукции. В ямах 13, 15, 25 раскопа 6 зафиксированы вкопанные тарные сосуды, по количеству которых рассматриваемый памятник выделяется среди поселений региона (Михеев, 1985, рис. 15: 13-19; Кравченко, 2009; 2024, рис.47: 4, 48: 5, 51: 13-14, 53, 85; Ходжайов, и др., 2012, рис. 13: 2, 14: 2, 3, 6; 15: 1, 3-4), Обилие предметов, связанных с сельскохозяйственной деятельностью, говорит, что земледелие играло большую роль в жизни населения Царинского комплекса. При этом, необычно большое количество жерновов и крупных тарных сосудов, предназначенных для хранения продуктов, погребов, ям-хранилищ со стоящими в них сосудами позволяют предположить, что на его территории могла производиться концентрация и переработка сельхозпродуктов, свозившихся с округи.

7. Ремесла. Об активном занятии жителей памятника ремеслами писалось неоднократно (Михеев, 1985, с. 15-16; Шамрай, Духін, 1997, с. 135-138; Плетнева, 2002; Флеров, 2005; Матеріальна та духовна культура, 2017, с. 59-73). С его территории происходит значительное количество изделий из металла. Только во время изучения памятника В.К. Михеевым их было собрано более чем 800, до 45% которых представляли бытовые вещи, до 15% – инструменты для обработки дерева и кости и до 8% - инструменты кузнечного и ювелирного производства. С памятника происходит богатая подборка ювелирных инструментов: - тигельки, маленькие зубила, молоточки, пуансоны и др. (Матеріальна та духовна культура… 2017, Ілл. 168-171). Присутствуют находки форм для отливки украшений (Матеріальна та духовна культура… 2017, Ілл. 172-173; Михеев, 1985, с. 94; Шамрай, Духін, 1997, с. 135-138; Ходжайов, и др., 2012, рис. 12: 7а). Много орудий, связано с кузнечным ремеслом. Среди них наковальни, молоты, кузнечные клещи, зубила, пробои, волочильные доски, напильники и другие предметы

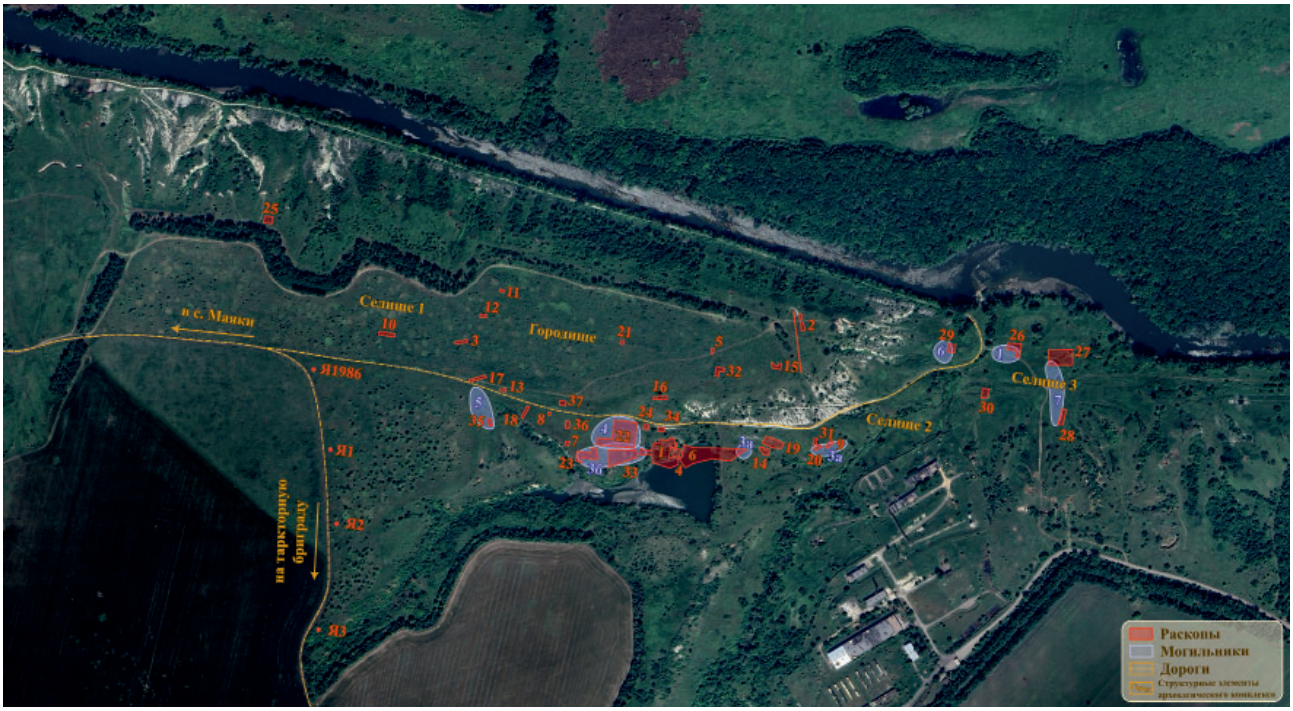

Рис. 7. Схема расположения раскопов и некрополей на территории Царинского археологического комплекса. В качестве фонового изображения использована карта из Google Планета Земля.
Fig. 7. Map showing the location of excavation areas and necropolises at the Tsarino archaeological complex. A Google Earth map is used as the background image.

(Матеріальна та духовна культура… 2017, Ілл. 158-161, 163-167).

В последующие годы на распаханной поверхности археологического комплекса были подняты сотни металлических предметов. Находки хранились в ряде музеев (Харьковского университета; Святогорского историко-архитектурного заповедника; Славянском краеведческом музее; Артемовском краеведческом музее; Донецком областном краеведческом музее г. Краматорск; Мариупольском музее краеведения; Донецком республиканском краеведческом музее) (Матеріальна та духовна культура… 2017). Значительное количество предметов находилось у частных лиц (собрание жителя пос. Донецкое - Н. Кириченко, Музей народного быта в с. Маяки Славянского р-на). В целом, коллекция металла с Царинского археологического комплекса по численности и разнообразию металлических предметов, не имеет равных на памятниках СМК.

Факт наличия на данном археологическом объекте столь большого количества металлических изделий В.С. Флеров объяснял «свойствами грунта, сохранявшего железо от ржавчины», а также тем, что поселение могло быть внезапно покинуто жителями. Второе положение не вызывает сомнений. Следы разгрома отчетливо читаются во всех разбитых на памятнике раскопах. Указанное поселение не было единственным памятником, который подвергся разгрому. Однако на прочих такого (даже близкого) количества металлических предметов не наблюдается. Более того, в разных раскопах было выявлено значительное количество металлических изделий, которые подверглись сильному обжигу благодаря чему их невозможно было даже снять с места, т.к. они рассыпались. То есть, реально изделий из металла было еще больше. Учитывая это, а также, факт наличия заготовок, сломанных изделий, предметов со следами ремонта, можно сделать вывод, что рассматриваемый нами памятник являлся крупным ремесленным центром, который обеспечивал своей продукцией значительную территорию.

При всем этом, ремесленные мастерские Царинского комплекса до сих пор не обнаружены. Материалы селища 2, которое В.К. Михеев определял, как «ремесленный посад», показывают, что на территории, где располагались его раскопы, мастерских нет. Максимум это был участок, на котором проживали

ремесленники. То, что мастерские присутствовали на этом памятнике, не вызывает сомнений: - слишком велико количество и разнообразие найденных на нем инструментов. Вероятно, они могли находиться в восточной части селища 2, которая является одним из наименее изученных участков археологического комплекса.

9. Торговля. Ряд предметов, найденных на памятнике, свидетельствует об активном занятии его жителей торговой деятельностью. Во время работ В.К. Михеева на его территории были обнаружены коромысла двух весов (бронзовое и железное) и чашечка от них (Михеев, 1985, с. 16). Кроме этого, в разные годы было выявлено 10 гирек и разновесов (Михеев, 1985, с. 16; Спинов, 2012, с. 26-27, 30-31, 52-53). На памятнике найдено 20 экз. монет, представленных обрезками дирхемов VIII – нач. IX вв. и арабо-сасанидских полудрахм (Михеев, 1985, с. 19; Матеріальна та духовна культура… 2017, с. 74, Ілл. 213-214; Кравченко, 2011). В каталоге выставки фигурирует обрезок византийского солида, якобы происходящий с территории археологического комплекса (Матеріальна та духовна культура… 2017, с. 75, Ілл. 215). На расположенном в непосредственной близости небольшом городище Осиянская Гора обнаружена подвеска, изготовленная из Таманского подражания серебряному милиариссию (Матеріальна та духовна культура… 2017, с. 76, Ілл. 219). В керамическом комплексе содержится до 15% импортов, из которых 12% составляет амфорная тара крымского производства (Михеев, 1985, с. 15). Вышеперечисленные данные свидетельствуют, что в жизни населения археологического комплекса торговля также играла важную роль.

10. Воины. Среди находок представлено большое количество предметов вооружения и конского снаряжения. Из оружия присутствуют детали сабель. На территории селища 2 найдено перекрестие меча (Михеев, 1966, с. 5, Табл.VII, 4; Дедов, Швецов, 1987, с. 262-263). Находка детали рукояти подобного меча была подобрана на поверхности городища (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с.14, рис. 27, 10, фото 40, 7; Матеріальна та духовна культура, 2017, Іл. 87; Кравченко, 2020 б, с. 204, рис. 6: 3-4). Указанные находки, редкие на этой территории, исследователи связывают их либо с походами древнерусских дружин (Сібільов, 1950, с. 102, рис. 4, 1-4), либо с местным степным производством (Гопак, Дьяченко, 1984, с. 252, 255). Много боевых топориков, подвесов от кистеней. Присутствуют находки кинжалов и боевых ножей, широкий ассортимент наконечников стрел, копий и дротиков. Основная часть находок копий представлена втульчатыми наконечниками с узким шиловидным четырехгранным пером, которые, согласно мнению А.Н. Кирпичникова, связаны с вооружением всадника (Кирпичников, 1966, с. 16). Из защитного вооружения - обрывки кольчуг и панцирные пластины. Много предметов конского снаряжения: - удила, стремена, конские путы, железные оковки седельных лук (Кравченко, 2020 б). Все это свидетельствует о наличии на памятнике воинов-всадников.

11. Некрополи хазарского времени. В.К. Михеев выделял 4 некрополя, прилегающих к археологическому комплексу, три из которых (могильники 1-3) он относил к хазарскому времени (Михеев, 1985, с. 16–18). Анализ сведений показал, что могильник 2 с погребениями по обряду кремации на данном памятнике не существовал (Кравченко, 2022 а). Расположенный на селище 3 могильник 1 зливкинского типа (Михеев, 1985, с. 16), представлял небольшое кладбище, насчитывающее в лучшем случае несколько десятков могил (Кравченко, 2024, с. 75–77). Основным некрополем памятника был могильник 3, на котором в разные годы было расчищено 106 захоронений (Кравченко, 2024, с. 84). Указанный некрополь относится к числу безынвентарных могильников, которые в рассматриваемом нами регионе находятся при крупных археологических комплексах. К хазарскому времени относится и могильник 5, прилегающий к линии укреплений городища. Его погребения были произведены по мусульманским канонам (рис. 7). Для нас важным представляется, что на указанных некрополях прослеживается влияние монотеистических религий, и по своему обряду они существенно отличаются от языческих могильников зливкинского типа, которые являются некрополями поселений, расположенных в окрестностях крупных археологических комплексов.

Подводя итог, следует сказать, что мы имеем дело с крупным памятником, на площади которого присутствует культурный слой 0,3–0,5 м. Мощность его увеличивается на селищах, существовавших более длитель-

ный промежуток времени и совсем малая на городище. Вероятно, на возвышающейся над селищами площадке холма присутствовало изначально какое-то укрепление, типа огражденного частоколом участка. Строительство серьезного укрепления на Царинском комплексе началось на последнем этапе его истории. Причиной этого, вероятно, было изменение политической обстановки, давшее толчок поспешному строительству на западной границе каганата цепи укрепленных поселений. В ряде случаев перестраивались крупные поселения, существовавшие здесь ранее. Так, на Царином городище, при наличии мощных эскарпов, ограждавших подход со стороны реки, напольные укрепления были слабыми и, скорее всего, их полностью не успели достроить. Вероятно, что на площадке городища присутствовала одновременная застройка, как на значительной части соседнего Сидоровского комплекса (Кравченко, 2020 а, с. 26–28). На большей его части может даже не быть стратифицированных комплексов в связи с небольшим временным промежутком существования укрепленного населенного пункта. Постройки Царинского археологического комплекса (как и Сидоровского) типологически не отличаются от жилых и хозяйственных сооружений окрестных поселений. В целом же, перечисленные выше позиции противоречат пониманию определения этого населенного пункта, как «города», на что указывал В.С. Флеров (Флеров, 2010, с. 135).

При всем этом, Царинский археологический комплекс играл особую роль среди окружавших его рядовых поселений. Он являлся местом, куда свозилась, перерабатывалась и где хранилась собранная с округи сельскохозяйственная продукция. Здесь велась активная торговая и ремесленная деятельность. Несмотря на то, что в это время все мужское население было воинами, в пределах этого населенного пункта присутствовал значительный контингент всадников. Учитывая это, можно предполагать наличие на его территории представителей местного административного руководства. Косвенным свидетельством в пользу этого могут служить находки памятников письменности, выполненных «кубанским руническим алфавитом» (Кызласов, 1994, с. 265-276), почти на всех крупных жилых городищах в среднем течении Северского Донца (Кравченко, 2005; 2016; 2020 а, с. 129–131). В том числе, и на Царинском археологическом комплексе (Кляшторный, 1979, с. 273–274).

Кроме этого, указанный населенный пункт являлся местом, где распространялись культурно-идеологические влияния. Об этом свидетельствуют его некрополи: - мусульманский могильник 5 и безынвентарный могильник 3, в погребальном обряде которого прослеживается влияние мировых религий (христианства и ислама) без преобладания признаков какой-либо из них. Вероятно, в период его функционирования процесс выбора веры у большинства населения Царинского комплекса находился на начальной стадии. Таким образом, указанный населенный пункт даже своими кладбищами и, соответственно, мировоззрением значительной части жителей отличался от расположенных в его окрестностях сельских поселений, которые сопровождались традиционными языческими некрополями зливкинского типа. То есть между жителями указанных населенных пунктов были серьезные отличия и в менталитете. Вне сомнений, современники, проживавшие в хазарское время на этих малых поселениях, воспринимали Царинский археологический комплекс, как городской центр.

Вероятно, при наличии благоприятных исторических условий, такие центры стали бы городами, в том смысле, как понимает этот термин современная наука (Флеров, 2010, с. 135), тем не менее, этого не произошло. Согласно образному определению В.С. Флерова, им «не хватило для этого отпущенного историей времени» (Флеров, 2005, с. 345). В данном случае история возникновения и функционирования подобных поселений является моделью, отражающей процесс формирования городов в степях Восточной Европы в эпоху раннего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. / Археологические открытия на новостройках. М.: Наука, 1987. 200 с.

Гопак В.Д., Дьяченко А.Г. Техника изготовления клинков древнерусских мечей бассейна Северского Донца // СА. 1984. № 4. С. 252–255.

Дедов В.Н. Швецов М.Л. Находка древнерусского меча в Донбассе // СА. 1987. № 1. С. 262–263.

Катунин В.А. Критерии выделения городов среди памятников салтовской культуры // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына. (г. Саратов – Энгельс, 14–18 мая, 2000 г.) / Ред. Е.К. Максимов и др. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2000. С. 52–57.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 362 с.

Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // СА. 1979. № 1. С. 270–275.

Кравченко Э.Е. Памятники оседлого населения XI-XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 75–100.

Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 3 / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Международного Соломонового университета, 2004. С. 242–276.

Кравченко Э.Е. Исследование хозяйственного объекта на археологическом комплексе у с. Сидорово в среднем течении Северского Донца // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Слов'янськ: Печатный двор, 2005. С. 208–222.

Кравченко Э.Е. Два археологических комплекса в среднем течении Северского Донца (сравнительная характеристика) // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2009. С. 136–147.

Кравченко Э.Е. Предметы импорта эпохи средневековья на территории Донецкой области // Болгарский форум I. Материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., г. Болгар). / Археология евразийских степей. Вып. 12 / Отв. ред Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 145–154.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 407−474.

Кравченко Э.Е. Предмет с рунами с Новоселовского городища (среднее течение Северского Донца) // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти С.А. Плетневой. / Отв. ред. И.Л. Кызласов М.: Авторская книга, 2016. С. 223–238.

Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // Археология Евразийских степей. 2020а № 4. 344 с.

Кравченко Э.Е. Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца) // Археология Евразийских степей. 2020б. № 6. С. 198–223.

Кравченко Э.Е. О захоронениях по обряду кремации в среднем течении р. Северский Донец // Поволжская археология. 2022а. № 2 (40). С. 56–71.

Кравченко Э.Е. Группа построек хазарского времени археологического комплекса у с. Маяки (по материалам раскопок 1990 г.) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 4 / Ред. А. Онгар, Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2022б. С. 226–242.

Кравченко Э.Е. Царино городище. Формирование поселенческой структуры / Byzantinotaurica. VII. Симферополь: Н.Оріанда, 2024. 208 с.

Кравченко Э.Е. Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году // НА ИА НАНУ №2008/82.

Кравченко Э.Е., Чепига Г.Г. Исследования на городище археологического комплекса Маяки в среднем течении Северского Донца (по материалам 2008 г.) // Сборник материалов научной онлайн-конференции «Проблемы изучения взаимодействия Доно-Донецкого региона и дельты Волги в эпоху средневековья». Донецк, 2024. С. 31–37.

Крыганов А.В. Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники – остатки древнего хазарского города // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 347–358.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 327 с.

Матеріальна та духовна культура населення Подінців'я в період середньовіччя VIII-XIV ст. на прикладі городища «Царине» (Маяцьке). Каталог виставки / Автори укладачі Дєдов В.Н., Шамрай А.В., Соловкін О.О. Київ: Вид. САМ. 2017. 95 с.

Михеев В.К. Результаты археологических работ на Маяцком городище в 1963 г. // Архив музея истории и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета. Ф. 1; Оп. 2; Ед. хр. 4.

Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г. // НА ИА НАНУ №1964/28

Михеев В.К. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с. Маяки летом 1965 г. // Научный Архив ИА НАНУ № 1965/18.

Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. // НА ИА НАНУ 1966/80.

Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтово-маяцкой культуры у с. Маяки в 1968 г. // Научный Архив ИА НАНУ № 1968/48.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.

Михеев В.К., Копыл А.Г. Средневековые поселения и могильники Подонцовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. научно-практического семинара. Донецк, 1989. С. 50–53.

Плетнёва С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. Т. 1 / Гл. ред. В.К. Михеев. Харьков: Каравелла, 2002. С. 110–124.

Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. Вып. XLIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1952. С. 3–44.

Свистун Г.Е. К вопросу о городах в лесостепной зоне Хазарского каганата // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Мат. межд. науч. конф., посв. 100-летию начала археологич. исслед. Гочевского археологич. комплекса. Курск, 2009. С. 44–51.

Сибилев Н.В. Древности Изюмщины. Вып. 4. Изюм, 1930.

Сібільов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Новгород Сіверського // Археологія. 1950. Вип. IV. С. 99–114.

Спинов В.В. Гирьки и разновесы Сидоровского и Маяцкого археологических комплексов в среднем течении р. Северский Донец // Святогірський альманах 2012 / Отв. ред. П.В. Добров. Донецьк: Донбасс, 2012. С. 26–54.

Татаринов С.И. Копыл А.Г., Шамрай А.В. Два праболгарских могильника на Северском Донце // СА. 1986. № 1. С. 209–221.

Флеров В.С. «Города»? Археологический аспект проблемы // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М., Восточная литература, 2005. С. 312–349.

Флеров В.С. Города и замки Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 125–192.

Шамрай А., Духін О. Ювелірні центри на Сіверському Дінці // Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Наукові матеріали. Киев, 1997. С. 135–138.

Швецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на прабългарската история и култура. Т. 2 / Отговор. ред. Рашо Рашев. София: Аргес, 1991. С. 109–123.

Швецов М.Л. О комплексе жилых построек эпохи Золотой Орды на Царином городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В.Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 97–116.

Информация об авторе:

Кравченко Эдуард Евгеньевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт истории и археологии Византии и Причерноморья»; доцент. Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sidae@mail.ru

REFERENCES

Afanasyev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII–X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th – 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh (Rescue Archaeological Investigations) 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gopak, V. D., Dyachenko A. G., 1984. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 252–255 (in Russian).

Dedov, V. N. Shvetsov, M. L. 1987. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 262–263 (in Russian).

Katunin, V. A. 2000. In Maksimov, E. K. et al. (eds.). *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranich'ia Evropy i Azii (Interaction and Development of Ancient Cultures of the Southern Borderlands of Europe and Asia).* Saratov: Saratov State University, 52–57 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klyashtorny, S. G., 1979 In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 270–275 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). S*tepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 75–100 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2004. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 3. Kiev; Kharkov: International Solomon University, 242–276 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2005. In *Problemy zberezhennia i vikoristannia kul'turnoi spadshchini v Ukraini (Issues of the Preservation and Use of Cultural Heritage in Ukraine).* Slovyansk: "Pechatnyi dvor" Publ., 208–222 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2009. In Rudenko, K. A. (ed.). *Materialy i issledova-niya po srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy (Materials and research on medieval archaeology of Eastern Europe).* Kazan: "Shkola" Publ., 136–147 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Bolgarskii forum I. Materialy Mezhdunarodnogo Bolgarskogo Foruma (19–21 iiunia 2010 g., g. Bolgar) (Bolgar Forum I. Proceedings of the International Bolgar Forum (June 19–21, 2010, Bolgar)).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 12. Kazan: "Foliant" Publ., 145–154 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde).* Kazan; Simferopol; Chisinau: "Stratum Plus" Publ., 407–474 (in Russian).

Kravchenko E.E., 2016. In Kyzlasov, I. L. (ed.). *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka. Sbornik pamiati S.A. Pletnevoi (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection dedicated to the Memory of S.A. Pletneva).* Moscow: "Avtorskaia kniga" Publ. 223–238 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2020. Sidorovskii arkheologicheskii kompleks na r. Severskii Donets (Sidorovka Archaeological Complex on the Seversky Donets River) In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 198–223 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 56–71 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2022. In Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepey (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). V 5-ti t. (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes)* 4. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 226–242 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2024. *Tsarino gorodishche. Formirovanie poselencheskoi struktury (Tsarino fortified settlement. Formation of the settlement structure).* Series: Byzantinotaurica. VII. Simferopol: "N.Orianda" Publ. (in Russian).

Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N., Shamrai, A. V. 2008. *Otchet ob issledovaniiakh na arkheologicheskom komplekse Mayaki v 2008 godu (Report on Studes at the Mayaki Archaeological Complex in 2008).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 2008/82 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Chepiga, G. G. 2024. In *Sbornik materialov nauchnoi onlain-konferentsii «Problemy izucheniia vzaimodeistviia Dono-Donetskogo regiona i delty Volgi v epokhu srednevekovia» (Collected materials of the scientific online conference "Issues of studying the relationship of the Don-Donetsk region and the Volga delta in the Middle Ages)* Donetsk, 31–37 (in Russian)

Kryganov, A. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 347–358 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1994. *Runicheskie pismennosti evraziiskikh stepei (Runic writing of the Eurasian steppes).* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian)

Dedov, V. N., Shamray, A. V., Solovkin, O. O. (comp.). 2017. *Material'na ta dukhovna kul'tura naseleniia Podintsiv'ia v period seredn'ovchchia VIII-XIV st. na prikladi gorodishcha "Tsarine" (Maiats'ke) (The Material and Spiritual Culture of the Population of the Don Region in the Period of the Mid-8thI-14th cc. at the Example of "Tsarino" Fortified Settlement (Mayaki)).* Kiev: "SAM" Publ. (in Ukrainian).

Mikheev, V. K. 1963. *Rezul'taty arkheologicheskikh rabot na Maiatskom gorodishche v 1963 g. (Results of Archaeological Activities at Mayaki Settlement in 1963).* Archive of the Museum of History and Ethnography of Sloboda Ukraine, Kharkiv National University. Fund 1. Inv. 2. Unit 4 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1964. *Otchet o arkheologicheskikh raskopkhakh poseleniia u sela Maiaki v1964 g. (Report on Archaeological Excavations at a Settlement near Mayaki Village in 1964).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1964/28 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1965. *Otchet o raskopkakh poseleniia i mogil'nika saltovskoi kul'tury u sela Maiaki letom 1965 g. (Report on the Excavations of a Settlement and Burial Ground of the Saltovo Culture near Mayaki Village in the Summer of 1965.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1965/18 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1966. *Otchet o arkheologicheskikh raskopkakh poseleniia u sela Maiaki Slaviankogo raiona Donetskoi oblasti. (Report on Archaeological Excavations near Mayaki Village of the Slavyansky District of the Donetsk Region.).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1966/80 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1968. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh poseleniia saltovskoi kul'tury u sela Maiaki v 1968 g. (Report on the Excavations of a Settlement and Burial Ground of the Saltovo Culture near Mayaki Village in 1965).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1968/48 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv (in Russian).

Mikheev, V. K., Kopyl, A. G. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Issues of protection and research of archaeological resources in Donbass).* Donetsk, 50–53 (in Russian).

Pletneva, S. A. 2002. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 1. Kharkov: "Karavella" Publ.. (in Russian)

Rybakov, B. A. 1952. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 43. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3–44 (in Russian).

Svistun, G. E. 2009. In *Srednevekovyi gorod Iugo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniia, evoliutsiia, materialnaia kultura (Medieval urban settlement of Southeastern Russia: prerequisites for the emergence, evolution, material culture).* Kursk, 44–51 (in Russian)

Sibilev, N. V. 1930. *Drevnosti Iziumshchiny (Antiquities of the Izium Region)* 4. Izium (in Russian).

Sibilev, N. V. 1950. In *Arkheologiia (Archaeology)* 4, 99–114 (in Ukrainian)

Spinov, V. V. 2012. In Dobrov, P. V. (ed.) *Sviatogirs'kii al'manakh 2012 (Sviatogorsk Almanac 2012).* Donetsk: "Donbass" Publ., 26–54 (in Russian).

Tatarinov, S. I., Kopyl, A. G., Shamrai, A. V. 1986 In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 209–221 (in Russian).

Flerov, V. S. 2005. In Kliashtornyi, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2003–2004 (Collected Papers on Turkic Studies 2003–2004).* Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 312–349 (in Russian).

Flerov, V. S. 2010. *Goroda i zamki Khazarskogo kaganata. Arkheologicheskaia realnost (Cities and castles of the Khazar Khaganate. Archaeological reality).* Moscow: "Mosty kultury" Publ. (in Russian)

Khodzhaiov, T. K., Shvetsov, M. L., Khodzhaiova, G. K., Frizen, S. Yu. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. Donetsk: Donetsk National University, 125–192 (in Russian).

Shamray, A., Dukhin, O. 1997. In *Mizhnarodna arkheologichna konferentsiia studentiv ta molodikh vchenikh (International archaeological conference of students and young scientists. Scientific materials.* Kiev, 135–138 (in Ukrainian).

Shvetsov, M. L. 1991. In Rashev, R. (ed.). *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)* Vol. 2. Sofiia: "Arges" Publ., 109–123 in Russian).

Shvetsov, M. L. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. Donetsk: Donetsk National University, 97–116 (in Russian).

About the Author:

Kravchenko Eduard E. Candidate of Historical Sciences, Sevastopol State University. Universitetskaya str. 33, Sevastopol, 299053, Russian Federations. sidae@mail.ru

Статья поступила в журнал 12.03.2025 г.
Статья принята к публикации 12.05.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.217.229

СТРЕЛКОВЫЕ ПОЯСА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ НАЧАЛА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ ГОРНЫЙ-10)

© 2026 г. Н.Н. Серегин, С.С. Матренин, Н.Ф. Степанова

Статья посвящена введению в научный оборот, анализу и интерпретации элементов стрелковых поясов, обнаруженных в ходе раскопок объектов некрополя Горный-10. На данном памятнике, расположенном в Красногорском районе Алтайского края, экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» в 2000–2002 гг. исследованы 75 грунтовых погребений начала раннего средневековья. Изученная коллекция включает одиннадцать крюков-застежек и семь распределителей ремней, обнаруженных в одиннадцати мужских захоронениях. Анализ особенностей расположения обозначенных категорий снаряжения в непотревоженных комплексах предоставляет основания для интерпретации их в качестве деталей стрелковых поясов, которые помещались в могилы расстегнутыми, с откреплеными колчаном и налучьем. В результате морфологической классификации выделены пять типов колчанных крюков и два типа распределителей. Сопоставление сформированного корпуса находок с вещественными материалами из археологических памятников отдельных регионов восточной Евразии позволило сделать ряд заключений о датировке и возможных направлениях эволюции изделий. Сформулировано предположение о значительном влиянии на комплекс воинского снаряжения населения, оставившего некрополь Горный-10, традиций материальной культуры центральноазиатских номадов.

Ключевые слова: археология, Алтай, раннее средневековье, стрелковый пояс, воинское снаряжение, некрополь, хронология, сопроводительный инвентарь.

ARROW BELTS OF THE POPULATION FROM THE NORTHERN FOOTHILLS OF ALTAI AT THE BEGINNING OF THE EARLY MIDDLE AGES (FOLLOWING THE MATERIALS FROM THE GORNY-10 NECROPOLIS)

N.N. Seregin, S.S. Matrenin, N.F. Stepanova

This paper presents analysis and interpretation of the elements of arrow belts discovered during excavations at the Gorny-10 necropolis. At this site, located in the Krasnogorsk district of the Altai Krai, expeditions of the Altai State University and the Scientific and Practical Center "Naslediye" in 2000–2002 studied 75 burials without mounds of the early Middle Ages. The studied set of artifacts includes eleven hook-clasps and seven distributors of belts discovered in eleven male burials. Analysis of the peculiarities of the arrangement of the designated categories of equipment in undisturbed complexes provides grounds for interpreting them as parts of arrow belts, which were placed in graves unfastened, with the quiver and bowcase opened. As a result of morphological classification, five types of quiver hooks and two types of distributors were identified. A comparison of the resulting corpus of finds with material from archaeological sites in individual regions of eastern Eurasia allowed the authors to draw a number of conclusions regarding the dating and possible evolutionary trends of these artifacts. A hypothesis has been formulated suggesting that the military equipment of the population that left the Gorny-10 necropolis was significantly influenced by the material culture of Central Asian nomads.

Keywords: archaeology, Altai, early Middle Ages, arrow belt, military equipment, necropolis, chronology, accompaniments.

Введение

Важной частью снаряжения народов Евразии поздней древности и средневековья являются детали стрелковой экипировки. Несмотря на частую фиксацию данных изделий в археологических памятниках разных регио-

нов, в специальной литературе по-прежнему дискуссионным остается вопрос о конкретном способе использования так называемых колчанных крюков и распределителей ремней в контексте соединения их с футлярами для ношения стрел и луков. В сложившейся практике анализа вещественных источников эпохи средневековья распространенной позицией является точка зрения о том, что крюки могли крепиться на ремешке к днищу колчана (Генинг, Халиков, 1964, с. 48; Медведев, 1966, с. 20; Худяков, 1980, с. 117; и др.) или вставляться в петлю колчана (Худяков, 1986, с. 151). Другим вариантом представляется использование крюков в качестве застежки стрелкового (саадачного) пояса (Гаврилова, 1965, с. 39; Распопова, 1980, с. 74; Кубарев, 2005, с. 92–97; и др.). При этом нельзя исключать, что функциональное назначение крюков (поясная застежка или крепление колчана) имело специфику у населения разных регионов и, кроме того, могло зависеть от конструкции самих изделий (Сулейменов, Илюшин, 2022, с. 137). В отношении распределителей ремней аргументированной выступает версия о том, что они были частью стрелкового пояса и применялись для фиксации длинных подвесных портупейных ремешков, к которым присоединялись колчан и налучье (Худяков, 1986, с. 151; Могильников, 1997, с. 208–210; Кубарев, 2005, с. 93–94; и др.).

На сегодняшний день наиболее полный опыт изучения обозначенных элементов экипировки раннесредневековых лучников Северной и Центральной Азии реализован на основе археологических материалов Алтая и Кузнецкой котловины (Кубарев, 2005, с. 92–97; Сулейменов, Илюшин, 2022). Для остальных регионов приходится констатировать только публикацию отдельных изделий без развернутой аналитики (Чиндина, 1991, рис. 2.-24, 25; Троицкая, Новиков, 1998, с. 42). При этом важно подчеркнуть, что типология некоторых модификаций крюков и распределителей ремней дает определенные возможности для уточнения датировки конкретных археологических комплексов.

Принимая во внимание обозначенные обстоятельства, прежде всего сохраняющуюся неоднозначность интерпретации обозначенных деталей воинской экипировки, актуальным представляется изучение всех случаев расположения крюков и распределителей ремней в непотревоженных погребениях, относящихся к разным археологическим культурам. Некоторые аспекты такой работы представлены в настоящей статье, посвященной публикации результатов анализа серии информативных находок, полученных в ходе раскопок объектов раннего средневековья на некрополе Горный-10 в северных предгорьях Алтая.

Характеристика источников

Могильник Горный-10 расположен в Красногорском районе Алтайского края, на мысу правого берега р. Иша (рис. 1). В 2000–2002-х гг. 75 погребений данного некрополя исследованы экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой. Раскопанные могилы содержали преимущественно не потревоженные захоронения по обряду одиночной ингумации с многочисленным сопроводительным инвентарем, свидетельствующим о времени функционирования памятника в широких хронологических рамках второй половины VI – VII вв. н.э. (Серегин, Степанова, 2021; Серегин, Матренин, Степанова, 2025; и др.).

В процессе полевых работ в одиннадцати мужских могилах зафиксированы железные элементы стрелковой экипировки, представленные одиннадцатью крюками и семью распределителями ремней. Документированы различные ситуации размещения обозначенных изделий в захоронениях относительно скелетов умерших людей и находившихся с ними наконечников стрел, зачастую помещенных в колчаны, роговых накладок на лук, а также металлических гарнитур основных поясов (пряжки, бляхи, наконечники).

Могила 7. В непотревоженном захоронении мужчины 35–40 лет[1] ниже тазовых костей обнаружен крюк хорошей сохранности длиной 5 см (рис. 2: 1). Между позвоночником и левым локтем человека найден распределитель в виде кольца (диаметр 2,4 см) с тремя подвижными лопастями-полуобоймами (рис. 2: 2). Еще одно такое изделие (рис. 2: 3) зафиксировано у крестца, третье (рис. 2: 4) – выше левого крыла таза. Определенно можно констатировать, что все эти предметы являлись элементами боевого (стрелкового) пояса. На функциональное назначение крюка в качестве застежки пояса указывало размещение его на значительном расстоянии

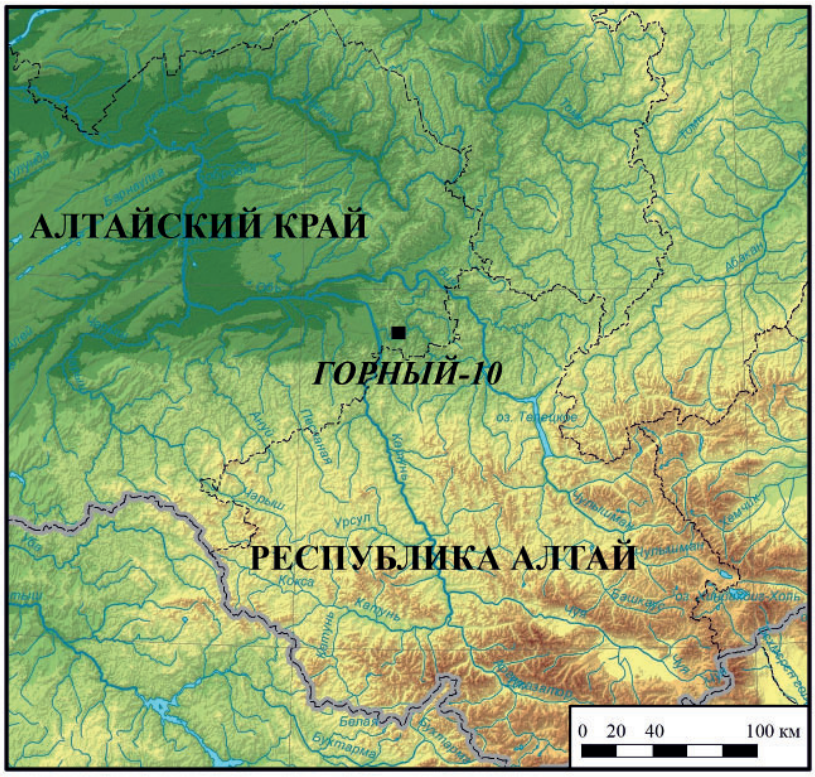

Рис. 1. Расположение некрополя Горный-10.
Fig. 1. Location of the Gorny-10 necropolis.

от наконечников стрел, лежавших в проекции коленных суставов. На правой половине скелета располагались роговые накладки на лук. С умершим находился основной пояс без блях и наконечников, который застегивался с помощью бронзовой пряжки, лежавшей на левом крыле таза.

Могила 8. В погребении с верховым конем расчищен анатомически целый скелет мужчины 25–35 лет. С внешней стороны левого предплечья человека, ближе к локтевому суставу найден обломок железного крюка длиной 4,5 см (рис. 2.-12). Судя по обнаружению изделия в проекции левого крыла таза, отдельно от ременных пряжек, крюк использовался в качестве застежки саадачного пояса. На расстоянии 35 см от него, с внешней стороны левого бедра выявлено компактное скопление наконечников стрел остриями вверх (в направлении головы покойного), которые, вероятно, были помещены в колчан. На правой половине скелета найдены пара концевых боковых накладок на лук.

Могила 10 содержала неординарное захоронение мужчины 30–35 лет с двумя лошадьми и собакой. С внешней стороны берцовых костей левой ноги человека зафиксирован частично разрушенный железный крюк длиной 5 см (рис. 2: 6). Данный предмет располагался на значительном удалении от наконечников стрел, компактно уложенных с внешней стороны головки левого бедра остриями вниз (в направлении ступней покойного), а также от основного пояса с железной пряжкой и бронзовыми бляхами. На левой части скелета найдены роговые накладки на лук.

Могила 14. Обнаружено вторичное захоронение пожилого (старше 50 лет) мужчины с неправильным размещением черепа (стоял на своде), а также большинства частей туловища и ног. С внутренней стороны левой плечевой кости и с внешней стороны левого бедра обнаружены лежавшие разрозненно железные наконечники стрел, ориентированные остриями вниз. Рядом с одним из них (в проекции левого бедра) лежал целиком сохранившийся железный крюк длиной 5 см (рис. 2: 5), являвшийся частью стрелкового пояса, который, вероятно, был помещен в могилу в расстегнутом виде. Пряжки от основного пояса находились под левой частью таза. Справа от человека лежали накладки на лук.

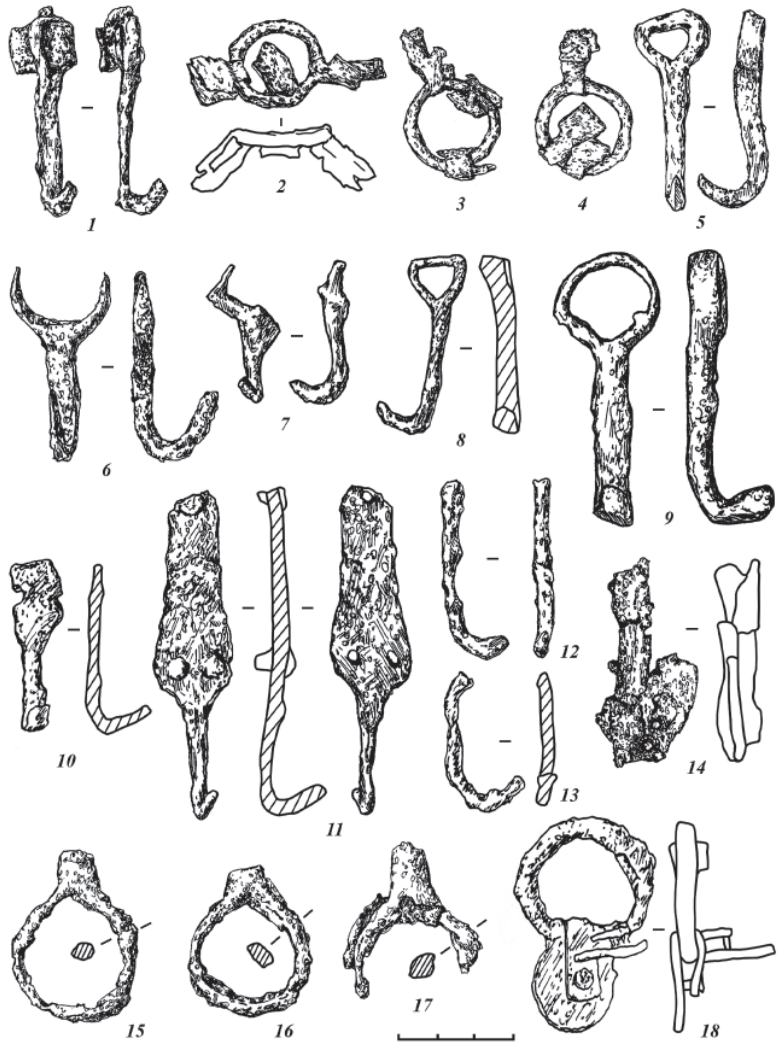

Рис. 2. Железные застежки (*1, 5–14*) и распределители ремней (*2–4, 15–17*) стрелковых поясов из объектов некрополя Горный-10. 1–4 – могила 7; 5 – могила 14; 6 – могила 10; 7 – могила 33; 8 – могила 37; 9 – могила 28; 10 – могила 68; 11 – могила 27; 12 – могила 8; 13 – могила 59; 14–17 – могила 21.

Fig. 2. Iron fasteners (*1, 5–14*) and belt distributors (*2–4, 15–17*) of arrow belts from the objects of the Gorny-10 necropolis. 1–4 – burial 7; 5 – burial 14; 6 – burial 10; 7 – burial 33; 8 – burial 37; 9 – burial 28; 10 – burial 68; 11 – burial 27; 12 – burial 8; 13 – burial 59; 14–17 – burial 21.

Могила 21. Расчищен анатомически целый скелет молодого мужчины 23–25 лет. Между бедренными костями человека зафиксирован сильно корродированный и частично разрушенный железный крюк длиной 5,3 см (рис. 2.-14). С внешней стороны левого бедра, рядом со срединными роговыми накладками на лук обнаружен железный кольцевой распределитель диаметром 3 см (рис. 2: 15). Два других кольца-распределителя аналогичного размера найдены между колен (рис. 2: 16) и с внутренней стороны правой голени (рис. 2: 17). Особенности расположения изделий свидетельствуют о том, что стрелковый пояс был помещен в могилу расстегнутым, отдельно от основного наборного пояса, от которого сохранились бронзовые гарнитуры (пряжка с язычком, бляхи-накладки), прослеженные выше тазовых костей и ниже ребер человека. С внешней стороны правой ступни размещались десять компактно уложенных наконечников стрел, обращенных остриями вниз. Возле левого бедра лежала пара срединных боковых накладок на лук.

Могила 27. Исследована ингумация мужчины 25–30 лет с анатомически целым скелетом и разнообразным вещевым комплексом. С внешней стороны левого плеча выявлен массивный железный крюк хорошей сохранности (длина 8,4 см) с пластинчатым щитком

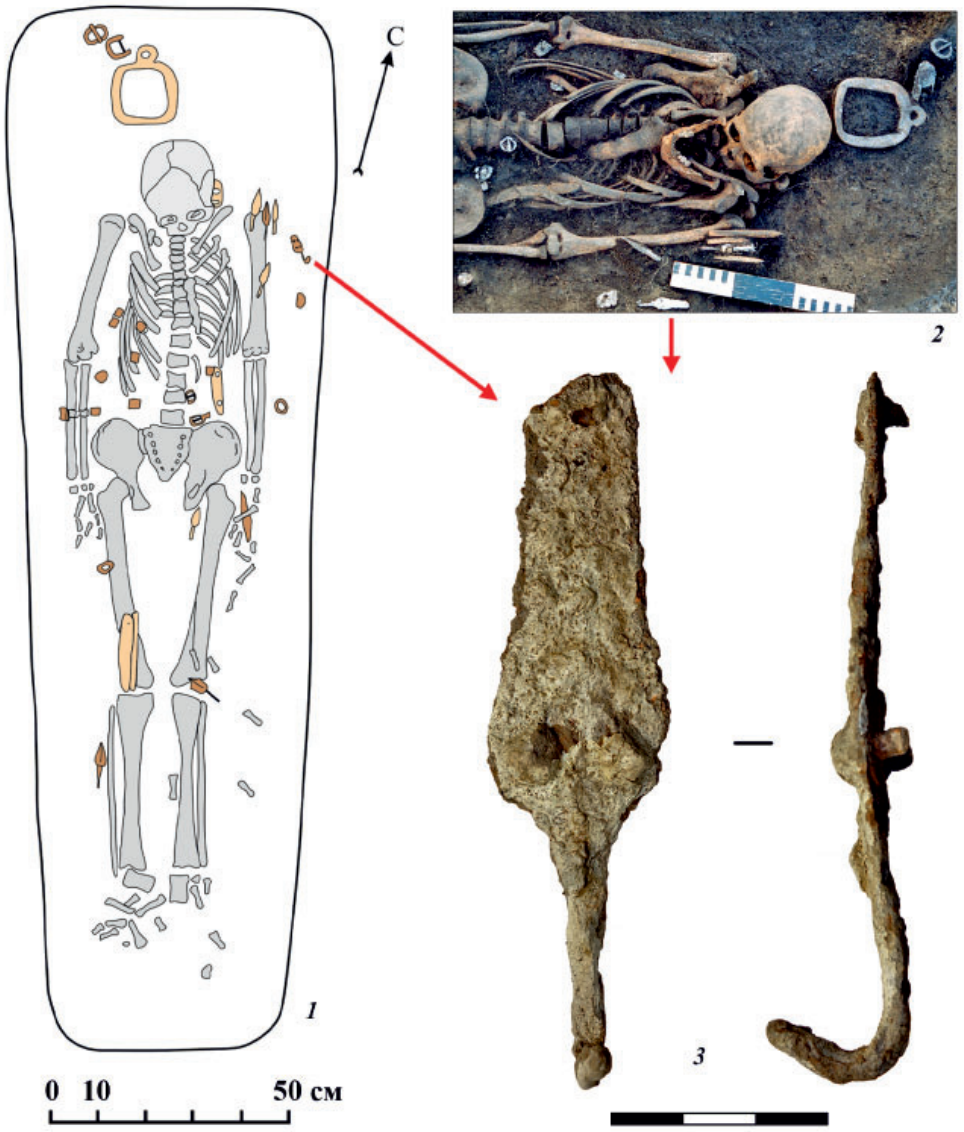

Рис. 3. Особенности расположения железной застежки стрелкового пояса в могиле 27 некрополя Горный-10.
1 – план могилы 27; 2 – фото фрагмента могилы 27; 3 – крюк-застежка из могилы 27.
Fig. 3. Features of the location of the iron clasp of the arrow belt in the burial 27 of the Gorny-10 necropolis.
1 – plan of the burial 27; 2 – photo of the burial 27 fragment; 3 – hook-clasp from the burial 27.

(рис. 2: 11; 3). В непосредственной близости от данного изделия, на левом предплечье умершего человека зафиксированы пять наконечников стрел остриями вверх (в направлении черепа), уложенных в колчан, от которого сохранилась костяная накладка, обнаруженная ниже левой части грудной клетки. Три других наконечника располагались бессистемно (с внутренней стороны головки левого бедра, с внешней стороны правой голени, на левом колене). Железные детали основного наборного пояса (пряжки и накладные бляхи) зафиксированы у нижней части грудной клетки, а также под правыми локтевыми костями. На правом колене выявлена пара срединных боковых накладок на лук.

Могила 28 оказалась разрушенной. В заполнении ее в беспорядке встречались отдельные кости взрослого мужчина 18–23 лет и вещи, в том числе элементы поясного набора. В перекопе рядом с могилой найден хорошо сохранившийся массивный железный крюк (рис. 2.-9).

Могила 33 представляла собой вторичное захоронение пожилого (старше 55 лет) мужчины (череп отчленен, локтевые кости смещены

под таз, отсутствовали левая половина ребер и часть позвонков). На левом крыле таза обнаружен железный крюк небольшого размера (длина 3,6 см) с разрушенным щитком (рис. 2: 7). Между ног человека лежал колчан (сохранилась костяная накладка с орнаментом) с пятью стрелами, обращенными наконечниками вниз. Основной пояс был наборным и состоял из бронзовой пряжки и накладных блях, зафиксированных в верхней части грудной клетки и с внешней стороны правого бедра. На правой половине грудной клетки умершего лежали две роговые накладки на лук, а между бедренными костями – срединная боковая пластина.

Могила 37 содержала вторичное захоронение молодого человека возрастом не более 20 лет, уложенного без нижней части туловища (отсутствовали тазовые и локтевые кости, средняя и нижняя части позвоночника и ребер). В области «таза» найден железный крюк длиной 4,5 см (рис. 2: 8). Детали основного пояса обнаружены выше, на месте утраченных ребер. На значительном расстоянии от крюка, рядом с нижними конечностями погребенного, зафиксированы наконечники стрел, которые лежали относительно компактно на левой берцовой кости остриями вверх.

Могила 59. Сохранились остатки скелета мужчины 30–50 лет. В связи со вторичным характером ингумации полностью отсутствовало туловище. С внутренней стороны головки левого бедра умершего, ниже таза найден обломок (длина 4,5 см) железного крюка (рис. 2: 13). Выше правой половины таза располагались железные детали основного пояса.

Могила 68. Среди костных останков мужчины 35–40 лет, в районе локтя левой руки лежал железный крюк с пластинчатым щитком длиной 4,4 см (рис. 2: 10). С внешней стороны правого бедра обнаружен железный распределитель (рис. 2: 18). Возле бедер и таза бессистемно располагались наконечники стрел, направленные остриями в сторону ступней умершего. На нижней части локтевых костей зафиксирована железная пряжка от основного простого пояса. На левой половине грудной клетки лежала роговая накладка на лук. Следует отметить, что рядом с могилой, в норе грызуна, найден еще один сильно разрушенный железный кольцевой распределитель с подвижными лопастями, который мог быть частью снаряжения из данного захоронения.

Анализ материалов

В результате раскопок объектов некрополя Горный-10 сформирована достаточно представительная серия железных предметов, связанных со стрелковой экипировкой. В рассматриваемом комплексе крюки являлись распространенным элементом сопроводительного инвентаря умерших мужчин разного возраста. Такие изделия обнаружены у 11 (45,8%) из 24 захороненных индивидов данного пола. Анализ расположения крюков в непотревоженных погребениях позволил выявить устойчивую тенденцию их размещения почти исключительно с левой стороны от посткраниальных скелетов, в разных местах: возле предплечья (три случая), у берцовых костей (два случая), у бедра (один случай), на крыле таза (один случай). В могилах 7 и 21 данные изделия лежали между бедренных костей, а в объекте 37 – на правом крыле таза. Относительно локализации распределителей ремней отмечены следующие варианты: у левого локтя, на крестце и на левом крыле таза (могила 7); возле левого бедра, между колен и с правой стороны голени (могила 21); у правого бедра (могила 68).

С учетом сделанных наблюдений имеются основания с большой степенью вероятности считать, что крюки выполняли функцию застежек стрелковых (боевых) поясов. Два комплекта из могил 7 и 21, оснащенные тремя распределителями (два предназначались для крепления колчана посредством длинных подвесных портупейных ремешков, а один – для налучья), представляется возможным рассматривать в качестве «классических» образцов воинского снаряжения раннего средневековья. Стрелковый пояс из могилы 68 мог иметь два распределителя, предназначенных для подвижной фиксации колчана. Показательно, что у всех обнаруженных боевых поясов отсутствовали декоративные детали в виде блях и наконечников ремней.

Установлено, что в десяти из одиннадцати могил с крюками присутствовали стрелы, которые, исходя из компактного расположения наконечников из железа и кости, укладывались в колчан преимущественно с левой стороны от умершего человека (вдоль бедра – четыре случая; у плеча – два случая; возле берцовых костей – один случай), реже между ног (два случая) и у правой ступни (один случай). При этом в восьми захоро-

нениях со стрелковыми поясами встречены луки, которые в пяти случаях располагались на правой, а в трех случаях – на левой половине тела погребенного. В данном контексте важно заметить, что, судя по раннесредневековым графическим изображениям, а также особенностям размещения предметов вооружения и воинского снаряжения в комплексах тюрок Алтае-Саянского региона, к стрелковому поясу колчан подвешивался на правый бок, тогда как налучье с луком носилось с левой стороны (Распопова, 1980, с. 104; Кубарев, 2005, с. 95–96; Серегин, 2014, с. 182).

Материалы раскопок объектов некрополя Горный-10 показывают, что стрелковые пояса лежали на определенном расстоянии от основных поясов и, скорее всего, помещались в могилы расстегнутыми, с откреплеными колчаном и налучьем. Данная ситуация затрудняет реконструкцию способа крепления к поясу футляров для ношения стрел и лука. В самом простом варианте подвесные портупейные ремни могли продеваться через петли на тыльной стороне колчана или пропускаться в пазы крепежной планки, выполненной из органического материала (Горбунов, 2006, с. 45).

Сформированная в процессе исследования некрополя Горный-10 серия находок предоставляет возможности для системного анализа крюков и распределителей ремней. С учетом имеющегося опыта изучения воинского снаряжения населения Алтая эпохи поздней древности и раннего средневековья, нами была осуществлена классификация крюков по следующим параметрам: материал изготовления (группа); форма окончания язычка (разряд); конструкция щитка (раздел); соотношение длины основания и щитка (отдел); абрис щитка (тип). В результате рассмотрения восьми экземпляров достаточной сохранности, характеризующихся всем перечнем обозначенных показателей, выделены одна группа, один разряд, два раздела, три отдела, пять типов крюков.

Группа I. Железные крюки.

Разряд I. Язычок в виде простого загиба без поперечной планки и утолщения окончания.

Раздел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Отдел I. Основание крюка значительно превышает по длине щиток.

Тип 1. Щиток округлый. Включает два экземпляра из могил 10 и 28. Общая длина изделий варьирует от 5 до 7 см, из которых 2–2,5 см приходится на щиток шириной 2,6–2,7 см (рис. 2: 6, 9).

Тип 2. Щиток овальный. Включает три экземпляра из могил 7, 14, 37. Общая длина изделий варьирует от 4,5 до 5 см, из которых не более 2 см приходится на щиток шириной 1,5–2 см (рис. 2: 1, 5, 8).

Отдел II. Основание и щиток крюка имеют практически равную длину.

Тип 3. Щиток овальный. Включает один экземпляр из могилы 33. Длина изделия 3,6 см, из которых 1,6 см приходится на щиток (рис. 2 7).

Раздел II. Щиток представляет собой пластину, фиксирующуюся к ремню с помощью вставных шпеньков-заклепок.

Отдел II. Основание и щиток крюка имеют практически равную длину.

Тип 4. Щиток пятиугольный. Включает один экземпляр из могилы 68. Общая длина изделия составляет 4,4 см, из которых 2,4 см приходится на щиток шириной 1,3 см (рис. 2: 10).

Отдел III. Щиток крюка значительно превышает по длине основание.

Тип 5. Щиток фигурный. Включает один экземпляр из могилы 27. Общая длина изделия составляет 8,4 см, из которых 5,2 см приходится на щиток с максимальной шириной 2,1 см (рис. 2: 11).

Сохранившиеся железные распределители ремней имеют центральную часть в виде кольца (диаметр 2,4–3,1 см). Данные изделия можно разделить на два типа. К первому относятся три экземпляра из могилы 7 с тремя подвижными лопастями, представляющими собой пластины-полуобоймы, фиксирующиеся к кожаной основе с помощью шпеньков (рис. 2: 2–4). Ко второму типу принадлежат четыре поясных распределителя (рис. 2: 15–18) из могил 21 и 68, имеющие по одной лопасти, среди которых только в отношении одного образца (рис. 2: 18) можно уверенно констатировать ее подвижное соединение благодаря конструкции в виде полуобоймы.

Обсуждение результатов

Анализ классифицированных деталей стрелковых поясов из объектов некрополя Горный-10 с привлечением актуальных для сравнения материалов из археологических

комплексов отдельных регионов Северной Азии эпохи средневековья позволяет сделать ряд заключений, связанных с хронологической интерпретацией находок, особенностями распространения конкретных типов изделий и спецификой данного элемента воинского снаряжения у носителей разных культурных традиций.

Крюки в воинском снаряжении многих народов Евразии как средство для застегивания боевого пояса или крепления колчана (горита) известны со скифо-сакского времени. На Алтае они вышли из массового употребления в хуннуский период (II в. до н.э. – I в. н.э.), и их широкое распространение в обозначенном регионе приходится на II – первую половину V вв. н.э. В раннем средневековье такие изделия стали показательным элементом экипировки тюрок второй половины V – XI вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 11–12).

Результаты анализа материалов из некрополя Горный-10 показывают, что наименее однозначным представляется вопрос о происхождении и датировке крюков с простым окончанием язычка, имеющих длинное или укороченное основание, щиток в виде сомкнутой петли округлой, либо овальной формы (типы 1–3). Похожие предметы в I тыс. н.э. характеризуются широкой географией распространения, при этом на весьма отдаленных территориях (Худяков, 1980, с. 114, табл. XXXVI.-3, 4; 1991, с. 127, рис. 71.-1; Матвеева, 1994, рис. 20.-4; Вадецкая, 1999, рис. 15.-29; табл. 8.-9, 10; Ширин, 2003, табл. XXXVII.-1, XLIX.-1, LIII.-18; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 20, рис. 46; с. 26, рис. 37; с. 31, рис. 26; Матренин, 2017, рис. 2.-13, 14; Сулейменов, Илюшин, 2022, с. 137; и др.). На Алтае они известны уже в памятниках пазырыкской культуры, хотя значительно чаще встречаются в Алтайской лесостепи у племен каменской культуры (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 29.-11; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 120.-8, 9, 10, 20–28). Судя по имеющимся материалам, такие типы изделий имели продолжительный период бытования во второй половине I тыс. н.э. Следует отметить, что зафиксированные в настоящий момент на Алтае находки крюков типов 1, 2 из комплексов булан-кобинской культуры середины IV – V вв. н.э. и тюркского объекта второй половины V – первой половины VI вв. н.э. генетически не связаны с застежками скифо-сакского времени (Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 4: 6; Матренин, 2017, с. 15). В связи с известной ограниченностью вещественных материалов, вопрос о влиянии похожих изделий жужанского и раннетюркского периодов на разработку крюков населением, оставившим некрополь Горный-10, пока остается открытым. С учетом текущего состояния источниковой базы также нет возможности установить причину существенной разницы в размерах крюков – наличия «больших» экземпляров типов 1, 2 (длиной более 7 см) и «миниатюрного» образца типа 3 (менее 4 см).

Достаточно показательными в плане хронологии выступают крюки с пластинчатым щитком, фиксирующиеся к ремню с помощью вставных штифтов. Данные изделия подразделяются на модификации с «коротким» (тип 4) и «длинным» (тип 5) креплением. На территории Алтая железные крюки с подобным способом фиксации появились, по-видимому, в III в. н.э. Рассматриваемые предметы морфологически близки с изделиями из грунтовых могил таштыкской культуры Среднего Енисея и позднесяньбийских погребений дуройского типа Восточного Забайкалья (Вадецкая, 1999, рис. 15.-25; Матренин, 2017, с. 11, 16). Такие крюки впоследствии массово использовались разными народами Евразии в раннем и развитом средневековье.

В рамках сложившихся представлений об эволюции материальной культуры раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона имеются основания рассматривать крюки без планки с пластинчатым щитком в качестве элемента воинского снаряжения, сформированного в конце так называемого кудыргинского хронологического горизонта, вероятно, в середине VII в. н.э. Крюк с пятиугольным щитком типа 4 обнаруживает показательную раннюю аналогию на Алтае в кургане №10 некрополя Тыткескень-VI, который датируется, по видимому, в рамках второй трети VII в. н.э. (Кирюшин и др., 1998, рис. 7.-8). На сопредельных территориях похожие экземпляры относятся к более позднему времени: Верхнее Приобье – XI–XIV вв. н.э. (Плетнева, 1997, рис. 180.-6); Кузнецкая котловина – VIII–X вв. н.э. (Сулейменов, Илюшин, 2022, с. 138, рис. 7, 8); Прибайкалье – VII–VIII вв. н.э. (Дашибалов, 2011, рис. 92.-5, с. 67); и др. Крюк с пластинчатым фигурным щитком, длина которого почти в два раза превышает

основание (тип 5), принадлежит к образцам экипировки лучников, массово представленным у тюрок Алтая во второй половине VII – первой половине IX вв. н.э. (Кубарев, 2005, табл. 7.-4; 62.-17; 99.-16; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 26, рис. 42; с. 30, рис. 66, 68; и др.). Этот тип колчанных крюков в раннем средневековье известен в IX–X вв. у кимаков Прииртышья и шивэй Забайкалья (Худяков, 1991, рис. 30.-10, 11; Арсланова, 2013, с. 295, рис. 1.-14). Наиболее широкое распространение такие изделия получили в Северной и Центральной Азии в первой половине II тыс. н.э. (Плетнева, 1997, рис. 55.-1; 76.-5; 110.-6; 133.-21; 136.-7; 158.-4; Худяков, 1997, рис. 22.-6–8, 64.-1, 2; Сулейменов, Илюшин, 2022, с. 138, рис. 4–6; и др.). С учетом представленного обзора материалов, наиболее вероятной представляется датировка крюков типов 4 и 5 из объектов некрополя Горный-10 в рамках середины – третьей четверти VII в. н.э.

Обратим внимание на то, что в археологических памятниках начального периода раннего средневековья лесостепной и лесной зоны Западной Сибири крюки встречаются крайне редко. На территории Приобья они представлены единичными находками из комплексов релкинской и верхнеобской культур. В данном контексте многочисленность крюков в исследованных объектах некрополя Горный-10 определенно демонстрирует значительное влияние на развитие воинского снаряжения населения северных предгорий Алтая традиций материальной культуры центральноазиатских кочевников – вероятно, тюрок.

Анализ сохранившихся распределителей ремней от стрелковых поясов, найденных в могильнике Горный-10, позволяет сделать ряд наблюдений, имеющих определенное значение для уточнения хронологии рассматриваемого памятника. Впервые железные распределители с подвижными лопастями появились у хунну Монголии и Забайкалья около рубежа эр в составе уздечных комплектов (Коновалов, 1976, табл. IX.-10; X.-1, 2, 10). В эпоху Великого переселения народов распределители этой конструкции стали использоваться при оформлении наборных поясов. Именно в таком формате они представлены у носителей кокэльской культуры Тувы, а также у племен Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины в III – первой половине IV вв. н.э. (Дьяконова, 1970, табл. XI.-30, 31, 39; XII.-35; Ширин, 2003, табл. XI.-4, 5; XII.-2; XXV.-2–4; LXVI.-3, 4). На Алтае железные кольцевые распределители с одной или двумя подвижными лопастями зафиксированы в поясах булан-кобинской культуры из комплексов второй четверти I тыс. н.э., став вероятным прототипом для трехлопастных модификаций таких изделий у тюрок, которые их применяли во второй половине V – VI вв. н.э. для сочленения ремней суголовья верхового коня (Илюшин, 2000, рис. II.-3). Распределители-тройники рассматриваемой конструкции алтайские тюрки использовали в составе стрелковых поясов с середины VII до XI вв. н.э. (Могильников, 1997, с. 208–210; Кирюшин и др., 1998, с. 166, рис. 2.-7–10; 7.-9–17; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 26, рис. 39, 41, 43; с. 31, рис. 27, 29; с. 33, рис. 15; и др.). Обозначенные выкладки можно считать основанием для датировки похожих экземпляров с тремя подвижными лопастями из могилы 7 некрополя Горный-10 не ранее середины VII в. н.э. Наличие данных предметов снаряжения демонстрирует знакомство населения северных предгорий Алтая с общекочевнической традицией оформления стрелковых поясов, распространившейся в раннем средневековье во всей степной полосе Евразии.

Более архаичными выглядят распределители с одной подвижной лопастью из могил 21 и 68 (рис. 2.-15–18), напоминающие своим обликом элементы экипировки воинов эпохи Великого переселения народов (Матренин, 2017, с. 92). Хронологическую интерпретацию таких изделий затрудняет отсутствие аналогий в известных нам археологических материалах второй половины I тыс. н.э.

Заключение

Изучение довольно представительной серии железных крюков и распределителей ремней, обнаруженных в объектах некрополя Горный-10, позволяет сформулировать ряд важных выводов. Анализ особенностей местонахождения обозначенных категорий снаряжения в непотревоженных комплексах дает основания для интерпретации их в качестве деталей стрелковых поясов, которые помещались в могилы расстегнутыми, с откреплеными колчаном и налучьем. Исследование полученных вещественных материалов выявило устойчивую тенденцию расположения крюков почти исключительно с левой стороны от умершего человека, локализацию луков преимущественно справа, а

колчанов – слева от покойного. Два комплекта из могил 7 и 21, оснащенные тремя распределителями, могут рассматриваться в качестве «классических» боевых поясов раннего средневековья.

В результате морфологической классификации выделены пять типов колчанных крюков и два типа распределителей. Сопоставление сформированного корпуса находок с вещественными материалами из археологических памятников отдельных регионов восточной Евразии позволило сделать ряд заключений о датировке и возможных направлениях эволюции изделий. Для широко распространенных крюков с петельчатым щитком выявлены наиболее показательные аналогии в памятниках булан-кобинской культуры Алтая середины IV – V вв. н.э. и в тюркском комплексе второй половины V – первой половины VI вв. н.э. Более информативными являются крюки с пластинчатым щитком укороченных (тип 4) и удлиненных (тип 5) пропорций, в контексте материалов некрополя Горный-10 с большой степенью вероятности датирующиеся серединой – третьей четвертью VII в. н.э. Зафиксированные в рассматриваемом могильнике распределители ремней с тремя подвижными лопастями свидетельствуют о знакомстве населения северных предгорий Алтая с общекочевнической модой оформления стрелковых поясов, распространившейся со второй половины VII в. н.э. на всей степной полосе Евразии и господствовавшей до конца раннего средневековья.

В заключение подчеркнем, что сравнительно большое количество деталей стрелковых поясов, обнаруженных в объектах некрополя Горный-10, определенно демонстрирует значительное влияние на развитие воинского снаряжения оставившего его населения традиций материальной культуры центральноазиатских номадов – вероятно, одной из групп алтайских тюрок эпохи Первого каганата.

Примечание:

[1] Приводимые здесь и далее антропологические определения материалов осуществлены к.и.н. С.С. Тур.

ЛИТЕРАТУРА

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 405 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Алт. ун-т, 2006. 232 с.

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 2011. 174 с.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III / Отв. ред. Л.П. Потапов. Л.: Наука, 1970. С. 80–209.

Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. № 3 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Алт. ун-т, 2004. 292 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: СО РАН, 2017. 142 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 182 с.

Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 187–234.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Том. ун-т, 1997. 350 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.

Серегин Н.Н. Особенности расположения инвентаря в погребениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Древности Сибири и Центральной Азии. № 7 (19) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. С. 181–193.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Комплекс вооружения населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10) // РА. 2025. № 2. С. 82–96.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. «Элитное» детское погребение эпохи тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum Plus. 2021. № 5. С. 335–344.

Сулейменов М.Г., Илюшин А.М. Крепления колчана из раннесредневековых погребений в Кузнецкой котловине // Теория и практика археологических исследований. 2022. № 2. С. 135–145.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. № 10 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА. 2011. 136 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 159 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья (релкинская культура). Томск: Томск. ун-т, 1991. 184 с.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. 288 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Алт. ун-т, 2009. 329 с.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией, профессор. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); nstepanova10@mail.ru

REFERENCES

Arslanova, F. Kh. 2013. *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya (Essays on medieval archaeology of the Upper Irtysh)*. Astana: Publishing group of the branch of the Institute of Archaeology n.a. A.Kh. Margulan in Astana (in Russian).

Vadetskaya, E. B. 1999. *Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri (Tashtyk period in the ancient history of Siberia)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrgje kak istochnik po istorii altajskih plemen (Burial ground Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bolgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population's Military Science in 3th – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).

Dashibalov, B. B. 2011. *Drevnosti khori-mongolov: khunno-syan'biyskoe nasledie Baykal'skoi Sibiri (Antiquities of the Khori-Mongols: the Hunno-Xianbei Heritage of Baikal Siberia)*. Ulan-Ude: Buryat State University (in Russian)

D'yakonova, V. P. 1970. In Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition)* 3. Leningrad: "Nauka" Publ., 80–209 (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2000. In Molodin, V. I. (ed.). *Pamiatniki drevnetiurkskoi kul'tury v Saiano-Altae i Tsentral'noi Azii (Monuments of Ancient Turkic Culture in Sayano-Altai and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 157–169 (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Gorbunov, V. V., Stepanova, N. F., Tishkin, A. A. 1998. In Soenov V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology) 3*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk University, 165–175 (in Russian).

Kiriushin, Yu. F., Stepanova, N. F. 2004. *Skifskaia epokha Gornogo Altaya. Ch. III: Pogrebal'nye kompleksy skifskogo vremeni Srednei Katuni (Scythian Epoch of Mountain Altai. Part III: Burial Scythian Complexes on the Middle Katun River*). Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).

Konovalov, P. B. 1976. *Khunnu v Zabaykal'e (Pogrebal'nye pamyatniki) (Xiongnu of Transbaikalia (Burial sites)*. Ulan-Ude: "Buryat. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Matveeva, N. P. 1994. *Rannii zheleznyi vek Priishim'ia (Early Iron Age in the Ishim River Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Matrenin, S. S. 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. (Equipment of Altai Nomads (the 2nd Century BC – 5th Century AD))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th – 14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1997. In Surazakov A. S. (ed.). *Istochniki po istorii Respubliki Altai (Sources on the history of the Republic of Altai)*. Gorno-Altaisk: GAISI, 187–234 (in Russian).

Pletneva, L. M. 1997. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam) (Tomsk Ob River Region in the Late Middle Ages (Based on Archaeological Sources))*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Raspopova, V. I. 1980. *Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo Sogda (Metal artifacts of early medieval Sogd)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Seregin, N. N. 2014. In Soenov V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 7. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk University, 181–193 (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Stepanova, N. F. 2025. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (2), 82–96 (in Russian).

Seregin, N. N., Stepanova, N. F. 2021. In *Stratum Plus* (5), 335–344 (in Russian).

Suleimenov, M. G., Ilyushin, A. M. 2022. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and practice of archaeological research)* (2), 135–145 (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2003. In Soenov V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 10. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk University, 107–117 (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Gorbunova, T. G. 2011. *Altai v epokhu srednevekov'ya: illyustrirovannyi istoricheskii atlas (Altai in the Middle Ages: illustrated historical atlas)*. Barnaul: "ARTIKA" Publ. (in Russian).

Troitskaya, T. N., Novikov, A. V. 1998. *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob River region)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov (Armament of the Yenisei Kyrgyz).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Armament of the Medieval Nomads of the Sourthern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian nomads in the early and high Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsenral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia (Armament of the Nomads of South Siberia and Central Asia in the Developed Middle Ages).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Chindina, L. A. 1991. *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura) (History of the Middle Ob region during the Middle Ages (Ryolka culture))*. Tomsk: Tomsk University Publ. (in Russian).

Shirin, Yu. V. 2003. *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tysyacheletiya n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury) (The Upper Ob Region and the Foothills of the Kuznetsk Alatau in the Early 1st Millennium A.D. (Burial Monuments of Fominskaya Culture)).* Novokuznetsk: "Kuznetskaya krepost'" Publ. (in Russian).

Shul'ga, P. I., Umanskii, A. P., Mogil'nikov, V. A. 2009. *Novotroitskii nekropol' (Novotroitsk necropolis)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of Historical Sciences, Professor. Altai State University. Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of Historical Sciences. Altai State University. Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; matrenins@mail.ru

Stepanova Nadezhda F. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Akademik Lavrentyev pr., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; nstepanova10@mail.ru

Статья поступила в журнал 28.08.2025 г.
Статья принята к публикации 19.11.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.08 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.230.238

КУЗНЕЧНАЯ ПЛОЩАДКА РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА КОМПЛЕКСЕ ПИНЧУГА-6 (НИЖНЕЕ ПРИАНГАРЬЕ)

© 2026 г. П.О. Сенотрусова, Д.А. Гурулёв, К.В. Бирюлева

Статья посвящена анализу выявленной на комплексе Пинчуга-6 кузнечной площадки. Она изначально была приурочена к западению рельефа. В центре площадки располагался простой наземный горн из двух камней, установленных в небольшой яме, вокруг которого найдены мелкие железные шлаки, фрагменты окалины, расколотые каменные молоты и керамические сопла, кузнечный лом. Здесь же найдена серия однотипных сосудов, железный зубчатый орнаментир, стеклянная бусина. Найденная на площадке керамика и позволяет отнести ее к лесосибирской культуре начала II тыс. н. э., распространенной в это время в южной тайге Енисейской Сибири. Вероятно, над площадкой сооружалась наземная конструкция, ограничивающая пространство. В настоящее время это первый кузнечный объект лесосибирской культуры, выявленный в долине нижнего течения Ангары.

Ключевые слова: археология, Нижнее Приангарье, развитое Средневековье, лесосибирская культура, металлургия, кузнечное дело.

HIGH MEDIEVAL FORGE SITE AT THE PINCHUGA-6 COMPLEX (LOWER ANGARA)

P.O. Senotrusova, D.A. Gurulev, K.V. Biryuleva

The article presents an analysis of a forge site, which was discovered at the Pinchuga-6 complex. It was located on a depression in the terrain. In its centre stood a rudimentary above-ground forge built from two stones placed in a small pit. Small iron slags, fragments of scale, broken stone hammers and ceramic nozzles, and forge crowbar were found around it. Several vessels of the same type, an iron tool for vessels ornamentation and a glass bead were also revealed here. The pottery found at the site allows the authors to attribute it to the Lesosibirsk culture of the early II millennium AD, which was typical for the southern taiga of Yenisei Siberia. A ground structure was likely constructed above the site, enclosing the space. At present, this is the first forge object of the Lesosibirsk culture discovered in the Lower Angara region.

Keywords: archaeology, Lower Angara region, Middle Ages, Lesosibirsk culture, metallurgy, blacksmithing.

Введение

В развитом Средневековье (XI–XIV вв.) большую часть южнотаёжной подзоны Енисейской Сибири[1] занимает лесосибирская археологическая культура, обладающая набором специфических признаков (Мандрыка, Сенотрусова, 2018). На сегодняшний день исследованы городища, поселения и крупные некрополи этого периода. Для выделенной культуры характерен устойчивый погребальный обряд кремации на стороне, специфическая керамика, комплексное хозяйство, разнообразие предметов импорта, своеобразный (таёжный) облик изделий из железа.

Одной из наиболее ярких особенностей лесосибирской культуры является развитая черная металлургия и металлообработка. Об этом свидетельствуют многочисленные железные изделия, инструменты и металлургические теплотехнические сооружения, выявленные на многих памятниках региона. Среди последних преобладают площадки по восстановлению железа из руды, где отмечены как углубленные, так и наземные.

Средневековые кузнечные комплексы пока удалось выделить только на двух памятниках. Это комплекс Проспихинская Шивера-IV и поселение Проспихино-2. На первом памятнике зафиксированы металлургические и кузнечные теплотехнические сооружения, которые в силу нарушения верхних почвенных горизонтов комплекса в ходе лесосводки атрибутированы только в широких рамках раннего – развитого Средневековья (вторая половина I тыс. н. э. – первая треть II тыс. н. э.) (Сенотрусова, Самородский, Мандрыка, 2016). Во втором случае отмечен выброс из очага, где найден кузнечный лом, ошлакованный тигель и стеклянный бисер, аналогичный материалам могильника Проспихинская Шивера-IV

(Мандрыка и др., 2024). В целом, имеющиеся материалы по организации кузнечного производства у населения лесосибирской культуры крайне немногочисленны.

В этой связи особое значение приобретают материалы комплекса Пинчуга-6, где выявлена и полностью изучена кузня лесосибирской археологической культуры. Исследования памятника проводились археологической экспедицией Сибирского федерального университета в 2019 году, при участии авторов статьи.

Описание материалов

Комплекс Пинчуга-6 расположен на правобережной террасе р. Ангары напротив п. Пинчуга. Для рельефа памятника характерен значительный перепад высот. Возле края террасы находится эоловая дюна высотой до 5 м, на поверхности которой располагался могильник второй четверти I тыс. н. э. и отдельные неолитические находки.

Разведочные работы В ходе разведочных работ на памятнике в 2019 году, в глубине террасы, за дюной, зафиксировано наличие поселенческого культурного слоя эпохи неолита. Также здесь читалась западина с нечетким контуром диаметром около 5–6 м. Она была низкой блюдцеобразной формы с пологими, не выраженными бортами. Глубина впадины по северной и восточной границам составляла 6–7 см и 18 см – с южной и западной сторон. Эта площадка оказалась ограничена с южной и западной сторон высокими (до 4–5 м) гривами. Гряда западнее простирается вдоль бровки террасовидной площадки, круто падает к пойме и отделяет данную площадку от берега р. Ангары.

Здесь был заложен раскоп 3, площадью 115 м^2. В ходе работ выделено два культурных слоя, нижний из которых разбивается на два уровня (неолит – ранний железный век).

Материалы развитого Средневековья зафиксированы в культурном слое 1 на глубине 2–6 см от уровня дневной поверхности. Слой приурочен к дерново-растительному горизонту и верхней части темно-серого, гумусированного песка. В границах западины культурный слой залегал ниже и в большем диапазоне глубин. Культурные остатки здесь оказались включены в отложения коричневато-черного песка и связанные с ним объекты (красновато-бурое пятно вокруг теплотехнического сооружения, прокалы). Глубина слоя от уровня дневной поверхности в центральной части западины составляет 7–11 см, по периферии – 4–7 см.

Большинство находок и объектов обнаружены в центральной части раскопа, в границах западины (рис. 1). Находки зафиксированы в центральной части пятна, в районе кузнечного горна и кострища, а также в северной и западной его частях. Распределение предметов преимущественно равномерное. Выделяются отдельные небольшие скопления фрагментов керамики и костных обломков.

В границах западины фиксировалось крупное аморфное пятно красновато-бурого цвета с углистыми включениями по периметру.

Кузнечный горн зафиксирован в центральной части раскопа. Объект приурочен к линзе коричневато-черного песка. Нижняя часть горна фиксировалось на глубине 10–12 см от уровня дневной поверхности, соответствующей уровню распространения находок первого культурного слоя. Размеры сооружения невелики, всего 27×27 см (рис. 2).

Камера горна образована двумя стенками из плитчатых блоков интрузивной горной породы, расположенных с северной и южной стороны. Оба камня завалены в северном направлении. У стенок обнаружены отдельные небольшие обломки камня, являющиеся продуктами их разрушения. В нижней части северного камня отмечено пятно ошлаковки (рис. 3).

Заполнение камеры представлено черным, обильно насыщенным углями песком. На верхнем уровне пятно заполнения было подквадратной формы, размерами 25×12 см. Угол пятна выступал за границы обозначенной стенками камеры в восточной части. В верхней части заполнения отмечен фрагмент глиняного сопла, в нижней – крупный железный шлак. Общая мощность заполнения составляла 3–4 см. Низ камней-стенок соответствует основанию углистого заполнения.

При разборе заполнения также найдены обломки глиняного сопла (8 экз.), мелкие железные шлаки (84 экз.) и чешуйки (5 экз.), а также неопределимые обломки обожжённых костей (39 экз.). Общая масса найденных в заполнении шлаков – 27 г, а чешуек – 8 г.

Рядом с горном обнаружены несколько фрагментов (5 экз.) глиняного сопла (рис. 4: 2), фрагменты керамики без орнамента, галька без следов использования, мелкие фраг-

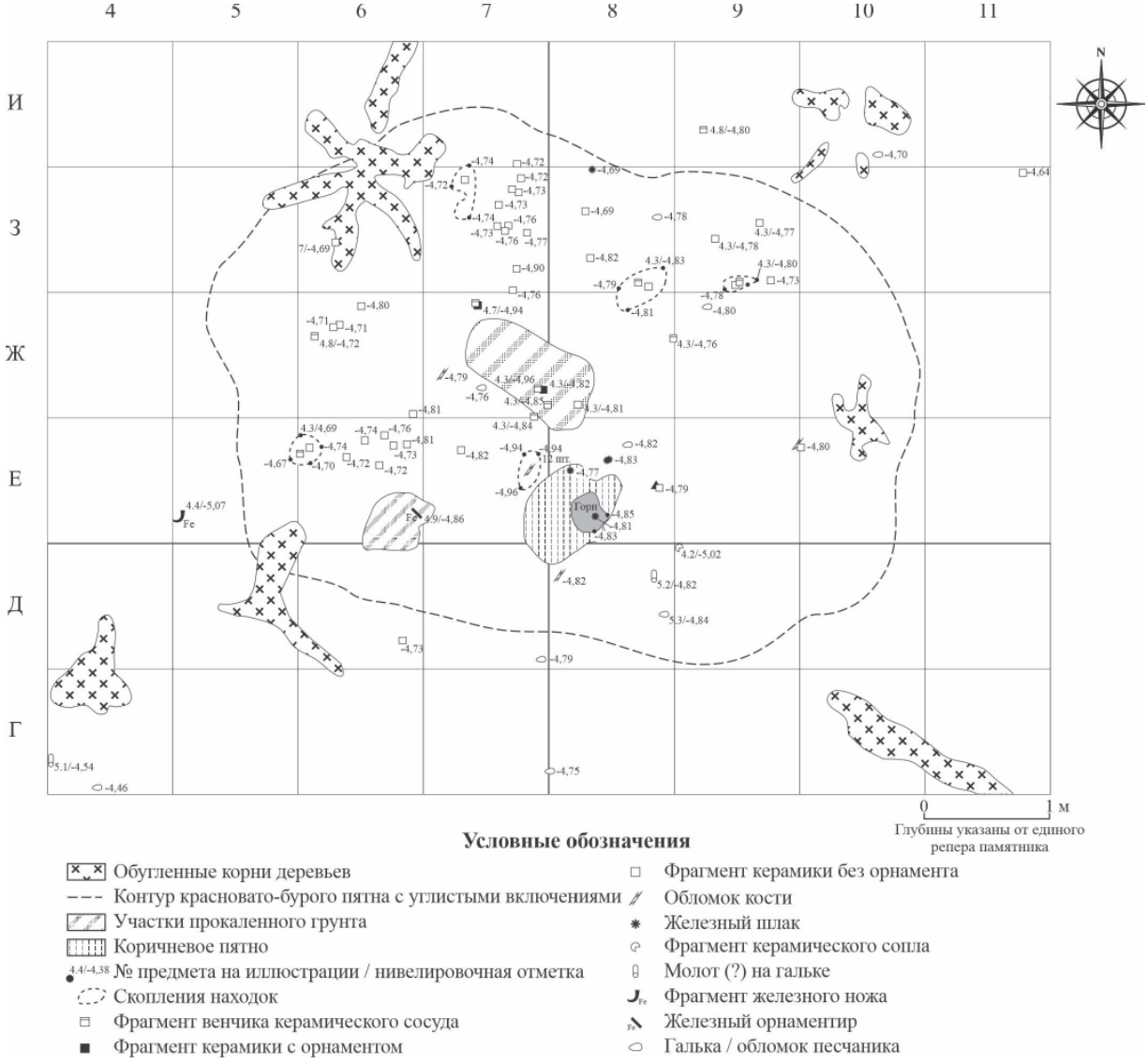

Рис. 1. План кузнечной площадки на комплексе Пинчуга-6.
Fig. 1. Plan of the forge site at the Pinchuga-6 complex.

менты жженых костей. В основании камеры горна, за ее границами, обнаружен торцовая часть пластинчатой рукояти ножа с загнутым окончанием (рис. 4: 4).

На уровне нижней части горна зафиксировано пятно темно-коричневого песка подовальной формы, распространявшееся к северо-западу от него. Размеры пятна 0,78×0,80 м при мощности до 7 см. При выборке и просевке заполнения пятна обнаружено два железных шлака, две железные чешуйки, фрагменты лучевой и нижнего суставного блока плечевой кости бобра *Castor fiber*[2], а также большое количество (190 экз.) мелких неопределимых обломков обожжённых костей.

Несколько севернее горна отмечено кострище с четкими контурами подпрямоугольной формы, размерами 1,13×0,62 м и мощностью до 12 см. Почва кострища прокаленная, здесь отмечены мелкие фрагменты обожжённых костей.

При изучении площадки получена небольшая, но выразительная серия находок из железа, стекла, камня и керамики (всего 753 экз.).

В юго-западном секторе раскопа найден железный стержень, квадратный в сечении (рис. 4: 10). С одной стороны он заострен, с другой – раздвоен. Размеры изделия 9,0×0,3×0,3 см. Рядом найден фрагмент железной пластины с загнутым краем (рис. 4: 6) размерами 2,3×2,8×0,2 см.

В западной части площадки найден железный орнаментир в виде узкой довольно длинной пластинки. С одного торца пластинки

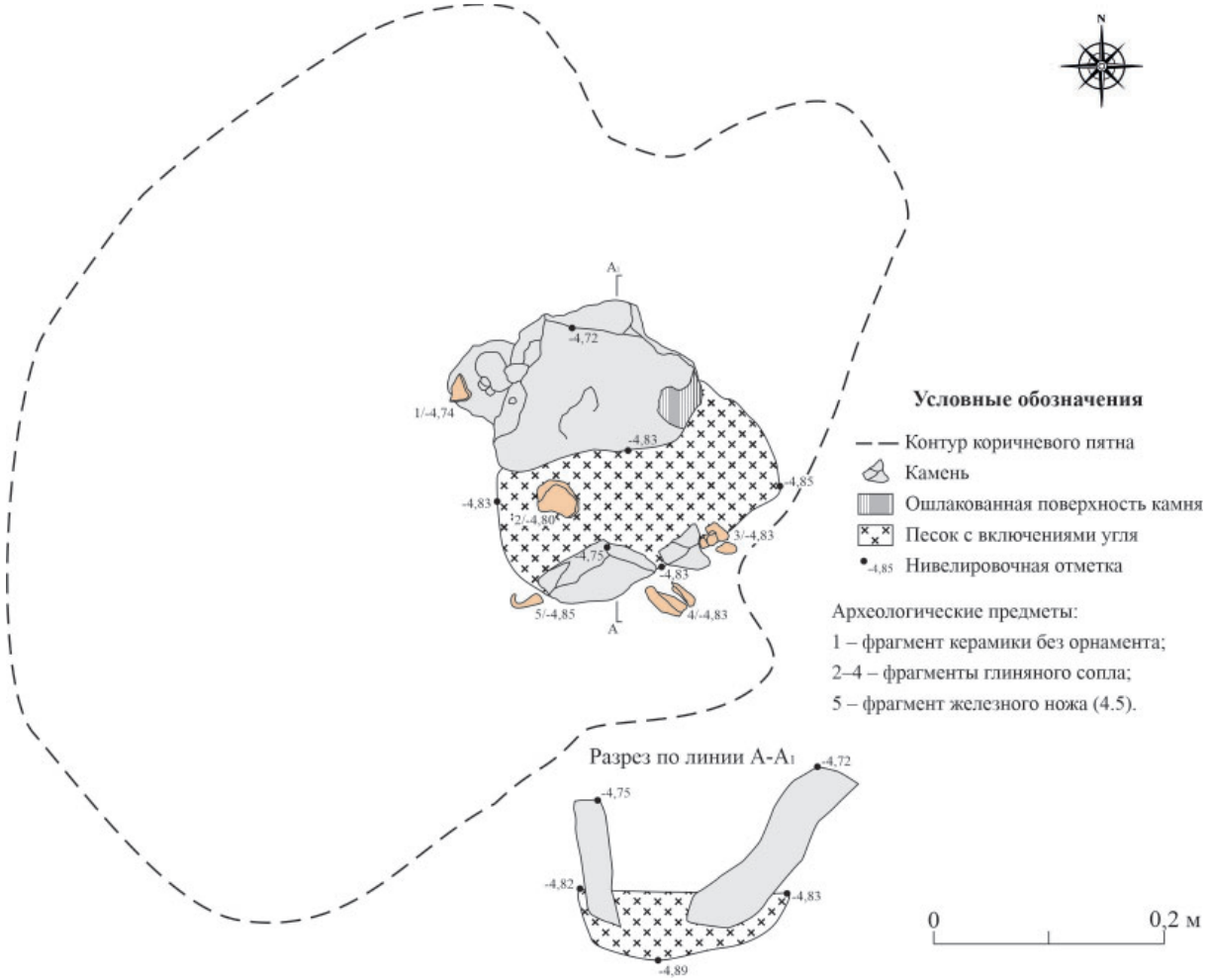

Рис. 2. План кузнечного горна.
Fig. 2. Plan of the forge.

отмечается пять небольших заостренных зубцов (рис. 4: 9). Размеры орудия 6,5×1,0×0,1 см. В этой же части раскопа отмечен еще один отсеченный фрагмент пластинчатой рукояти ножа или тесака, аналогичный найденному вблизи горна (рис. 4: 5).

В просевке грунта из кострища найдена синяя стеклянная бусина (рис. 3: 11) размерами 0,6×0,4×0,4 см.

В ходе работ выявлена серия орудий для обработки металла из крупных камней с минимальной подработкой. Среди них фрагмент молота с кольцевым перехватом (желобком), выполненным пикетажем (рис. 5: 4), его размеры – 16,0×9,8×8,6 см. Также отмечены обломки удлиненного валуна с перехватом, выполненным пикетажем, размерами 20,0×8,9×9,3 см (рис. 5: 1). Также в качестве молотка использовалась галька брусковидной формы, четырехугольная в сечении. На её гранях прослеживаются отдельные небольшие углубления, необходимые для крепления орудия к рукояти (рис. 5: 2). Размеры гальки 13,4×6,0×5,7 см. Несколько крупных уплощённых галек могли использоваться в качестве наковален. Но выраженные следы использования прослеживаются только на одной из них (рис. 5: 3).

Все предметы выполнены из валунов однотипной крупнозернистой интрузивной породы. Отметим, что в культуровмещающих почвенных отложениях подобные камни встречались крайне редко и значительно меньшего размера. Но зато они в изобилии находятся на береговой кромке Ангары, видимо оттуда они и были принесены на площадку средневековыми металлургами.

Обнаруженные в культурном слое фрагменты керамики (240 шт.) происходят от четырех однотипных лепных сосудов. Обломки трех сосудов залегали в центральном участке концентрации материала, и еще одного – к

Рис. 3. Фото камеры кузнечного горна.
Fig. 3. Photo of the forge chamber.

юго-востоку от него. Сосуды представляют собой горшки закрытой формы с, предположительно, шаровидным туловом. Шейка сосудов высокая, вертикальная или слабопрофилированная. Орнаментация сосудов выполнена оттисками гребенчатых или гладконакольчатых оттисков, строящихся горизонтальными и вертикальными рядами. Орнаментировалась преимущественно верхняя часть тулова. Венчики округлые в сечении, они украшались рядами наколов или оставались гладким. Сосуды отличаются орнаментацией и профилировкой.

Первый из них с вертикальной, слабопрофилированной шейкой, никак не орнаментирован (рис. 4: 8). Второй сосуд с невысокой слабопрофилированной шейкой, которая украшена отрезком из вертикально поставленных зубчатых «небрежных» наколов. Остальная поверхность сосуда не орнаментирована (рис. 4: 3).

Третий сосуд с высокой, сильно профилированной шейкой. Его диаметр – 11,5 см. Венчик украшен рядом овальных насечек. Шейка сосуда не орнаментирована. Орнамент на плечиках строится из ряда приостренных наколов, строенных, либо сгруппированных по 4, 5 или 7 оттисков. Под ним расположен пояс отступающих зубчатых наколов, под которым отмечаются вертикальные ряды отступающих двузубых наколов (рис. 4: 1).

Последний выявленный горшок с профилированной шейкой и гладким венчиком. В верхней части плечиков отмечается горизонтальный ряд наклонно поставленных зубчатых наколов (рис. 4: 7).

Помимо этого, в культурном слое найдены отходы черной металлургии – железные чешуйки (95 шт.) и шлаки (24 шт.). Наибольшая концентрация предметов отмечается в районе горна. Все чешуйки небольшого размера (до 1 см), обнаружены при разборе и просевке грунта из северо-восточного сектора центральной части раскопа.

Также найдено еще два обломка цилиндрического глиняного сопла со следами ошлаковки, диаметром – 2,4 см. Обнаружены в слое фрагменты керамики без орнамента, целые гальки и их обломки, обожженные фрагменты костей животных. Среди них единственный определимый фрагмент трубчатой кости бобра *Castor fiber*.

Таким образом, раскопом полностью изучена площадка, где проводились работы по кузнечной обработке железа. Здесь выявлено теплотехническое сооружение, фрагменты орудий на крупных камнях, кузнечный

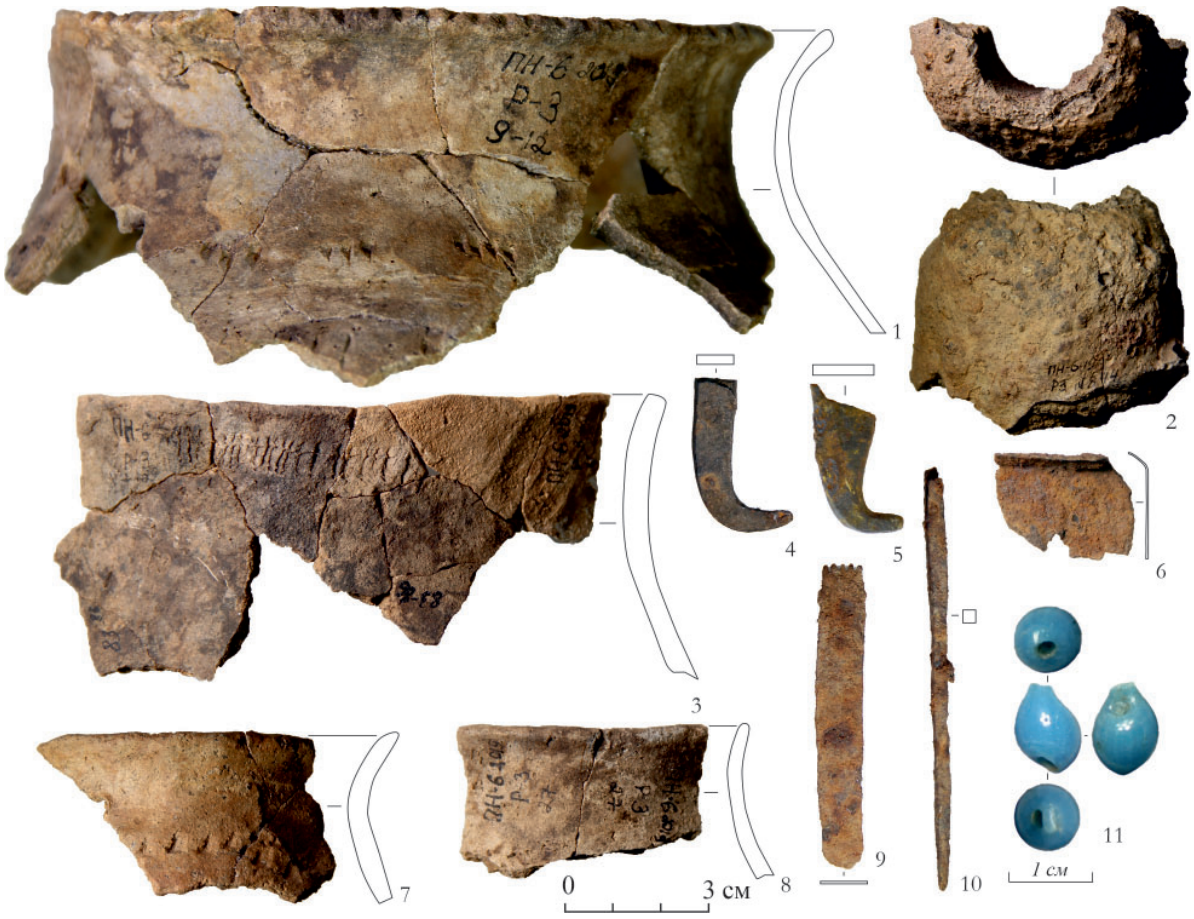

Рис. 4. Предметы, найденные на кузнечной площадке: 1–3, 7, 8 – керамика; 4–6, 9, 10 – железо; 11 – стекло.
Fig. 4. Items found at the forge site: 1–3, 7, 8 – pottery; 4–6, 9, 10 – iron; 11 – glass.

лом, железные изделия, единообразные керамические сосуды, стеклянная бусина, мелкие обожжённые фрагменты костей.

Обсуждение материалов

Полученные полевые материалы и наблюдения позволяют достаточно полно осветить специфику изученного комплекса, который может быть отнесен к лесосибирской археологической культуре.

В первую очередь, об этом свидетельствует найденная здесь керамика, украшенная мелкогребенчатыми оттисками и гладкими наколами. Так, сосуд с высокой шейкой (рис. 4: 1) относится к четвертому типу лесосибирской посуды (Сенотрусова, Мандрыка, 2020, с. 98), тогда как остальные горшки принадлежат к наиболее распространенному первому типу (Сенотрусова, Мандрыка, 2020,с. 96).

Не противоречат этой датировке и другие материалы. Так, фрагменты черешков с загнутым основанием характерны для тесаков и ножей, которые являются одной из наиболее ярких особенностей культуры населения южной тайги Енисейской Сибири в развитом Средневековье (Мандрыка, Сенотрусова, 2022, с. 191).

Крупные голубые бусины присутствуют в материалах могильника Проспихинская Шивера-IV, а также на стоянке Проспихино-2, где они залегали вместе с кузнечным ломом и лесосибирской керамикой (Мандрыка, Сенотрусова, 2022, с. 218; Мандрыка и др., 2024).

Важной находкой является железный зубчатый орнаментир. Пока это единственный подобный опубликованный предмет. Оттиски мелкозубчатой гребенки с пятью зубцами являются одним из наиболее распространённых элементов орнамента на лесосибирской посуде (Сенотрусова, Мандрыка, 2020, с. 100).

Кузнечная площадка была невелика и занимала площадь около 25 м^2. Она изначально была приурочена к небольшой западине, сформированной ранее. Вероятно, небольшая пологая западина, защищенная от ветра со стороны реки песчаной дюной, а с южной стороны – высокой грядой, была удобной площадкой для обработки металла.

Рис. 5. Каменные орудия для обработки металла и их фрагменты, найденные на кузнечной площадке.
Fig. 5. Stone tools for metalworking and their fragments found at the forge site.

Большая часть находок сосредоточена вокруг выявленного теплотехнического сооружения и приурочена к красновато-бурому пятну с углистыми включениями. По всей видимости, средневековые металлурги сняли лесную сухую подстилку вместе с тонким дерновым слоем для удобства работы и обеспечения пожарной безопасности, что немного изменило конфигурацию древней западины.

Планиграфически хорошо выраженное пятно находок и окрашенных отложений позволяет предполагать наличие легкого не углубленного сооружения над кузнечной площадкой.

Не смотря на то, что лесосибирские поселения в нижнем течении Ангары и в бассейне Енисея многочисленны, углубленные жилища на них пока не выявлены. По материалам эпонимного городища Лесосибирское-1 ранее уже высказывалось предположение о бытовании у носителей лесосибирской культуры легких наземных жилищ типа чумов (Мандрыка, 2003, с. 90). Вероятно, кузнечная площадка на комплексе Пинчуга-6 также была защищена легкой наземной постройкой, ее тип (чум, навес, шалаш и т. д.) нам не известен.

На памятнике Пинчуга-6 следов восстановления железа из руды не выявлено. Здесь нет ни крупных горновых шлаков, ни мощных прокалов, скоплений древесного угля или фрагментов руды. Напротив, мелкие шлаки и многочисленные фрагменты окалины позволяют предполагать, что здесь занимались именно кузнечной обработкой черного металла.

Конструкция кузнечного горна была простейшей: два камня ставили в небольшую ямку, сюда дополнительно нагнетали воздух, поддерживая необходимую температуру. Следы ошлаковки на фрагментах сопла, небольшие железные шлаки и многочисленные фрагменты окалины позволяют предполагать, что горн мог использоваться для отковки крицы.

Найденные на площадке крупные каменные орудия и их фрагменты (молоты и наковальни) являются вспомогательным кузнечным

инструментарием. Такие орудия использовались для разных операций: дробления руды, проковки крицы, кузнечной сварки, ковки металла (Князева, 2011, с. 113). В Нижнем Приангарье и среднем течении Енисея подобные находки известны на многих средневековых памятниках, включая поселение Проспихинская Шивера-I, комплекс Проспихинская Шивера-IV, стоянку-могильник Сергушкин-1, стоянку Аплинский порог, городище Лесосибирское-1 и др. (Князева, 2011, рис. 1; Леонтьев, Герман, 2025, рис. 2; Заика, 2010; Мандрыка, 2003).

Таким образом, на выявленной кузнечной площадке проводились работы по отковке криц и подготовке сырья для дальнейшей работы. Вместе с этим, найденные на площадке черешковые части ножей со следами отсечения зубилом позволяют предполагать, что здесь также занимались переоформлением уже готовых изделий.

Для таких работ найденных каменных молотов и наковален явно недостаточно. Кузнецам для работы были необходимы клещи или щипцы, зубила и пробойники, железные молоты, молотки и наковальни. Но подобные специализированные инструменты – большая редкость, на комплексе Пинчуга-6 они не найдены. Видимо, они были унесены средневековыми мастерами с собой. На месте были брошены только кузнечный лом и легкие в изготовлении каменные орудия с минимальной подработкой.

Судя по найденным фрагментам керамической посуды и обломкам обожжённых костей бобра, площадка использовалась непродолжительный промежуток времени. Видимо, это время короткой остановки в летний период времени, во время которой основное внимание уделялось кузнечеству.

Заключение

В первом культурном слое комплекса Пинчуга-6 выявлена многофункциональная площадка обитания, основная деятельность на которой была связана с кузнечной обработкой железа. Она датируется началом второго тысячелетия нашей эры и может быть отнесена к лесосибирской археологической культуре. Вероятно, над площадкой сооружалась наземная конструкция, ограничивающая пространство, где работали средневековые кузнецы. Площадка изначально была приурочена к западению рельефа, которое во время формирования культурного слоя, вероятно, было более выраженным. Данный археологический объект является первым кузнечным объектом, однозначно относящимся к лесосибирской культуре развитого Средневековья и наиболее информативным для изучения циклов металлургического производства, характерного для таежного населения Нижнего Приангарья в эту эпоху.

Примечания:

[1] Подзона южной тайги занимает среднее и нижнее течение Ангары и среднее течение Енисея. С севера она ограничена Ангаро-Тунгусским водоразделом, с южной стороны граничит с Красноярско-Канской лесостепью. Территория включает Приангарское южнотаежное плато и Енисейский кряж.

[2] Определения канд. геогр. наук А.М. Клементьева (Институт земной коры СО РАН, г. Иркутск).

ЛИТЕРАТУРА

Заика А.Л. Результаты исследования стоянки Аплинский порог в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 515–517.

Князева Е.В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трасологических исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 5. С. 108–116.

Леонтьев С.Н., Герман П.В. Материалы черной металлургии стоянки-могильника Сергушкин-1 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Вып. XIII / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2025. С. 125–135.

Мандрыка П.В., Макаров Н.П., Сенотрусова П.О., Бирюлева К.В. Средневековые и ранненеолитические комплексы стоянки Проспихино-2 в Нижнем Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Вып. XII / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2024. С. 160–178.

Мандрыка П.В. Средневековое городище в енисейской тайге // Вестник НГУ: Археология и этнография. 2003. Т. 2. № 3. С. 89–91.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири // РА. 2018. № 2. С. 98–112.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера IV на Ангаре / Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2022. 364 с.

Сенотрусова П.О., Самородский П.Н., Мандрыка П.В. Материалы по черной металлургии на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2016. Т. 15. № 5. С. 136–147.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Керамическая посуда лесосибирской культуры: вопросы типологии и генезиса // Поволжская археология. 2020. № 2 (32) С. 93–106.

Информация об авторах:

Сенотрусова Полина Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Россия); polllina1987@rambler.ru.

Гурулёв Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник, АНО «Археологическое исследование Сибири» (г. Красноярск, Россия); dm-gurulev@yandex.ru.

Бирюлева Ксения Викторовна, старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Россия); KBiryuleva@sfu-kras.ru

REFERENCES

Zaika, A. L. 2010. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 515–517 (in Russian).

Knyazeva, E. V. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 10 (5), 108–116 (in Russian).

Leontyev, S. N., German, P. V. 2025. In *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri (Antiquities of the Yenisei River Siberia)* 13. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 125–135 (in Russian).

Mandryka, P. V., Makarov, N. P., Senotrusova, P. O., Biryuleva K. V. 2024. In Mandryka, P. V. (ed.). *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri (Antiquities of the Yenisei River Siberia)* 12. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 160–178 (in Russian).

Mandryka, P. V. 2003. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 2 (3), *89–91* (in Russian).

Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 98–112 (in Russian).

Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O. 2022. *Srednevekovyy mogil'nik Prospikhinskaya Shivera IV na Angare (The medieval burial ground of Prospikhinskaya Shivera IV at the Angara river).* Series: Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Bulletin of the Boguchansk Archaeological Expedition) 3. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Senotrusova, P. O., Samorodsky, P. N., Mandryka, P. V. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 15 (5), 136–147 (in Russian).

Senotrusova, P. O., Mandryka, P. V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 93–106. (in Russian).

About the Authors:

Senotrusova Polina O., Candidate of Sciences (History), Siberian Federal University. Svobodny Ave., 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; polllina1987@rambler.ru.

Gurulev Dmitry A. Autonomous non-commercial organization «Siberian Archaeological Studies». Gorkogo st., 34, off. 211, Krasnoyarsk, 660099, Russian Federation; dm-gurulev@yandex.ru.

Biryuleva Ksenia Viktorovna, Siberian Federal University. Svobodny Ave., 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; KBiryuleva@sfu-kras.ru.

Статья поступила в журнал 18.08.2025 г.
Статья принята к публикации 28.10.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.239.259

СЕМАНТИКА ОБРАЗА БАРАНА В ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕЙ СЫРДАРЬИ

©2026 г.А.Ж. Назаров, А.Д. Искандерова, К. Халыков

Орнаментальные традиции Нижней Сырдарьи представляют собой систему символов, отражающую мировоззрение и обрядовую практику населения средневекового периода. В декоре керамики, архитектурных элементов и предметов мелкой пластики выделяются три основные группы мотивов: геометрические (ромбы, зигзаги, крестообразные композиции), растительные (побеги, листья, розетки) и зооморфные. Эти мотивы выражали представления о благополучии, защите и родовой принадлежности. Среди зооморфных мотивов особое место занимает образ барана, встречающийся как в орнаментальных композициях, так и в пластических изображениях. Его значение связано с идеями изобилия, жертвоприношения и социального статуса. Изображение барана нередко сочеталось с другими мотивами, подчёркивая обрядовый или символический характер композиции. Таким образом, мотив барана в орнаментальной традиции Нижней Сырдарьи является частью целостной системы, где каждый элемент имеет собственное значение и усиливает смысловое единство орнамента.

Ключевые слова: археология, Нижняя Сырдарья, Джанкент, огузы, средневековье, семантика орнаментов, керамическая подставка, баран.

SEMANTICS OF THE RAM IMAGE IN THE ORNAMENTAL TRADITION OF THE LOWER SYR DARYA SITES

A.Zh. Nazarov, A.D. Islanderova, K. Khalykov

The ornamental traditions of the Lower Syr Darya represent a system of symbols reflecting the worldview and ritual practices of the medieval period population, living in this region. In the decoration of pottery, architectural elements and small-scale plastic art, three main groups of motifs can be distinguished: geometric (rhombuses, zigzags, cross-shaped compositions), vegetal (shoots, leaves, rosettes) and zoomorphic. These motifs expressed ideas of prosperity, protection and clan identity. Among the zoomorphic motifs, a special place belongs to the image of a ram, found both in ornamental compositions and in sculptural representations. Its meaning is associated with ideas of abundance, sacrifice and social status. The image of the ram was often combined with other motifs, emphasizing the ritual or symbolic character of the composition. Thus, the ram motif in the ornamental tradition of the Lower Syr Darya region should be regarded as part of an integral system, in which each element carries its own meaning while reinforcing the overall semantic unity of the ornament.

Keywords: archaeology, Lower Syr Darya, Jankent, the Oghuzes, Middle Ages, ornament semantics, ceramic stand, ram.

Введение. Письменные источники играют важную роль в изучении средневековой истории низовьев Сырдарьи. В трудах арабских и персидских историков, географов и путешественников содержатся сведения об археологических памятниках региона, а также об этнических и исторических процессах IX–XII вв.

Особое значение имеют сочинения аль-Истахри («Книга путей и стран» – Kitāb al-Masālik wa-l-Mamālik), Ибн Хаукаля, аль-Макдиси («Ахсан ат-такасим фи маʿрифат аль-акалим»), аль-Масуди («Мурудж аз-захаб ва маʿадин ал-джавахир») и Гардизи («Зайн ал-ахбар»). В этих трудах упоминаются города и поселения нижнего течения Сырдарьи, включая Дженд и Янгикент, а также приводятся сведения о кочевых племенах огузов, кипчаков и карлуков, населявших Восточное Приаралье в рассматриваемый период.

Данные письменных источников позволяют рассмотреть особенности политического устройства, социальных отношений и хозяйственной жизни населения региона. На их основе прослеживаются процессы политической консолидации огузских и кипчакских племён, развитие приграничных городских центров и укрепление контактов между кочевым и оседлым населением.

Сопоставление арабо-персидских письменных свидетельств с археологическими

материалами даёт возможность реконструировать историко-культурное развитие Восточного Приаралья в IX–XII вв. Полученные данные показывают, что развитие региона было связано с миграциями кочевых объединений, межплеменными взаимодействиями и политическим укреплением огузов и кипчаков, а также с активными связями с земледельческими центрами Средней Азии и участием в системе трансконтинентальной торговли (Толстов, 1962; Бартольд, 1964; Вактурская, 1979; Байпаков, 1998; Agacanov, 2002; Баринова, 2018; Shoraev, Sultanzhanov, 2021).

Значительный вклад в изучение материальной культуры Юго-Восточного Приаралья внесла Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, деятельность которой на протяжении более чем полувека ознаменовалась открытием сотен поселений и могильников (Толстов, 1947; 1948; 1962; Левина, 1971, 1996; Вишневская, 1973; Аржанцева, 2016; Аржанцева и др., 2018). В советский период, а также в годы независимости Казахстана исследования памятников Северо-Восточного Приаралья, пустыни Кызылкум и древних русел Сырдарьи получили новый этап развития и продолжаются в настоящее время (Курманкулов и др., 2007; Аржанцева, Рузанова, 2010; Байпаков, Курманкулов, 2011; Курманкулов и др., 2021; Билалов и др., 2021; Города огузов Приаралья…, 2024).

Настоящее исследование посвящено огузским памятникам, на которых изображён баран и различные орнаментальные узоры. Такой образ был важной частью духовной и художественной культуры огузов, отражал их представления о мире и эстетические вкусы. Изучение орнаментов выявляет устойчивые символы, связывающие материальную культуру Приаралья с традициями кочевых народов Центральной Азии (Байпаков, Авизова, 2017, с. 158; Богословская, 2019, с. 141, 151–154, 167, 175; У моря барханов…, 2021; Kartaeva, Oralbay, 2020).

Среди археологических находок особый интерес представляют изображения барана, древнего символа плодородия, благополучия и охранительной силы. Наибольшее количество подобных образов известно по керамическим изделиям, составляющим основную часть археологического материала огузского времени. По наблюдениям исследователя Г. Амиргалиной, исследовавшей огузскую керамику, технологические и морфологические особенности изделий из раскопок городищ Джанкент и Сортобе подробно изучены (Амиргалина, 2014, с. 188–200). Среди находок встречаются ручки, крышки и орнаментированные элементы сосудов с зооморфными головами, в том числе бараньими, отражающие характерные для огузских мастеров функциональность и декоративность.

Зооморфные мотивы в искусстве огузов не существовали отдельно: их семантика находила отклики в художественных традициях соседних регионов и народов. Сходные образы выявлены в декоративно-прикладном искусстве Шивээт-Улана (Монголия) (Самашев и др., 2016), Хорезма (Снесарев, 1969), у волжских булгар (Халиков, 1978), в Азербайджане (Ibrahimov, 2019), а также в сельджукских художественных мастерских Малой Азии (Gurisik, 2006; Irwin, 1997; Ersay Yüksel, 2023). Во всех этих традициях изображения животных воспринимались как защитные символы, связанные с благополучием и жизненной силой. Они отражали представления о гармонии и устойчивости мира. Подобные параллели свидетельствуют о существовании в Центральной Азии и соседних регионах общей системы представлений, в которой образы животных играли важную роль в передаче сакральных и художественных смыслов (Fischler, 2018, с. 131–135; Алламуратов, 2019, с. 108–109; Ерекешева, 2021, 6–29; Кульсариева и др., 2018, с. 232; Sapashev, 2014, с. 359–367).

Находки зооморфных артефактов. В 2023–2025 гг. на цитадели городища Джанкент были проведены археологические раскопки, организованные Тюркской академией совместно с Кызылординским государственным университетом имени Коркыт-Ата (рис. 1; 2). В результате исследований выявлены новые артефакты с зооморфными изображениями, существенно дополняющие представления о материальной культуре огузского населения. Особый интерес представляют фрагменты образцов и целые подставки с двуглавыми баранами, обнаруженные в помещениях цитадели (рис. 3: 3; 5: 1, 4). Их зооморфный декор свидетельствует о системе символов, отражавшей культово-обрядовую и бытовую сферу жизни огузов. Вероятно, подобные изделия использовались в контексте трапез, жертвоприношений или иных

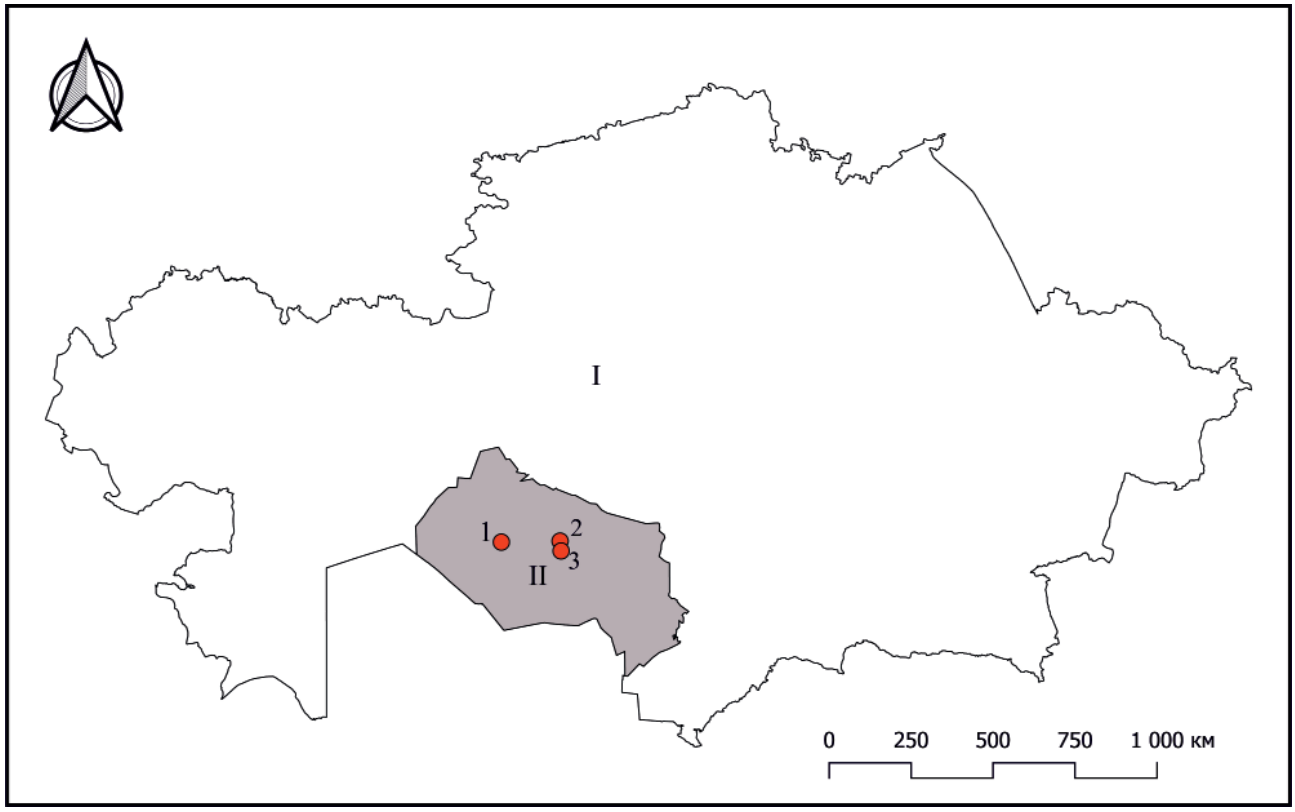

Рис. 1. Карта-схема расположения городищ Нижней Сырдарьи. I – границы Республика Казахстан; II – административные границы Кызылординской области; 1 – городище Джанкент; 2 – мемориальный комплекс Коркыт-Ата; 3 – городище Сортобе (карта выполнена Ш. Амировым, любезно представленный им для данной статьи)

Fig. 1. Sketch-map showing the location of the Lower Syr Darya ancient settlements. I – borders of the Republic of Kazakhstan; II – administrative borders of the Kyzylorda region; 1 – Jankent settlement; 2 – Korkyt-Ata memorial complex; 3 – Sortobe settlement (the map was made by Sh. Amirov and provided by him for this paper).

ритуальных действий. Изображения животных в данном случае, возможно, выполняли не только декоративную, но и семантическую функцию.

Керамические алтари разнообразных форм были широко распространены в средневековый период на территории городских центров вдоль Сырдарьи. При этом среди изображений барана, выявленных в ходе раскопок, наиболее характерной деталью выступали подчёркнуто выраженные рога. В городище Отрар, где найдено большое количество подобных изображений, традиция их изготовления сохранялась на протяжении почти двух тысячелетий, что свидетельствует об устойчивости символической значимости этого образа (Байпаков, 1980; Байпаков, Ерзакович, 1990, с. 55, 57–58, 60).

В результате археологических исследований, проведённых на городищах Джанкент и Сортобе, в помещениях, где было обнаружено значительное количество керамических сосудов местного производства, перед глинобитными очагами выявлены подставки в форме двуглавого барана (рис. 4; 5). Скульптуры баранов, украшавшие очаги, выполняли не только декоративную, но и сакральную функцию: они превращались в домашние алтари и служили центром культового почитания в жилище (Дарменов, Тажекеев, 2018; Литвинский, 1968).

В одном из помещений здесь был выявлен очаг с керамической «очажной подставкой» в виде стилизованного двуглавого барана (рис. 3: 1; 4: 1), обнаруженной в ходе совместных исследований[1], проводившихся в 2005–2009 гг. в жилой застройке северо-восточной части городища Джанкент (Зиливинская, 2013, с. 100; Зиливинская, 2019, с. 92).

В процессе сооружения мемориального комплекса Коркыт-ата была выявлена глиняная скульптура с изображением барана, отно-

Рис. 2. Городище Джанкент. Раскопы 2023–2025 гг. обозначены красным цветом.
Fig. 2. The Jankent settlement. 2023–2025 excavations are marked in red.

сящаяся к раннесредневековому периоду (IX в. н. э.) и отличающаяся миниатюрностью и стилизованной трактовкой формы. Обнаруженная протома по своим морфологическим характеристикам сопоставима со скульптурными элементами, входившими в состав домашних алтарных комплексов, связанных с культом барана, получившим широкое распространение в городских центрах Нижней Сырдарьи в раннем Средневековье (VIII–IX в.) (рис. 4: 2).

Среди протом VIII–X вв. особое место занимает подставка в виде двуглавого барана, найденная в Джанкенте в ходе археологической экспедиции Д. Воякина в 2006 году (рис. 3; 2). В настоящее время она хранится в археологическом зале Национального музея Республики Казахстан (Астана).

Зооморфные изделия с изображениями баранов, фрагменты которых неоднократно фиксировались на различных памятниках раннесредневековой эпохи, получили определённое освещение в научной литературе. Однако интерпретации их назначения существенно различаются.

Впервые находка подставки in situ была осуществлена на городище Джанкент, после чего детальный анализ различных гипотез относительно функций керамических «очажных подставок» был представлен в работах исследователей (Ахатов, Смагулов, 2009, с. 213; Смагулов, 1992; 2004). По их мнению, двусторонние керамические протомы разнообразных форм в сако-сарматской, кангюйской и огузской культурной среде выступали в качестве культовых элементов, использовавшихся при оформлении очагов и домашних алтарей. Их функциональное назначение связано с защитной функцией: они служили для предотвращения неблагоприятных воздействий и обеспечивали сакральную защиту не только очага, но и дома, семьи и общины в целом.

В научной литературе выдвигались различные интерпретации функционального назначения данных предметов. В частности, согласно ряду исследователей, они могли иметь утилитарный характер и использоваться в качестве подставок под котлы или приспособлений для вертела (Нильсен, 1959, с. 73; Пугаченкова, 1986, с. 34–37; Левина,

Рис. 3. Очаги с подставками в форме двуглавого барана, найденные на городище Джанкент.
1–2. по Э. Д. Зиливинской, 2013, 2019; 3 – фотоматериал Тюркской академии
Fig. 3. Cooking stands in the shape of a two-headed ram, found at the Jankent settlement.
1–2. after E.D. Zilivinskaya, 2013, 2019; 3 – photos of the Turkic Academy

1971, с. 73; Брыкина, 1982, с. 80). Г.В. Григорьев предложил для них термин «шашлычница», основываясь на находке из Каунчи-тепа (Смагулов, 2004, с. 90). Однако в более ранней своей работе он относил подобные изделия к категории культовых предметов (Григорьев, 1940, с. 23, 26–27). Ряд исследователей рассматривал их как культовые объекты, благодаря которым очаги в жилище приобретали характер домашних алтарей (Кабанов, 1981, с. 31–32; Смагулов, 1992; 2004). Этой точки зрения последовательно придерживается и Е.А. Смагулов, аргументируя её тем, что хрупкость фигурок, изготовленных из рыхлой глины с большим количеством шамота, исключает возможность установки на них тяжёлого котла, а малая высота «спинки» не позволяет использовать их и в качестве опоры для вертела. Наиболее вероятно, по мнению исследователя, что данные подставки выполняли функции своеобразных домашних алтарей или оберегов очага. Алтари возводились из сырцового кирпича и имели определённую ориентацию в пространстве – чаще всего с востока на запад или с севера на юг. В центре помещался алтарь размерами около 1×0,9 м, на специальной подставке которого устанавливали протому барана с двумя головами, обращёнными в противоположные стороны. Протома украшалась геометрическим и растительным орнаментом. Перед ней помещался сосуд для разжигания огня, что придавало всей конструкции ритуальный смысл. Подобные сооружения зафиксированы и в других огузских поселениях.

Б.А. Литвинский, исследуя зооморфные изображения божества фарн, отмечал его тесную связь с образом барана, указывая

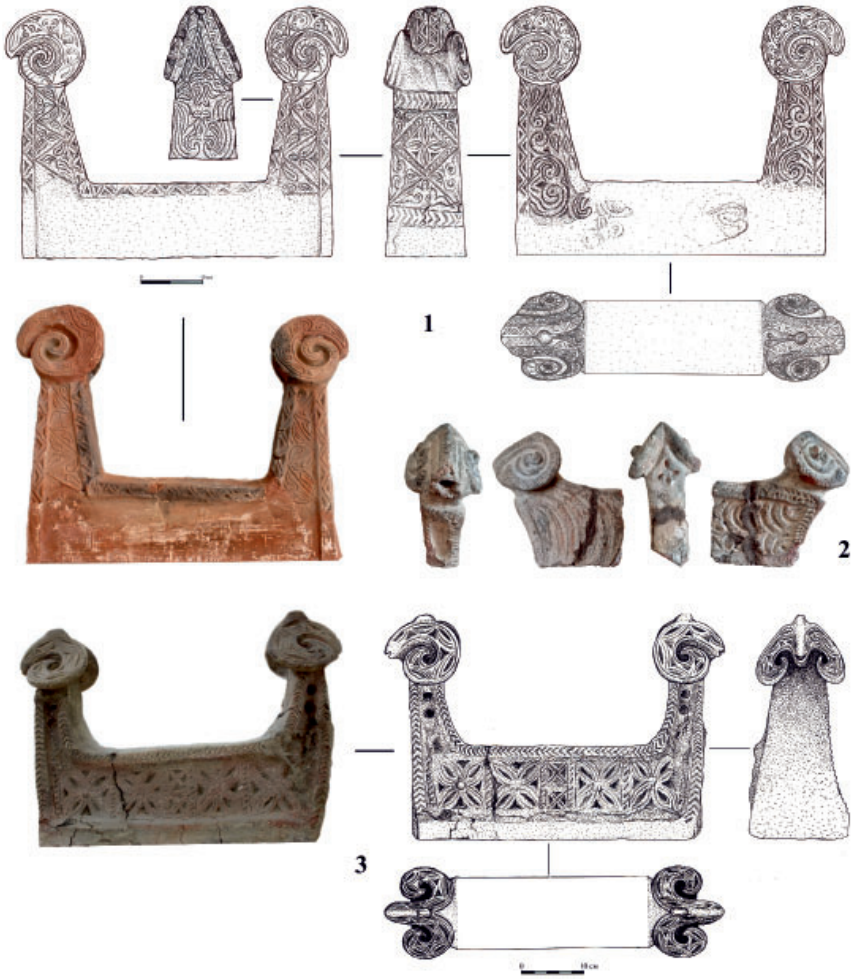

Рис. 4. Протомы барана. 1 – Джанкент; 2 – музей комплекса Коркыт-ата; 3 – Сортобе (графические рисунки А. Назарова).
Fig. 4. Protomae of a ram. 1 – Jankent; 2 – Korkyt-Ata Memorial Complex Museum; 3 – Sortobe (graphic drawings by A. Nazarov)

также на параллели с сарматскими и кангюйскими племенами (Литвинский, 1968). К.М. Байпаков выделяет несколько этапов бытования культа барана: I–VII вв., VIII–XII вв., XIII–XIV вв. и XV–XVIII вв., отмечая устойчивость форм и символики на протяжении веков (Байпаков, 1980, с. 32–45).

Комплексный этнографический анализ культа барана был осуществлён Т. Картаевой и О. Ерданом. С археологической точки зрения авторы показывают важную роль данного образа в петроглифах и материальной культуре раннетюркских народов, тогда как этнографические данные отражают сохранение традиций в казахской культуре: наличие бараньих изваяний на кладбищах Мангистау, поверий, связанных с овцами, а также орнаментов в виде барана на ковровых изделиях (алаша) (Kartaeva, Yerdan, 2020, с. 907–958).

Семантика орнаментов в культовой традиции средневекового Приаралья

Южные регионы Казахстана, прилегающие к долине Сырдарьи, отличаются богатым художественным наследием средневекового периода. Изделия из различных материалов, найденные на данной территории, демонстрируют высокий уровень декоративного оформления и устойчивость традиционных форм. Орнаментальные композиции и декоративные элементы указывают на наличие традиции художественных и мировоззренческих представлений, сохранявшихся на протяжении длительного времени.

Особый интерес представляют глиняные изделия, отличающиеся простотой форм и богатством орнамента. Среди них выделяются предметы культового назначения, выполненные в форме барана, а также утилитарные

изделия – крышки, ручки и иные элементы, декорированные зооморфными мотивами. Символика данных изображений и структура орнаментального ряда остаются недостаточно изученными и требуют дальнейшего комплексного анализа.

В ходе археологических исследований на городищах Сортобе и Джанкент, являвшихся важными центрами Огузского государства в раннем Средневековье, были выявлены многочисленные артефакты, относящиеся к различным историческим периодам. Среди них особое место занимают протомы, выполненные в форме барана, обнаруженные в помещениях культового характера (рис. 4: 1, 3; 5). Расположение данных предметов позволяет предположить их использование в алтарной зоне жилища, имевшей сакральное значение (Тәжекеев и др., 2022). Планировка подобных помещений включала суфы, расположенные вдоль стен и предназначенные для сидения или отдыха. Алтарь, как правило, имел форму, напоминающую овечью шкуру; его углы оформлялись в виде прямоугольных выступов, напоминающих ножки. Согласно данным археологических реконструкций, в центральной части помещения находился открытый очаг, использовавшийся для сохранения тепла.

Преобладание в хозяйстве местного населения скотоводства обусловило широкое распространение зооморфных изображений, связанных с образом барана и овцы. Эти мотивы воспринимались как символы плодородия, изобилия и благополучия, что определило их устойчивое присутствие в орнаментально-декоративной традиции региона. Подобные представления находят подтверждение в этнографических материалах и исследованиях культуры народов Приаралья, где зооморфные образы рассматриваются как важная часть традиционной символики, связанной с хозяйственным укладом и духовными представлениями (Жданко 1959; Алламуратов, 1977, с. 48–49; Богословская, 2009, 2019; Kartaeva, Oralbay, 2020, s. 907–958; Сайпов, 2021, с. 207; Suraganov, 2021, s. 99).

Протомы баранов, оформлявшие очажные подставки, были обнаружены как в целом виде, так и фрагментарно. Орнаментация этих изделий отличается разнообразием: в одних случаях она совпадает, в других – демонстрирует индивидуальные варианты исполнения. Подставки, найденные в помещениях цитадели, воспроизводят форму образца, выявленного в шахристане. Аналогичные двуглавые экземпляры, как цельные, так и сохранившиеся частично, происходят из жилых помещений цитадели (рис. 3; 4; 5). Орнаментальное оформление подставок сочетает повторяющиеся мотивы, известные по материалам других памятников, с новыми, ранее не фиксировавшимися вариантами. Стилистическое разнообразие орнаментов, вероятно, отражает различия в функциональном назначении подставок, в их символическом содержании либо принадлежность к разным хронологическим этапам или ремесленным традициям.

Подставка из Коркыт-Ата представляет собой небольшую по размеру прямоугольную зооморфную стилизованную скульптуру, изображающую барана (рис. 4: 2). Композиция включает туловище, имитирующее шерсть животного, и голову с загнутыми и направленными в стороны рогами. Обе стороны туловища протомы выполнены по-разному, однако на обеих поверхностях на влажную, еще не обожжённую глину были нанесены линейные узоры, пальцем либо предметом, сопоставимым по толщине с пальцем. Эти узоры визуально воспроизводят фактуру шерсти барана или овцы (рис. 6: 13). На одной стороне композиции орнамент представлен ритмичными дугообразными линиями, имитирующими косматую шерсть, тогда как на другой стороне дугообразные линии образуют концентрические полукруглые мотивы, похожие на курчавость овец. Рога и краевые участки туловища украшены штриховкой в виде «ёлочного» геометрического орнамента (рис. 6: 10). Стилизованная форма головы барана характеризуется разветвляющимися в стороны и закругляющимися внутрь рогами, контуром глазной впадины и расположенной внутри её полукруглой выпуклой линией, имитирующей бровь. Изображение глаза очерчено кругом по тому же принципу. При восприятии протома, несмотря на стилизацию, сохраняет сходство с образом реального животного. Под рельефной линией, начинающейся от верхней части головы, переходящей в выпуклый лоб и завершающейся носовой частью, расположено углублённое отверстие, трактуемое как открытый рот блеющего барана. Четырёхлистный орнамент, нанесённый твёрдым предметом у основания

Рис. 5. Находки протом барана с городища Джанкент (по материалам раскопок разных лет) (графические рисунки А. Назарова (1, 4, 6), Г. Амиргалиной (3)

Fig. 5. Finds of ram protomae from the Jankent site (based on excavation materials from different years) (graphic drawings by A. Nazarov (1, 4, 6), G. Amirgalina (3)

шеи на задней части протомы, выполнен в упрощённой форме и по семантике соотносится с крестом. Мотив «törtqulaq» («четыре уха») в архаическом значении связан с четырьмя сторонами света и воспринимается в контексте солярного культа. Согласно предположению искусствоведа К.К. Муратаева, орнаменты типа «ayqish» (крест), «törtqulaq» («четыре уха») могли восходить к эпохе бронзы и возникнуть как символический отголосок древнего способа добывания огня посредством трения двух камышовых палочек друг о друга (Мұратаев, 2013, с. 176). А. Шайгозова и Ш. Наурызбаева считают, что «törtqulaq» – это древний знак, который ассоциируется с источником жизни, непрерывным циклом и бесконечным движением в природе (2003, с. 120–121).

И.Б. Богословская отмечает, что четырёхлепестковый орнамент в каракалпакском декоративном искусстве выступает как «знак гармонии и равновесия мира, выражающий идею единства земного и небесного начал» (Богословская, 1983, с. 54). По её интерпретации, подобные крестовидные композиции не только выполняли декоративную функцию, но и имели сакральное значение, отражая представление о миропорядке и обереговую функцию орнамента.

На протоме в виде барана, найденной в шахристане городища Джанкент (экспедиция 2005–2009 гг., Р-1), образ животного претерпел определённые изменения (рис. 3: 1; 4: 1). Артефакт представляет собой брусок прямоугольного сечения, на концах которого расположены пирамидальные выступы –

«шеи», завершающиеся головами с горбоносой мордой и спиралевидными рогами. Вся поверхность бараньей протомы украшена рядом геометрических и растительных орнаментов. Головные части украшены зигзагообразными линиями, составленными из мелких треугольников; аналогичные полосы проходят вдоль краёв «шеи» и «спины». Внутренние поля орнамента заполнены завитками, напоминающими растительные побеги. На лицевой стороне, обращённой в интерьер помещения, выявлены треугольники с вписанными трёхлепестковыми розетками, тогда как на задних сторонах «шеи» зафиксированы четырёхлепестковые розетки. Композицию дополняют более сложные мотивы, а также орнаментальные элементы, выполненные в виде ромбов и треугольников (Зиливинская, 2013, с. 103–104). На окаймлённых краях и в форме рогов прослеживается линейный рельеф из треугольных элементов, ритмично расположенных друг напротив друга, тогда как тело украшено вьющимся растительным орнаментом, структура которого напоминает букву S (рис. 4: 1).

S-образный орнамент, применявшийся во множестве изделий декоративно-прикладного искусства, имеет свои корни в древнем художественном наследии Средней и Центральной Азии, восходящем к периоду до VI в. н. э. Основными носителями этих мотивов были скифо-сакские племена Приаралья и Алтая, которые поддерживали культурные и художественные контакты с регионами Передней Азии (см. Алламуратов, 2019, с. 117). Этот орнамент, состоящий из линейных узоров, обнаруживает сходство также с древнетюркскими мотивами «qusmoyin» (шея птицы), «qusqanat» (крыло птицы), «qustumsiq» (клюв птицы), «qumyrska bel» (талия муравья) и перекликается с древними тотемическими и шаманскими знаками. По мнению Б.И. Вайнберг, тамга в виде значка S на хорезмийских монетах является символикой бараньих рогов и связана с изображениями барана на каунчинской керамике Сырдарьи (Вайнберг, 1977, с. 39). S-образный мотив является одним из широко распространённых элементов орнаментики среди народов, генетически и культурно близких к каракалпакам, включая кыргызов, казахов, полукочевых узбеков, обских угров, мордву, чувашей и башкир (Кармышева, 1955, с. 139; Авижанская и др., 1964, с. 78, рис. 38/9; Муканов, 1979, с. 65; Мордовский народный…, 1990; Рындина, 1997, с. 204, рис. 16, *14*; Мадуров, 2004, с. 20, табл. 2/3; с. 246, табл. 32/9; Kasieva, 2015, с. 655, fig. 1; Тулумбаев и др., 2017, с. 316; Давлатова, 2017, с. 24; Богословская, 2019, с. 167; Доспанов, 2025, с. 292–296; Dospanov, 2025, с. 174–178). В разных этнокультурных традициях этот элемент наделялся специфической символикой: у чувашей он интерпретируется как знак светил, небесного огня, небосвода и гор; обские угры используют его при изображении стилизованных фигур птиц; у казахов мотив известен как S – «bota moyin» (шея верблюжонка), а геометризированная форма знака S в терме гиламах трактуется ковровщицами Байсуна как «tuya buyin» (шея верблюда); у кыргызов он представлен как S – «iyt quyriksha» (хвост собаки) или «quchqoroq» (рог); у каракалпаков же знак понимается как «qumirska bel» (талия муравья) либо «gazmoyin» (шея гуся) (Богословская, 2019, с. 167).

В традиционной культуре тюркских народов существовало множество верований и табу, связанных с птицами. Птичьи перья использовались в качестве оберегов: их вешали на колыбель, домбру, прикрепляли к тюбетейке ребёнка, к головным уборам и шалям невест, а также к плечам странствующих певцов и музыкантов, чтобы защитить их от сглаза. Наиболее распространённым было поверье, связанное с лебедем. «Лебеди, как и все водоплавающие птицы в тюркской мифологии, одновременно принадлежали двум мирам – Верхнему и Нижнему. Во многих мифах древнетюркская богиня Умай предстает в образе девушки-лебедя» (Шайгозова, Наурызбаева, 2003, с. 138–139). Исходя из этого, можно предположить, что орнаменты, напоминающие мотив «qusmoyin» (шея птицы), имели культовое значение. Например, в мифологии **башкир** образ птицы-лебедя Хумай выступает как божественная птица, владычица птичьего царства, обладающая способностью к перевоплощению; она также связана с солнечной мифологией и функциями покровительства (Илимбетова, 2023, с. 231). В этнографии башкирской религиозно-мифологической системы отмечается, что почитание птиц, таких как лебедь, журавль, утка, входит в число культовых образов, где птицы выступают как посредники, хранители или покровители (Илимбетова, 2023, с. 232). У алтайцев

орнитоморфные мотивы исполняли сакральную функцию на шаманской одежде и бубнах (Kaya, Bayraktar, 2025, s. 27). В исследованиях северного Алтая отмечено, что птицы, перья и зооморфные образы в мифологии выступают посредниками между мирами (Кучукова, 2013, с. 23–24). Среди татар Поволжья орнитоморфные мотивы нередко несут символику защиты и генеалогической преемственности (Горшунова, Арефьева, 2020, с. 15). В средневековой казахской культуре и символике, согласно исследованию **А.Ш. Бимендиева**, изображение птиц, особенно в навершиях знамен, могло олицетворять женские божества (в частности, Умай). Птица-знамя нередко трактовалась как «проводник души» и как атрибут власти (Бимендиев, 2016, с. 22). Кроме того, в орнаментальное искусство тюркских народов часто включаются стилизованные изображения птиц и насекомых как часть сакрального и декоративного комплекса (Бакиева, 2015, с. 111). Согласно интерпретации И.В. Богословской, изображения птиц рассматриваются как образы тотемов-покровителей скотоводческих сообществ, тогда как отпечатки следов животных и птиц приобретают характер культовых знаков. Эти мотивы воспроизводились в предметах прикладного искусства с защитной функцией, наделяясь значением оберегов и средств охраны от злых духов (Богословская, 2019, с. 146, 165).

Поскольку протома была размещена на алтаре, имевшем значительное религиозное значение внутри жилища, украшающие её орнаменты вряд ли были лишь декоративными – они, вероятно, обладали сакральным смыслом. Таким образом, зооморфные мотивы, такие как *qusmoyin* и *qusqanat,* могут подчёркивать культовую функцию протомы, указывая на её роль как места связи с сакральным миром. В этом контексте ассоциация с лебедем как символом верности, чистоты и духовной любви становится ещё более уместной, ведь именно лебедь в тюркской и смежных традициях часто выступает как посредник между миром людей и миром духов (как, например, в образе Хумай у башкир).

Спиралевидные бараньи рога на протоме также не являются случайными (рис. 4, 5). В мировоззрении кочевников «спиральный орнамент» по своей форме близок к орнаменту «qoshqar müyiz» (бараньи рога). По своему смыслу этот мотив передаёт представления о движении, жизненной силе, развитии и благополучии. Направление завитка в спиральном орнаменте имеет сакральное значение: если завиток направлен по движению солнца, он соотносится с миром живых; противоположное направление, напротив, символизирует мир мёртвых (Шайгозова, Наурызбаева, 2003, с. 123). Аналогичные представления прослеживаются и у других тюркских народов. Например, у каракалпаков и узбеков спиралевидные формы в орнаменте также ассоциируются с солнцем и движением (Богословская, 2005, с. 89–90) и с таким назначением, как оберег (Снесарев, 1969, с. 315–317). Таким образом, представляется возможным говорить о формировании единой тюркской орнаментальной традиции, в рамках которой мотив рогов барана выступает архетипическим символом силы, мужества и жизненной силы.

На исследуемом скульптурном изделии в виде барана стилизованные формы рогов сочетаются с геометрическими орнаментами, украшающими переднюю и заднюю части. Эти орнаменты состоят из зигзагообразных и треугольных узоров.

Треугольник в мировоззрении тюркских народов, населявших территорию Центральной Азии, воспринимался как амулет (tumar), оберегающий от злых сил. Данная форма используется с эпохи андроновской культуры и сохраняет своё символическое значение до наших дней, изменяясь лишь в декоративных деталях (Маргулан, 1998, с. 201; Байпаков, 1986, с. 112; Кузьмина, 1994, с. 117, 124–126).

Расположенные рядами на передней и задней частях шеи протомы треугольные орнаменты, заключённые в квадраты и направленные вершинами к центру, вероятно, отражают идею гармонии и единства. Ниже этих элементов располагаются орнаменты tuyetaban (след верблюда), помещённые внутри верхних двух лепестков четырёхлистного орнамента (törtgul), симметрично обращённые друг к другу и соединённые в центре (рис. 6: 4, 7). Орнамент «tüyetaban» (след верблюда), по форме напоминающий сердце, в традиционной культуре тюркских народов символизировал богатство, выносливость, силу и жизненную энергию; его изображали на поклаже караванов, упряжи и оберегах, сопровождавших путешествия (Kurbanova, 2023, с. 95; Личман, 2025; Марценюк, 2023). В культовых предметах этот узор могли

использовать, так как он напоминал о вечном пути души. Размещенный парами орнамент «лицом» друг к другу символизировал бесконечное движение человека и его духа между двумя мирами – земным и небесным.

Орнамент «**törtgul**» представляет собой четырёхчастную композицию, отражающую ориентацию по сторонам света, и связанный с солярной символикой мотив, близкий по форме кресту (рис. 6: 1, 5). В этнографических источниках такие орнаменты рассматриваются как отражение представлений тюркских народов об устройстве и устойчивости мира (Шевцова, 2007; Khazbulatov, Ibragimov, 2021).

Согласно данным реставрационных исследований, поверхность ряда зооморфных протом, в частности выполненных в виде барана, имеет следы копоти, что указывает на их использование в обрядах, связанных с огнём. Подобные изделия, как правило, размещались в непосредственной близости от очага, рядом с сосудами для курящихся масел, что позволяет рассматривать их в ритуально-культовой практике, связанной с почитанием огня. Они могут интерпретироваться как материальные проявления солярно-огненного культа, восходящего к архаическим мифологическим представлениям о сакральной природе огня как источника жизни и очищения (Абдуллаев, 2009; Cywa, 2011).

При рассмотрении культовых протом внимание привлекает крестообразный знак, обнаруженный внутри углубления, вырезанного на верхней части левой рогатой головы (рис. 4: 1). На соответствующем месте правой головы, где должно было находиться аналогичное углубление, виден уплощённый бугорок, по форме напоминающий корону. Наличие на верхней части бараньей головы выступающего бугорка или сквозного отверстия размером с указательный палец человека, в которое палец свободно входит и выходит, наталкивает на размышления о символике этого элемента. На некоторых джанкентских протомах эта деталь представлена в виде небольшой выпуклости на верхней части обеих бараньих голов, тогда как парные отверстия размером с палец расположены на шейных участках. Ассоциативно они напоминают родничок (темя) на черепе человека, открытый у младенцев до трёх лет и постепенно срастающийся.

Основание протомы из Джанкента, найденной в 2006 г. экспедицией Д.А. Воякина,

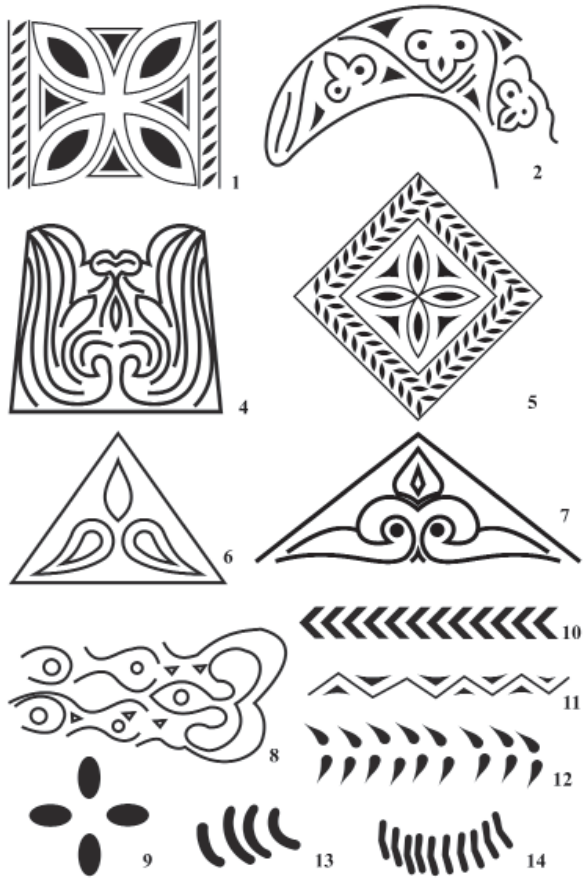

Рис. 6. Орнаментальные мотивы на очажных подставках в форме двуглавого барана (графические рисунки А. Назарова).
Fig. 6. Ornamental motifs on cooking stands in the shape of a two-headed ram (graphic drawings by A. Nazarov).

имеет прямоугольную форму, а стилизованная баранья голова, продолжающая шею, спереди поднимается вертикально вверх и сзади образует перевёрнутую дугообразную арку, соединённую с корпусом (Воякин, 2017). Тело протомы, включая боковые, переднюю и заднюю части, а также витые рога, украшено растительными линейными орнаментами, образующими непрерывные композиционные линии (рис. 3: 2). На неотреставрированной поверхности различимы мотивы «qoshqar müyiz» (рога барана) и «quş qanatı» (крыло птицы). По краям корпуса проходит орнамент в виде «ёлочки», а декоративный ряд дополнен рельефными бутоновидными элементами, равномерно расположенными по периметру.

К этому же времени относятся протомы из Сортобе, украшенные геометрическими орнаментами (рис. 4: 3). Хотя их форма близка к предыдущим культовым изображениям бара-

на, орнаментация отличается: на теле проходит горизонтальный ряд рельефных и глубоко вырезанных мотивов «törtgül» (четырёхлистник) (рис. 6: 1, 5). Четыре ленточных орнаментальных пояса разделены посередине двумя вертикальными рядами меньших крестообразных знаков. Геометрические мотивы – квадрат, треугольник, крест – традиционно ассоциируются с идеями изобилия, порядка и единства, характерными для орнаментальных систем раннетюркского времени. Орнаменты на рогах, повторяющие полукруглые очертания лепестков четырёхлистника, отличаются глубокой пластикой и художественной изысканностью. Краевой орнамент в виде «ёлочки» сохраняет традиционное место, придавая композиции завершённость.

Археологические материалы VIII–XI вв. из районов Нижней Сырдарьи и Приаралья свидетельствуют о значительном распространении культа барана и его отражении в ритуальных предметах и бытовой культуре населения. Образ барана фиксируется в различных категориях находок, связанных как с сакральной практикой, так и с повседневной жизнью. Этнографические данные подтверждают длительное сохранение данной символики в орнаментальных мотивах, обрядах и традиционных представлениях тюркских народов. Анализ археологических и этнографических источников позволил установить преемственность культурных традиций и показать устойчивое значение образа барана в системе мировоззренческих и ритуальных представлений населения региона.

Заключение

Культ барана в традиционной культуре тюркских народов представляет собой важный компонент их духовных представлений и художественной системы. С древнейших времён, начиная с эпохи бронзы, образ барана занимал значимое место в символическом комплексе кочевых обществ Центральной Азии, выступая одновременно жертвенным животным, оберегом домашнего пространства и знаком материального достатка и благополучия рода. Археологические материалы VIII–XI вв. из регионов Нижней Сырдарьи и Приаралья свидетельствуют о том, что представления, связанные с сакральным статусом барана, находили отражение как в ритуальных артефактах, так и в предметах повседневного использования, что указывает на устойчивость данного образа в системе традиционных верований.

В религиозно-мифологическом контексте баран воспринимался как носитель охранительной и жизнетворной функции, что сближает его с более широкими представлениями о зооморфных символах в мировоззрении тюркских народов. С распространением исламской культуры в регионе наблюдается трансформация изобразительных практик: реалистическая передача животного образа постепенно уступает место условно-стилизованным формам. В результате формируется устойчивый декоративный мотив «qoshqar muyiz» («рога барана»), который становится одним из ключевых элементов тюркского орнаментального искусства.

Данный мотив широко использовался в декоративно-прикладном искусстве – при оформлении ковров, войлочных изделий, украшений и предметов быта, выполняя не только эстетическую, но и символическую функцию. Со временем он закрепился как один из наиболее узнаваемых признаков культурной идентичности тюркских народов. Таким образом, образ барана, пройдя эволюцию от сакрально-ритуального символа к орнаментальной форме, сохранил своё значение в системе традиционной культуры, демонстрируя преемственность мировоззренческих и художественных представлений.

Примечание:

[1] Исследования Кызылординского государственного университета им. Коркыт-Ата, Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2009. 120 с.

Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. 260 с.

Алламуратов А. Каракалпакская народная вышивка. Нукус: Каракалпакстан, 1977. 80 с.

Алламуратов А. Каракалпакское декоративно-прикладное искусство. Вопросы художественного своеобразия / Архивные материалы Центральной Азии. Том VI. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 220 с.

Аль-Истахри. Излечение из «Kitāb al-Masālik wa-l-Mamālik» (Книга путей и стран). Пер. С. Волина // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 167–180.

Аль-Макдиси. Извлечения из «Aḥsan at-taqāsīm fī maʿrifat al-aqālīm» (Лучшее разделение для познания областей). Пер. С. Волина // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 184–208.

Аль-Масуди. Извлечения из «Murūj adh-dhahab wa maʿādin al-jawāhir» (Золотые луга и россыпи драгоценностей) (пер. С. Волина) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 166–167.

Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) / сост. И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы: Арыс, 2014. С. 188–240.

Аржанцева И.А. Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск: Артишок, 2016. 288 с.

Аржанцева И.А., *Болелов С.Б., Тажекеев А.А.* История исследований Хорезмской экспедиции на землях Сыра. М.: Олеабук, 2018. 312 с.

Аржанцева И.А., Рузанова С.А. Исследование «болотных городищ»: архивы и новые материалы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 394–410.

Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н. Археологические исследования городища Жанкент // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп (Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие в 2008 году) / Жалпы редакциясын басқарған К. М. Байпаков. Алматы, 2009. С. 212–215.

Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 32–45.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII). Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с.

Байпаков К.М., Авизова А.К. Тамгообразные знаки на керамике с памятников Отрарского оазиса доарабской эпохи // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 155–167.

Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Керамика средневекового Отрара. Альбом. Алматы: Онер, 1990. 212 с.

Байпаков К.М., Құрманқұлов Ж. Сырдарияның көне сағалары қалыптасу және қоныстану тарихы // Қазақстан Республикасы Қызылорда облысының тарихи-мәдени ескерткіштернің жинағы: Қызылорда облысы / Жауапты редактор М. Елеуов, Ж. Жетібаев. Алматы: Аруна, 2011. 9–44 бб.

Бакиева О.А. Орнаментальное искусство тюркских народов – культурное наследие России (на примере татарской и чувашской вышивки) // Педагогика искусства. 2015. № 4. С. 108–114.

Баринова Е.Б. Этнокультурные контакты средневекового населения Восточного Приаралья по данным археологических исследований XX века // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 261–269.

Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Т. 2. Часть 2. М.: Наука, 1964. 661 с.

Хаванский А.И., Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т. Погребение среднего бронзового века могильника Щилисай II // “Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие (19–20 апреля 2018 года)” / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы-Актобэ: Типография ЖК С. Т. Жанәділов, 2018. С. 188–193.

Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Сұлтанжанов Ж.Қ. Амиргалина Г.Т., Құрманиязов Ы.С., Назаров А.Ж. Археологические работы на городище Джанкент в полевых сеонах 2020–2021 гг. // Маргулановские чтения-2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований» посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30 летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021

г.). В 3-х томах. Т. 2 / Отв. ред. Б. А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. С. 138–153.

Бимендиев А.Ш. К проблеме образа птиц в навершиях знамен у казахских правителей средневековья // Отан тарихы. 2016. № 2. С. 12–36.

Богословская И.В. Зооморфные мотивы каракалпакского орнаментального искусства // Sanat. 01/04/2009. Вып. №2. Доступно по URL: https://sanat.orexca.com/2009-rus/2009-2-2/irina_bogoslovskaya (08.04.2026)

Богословская И.Б. Каракалпакский орнамент: образ и смысл. Алматы: МИЦАИ, 2019. 119 с.

Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. М.: Наука, 1982. 200 с.

Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. 195 с.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н.э. / ТХАЭЭ. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.

Воякин Д.А. Жанкент қаласы // Қазақстанның киелі орындарының географиясы / Табиғат, археология, этнография және сәулет өнері нысандарының тізілімі. Под общ. Ред. Байтанаев Б.Ә. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2017. 1-шығарылым. Б. 504–507.

Гардизи. Извлечение из «Зайн ал-ахбар» (Украшение известий). Пер. А.А. Ромаскевича // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 227–233.

Города огузов Приаралья в истории культуры тюрков (раскопки городища Жанкент) (Отчет о научно-исследовательской работе по итогам 2023 года). Астана: Тюркская Академия, 2024. 234 с.

Горшунова О.В., Арефьева К.И. Орнитоморфные мотивы в орнаменте татар среднего Поволжья // Бюллетень Международного центра "Искусство и образование". 2020. № 4. С. 1–35.

Григорьев Г.В. Каунчитепа (раскопки 1935 г.). Ташкент: УзФан, 1940. 64 с.

Давлатова С. Семантика символов в узбекском традиционном ремесленном производстве // Euroasia Journal of Social Sciences & Humanities. 2017. Vol 4. P. 21–34.

Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А. Ритуальные очаги на городище Жанкент // Народы и религии Евразии. 2018. № 4 (17). С. 109–122.

Доспанов О.Т. Трансформация S-образных знаков: археолого-этнографический синтез на материалах Каракалпакстана // O‘zbekiston arxeologiyasi muammolari / Mas’ul muharrir. F. A. Maqsudov. Toshkent: O‘Zbekiston Respublikasi Fanlar Akademiyasi, 2025. S. 292–296.

Ерекешева Л. Г. Религия и искусство репрезентации: символизм зооморфного стиля в Центральной Азии // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 6–29. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.1

Жданко Т. А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков // Материалы и исследования по этнографии каракалпаков / ТХАЭЭ. Т. 3 / Ред. Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1959. С. 383–423.

У моря барханов, на земле такыров: сборник воспоминаний о Т. А. Жданко / авт., сост. И. В. Богословская. Ташкент: San'at, 2021. 319 с.

Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Джанкент // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. 2013. Вып. 3. С. 100–109.

Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Джанкент в южном Казахстане // РА. 2019. № 1. С. 87–100.

Ибн Хаукаль. Извлечения из «Ṣūrat al-Arḍ» (Книга изображения Земли), (Kitāb al-Masālik wa-l-Mamālik) (пер. С. Волина) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 181–183.

Илимбетова А.Ф. Культ птиц в религиозно-мифологической системе башкир // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 1. С. 230–234.

Кабанов А.В. Символика очага в жилищной культуре средневековых кочевников // Вестник древней истории. 1981. № 4. С. 30–35.

Кармышева Б. Локайские мапрачи и ильгичи // История и этнография / Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея. Вып. 2 / Ред. Н.А. Кисляков. Сталинабад: Республиканский историко-краеведческий музей Таджикской ССР.,1955. С. 121–160.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: ВИНИТИ, 1994. 464 с.

Кулсариева А., Султанова М., Шайгозова Ж. Шаманская вселенная кочевников Центральной Азии: волки и волчицы // Nomadyzm i nomadologia. Przegląd Wschodnioeuropejski. 2018. IX/2. P. 231–240.

Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.Т. Материалы Джанкентской **археологической** экспедиции. Кызылординской государственный университет им. Коркыт Ата. Кызылорда: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2007. 124 с.

Курманкулов Ж.К., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Древние земледельцы низовьев Сырдарьи / Труды Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. I. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. 322 с.

Кучукова Д.А. Зооморфные образы в мифологии северных алтайцев: к проблеме этнокультурных контактов народов Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 21–26.

Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. / ТХАЭЭ. Т. VII. М.: Наука, 1971. 252 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Восточная лит-ра, 1996. 396 с.

Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 126 с.

Личман Е.Ю. Знаки – символы традиционного казахского искусства. Доступно по URL: http://econf.rae.ru/article/7500 (дата обращения: 06.11.2025).

Мадуров Д. Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 287 с., ил.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура центрального Казахстана. Сочинения. Том. 1. Алматы: Атамура, 1998. 400 с.

Марценюк Т. Казахский орнамент: значение для народа и самые знаковые символы. https://www.nur.kz/family/school/1551418-kazakhskiy-ornament-ego-znachenie/ (дата обращения: 26 мая 2023)

Мордовский народный костюм. Сост. Т.П. Прокина, М.И. Сурина. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. 384 с.

Муканов М.С. Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата: «Казахстан», 1979. 120 с.

Мұратаев Қ.Қ. Халықтық және қолданбалы-сәндік өнер. Қазақ өнері 5 томдық. II том. Альбом. Алматы: Елнұр, 2013. 176 б.

Нильсен В.А. Кызыл-кыр // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 1 / Отв. ред. В. А. Шишкин. Ташкент: Фан, 1959. С. 60–79.

Пугаченкова Г.А. Очажные подставки из Булакбаши (к идеологии древнего скотоводческого населения Самаркандского Согда) // Общественные науки в Узбекистане. 1986. № 5. С. 34–37.

Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. *Томск*: *Издательство* Томского *университета, 1995. 640 с.*

Сайпов С. Орнаментация неполивной керамики Хорезма в золотоордынский период // ИМКУ. Вып. 41. Самарканд, 2021. С. 207–216.

Самашев З., Цэвээндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А. Ежелгі түріктердің шивээт улаан ғұрыптық кешені. Астана: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астана қаласындағы филиалының баспа тобы, 2016. 272 б.

Смагулов Е.А. Комплекс ритуальных атрибутов из Отрарского оазиса // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. А. Н. Марьяшев. Алма-Ата: КазГПУ им. Абая, 1992. С. 34–43.

Смагулов Е.А. «Шашлычницы» Алтынтобе // Известия МОН РК НАН РК. Сер. Общественных наук. 2004. № 1. С. 90–108.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 338 с.

Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.К., Құрманиязов Ы.С., Бейсембаева Л.С. 2020–2021 жж. Ортағасырлық Алтын-асар және Жанкент қалашықтарында жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстарының нәтижелері // Марғұлан оқулары 2022: халықаралық ғылыми-тәжірбиелік конферен-

ция материалдары (Алматы қ. 12–13 сәуір 2022 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2022. Б. 411–418.

Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 433 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. лит-ра, 1962. 321 с.

Тулумбаев В.З., Халилова А.Д., Хабибуллина З.А. Башкирский орнамент: этнолингвистический анализ // Мир науки, культуры, образования. № 5 (66) 2017. С. 315–318.

Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татарское книжное издательство, 1978. 160 с.

Шайгозова А., Наурызбаева Ш. Орнамент в традиционной культуре Казахстана. Алматы: Өнер, 2003. 320 с.

Шевцова А.А. Казахский народный орнамент: истоки и традиции. М.: Казахская диаспора, 2007. 239 с.

Agacanov S.G Oğuzlar. Istanbul: Selenge Yayınları, 2002. 454 p.

Cywa Katarzyna. Use of wood in the ancient cult of fire temple at Mele Hairam (South-Western Turkmenistan), based on preliminary charcoal analysis // SAGVNTVM Extra, 2011. P. 151–152.

Dospanov O. Interactive and Chronological Museum Practices: The Case of the Igor Savitsky State Museum of Arts of Karakalpakstan // Journal of International Museum Education. 2025. Vol. 7. No. 1, 174–178. https://dergipark.org.tr/en/pub/jimuseumed).

Ersay Yüksel Ayşe. Tebriz Azerbaycan Müzesi'ndeki koç-koyun başli mezar taşlari // International Journal of Social and Humanities Sciences Research (JSHSR). Cilt 10 Sayı 94 (2023). S. 843–857.

Fischler Albert. Philosophical Heritage of the Turkic Peoples. Sacred Animals in the Life of Turkic World, in Kazakhstan and Kyrgyrzstan // Journal of Philosophy, Culture and Political Science. 2018. No 4 (66). P. 131–135.

Gurisik Selcuk Halil MA. The Paradox and Contradictions in Cultural Value and Exchange Worth of Anatolian Hand-crafted Wool Felted Textiles: A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements of The University of the Arts London for the Degree of Doctor of Philosophy. 2006. 327 p.

Ibrahimov T. I. Sculptural Arts of Caucasian Albania. Baku: Ecoprint, 2019. 102 p.

Irwin Robert. Islamic art in context: art, architecture and the literary world. New York, Henry N. Abrams Inc., 1997. 272 p.

Kartaeva Tattigül., Yerdan Oralbay. Ethnoarchaeological Approach to the Cult of Ram in Traditional Kazakh Culture // Belleten Aralık. 2020. Cilt 84, Sayı 301. P. 907–958.

Kasieva A. Symbolic Analysis and Classification of Kyrgyz Patterns and Ornaments // Turkish Studies. International Periodical for The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Vol. 10/4. Winter 2015. P. 637–658.

Kaya Özlem, Bayraktar Zülfikar. Function and Meaning in the Costumes of Altai and Siberian Shamans // Folklor/edebiyat – folklore&literature. 2025. Vol. 31(1). Issue 21, winter.

Khazbulatov A.R., Ibragimov A.I. Ornament as a language of culture: tradition and modernity // Pedagogics and Psychology. № 3(48), 2021. P. 265–276.

Kurbanova Z. Karakalpak Ornamental Art // Uzbekistan Airways. 2023. Vol. 3 (116), winter, C. 92–97.

Sapashev O., Samashev S., Abilbekuly A. Turkic Symbols and Images of Totemic Animals: From a Semiotic Perspective // Қазақстан археологиясы. 2024. No 4 (26) P. 359–367.

Shoraev B.K., Sultanzhanov Zh.K. A Review of Written Sources About Oguz Citiesin Kazakhstan's Section of the Great Silk Road // Bulletin of history. 2021. No 2 (101). P. 34–42.

Suraganov S.K. The leading ornamental motif koshkar muyiz in Kazakh ornamentation: in search of the primordial // Turkic Studies Journal. 2021. Vol. 3. No 2. P. 99–110.

Информация об авторах:

Назаров Агабек Женисбекулы, PhD докторант 3-го курса кафедры «Декоративно-прикладное искусство» Казахской Национальной Академии искусств имени Темирбека Жургенова, магистр искусствоведческих наук (Алматы, Казахстан); diz_agabek@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7925-9266

Искандерова Айсулу Джапбарбергеновна, кандидат исторических наук. Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова; Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Самарканд, Нукус); aysulu.iskander@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7164-2914

Халыков Кабыл, профессор кафедры сценографии, Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова, факультет театрального искусства (Алматы, Казахстан); kabylkh@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2515-6752

REFERENCES

Abdullaev, K. 2009. *Kul't khaomy v drevney Tsentral'noy Azii (The Cult of Khaoma in Ancient Central Asia).* Samarkand: International Institutefor Central Asian Studies (in Russian).

Avizhanskaya, S. A., Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G. 1964. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo bashkir (Decorative and applied art of the Bashkirs).* Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Branch, Institute of History, Language, and Literature (in Russian).

Allamuratov, A. 1977. *Karakalpakskaya narodnaya vyshivka (Karakalpak traditional embroidery).* Nukus: "Karakalpakstan" Publ. (in Russian).

Allamuratov, A. 2019. *Karakalpakskoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo. Voprosy khudozhestvennogo svoeobraziia (Karakalpak decorative and applied art. Issues of artistic originality)*. Series:

Arkhivnye materialy Tsentralnoi Azii (Archival materials of Central Asia) 6. Samarkand: IICAS (in Russian).

Al'-Istakhri. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* (*Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan*) 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 167–180 (in Russian).

Al'-Makdisi. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* (*Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan*) 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 184–208 (in Russian).

Al'-Makdisi. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* (*Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan*) 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 166–167 (in Russian).

Amirgalina, G. T. 2014. In Arzhantseva, I. A., Tazhekeev, A. A. (comp.). *Kompleksnye issledovaniia gorodishcha Dzhankent (raboty 2011–2014 gg.) (Comprehensive research of the Jankent settlement (excavatins 2011–2014)).* Almaty: "Arys" Publ., 188–240 (in Russian)

Arzhantseva, I. A. 2016. *Khorezm. Istoriia otkrytii i issledovanii. Etnograficheskii al'bom (Khorezm. History of Discoveries and Studies. Ethnographic Album).* Ul'ianovsk: "Artishok" Publ. (in Russian).

Arzhantseva, I. A., Bolelov, S. B., Tazhekeev, A. A. 2018. *Istoriya issledovanij Khorezmskoj ehkspeditsii na zemlyakh Syra (History of the Khwarazm expedition research in the lands of the Syr Darya)*. Moscow: "Oleabuk" Publ. (in Russian).

Arzhantseva, I. A., Ruzanova, S. A. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiia i paleoantropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: "Taus" Publ., 394–410 (in Russian).

Akhatov, G. A., Smagulov, T. N. 2009. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh po Gosudarstvennoi programme «Kulturnoe nasledie v 2008 godu (Report on archaeological research as a part of the state program "Cultural heritage in 2008).* Almaty, 212–215 (in Russian).

Baipakov, K. M. 1980. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological Studies of Ancient and Medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 32–45 (in Russian).

Baipakov, K. M. 1986. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazahstana i Semirech'ya (VI – nachalo XIII) (Medieval urban culture of South Kazakhstan and Semirechye (VI – beginning of XIII)).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Baipakov, K. M. 1998. *Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti (Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).

Baipakov, K. M., Avizova, A.K. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 155–167 (in Russian).

Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1990. *Keramika srednevekovogo Otrara. Al'bom (Medieval Otrar ceramics. Album)*. Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).

Baipakov, K. M., Kurmankulov, Zh. 2011. In Eleuov, M., Zhetibaev, Zh. (eds.).*Qazaqstan Respublikasy Qyzylorda oblysynyn tarikhi-ma'deni eskertkishternin zhinag'y: Qyzylorda oblysy (Collection of historical and cultural monuments of the Kyzylorda region of the Republic of Kazakhstan: Kyzylorda region)*. Almaty:" Aruna" Publ., 9–44 (in Kazakh).

Bakieva, O. A. 2015. In *Pedagogika iskusstva (Art pedagogy)* 4, 108–114 (in Russian).

Barinova, E. B. 2018. In *Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya Istoriya (RUDN Journal of World History. Universal History Series)* 10 (3), 261–269 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1964. *Raboty po otdel'nym problemam istorii Srednej Azii (Works on specific issues of the history of Central Asia)*. Vol. 2. Part 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khavanskiy, A. I., Bisembaev, A. A., Duysengali, M. N., Bairov, N. M., Amelin, V. A., Bidagulov, N. T. 2018. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya – 2018. Dukhovnaya modernizatsiya i arkheologicheskoe nasledie (19–20 aprelya 2018 goda) (Margulan Readings – 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage (April 19–20, 2018))*. Almaty-Aktobe: ZHK "S. T. Zhanədílov Tipografy" Publ., 188–193 (in Russian).

Bilalov, S. U., Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T., Sultanzhanov, Zh. Q. Amirgalina, G. T., Qurmaniyazov, I. S., Nazarov, A. Zh. 2021. In Baitanaev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniia-2021: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Velikaia step v kontekste etnokulturnykh issledovanii» posviashchennoi 30-letiiu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 30 letiiu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (g.Almaty, 26–27 oktiabria 2021 g.) (Margulan readings–2021: proceedings of the International scientific and practical conference "The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research", dedicated to the 30th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 30th anniversary of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute (Almaty, October 26–27, 2021))*. **Vol. 2. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 138–153 (in Russian).**

Bimendiev, A. Sh. 2016. *Otan tarikhy (History of the homeland)* (2), 12–36 (in Russian).

Bogoslovskaya, I. V. 2009. In *Sanat (Art)*. (2). Available at**:** https://sanat.orexca.com/2009-rus/2009-2-2/irina_bogoslovskaya (Accessed: 08.04.2026) (in Russian).

Bogoslovskaya, I. B. 2019. *Karakalpakskij ornament: obraz i smysl (Karakalpak ornament: image and meaning)*. Almaty: IICAS (in Russian).

Brykina, G. A. 1982. *Iugo-Zapadnaia Fergana v pervoi polovine I tys. nashei ery (Southwestern Fergana in the first half of the I millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vainberg, B. I. 1977. *Monety drevnego Khorezma (Coins of Ancient Khwarezm)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kul'tura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: po materialam Uigaraka (Culture of the Saka Tribes of the Lower reaches of the Syr Darya in the 7th – 5th cc. B.C.: Based on Materials from Uigarak)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 8. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Voyakin, D. A. 2017. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Qazaqstannyң kieli oryndarynyң geografiiasy. Tabiғat, arkheologiia, etnografiia zhəne səulet өneri nysandarynyң tizilimi (Geography of sacred places of Kazakhstan. Register of objects of nature, archaeology, ethnography and architecture)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 504–507 (in Kazakh).

Gardizi. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* (*Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan*) 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 227–233 (in Russian).

2024. *Goroda oguzov Priaral'ya v istorii kul'tury tyurkov (raskopki gorodishha Zhankent) (Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po itogam 2023 goda) ((Oghuz cities of the Aral Sea region in the history of Turkic culture (excavations of the Jankent settlement) (Report on 2023 research work)*. 2024. Astana: The Turkic Academy (in Russian).

Gorshunova, O. V., Aref'eva, K. I. 2020. In *Byulleten' Mezhdunarodnogo tsentra "Iskusstvo i obrazovanie" (Bulletin of the international centre of art and education)* 4, 1–35 (in Russian).

Grigor'ev, G. V. 1940. *Kaunchitepa (raskopki 1935 g.) ((1935 excavation works at the Kaunchitepa site)*. Tashkent: “UzFan” Publ. (in Russian).

Davlatova, S. 2017. In *Euroasia Journal of Social Sciences & Humanities* (4), 21–34 (in Russian).

Darmenov, R. T., Tazhekeev, A. A. 2018. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 4 (17), 109–122 (in Russian).

Dospanov O.T. 2025. In Maksudov, F. A. (ed.). *O‘zbekiston arxeologiyasi muammolari (Issues of the archaeology of Uzbekistan).* Tashkent: Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 292–296 (in Russian).

Erekesheva, L. G. 2021. In *Novye issledovaniia Tuvy (The New Research of Tuva) 1, 6–29 (in Russian).*

Zhdanko, T. A. 1959. In Zhdanko, T. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po etnografii karakalpakov (Materials and research in the ethnography of the Karakalpaks).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 383–423 (in Russian).

Bogoslovskaya, I. V. (comp.). 2021. *U morya barkhanov, na zemle takyrov: sbornik vospominanij o T.A. Zhdanko (At the sea of sand dunes and on the land of takyrs: a collection of memoirs about T.A. Zhdanko).* Tashkent: “San’at” Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2013. In *Izvestiia Natsional’noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* 3, 100–109 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2019. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 87–100 (in Russian).

Ibn Khaukal'. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* (*Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan*) 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 181–183 (in Russian).

Ilimbetova, A.F. 2023. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 12 (1), 230–234 (in Russian).

Kabanov, A. V. 1981. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 4, 30–35 (in Russian).

Karmysheva, B. 1955. In Kislyakov, N.A. (ed.). *Istoriia i etnografiia (History and ethnography).* Series: Soobshcheniia Respublikanskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia (Reports of the Republican Museum of History and Local Studies). Stalinabad: Republican Museum of Local Lore of the Tajik SSR, 121–160 (in Russian).

Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii? Material'naia kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev (Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of Andronovo Communion and the Origin of the Indo-Iranians).* Moscow: “VINITI” Publ. (in Russian).

Kulsarieva, A., Sultanova, M., Shajgozova, Zh. 2018. In *Nomadyzm i nomadologia.* Przegląd Wschodnioeuropejski IX/2, 231–240 (in Russian).

Kurmankulov, Zh. K., Arzhantseva, I. A., Zilivinskaya, Eh. D., Ruzanova, S. A., Sydykova, Zh. T. 2007. *Materialy Dzhankentskoj arkheologicheskoi ehkspeditsii Kyzylordinskoj gosudarstvennyj universitet im. Korkyt Ata (Materials of the Jankent expedition of the Korkyt Ata Kyzylorda State University).* Kyzylorda: Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences; A.Kh. Margulan Institute of Archaeology Publ., 124 (in Russian).

Kurmankulov, Zh., Bolelov, S. B., Utubayev, Zh. R. 2021. *Drevnie zemledel'tsy nizov'ev Syrdar'i (Ancient farmers of the lower reaches of the Syrdarya).* Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).

Kuchukova, D.A. 2013. In *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Tyumen State University)* 2, 21–26 (in Russian).

Levina, L. M. 1971. *Keramika Nizhnei i Srednei Syrdar'i v I tysiacheletii n. e. (Ceramics from Lower and Middle Syrdarya in 1st Millennium A.D.)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 7. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priaral'ia. I tysiacheletie do n.e. – I tysiacheletie n.e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region of I Millennium BC – I Millennium AD)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).

Litvinskyi, B. A. 1968. *Kangyujsko-sarmatskij farn (k istoriko-kul'turnym svyazyam plemen yuzhnoj Rossii i Srednej Azii) (Kangju-Sarmatian farr (on the historical and cultural ties of the tribes of southern Russia and Central Asia).* Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).

Lichman, E.Yu. *Znaki – simvoly traditsionnogo kazakhskogo iskusstva (Signs are symbols of traditional Kazakh art).* URL: http://econf.rae.ru/article/7500 (Available at**:** 06.11.2025) (in Russian).

Madurov, D. F. 2004. Traditsionnoe dekorativnoe iskusstvo i prazdniki chuvashei *(Traditional decorative art and festivities of the Chuvash people).* Cheboksary: "Chuvash. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1998. *Begazy-dandybaevskaya kul'tura tsentral'nogo Kazakhstana (The Begazy-Dandybai Culture of Central Kazakhstan).* Sochineniya. Vol. 1. Almaty: Atamura Publ., 400 (in Russian).

Martsenyuk, T. *Kazakhskij ornament: znachenie dlya naroda i samye znakovye simvoly (Kazakh Ornamentation: Its Significance for the People and the Most Famous Symbols)* https://www.nur.kz/family/school/1551418-kazakhskiy-ornament-ego-znachenie/ (date of request: 26 maya 2023 (in Russian).

Mordovskij narodnyj kostyum (Mordovian folk costume). Sost. T.P. Prokina, M.I. Surina. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990, 384 (in Russian).

Mukanov M.S. *Kazakhskie domashnie khudozhestvennye remesla (Traditional Kazakh domestic handicrafts).* Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1979, 120 (in Russian).

Murataev, Q.Q. 2013. *Khalyqtyq zha'ne qoldanbaly-sa'ndik o'ner (Folk and applied arts).* Qazaq o'neri 5 tomdyq. Vol. II. Al'bom. Almaty: Elnur Publ, 176 (in Kazakh).

Nil'sen, V.A. 1959. *Kyzyl-kyr.* In *IMKU (History of material culture of Uzbekistan).* V.A. Shishkin (otv. red.). Issue 1. Tashkent, AN Uzb.SSR Publ., 60–79 (in Russian).

Pugachenkova, G.A. *Ochazhnye podstavki iz Bulakbashi (k ideologii drevnego skotovodcheskogo naseleniya Samarkandskogo Sogda) (Hearth Stands from Bulakbashi (to the ideology of the ancient pastoral population of Samarkand Sogd).* In *Obshhestvennye nauki v Uzbekistane (Social sciences in Uzbekistan).* 1986. №5. S. 34–37 (in Russian).

Ryndina O.M. *Ornament (Ornamentation).* In *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoj Sibiri (Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia)*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 1995, 640 (in Russian).

Sajpov S. *Ornamentatsiya nepolivnoj keramiki Khorezma v zolotoordynskij period (Ornamentation of unglazed Khorezm ceramics during the Golden Horde period).* In *IMKU (History of the material culture of Uzbekistan).* Issue 41. Samarkand, 2021, 207–216 (in Russian).

Samashev, Z., Tsehvehehndorzh, D., Ongaruly, A., Chotbaev, A. 2016. *Ezhelgi turikterdin' shiveheht ulaan g'uryptyq kesheni (The Shiveet Ulan ritual complex of the ancient Turks).* Astana: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Kazakh).

Smagulov, E.A. 1992. In Mar'yashev, A. N. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane.* Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov *(Archaeological research in Kazakhstan).* Alma-Ata, 34–43 (in Russian).

Smagulov, E. A. 2004. In *Izvestiia MON RK, NAN RK. Seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)* 1, 90–108 (in Russian).

Snesarev, G. P. 1969. *Relikty domusul'manskikh verovaniy i obryadov u uzbekov Khorezma (Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khwarazm).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tazhekeev, A. A., Sultanzhanov, Zh. K., Qurmaniyazov, Y. S., Bejsembaeva, L. S. 2022. In *Marg'ulan oqulary 2022: khalyqaralyq g'ylymi-ta'zhirbielik konferentsiya materialdary (Almaty q. 12-13 sa'uir 2022 zh.) (Margulan Readings 2022: materials of the international scientific and practical conference).* Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 411–418 (in Kazakh).

Tolstov, S. P. 1947. *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 55–102 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia (Ancient Khwarezm. Experience of Historical and Archaeological Research).* Moscow: Moscow State University (in Russian).

Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Iaksarta (Alongside Ancient Deltas of the Oxus and the Jaxartes)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Tulumbaev, V. Z., Khalilova, A. D., Khabibullina, Z. A. 2017. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia (The world of Science, Culture, Education)* 66 (5), 315–318 (in Russian).

Khalikov, A.Kh. 1978. *Proiskhozhdenie tatar Povolzh'ya i Priural'ya (The Origin of the Tatar Volga and Ural Regions).* Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 160 (in Russian).

Shaigozova, A., Nauryzbaeva, Sh. 2003. *Ornament v traditsionnoi kulture Kazakhstana (Ornament in the traditional culture of Kazakhstan).* Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).

Shevtsova, A. A. 2007. *Kazakhskii narodnyi ornament: istoki i traditsii (Kazakh folk ornament: origins and traditions).* Moscow: "Kazakhskaya diaspora" Publ. (in Russian).

Agacanov, S. G. 2002. *Oğuzlar*. Istanbul: Selenge Yayınları (in Turkish).

Cywa, Katarzyna. 2011. In *Sagvntvm Extra,* 151–152.

Dospanov O. 2025. In *Journal of International Museum Education.* Vol. 7, No. 1, 174–178. https://dergipark.org.tr/en/pub/jimuseumed)

Ersay, Yüksel Ayşe. 2023. In *International Journal of Social and Humanities Sciences Research (JSHSR).* Cilt 10, Sayı 94, 843–857 (in Turkish).

Fischler, Albert. 2018. In *Journal of Philosophy, Culture and Political Science* 66 (4), 131–135.

Gurisik, Selcuk Halil MA. 2006. *The Paradox and Contradictions in Cultural Value and Exchange Worth of Anatolian Hand-crafted Wool Felted Textiles*: A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements of The University of the Arts London for the Degree of Doctor of Philosophy.

Ibrahimov, T. I. 2019. *Sculptural Arts of Caucasian Albania*. Baku: Ecoprint, 102.

Irwin, Robert. 1997. *Islamic art in context: art, architecture and the literary world*. New York: Henry N. Abrams Inc.

Kartaeva, T., Yerdan, O. 2020. In *Belleten Aralık,* vol. 84, issue 301. 907–958.

Kasieva, A. 2015. In *Turkish Studies. International Periodical for The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic* vol. 10/4, winter, 637–658.

Kaya, Özlem, Bayraktar, Zülfikar. 2025. In *Folklor/edebiyat – folklore&literature* vol. 31(1), issue 121 Winter.

Khazbulatov, A.R., Ibragimov A.I. 2021. In *Pedagogics and Psychology*. 3 (48), 265–276.

Kurbanova, Z. 2023. *Karakalpak Ornamental Art*. In Uzbekistan Airways 03 (116), winter, 92–97.

Sapashev, O., Samashev, S., Abilbekuly, A. 2024. In *Kazakstan arkheologiiasy (Archaeology of Kazakhstan)* 4 (26), 359–367.

Shoraev, B. K., Sultanzhanov, Zh. K. 2021. In *Bulletin of history* 2 (101), 34–42.

Suraganov S.K. 2021. In *Turkic Studies Journal.* Vol. 3, no 2, 99–110.

About the Authors:

Nazarov Agabek. 3 st year PhD Student of «Decorative Art» Department, Masters of Arts, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan); diz_agabek@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7925-9266

Iskanderova Aysulu, PhD in History. Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov; Karakalpak Research Institute of Humanities, Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Samarkand, Nukus); aysulu.iskander@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7164-2914

Khalykov Kabyl, Professor Of The Department Of Scenography. Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy Of Arts, Faculty Of Theatre Art, Panfilov Str. 127, Almaty, 050000 Kazakhstan; kabylkh@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2515-6752

Статья поступила в журнал 12.11.2025 г.
Статья принята к публикации 20.05.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.260.271

«ЗДАНИЕ №1» ДВОРЦА ТЕРМЕЗШАХОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2023 Г.)[1]

©2026 г. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков, Ш.Б. Шайдуллаев, В.Г. Бездудный, Г.Х. Зарипова, Т.Дж. Аннаев, Н.М. Икромов

Статья представляет предварительные результаты археологических и геофизических исследований 2023 г., проведенных на объекте «Здание №1» в составе археологического комплекса «Дворец термезшахов» (городище Старый Термез, Республика Узбекистан). Целью работ являлась атрибуция данного сооружения, конструктивные особенности которого оставались невыясненными с 1930-х годов. В ходе раскопок была вскрыта монолитная сырцовая конструкция, возведенная методом горизонтальной накладки слоев глиняной массы. Полученный стратиграфический разрез и единичные находки керамики позволяют предварительно синхронизировать «Здание №1» с основным периодом функционирования дворцового комплекса (XI–XII вв.), что уточняет раннюю датировку, предложенную М.Е. Массоном. Результаты магнитометрической съемки выявили ряд аномалий, интерпретация которых требует дальнейших изысканий. Поднимается вопрос о возможном первоначальном назначении объекта, морфологически сходного с буддийскими культовыми сооружениями региона.

Ключевые слова: археология, Старый Термез, «Дворец термезшахов», археология, сырцовая архитектура, геофизические исследования, магнитометрия, Средневековье, Центральная Азия.

"BUILDING NO. 1" OF THE PALACE OF TERMEZSHAHS (FOLLOWING THE RESULTS OF FIELDWORK IN 2023)[2]

R.R. Valiev, A.G. Sitdikov, Sh.B. Shaidullaev, V.G. Bezdudny, G.Kh. Zaripova, T.J. Annaev, N.M. Ikromov

The paper presents the preliminary results of archaeological and geophysical studies conducted in 2023 at the site "Building No. 1" of the archaeological assemblage "Palace of Termezshahs" (Old Termez settlement, Uzbekistan). The aim of the research was to identify this structure, the design features of which have remained unclear since the 1930s. During the excavations, a monolithic mud structure was discovered, constructed using horizontally layered clay masses. The obtained stratigraphic section and solitary finds of pottery allow the authors tentatively synchronize the "Building No. 1" with the main period of the palace assemblage functioning (XI–XII centuries), which clarifies the early dating proposed by M.E. Masson. The results of a magnetometric survey revealed a number of anomalies, the interpretation of which requires further investigation. The question of the possible initial purpose of an object morphologically similar to Buddhist religious buildings in the region, is being raised.

Keywords: archaeology, Old Termez, "Palace of Termezshahs", clay-made architecture, geophysical studies, magnetometry, Middle Ages, Central Asia.

Городище Старый Термез, представляющий собой многослойный археологический комплекс, включающий в себя несколько городищ и другие археологические и архитектурные объекты различных исторических эпох, таких как, Чингиз-тепе, Кара-тепе, мавзолей Хакима ат-Термези, шахристан и другие археологизированные объекты, объединенные общими фортификационными сооружениями, находится на расстоянии около 8 км к северо-западу от центра современного г. Термеза (рис. 1). История города и его археологическое изучение до 1940 г. подробно изложено М.Е. Массоном, руководившем Термезской комплексной археологической экспедицией в 1936-1937 гг. (Массон, 1941,

[0] Исследование выполнено в рамках региональной программы Республики Татарстан «История и культура народов Степной Евразии».

[2] This study was conducted as a part of the programme of the Republic of Tatarstan "History and culture of the peoples of Steppe Eurasia".

Рис. 1. Схематический план г. Термез с указанием городища Старый Термез.
Fig. 1. Sketch-map of the city of Termez with an indication of the Old Termez settlement.

с. 5-34). Историю и различные аспекты существования Термеза, археологическое изучение отдельных памятников во второй половине XX в. можно проследить по немногочисленным публикациям (Аршавская и др., 1982; Буддийские памятники…, 1982; Козловский, Шейко, 1989; Термез. Древний и новый город …, 2001; Общественные науки в Узбекистане, 2002 и др.). Настоящая статья фокусируется на результатах полевых исследований 2023 г., объектом которых выступило «Здание №1» в составе так называемого «Дворца термезшахов» – архитектурного ансамбля, предварительно изученного в 1920-х – 1930-х годах.

Архитектурный ансамбль, условно именуемый «Дворец термезшахов», находится в восточной части городища Старый Термез, и располагается на расстоянии 6,7 км к северо-западу от здания администрации г. Термеза и в 3,4 км к востоку северо-востоку от мавзолея Хакима ат-Термези. Он представляет собой руины комплекса зданий, сохранившихся в виде трех холмов. Рекогносцировочные работы на центральном холме комплекса были проведены в 1927-1928 гг. экспедицией Московского музея восточных культур под руководством Б.П. Денике (Денике, 1928а; Засыпкин Б.Н., 1928, с. 24–28; Веймарн Б., 1934). В ходе этих работ был составлен общий план сооружения, высказано предположение о его дворцовом характере и предложена датировка в пределах XI–XII вв. (Денике, 1928б; 1939, с. 46–54).

При обследовании и глазомерной съемке план-схемы данного участка в сентябре 1927 г. В.А. Вяткиным и Б.П. Денике зафиксированы остатки глинобитных стен, образующих неправильный четырехугольник, внутри которого располагались руины выше обозначенного ансамбля зданий (рис. 2). При этом, южная стена данного укрепления авторами выделена лишь гипотетически, отмечается, что она «почти не сохранилась» (Засыпкин Б.Н., 1928, с. 25). Топографический план с

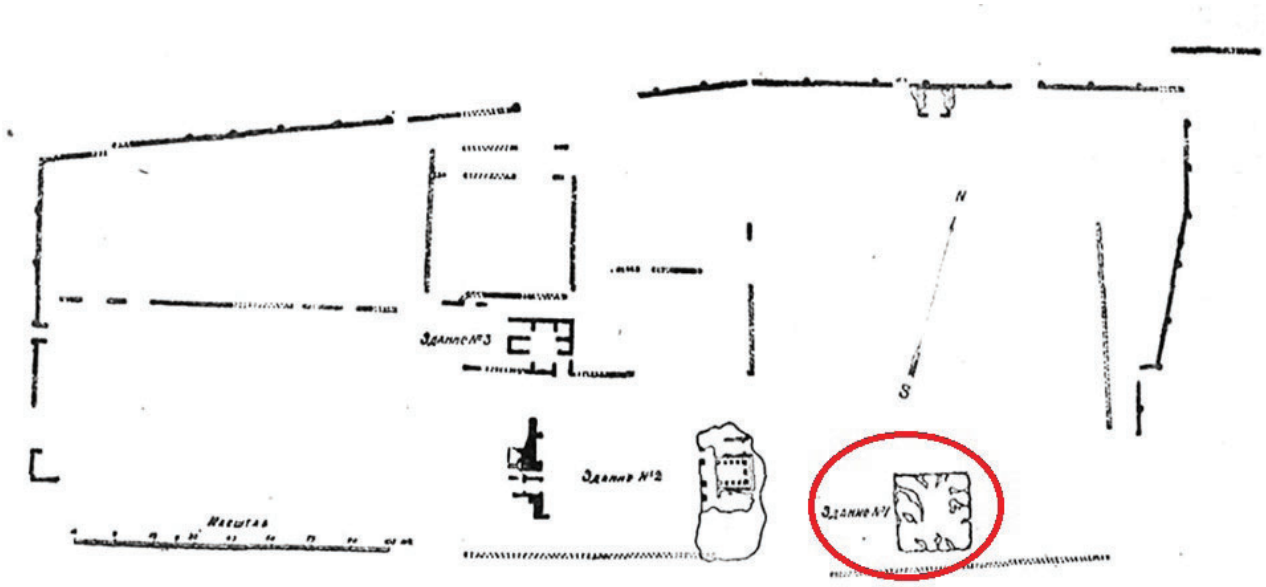

Рис. 2. Общий план территории ансамбля зданий археологического объекта «Дворец термезшахов» с указанием места проведения раскопок 2023 г. (по: Массон, 1940, с. 39, рис. 10).

Fig. 2. General plan of the assemblage of buildings of the archaeological site "Palace of Termezshahs" area with an indication of the excavation site in 2023 (according to: Masson, 1940, p. 39, fig. 10).

изолиниями был составлен только в отношении цитадели и территории до первой линии городских укреплений (Массон, 1941, с. 30).

Следующий этап исследований «Дворца термезшахов» связано с работой Термезской археологической комплексной экспедиции, которая под руководством М.Е. Массона провела раскопки на памятнике в 1936-1937 гг. Руинированные постройки данного ансамбля, составляющие отдельные объекты, были пронумерованы с востока на запад. Работа экспедиции была сосредоточена на центральном холме, предварительно обозначенное как «Здание №2», рекогносцировочное исследование которого осуществлялось еще в 1927-1928 гг. Здесь раскопаны богато орнаментированные тронный зал (аудиенц-зал), примыкающий к нему с запада двор с айваном, по центру которого располагался бассейн, а также прочие архитектурные объекты. Сооружения были сложены из сырцового кирпича (иногда с частичным применением обожженного кирпича) и декоративно облицованные обожженными кирпичами, алебастровой штукатуркой и резным панно, цветной росписью и т.д. Исследователям удалось проследить несколько горизонтов, связанных со строительством и ремонтом здания, отразившихся в применении облицовочного материала. По мнению М.Е. Массона, комплекс сооружений «Здания №2» прекратило свое существование после монгольского нашествия, и с XIII в. обожженный кирпич зданий начал разбираться на строительный материал жителями средневекового Термеза (Массон, 1941, с. 40-50; Жуков, 1941, с. 169-196; 1945).

Сведений об археологических работах на восточном холме, обозначенном как «Здание №1», в научной литературе и архиве Института археологии РАН найти не удалось. Тем не менее, на восточном, южном и, вероятно, западном краю поверхности данного холма имеются углубления. Они вытянуты перпендикулярно краям холма, имеют ширину около 4 м и длину 6-12 м. Грунт по их контуру и на склонах рыхлый, что вызвано складированием перекопанных отложений, засыпкой и осыпанием его в углубление. Углубления напоминают присыпанные раскопы, судя по состоянию грунта, произведенных в 80-90-х гг. XX в. Кроме того, получены устные сведения о возможных раскопках, осуществленных на данном холме сотрудниками некоторых учреждений культуры Республики Узбекистан.

Работы 2023 г. были сконцентрированы на восточном холме, который на генеральном плане городища Старый Термез обозначен

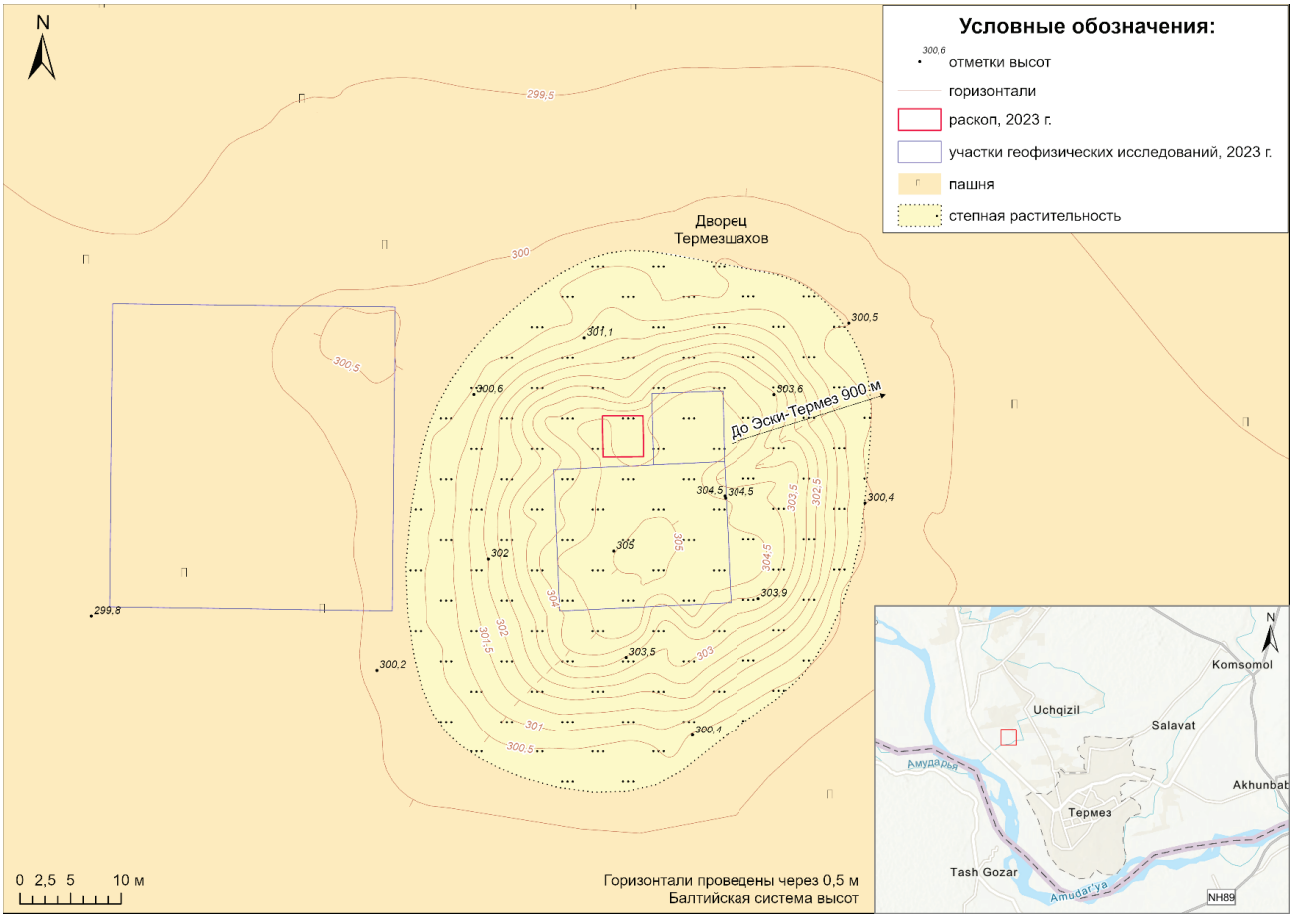

Рис. 3. Инструментальный топоплан восточного холма («здание №1») археологического объекта «Дворец термезшахов» с указанием раскопа I и участков геофизического исследования.
Fig. 3. Instrumental topographic plan of the eastern hill ("Building No. 1") of the archaeological site "Palace of Termezshahs" with an indication of dig I and geophysical research sector.

как «Здание №1». Здесь произведены археологические раскопки и осуществлены геофизические изыскания. Кроме того, частично расчищена осыпь западного холма, который является руинами двухэтажного здания.

«Здание №1» на сегодняшний день представляет собой курганообразный холм, квадратной формы, склонами ориентированный по сторонам света. Размеры у подошвы достигают 41х41 м, по верхней площадке составляют около 23х23 м. Склоны холма относительно крутые, лишь у юго-западного угла пологие. Поверхность покрыта пустынной растительностью (рис. 3). Во время производства раскопок соседнего центрального холма («здание №2»), В.Д. Жуков обследовал восточный холм («здание №1»), и интерпретировал его как «руины квадратного в плане сырцового здания» размером 29 х 28 м (Жуков, 1941, с.194). С наружной стороны стен здания он зафиксировал сырцовые кирпичи размером от 30 х 30 х 5 см до 35 х 35 х 7 см, а на ровной поверхности верхней площадки проследил «признаки помещений, сохранивших в целости купольные перекрытия», однако был раздосадован, что «завалившиеся входы этих помещений не дают возможности без производства специальных раскопок проникнуть внутрь их» (Жуков, 1941, с.194). Он, сравнивая «здание №1» с известным архитектурным памятником «Кырк-Кыз», предполагал наличие четырех проходных проемов, и по находкам сырцовых кирпичей и керамики датировал здание IV–VII вв., допуская его использование в качестве пристанища для бедноты вплоть до XVI в. (Жуков, 1941, с.194). Вероятно, именно с поиском этих проемов связаны контуры оплывших раскопов в восточной, южной и западной склонах холма, осуществленных в недалеком прошлом.

В 2023 г., первоначально, на вершине в северной части холма («здание №1»), где

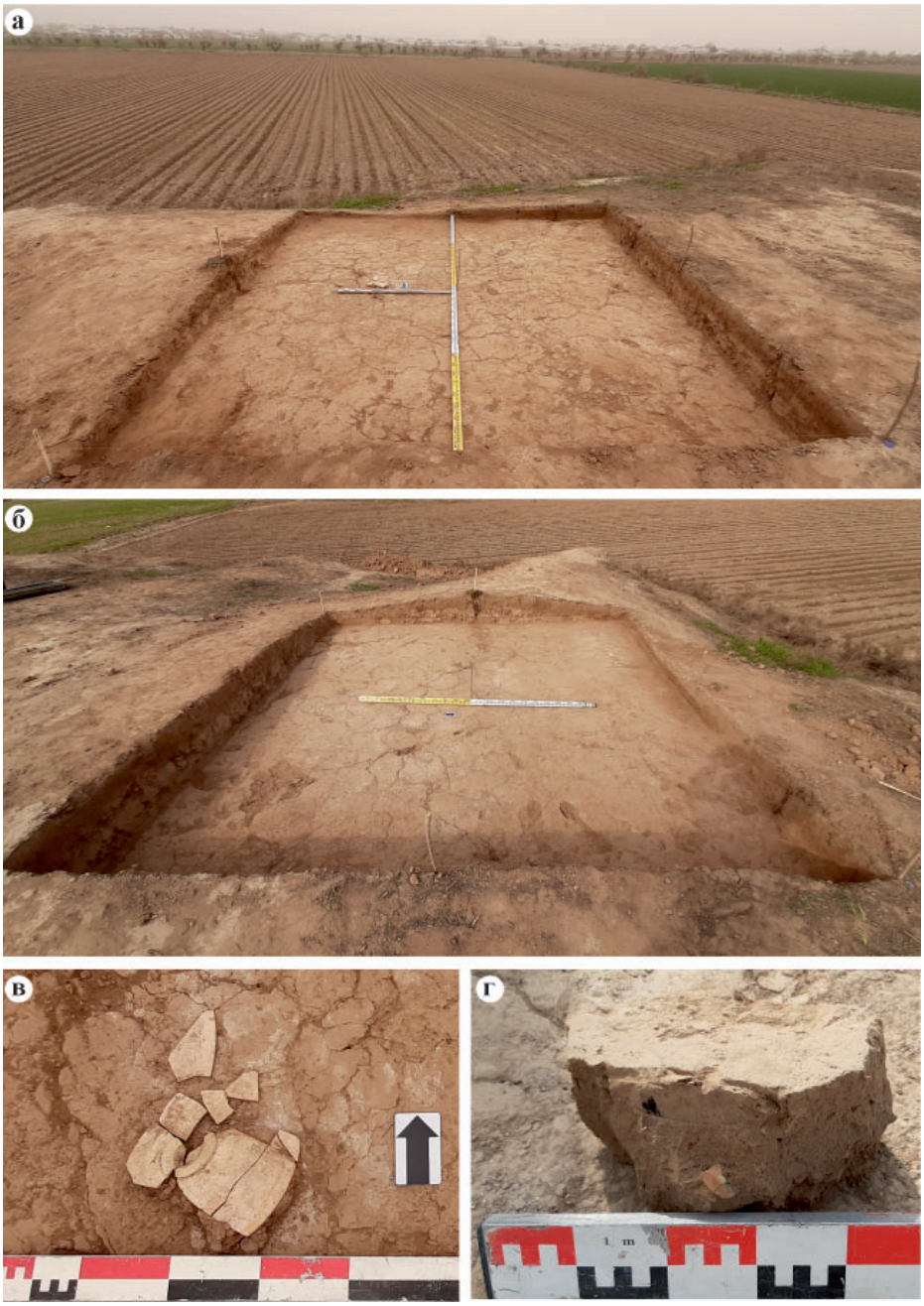

Рис. 4. «Дворец термезшахов», 2023 г. Общие виды раскопа I (*а* – на уровне поверхности 3-го ряда сырцовой выкладки (-40 см от 0); *б* – на уровне поверхности 4-го ряда сырцовой выкладки (-46/-54 см от 0) и находки в выкладке (*в* – развал поливной чаши «in situ» на поверхности 3-го ряда сырцовой выкладки; *г* – фрагмент поливной керамики в 5-ом слое сырцовой выкладки).

Fig. 4. "Palace of Termezshahs", 2023. General views of excavation I (*а* – at the surface level of the 3rd row of the clay-made object (-40 cm from 0); *б* – at the surface level of the 4th row of the clay-made object (-46/-54 cm from 0) and finds in the object (*в* - broken glazed bowl "in situ" on the surface of the 3rd row of the clay-made object; *г* – a fragment of glazed pottery in the 5th layer of the clay-made object).

предполагалось обнаружение северной стены руинированного сооружения, заложен рекогносцировочный раскоп площадью 16 кв. м. Раскоп имел квадратную форму размерами 4 х 4 м, и бортами был ориентирован по сторонам света. Современная дневная поверхность раскопа была покрыта сухостоем верблюжьей колючки, и понижалась с юго-востока (нулевая отметка находилась в юго-восточном углу раскопа) на северо-запад и юго-запад в сторону склона холма до отметки -38 см и -29 см от 0.

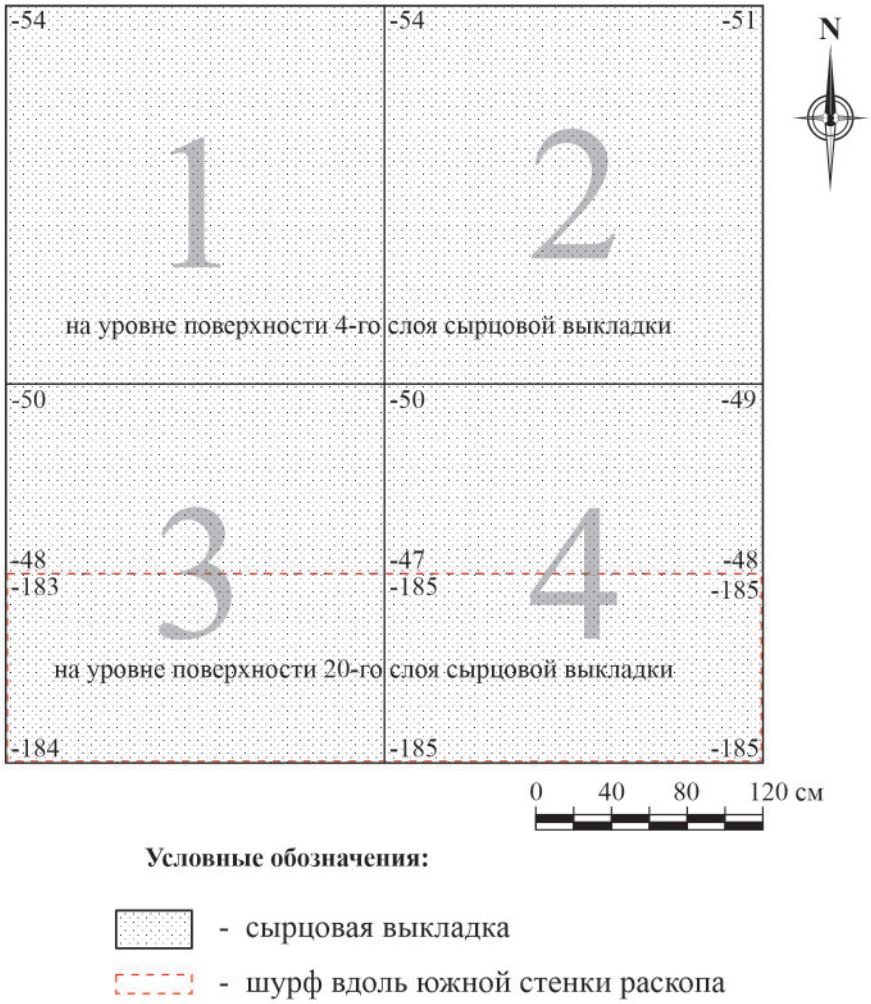

Рис. 5. «Дворец термезшахов», 2023 г. План раскопа I.
Fig. 5. "Palace of Termezshahs", 2023. Dig I plan.

Раскоп прокапывался по пластам 20 см, и уже в процессе прокопки 2-го пласта под слоем светло-коричневого рыхлого суглинка практически на всей площади раскопа проявилась сырцовая выкладка. Ее верхние 2 ряда были частично разрушены, вследствие чего были сняты до уровня 3-го пласта (рис. 4а-б). Прокопка осуществлялась до выявления на всей площади раскопа сырцовой выкладки, далее вдоль южной стенки раскопа она была прорезана шурфом шириной 1 м и длиной 4 м на глубину 185 см от 0 см (до уровня поверхности 20 слоя (ряда) сырцовой выкладки (рис. 5).

Стратиграфическая ситуация на раскопе выглядит следующим образом (рис. 6-8):

1) сверху на кв.1-2, которые располагались на краю холма, переходящих в склон, образовалась прослойка рыхлого песка с органикой, толщиной 1-5 см.

2) под ним на всей площади раскопа (кв.1-4) залегает светло-коричневый рыхлый суглинок, мощностью 6-46 см, образовавшийся в результате разрушения и размытия верхних слоев (рядов) сырцового сооружения;

Ниже на всей площади раскопа располагается монолитная конструкция, выложенная из уплотненной (утрамбованной) сырцовой массы (раствора) в несколько слоев в технике «ленточной пахсы». Данная конструкция сооружалась не заливкой жидкой глины и не выложена из отдельных кирпичей с или без связующего раствора, а представляла собой сплошную утрамбованную выкладку сырцовой массы горизонтальными слоями (рядами) по всей площади объекта. В процессе его частичного разбора удалось проследить 20 слоев (рядов) таких выкладок, каждая толщиной от 3-8 см до 15 см. Общая зафиксирован-

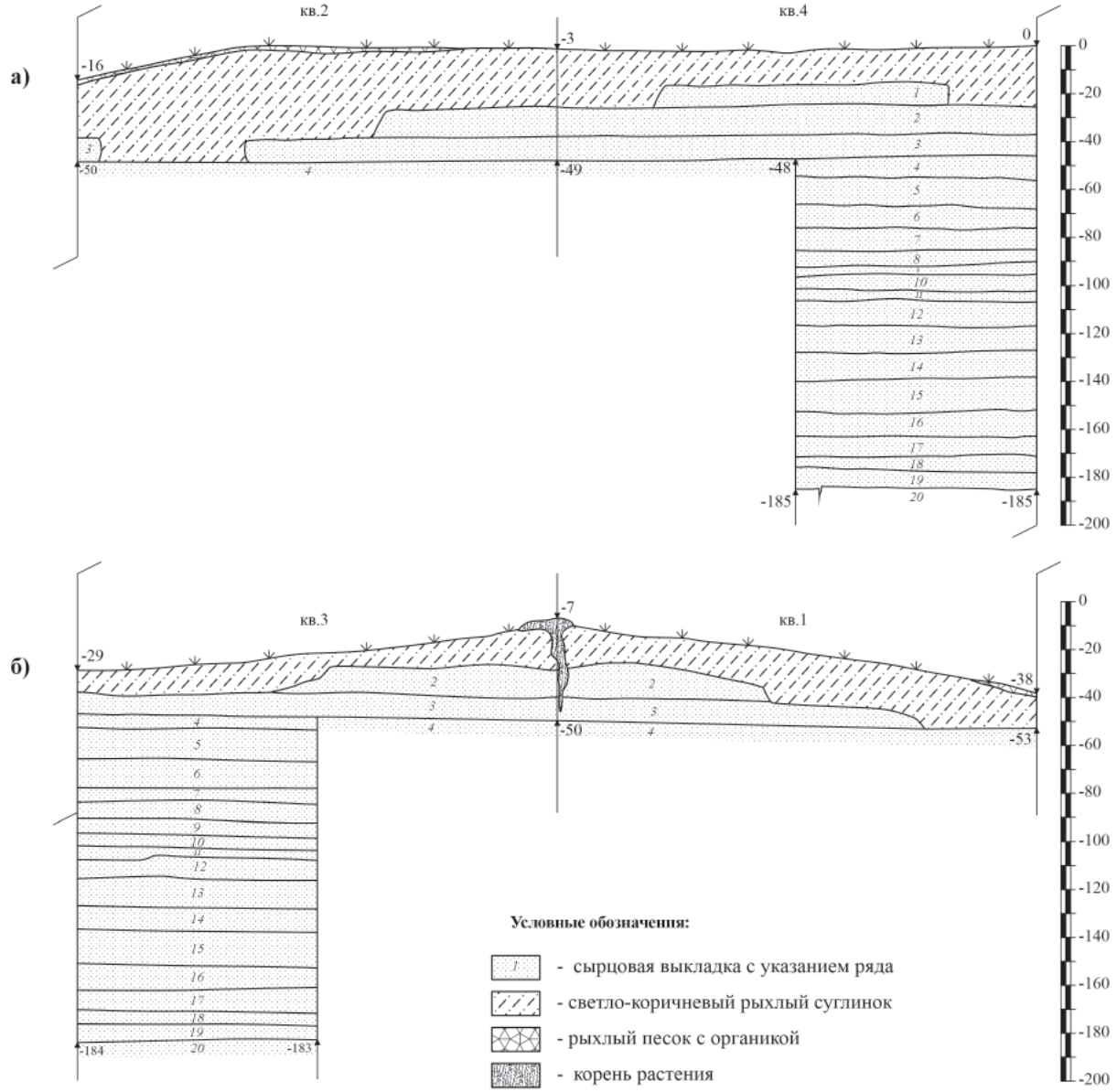

Рис. 6. «Дворец термезшахов», 2023 г. Профили раскопа I (*а* – восточная стенка; *б* – западная стенка).
Fig. 6. "Palace of Termezshahs", 2023. Dig I profiles (*а* – eastern wall; *б* – western wall).

ная высота выкладки 165 см (ряды глубже не разбирались). В научной литературе данное сооружение имеет условное название «здание №1». В «теле» сооружения, как в сырцовых рядах, так и между ними, встречены редкие мелкие находки круговой керамики коричневого и светло-желтоватого цвета, редко с поливой (рис. 4г) в том числе развал поливной чаши (рис. 4в), а также фрагменты стеклянных сосудов.

По мнению руководителя ТАКЭ М.Е. Массона, возникновение «здания №1» «допустимо отнести к последним векам до или первым векам после арабского завоевания» (Массон, 1941, с. 40). Однако, по археологическому материалу 2023 г., сооружение (или хотя бы его исследованная часть), вероятно является синхронным остальным объектам, и как весь ансамбль «дворец термезшахов», датируется XI–XII вв.

На вершине данного холма (участок 2 и 3) и на площадке к западу от его подошвы (участок 1) с целью выявления конструктивных особенностей «здания №1» и связанных с ним объектов проведены геофизические изыскания (магнитометрия) общей площадью 1 967 кв. м (рис. 8). Участок 2 размером 14 х 17 м примыкал к раскопу с юга, участок 3

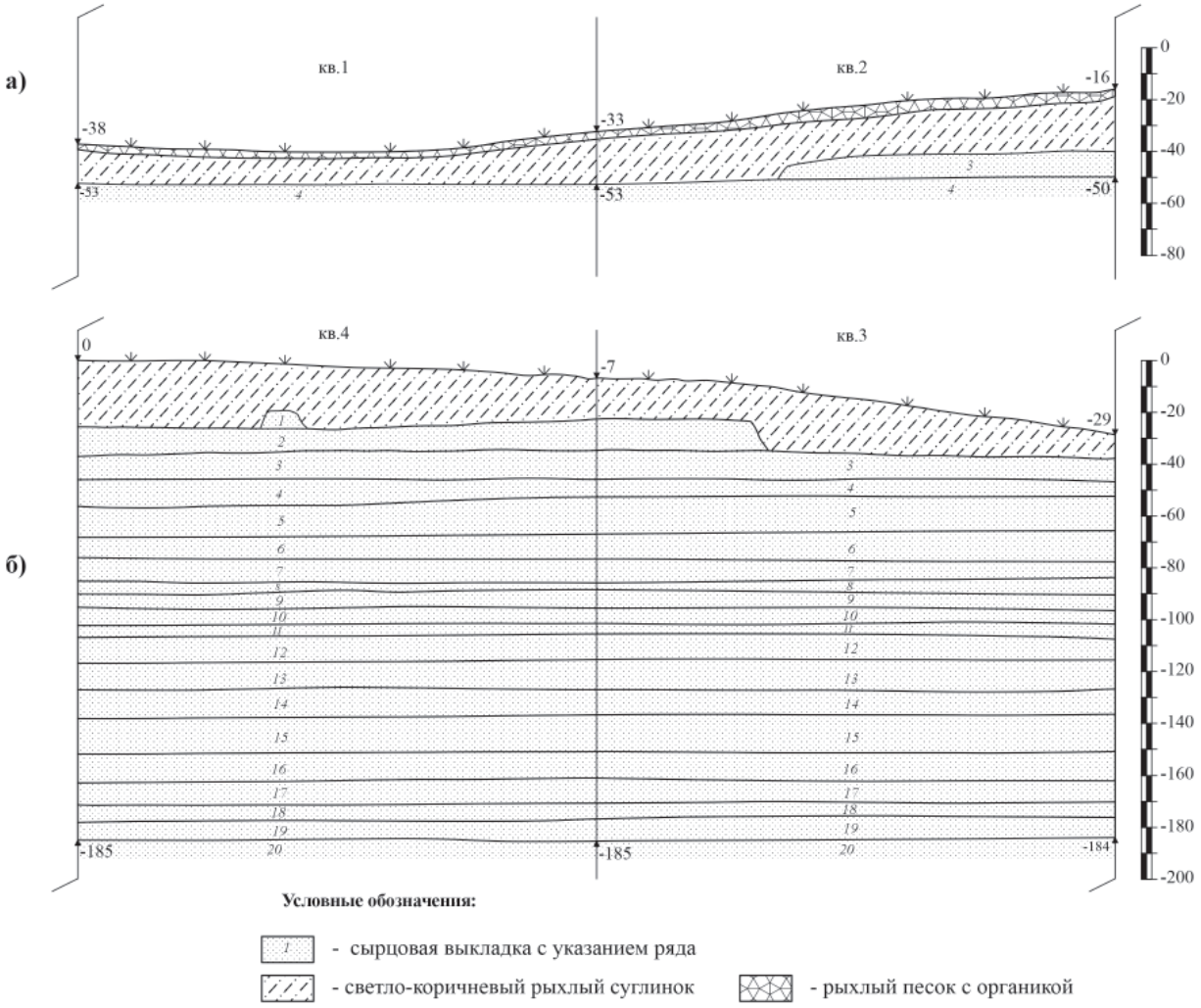

Рис. 7. «Дворец термезшахов», 2023 г. Профили раскопа I (*а* – северная стенка; *б* – южная стенка).
Fig. 7. "Palace of Termezshahs", 2023. Dig I profiles (*а* – northern wall; *б* – southern wall).

размером 7 х 7 м – с востока, и единой сеткой охватывали практически всю вершину холма («здания №1»). Участок 1 размером 30×28 м располагался на вспаханном поле к западу от подошвы холма, где на поверхности выделялись свежие борозды ирригации, в северо-восточном углу участка фиксировались скопления обломков обожжённых кирпичей.

Геофизические исследования производились с сетью профили проходов через 0,5 м, фиксация значений магнитного поля по профилю проводилась на расстоянии около 0,5 м. Съемка данных магнитного поля на участке 1 была произведена дважды, с разрывом по времени, для сравнения результата, с разной методикой измерений. На повторной съемке скорость движения датчиков магнитометра уменьшена при увеличении плотности измерений. Сравнение результатов двух съемок не выявило между ними существенных различий. В результате работ на участке 1, кроме скопления всплесков магнитного поля на месте кирпичей на поверхности, зафиксирована полоса измененного магнитного поля. Данная полоса шириной от 8 до 10 метров вытянута с юго-запада на северо-восток. На участке 3 – в центре площадки холма («здания №1») зафиксировано изменение магнитного поля квадратной формы размерами 6×7 м углами ориентированный по сторонам света. Более мелкие изменение магнитного поля фиксировались и по периметру данной аномалии. Возможно, центральная аномалия является площадкой, выложенной обожженными кирпичами в конструкции «здания №1», или остатками современного металлического (железного) объекта на вершине холма. Сильные всплески магнитного поля около пред-

Рис. 8. «Дворец термезшахов», 2023 г. Фото стенок раскопа I (*а* –западная стенка (кв.4); *б* – восточная стенка (кв.3); *в* – южная стенка (кв.3-4)).
Fig. 8. "Palace of Termezshahs", 2023. Photos of the dig I walls (*a* –western wall (grid 4); *б* – eastern wall (grid 3); *в* – southern wall (grid 3-4)).

полагаемых несанкционированных раскопов, возможно, так же связаны с присутствием современного металла.

Кроме того, с целью подготовки площадки под раскоп проведены работы на западном холме, который по мнению предшествующих исследователей является парадными воротами с караульными и хозяйственными постройками «здания № 2» (Массон, 1941, с.40). Здесь расчищена засыпка руин строения, сложенного из сырцовых с применением обожженных кирпичей. Оно частично было раскопано в 1936–1937 гг. ТАКЭ под руководством М.Е. Массона. Под завалами на глубине около 1 м проявилась алебастровая штукатурка здания, с росписью синей краской различных узоров (местами отцветших). Непотревоженные напластования, залегающие ниже, вследствие ограниченности времени не прокапывались.

Таким образом, проведенные работы позволили выяснить приемы возведения «здания №1» и уточнить его датировку. Оно сооружено в виде однородной цельной монолитной конструкции, сохранившегося в виде холма квадратной формы размерами 41×41 м и высотой 5 м, склонами ориентированного по сторонам света. Конструкция представля-

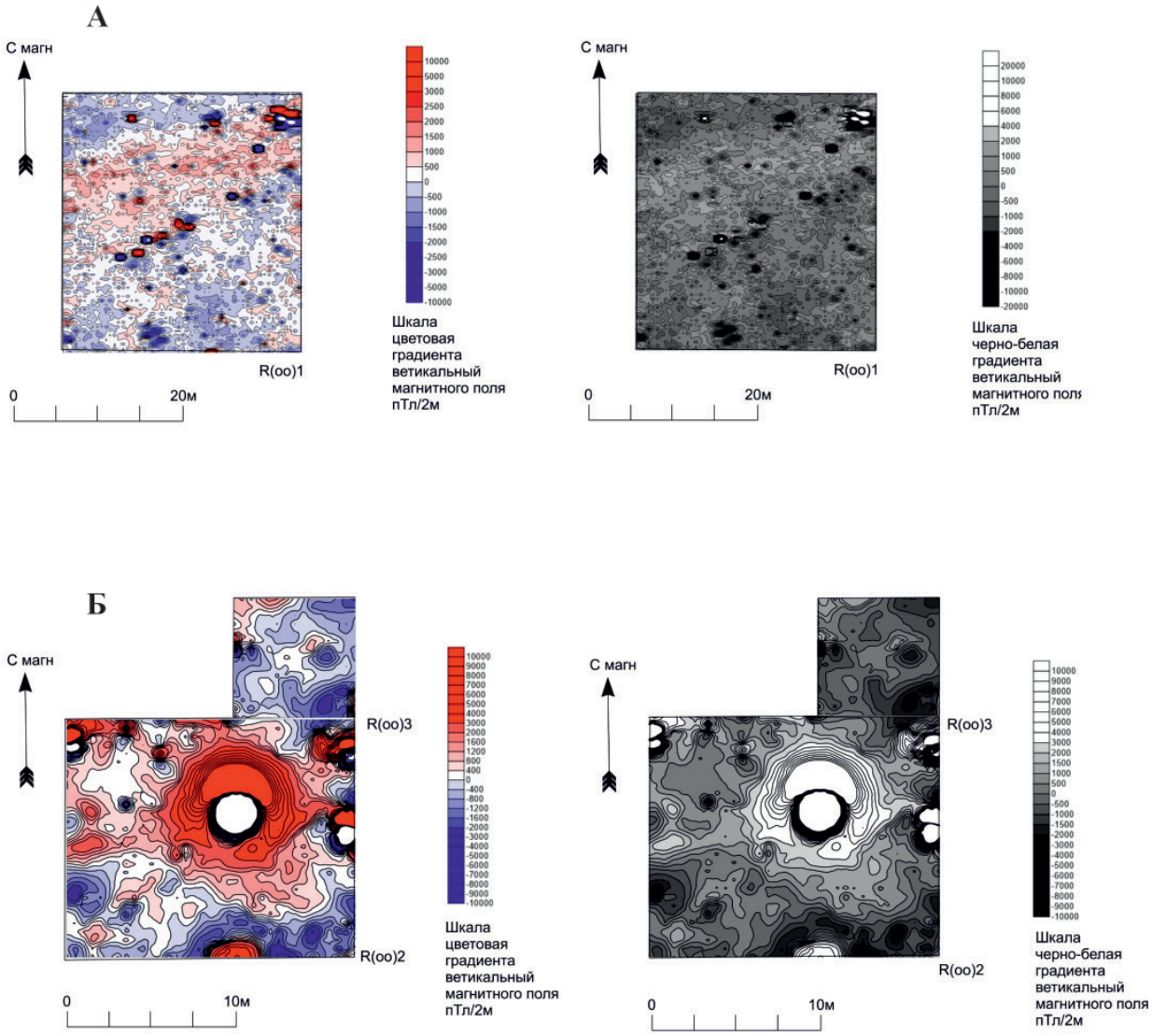

Рис. 9. «Дворец термезшахов», 2023 г. Распределение вертикального градиента магнитного поля на участках геофизических исследований (*а* –участок 1; *б* – участки 2 и 3).

Fig. 9. "Palace of Termezshahs", 2023. Distribution of the vertical gradient of the magnetic field at the sites of geophysical research (*а* –sector 1; *б* – sectors 2 and 3).

ло собой сплошную выкладку утрамбованной сырцовой массы в технике «ленточной пахсы» горизонтальными слоями (прослежено 20 слоев (рядов) общей высотой до 165 см). По редким находкам стеклянных сосудов и круговой керамики коричневого и светло-желтоватого цвета, в том числе с поливой, обнаруженным как в прослойке разрушения данного сооружения, так и в самой его сырцовой кладке, позволяют предварительно датировать его, как часть археологического объекта известного в историографии под названием «дворец термезшахов», XI–XII вв. Время возведения определяется мусульманской эпохой периода термезмшахов предмонгольского времени. Геофизические изыскания на вершине восточного холма («здания №1») также не дают однозначного ответа о конструктивных особенностях сооружения. Остается открытым вопрос о назначении данного объекта, который по технике сооружения (монолитность), отсутствию архитектурных конструкций (арок, проемов, элементов декора и т.д. в отличие от строений центрального и западного холма), форме и ориентировке имеют аналогии с буддийскими ступами хорошо известными в регионе для более раннего домусульманского периода. Хронология времени сооружения и существования постройки требуют дополнительных исследований всего комплекса и построения более точной оценки

ЛИТЕРАТУРА

Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент: изд-во лит. и искусства, 1982. 152 с.

Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974-1977 гг. / Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе / под общ. Ред. Б.Я. Ставиского. М.: Наука, 1982. 200 с.

Веймарн Б. Из открытий советского востоковедения. Орнаментация дворца XII в. в древнем Термезе // Искусство. 1934. № 6. С. 104–113.

Денике Б.П. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 года // Культура Востока. Сборник Музея восточных культур. II. М.: Издание Музея восточных культур, 1928а. С. 3–16.

Денике Б.П. Резная штуковая стенная декорация в Термезе // Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания. Вып. III. М.: РАНИОН, 1928б. С. 61–65.

Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л.: Всесоюзная Академия архитектуры, 1939. 230 с.

Жуков В.Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза // Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. / Труды Узбекистанского филиала АН СССР. Серия I история, археология. Вып. 2 / Отв. ред. Л. В. Баженов. Ташкент: УзФАН, 1940. С. 169–196.

Жуков В.Д. Археологическое обследование в 1937 г. дворца Термезских правителей // Термезская археологическая комплексная экспедиция. Т. 2 / Труды АН УзССР. Серия I история, археология / Отв. ред. И.К. Додонов, М.Е. Массон. Ташкент: АН УзССР, 1945. С. 133–162.

Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Термезского района // Культура Востока. Сборник Музея восточных культур. II. М.: Издание Музея восточных культур, 1928. С. 17–40.

Козловский В.А., Шейко К.А. Раскопки «Кургана» на городище Старого Термеза // Краеведение Сурхандарьи / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 52–62.

Массон М.Е. Городища старого Термеза и их изучение // Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. / Труды Узбекистанского филиала АН СССР. Серия I история, археология. Вып. 2 / Отв. ред. Л.В. Баженов. Ташкент: УзФАН, 1940. С. 5–122.

Общественные науки в Узбекистане. 2002. № 2.

Термез. Древний и новый город на перекрестке великих дорог / Науч. ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Шарк, 2001.

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vrr80@yandex.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Шайдуллаев Шапулат Базарович, доктор исторических наук, профессор, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); shapulat@mail.ru

Бездудный Владимир Григорьевич, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); lekt88@ mail.ru

Зарипова Гульнур Харисовна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vafina_gulnur5@mail.ru

Аннаев Тухташ Джураевич, кандидат исторических наук, доцент, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); annaev_tuhtash@yahoo.com

Икромов Нозим Музрапович, PhD, (История), доцент, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); nikromov@tersu.uz

REFERENCES

Arshavskaya, Z. A., Rtveladze, E. V., Khakimov, Z. A. 1982. *Srednevekovye pamiatniki Surkhandari (Medieval monuments of the River of Surkhandarya).* Tashkent: “izd-vo lit. i iskusstva” Publ. (in Russian).

Stavisky, B. Ya. (ed.). 1982. *Buddiiskie pamiatniki Kara-tepe v Starom Termeze. Osnovnye itogi rabot 1974-1977 gg. (Buddhist monuments of Kara Tepe in Old Termez. The main results of the work in 1974-1977).* Series: Materialy sovmestnoi arkheologicheskoi ekspeditsii na Kara-tepe (Materials of the joint archaeological expedition to Kara Tepe). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Veimar, B. 1934. In *Iskusstvo (Art)* 6, 104–113 (in Russian).

Denike, B. P. 1928a. In *Kultura Vostoka. Sbornik Muzeia vostochnykh kultur (Culture of the East. Collection of the Museum of oriental cultures)* 2. Moscow: "Izdanie Muzeia vostochnykh kultur" Publ., 3–16 (in Russian).

Denike, B. P. 1928б. In *Trudy sektsii iskusstvoznaniia Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia (Proceedings of the art history section of the Institute of archaeology and art history)* III. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 61–65 (in Russian).

Denike, B. P. 1939. *Arkhitekturnyy ornament Sredney Azii (Architectural ornament of Central Asia).* Moscow; Leningrad: "Vsesoyuznaya Akademia Arkhitektury" Publ. (in Russian).

Zhukov, V. D. 1940. In Bazhenov, L. V. (ed.). *Termezskaia arkheologicheskaia kompleksnaia ekspeditsiia 1936 g. (Termez archaeological complex expedition, 1936).* Series: Trudy Uzbekistanskogo filiala AN SSSR. Seriia I istoriia, arkheologiia (Proceedings of the Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences. Series I history, archaeology) 2. Tashkent: Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences, 169–196 (in Russian).

Zhukov, V. D. 1945. In Dodonov, I. K., Masson, M. E. (eds.). *Termezskaia arkheologicheskaia kompleksnaia ekspeditsiia (Termez archaeological complex expedition.* Vol. 2. Series: Trudy Uzbekistanskogo filiala AN SSSR. Seriia I istoriia, arkheologiia (Proceedings of the Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences. Series I history, archaeology) 2. Tashkent: Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences, 133–162 (in Russian).

Zasypkin, B. N. 1928. In *Kultura Vostoka. Sbornik Muzeia vostochnykh kultur (Culture of the East. Collection of the Museum of oriental cultures)* 2. Moscow: "Izdanie Muzeia vostochnykh kultur" Publ., 17–40 (in Russian).

Kozlovsky, V. A., Sheiko, K. A. 1989. In Rtveladze, E. V. (ed.). *Kraevedenie Surkhandari (Local history of the River of Surkhandarya).* Tashkent: Uzbekistan, 52–62 (in Russian).

Masson, M. E. 1940. In Bazhenov, L. V. (ed.). *Termezskaia arkheologicheskaia kompleksnaia ekspeditsiia 1936 g. (Termez archaeological complex expedition, 1936).* Series: Trudy Uzbekistanskogo filiala AN SSSR. Seriia I istoriia, arkheologiia (Proceedings of the Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences. Series I History, archaeology). Tashkent: Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences, 5–122 (in Russian).

2002. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences in Uzbekistan)* 2 (in Russian).

Rtveladze, E. V. (ed.). 2001. *Termez. Drevnii i novyi gorod na perekrestke velikikh dorog (Termez. An ancient and a new city at the intersection of great roads).* Tashkent: "Sark" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Valiev Renat R., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Shaidullaev Shapulat B., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Source Studies and History of Uzbekistan, Termez State University, Barkamol avlod street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; shapulat@mail.ru

Bezdudny Vladimir G. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; lekt88@ mail.ru

Zaripova Gulnur Kh. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; vafina_gulnur5@mail.ru

Annaev Tukhtash Dzh. PhD, associate professor, Termez State University, Barkamol avlod street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; annaev_tuhtash@yahoo.com

Ikromov Nozim M. PhD, Termez State University, Barkamol avlod street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; nikromov@tersu.uz

Статья поступила в журнал 26.07.2026 г.
Статья принята к публикации 25.08.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.272.279

ПОГРЕБЕНИЕ В СЫРЦОВОЙ ОГРАДЕ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ БОЛЬШОГО И МАЛОГО УЗЕНЕЙ[1]

© 2026 г. Д.В. Марыксин

В данной статье публикуются итоги раскопок сырцовой ограды, осуществленных в 2014 году экспедицией Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии под руководством автора. Раскопки проводились в Волго-Уральском междуречье, на северной окраине Волго-Уральских песков. Территория нижнего течения рек Большого и Малого Узеней занимает ключевое положение среди золотоордынских древностей Западного Казахстана. Здесь, в непосредственной близости от городища Жалпактал, сосредоточены такие известные могильники, как Мокринский I, Мокринский III, Жалпактал, Кошкар и другие. Такая высокая плотность археологических памятников объясняется тем, что район бессточных бассейнов Большого и Малого Узеней служит основным и зачастую единственным источником воды для обширной территории междуречья. Исследования в этом регионе имеют большое значение для заполнения «белых пятен» в истории Золотой Орды, особенно на кочевых землях, расположенных между крупными оседлыми центрами Нижнего Поволжья, Южного Казахстана и Хорезма. Важной особенностью могильника Райым является то, что он входит в число немногих золотоордынских некрополей Западного Казахстана, где обнаружен богатый сопровождающий инвентарь. Погребение в кургане 5, совершенное в первой половине XIV века (не ранее 1322–1323 гг.), сопровождается следующим инвентарём: серебряной монетой, выпущенной при хане Узбеке в Сарай ал-Махрусе в 722 или 723 г.х. (1322–23 гг.), бронзовым зеркалом, железным ножом, калачевидным кресалом, шарнирными ножницами и двусторонним гребнем.

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, Золотая Орда, сырцовая ограда, погребальный обряд.

A BURIAL IN A CLAY-MADE FENCE IN THE LOWER PART OF THE BOLSHOY AND MALY UZEN RIVERS[2]

D.V. Maryksin

This paper deals with the results of excavations of a clay-made fence conducted in 2014 by an expedition of the West Kazakhstan Regional Center of History and Archaeology under the supervision of the author. The excavations conducted in the Volga–Ural interfluve, on the northern edge of the Volga–Ural sands. The territory of the lower part of the Bolshoy and Maly Uzen rivers occupies a key position among the Golden Horde antiquities of Western Kazakhstan. Here, in the immediate vicinity of the Zhalpaktal settlement site, are such well-known burial grounds as Mokrinsky I, Mokrinsky III, Zhalpaktal, Koshkar and others are concentrated. Such high density of archaeological sites is explained by the fact that the area of the endorheic basins of the Bolshoy and Maly Uzen rivers serves as the main and often the only source of water for the vast interfluve area. Research in this region is crucial for filling in the gaps in the history of the Golden Horde, particularly in the nomadic lands located between the major sedentary centers of the Lower Volga region, southern Kazakhstan and Khwarazm. An important feature of the Raiym burial ground is that it is among the few Golden Horde necropolises in Western Kazakhstan where a rich set of grave goods has been discovered. The burial in barrow 5, dating to the first half of the XIV century (not earlier than 1322–1323), is accompanied by the following finds: a silver coin minted under Uzbek Khan in Sarai al-Mahrusa in 722 or 723 AH (1322–1323 AD), a bronze mirror, an iron knife, a ring-shaped fire lighter, hinged scissors and a double-sided comb.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, Golden Horde, clay-made fence, burial rite.

[1] Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2026–2028 гг., ИРН BR31714853 "Археологическая наука Казахстана: анализ состояния, проблемы и перспективы развития"

[2] The work was carried out as a part of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2026-2028, ИРН BR31714853 "Archaeological science of Kazakhstan: analysis of the state, issues and prospects of development"

Введение

Среди всего многообразия золотоордынских древностей Западного Казахстана территория нижнего течения рек Большого и Малого Узеней занимает особое место. Именно здесь находятся известные могильники Мокринский I, Мокринский III, Жалпактал, Кошкар и др., которые расположены вблизи городища Жалпактал. Такая большая концентрация памятников связана с тем, что район бессточных бассейнов рек Большой и Малый Узень является для большей территории междуречья единственным водным источником. Исследования в данном регионе позволяют закрыть многие «белые пятна» истории Золотой Орды на кочевнической территории между крупными оседлыми центрами Нижнего Поволжья, Южного Казахстана и Хорезма.

Археологические исследования в нижнем течении Большого и Малого Узеней начались в конце XIX в. экспедицией Московского университета под руководством А.Н.Харузина. Им в окрестностях села Новая Казанка было раскопано 27 курганов (Харузин, 1890, с. 4). В послевоенное время в течение трёх лет экспедицией Саратовского университета под руководством И.В. Синицына было раскопано 22 кургана, обнаружено несколько погребений в дюнах, исследовано несколько поселений. Материалы погребений и поселений датируются периодом от эпохи неолита до позднего средневековья (Синицын, 1956, с. 87).

Основная часть

Комплекс Райым I расположен в 1,5-2 км юго-западнее пос. Жанаказан Жангалинского района Западно-Казахстанской области Республики Казахстан, на южном берегу высохшего озера Райым. Состоит из 48 курганов, сгруппированных в могильном поле ромбовидной формы размером 280×170 м (рис. 1). Курганы представляют собой земляные насыпи полусферической формы. Размеры насыпей варьируют в диаметре от 8 до 20 м, а в высоту от 0,2 до 0,5 м. На данный момент в могильнике раскопано 7 курганов – по два кургана в 1989 и 2013 годах и три кургана в 2014 году.

Курган 5 расположен в северо-восточной части могильника.

Диаметр кургана – 12,7 м, высота – 0,39 м.

Насыпь кургана земляная, ровик отсутствовал. На глубине 0,15–0,2 м выявлена сырцовая надмогильная конструкция. Под насыпью обнаружена сырцовая ограда подквадратной формы. Размеры ограды – 9,6×9,6 м. Толщина стен 0,6–0,8 м.

Кладка стен бессистемная. Стены выполнены как в два-три ложка, так и два тычка, два ложка и тычок.

Погребение 1. Располагалось внутри ограды. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ, длина её 2,2 м, ширина 0,8 м, глубина 2,1 м. Вдоль южной стенки устроен небольшой уступ шириной 10 см.

Умерший был похоронен в вытянутом положении, на спине и ориентирован головой на ЗЮЗ, руки слегка согнуты в локтях, кисти лежали у тазовых костей. Череп покоился на затылке с небольшим разворотом на правый висок.

Сопроводительный инвентарь

В погребении найдены следующие предметы.

Зеркало литое бронзовое диаметром 8,24 см с бортиком высотой 0,85 см лежало у голени левой ноги.

Нож железный однолезвийный черешковый с прямой спинкой лежал около зеркала. Острие его обломано. Длина сохранившейся части ножа 9,8 см.

Костяное пряслице в виде полусферы диаметром 5,37 см и высотой 2,72 см. По центру имеется сквозное отверстие диаметром 0,8 см. Оно лежало у кисти левой руки.

Ножницы железные шарнирные с овальными замкнутыми кольцами, расположенные вместе с ножом. Длина ножниц 21,6 см.

Вблизи них лежал фрагментированный деревянный двусторонний гребень. Ширина гребня 4 см, длина гребня 6,2 см.

Кресало железное однолезвийное калачевидное длиной 8,7 см лежало у ножниц.

Монета серебряная хана Узбека, чеканенная в Сарай ал-Махруса в 722 или 723 г.х. (1322–23 гг.)[1], обнаружена между кресалом и гребнем.

Обсуждение и выводы

Могильник Райым имеет важное значение в вопросе взаимодействия населения Волго-Донских и урало-казахстанских степей, располагаясь на территории Волго-Уральского междуречья. Важной его особенностью является то, что на сегодняшний день он является одним из немногих золотоордынских могильников Западного Казахстана, которые представлены многочисленным сопровождающим инвентарем.

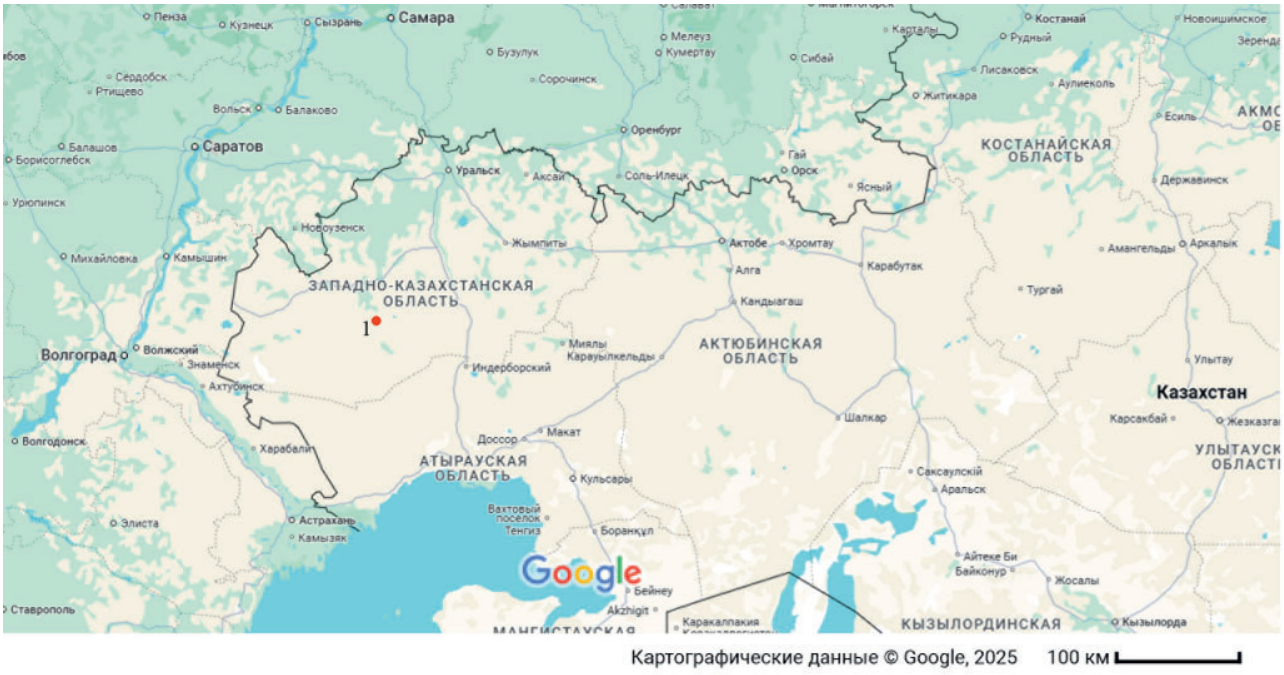

Рис. 1. Расположение могильника Райым I на карте Республики Казахстан.
Fig. 1. Location of the Rayim I burial ground on the map of the Republic of Kazakhstan.

По типологии Е.П. Мыськова зеркало относится к отделу Б – дисковидные, типу III – с высоким бортиком по краю диска, подтипу ж – с круговой надписью почерком насх (Мыськов, 2015, с. 103). На территории Западного Казахстана до последнего времени было известно 19 золотоордынских зеркал (Бисембаев, 2010, с. 138-139). В последние годы нами было обнаружено 3 зеркала в могильниках Жайык, Лебедевка VIII и в окрестностях аула Мухор (Марыксин, 2010, с. 152; Руденко, Оборин, 2017, с. 149). Данное зеркало является единственным подобного типа, обнаруженным в Западном Казахстане. На территории Волго-Донских степей встречен один экземпляр подобного зеркала в погребении 1 кургана 3 Власовского могильника (Мыськов, 2015, с. 103). 19 подобных зеркал найдено в Болгаре (Полякова, 1996, с. 230). Очень часто данную благопожелательную надпись на зеркале переводят: «Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 83, сн. 485).

На данный момент на территории Западного Казахстана известно 12 железных ножниц, 2 из которых обнаружены в могильнике Райым (Бисембаев, 2010, с. 136; Марыксин, 2026). На территории Волго-Донских степей шарнирных ножниц, подобных обнаруженным в погребении, известно 38 экземпляров. В контексте данного региона, эти предметы рассматриваются как характерный элемент женского погребального инвентаря, поскольку подавляющее большинство находок (151 экземпляр) связано с женскими захоронениями, в то время как лишь два экземпляра были обнаружены в мужских. (Мыськов, 2015, с. 77-78). По типологии Е.П.Мыськова они относятся к отделу Б – шарнирные, типу II – с овальными замкнутыми кольцами, подтипу а – с сужащимися заостренными лезвиями (Мыськов, 2015, с. 78). Ножницы имеют широкие рамки бытования и не могут использоваться в качестве маркера узких хронологических дат.

Монеты являются достаточно распространенным артефактом в золотоордынских погребениях. В настоящее время на территории Волго-Донских степей обнаружено 117 погребений с монетами, из которых определены 78 (Мыськов, 2015, с. 236). На территории же Западного Казахстана обнаружено 42 монеты, из которых 21 обнаружена в могильнике Сарытау 2 (Жайлаусай) (Бисембаев, 2010, с. 139). К сожалению, А.А.Бисембаевым учтены не все монеты, обнаруженные на территории Западного Казахстана, так как

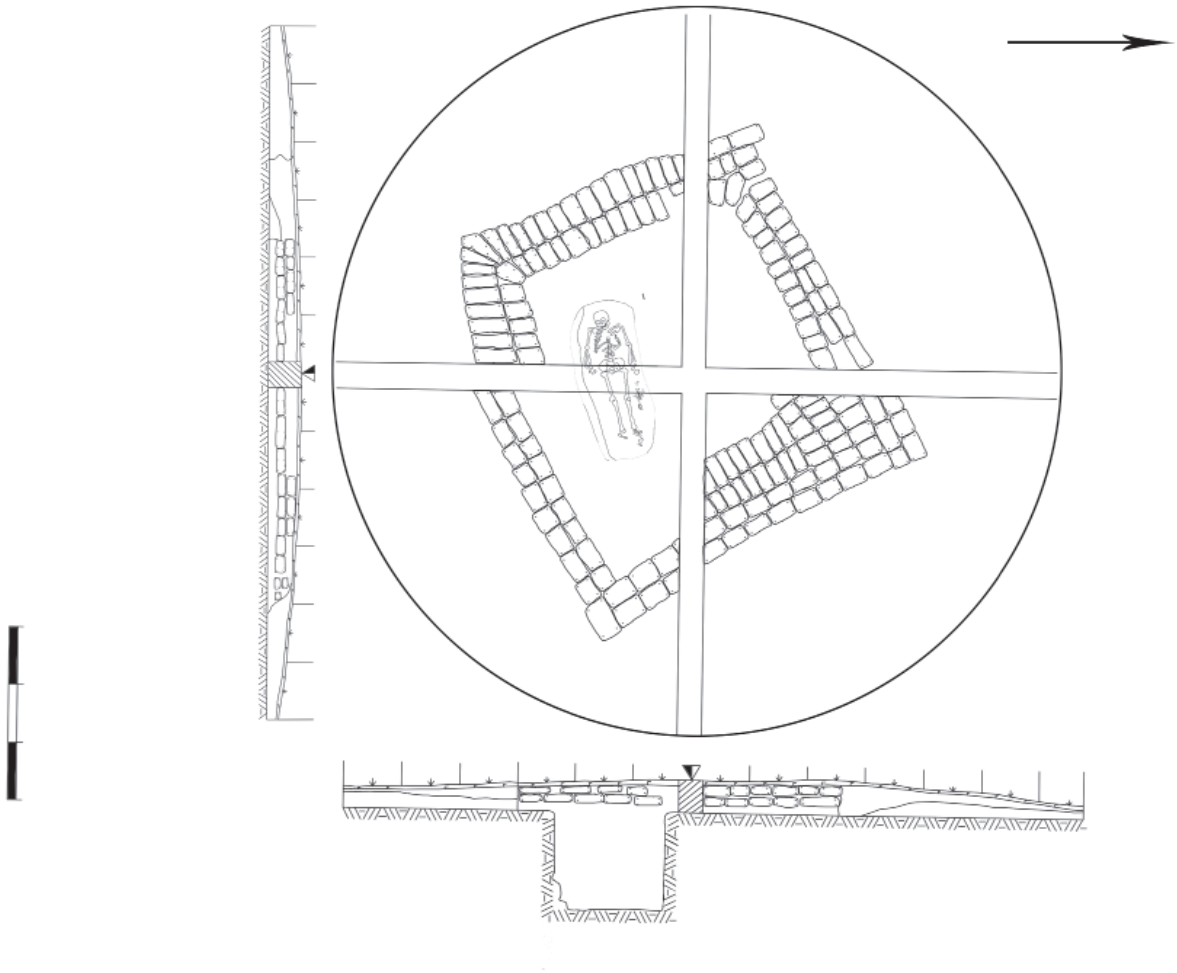

Рис. 2. Могильник Райым I. План кургана 5
Fig. 2. Rayim I burial ground. Burial plan of barrow 5

к моменту выхода монографии только в могильнике Мокринский 1 обнаружено 32 монеты, из них только в 2008 году найдено 20 (Пачкалов, 2009, с. 278). Всего же в данном могильнике раскопано 48 монет. В 1979 году в окрестностях Новой Казанки был обнаружен клад, состоящий из 80 серебряных дирхамов золотоордынской чеканки и 5 украшений из золота с жемчугом. Монетные дворы, представленные в комплексе – Сарай ал-Махруса, Мохша, Сарай, Хорезм, Сарай ал-Джадид, Гюлистан, Азак. Самая ранняя монета – денги Токта-хана 710 г.х., позднейшая – уникальный на тот момент дирхам 769 г.х. с именем неизвестного хана Улджайтимура (Настич, 2004, с. 84-85).

По типологии Е.П.Мыськова нож относится к отделу А – однолезвийные, типу II – с прямыми спинками, подтипу а – черешковые, варианту 3 – без выраженного перекрестья (Мыськов, 2015, с. 112). На рукояти сохранились фрагменты деревянного тлена от рукояти. На территории Волго-Донских степей обнаружено 46 аналогичных ножей. Он относит их к категории мелких женских ножичков, использовавшихся в косметических целях (Мыськов, 2015, с. 113). На территории же Западного Казахстана известно не менее 36 экземпляров (Бисембаев, 2010, с. 136).

На территории Западного Казахстана обнаружено 4 гребня (Бисембаев, 2010, с. 137), хотя на территории Волго-Донских степей их общее количество превышает 40 экземпляров (Мыськов, 2015, с. 73). Они были обнаружены как женских, так и в мужских погребениях, хотя А.Е. Евглевский и Т.М. Потемкина относят их к женским предметам (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 201). Поскольку обнару-

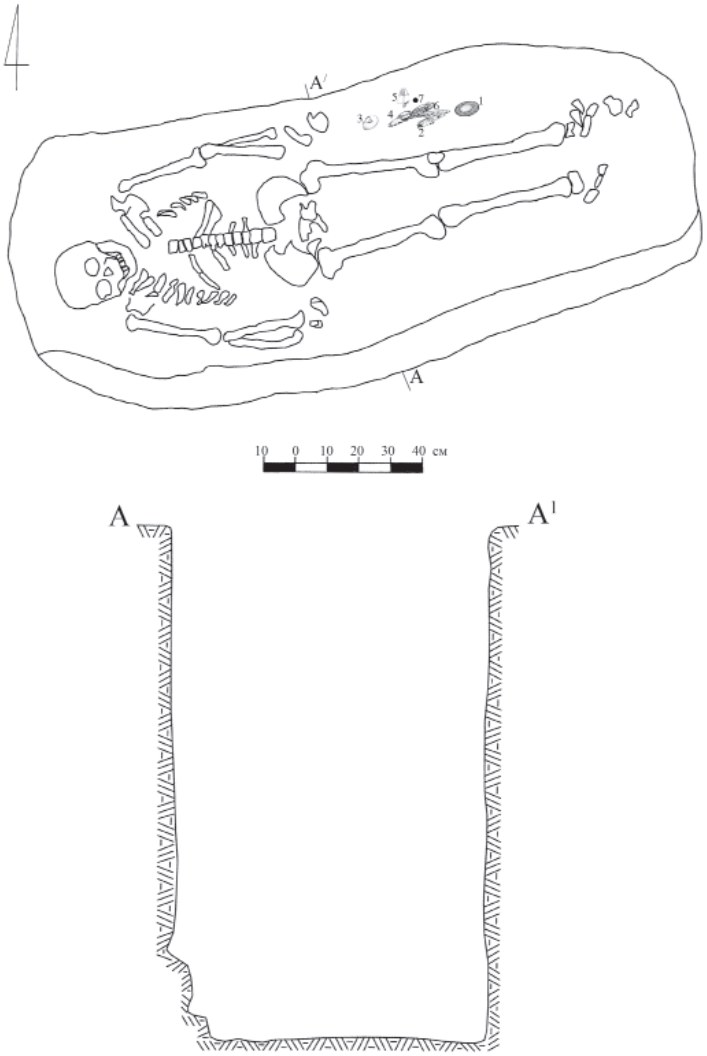

Рис. 3. План погребения 1 кургана 5 могильника Райым I. 1 - бронзовое зеркало; 2 – железный нож; 3 – костяной предмет; 4 – шарнирные ножницы; 5 – двусторонний гребень; 6 – кресало; 7 – монета.
Fig. 3. Plan of burial 1 of barrow 5 at Rayim burial ground. 1 – bronze mirror; 2 – iron knife; 3 – bone item; 4 – hinged scissors; 5 – double-sided comb; 6 – fire lighter; 7 – coin.

женный гребень сильно фрагментирован, его точная типология не поддается определению. Однако, можно с уверенностью сказать, что он относится к категории неорнаментированных.

По типологии Е.П. Мыськова найденное кресало относится к отделу Б – однолезвийные, типу I – калачевидные с разомкнутым контуром без внутренних выступов-язычков, подтипу б – треугольные (Мыськов, 2015, с. 68). На территории Западного Казахстана А.А.Бисембаевым учтено 6 кресал в золотоордынских погребениях (Бисембаев, 2010, с. 136). Время бытования данного типа кресал согласно А.В. Евглевскому и Т.М. Потёмкиной очень широко и охватывает период от первой половины XII в. до второй половины XIV в. (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 200).

Обнаруженный костяной предмет является пряслицем. Аналогичное пряслице было обнаружено при исследовании одного из мавзолеев городища Жайык (Байпаков и др., 2006, с. 22, рис. 5, 5).

Сырцовые ограды золотоордынского времени на территории Волго-Уральского междуречья представлены в могильниках Мокринский I, Мокринский III, Жалпактал. Основная их часть представляют собой небольшие надмо-

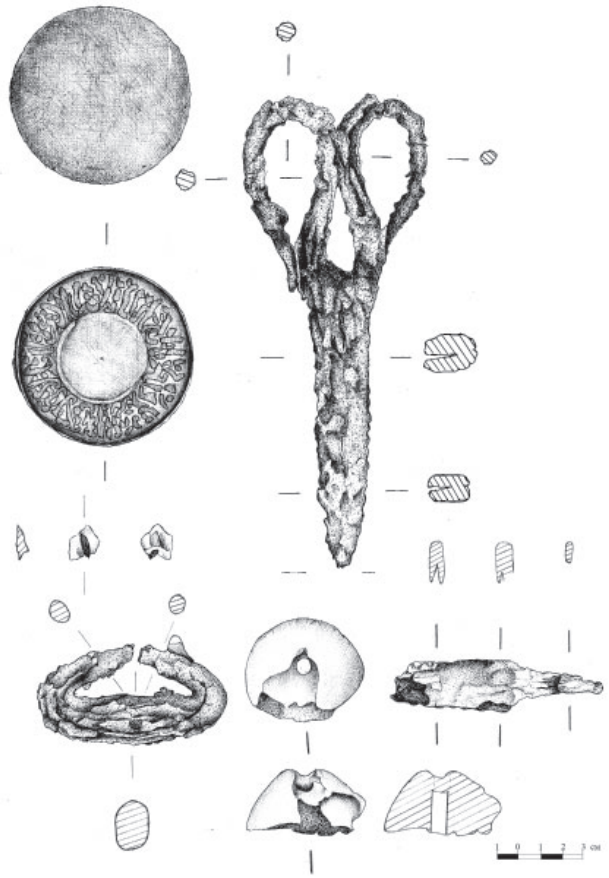

Рис. 4. Погребальный инвентарь.
Fig. 4. Burial set.

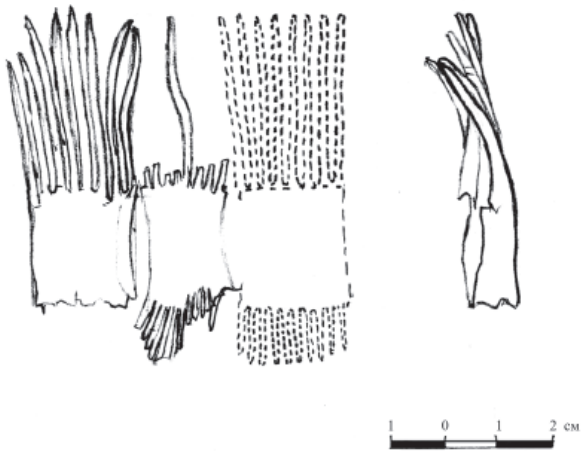

Рис. 5. Двусторонний гребень.
Fig. 5. Double-sided comb.

гильные конструкции и лишь некоторые из них по всей видимости являются разрушенными сырцовыми мавзолеями (Мокринский I к. 32, Мокринский III к. 5) (Марыксин, 2009; Марыксин, 2011). Согласно Э.Д. Зиливинской, анализ планировки данных построек позволяет идентифицировать их как разрушенные мавзолеи (Зиливинская, 2014, с. 188). Е.П. Мыськов, напротив, ставит под сомнение этот вывод. Он аргументирует свою позицию тем, что при разрушении мавзолеев должны наблюдаться значительные обвалы сырцового кирпича, следы беспорядочного обрушения, а также дверные проемы для подзахоронений. Мыськов также подчеркивает, что мавзолеи круглой формы в плане не были характерны для Золотой Орды (Мыськов, 2015, с. 24).

Анализ артефактов из погребения №1 кургана 5 могильника Райым, датируемого первой половиной XIV века, убедительно демонстрирует высокий потенциал исследования бассейна рек Большой и Малый Узень для понимания процессов культурного взаимодействия между оседлым и кочевым населением Золотой Орды.

Примечание:

[1] Определения выполнены Е.Ю. Гончаровым, которому автор выражает благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М., Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н., Амиргалина Г.Т., Сейткалиев М.К., Токбергенов Д. Культурное наследие Западно-Казахстанской области: городище Жайык. 2006 // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МНВО РК. Дело №.2725

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе: ИП Жанадилов С.Т., 2010. 248 с.

Евглевский А.Е., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 181–208.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Марыксин Д.В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 246–273

Марыксин Д.В. Новые погребения в сырцовой оградке на территории Западного Казахстана // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.. С. 221–226.

Марыксин Д.В. Новое погребение некрополя городища Жайык // Кадырбаевские чтения – 2010. Материалы II Международной научной конференции / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2010. С. 151–154.

Марыксин Д.В. «Всадническое» погребение в сырцовой ограде могильника Лебедевка VIII // Археология Евразийских степей. 2026. № 3. С. 261–269.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Настич В.Н. Джучидский клад из пос. Новая Казанка // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. А.С. Мельникова. 19–24 апреля 2004, Москва. М.: ГИМ, 2004. С. 84–85.

Пачкалов А.В. Нумизматические находки в могильнике Мокринский I // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 276–281.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.

Руденко К.А., Оборин Ю.В. Зеркала с фантастическими животными из Булгара и их аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. № 8 (20) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. С. 143–168.

Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Т. I / Отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1956. С. 87–139.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Харузин А.Н. Курганы Букеевской степи. М.: типографией т-ва А. Левенсон и К°, 1890. 118 с.

Информация об авторе:

Марыксин Денис Валерьевич, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК, Западно-Казахстанский филиал (г. Актобе, Казахстан); научный сотрудник ТОО «Rutrum»; maryxin@mail.ru

REFERENCES

Baibakov, K. M., Akhatov, G. A., Smagulov, T. N., Amirgalina, G. T., Seitkaliev, M. K., Tokbergenov, D. 2006. Kulturnoe nasledie Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti: gorodishche Zhaiyk (Cultural heritage of the West Kazakhstan region: Zhaiyk settlement). Archive of the Institute of Archeology named after. A.Kh. Margulan. Dossier 2725 (in Russian).

Bisembaev, A. A. 2010. *Kochevniki srednevekovia Zapadnogo Kazakhstana (The nomads of the Middle Ages of Western Kazakhstan).* Aktobe: "Zhanadilov S.T." Publ. (in Russian).

Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). S*tepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 181–208 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 1. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture).* Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Maryksin, D. V. 2009. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1. 246–273 (in Russian).

Maryksin, D. V. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory).* Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 200–205.

Maryksin, D. V. 2010. In Bisembaev, A. A. (ed.). *Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kadyrbaevskie chteniia – 2010" (Proceedings of 2nd International Research Conference "Kadyrbaev Readings – 2010")* Aktobe: Aktobe Regional Historical and Local Lore Museum, 151–154 (in Russian).

Maryksin, D. V. 2026. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 261–269 (in Russian).

Myskov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Nastich, V. N. 2004. In Mel'nikov, A. S. (ed.). *Dvenadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshchenii (12th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Moscow: State Historical Museum, 84–85 (in Russian).

Pachkalov, A. V. 2009. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1. 276–281 (in Russian).

Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders).* Kazan: Institute of Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

Rudenko, K. A., Oborin, Yu. V. 2014. In Soenov, V. I. (ed.). Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia) 20 (8). Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 143–168 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1956. In Shakhmatov, V. F. (ed.). Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Kazakhskoi SSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR) 1. Alma Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 87–139 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Kharuzin, A. N. 1890. *Kurgany Bukeevskoi stepi (Barrows of the Bukey steppe).* Moscow: "tipografiei t-va A. Levenson i K°" Publ. (in Russian).

About the Author:

Maryksin Denid V. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, West Kazakhstan Branch. Turgenev str. 100, Aktobe, 03000, Kazakhstan; Rutrum LLP; maryxin@mail.ru

Статья поступила в журнал 28.02.2026 г.
Статья принята к публикации 15.06.2026 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.280.294

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КУПЧЕГЕНЬ-1 НА АЛТАЕ[1]

© 2026 г. Н.А. Константинов, Р.В. Куюков, А.К. Айткали

В статье представлены результаты исследований поселения Купчегень-1, расположенного в Онгудайском районе Республики Алтай. Проведены аварийные работы на размываемой части поселения. Памятник имеет небольшие размеры, общая площадь составляет около 0,1 га. В 2021-2022 гг. на поселении вскрыто 96 кв. м и получена значительная археологическая коллекция. К массовому материалу относятся фрагменты костей животных (около 43 тыс.) и керамических сосудов (около 3,8 тыс.). Обнаружены металлические, костяные и каменные изделия, относящиеся к предметам конского снаряжения (подкова, цурка), вооружения (панцирные пластины, накладка на лук, колчанная петля, заготовка наконечника стрелы), инструментам (стамеска, напильник, кожевенные орудия), украшения (бусы, подвески), предметам быта (ножи, кресало). Также найдены заготовки изделий, железные шлаки, отходы косторезного производства. Особый интерес представляет находка нижнего жернова ручной мельницы, свидетельствующего о занятиях земледелием. Кроме того, в долине прослеживается большое количество оросительных каналов, часть из которых могла использоваться населением, оставившим поселение Купчегень-1. Культурно-хронологический анализ предметного комплекса, полученного на памятнике, позволяет установить датировку основных материалов памятника последними веками I – первыми веками II тыс. н.э. Кроме того, отмечается присутствие на памятнике единичных находок более ранних периодов (эпохи бронзы и раннего железного века).

Ключевые слова: археология, Алтай, Средневековье, предмонгольское время, поселения, Купчегень-1, палеоэкономика, хозяйство.

MEDIEVAL SETTLEMENT KUPCHEGEN-1 IN ALTAI[2]

N.A. Konstantinov, R.V. Kuyukov, A.K. Aitkali

The article deals with the results of research at the Kupchegen-1 settlement, located in the Ongudai district of the Altai Republic. Emergency salvage excavations were carried out on the eroding part of the settlement. The site is relatively small, with a total area of approximately 0.1 hectares. In 2021–2022, 96 square meters were excavated at the settlement, obtained a significant archaeological collection. The bulk of the material includes fragments of animal bones (around 43,000) and pottery (around 3,800). Metal, bone and stone artifacts were found, including items related to horse equipment (horseshoe, peg), weapons (armor plates, bow strap, quiver loop, arrowhead blank), tools (chisel, file, leatherworking tools), jewelry (beads, pendants) and household items (knives, fire lighter). Also unfinished artifacts, iron-smelting slag and bone-carving waste were discovered. Of particular interest is the discovery of the lower millstone of a hand mill, indicating agricultural activity. Furthermore, numerous irrigative canals are traced in the valley, some of which may have been used by the inhabitants that abandoned the Kupchegen-1 settlement. Cultural and chronological analysis of the materials discovered at the site dates the main assemblage to the final centuries of the I and the early centuries of the II millennium AD. In addition, the presence of solitary finds from earlier periods (Bronze Age and the Early Iron Age) was noted at the site.

Keywords: archaeology, Altai, Middle Ages, pre-Mongol period, settlements, Kupchegen-1, paleoeconomics, economy.

В течение нескольких лет на территории Республики Алтай под руководством одного из авторов проведены исследования на ряде аварийных археологических памятников. В том числе проводились работы на комплексе поселений у с. Купчегень в Онгудайском районе. Большая часть этих памятников пострадала во время наводнения, вызванного

[1] Статья подготовлена в рамках реализации проекта AP22786628-KC-24 «Междисциплинарное исследование культурного комплекса кимаков Казахского Алтая» МНВО РК

[2] The article was prepared as a part of the project AP22786628-KC-24 " Interdisciplinary study of the cultural complex of the Kimaks of the Kazakh Altai " by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

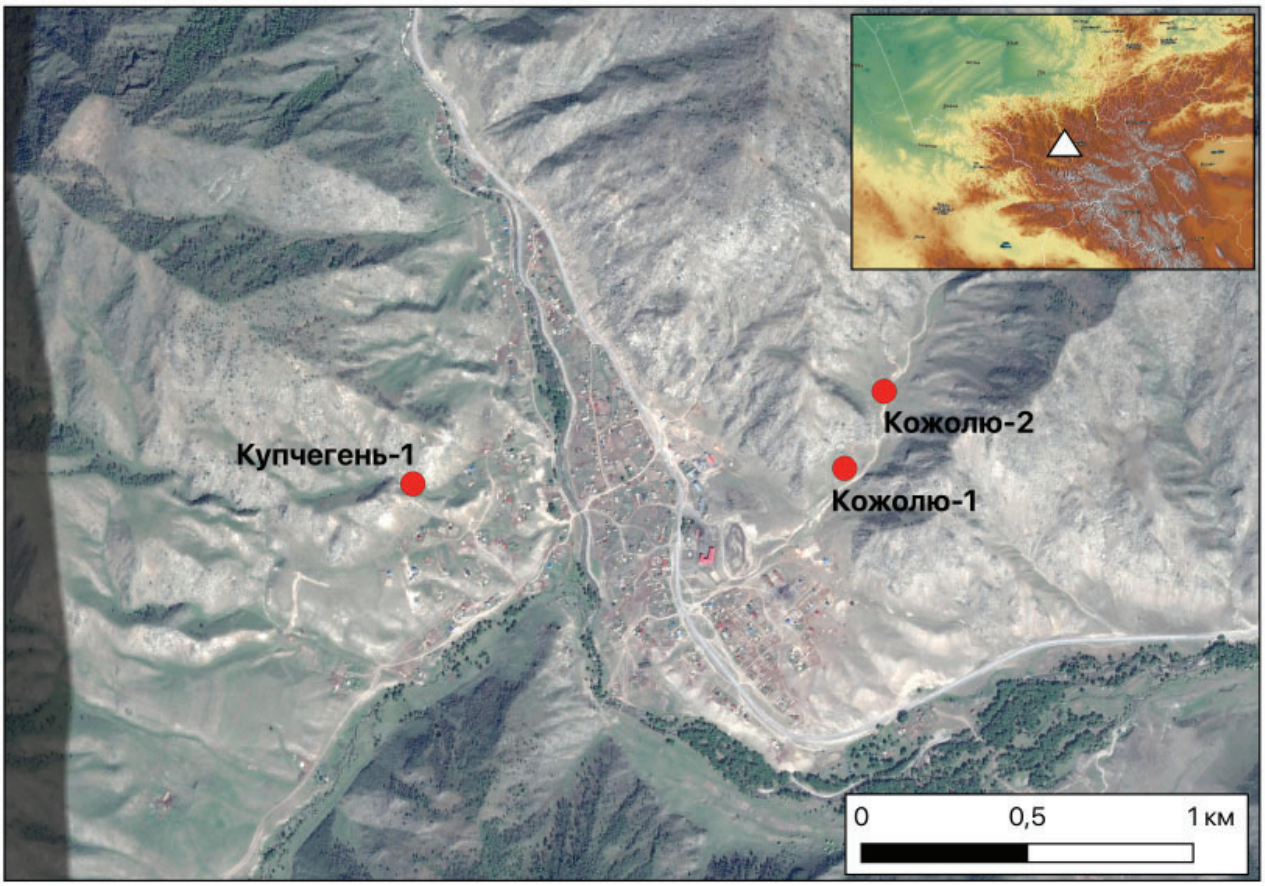

Рис. 1. Поселения у с. Купчегень в Онгудайском районе Республики Алтай
Fig. 1. Settlements nearby the village of Kupchegen in the Ongudai district of the Altai Republic

затяжными проливными дождями в мае 2014 года. Летом 2022 г. памятники вновь пострадали от сошедшего селевого потока. По мнению местных жителей, причиной таких активных эрозионных процессов на участках временных водотоков является деградация кустарниковой растительности на склонах. Уменьшение площади кустарниковых насаждений, как утверждают старожилы села, вызвана массовым разведением коз в советское время, выпас которых обычно происходит на склонах гор. Аварийные работы здесь были проведены на трех поселениях. Два из них (Кожолю-1 и Кожолю-2) находятся на левом берегу реки Большой Ильгумень в ущелье Большой Кожолю. На памятнике Кожолю-2 найдена керамика типичная для афанасьевской культуры эпохи энеолита – ранней бронзы; на многослойном поселении Кожолю-1 зафиксированы материалы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. В районе устья этого ущелья также находится девять курганных групп, включавших 66 объектов. На двух могильниках были раскопаны несколько курганов раннего железного века (Кочеев, 2004, с. 58).

Однако основные земляные работы были сосредоточены на поселении Купчегень-1, расположенном на правом берегу р. Большой Ильгумень. Памятник условно можно назвать однослойным, основной полученный материал относится к эпохе средневековья. Этот факт определяет его исключительную важность для алтайской археологии, поскольку средневековые поселения в регионе никогда не становились специальным объектом научного интереса. Специалисты, изучавшие и изучающие алтайское средневековье, сосредоточены на проведении раскопок погребальных и поминальных сооружений, то есть на исследовании некросферы.

Описание памятника

Поселение Купчегень-1 расположено на северо-западной окраине одноименного села, в Онгудайском районе Республики Алтай, во внутренней части Алтайских гор. Памятник находится в кулуаровидной ложби-

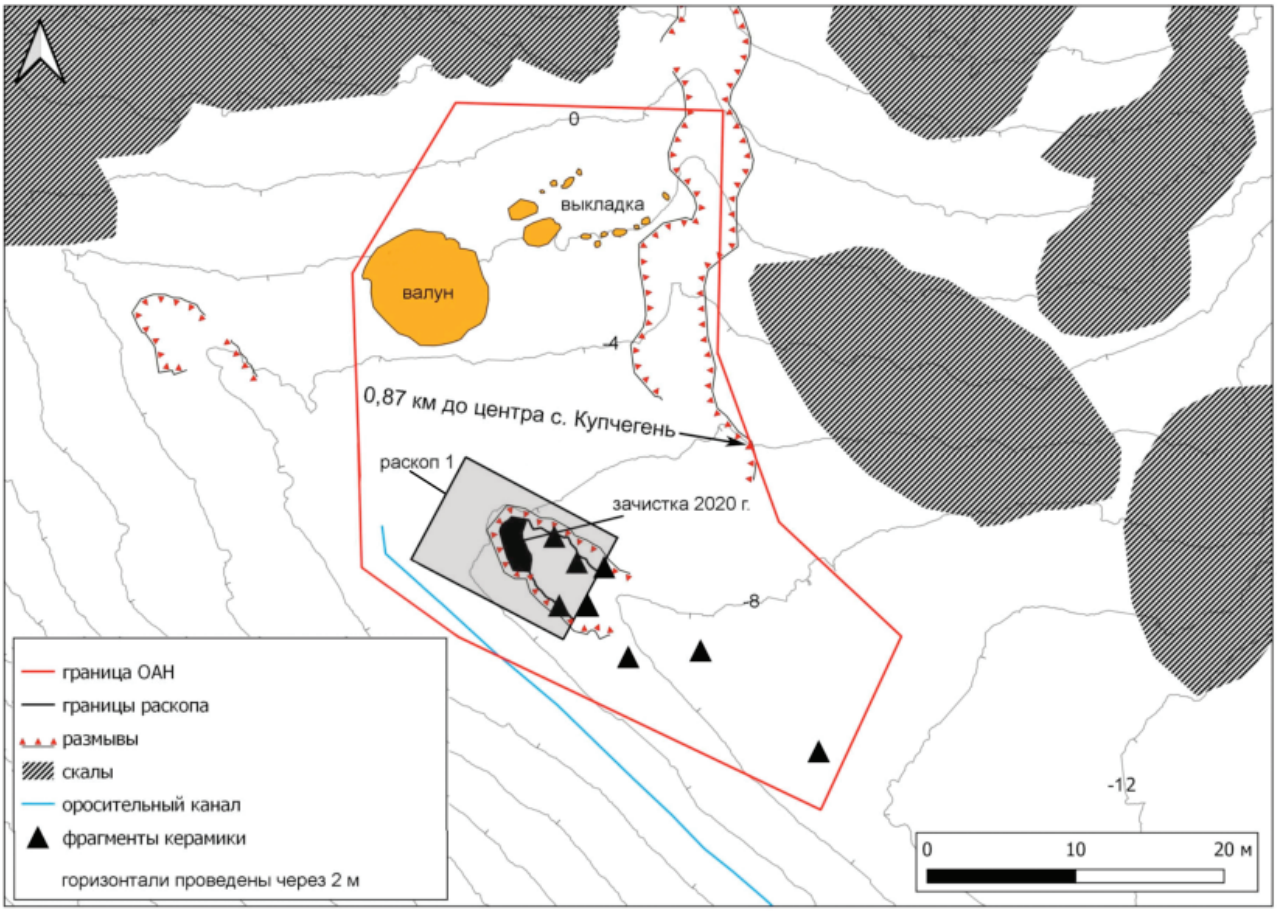

Рис. 2. План поселения Купчегень-1
Fig. 2. Plan of the Kupchegen-1 settlement

не на склоне отрога Терактинского хребта (рис. 1). Через ложбину проходит оросительный канал, использовавшийся вплоть до 2000-х гг. Наклонная площадка склона, на которой располагается памятник, обращена к югу (рис. 2). Поселение небольшое, общая площадь составляет около 0,1 га. В верхней части памятника находится валун размерами около 8х8 м. К востоку от валуна, также в верхней части склона, прослеживается слабо задернованная однорядная выкладка подовальной формы, выложенная плоскими гранитными камнями. Выкладка вытянута по линии запад-восток. Размеры выкладки составляют 8,5х5 м. С западной стороны выкладка пристроена к двум небольшим валунам.

Главной причиной раскопок стало аварийное состояние памятника – по руслу ложбины проходит сезонный сток воды, из-за чего образовались довольно крупные промоины. Судя по подъемному материалу, сильно пострадал культурный слой в нижней части памятника. В 2020 г. здесь была произведена зачистка стены размыва (Константинов, 2021), а в 2021 г. заложен прямоугольный раскоп площадью 96 кв. м. Раскопки проводились по пластам толщиной 10 см, культурный слой пройден практически на 1 м. Работы продолжались в течении двух лет, но, в силу ряда причин, раскоп закончить на данный момент не удалось, он был законсервирован.

Судя по всему, основная территория памятника находится на наклонной площадке северного склона. Раскопками исследована часть зольника поселения, расположенного на нижнем краю жилого пространства. Грунт, из которого сложен культурный слой поселения на исследованном участке, содержит большое количество золы, особенно в северной половине раскопа (рис. 3), то есть со стороны склона, на котором располагалось основное поселение. По профилю северной стены, в пределах пройденной раскопками глубины, прослеживается четыре золистых слоя, разделенных прослойками темного углистого грунта. Вероятно, слои связаны с переотложе-

Рис. 3. Поселение Купчегень-1. Северная половина и стена раскопа на уровне пласта 8.
Fig. 3. Kupchegen-1 settlement. Northern half and excavation wall at layer 8 level

ниями, случавшимися еще во время функционирования поселения.

В раскопе выявлена только одна конструкция – очаг, выложенный небольшими камнями. Он располагался в северо-восточной части на глубине около 30 см и исследован не полностью, поскольку значительная его часть находится за пределами раскопа. Размеры попавшей в раскоп части объекта составляют 1,15х0,65 м. Очаг был заполнен и перекрыт слоем светло-серой золы мощностью до 24 см, поверх которой прослеживалась прослойка углистого грунта.

Характеристика находок на памятнике.

Культурный слой поселения довольно насыщенный, наибольшая концентрация находок пришлась на северную половину раскопа. Основным массовым материалом являются фрагменты костей животных и фрагменты керамической посуды. Всего в ходе работ на поселении найдено 43 тыс. фрагментов *костей животных*, относящихся к кухонным отходам. Целых костей практически не встречается, все они разрублены в процессе разделки туш, приготовления и употребления пищи. На данный момент получены археозоологические определения только по фрагментам костей животных, обнаруженным при зачистке размыва в 2020 г. (Онищенко, Константинов, 2021), что составляет малую часть всей коллекции памятника.

Другой категорией массового материала являются фрагменты *керамической посуды*. На поселении найдено около 3800 фрагментов керамики. Вся керамика лепная, выглядит довольно однородно, однако найдено около двух десятков фрагментов, отличающихся от основного комплекса. Они найдены преимущественно в южной половине раскопа в грунте, не содержащем золы. Эти фрагменты можно отнести к эпохе ранней бронзы (орнаментированные в виде зигзагообразных линий, образованных оттиском гребенчатого штампа) и раннему железному веку (орнаментированы налепным валиком с насечками).

Основной комплекс представлен фрагментами, главным образом, плоскодонных баночных сосудов, изготовленных довольно небрежно. Орнаментация средневекового комплекса керамики представлена следующими видами (рис. 4; 5):

- ряды пальцевых защипов;
- ряды ногтевых вдавлений;
- пальцевые защипы по внешнему краю венчика;
- ряды оттисков двузубчатого штампа;
- ряды вдавлений уголка лопатки;
- прочерчивания, в том числе дугообразными линиями;
- прочерчивания гребенчатым штампом;
- насечки по срезу венчика;
- прокатанный орнамент в виде ромбических оттисков и наклонных линий.

Индивидуальные находки представлены различными изделиями из кости, рога, металла, керамики и камня. Выделяются несколько групп изделий – инструменты и орудия труда, ножи, предметы вооружения, конского снаряжения, украшения и пр.

Самой многочисленной категорией индивидуальных находок являются *керамические пряслица*. Всего на поселении найдено 19 фрагментов пряслиц и одна заготовка. Ни одного целого изделия на поселении найдено

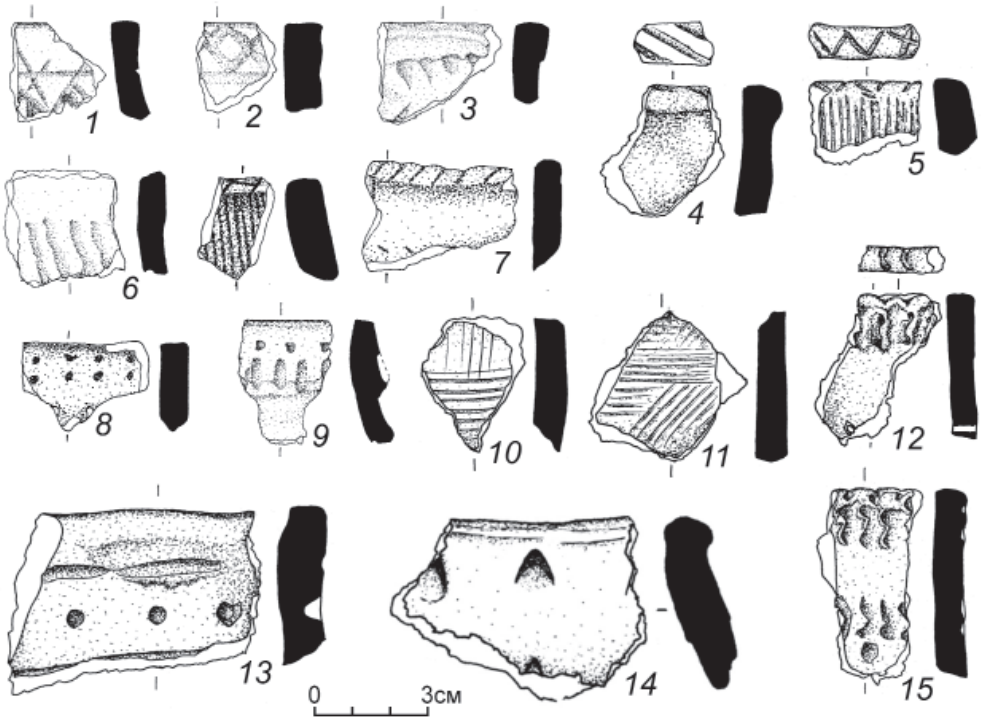

Рис. 4. Поселение Купчегень-1. Фрагменты орнаментированных керамических сосудов.
Fig. 4. Kupchegen-1 settlement. Fragments of ornamented pottery

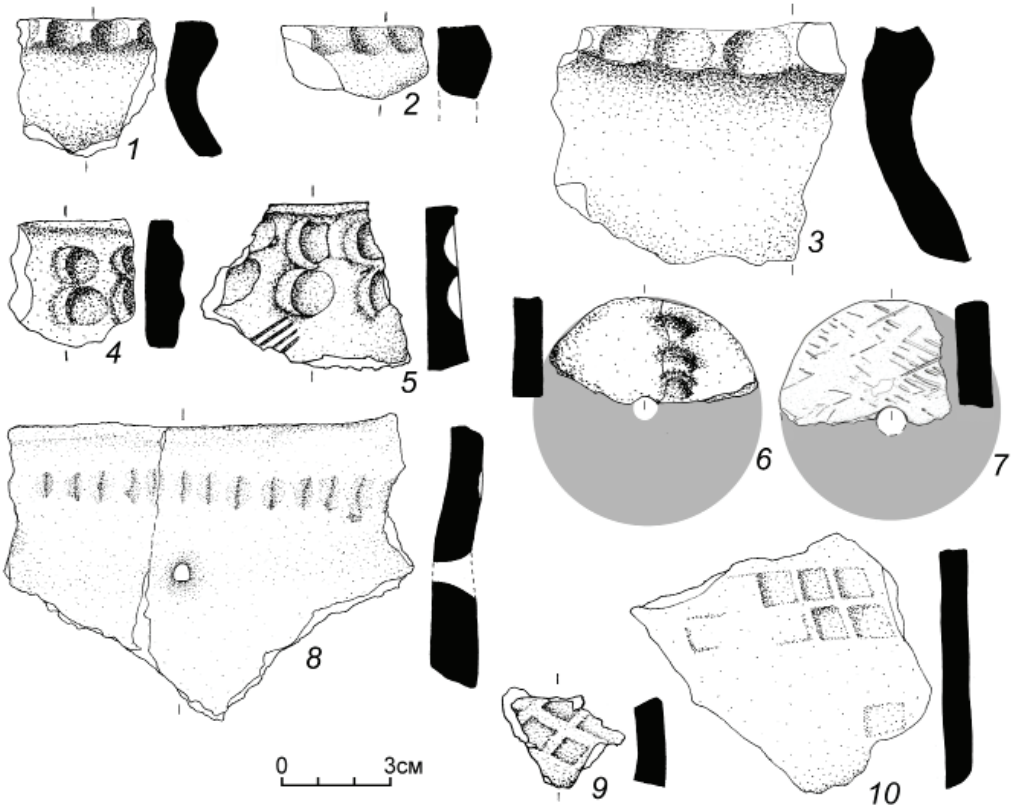

Рис. 5. Поселение Купчегень-1. Фрагменты керамических сосудов (*1-5, 9-10*) и пряслиц (*6, 7*), изготовленные из орнаментированных стенок сосудов.
Fig. 5. Kupchegen-1 settlement. Fragments of pottery (*1–5, 9–10*) and spindle whorls (*6, 7*) made of ornamented vessel walls

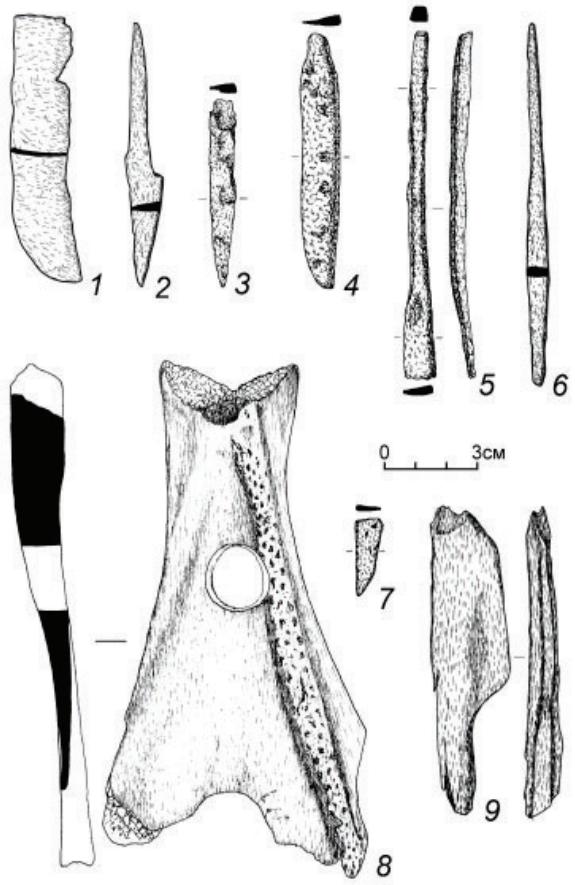

Рис. 6. Находки на поселении Купчегень-1. Ножи и их фрагменты (*1-4, 7*); стамеска (*5*); напильник (6); кожевенные инструменты(?) (*8-9*). *1-5, 7* – железо; *6* – кость.

Fig. 6. Finds from the Kupchegen-1 settlement. Knives and their fragments (*1–4, 7*); chisel (*5*); file (*6*); leather-working tools (?) (*8–9*). *1–5, 7* – iron; *6* – bone

не было. К подъемному материалу относится один фрагмент (рис. 5: 7), остальные найдены при раскопках. Большинство пряслиц изготовлено из стенок керамических сосудов. Три фрагмента относятся к лепным изделиям, то есть они были специально изготовлены из глины. Одно из них было орнаментировано. Три пряслица изготовлены из орнаментированных участков стенок сосудов, узоры на которых соответствуют основному керамическому комплексу. Большинство изделий этой категории найдено в северной половине раскопа.

Ножи. На поселении найдены два целых ножа и фрагменты еще трех (рис. 6: 1-4, 7). Один целый железный нож происходит из подъемного материала. Изделие имеет небольшие размеры (общая длина 8,5 см, лезвия 4,3 см) и значительную степень сработанности (рис. 6: 2). Возможно, из-за сработанности имеет прямое лезвие и загнутую к лезвию спинку. На спинке клинка четко выражен упор. Второй целый нож происходит из раскопок (рис. 6: 4). У него слабо выраженное острие и короткий черенок для ручки со сглаженными упорами.

Также из найденных на поселении фрагментов ножей отдельно стоит указать фрагмент клинка ножа с закругляющейся к концу спинкой, без выраженного острия (рис. 6: 1). Он происходит из подъемного материала. Длина фрагмента 9 см, ширина 2 см. Вероятнее всего, что это фрагмент серповидного ножа, хотя по сохранившейся части невозможно уверенно атрибутировать это изделие. Остальные находки фрагментов ножей, обнаруженных при раскопках, это небольшой фрагмент острия ножа (рис. 6: 7) и фрагмент клинка ножа (рис. 6: 3). Из-за плохой сохранности трудно что-либо сказать о первоначальной форме этих изделий.

Стамеска. Железное изделие, атрибутированное как стамеска, представляет собой железный стержень (рис. 6: 5). Стержень немного выгнут, в сечении он имеет трапециевидную форму. Один край сплющен для оформления рабочего края.

Напильник(?). Железное изделие, в виде прямоугольного в сечении стержня длиной 12 см (рис. 6: 6). У изделия выражена ручка и рабочая часть.

В северо-западной части памятника найден фрагмент каменного *жернова ручной мельницы* (рис. 7). Реконструируемый диаметр

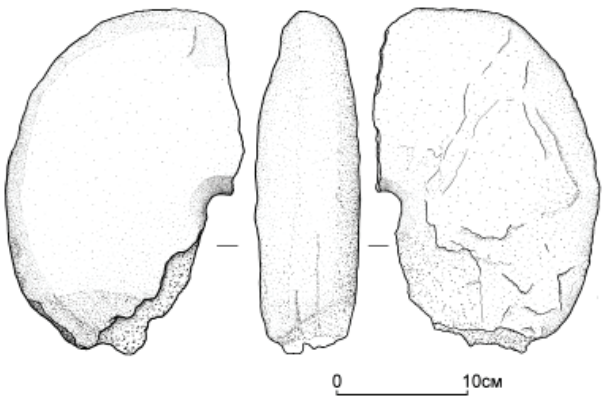

Рис. 7. Каменный жернов ручной мельницы с поселения Купчегень-1.

Fig. 7. Stone millstone from a hand mill found at the Kupchegen-1 settlement

составляет около 35-40 см. Одна сторона изделия плоская, со следами сработанности, другая неровная. Судя по отсутствию углублений для упора ручки, изделие определяется как нижний жернов.

Кожевенные инструменты. Две находки предварительно отнесены к этой категории. Первый инструмент представляет собой лопатку, которой придана плоская форма путем удаления выступающей ости и выравнивания края (рис. 6: 8). В центре лопатки прорезано круглое отверстие диаметром 2,3 см. Края отверстия заполированы. Вероятно, инструмент использовался для изготовления кожаных веревок. Также предварительно к кожевенным изделиям отнесена костяная пластина с вырезанным сглаженным углом (рис. 6: 9). Вырезанный край пластины гладкий, сработанный. Предположительно изделие использовалось в кожевенном деле.

Кресало. К предметам быта относится железное кресало, найденное в пласте 5. Изделие представляет собой подквадратный в сечении стержень с загнутыми концами (рис. 8: 9).

Непонятно назначение круглого *каменного изделия с отверстием* в центре (рис. 9: 8). Изделие плоское, диаметр около 2,3 см. Вероятно диск использовался в качестве утяжелителя в производстве тканей, или это грузило, то есть деталь рыболовных снастей.

Астрагал с отверстием. На поселении найдено довольно много таранных костей овец, однако только на двух из них прослеживаются следы обработки в виде просверленных отверстий. На одном изделии кроме отверстия еще прослеживаются процарапанные насечки в виде креста (рис. 8: 11). Как известно по данным этнографии, таранные кости использовались как игральные кости, а также из них делали подвески к детским колыбелям.

Конское снаряжение. Несколько находок относится к деталям конского снаряжения, в том числе уникальная для Алтая находка – железная подкова (рис. 8: 3). Имеет характерную форму, одна плоскость подковы плоская, а на другой стороне по внешнему краю прослеживается выступающий бортик. На подкове четыре отверстия для крепления. Предмет принадлежит к подъемному материалу, был найден на размыве. Также на разрушениях обнаружен короткий стержень со шляпкой (рис. 8: 4). Не исключено, что это заготовка гвоздика для крепления подковы. Еще один подобный стержень найден при раскопках в пласте 3.

К конскому снаряжению принадлежит роговая цурка (застежка для пут лошади) (рис. 8: 13). Изделие имеет вид узкой пластинки-стержня, в центре которой была сделана прорезь. Рамка утрачена, однако судя по следам скола, изначально цурка имела характерную форму со смещенной прорезью.

Также в эту категорию предметов предположительно включена костяная пронизка оригинальной формы (рис. 8: 10).

Вооружение. На поселении найдены две панцирные пластины – одна обнаружена на размыве (рис. 8: 1), то есть относится к подъемному материалу, а вторая найдена при раскопках в пласте 3 (рис. 8: 2). Обе пластины имеют схожие размеры и одинаковую овально-прямоугольную форму, однако различаются по количеству отверстий. Найденное на размыве изделие вдоль одного края имеет большее количество отверстий с одного края, по всей видимости, эта пластина была крайней в полосе[1]. Толщина пластин уменьшается к боковым краям, судя по всему, для лучшего соединения с соседними пластинами.

При зачистке размыва в 2020 г. найдена костяная колчанная петля. Изделие представляет собой узкую вытянутую пластину, расширяющуюся в средней части (рис. 8: 14). Длина сохранившейся части пластины 10,3 см, ширина 1,7 см. Вдоль средней части пластины просверлены небольшие круглые отверстия и одно подпрямоугольное отверстие с закругленными углами.

Также к предметам вооружения относится заготовка наконечника стрелы(?) из рога (рис. 8: 5). Боевая часть четырехгранная в сечении, нижняя часть оформлена в виде шарика. Костяные втульчатые наконечники со свистунками похожей формы встречаются при исследовании погребальных памятников предтюркского и раннетюркского времени.

Накладка на лук(?). Вытянутая роговая пластина от составной накладки на лук (рис. 8: 12). На одном конце пластины оформлен характерный вырез для соединения со второй частью пластины. Одна сторона обработана, ей придана плоская поверхность.

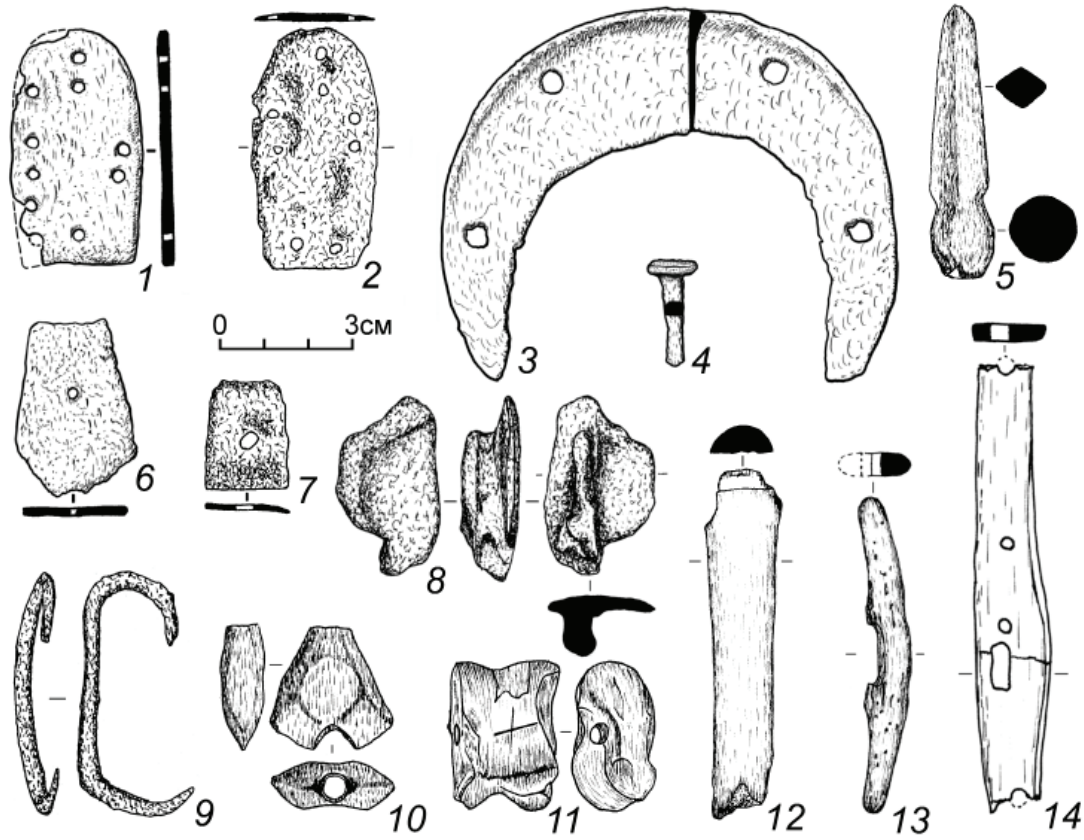

Рис. 8. Находки на поселении Купчегень-1. Панцирные пластины (*1-2*); подкова (*3*); гвоздик/заклеп (*4*); заготовка наконечника стрелы(?) (*5*); пластинки с отверстием (*6-7*); оплавленное изделие (*8*); кресало (*9*); пронизь (*10*); таранная кость овцы (*11*); накладка на лук(?) (*12*); цурка (*13*); колчанная петля (*14*). *1-4, 6-7, 9* – железо; *5, 10-14* – кость; *8* – бронза(?).

Fig. 8. Finds from the Kupchegen-1 settlement. Armor plates (*1–2*); horseshoe (*3*); nail/rivet (*4*); arrowhead blank (?) (*5*); perforated plates (*6–7*); melted item (*8*); fire lighter (*9*); bead with hole (*10*); sheep talus bone (11); bow plate (?) (*12*); peg (*13*); quiver loop (*14*). *1–4, 6–7, 9* – iron; *5, 10–14* – bone; *8* – bronze (?)

Украшения. К предметам украшения относятся найденные при раскопках на поселении несколько бусин и подвесок. Всего на поселении найдены три бусины, изготовленные из стекла (рис. 9: 6), камня (по-видимому, сердолика) (рис. 9: 7) и позвонка крупной рыбы (рис. 9: 5). Также обнаружено четыре подвески из зубов животных (рис. 9: 1-4) и одна подвеска из кости (рис. 9: 9), вероятно, имитирующая зуб.

Непонятно назначение двух небольших железных пластинок с отверстиями. Пластинка, имеющая прямоугольную форму, (рис. 8: 7) найдена при раскопках, вторая пластинка имеет форму, расширяющуюся к одному краю (рис. 8: 6). Возможно, пластины служили украшениями конского снаряжения. Также на данный момент сложно определить назначение металлического (бронзового?) оплавленного изделия (рис. 8: 8).

На двух каменных плитках обнаружены гравировки. На одном были прочерчены прямые линии, не представляющие какой-либо изобразительный сюжет. Второй камень представляет собой прекрасный образец изобразительного искусства. На небольшой плитке, которая вероятно была частью абразива, выгравирована миниатюра, изображающая летящую утку. Этой находке посвящена отдельная статья (Константинов, Урбушев, 2023)

Хронология памятника.

Естественнонаучное изучение материалов памятника продолжается, однако на данный момент еще не удалось получить радиоуглеродных дат. Поэтому для датировки памятника имеет значение культурно-хронологический анализ предметного комплекса. Основной комплекс, как уже упоминалось, относится к средневековью, однако присутствуют матери-

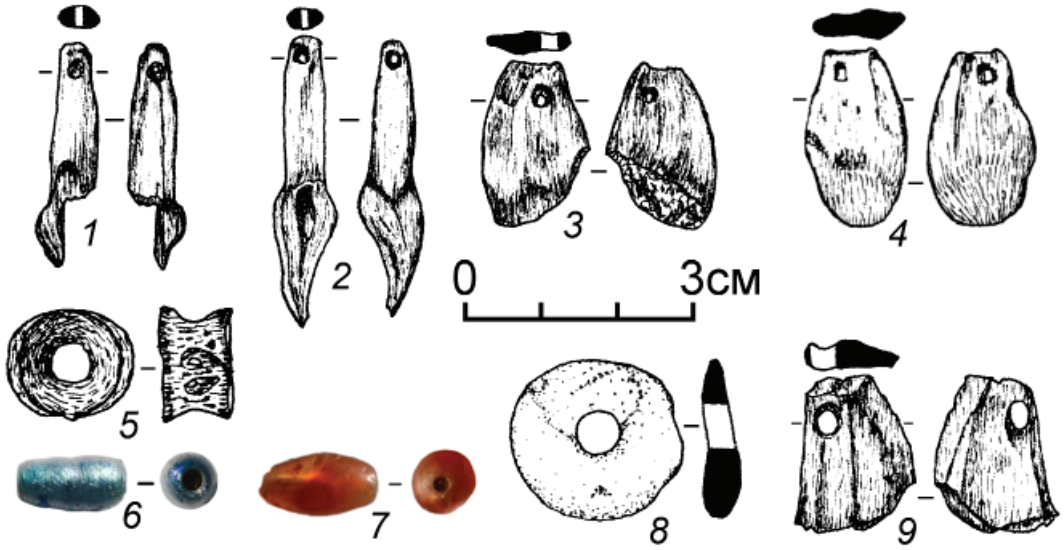

Рис. 9. Находки на поселении Купчегень-1.
Подвески (*1-4, 9*), бусины (*5-7*), утяжелитель(?) (*8*). *1-5, 9* – кость; *6* – стекло, *7-8* – камень.
Fig. 9. Finds from the Kupchegen-1 settlement.
Pendants (1–4, 9), beads (5–7), weight (?) (*8*). *1–5, 9* – bone; *6* – glass; *7–8* – stone

алы более раннего времени. Имеются около двух десятков фрагментов керамики, которые могут быть отнесены к эпохе бронзы и к раннему железному веку.

Основной керамический комплекс имеет некоторые параллели среди немногочисленных сосудов, найденных в раннесредневековых погребениях Алтая. Так, орнаменты в виде вдавлений кончиком пальца и ногтевых вдавлений имеются на сосудах из могильника Кудырге (Гаврилова, 1965, табл. XXIV); орнамент в виде дугообразных линий известен на сосуде из кургана 2 могильника Калбак-Таш (Кубарев, 2005, табл. 116); защипы вдоль внешнего края венчика отмечены на сосуде, найденном в кургане 34а могильнике Айрыдаш. Аналогии орнаментации прослеживаются и среди керамических комплексов из поселенческих слоев, относимых к раннему средневековью (Кунгуров, 1994; Степанова, Горбунов, 1994; Кирюшин и др., 1995; Шульга, 1998). Наблюдаются параллели также в материалах поселений раннесредневековой сросткинской культуры Верхнего Приобья (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016).

Интересна и, относительно алтайских древностей, уникальна находка железной подковы. О том, что «в IX-X вв. кыргызы начали ковать лошадей, применяя подковы» упоминает С.В. Киселев (1949, с. 328). Известны чжурчженьские подковы XII-XIII вв. в Приморье (Шевкунов, 1990, с. 120), которыми, по данным исследователей, ковались не только лошади, но и быки (Артемьева, Болдин, 2015, с. 88, рис. 7: 5-10). Найдены подковы и при раскопках Каракорума, столицы Монгольской империи (Киселев, Мерперт, 1965, с. 209).

Аналогии костяной колчанной петле датируются последними веками I тыс. – первыми веками II тыс. н.э. Подобные изделия широко представлены в материалах VIII–XIV вв. н. э. в западной части евразийских степей и на соседних территориях (Федоров-Давыдов, 1966, с. 31–32, рис. 2: 4; Медведев, 1966, с. 20, табл. 8, 9; Флерова, 2000; Гарустович, Иванов, 2014, рис. 15: 7; 35: 12; 59: 11). В западно- и южносибирских материалах такие петли датируются специалистами преимущественно с IX по XII вв. н.э. (Адамов, 2000, с. 42, рис. 35: 9; Илюшин, 1993; 2012, рис. 54: 6; Худяков, Нестеров, 1984, рис. 9: 1; Кызласов, 1986, с. 164–165).

Панцирные пластины, аналогичных форм с купчегенскими находками, имеют широкий хронологический диапазон существования – с III в. до н.э. по XII в. н.э. (Горбунов, 2003, с. 51). Однако наиболее близкие по параметрам пластины найдены в западных предгорьях Алтая на могильнике Гилево-III, отнесенном к кыргызской культуре и датируемом IX-X вв. (Горбунов, 2003, с. 36, рис. 28).

Роговые цурки, аналогичные найденной на Купчегене-1, довольно частая находка при раскопках раннесредневековых тюркских погребений Саяно-Алтая (Овчинникова, 1991,

с. 126; рис. 51; Кубарев, 2005, с. 136-137) и могут быть датированы второй половиной I – началом II тыс. н.э.

Также определенное значение для датировки комплекса имеют находки пряслиц, хотя они не дают узкой хронологии. Большинство изделий, обнрауженных на памятнике, сделаны из стенок керамических сосудов. Именно такие пряслица более всего характерны для раннесредневековых тюркских погребений Алтая (Кубарев, 2005, с. 77). В материалах предшествующих периодов иногда встречаются диски, изготовленные из стенок сосуда (Соенов, Эбель, 1992, с. 45; Соенов и др., 2011, с. 32; Шульга, 2015, с. 86). Но, как правило, в более ранее время пряслица вылеплялись из глины специально.

Затруднительна датировка заготовки костяного наконечника стрелы. Заготовка изделия, судя по всему, аналогична костяным втульчатым наконечникам со свистунками, которые преимущественно находятся в погребальных памятниках Алтая гунно-сарматского времени, однако известны и в раннетюркских памятниках (Тишкин, Серегин, 2011, с. 24). Хотя они и «выглядят архаично» для раннего средневековья, это скорее объяснимо тем, что раннесредневековые погребальные колчанные наборы, за редким исключением, не включали костяные наконечники стрел. Поэтому тут только можно констатировать слабое знание таких изделий тюркского времени Алтая из-за особенностей «курганной» археологии региона.

В целом, материалы поселения Купчегень-1 показывают, что основной материал памятника относится к последним векам первого – первым векам второго тыс. н.э. Не исключено, что после получения заключений радиоуглеродного анализа, хронология памятника будет скорректирована и сужена.

Перспективы развития поселенческой археологии Алтая

Несмотря на слабую изученность средневековых поселенческих памятников, тем не менее, имеется ряд поселений, на которых выделяются материалы или даже слои этой эпохи. Наибольший вклад в изучение алтайских поселений внес П.И. Шульга. В 1980-е гг. в ходе подготовки диссертации по изучению поселений раннего железного века исследователь, благодаря разработанной методике поиска, открыл около 100 поселений (Шульга, 2015, с. 11), в том числе со средневековыми материалами. Кроме того, в 1980-е гг. в рамках охранных работ в связи с планами строительства Катунской ГЭС исследован ряд поселений со слоями или комплексами вещей, относимых к эпохе средневековья. На сегодняшний день известны такие поселения со средневековыми материалами как Партизанская Катушка (вскрыто 300 кв. м), Тыткескень-3, Малый Дуган (934 кв. м.), Узнезя-1 (1432 кв. м), Сары-Бел (48 кв. м), Тыткескень-6 (Шульга, 1998; Кунгуров, 1994; Степанова, Горбунов, 1994; Кирюшин и др., 1995; Матренин, 2007).

Трудно переоценить научный потенциал поселенческих памятников эпохи средневековья Юго-Западного Алтая и Зайсанской котловины. На комплексы этого региона было обращено внимание исследователей в последние годы (Омаров, Бесетаев, 2020; Омаров и др., 2024). Здесь кроме небольших поселений, судя по всему, выявляется средневековый центр урбанизации. В этом контексте особое значение приобретают сведения о кимакской урбанизации, зафиксированные в арабских источниках и проанализированные Б.Е. Кумековым. Согласно этим данным, в IX–XI вв. у кимаков существовали укрепленные городские центры (включая столицу Имакия), развивались оседлые поселения и ремесла, а также осуществлялся централизованный сбор и торговля драгоценными металлами. Эти указания, хотя и требуют археологической верификации, задают потенциальные ориентиры для поиска городских и поселенческих объектов кимакского времени на Алтае (Кумеков, 1972).

Ознакомление с публикациями показало, что даже полученные материалы имеют определенный потенциал. Во-первых, можно уточнить время образования культурных слоев эпохи средневековья благодаря радиоуглеродному анализу находок, полученных в ходе старых раскопок. Во-вторых, определенный потенциал есть и в установлении характера памятников, то есть выделения летних и зимних поселений благодаря применению естественнонаучных методов.

Что касается поселения Купчегень-1, в этом отношении такая работа тоже ведется. Не исключено, что это поселение было стационарным и постоянным, что может объяснить формирование довольно мощного культурного слоя. Вокруг памятника зафик-

сировано значительное количество оросительных каналов, что в целом характерно для центральноалтайских районов. Протяженные каналы фиксируются по небольшой долине р. Купчегень, примыкающей к основной долине. Некоторые из них использовались вплоть до 2000х гг. для полива огородов. Однако еще в 1826 году о посевах ячменя, а также ржи и пшеницы по долине Б. Ильгуменя сообщал ботаник Бунге, работавший в составе экспедиции Ледебура (Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 204). Эти небольшие поля, по свидетельству исследователя, алтайцы поливали при помощи оросительных каналов.

Радиоуглеродные даты исследованных на Алтае каналов (Константинов и др., 2023) и другие данные, позволяют допустить вероятность использования по крайней мере части зафиксированных в районе памятника оросительных систем жителями средневекового поселения Купчегень-1. Свидетельством наличия земледелия является фрагмент нижнего жернова ручной мельницы – находка, представленная на алтайских памятниках начиная с раннескифского времени. Судя по всему, на предмонгольское время, к которому относится поселение Купчегень-1, приходится расцвет земледелия на Алтае. Это могло быть связано с благоприятными климатическими условиями средневекового оптимума. Два средневековых отвала плугов, найденные в разных местах Республики Алтай (Кубарев, 1997; Полосьмак, Дядьков, 2021, с. 605), скорее всего относятся к этому периоду.

Хорошо представлены также и другие направления хозяйственной деятельности, которые будут изучены в ходе будущих исследований. Так, при раскопках поселения найдено 43 тыс. фрагментов костей животных и определена лишь малая часть, поэтому полученные выводы, связанные со спецификой скотоводства (Онищенко Константинов, 2021), пока можно определить как предварительные. Также на поселении найдены куски железного горнового шлака и железные заготовки, что может свидетельствовать о железоделательном производстве на поселении. Возможно, на неисследованной части памятника находятся объекты, связанные с этим направлением хозяйственной деятельности.

Таким образом, поселение Купчегень-1 датируется последними веками I – первыми веками II тыс. н.э. Это небольшой памятник, который, по всей видимости, существовал непродолжительное время. Материалы других периодов представлены единичными находками, по крайней мере, на исследованной части. Благодаря этому нет существенного перемешивания с материалами других периодов, хотя, конечно, нужно учитывать, что поселение открытый комплекс. Тем не менее, поселенческий комплекс выглядит в целом довольно «монолитным». Учитывая слабую исследованность поселенческих комплексов в регионе, Купчегень-1 может послужить в качестве опорного памятника для выделения средневековых поселений.

Примечание:

[1] Пользуясь случаем, выражаем благодарность Ю.А. Филипповичу за консультацию относительно особенностей пластинчатого доспеха.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.

Артемьева Н.Г., Болдин В.И. Земледелие и животноводство чжурчжэней Приморья в XII–XIII вв. (по письменным и археологическим источникам) // РА. 2015. № 3. С. 79–93.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX – XV вв. н.э.). Уфа: Изд-во БГУ, 2014. 328с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: АлтГУ, 2003. 174 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сросткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №4 (92). С. 218–229

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины раки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: КузГТУ, 2012. 188 с.

Киселёв С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 188–215.

Константинов Н.А. Предметный комплекс поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 1. С. 19–33.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф, Кунгурова Н.Ю. Поселение Сары-Бел // Известия лаборатории археологии. Вып. 1 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1995. С. 6–19.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири/ МИА. № 9. Л.: АН СССР, 1949. 364 с.

Константинов Н.А., Урбушев А.У. Изображение птицы на каменной плитке с поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 2. С. 95–109.

Константинов Н.А., Бекетова Т.А., Соенов В.И., Жилич С.В., Рудая Н.А. Ирригационные системы Алтая: результаты и перспективы археологических исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 2. С. 104–112.

Кочеев В.А. Раскопки Горно-Алтайского краеведческого музея на могильниках Усть-Кожолю в 1989 году // Древности Алтая. № 12 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. С. 58–70.

Кубарев Г.В. О земледелии на Алтае в древнетюркскую эпоху // Изв. Лаборатории археологии. № 2 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 154–157.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая / Отв.ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 43–58.

Кызласов И.Л. Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материалы по археологии Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 100–129.

Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск: Наука, 1993. 414 с.

Матренин С.С. Находки предметов эпохи средневековья с памятника Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, В.П. Семибратов. Барнаул: АлтГУ, 2007. С. 143–148.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б. О результатах разведочных работ в Восточном Казахстане в 2019 г. // Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований». Т. 2 / Глав. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 454–466.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Константинов Н.А., Сагындыкова С.Т. Разведочные работы Маркакольского отряда в Восточно-Казахстанской области в 2024 году // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. Алматы, 2024. С. 48–56.

Онищенко С.С., Константинов Н.А. Результаты анализа зооархеологической коллекции поселения Купчегень-1 (по материалам разведок 2020 года) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. № 14. С. 69–89.

Полосьмак Н.В., Дядьков П.Г. Археологические исследования Катандинской долины // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 600–607.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. 228 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Степанова Н. Ф., Горбунов В.В. Находки эпохи средневековья с поселений Малый Дуган и Узнезя-I // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая / Отв. ред. В.Н. Елин. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. С. 82–85.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2011. С. 14–32.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Флерова В.Е. Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 101–116.

Худяков Ю.С., Нестеров С.П. Группа погребений Ник-Хая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.Е. Медведев. Новосибирск: Наука, 1984. С. 131–142.

Шевкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII – XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни // Древние поселения Алтая / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 146–164.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: НГУ, 2015. 336 с.

Информация об авторах:

Константинов Никита Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); nikita.knstntnv@yandex.ru.

Куюков Роман Владиславович, научный сотрудник отдела истории, Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия); kuyukov.roman@mail.ru.

Айткали Азат Калыулы, Ph.D, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана (г. Астана, Казахстан); azza_semsk@mail.ru.

REFERENCES

Adamov, A. A. 2000. *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. (Novosibirsk Ob Region in the 10th-14th cc.).* Tobol'sk, Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).

Artemieva, N. G., Boldin, V. I. 2015. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 79–93 (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaĭskikh plemen (The Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altai tribes).* Moscow; Leningard: "Nauka" Publ. (in Russian).

Garistovich, G. N., Ivanov, V. A. 2014. *Materialy po arkheologii srednevekovykh kochavnikov Yuzhnogo Urala (IX – XV vv. of n.e.) (Materials on the Archaeology of the Medieval Nomads of the Southern Urals (9th-15th centuries AD)).* Ufa: Bashkir State University (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2003. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Chast' I: Oboronitel'noe vooruzhenie (dospekh) (Military Science of Altay Population in III-XIV Centuries. Part I. Defensive armature (armour))*. Barnaul: State University (in Russian).

Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Kungurov A.L. 2016. In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 92(4), 218–229 (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1993. *Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny raki Bachat (Barrows of medieval nomads of the Raki Bachat valley).* Kemerovo: "Kuzbassvuizdat" Publ. (in Russian).

Ilyushin A.M. 2012. *Kurgany pozdnikh kochevnikov bliz ust'ya Ura (Barrows of late nomads near the mouth of the Ur River).* Kemerovo: KuzSTU (in Russian).

Kiselev, S. V., Merpert N. Ya. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Cities).* Moscow: "Nauka" Publ., 188–215 (in Russian).

Konstantinov, N. A. 2021. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research)* 33 (1), 19–33 (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A., Stepanova, N. F, Kungurova, N. Yu. 1995. In Soenov, V. I. (ed.). *Izvestiia laboratorii arkheologii (Bulletin of the Archaeology Laboratory)* 1. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Pedagogical Institute, 6–19 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1949. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient history of Southern Siberia).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 9. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Konstantinov, N. A., Urbushev, A. U. 2023. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (2), 95–109 (in Russian).

Konstantinov, N. A., Beketova, T. A., Soenov, V. I., Zhilich, S. V., Rudaya, N. A. 2023. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 2 (51), 104–112 (in Russian).

Kocheev, V. A. 2004. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya (Antiquities of Altai)* 12. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 58–70 (in Russian).

Kubarev, G. V. 1997. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altay. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 2. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University Publ., 154–157 (in Russian).

Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Kumekov, B. E. 1972. Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po istochnikam. *(The State of the Kimaks in the 9th – 11th Centuries According to Sources).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kungurov, A. L. 1994. In Kiriushin Yu. F. (ed.). *Arkheologiia Gornogo Altaya (Archaeology of mountain Alatai)*. Barnaul: Altai University Publ., 43–58 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1986. In Surazakov, A. S. (ed.). *Materialy po arkheologii Gornogo Altaia (Materials on the Archaeology of Gorny Altai).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 100–129 (in Russian).

Ledebour, K. F., Bunge, A. A., Meyer, K. A. 1993. *Puteshestvie po Altayskim goram i Dzhungarskoy Kirgizskoy stepi (Trip through the Altai Mountains and the Dzungar Kyrgyz Steppe).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Matrenin, S. S. 2007. In Kiryushin, Yu. F., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai)* XVI. Barnaul: Altai State University, 143–148 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaya v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th –10th centuries).* Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

Omarov, G. K., Besetaev, B. B. 2020. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2020. Velikaia Step' v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovanii (17–18 sentiabria 2030 goda). (Great Steppe in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Studies: Margulan Readings – 2020 (September 17–18, 2020)).* 2. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan Publ. 454–466 (in Russian).

Omarov, G. K., Besetaev, B. B., Konstantinov, N. A., Sagyndykova, S. T. 2024. *Altay – tyrki әleminің altyn besigi (Altai – Turkic Culture).* Almaty, 48–56 (in Russian).

Onishchenko, S. S., Konstantinov, N. A. 2021. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 14, 69–89 (in Russian).

Polosmak, N. V., Dyadkov, P. G. 2021. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 27. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 600–607 (in Russian).

Soenov, V. I., Trifanova, S. V., Konstantinov, N. A., Shtanakova, E. A., Soenov, D. V. 2011. *Cheposhskie gorodishcha (Cheposh Hillforts).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University (in Russian).

Soenov, V. I., Ebel, A. V. 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni (Barrows of the Hunno-Sarmatian Era on the Upper Katun).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Pedagogical Institute (in Russian).

Stepanova, N. F., Gorbunov,V. V. 1994. *Problemy izucheniya kul'turno-istoricheskogo naslediya Altaya (Issues of Studying the Cultural and Historical Heritage of Altai).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk Research Institute of History, Language, Literature, 82–85 (in Russian).

Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research)* 6. Barnaul: Altai State University, 14–32 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Flerova, V. E. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 101–116 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S., Nesterov, S. P. 1984. In Medvedev, V. E. (ed.). *Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka (Archaeology of Southern Siberia and the Far East).* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 131–142 (in Russian).

Shevkunov, E. V. 1990. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka (Culture of the Jurchen-Udige in the 12th –13th cc, and the Issues of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shulga, P. I. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Frolov, Y. V. (eds.). *Drevnie poseleniya Altaya (Ancient settlements of the Altay)*. Barnaul: Altay University Publ., 146–164 (in Russian).

Shulga, P. I. 2015. *Skotovody Gornogo Altaya v skifskoe vremya (po materialam poseleniy) (Cattle breeders of the Altay Mountains in the Scythian time (according to settlement materials).* Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).

About the Authors:

Konstantinov Nikita A., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Archeology, Ethnology and Museology, Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan); Al-Farabi avenue, 71, Almaty, 050040, Kazakhstan; nikita.knstntnv@yandex.ru.

Kuyukov Roman V., research fellow of the history department of the National Museum of the Altai Republic named after A.V. Anokhin (Gorno-Altaisk, Russian Federation); Choros-Gurkina str. 46, Gorno-Altaisk, 649000, Russian Federation; kuyukov.roman@mail.ru.

Azat K. Aitkali, PhD, Leading Researcher of A.K. Margulan Institute of Archaeology (Astana, Kazakhstan); Beibitshilik str. 25, Astana, 010000, Kazakhstan; azza_semsk@mail.ru.

Статья поступила в журнал 01.05.2025 г.
Статья принята к публикации 11.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.295.305

ПОНЯТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ[1]

©2026 г. В.С. Баранов, В.А. Валеева, К.С. Петухова

В статье рассматривается проблема определения термина «археологическая коллекция». Несмотря на его широкое использование в музейной и археологической сферах, отсутствие унифицированного понимания этого термина создает трудности при определении смысловых и функциональных границ понятия, что в свою очередь, приводит к проблемам при решении практических вопросов сохранения и учета археологических коллекций. Анализ ряда определений археологической коллекции и смежных понятий, таких, как «музейная коллекция», «комплекс археологических находок», фигурирующих в научных статьях, справочной литературе и законодательных документах Российской Федерации, позволил выделить для каждого из них набор характерных признаков. При их сопоставлении выявилось различие в понимании термина «археологическая коллекция» для археологической и музейной сфер, возникающее из-за разницы подходов к данному собранию при его практическом применении. Это ценностный и информационный подходы, противоречие между которыми может быть решено через признание двойственной природы археологической коллекции, имеющей одновременно и ценностную, и информационную составляющую. В качестве принципиального фактора, определяющего единство предметов в коллекции выдвигается возможность получения нового знания и/или фиксация объединяющего данное собрание принципа или объекта.

Ключевые слова: археологическая коллекция, музейная коллекция, комплекс археологических находок, археологизация

DEFINITION OF THE CONCEPT “ARCHAEOLOGICAL COLLECTION”[2]

V.S. Baranov, V.A. Valeeva, K.S. Petukhova

The article considers the issue of defining the term «archaeological collection». Despite its wide use in the museum and archaeological fields, the lack of a unified understanding of this term creates difficulties in defining the semantic and functional limits of the concept. This in turn leads to problems in solving practical issues of keeping and recording archaeological collections. Analysis of a number of definitions of «archaeological collection» and related concepts, such as «museum holdings», «set of archaeological finds», appearing in scientific papers, reference literature and legislative documents of the Russian Federation, allowed to highlight a set of characteristic features for each of them. The difference in the understanding of the term «archaeological collection» for archaeological and museum fields was revealed, arising from the difference in approaches to this collection in its practical application. It is a value and information approaches, the contradiction between which can be resolved by recognizing the dual nature of an archaeological collection, which simultaneously contains both value-based and information-based components. The possibility of obtaining new knowledge and/or the fixation of a principle or object that unites a given collection is put forward as a fundamental factor determining the unity of objects in a collection.

Keywords: archaeological collection, museum collection, set of archaeological finds, archaeologization

Одним из результатов полевой археологической работы, как правило, является выявление и получение групп предметов, связанных с тем или иным археологическим объектом. Будучи извлеченными из культурного слоя поселений или могил некрополей и попадая в музейное хранение, эти находки продолжают свое бытование в качестве единичных музейных предметов или сгруппированных по определенному принципу предметных групп. В археологической и музейной работе при описании таких групп предметов широ-

[1] Исследование выполнено в рамках региональной программы Республики Татарстан «История и культура народов Степной Евразии».

[2] This study was conducted as a part of the programme of the Republic of Tatarstan "History and culture of the peoples of Steppe Eurasia".

ко используется термин «археологическая коллекция», а принцип объединения предметов в коллекцию может определяться целым набором разнообразных факторов:

- единством вида предметов (принадлежность к рубрике «Археология» по форме №8-НК);
- единством места хранения и экспонирования (музей в целом, конкретные музейные фонды, музейная экспозиция);
- единством способа получения и метода изучения (археологические раскопки или разведки, так наз. «старые коллекции» и т.п.);
- единством места обнаружения и/или исследования (археологический памятник, раскоп, объект).

В каждой из обозначенных категорий возможна группировка предметов по дополнительным критериям:

- единство материала (керамика, металл, кость и т.д.) или функции (предметы вооружения, бусы, нумизматический материал и проч.);
- единство «ценностных» характеристик (индивидуальные или массовые находки, соответственно – основной фонд или фонд массовых археологических предметов);
- единство фондообразователя: личности собирателя/исследователя (мемориальные коллекции), организации-сдатчика (учреждения, общества, экспедиции) и др.

Уже из этого перечисления становится очевидным, что одно и тоже понятие «археологическая коллекция» может применяться чрезвычайно широко – соотноситься и со всем собранием археологических предметов, хранящихся в конкретном музее (*археологическая коллекция Музея X.Y.Z.*), и с какой-то отдельной группой археологических предметов внутри собрания (*археологическая коллекция памятника X.Y.Z., или археологическая коллекция господина X.Y.Z., или археологическая коллекция научного общества X.Y.Z. в составе археологической коллекции Музея X.Y.Z.*). Подобная многозначность, не позволяющая установить точные рамки применения термина, приводит к тому, что размываются границы как самого понятия «археологическая коллекция», так и описываемого этим понятием объекта. Это, в свою очередь, ведет к затруднениям в использовании термина в тех сферах, где более всего необходима точность определений, например, в области охраны движимого наследия, в правовых и инструктивных документах, а в музейной практике создает трудности в вопросах организации и систематизации археологических собраний. Следует отметить, что в нормативно-правовой базе РФ, регулирующей вопросы сохранения историко-культурного наследия, отсутствует не только определение «археологической коллекции», но и само это понятие, которое заменено термином «археологический предмет», «археологические предметы» (Федеральный закон ....., 2013, ст. 6).

В 2010 г. в словаре музейных терминов, изданном Государственным центральным музеем современной истории России, появляется термин «комплекс археологических находок» (Словарь…, 2010, с. 75), закрепленный позже в дополнениях 2022 г. к «Единым правилам организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» (Приказ…, 2020, ст. 55.1). Судя по контексту использования, его смысловое наполнение аналогично термину «археологическая коллекция». Косвенно о том же свидетельствует заложенная в словарном определении оговорка: «В музее *[комплекс археологических находок]* может образовывать отдельную коллекцию» (Словарь…, 2010, с. 75).

В обширной литературе (как археологической, так и музееведческой), посвященной проблемам формирования, изучения и использования археологических коллекций, само понятие «археологическая коллекция», его определение, характеристика и свойства более или менее детально рассматриваются только в единичных работах (Бердникова, 2014; Баранов, 2019; Воробьева, 2019; Казанцева, 2019; Дикий, 2020). При этом попытки дать развернутые определения археологической коллекции либо произвести оригинальные наблюдения над ее свойствами, признаками и содержанием термина чаще всего бывают ограничены решением каких-либо конкретных проблем исследования, в котором термин «археологическая коллекция» выступает лишь в качестве одного из связующих элементов логической цепочки авторских построений. Оказавшись перед необходимостью дать терминологическую характеристику археологической коллекции, авторы чаще всего адаптируют ее к той специфической задаче, которую они ставят перед собой, акцентируясь на

связи коллекции с археологическим объектом (Н.Е. Бердникова), актуализации принципа её неделимости (О.А. Казанцева, В.С. Баранов), проблемах её учета и хранения (С.Л. Воробьева) или источниковедческой ценности (Я.В. Дикий). Наиболее нейтральным в плане ориентации на решение локальных проблем и, как следствие, наиболее универсальным, по-видимому, следует считать определение, составленное для Российской музейной энциклопедии выдающимся археологом и теоретиком археологии И.С. Каменецким, чей исследовательский интерес включал, помимо прочего, разработку принципов формализованного описания археологических материалов (Каменецкий, 2001).

Ввиду устойчивой связи археологических коллекций с музейными собраниями, куда эти группы предметов рано или поздно попадают, представляется необходимым привлечь к анализу и определения термина «музейная коллекция», которые с некоторыми вариациями приводятся в ряде музейных справочников и словарей, а также фигурируют в законодательных документах РФ. Ввиду частого дублирования в литературе этих определений, ограничимся наиболее авторитетными изданиями центральных музеев и формулировками законодательства (Словарь…, 2009, с. 53; Словарь…, 2010, с. 73; Федеральный закон…, 1996, ст. 3). Сбор, рассмотрение и интерпретация всех применяемых в публикациях синонимов термина «археологическая коллекция» («коллекция артефактов» и т.п.) в предмет изучения данной статьи не входят.

Метод

Для сопоставления отобранных нами определений совокупность признаков, предлагаемых этими определениями для археологической или музейной коллекции, была разделена на следующие группы: 1 – критерии отбора предметов в коллекцию (информационные и/или ценностные); 2 – признаки собрания, определяющие связь предметов внутри коллекции; 3 – состав собрания; 4 – принципы формирования коллекции. Результаты сведены в таблицу 1.

1. *Критерии отбора предметов*, заложенные в определениях, делятся на информационные и ценностные. Информационные критерии определяют отбор в археологическую коллекцию предметов (и других материалов) как носителей информации; ценностные – как носителей характеристик, обуславливающих историческое, культурное, художественное и др. значение археологической коллекции, а, следовательно, её музейную ценность.

Согласно рассмотренным определениям большинство исследователей при выборе критериев отбора в *археологическую коллекцию* предпочитают информационные критерии, видя в самой коллекции прежде всего источник информации об объекте археологии, из которого эта археологическая коллекция происходит. Выбор ценностных критериев происходит в случае, когда исследователь считает необходимым обозначить (или усилить) тезис об аксиологическом паритете массовых и уникальных находок (Казанцева, 2019, с. 57–58) или сформулировать положение о необходимости сочетания обоих критериев, как выражение двойственной природы археологической коллекции (Баранов, 2019, с. 68–70).

В определении *музейной коллекции*, напротив, доминируют ценностные критерии. Предметы, выделяемые в коллекцию, должны быть культурными ценностями, «обладать научной, исторической, художественной или иной ценностью», что выражает, прежде всего, исторически сложившуюся позицию музейного сообщества. Ценностный подход в отборе присутствует и утверждается музейным законодательством и инструктивными документами Министерства культуры Российской Федерации (Федеральный закон…, 1996, ст. 3; Приказ…, 2020), определяющими порядок приема археологической коллекции в музей через процедуру «экспертизы в целях определения их историко-культурной, художественной, научной и иной ценности» (Приказ…, 2020, ст. 3.2, 55.1).

В какой-то степени компромиссным вариантом в данной оппозиции критериев отбора видится предложенное в словаре 2010 г. (в инструктивных документах появилось в 2021/2022 гг. в главе LV «Единых правил...») понятие *«комплекс археологических находок»* (Словарь…, 2010, с. 75; Приказ…, 2020, ст. 55.1), которое, вероятно, было призвано заменить понятие археологической коллекции в музейной практике. Данный термин, отталкиваясь в первую очередь от ценностного значения комплекса, тем не менее фиксирует связь предметов с археологическим объектом и между собой и отмечает для предметов,

составляющих комплекс археологических находок, свойство взаимного дополнения. Слабым местом этого определения является многозначность понятия «комплекс» в археологии, что с практической точки зрения, с одной стороны, позволяет коллекционно выделять комплексы на уровне отдельных археологических объектов, а с другой, создает условия для искусственного расчленения крупных археологических коллекций, состоящих, как правило, из множества комплексов (отдельных погребений, сооружений, горизонтов и проч.).

2. *Признаки собрания*, определяющие связь предметов внутри коллекции, разнообразны даже в границах одного определения. Для термина *«археологическая коллекция»* это: систематический характер, целостность, неделимость, комплексность, массовость, разнородность, фрагментарность, информационная, источниковедческая и юридическая связь с археологическим объектом. Причем разнообразие это стихийное, рандомное, т.е. зачастую носит случайный, субъективный характер[1]. Среди признаков присутствуют как характеризующие состав археологической коллекции (массовость, разнородность, фрагментарность), так и определяющие характер связей внутри нее (систематический характер, комплексность), фиксирующие связь с археологическим объектом и характер отношения к собранию (целостность, неделимость). Подобный разброс может объясняться как произвольным, случайным характером выделения признаков, так и особенностями подхода авторов определений к понятию археологической коллекции, их целеполаганием. Вместе с тем, во всех случаях прослеживаются попытки зафиксировать сложную природу археологической коллекции, ее синкретичность, которая, в свою очередь, предполагает сложность и многозначность в подборе критериев для ее выделения.

Признаки, определяющие *музейную коллекцию*, в имеющихся определениях точно не обозначены. Отмечается только необходимость общности этих признаков, которые бы определяли связь между предметами для объединения их в коллекцию (происхождение, видовое родство либо иные признаки).

Для *комплекса археологических находок* в качестве определяющего признака обозначена целостность, сохраняемая при научной обработке и хранении, что позволяет в музее выделить данное собрание в качестве «отдельной коллекции». При этом упоминание о возможности коллекционного выделения, поставленное в конце определения, может расцениваться скорее как допущение, не предполагающее обязательного постоянного применения. Параллельное использование в одном определении терминов «комплекс» и «коллекция» само по себе предполагает некую разницу между ними.

3. *Состав собрания археологической коллекции* определен как «предметы археологии», «совокупность археологических предметов», «собрание движимых объектов», «археологические материалы» и т.п. Это фиксирует прежде всего предметный характер состава археологической коллекции. В ряде случаев акцентируется необходимость включения в ее состав сопутствующей исследованиям документации (Бердникова, 2014, с. 100), письменных (научные отчеты, полевые дневники, научно-делопроизводственные и учетные документы) и визуальных (фотографии, чертежи, рисунки) материалов (Дикий, 2020, с. 67). Ресурсный подход к формированию археологической коллекции предполагает расширение ее состава за счет манупортов, палеонтологических и фаунистических остатков, антропологического материала, конструкций, различных следов человеческой деятельности, оформленных в виде монолитов, препаратов, проб (Бердникова, 2014, с. 97–98).

Состав *музейной коллекции* определяется как совокупность музейных предметов или культурных ценностей, *комплекса археологических находок* – как совокупность археологических находок.

4. *Принципы, по которым формируется коллекция* (внешние связи коллекции) фиксируют основания для объединения в нее предметов.

В большинстве случаев объединение предметов в археологическую коллекцию в той или иной мере определяется получением их в ходе археологических исследований (допускается случайный характер находки и независимость формы их получения, если основным методом получения информации о них являются археологические раскопки или разведки), их принадлежностью к археологическому объекту – одному или их совокупности, например,

археологической культуре. Собрание материалов должно максимально приближаться к полному информационному отражению археологического объекта (Бердникова, 2014, с. 97–98).

В качестве важного объединяющего фактора для *музейной коллекции* обозначено то, что предметы приобретают свойства музейного собрания или представляют музейную ценность, только будучи соединенными вместе, выступая как единое целое. При этом утверждается необходимость научной организации собрания или складывания его в результате целенаправленной научной работы, при которой каждый предмет музейной коллекции приобретает особое значение в ряду остальных.

В определении *комплекса археологических находок* объединяющим принципом названо обнаружение предметов на одном археологическом памятнике или связь их с каким-либо объектом внутри памятника (сооружением, погребением, кладом и т.д.), что сближает его с понятием археологической коллекции.

Проблема археологизации

Следует отметить, что среди перечисленных признаков во всех определениях понятийно отсутствует признак «прохождение этапа археологизации», который, на наш взгляд, чрезвычайно важен, так как отражает период пребывания предмета в культурном слое и определенные изменения физического и информационного плана, возникающие при этом. «Особая природа следов и остатков прошлого, их непричастность к настоящей исторической действительности обусловлена тем, что следы и остатки образовывают особый ископаемый мир археологических объектов, лишенных прежних своих функций и непосредственных связей с остальными компонентами прошлой культуры» (Захарук, 1975, с. 5–6). Вместе с тем, наличие стадии археологизации априори предполагается самим понятием «археологический...», прилагаемым к предметам, составляющим наполнение археологической коллекции и к самой коллекции, а также косвенно прослеживается по таким её признакам, как массовость, разнородность, фрагментарность (которые, собственно, и формируются в процессе археологизации). Значение этого признака важно не только с точки зрения формирования археологической коллекции, но и ее атрибуции, так как археологизация связана с самой природой предметов, входящих в археологическую коллекцию и определяет вероятность отложенного, измененного и/или закодированного знания о данном предметном ряде и, соответственно, влияет на её отложенную информационную и ценностную характеристики, которые могут быть выявлены (как правило, только отчасти) лишь в процессе длительных кабинетных и лабораторных исследований и реставрационных работ[2]. В музейной практике информация, которая может быть получена и зафиксирована в процессе этих действий, часто приводит к переатрибуции отдельных предметов археологической коллекции и изменению ее количественного состава.

Выводы

Исходя из рассмотрения и анализа имеющихся в нашем распоряжении терминологических формулировок, можно сделать следующие заключения. В определениях археологической коллекции и музейной коллекции наблюдается явная дихотомия между информационным и ценностным подходами, вытекающая из абсолютного доминирования того или иного подхода к пониманию сущности коллекции и ее целевого назначения в разных сферах применения (музейной и археологической). Данная ситуация фиксирует разницу в подходе к археологической коллекции у археологического и музейного сообществ, первое из которых видит в археологической коллекции (более узко – в археологическом предмете) прежде всего информационный ресурс (археологический источник), второе – движимый объект наследия (единицу хранения, группу единиц хранения). В первом случае доминирует подход: «предмет – средство, информация – цель», во втором, наоборот: «предмет – цель, информация – средство». Такая полярность приоритетов приводит к известному противоречию между запросами изучения и требованиями хранения археологических коллекций[3]. Наиболее рациональным представляется учитывать оба эти подхода, так как ни один из них не исключает другой. По-видимому, необходимо поднять вопрос о двойственной природе археологической коллекции, имеющей как информационное, так и ценностное (аксиологическое) начало. Если второе (благодаря определению музейной коллекции) достаточно четко обозначено как проявление ценности коллекции только

в объединенном виде («будучи соединенными вместе», «только как единое целое»), то значение информационной природы археологической коллекции как ее объединительного фактора в имеющихся определениях в должной мере не проработано.

С позиции информационного подхода любое из представленных выше свойств археологической коллекции может быть охарактеризовано и описано как информация, а сама коллекция – как источник информации. В этом случае определяющим фактором для ее выделения может стать обстоятельство, при котором выявленный в процессе археологического исследования и/или изучения, систематически оформленный, связанный с археологическим объектом комплекс предметов становится носителем качественно иной информации, нежели простая сумма знаний об отдельных предметах, его образующих. Таким образом, археологическая коллекция становится коллекцией, в том случае, если между входящими в нее предметами фиксируются связи и соотношения, которые позволяют на выходе получить новое знание и/или зафиксировать объединяющий данное собрание принцип или объект. Такая постановка вопроса выводит на первый план процедуру выявления и фиксации данных связей, что применительно к полевым и камеральным археологическим исследованиям означает тщательное документирование и изучение вещевых находок, а в музейном плане – систематизацию археологических коллекций с внедрением практик углубленного описания предметов, применение в целях музейной атрибуции данных, полученных в процессе естественно-научных исследований и реставрационно-исследовательских работ, детальное отражение и сохранение результатов этой деятельности в различных формах информационного сопровождения археологических предметов и коллекций.

Примечания:

[1] Отражением подобной рандомности на практике может служить существование в музеях археологических коллекций, характеризующихся случайной, зачастую противоречивой подборкой предметов; при попытке выяснить причины подобной странной комплектации, объяснением выступает неформальный термин «исторически сложившаяся коллекция».

[2] Подробно вопрос археологизации проанализирован в работах Л.С. Клейна. Автор, вслед за Г.Э. Даниелом, рассматривает ее как один из факторов, влияющих на преобразование археологической информации «от истоков социокультурных явлений через отложение этих явлений в археологических материалах до отражения в научной литературе». При этом выделяются два акта археологизации материальной культуры. Первый акт – выход из жизни и депозиция (отложение). Второй акт – постдепозиционный: фоссилизация (переход в ископаемое состояние, истлевание, переотложение) и деструкция (разрушение) древними людьми (перекопы и т.п.). Кроме того, рассматривается и возможность деструкции в настоящее время (вмешательство современных грабителей и т.п.) (Клейн, 1975, с. 42, 43).

[3] Данная проблема была поставлена при проведении Всероссийского научно-практического семинара «Археолог и музей: диалог о вечном», состоявшегося в Казани 11-13 сентября 2019 г. по инициативе Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, на базе Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, при поддержке фонда «История Отечества» и АНОО ВО «Институт культурного наследия и управления». Целью семинара было обсуждение проблем юридического и физического сохранения и дальнейшего использования археологических предметов и коллекций в государственных и негосударственных музеях РФ. Особое внимание было уделено изысканию возможных путей взаимодействия музейного и археологического сообществ, поискам согласованных и взаимоприемлемых решений в вопросах обеспечения целостности археологических собраний, их учета и сохранности (Предисловие, 2019, с. 8).

Благодарности: авторы выражают благодарность к.и.н. Д.Г. Бугрову за участие в разработке концепции исследования, формулировании отдельных выводов и критический анализ текста.

Таблица. 1. Сравнение понятий археологическая коллекция (АК), музейная коллекция (МК), комплекс археологических находок (КАН)
Table 1. Comparison of the concepts “archaeological collection”, “museum holdings” and “set of archaeological finds”

Источник определения	Определение	Критерии отбора материалов		Признаки собрания	Состав собрания	Принципы формирования
		Информационные	Ценностные			
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ (Каменецкий, 2001)	- систематизированное собрание древних предметов и их фрагментов, формирующееся в результате научных археологических работ или случайных находок	«научный подход»: источник для изучения древнейших периодов истории	«музейный подход»: экспонаты	систематический характер, цельность (теоретически)	предметы археологии	- попавшая в АК часть обязательно должна давать представление о всей сумме материала; - при передаче АК на - хранение сокращение «массового» материала следует считать недопустимым
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ (Бердникова, 2014)	- является источником комплексной информации только во всей своей целостности, со всеми ее составляющими, в том числе и различной документацией, приближаясь к полному отражению археологического объекта; - является целостным собранием и должна восприниматься как тот же археологический объект, но в иной информационной системе	источник комплексной и целостной информации об археологическом объекте («тот же археологический объект, но в иной информационной системе»)	–	неделимость, целостность	археологические материалы и сопутствующая исследованиям документация	- собрание материалов, максимально приближающееся к полному информационному отражению археологического объекта
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ (Дикий, 2020)	- комплексный исторический источник, состоящий из трех основных частей: вещественной (археологические находки), письменной (научные отчеты, полевые дневники, научно-делопроизводственные и учетные документы) и визуальной (фотографии, чертежи, рисунки)	комплексный исторический источник, самостоятельная («триединая») единица хранения	–	комплексность	три равноправные части: - вещественная - письменная - визуальная	

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ (Воробьева, 2019)	- совокупность археологических предметов, происходящих с одного археологического объекта, главной особенностью которой является принцип «неделимости. Целостность археологической коллекции признается одним из наиболее важных ее признаков. Она не может быть нарушена, т. е. невозможно распределение коллекции в различные фонды	–	–	целостность, неделимость	совокупность археологических предметов	- предметы объединены отношением к одному археологическому объекту
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ (Казанцева, 2019)	- собрание предметов археологии, отвечающее некоторым принципам, среди которых – бережность, сохранение информации, проверяемость, перспективы, всесторонность изучения, неделимость	сохранение информации, проверяемость, перспективы, всесторонность изучения	единство интереса к массовому и уникальному материалу (вслед за Л.С. Клейном)	- неделимость, - «бережность»	собрание предметов археологии	-
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ (Баранов, 2019)	- собрание движимых предметов, основным источником информации о которых, независимо от обстоятельств их обнаружения, являются археологические раскопки или находки, а также связанных друг с другом отношением к археологическому объекту или совокупности таковых	- источник информации об АК – археологические раскопки или находки; - целостность АК как информационная адекватность археологическому объекту	взаимосвязь ценностных и информационных характеристик АК и зависимость этих характеристик от полноты и целостности АК	- массовость, - разнородность, - фрагментарность - информационная, источниковедческая юридическая связь с археологическим объектом	собрание движимых объектов	получены в ходе археологических исследований или случайным путем, связаны друг с другом отношением к археологическому объекту или совокупности таковых (археологической культуре, этапу и т.п.)
МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ (Федеральный закон № 54-ФЗ, 1996)	совокупность культурных ценностей, которые приобретают свойства музейного предмета, только будучи соединенными вместе в силу характера своего происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам	–	культурные ценности	характер происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам	совокупность культурных ценностей	приобретают свойства музейного предмета, т**олько будучи соединенными вмест**е

МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ (Словарь …, 2009)	совокупность музейных предметов, связанных между собой общностью одного или нескольких признаков и представляющих особую ценность (научную, познавательную, художественную, мемориальную) как единое целое. Является основной формой хранения музейных предметов и складывается в результате целенаправленной научной работы, при которой каждый ее предмет приобретает особое значение в ряду остальных.	–	представляют особую ценность (научную, познавательную, художественную, мемориальную)	предметы связаны между собой общностью одного или нескольких признаков	совокупность музейных предметов	1) представляют особую ценность **как единое целое** 2) **складывается в результате целенаправленной научной работы**, при которой каждый предмет приобретает особое значение в ряду остальных
МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ (Словарь…, 2010)	научно организованная совокупность музейных предметов, связанных общностью одного или нескольких признаков, обладающая научной, исторической, художественной или иной ценностью и представляющая интерес для изучения как единое целое.	–	обладает научной, исторической, художественной или иной ценностью	предметы группируются в коллекции по типам источников, происхождению, содержанию и др.	совокупность музейных предметов	1) научная организация совокупности музейных предметов 2) представляют интерес для изучения **как единое целое**
КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК (Словарь…, 2010)	совокупность археологических находок, обнаруженных на одном археологическом памятнике или связанных с каким-либо объектом внутри памятника (сооружением, погребением, кладом и т.д.). КАН обладает большой научной, исторической и музейной ценностью, т.к. составляющие его предметы взаимно дополняют друг друга. Целостность КАН должна сохраняться при научной обработке и хранении. В музее КАН может образовывать отдельную коллекцию.	–	большая научная, историческая и музейная ценность, т.к. составляющие его предметы взаимно дополняют друг друга	- целостность, сохраняемая при научной обработке и хранении. - в музее может образовывать отдельную коллекцию	совокупность археологических находок	находки, обнаруженные на одном археологическом памятнике или связанные с каким-либо объектом внутри памятника (сооружением, погребением, кладом и т.д.)

ЛИТЕРАТУРА

Баранов В.С. Целостность археологических коллекций в музейном хранении: эффект «распредмечивания» // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 66–74.

Бердникова Н.Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 10. С. 94–109.

Воробьева С.Л. Комплектование, учет, хранение и научное описание археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и практический опыт. Научно-методическое пособие. Уфа: НМ РБ, 2019. 160 с.

Дикий Я.В. Археологические коллекции в составе историко-культурного наследия Бурятии: проблема дефиниций // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2020. № 3 (15). С. 61–72.

Захарук Ю.Н. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума методологичского семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 г. / Отв. ред. В.М. Массон, В.Н. Боряз. Л.: Наука, 1975. С. 4–6.

Казанцева О.А. Делить нельзя изучать (целостность археологической коллекции: возможности и трудности научного исследования) // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 57–65.

Каменецкий И.С. Археологические коллекции // Российская музейная энциклопедия. Т. 1 / Сост., науч. ред. А.А. Сундиева и др. М.: Прогресс, Рипол Классик, 2001. С. 44–45.

Клейн Л.С. К разработке процедуры археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума методологичского семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 г. / Отв. ред. В.М. Массон, В.Н. Боряз. Л.: Наука, 1975. С. 42–44.

Предисловие // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 8–10.

Приказ Министерства культуры РФ от 23 июля 2020 г. № 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций». Доступно по URL: https://base.garant.ru/74868877/ (дата обращения: 21.03.2024).

Словарь актуальных музейных терминов / авторы-сост. М.Е. Каулен и др., отв. ред. С.А. Архангелов // Музей. 2009. № 5. С. 47–68.

Музейное дело. Проблемы теории, истории и методики музейной работы. Вып. 31 / Отв. ред. С. Архипов, авторы-сост. Л.И. Арапова и др.. М.: ГЦМСИР, 2010. 232 с.

Федеральный закон от 23.06.2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» (с изменениями и дополнениями) Доступно по URL: https://base.garant.ru/70419172/ (дата обращения 01.09.2024).

Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (последняя редакция). Доступно по URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения 21.03.2024)..

Информация об авторах:

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

Валеева Валентина Александровна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); valushka.valeeva@mail.ru

Петухова Ксения Сергеевна, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); girfanova.ks@yandex.ru

REFERENCES

Baranov, V.S. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 66–74 (in Russian).

Berdnikova, N. E. 2014. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 10, 94–109 (in Russian).

Vorobyeva, S. L. 2019. *Komplektovanie, uchet, khranenie i nauchnoe opisanie arheologicheskih kollekcij v muzeyakh: pravovye aspekty i prakticheskij opyt. Nauchno-metodicheskoe posobie. (Acquisition, registration, keeping and scientific description of archaeological collections in museums: legal aspects and practical experience).* Ufa: National Museum of the Republic of Bashkortostan (in Russian).

Dikiy, Ya. V. 2020. In *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury (Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture)* 3 (15), 61–72 (in Russian).

Zakharuk, Yu. N. 1975. In Masson, V. M., Boryaz, V. N. (eds.). *Predmet i ob`ekt arheologii i voprosy metodiki arheologicheskih issledovanij (The subject and object of archaeology and issues of methodology of archaeological research).* Leningrad: "Nauka" Publ., 4–6 (in Russian).

Kazantseva, O.A. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (5), 57–65 (in Russian).

Kamenetsky, I. S. 2001. In Sunduev, A. A. (ed.). *Rossiiskaia muzeinaia entsiklopediia (Russian Museum Encyclopaedia)* Vol. 1. Moscow: "Progress","RIPOL KLASSIK" Publ., 44–45 (in Russian).

Klein, L. S. 1975. In Masson, V. M., Boryaz, V. N. (eds.). *Predmet i obekt arkheologii i voprosy metodiki arkheologicheskih issledovanii (The subject and object of archaeology and issues of methodology of archaeological research).* Leningrad: "Nauka" Publ.,42–44 (in Russian).

In 2019. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (5), 8–10 (in Russian).

Prikaz Ministerstva kul'tury RF ot 23 iyulya 2020 g. № 827 «Ob utverzhdenii Edinyh pravil organizacii komplektovaniya, ucheta, hraneniya i ispol'zovaniya muzejnyh predmetov i muzejnyh kollekcij» (Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation of July 23, 2020 N 827 "On approval of the uniform rules of organization of acquisition, registration, keeping and use of museum objects and museum holdings"). Available at URL: https://base.garant.ru/74868877/ (accessed: 21.03.2024) (in Russian).

In 2009. Museum (5), 47–68 (in Russian).

Arkhipov, S., Arapova, L. I. (eds.). 2010. *Muzeinoe delo. Problemy teorii, istorii i metodiki muzeinoi raboty (Museum studies. Issues of theory, history and methodology of museum work)* 31. Moscow: "GTSMSIR" Publ. (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 23.06.2013 g. № 245-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti presecheniya nezakonnoj deyatel'nosti v oblasti arheologii» (s izmeneniyami i dopolneniyami) (Federal Law of June 23, 2013 No. 245-FZ "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of suppressing illegal activities in the field of archaeology" (with amendments and additions)). Available at URL: https://base.garant.ru/70419172/ (accessed: 01.09.2024) (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 26.05.1996 № 54-FZ «O Muzejnom fonde Rossijskoj Federacii i muzeyah v Rossijskoj Federacii» (poslednyaya redakciya) (Federal Law «On the museum holdings of the Russian Federation and museums in the Russian Federation» (last edition). Available at URL: https://base.garant.ru/70419172/ (accessed: 21.03.2024) (in Russian).

About the Authors:

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Valeeva Valentina A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; valushka.valeeva@mail.ru

Petukhova Kseniya S. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; girfanova.ks@yandex.ru

Статья поступила в журнал 18.05.2026 г.
Статья принята к публикации 27.06.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 93/94 929.5 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.306.310

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ВОЙТОВ В.Е. ТЮРКИ РОДА АШИНА: ГЕНЕАЛОГИЯ. ХРОНОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. М.; СПБ., 2022. 764 С.[1]

© 2026 г. Г.В. Кубарев

В 2022 году вышла монография В.Е. Войтова «Тюрки рода Ашина: Генеалогия. Хронология. История», явившаяся итогом его многолетней работы, связанной с изучением археологии и истории тюрок Центральной Азии. Кроме введения, заключения, списка литературы и других вспомогательных разделов, монография включает в себя две книги: первая посвящена легендарным предкам тюрок и Первому Восточнотюркскому каганату, вторая – периоду подчинения тюрок Китаю и Второму Восточнотюркскому каганату. При этом, изложение исторических событий построено на описании сменяющих друг друга тюркских каганов. Однако основную особенность рассматриваемой монографии можно обозначить как чрезмерное заимствование-цитирование В.Е. Войтовым чужих текстов историков, археологов и китаистов. Собственно вся книга примерно на 90% состоит из пространных цитат текстов других авторов. Именно поэтому В.Е. Войтова можно рассматривать как составителя собрания сведений по тюркам рода Ашина, а не как автора оригинального и фундаментального исследования по данной теме. Наиболее интересным и убедительным представляется мнение В.Е. Войтова об отсутствии алтайского периода в ранней истории тюрок-тугю и проживание на Алтае телеских племен в эпоху раннего средневековья.

Ключевые слова: археология, тюрки рода Ашина, эпоха раннего средневековья, история, генеалогия, археология, китайские династийные хроники, Центральная Азия, Китай, Ганьсу, Тянь-Шань.

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY V.E. VOITOV “TURKS OF THE ASHINA CLAN: GENEALOGY. CHRONOLOGY. HISTORY. M.; SPB., 2022. 764 P.” [2]

G.V. Kubarev

In 2022, the monograph by V.E. Voitov "Turks of the Ashina clan: Genealogy. Chronology. History" was published. It was the result of his many years of research into the archaeology and history of the Central Asian Turks. Unless the introduction, conclusion, bibliography and other secondary sections, the monograph includes two chapters: the first is dedicated to the legendary ancestors of the Turks and the First Eastern Turkic Khaganate, while the second one is devoted to the period of subjugation of the Turks to China and the Second Eastern Turkic Khaganate. The presentation of historical events is based on descriptions of replacing each other Turkic khagans. However, the main feature of this monograph can be characterized as V.E. Voitov's excessive borrowing and citation of texts by historians, archaeologists and sinologists. In fact, approximately 90% of the book consists of extensive quotations from other authors. This is why V.E. Voitov can be considered more the compiler of information on the Ashina Turks than the author of an original and fundamental study on this topic. Most interesting and compelling is V.E. Voitov's opinion on the absence of an Altai period in the early history of the Tugyu Turks and on the settlement of the Altai by the Tiele tribes in the early Middle Ages.

Keywords: archaeology, the Turks of the Ashina clan, early Middle Ages, history, genealogy, archaeology, Chinese dynastic chronicles, Central Asia, China, Gansu, Tian Shan.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 24-28-01344 «История и археология тюркоязычных кочевников Центральной и Средней Азии V–X вв. в свете китайских династийных хроник: новое прочтение, комментарии и интерпретация», https://rscf.ru/project/24-28-01344/

[2] The study was prepared by the financial support of the Russian Science Foundation No. 24-28-01344 “History and archaeology of the Turkic-speaking nomads of Central and Middle Asia in the V–X centuries in light of Chinese dynastic chronicles: a new reading, commentary and interpretation”, https://rscf.ru/project/24-28-01344/

Монография В.Е. Войтова «Тюрки рода Ашина: Генеалогия. Хронология. История» (Войтов, 2022) представляет собой очень объемный том в 764 страницы. Первая мысль, которая приходит в голову при виде такого тома, – это, по-видимому, большие собственные пробелы в знании истории тюрок рода Ашина. Однако по мере прочтения книги все встает на свои места и это ощущение сменяется недоумением от «нетривиального» подхода автора книги. И даже его указание на собственный вклад, который сводится «…к показу общей картины, некоторым комментариям, поправкам фактических и типографских ошибок или описок, уточнению датировок и составлению подробных указателей» (Войтов, 2022, с. 8), не меняет этого впечатления.

Кроме введения, заключения, списка литературы и других вспомогательных разделов, монография включает в себя две книги: первая посвящена легендарным предкам тюрок и Первому Восточнотюркскому каганату, вторая – периоду подчинения тюрок Китаю и Второму Восточнотюркскому каганату. При этом изложение исторических событий построено на жизнеописании сменяющих друг друга тюркских каганов.

Обескураживает тот факт, что объем цитирования в книге В.Е. Войтова приближается к 90%. Причем это не цитирование для того, чтобы предпринять некий историографический очерк (даже он не оправдывает необходимость столь тотального цитирования), и не для того, чтобы подтвердить точку зрения автора или вступить в дискуссию с оппонентом. Это попытка построить изложение книги из сменяющих друг друга, порой очень пространных (до страницы текста или больше) цитат из работ других авторов. Посредством чужих текстов автор составил практически все разделы книги: предыстория – обсуждение исследовательских проблем ранней истории тюрок, изложение исторических событий посредством жизнеописаний каганов, указатели топонимов, этнонимов, имён и др. Но ведь это набор текстов Л.Н. Гумилева, Е.И. Лубо-Лесниченко, Г.Е. Грумм-Гржимайло, переводы Н.Я. Бичурина, В.С. Таскина, А.Г. Малявкина, Лю Маоцая и многих других, структурированные в определенном порядке, а не оригинальный текст автора. Вряд ли можно назвать «нетривиальным для научных публикаций решением подавать материал не собственным пересказом сведений письменных источников и научных публикаций, а излагать его цитированием большими и малыми фрагментами» (Войтов, 2022, с. 8). Текст в виде мозаики, набранный из бесконечных цитат других авторов, воспринимается с большим трудом. Что вполне очевидно: цитируемые тексты исследователей и китаистов написаны в отличном друг от друга стиле, как правило, плохо сочетаются друг с другом, одни и те же имена и географические названия у разных авторов фигурируют в различных транскрипциях (Поломынь – Поломен – Поломэнь; Анагуай – Анахуань – Аногуй и др.). Кроме того, вызывает вопросы целесообразность воспроизведения самой исторической канвы тех или иных событий. Хотя бы потому, что какие-то из них достаточно подробно воспроизведены в различных китайских династийных хрониках и являются первоисточниками, другие – подробно описаны историками на основании письменных же источников.

Создание генеалогии тюрок рода Ашина автором книги не является самостоятельным и оригинальным. Он использует генеалогии, разработанные его предшественниками: Н.Я. Бичуриным, Э. Шаванном, Лю Мао-цай, Л.Н. Гумилевым, С.Г. Кляшторным. Аббревиатуры, полные названия и краткие описания китайских письменных источников, приведенные В.Е. Войтовым в книге, целиком и полностью заимствованы из трудов Н.В. Кюнера и других китаистов (Войтов, 2022, с. 12–14).

Дискуссионным является и сам принцип изложения исторических событий, построенный на основе описания сменяющих друг друга тюркских каганов. Перечисление исторических событий из различных источников у В.Е. Войтова вдруг неожиданно перемежается цитатами других авторов об экономике и государственном устройстве Тюркских каганатов, принципах престолонаследия, отсутствии поселенческих комплексов или городов у тюрок-тугю и т. п. (Войтов, 2022, с. 118–119 и др.). При этом приводится много лишней информации (например, пространные описания тех или иных путешественников XIX века) только для того, чтобы продемонстрировать насколько долог и труден был путь по территории Ганьсу (Войтов, 2022, с. 141–142).

Осложняют восприятие текста и многочисленные варианты переводов одних и тех же текстов письменных источников, которые приводятся автором один за другим.

В книге В.Е. Войтов высказывает свое мнение по тем или иным исследовательским проблемам, но этот авторский текст в бесконечном «море» чужих цитат нужно потрудиться еще найти. Так, например, он выступает против предложенной С.Г. Кляшторным схемы тюркского этногенеза, которая включает в себя ганьсуйско-гаочанский и алтайский периоды, считая, что первый из них был ганьсуйским, а второй – гаочанским (или тяньшаньским) (Войтов, 2022, с. 22). Согласно его справедливому выводу, алтайского периода в истории тюрок рода Ашина не было, т. к. этот отдаленный горный регион был лишь частью обширной зоны обитания многочисленных племен группы теле (Войтов, 2022, с. 22). Действительно, анализ китайских письменных источников и сопоставление этих данных со сбором и картированием тамг автохтонного раннесредневекового населения Алтая показали, что территорию географического Алтая в VI – первой половине VIII вв. занимали карлукские и другие телеские племена (Кубарев, 2021).

Именно эти рассуждения В.Е. Войтова о ранней истории тюрок-тугю, критика практически общепризнанной и наиболее распространенной гипотезы об их переселении на Алтай (в особенности на территорию Российского Алтая) и алтайском периоде их истории представляются мне наиболее интересными и убедительными (Войтов, 2022, с. 69–74). Вслед за Л.А. Боровковой В.Е. Войтов задается вопросом о том, что никто из сторонников гипотезы переселения тюрок-тугю в V веке на Алтай не пытался объяснить, почему тюрки отправились из провинции Ганьсу именно на север, в столь далекий и трудный поход через неведомые пустыни, горы, леса и реки, где обитали крупные воинственные племена (Войтов, 2022, с. 74). Справедливым является мнение автора о том, что памятники раннего кызыл-ташского периода т. н. тюркской культуры Алтая принадлежали не тюркам-тугю, а представителям близких им по языку, духовной и материальной культуре телеских племен (Войтов, 2022, с. 74).

Невозможно не согласиться с мнением В.Е. Войтова о том, что чрезвычайно скудные сведения письменных источников при определенной доли фантазии позволяют выдвигать любые гипотезы, интерпретирующие тюркские генеалогические легенды (Войтов, 2022, с. 74). Речь идет прежде всего о попытке Н.А. Аристова идентифицировать упоминаемые в генеалогических легендах тюрок гидронимы с реками на территории Южной Сибири. Подобную идентификацию следует признать умозрительной, основанной исключительно на созвучии и «запрограммированной» переводом китайского текста и комментарием к нему Н.Я. Бичурина. Именно это и подчеркивает В.Е. Войтов: «…после Н.Я. Бичурина и Н.А. Аристова едва ли не все исследователи стараются так или иначе привязать этногенез тюрок к Алтайской горной стране (от Барабинской степи на севере до Монгольского Алтая на юге) и соседней Южной Сибири (Минусинской котловине и Туве)… Такого рода умозрительные толкования в разных интерпретациях уже полтора века повторяются в научных трудах, перечислить которые невозможно из-за их количества» (Войтов, 2022, с. 71). И все же некоторые из них автор приводит. Это фантазийная гипотеза С.П. Нестерова, согласно которой на территории Российского Алтая к приходу «500 семейств Ашина» уже существовало племенное объединение под названием Тюрк, и ничем не обоснованное объявление В.В. Ушницким Чуйской степи на Алтае в качестве легендарной пещеры тюрок (Войтов, 2022, с. 71).

Если обратиться к переводам Н.Я. Бичурина и некоторых других китаистов, то топоним Цзиньшань в китайских письменных источниках должен переводиться как «Золотые горы/гора», а не как «Алтайские горы/Алтай». Этот ороним был крайне популярным на территории Китая и Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья и совсем необязательно должен был ассоциироваться исключительно с Алтайскими горами. Вопрос локализации того или иного Цзиньшаня – это вопрос источниковедческой интерпретации, а не только перевода, и нужно привести очень веские доводы в пользу его идентификации с той или иной современной горной системой или её частью (Кубарев, 2024, с. 78). Опираясь на сведения хроник династий Цзинь и Вэй,

можно констатировать, что Золотые горы/ гора – Цзиньшань 金山 – неоднократно упоминаются в них применительно к истории сюнну и сяньби III–V вв. в Северном Китае – в провинции Ганьсу, округе Чжанъе. По-видимому, этими почитаемыми родовыми горами/горой Цзиньшань являлись горы Циляньшаня, которые, на мой взгляд, и упоминаются в генеалогических легендах тюрок Ашина (Кубарев, 2024, с. 78).

Удивительно, но при наличии в книге В.Е. Войтова ссылок на весьма небольшие по объему статьи в труднодоступных сборниках или материалах конференций у автора отсутствуют ссылки на важные в рамках данной темы монографии и крупные статьи. Так, например, он использовал не все переводы В.С. Таскина по кочевым народам в Китае, хотя они содержат чрезвычайно важные и принципиальные сведения по истории сюнну и племен группы дунху в III–V вв. – предков тюрок-тугю – на территории северо-западной части этой страны. Особенно следует отметить том по истории сюнну (Материалы…, 1989). Складывается ощущение, что на какие-то исследования и переведенные источники автор книги не ссылался сознательно.

Вызывает сомнение объективность и непредвзятость рецензирования И.Л. Кызласовым книги В.Е. Войтова, потому что, с одной стороны, он является единственным рецензентом книги (отсутствует как минимум второй рецензент), с другой – он же выступает автором финальной верстки книги в качестве многолетнего друга и коллеги В.Е. Войтова. Кроме того, книга в числе прочих посвящена памяти Л.Р. Кызласова.

Издание иллюстрировано немногочисленными рисунками и фотографиями из публикаций и открытых источников. Автором проделана очень трудоемкая работа по ознакомлению с многочисленной литературой и письменными источниками по истории тюрок рода Ашина. Книга может быть рекомендована для студентов, специалистов и всех интересующихся историей тюрок.

Однако эта публикация является собранием сведений по тюркам рода Ашина, их генеалогии и истории путем дословного и тотального цитирования переводов китаистов и текстов исследователей, попыткой систематизации этой информации по жизнеописанию каганов в хронологическом порядке, библиографической подборкой литературы по теме, но никак не авторской монографией с оригинальным текстом и уж тем более не фундаментальным исследованием. Хотя бы потому, что она примерно на 90 процентов состоит из чужих текстов и переводов. Показ общей картины, некоторые краткие комментарии автора, правки фактических и типографских ошибок и пр. невозможно квалифицировать как анализ и синтез переводов письменных источников и научных публикаций российских и зарубежных ученых начала XIX – начала XXI вв., впервые предпринятых в отечественной тюркологии, как это подчеркнуто в аннотации к книге. В этом отношении В.Е. Войтов выступает не в качестве автора, а составителя собрания сведений, подборки переводов и далеко не исчерпывающей, а местами и выборочной библиографии.

Рассматриваемое издание лишний раз подчеркивает актуальность современного перевода и интерпретации глав и разделов китайских династийных хроник, посвященных тюркоязычным кочевникам Центральной Азии и в первую очередь тюркам. Так как в русскоязычном информационном поле историки, археологи и другие специалисты вынуждены пользоваться изобилующим массой ошибок, неточностей и авторских интерпретаций переводом китайских первоисточников, выполненным более полутора веков назад.

ЛИТЕРАТУРА

Войтов В.Е. Тюрки рода Ашина: Генеалогия. Хронология. История. М.; СПб: Нестор-История, 2022, 764 с.

Кубарев Г.В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посв. 80-летию профессора Д.Г. Савинова. / Труды ИИМК РАН. Т. LVII / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 305–323.

Кубарев Г.В. Цзиньшань 金山 – прародина тюрок-тугю: проблема локализации // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 71–79.

Материалы по истории кочевых народов в Китае. Вып. 1: Сюнну / Пер., пред. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1989. 285 с.

Информация об авторе:

Кубарев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия), gvkubarev@gmail.com

REFERENCES

Voitov, V. E. 2022. *Tyurki roda Ashina: Genealogiya. Khronologiya. Istoriya (The Turks of the Ashina clan. Genealogy. Chronology. History*). Moscow; Saint Petersburg: “Nestor-History” Publ. (In Russian).

Kubarev, G. V. 2021. In Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sb. nauch. st., posv. 80-letiyu professora D.G. Savinova (The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography)*. Series: Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 305–323 (in Russian).

Kubarev, G. V. 2024. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Journal)* 3 (84), 71–79 (in Russian). doi: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-71-79

Taskin, V. S. (transl., pref., com.) 1989. *Materialy po istorii kochevykh narodov v Kitae (Materials on the History of Nomadic Peoples in China i). 1 Syunnu (Xiongnu)*. Moscow: “Nauka: Publ. (in Russian).

About the Author:

Kubarev Gleb V., Candidate in Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Akademik Lavrentyev pr., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; gvkubarev@gmail.com

Статья поступила в журнал 20.01.2026 г.
Статья принята к публикации 06.05.2026 г.

ХРОНИКА

УДК 902.904 (574) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.311.328

УЧЕНЫЙ-АРХЕОЛОГ З.С. САМАШЕВ И ЕГО ВКЛАД В АРХЕОЛОГИЮ КАЗАХСТАНА[1]

© 2026 г. Ж.С. Мажитова, А.С. Жанбосинова, Ж.Б. Бимолдин

В статье объектом изучения стали вопросы трудовой деятельности, научных достижений и вклада доктора исторических наук, профессора Зайнуллы Самашевича Самашева в развитие археологии Казахстана. Для достижения цели исследования были использованы биографический и историко-типологический методы, позволившие всесторонне раскрыть деятельность ученого. Впервые в статье дана характеристика архивных фондов и документов, давших возможность представить краткий историографический обзор исследованной темы. Впервые в научный оборот был введен комплекс источников, который позволил проследить трудовой и научный путь ученого-археолога, обозначить факторы, повлиявшие на его становление как крупного научного деятеля, специалиста по наскальному искусству кочевников Евразии и археологии древних и средневековых обществ. В статье акцентируется внимание на том, что научная деятельность З.С. Самашева способствовала становлению методологических основ изучения наскального искусства и научной школы отечественного петроглифоведения, рассматривающей наскальные изображения как полноценный исторический источник. В заключении сделаны выводы об уникальности и огромном вкладе археологических открытий З.С. Самашева, поднявших отечественную археологию на новый уровень и закрепивших за нею статус одного из лидеров в изучении древностей на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: археология Казахстана, Институт археологии им. Х.А. Маргулана, З.С. Самашев, наскальное искусство, петроглифоведение, научная школа

SCHOLAR AND ARCHAEOLOGIST Z.S. SAMASHEV AND HIS CONTRIBUTION TO THE ARCHAEOLOGY OF KAZAKHSTAN[2]

Zh Mazhitova, Al. Zhanbossinova, Zh.B. Bimoldin

This paper dedicated to the professional activity, scholarly achievements and contribution by Doctor of Historical Sciences and Professor Zainulla Samashevich Samashev to the development of archaeology in Kazakhstan. In order to achieve the research objective, biographical and historical-typological methods were employed, which made it possible to examine the scientist's work in a comprehensive way. For the first time, the article offers a description of archival collections and documents that make it possible to present a concise historiographical overview of the topic. A body of sources is also introduced into academic discourse for the first time, allowing the author to trace the professional and scholarly career of the archaeologist and to identify the factors that shaped his development as a prominent researcher, a specialist in the rock art of the Eurasian nomads, and an expert in the archaeology of ancient and medieval societies. The article also draws attention to the fact that the scientific work by Z.S. Samashev played an important role in the development of methodological approaches to the study of rock art and in the emergence of a national school of petroglyph studies that regards rock images as a significant historical source. In conclusion, the article notes the originality and importance of Z.S. Samashev's archaeological discoveries, which brought Kazakhstan archaeology to a new stage of development and strengthened its position as one of the leading centers for the study of antiquities within the post-Soviet academic space.

[1] Исследование выполнено в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2025–2027 гг., ИРН проекта BR28713085 «Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов».

[2] The research was carried out as a part of the program-targeted funding provided by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2025–2027. BR28713085 «Comprehensive interdisciplinary study of the intellectual history of the XX – first quarter of the XXI centuries based on the analysis of the works of Kazakh historians and writers».

Keywords: archaeology of Kazakhstan, Margulan Institute of Archaeology, Z.S. Samashev, rock art, petroglyph studies, academic school

Введение

В период становления независимости Казахстана в обществе возник неподдельный интерес к национальной истории, к изучению археологических находок как маркеров национальной государственности.

Следует отметить, что в научном сообществе одним из дискуссионных и по-прежнему открытых остается вопрос о статусе археологии: является ли она отраслью исторической науки или представляет собой самостоятельную научную дисциплину, имеющую свой предмет и методы научного исследования? В контексте сказанного заметим, что казахстанская археология за последние десятилетия достигла впечатляющих успехов в исследовании древних культур евразийских степей. Регулярные полевые исследования, проводимые в первую очередь Институтом археологии имени А.Х. Маргулана (ИА им. А.Х. Маргулана), а также другими ведущими научными центрами и институтами республики, способствовали открытию и исследованию многочисленных курганных комплексов, поселений и других объектов разных исторических эпох, что позволяет рассматривать археологию как самостоятельную область знания. Поэтому сегодня можно смело говорить об институционализации археологии, ее становлении как профессиональной дисциплины.

В исследовательском процессе, несомненно, ключевую роль играет научное сообщество, одним из элементов которого является научная школа. Приходится констатировать, что в историографии археологии Казахстана сложно говорить о полной систематизации историографического материала по этой проблеме. Системные работы по изучению и анализу научных школ в археологии, в том числе по принципу персоналий, не велись. Данное обстоятельство вызывает потребность исследования структуры научного сообщества в археологии, определения проблемной области, научного направления, познавательной ценности, что связано не только с анализом прошлого и современного состояния археологии, но и с определением перспектив ее развития. Этой работой следует заниматься уже сейчас на основе комплексной оценки результатов и формирования системного подхода к археологии Казахстана.

Если археологии советского периода посвящено немало работ, то исследования 1990–2000-х гг. освещены крайне пунктирно. Между тем, по нашему мнению, период наибольшего подъема археологии Казахстана приходится именно на последние годы: десятки экспедиций в рамках научных проектов и программ работают по всей стране, активно внедряются междисциплинарные научные методы, публикуются фундированные исследования на разных языках по древней и средневековой истории, меняющие утвердившиеся представления научного мирового сообщества о древности Центральной Азии, в том числе и по наскальному искусству как важному источнику по истории Казахстана.

В 1990-е гг. наступила смена историографических эпох – на смену советской археологической школе пришла казахстанская, которая актуализировала «необходимость перехода к историческим обобщениям, изучению памятников наскального искусства в контексте глобальных хозяйственных, этнических, культурных, этнополитических и иных изменений, происходивших в Центральной Азии на протяжении тысячелетий» (Национальный архив Республики Казахстан (далее – НА РК), ф. 277, оп. 1, д. 23, л. 129). Поэтому вполне закономерно, что потребность научного сообщества и общественности в осмыслении полученного эмпирического материала привела к появлению новой научной традиции (школы), отличающейся методологией, тематикой и региональной специализацией. Ее основателем по праву следует считать ведущего специалиста по «созданию теоретической основы понимания сущности наскального искусства как исторического источника» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 23, л. 147) Зайнуллу Самашевича Самашева, сделавшего за последние десятилетия значительное число археологических открытий в Казахстане и сумевшего определить основной вектор археологических изысканий по этому предмету исследования.

В связи с предстоящим в следующем году юбилеем доктора исторических наук З.С. Самашева обращение к научной биографике (биографистике) представляется интересным как с теоретической, так и с практической стороны. Отметим, что авторы не определяют своей задачей всестороннее

рассмотрение многогранной и продолжительной научной деятельности ученого, что обусловлено, во-первых, ограниченным объемом статьи. Во-вторых, мы уверены, что профессор Самашев, археолог без преувеличения крупного масштаба, еще продолжит активную исследовательскую деятельность и внесет своими научными открытиями значительный вклад в дальнейшее развитие казахстанской археологии. Поэтому считаем, что исследование его научного творчества еще не раз станет предметом историографического анализа.

Настоящая статья рассматривается как скромная попытка осветить наиболее значимые и показательные страницы его научного и жизненного пути, а также вклад в развитие археологии Казахстана.

Обсуждение

Биографический жанр в последние годы имеет устойчивую популярность. На первый взгляд, статей, посвященных научному творчеству д.и.н. Самашева, достаточно много, но почти все они, как правило, носят публицистический характер. Главным образом, это региональные статьи, выпущенные к открытию того или иного археологического памятника или к юбилеям ученого (Азмухамбетов, 2008, с. 2; Подушкин, 2025, с. 16–20).

Научно-биографический жанр достаточно широко представлен на сайте ИА им. А.Х. Маргулана. За последние годы Институт опубликовал серию биобиблиографических работ о ведущих археологах Казахстана. Краткая биография Зайнуллы Самашевича Самашева с основными вехами его жизни и библиографией трудов вышла отдельным изданием (Самашев, 2024).

Однако сущностные вопросы становления ученого, специфики научных исследований, его роли и предназначения в развитии современной археологии Казахстана фактически не затрагивались. Личность ученого практически ни разу не подвергалась детальному анализу с использованием корпуса неизвестных (малоизвестных) материалов. Наша статья является скромной попыткой восполнить эту лакуну.

Результаты

Зайнулла Самашевич Самашев родился 17 ноября 1947 года в селе Бестерек Уланского района Восточно-Казахстанской области (ВКО) в многодетной семье, где воспитывалось восемь детей. Отец Самаш Кепешбайулы был чабаном, мама Нуржамал Мендукызы – домохозяйкой. При рождении родителями ему было дано имя Зейнулла, означающее «украшение Всевышнего», но неправильное написание одной буквы в имени при оформлении документов привело к превращению Зейнуллы в Зайнуллу (Полевые материалы авторов. – ПМА).

Рис 1. Портрет З.С. Самашева. 2021 г. Портрет был представлен на выставке «Портреты эпохи. 30 лет Независимости» Художник Т.С. Мажитова
Fig. 1. Portrait of Z.S. Samashev. 2021. The portrait was exhibited at *«Portraits of an era: 30 years of independence».* Artist: T.S. Mazhitova

Его жизненный путь начинается традиционно для детей из сельской местности. Возможно, родители и надеялись, что сын продолжит семейные традиции, предлагая ему карьеру работника в сельском хозяйстве. Но, еще будучи школьником, Зайнулла увлекся археологией: он часто бегал к гроту Акбаур и рассматривал на нем надписи, манившие своими секретами. «Я отмечал, что грот Акбаур с писаницами может быть интерпретирован с точки зрения астрономических позиций. Там есть отверстие на потолке, и я полагал, что с потолка поступают солнечные лучи и потом эти надписи будут читать как письменность по принципу бустрофедона. Есть такая письменность, когда надписи читаются и справа, и слева, снизу и сверху, с разных сторон» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 22, л. 36).

С 1955 по 1963 гг. Зайнулла учился в восьмилетней школе им. М. Горького с. Бестерек, позже, до 1966 г., – в средней школе имени Ж. Жабаева в г. Усть-Каменогорске (Научный архив «Института археологии им. А.Х. Маргулана» Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (далее – НА ИА), ф. 11, оп. 1лд, д. 54, л. 3). Вероятно, жажда познания окружающего мира предопределила выбор высшего учебного заведения. После окончания средней школы он поступил на специальность «История» историко-филологического факультета одного из лучших институтов Восточного Казахстана того времени – Усть-Каменогорского государственного педагогического института (далее – Усть-Каменогорский пединститут), который окончил в 1970 году.

Этот факультет отличался сформировавшимся профессорско-преподавательским корпусом и научной школой. Сразу после завершения первого курса института он прошел учебную практику в экспедиции известного ученого-археолога, крупного специалиста по археологическим памятникам Среднего Прииртышья – кандидата исторических наук, доцента Фираи Хабибулловны Арслановой, которая раскапывала могильник недалеко от села Зевакино Шемонаихинского района ВКО. Этот могильник включал памятники от эпохи бронзы до кимакского периода (НА ИА, ф. 11, оп. 10, д. 1052; оп. 11, д. 1125).

Здесь следует подчеркнуть, что Ф.Х. Арсланова оказала огромное влияние на формирование профессиональных взглядов и принципов научной этики З.С. Самашева, выбор им научного направления как в период обучения в институте, так и позже, в годы научной деятельности. Будучи руководителем археологических экспедиций Усть-Каменогорского пединститута, Ф.Х. Арсланова в ходе полевых работ заложила в Зайнулле Самашеве глубокие основы профессиональной деятельности, побудила к научному творчеству и выбору области своих научных интересов в археологии – петроглифистики. От нее он заразился страстью к археологическим раскопкам, преданностью делу, почувствовал вкус к полевым работам как методологической основе научного поиска (ПМА).

Не случайно, еще будучи студентом исторического факультета, Зайнулла Самашев проявил стойкий интерес к археологии, принимал

Рис. 2. Из фотоальбома к отчету о результатах раскопок Зевакинского могильника (НА ИА, ф. 11, оп. 1, д. 1230, л. 7)
Fig. 2. From the photo album accompanying the report on the excavation works at the Zevakino burial ground (NA IA, coll. 11, aids 1, folder 1230, page 7)

участие в ряде археологических экспедиций, овладел методикой раскопок памятников и камеральной обработки коллекции, выступал с научными докладами на вузовских, республиканских, региональных и всесоюзных конференциях (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 20).

Их прочные научные связи поддерживались вплоть до преждевременной кончины Ф.Х. Арслановой в 1995 г. Воссоздать научные контакты, поддержку и сопереживание наставника помогают письма Ф.Х. Арслановой к З.С. Самашеву. Так, в письме от 16 января 1985 г. она пишет: «Дорогой Зайнолла! В ноябре 1985 г. будет в Ленинграде конференция «Археологические исследования в зонах мелиорации». Есть предложение совместно написать доклад про поздние курганы Васильевку, Сандык-Кала» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 7, л. 24–24 об.). В телеграмме от 5 декабря 1987 г. она искренне радуется за своего ученика, защитившего кандидатскую диссертацию: «Поздравляем успешной защитой радуемся гордимся благодарность и поклон Анатолию Ивановичу Якову Абрамовичу обнимаем Арслановы» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 43).

После окончания вуза, получив квалификацию историка, Зайнулла Самашев поехал по назначению на работу в сельскую среднюю школу имени Пушкина в село Ленинка (Сагыр) Уланского района, где проработал семь лет (1970–1977) учителем истории и обществоведения. Как писал в характеристике на него директор школы Чуркин, «за время работы показал себя как заботливый воспитатель и умелый учитель, хорошо владеющий современными методами обучения. Часто выступает с докладами среди комсомольцев школы и родителей. Увлекается археологией, прививает любовь к ней у своих воспитанников» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 19). Собранный материал позволил ему подготовить и опубликовать первые печатные работы по наскальным изображениям Восточного Казахстана (Самашев, 1975).

Работая в школе, З. Самашев вместе с учащимися принимал участие в работе археологических экспедиций Усть-Каменогорского пединститута и Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН КазССР (ЦКАЭ АН КазССР), руководителем которой был видный ученый, заведующий лабораторией археологической технологии отдела археологии Института истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова АН КазССР (далее – ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова) (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 7, л. 39), один из основателей петроглифистики Казахстана, кандидат исторических наук Мир Касымович Кадырбаев (Кадырбаев, Марьяшев, 1977). В ходе раскопок были введены в научный оборот петроглифы Акбаур, Бестерек, Кошанай, Сагыр, Алтай, Меновное и др.

Огромная тяга к археологическим исследованиям, пытливый ум и внимание к изучению древности определили всю дальнейшую судьбу Зайнуллы Самашева. Не случайно, зная его научные способности и умение организовать научную работу, руководство вуза в 1977 г. пригласило молодого ученого преподавать в Усть-Каменогорский пединститут, где он до июля 1978 г. работал преподавателем кафедры педагогики и психологии, позже, до 1980 г., – преподавателем кафедры научного коммунизма (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 21).

Совместная работа с М.К. Кадырбаевым на археологических раскопках стала важной вехой в жизни Самашева (ПМА). Он не только знакомится, но и, по всей видимости, привлекает к себе внимание маститого ученого своим неподдельным интересом к изучению наскального искусства древних обществ Казахстана (Самашев, 1978). В ходе совместных раскопок Кадырбаев вкладывает в молодого исследователя принципы системности в освещении обозначенной тематики, критического анализа источников, аналитического мышления, глубокого профессионального и строго научного подхода к осмысливанию и изложению материала.

Между тем отметим, что исследователи, обращающиеся к традициям наскального искусства Евразии, сталкиваются с объективными трудностями следующего плана: при кажущейся очевидности и наглядности петроглифы представляют собой довольно сложный материал для исследования, наиболее широко распространенный на территории гор и степей Евразии. Для того чтобы стать полноценным историческим источником, петроглифы должны быть органично включены в широкий культурный (исторический, этнический, социальный, религиозный) контекст.

Резюмируя, отметим, что для того чтобы успешно заниматься исследованием такого специфического и сложного явления, как наскальные изображения, нужно иметь высокий уровень интеллекта, соответствующую профессиональную подготовку и значительный багаж специальных знаний на стыке многих наук, связанных с идеологией, историей, культурой и социумом.

Несмотря на всю очевидную сложность изучения наскального искусства, эта проблема вызывала живой интерес З. Самашева. При этом он понимал, что на периферии научной жизни республики профессиональное изучение петроглифов весьма затруднительно. Одновременно с этим он чувствовал, что преподавательская деятельность не является его призванием. Своим настоящим предназначением Зайнулла Самашев осознавал науку и будущую жизнь намеревался связать исключительно с ней.

В советской высшей школе первый шаг в академическую науку пролегал через ступень поступления в аспирантуру. Желая продолжить обучение, но не имея возможности сделать это, в 1976 г. Зайнулла Самашев пишет письма М.К. Кадырбаеву о своем стремлении поступить в заочную аспирантуру ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова для изучения

петроглифов Восточного Казахстана. Следует подчеркнуть, что казахстанское петроглифоведение только начинало формироваться с середины 1960-х гг. У истоков этого процесса стояли С.С. Черников (Черников, 1960), А.Г. Максимова (Максимова, 1958), А.Г. Медоев (Медоев, 1969). Завершение этого процесса маркируется выходом монографии М.К. Кадырбаева и А.Н. Марьяшева о петроглифах хребта Каратау в 1977 г. (Кадырбаев, Марьяшев, 1977).

В условиях советской системы научного отбора соискателей поступление в аспирантуру ведущего академического института республики было исключительным событием, доступным лишь немногим. Поэтому в ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова судьба молодого исследователя с периферии не вызывала значительного интереса. Но М.К. Кадырбаев, оценив настойчивость и огромный научный потенциал молодого археолога, а также исходя из стремления создать собственную научную школу, оказывает поддержку З. Самашеву (ПМА).

М.К. Кадырбаев посоветовал ему другую возможность закрепиться в ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова, что отразил в своем письме от 13 сентября 1976 г.: «Дорогой Зейнулла! Я думаю, что ожидать места в заочной аспирантуре нет никакого смысла. Мой совет – соискательство. Очень опасаюсь, что заочную аспирантуру придется ждать вечно. Если Вы чувствуете в себе уверенность и собираетесь четко работать по графику и плану, то соискательство – хорошая вещь! Вам надо будет через Усть-Каменогорский пединститут подать заявку на тему в Министерство высшего образования КазССР» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 7, л. 2–2 об.).

Считаем целесообразным привести небольшой отрывок из следующего письма М.К. Кадырбаева от 5 октября 1976 г., поскольку он имеет принципиальное значение для понимания дальнейшей судьбы ученого: «Дорогой Зейнулла! <…> раздел науки о петроглифах у нас в Казахстане молод, и я заинтересован в его развитии. Недавно имел беседу с А.Н. Нусупбековым (директор ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова – от авторов). Объяснил ему ситуацию с Вами. Его колебания мне понятны. Он опасается, что загруженность Вас как педагога школы помешает эффективной работе над диссертацией, требования к которой ныне возросли неимоверно, тем более, что наш Совет теперь не имеет возможности принимать у себя к защите археологические работы (нет докторов по археологии). Спросил, кто, по моему мнению, может быть руководителем. Я сказал, что знаю Вас давно и если другой кандидатуры дирекция не видит, то я мог бы взяться за руководство. Короче говоря, он согласился и сказал, что издаст приказ о зачислении Вас в соискатели» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 7, л. 1). Таким образом, наставничество и поддержка со стороны научного руководителя стали для З. Самашева необходимым условием профессионального роста и открыли дверь в мир науки.

По совету М.К. Кадырбаева в 1977 г. кафедра истории СССР Усть-Каменогорского пединститута подала заявку на выбранную З.С. Самашевым тему в Министерство высшего образования КазССР, которая была в свою очередь направлена в «Проблемный Совет по происхождению и развитию казахского народа» Института истории, археологии и этнологии АН КазССР. Тема была утверждена, и молодой исследователь З.С. Самашев представил в тот же Совет развернутый план будущей научной работы. Поддержку З. Самашева со стороны пединститута можно объяснить тем, что в вузе в то время не хватало специалистов по истории археологии для ведения занятий. Поэтому кафедра и подала ходатайство в Отдел археологии института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР о его приеме в качестве соискателя для завершения темы исследования (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 15).

Уже в начале мая 1977 г. молодой археолог написал заявление на имя директора института А.Н. Нусупбекова, в котором просил зачислить его соискателем, что аргументировал следующим: «…много лет занимаюсь над темой “Наскальные изображения Восточного Казахстана” и мною собран определенный материал по теме». Рекомендуя профессору Нусупбекову соискателя, авторитетный ученый К.А. Акишев оказал поддержку молодому археологу: «Тов. Самашев З. специалист перспективный. Прошу удовлетворить его просьбу» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 30). 8 июня 1977 г. З.С. Самашев был зачислен соискателем ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова для завершения работы над диссертацией на тему «Наскальные изображения Восточного Казах-

стана». Руководителем был назначен М.К. Кадырбаев (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 29).

29 декабря 1977 г. М.К. Кадырбаев в своем письме напутствовал соискателя: «Ваш план <…> отдан нашему ученому секретарю К.А. Пищулиной. Она его подшила в Ваше дело. Соискательство должно иметь достойный финал. Иначе зачем же было за него браться?!» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 3).

Понимая, что университетские обязанности существенно ограничивают возможности для исследований, в феврале 1980 г. Самашев – питомец «провинциального» (по меркам столичных ученых) вуза – переезжает в г. Алма-Ату. В столице он проходит все «этажи» исследовательской деятельности в НИИ: в стенах ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова Самашев с 1980 по 1989 гг. прошел длинный путь от инженера отдела первобытной археологии ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова до заведующего отделом.

С этого времени его жизнь беспрерывно связана с институтом. Первые годы работы дали весьма мощный задел для формирования личности исследователя. Важным этапом в становлении Самашева как ученого стало его участие в 1980–1983 гг. в работе археологической экспедиции по хоздоговорной теме «Археологические памятники в зоне затопления, подтопления и строительства Шульбинской ГЭС» (руководителем была ведущий специалист по эпохе бронзы кандидат исторических наук А.Г. Максимова) (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 54, л. 4). В качестве руководителя отряда Шульбинской археологической экспедиции им были исследованы могильники Жартас, Карашаш 1 и 2, Сандыкала, Убаредмет, Когалы (НА ИА, ф. 11, оп. 1, д. 1843). По итогам этих работ была написана коллективная монография, где Самашевым были написаны две главы по раннему железному веку и петроглифам (на основе раскопанного нового материала по захоронениям эпох камня, бронзы и раннего Средневековья и редким наскальным рисункам эпохи бронзы и сакского периода) и в соавторстве – главы по эпохе бронзы и средневековым тюркам (Археологические памятники..., 1987).

Преждевременный уход в 1982 г. М.К. Кадырбаева вынудил Самашева начать непростые поиски другого научного руководителя по выбранной теме. Выбор падает на крупного специалиста по наскальному искусству Средней Азии и Казахстана, доктора исторических наук, профессора Якова Абрамовича Шера, работавшего в то время в Государственном Эрмитаже (до октября 1985 г.) (Шер, 1980). К тому времени З.С. Самашев имел в своем послужном списке 17 научных статей и авторство в коллективной монографии. Поэтому не случайно в ходе переписки Я.И. Шер благожелательно отнесся к просьбе Самашева относительно научного руководства.

19 марта 1985 г. Зайнулла Самашев проходит по конкурсу на должность младшего научного сотрудника (МНС) сектора археологии ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова. Принимая участие в обсуждении кандидатуры на должность МНС, известный ученый С.М. Ахинжанов отмечал удивительную работоспособность претендента: «Самашева З.С. знаю как опытного исследователя, <…> является одним из ведущих специалистов в области изучения наскальных изображений в Казахстане. Хороший раскопщик, очень добросовестный, эрудированный. Сейчас он находится в Ленинграде, чтобы вместе с руководителем Шером сократить работу, так как у него очень большой материал собран, в котором он буквально тонет» (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 54, л. 17, 22).

Действительно, к тому времени З.С. Самашев, успешно руководивший отрядами Шульбинской, Восточно-Казахстанской и Таразской экспедиций, собрал значительный объем источникового материала: исследование комплексов петроглифов Сагыр, Бестерек, Камысты, Кошанай, Акбаур и др. дало ценный материал для будущей диссертации (Самашев, 1980).

В конце октября 1985 г. проф. Я.А. Шер был приглашен на должность профессора кафедры археологии в Кемеровский государственный университет (КемГУ). С этого времени научные контакты между ними расширяются. В письме от 22 декабря 1985 г. Я.А. Шер пишет: «Лучше бы Вам и не присылать, а привезти Вашу работу. У меня сейчас куча всяких дел, и вольно или невольно может получиться затяжка, а если Вы приедете и «сядете мне на шею», я в 2–3 дня все сделаю. Дело не только в этом. Могут возникнуть вопросы к вам, и начнется «резина». Так что давайте приезжайте в конце января» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 7, л. 19).

Уже 10 января 1986 г. на имя директора ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова Р.Б. Сулейменова

поступает письмо от заведующего кафедрой археологии КемГУ профессора А.И. Мартынова с просьбой командировать в университет МНС З.С. Самашева для консультации с его научным руководителем (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 31). Отметим, что годичная стажировка на кафедре археологии КемГУ способствовала усвоению им лучших научных традиций сибирской школы археологии.

В том же году Самашев по конкурсу был переведен на должность научного сотрудника ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова, а 17 апреля 1989 г. – старшего научного сотрудника отдела первобытной археологии. Административная работа не мешала ему участвовать в раскопках международных археологических экспедиций. В 1987 г. Зайнулла Самашев работал в составе международной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции по изучению памятников Северной и Западной Монголии.

Поворотным для научной биографии З.С. Самашева стал 1987 г., когда им 4 декабря в специализированном совете КемГУ успешно была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Наскальные изображения Восточного Казахстана». Научная работа была построена полностью на открытиях петроглифов Калбинского, Нарымского, Курчумского, Манракского хребтов и верховий Иртыша, собранных и исследованных соискателем. Как отмечал на защите профессор А.И. Мартынов, «первая неоспоримая заслуга З. Самашева состояла в том, что впервые в научный оборот вводился новый обширный петроглифический материал (от неолита – энеолита до раннего Средневековья), новые источники, в том числе около 300 писаниц, выполненных красной охрой на скалах по р. Бухтарме, Смолянко и т. д. Им проделана большая работа по методике копирования, изучению, систематизации изображений» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 8, л. 27).

Ввиду важности исследования позволим себе остановиться на основных положениях диссертации. Во-первых, значительную научную ценность представляли собой выделенные Самашевым группы изображений быка, лошади, верблюда. Со стилистической точки зрения большое значение имели выделенные и рассмотренные соискателем изображения животных и людей, выполненные в геометрическом стиле, животных с прямоугольными туловищами, изображения ряженых, антропоморфных фигур в головных уборах, профильные антропоморфные фигуры.

Во-вторых, в целях установления хронологии З.С. Самашев использовал стилистические и иконографические параллели петроглифов Восточного Казахстана: Алтая, Тувы, Центрального Казахстана, Кавказа, Забайкалья, Южной Сибири.

В-третьих, глубокому анализу были подвергнуты изображения сакского времени. Выделены изображения оленей с клювовидными мордами, изображения кабанов раннесакского времени, изображения животных с приподнятыми в области крупа корпусами, подогнутыми ногами, горных козлов в типичных позах сакского времени, сцены преследования хищниками травоядных животных.

В-четвертых, З. Самашев попытался проследить продвижение древних индоиранцев или индоарийцев в конце III – первой половине II тыс. до н. э. и продвижение этнических групп – носителей изобразительной традиции типа оленных камней – из центральноазиатских степей с конца II тыс. до н. э. (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 8, л. 28).

Следовательно, З.С. Самашевым была подготовлена фундаментальная обобщающая работа по наскальным изображениям Восточного Казахстана, благодаря которой он был признан одним из пионеров рассматриваемого направления.

После успешной защиты диссертации молодой ученый создал в 1988 г. Западно-Казахстанскую археологическую экспедицию (ЗКАЭ) (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 54, л. 21) и продолжил работу в Восточно-Казахстанской экспедиции (НА ИА, ф. 11, оп. 1, д. 2159, л. 1). ЗКАЭ проводила работы на могильниках Аралтобе, Карабельдеу, Шолтакай, Кыз емшек, Жылан Кабак, Каскырлы Карасай 1, 2, 3, Койкара и др. (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 9, л. 1, 4, 6, 7, 8). В Восточном Казахстане отряд З.С. Самашева работал на могильнике Курук I. В ходе полевой работы приходилось решать не только научные задачи, но и заниматься организационными вопросами. Приведем несколько примеров из его полевых дневников об этом: «Организационные дела, между ними перевозка, восстановление, пробивание транспорта, покупка продуктов питания и т. д.» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 9, л. 31). И далее:

«Устюрт. По дороге встретили воинское кладбище и развалины двух мавзолеев, на которых были рисунки очень интересные. Конец 18 – нач. 19 вв. Очень много интересных рисунков. Надо вернуться еще…» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 9, л. 57).

Таким образом, в течение десяти лет Зайнулла Самашев – молодой человек без определенных перспектив в науке, не располагая ни связями, ни признанием в научной среде, превратился в одного из уважаемых в академическом сообществе ученых-археологов – специалистов по наскальному искусству. Поэтому вполне закономерно, что, когда 23 сентября 1989 г. в газете «Казахстанская правда» был объявлен конкурс на должность заведующего отделом первобытной археологии Центра археологических исследований ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 54, л. 45), З. Самашев написал заявление директору Института с просьбой допустить его к участию в нем (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 54, л. 44). Других претендентов на участие в конкурсе заявлено не было (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 54, л. 44). Выступая перед коллегами с развернутой программой о будущей деятельности отдела, Самашев отмечал, что необходимо «…выделение стержневой, приоритетной проблемы. Такой проблемой является кочевничество во всех своих аспектах. В решении этой проблемы казахстанские археологи должны сыграть решающую роль» (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 54, л. 50).

В августе 1991 г. ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР был разделен на два НИИ: Институт истории и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова и Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Зайнулла Самашев стал заведующим отделом изучения древнего искусства Казахстана во вновь созданной организации Академии наук (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 59). В этой должности он проработал до 18 июля 2001 г., позже став главным научным сотрудником ИА им. А.Х. Маргулана (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 1, л. 8).

Основные идеи, связанные с изучением петроглифов, нашли отражение в двух его монографиях «Наскальные изображения Верхнего Прииртышья» (Самашев, 1992) и «Петроглифы Восточного Казахстана как исторический источник» (Samashev, 1993). Обе монографии стали широко известны как в отечественных научных кругах, так и за рубежом, получили положительные отклики. Эти и другие многочисленные работы, изданные не только в Казахстане, России, но и в дальнем зарубежье, сделали З.С. Самашева признанным лидером современного казахстанского петроглифоведения (Самашев, 1994).

Будучи заведующим отделом, З.С. Самашев разворачивает активную научную деятельность, принимая участие в различных международных совместных проектах. Уровень значимости темы о наскальном искусстве в контексте источников подчеркивает тот факт, что изыскания ученого на территории Казахстана (речь идет о научно-исследовательских программах и проектах) осуществлялись совместно с ведущими учреждениями Евразии. Среди них: проект ЮНЕСКО «Корпус петроглифов Центральной Азии» 1993–1997 гг., совместные программы с Национальным Центром научных изысканий Франции CNRS; двусторонние международные контакты в контексте изучения наскальных изображений Казахстана с научными центрами Российской Федерации, Польши, Канады, Великобритании и Южной Кореи (1996–2009 гг.). В это время исследованы петроглифы Семиречья, Южного Казахстана и Сарыарки; подготовлены материалы к их изданию (Samashev, 1999).

С 1996 г. он являлся и руководителем проекта «Северо-Восточный Прикаспий в древности и Средневековье. Проблемы трансформации и взаимодействия кочевых и оседлых культур». В рамках этого проекта осуществлены широкомасштабные работы на Устюрте, на золотоордынском городище Сарайшык. Благодаря этим работам, получившим большой резонанс не только в регионе, но и далеко за его пределами, построен музейно-мемориальный комплекс «Сарайчик – хан ордасы» в пределах исторической территории городища.

По теме своих исследований, связанных с петроглифистикой, З.С. Самашев прошел стажировку в отделе Средней Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН в г. Санкт-Петербурге (1991–1992) и в Национальном Центре научных исследований в г. Париже (1994). С 1994 г. Самашев ведет большую работу в рамках Института археологии, под его руководством разрабатывалась общеакадемическая научная тема «Древние культуры Казахстана в системе цивилизации Центральной Азии», с 1999 г. – «Скифо-сакская культура Казахского Алтая: пробле-

мы генезиса и преемственности культур». Позже, в 2008 г., ученый прошел стажировку в Германском археологическом институте в г. Берлине.

К числу его наиболее ярких и выдающихся открытий относится укрепленное протогородское поселение Токсанбай на Устюрте, возникшее почти 4 тысячи лет тому назад. Благодаря этому открытию мы сейчас можем с уверенностью сказать, что начало возрождения городской культуры на территории современного Казахстана относится к концу III тыс. до н. э.

Научные изыскания Зайнуллы Самашева в 1980–1990-х гг. стали своего рода пробным шагом. Впереди его ждали более масштабные исследования в Восточном и Западном Казахстане. С 1997 г. он руководил международной Восточно-Казахстанской археологической экспедицией по изучению культур древних кочевников (могильники Майемер, Берел). В ней принимали участие, кроме ученых из Института археологии имени А.Х. Маргулана, ученые из французского Национального центра научных исследований (CNRS), КазНУ имени аль-Фараби, итальянского фонда Лигабуе, КемГУ, сотрудники Восточно-Казахстанского областного краеведческого музея (Самашев, 2024, с. 32).

С работой этой международной экспедиции связано одно из выдающихся открытий Самашева, имеющее общемировое культурное и научное значение: под его руководством экспедиция исследовала курганы могильника Берел вблизи с. Берел Катон-Карагайского района ВКО. Реконструкция погребальных ритуалов позволила ученому отнести исследованные курганы могильника Берел к числу памятников, входящих в курганный комплекс пазырыкской культуры. Ее отличительная черта – наличие «мерзлых» захоронений, создающих исключительные условия для научного изучения разных сторон жизни племен раннежелезного периода (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 10, л. 10).

В 1998 г. экспедиция приступила к исследованию кургана № 11, сохранившего в условиях подкурганной мерзлоты в оптимально хорошем состоянии мумифицированные останки правителя и его супруги. Высокая ценность инвентаря, а также число богато украшенных лошадей дали основание считать, что здесь покоились представители кочевой знати

Рис. 3. Полевой дневник. 2005–2006. 19.08.05. Работы в могильнике Берел. День облачный начался. Задача – продолжение рисования и зачистки. Работа идет медленно, своим чередом
(НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 12, л. 68)
Fig. 3. Excavation journal. 2005–2006. 19.08.05. Work at the Berel burial ground. Cloudy day at the start. Task – continuation of drawing and cleaning. Work is progressing slowly, at its own pace (NA RK, coll. 277, aids 1, folder 12, page 68)

(НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 10, л. 12). В полевом дневнике ученый делал зарисовки увиденного и фиксировал важные моменты раскопок: «11.06.99 г. Исторический момент появления трупа человека около 10 часов утра. Оказались скелеты двух людей. Сохранились несколько кусков человеческой ткани» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 9, л. 136).

Раскопки кургана № 11 послужили основанием для выводов ученого о том, что захоронение множества верховых лошадей в могилах представителей кочевой знати является показателем высокого социального ранта. Как отмечал ученый в своих последующих работах, «…бальзамирование умерших и сооружений для срубов и специальных колод, выдолбленных из вековых лиственниц, прослеживаемое в Берели, было широко распространено в погребальной практике носителей пазырыкской культуры» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 10, л. 11). Значение этого открытия в первую очередь заключалось в том, что основной вопрос нашей исторической науки – вопрос этногенеза и происхождения казахского народа – можно разрабатывать на принципиально новом, молекулярно-биологическом уровне, путем выделения из мумифицированных останков людей палеогенетических

маркеров для сравнения их с ДНК современной казахской популяции (Самашев, 2011).

Яркой страницей научной деятельности З. Самашева является открытие в 1999 г. атырауского «Золотого человека» – сарматского вождя-жреца II в. н. э. в местечке Аралтобе, на юге Атырауской области. Погребение в Аралтобе считается одним из самых богатых в Западном Казахстане (Самашев, 2018).

В нем было найдено свыше сотни золотых украшений, конское снаряжение, оружие и предметы с сакральным значением. Комплекс предметов был богатым и неоднородным по своему составу. В определенной степени уникальность погребения стала причиной внутренних сомнений З.С. Самашева и переосмысления прежних выводов. Материалы полевых дневников этого времени (1989–2003) позволяют по-новому увидеть высокий профессионализм, научную этику и внутренний мир З.С. Самашева (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 9).

Как настоящий ученый, который перманентно находится в творческом поиске, критически верифицирует найденные материалы, Самашев не принимает первоначальные выводы как окончательные, сомневается и (или) рассматривает их как гипотезу, которая может поменяться в ходе аналитического осмысления полученного материала. Это следует из записей его полевых дневников: «23.08.99 г. могильник Аралтобе Жылайский район Атырауской области; 09.10.99 г. В последние дни вынужден полностью изменить представление о внутреннем круге, которого до того считал естественным холмом, <…> и к которому со всех сторон были устремлены лучи. Он оказался тоже насыпным. Дошло до ума (подчеркнуто в документе)» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 9, л. 148).

Впоследствии под его руководством была выполнена полная реконструкция экспоната, и он выставлен в Атырауском областном музее.

С 2003 по 2013 гг. в рамках проекта «Добыча меди и олова в степях Центральной Азии: сырье в эпоху бронзы и раннего железа на Алтае и прилегающих территориях» археологические раскопки проводила казахско-германская археологическая экспедиция. С казахстанской стороны научным руководителем стал З.С. Самашев. На территории Абайской области было обнаружено более десятка древних поселений и курганов горняков. Выставка «Неизвестный Казахстан – археология в сердце Евразии» 2013 г. в Немецком музее горного дела показала, что Калбинский хребет был локальным центром металлургического дела. Записи в «Полевых дневниках» фиксируют сложную организационную работу ученого в рамках этой экспедиции: «07.08.2004 г. Прилетел из Алматы в Усть-Каменогорск для участия в работе казахско-германской экспедиции по изучению памятников горного дела в массиве Дельбегетей. В тот же день выехали в поле. С утра начали поиски древних горных выработок, нашли несколько пунктов. Спутниковый телефон не работает, кончились деньги. Решил вопросы, связанные с организацией музея и строительством ворот музейного комплекса. Встречался с делегацией минздрава, фестиваля “Берел-04”, корр. “Известия” и др.» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 14, л. 104–105).

В 2006 г. под эгидой ЮНЕСКО он руководил международной экспедицией по проекту «Замерзшие курганы Алтая: стратегии и перспективы». В эти годы начались совместные с польскими, английскими и французскими археологами работы по изучению петроглифов Казахстана, которые продолжаются и на современном этапе (Самашев, 2025). Вышло большое количество статей по петроглифам Казахстана в США, Франции, Польше, Китае и других странах (Kutlu, 2020).

С 2007 г. З.С. Самашев является автором и разработчиком проекта «Древнетюркский культурный комплекс» Министерства культуры и информации РК, входящего в состав проекта «Культурное наследие». В рамках данного национального стратегического проекта он проводил исследования эталонных памятников древних тюрков на Орхоне и в Западной Монголии (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 22, л. 7).

Другое направление научного поиска З. Самашева – археология древних и средневековых номадов Великой Степи. Здесь он показал себя исследователем-полевиком, владеющим современной методикой раскопок. Квалифицированный специалист, он многие годы изучал памятники так называемой кулажургинской культуры древних кочевников в верховьях Иртыша.

Руководство археологическими экспедициями помогло раскрытию его таланта прекрас-

ного педагога. Он подготовил и воспитал целую плеяду молодых ученых, успешно защитивших впоследствии свои диссертации. В его экспедициях выкристаллизовывались кадры ученых-археологов, постепенно создавалась своя школа археологов, исследования которых перекликались с научными интересами ее руководителя. Среди них: А. Онгарулы, Г.С. Жумабекова, Г.А. Базарбаева, Г.К. Киясбек, А.Е. Чотбаев, Н.Ы. Жетписбай, Ж.М. Жетибаев, М.В. Бедельбаева, И.Н. Швец, С.С. Мургабаев, И.В. Шевнина, Т.Н. Лошакова и др. (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 54, л. 81).

К тому времени З.С. Самашев был широко известен тем, кто занимался проблемами древней и средневековой истории Центральной Азии, будь то вопросы, связанные с изучением изобразительных памятников, хроностратиграфией памятников, военным делом, искусством, применением междисциплинарных методов в археологии или идеологией населения степной Евразии. Он был автором фундированных монографических работ, выполненных на основании многолетних собственных археологических изысканий на огромной территории Казахстана от Алтая до Каспия и переведенных на многие языки мира (Самашев, 2006).

Важным событием, оказавшим значительное влияние на историографию наскального искусства Казахстана, стала защита Зайнуллой Самашевичем Самашевым докторской диссертации на тему «Наскальные изображения как исторический источник», ставшей итогом более чем двадцатилетнего изучения наскального искусства (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 23, л. 3).

30 апреля 2010 г. при специализированном Совете Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова состоялась защита докторской диссертации, остроту которой придавала дискуссия, начатая новосибирским археологическим центром в 2004 г. и продолжавшаяся вплоть до 2010 г. Дело в том, что в 2004–2009 гг. на страницах журнала «Археология, этнография и антропология Евразии» были подведены некоторые итоги общемировой дискуссии по актуальным проблемам изучения первобытного искусства: происхождения, хронологии, иконографического и мировоззренческого контекстов, выделения общего и локального в мировом наскальном искусстве. Не все ученые признавали правомерность археологов заниматься историей наскального искусства. Так, например, известный российский ученый Г.П. Григорьев считал, что изучением истории первобытного искусства должны заниматься искусствоведы, «которые отодвинут в сторону археологов и займутся проблемой происхождения искусства» (Григорьев, 2004, с. 49).

Полевые исследования З.С. Самашева свидетельствовали об обратном. По мнению ученого, петроглифы, отражающие глубокие исторические пласты человеческого сознания, являются прежде всего археологическими источниками и довести их до уровня исторических под силу лишь ученым, владеющим логикой исторического познания (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 23, л. 148).

Обширная диссертация Самашева (в общей сумме 1146 страниц) состоит из четырех томов и посвящена актуальнейшей проблеме современной мировой археологии – созданию теоретической основы понимания сущности наскального искусства как исторического источника. Активная поисковая (рекогносцировочная) экспедиционная деятельность З.С. Самашева на территории Казахстана позволила ему создать важнейший базис для любой самостоятельной научной работы – источниковый. Он апеллирует к тысячам наскальных изображений различных эпох большого хронологического периода, открытие значительной части которых связано с его именем и научными исследованиями.

Следует уверенно констатировать, что исследование явилось «становым хребтом» петроглифоведения как науки. В нем впервые в отечественной историографии системно изложены основные проблемы, болевые точки, позиции, по которым как минимум в перспективе требуются отдельные исследования, отдельные монографии и долговременные работы. Поэтому работа, несомненно, соответствовала определению энциклопедической и этнографической, она имела аналитический характер, поскольку нужно было обладать именно той суммой знаний, опытом и стажем полевой работы, которую проделал Зайнолла Самашевич за все эти годы. Своим исследованием он внес значительный вклад в популяризацию наскальных памятников от бронзового века до современности, признанный мировым сообществом (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 23, л. 5).

Принимавший участие в обсуждении диссертации З.С. Самашева на заседании Ученого совета Института археологии им. А.Х. Маргулана академик Б.К. Кумеков отмечал: «Самым многотрудным в области исторического познания является источниковедение. Есть три этапа научного познания – это исследование в мышиной норе, взгляд с холма и с высоты полета орла. Так вот эта диссертация выполнена как раз с высоты полета орла» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 23, л. 16).

Таким образом, З.С. Самашев первым в отечественном петроглифоведении обозначил в полном объеме место и значение наскального искусства в истории и культуре нашего государства. Впервые в археологической и исторической науке Казахстана появился основательный масштабный труд такого высокого формата, в котором самым подробным образом на глубоко научной и профессиональной основе освещены сложные проблемы петроглифики всего Казахстана во всех контекстах: идеологическом, семантическом, историко-культурном, этно-региональном, археологическом, социальном.

Формальная процедура – защита диссертации – сыграла ключевую роль в становлении направления и утвердила ученого среди его первооткрывателей.

В 2010 г. д.и.н., профессор Самашев переезжает в Астану в должности директора филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК, вдохновителем и создателем которого сам и являлся (НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 55, л. 5). Огромный научный опыт, почти аскетическая сосредоточенность на науке и бескомпромиссная требовательность к результатам исследования позволили З.С. Самашеву определить основные задачи и направления научных исследований во вновь созданном филиале Института.

На посту директора Филиала Самашев провел большую работу по составлению каталога историко-культурного наследия на территории Казахстана. Под его руководством и при непосредственном участии отряды ЗКАЭ в 2010–2011 гг. провели полевую фиксацию и ввели в научный оборот сотни памятников, сосредоточенных на Устюрте и Мангистау. Итогом работы стал свод историко-культурных памятников Мангистауской области, составленный в 2012 г. (Самашев, 2024, с. 37). Внедрение этого и других сводов открыло путь к реализации системной работы по музеефикации наиболее выдающихся комплексов с наскальными рисунками (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 6, 16). Результатом такой работы стал государственный историко-культурный музей-заповедник «Берел» и археологический комплекс «Акбауыр» в с. Бестерек.

Проработав непродолжительное время на этой должности, профессор Самашев в сентябре 2012 г. становится советником директора по научно-производственной деятельности. Иными словами, в центре его внимания находится именно академическая работа, связанная с исследованиями и научным анализом.

Ученому удалось побывать во многих странах и познакомиться с новейшими достижениями в области археологии и наскальных рисунков. В разные годы Самашев посетил Россию, Монголию, Южную Корею, Германию, Францию, Египет и другие страны. Каждая поездка стала возможностью познакомиться с достижениями зарубежных ученых, поделиться опытом, наладить деловые контакты для совместной научной работы. В качестве примера приведем запись из дневника ученого о поездке в Китай: «23.11.06 г. – поездка из Пекина в г. Кокхот в центр Внутренней Монголии. Посетили университет и местный музей. В университете смотрели этнографический музей, среди экспонатов которого имеются несколько образцов, представляющих особый интерес. В музее института археологии очень много бронзовых изделий – ножи и кинжалы, с зооморфными украшениями, которые четко перекликаются с сакскими образцами из Казахстана и Сибири, Алтая» (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 11, л. 80–81).

Самое выдающееся теоретическое и практическое достижение профессора Самашева связано с открытием в 2018 г. комплекса тюркских курганов Елеке Сазы на Тарбагатае в Восточном Казахстане (приблизительно конец VIII в. н. э.). Раскопанный храмовый комплекс «является одним из самых значимых как по архитектурному облику, так и по находкам в среде культово-поминальных сооружений древнетюркской эпохи» (Самашев, 2024, с. 36). Уникальные находки, среди которых золотые подвески пояса с изображением сидящего тюркского царя, украшения и многое другое, поставили перед учеными сложные вопросы, открывшие перспективы для дальнейших научных разработок. Данное

мужское погребение оказалось вторым неразграбленным памятником типа «Золотого человека», выявленным вслед за известной находкой К.А. Акишева в Иссыкском кургане в 1969 г. Работы в этом комплексе продолжаются и в настоящее время.

Проект Национального музея РК «Шествие Золотого человека по музеям мира» (2018–2020) показал, что значение открытия З. Самашева выходит за рамки локального события: оно способствовало росту научного престижа отечественной археологии и закрепило за ней статус одного из лидеров в изучении древностей на постсоветском пространстве.

Благодаря многолетней безупречной работе и огромному вкладу в науку, в 2000 г. З.С. Самашев выиграл конкурс-стипендию «За выдающийся вклад в науку». Он награжден Почетной грамотой Президиума НАН РК (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2, л. 28). В 2002 г. ученый стал лауреатом общенациональной независимой премии «Платиновый Тарлан». В 2004 г. ему присвоено звание заслуженного деятеля РК, а в 2007 г. – звание профессора Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова (НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 22, л. 2). В 2025 г. ему присуждена Государственная премия Республики Казахстан в области гуманитарных наук имени А. Байтурсынулы.

Заключение

В заключение отметим, что авторами была предпринята попытка провести анализ вклада профессора З.С. Самашева в развитие казахстанской археологии. Проанализировав ключевые аспекты предмета нашего исследования, можно сформулировать ряд выводов.

Во-первых, главным фактором, повлиявшим на формирование и становление научных взглядов С.З. Самашева, по нашему мнению, стоит рассматривать научную и педагогическую деятельность Ф.Х. Арслановой, М.К. Кадырбаева и Я.А. Шера. Принципиальная научная позиция педагогов относительно археологии в целом и в частности наскального искусства как важного исторического источника послужила той методологической основой, на которой были построены все научные исследования профессора Самашева. Зайнулла Самашевич Самашев – пример современного казахстанского ученого, сочетающего исключительную точность и остроту исследовательской мысли, высочайший профессионализм и человечность, а также очень высокий уровень анализа источников и их критики.

Во-вторых, анализ архивных материалов, а также трудов З.С. Самашева позволил сделать акцент на том, что ученый является не только одной из ключевых фигур в казахстанской археологии, но и основателем современной школы казахстанского петроглифоведения – науки, рассматривающей петроглифы как полноценный исторический источник по истории древности и Средневековья.

В-третьих, полученные результаты данного исследования позволяют объективно утверждать, что уникальные открытия З.С. Самашева – ученого с большим научным кругозором, богатым опытом полевых работ на разновременных и разнокультурных памятниках – подняли на новый уровень отечественную археологию и закрепили за ней статус одного из лидеров в изучении древностей на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Азмухамбетов Ш. Звездный час Зайноллы Самашева // Рудный Алтай. 2008. 15 января. С. 2.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. 1987. 280 с.

Григорьев Г.П. Замечания к статье Я.А. Шер «Спорные вопросы изучения первобытного искусства» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 36–52.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 229 с.

Максимова А.Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы // Вестник АН КазССР. 1958. № 9 (162). С. 109–111.

Медоев А.Г. Наскальные изображения у горы Айракты на полуострове Мангышлак // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 146–152.

Научный архив Института археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. (далее. – НА ИА), ф. 11, оп. 1лд, д. 7.

НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 54.

НА ИА, ф. 11, оп. 1лд, д. 55.

НА ИА, ф. 11, оп. 10, д. 1052.

НА ИА, ф. 11, оп. 11, д. 1125

НА ИА, ф. 11, оп. 13, д. 1230

НА ИА, ф. 11, оп. 22, д. 1843.

НА ИА, ф. 11, оп. 23, д. 1881.

НА ИА, ф. 11, оп. 24, д. 1945.

НА ИА, ф. 11, оп. 25, д. 1996.

НА ИА, ф. 11, оп. 29, д. 2159.

Национальный архив Республики Казахстан (далее. – НА РК), ф. 277, оп. 1, д. 1.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 2.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 6.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 7.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 8.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 9.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 10.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 11.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 12.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 14.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 16.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 22.

НА РК, ф. 277, оп. 1, д. 23.

Подушкин А.Н. Пытливый ум, неутомимый исследователь (К 75-летию ученого-археолога) // Мәдени мұра. 2025. № 4(99). С. 16–20.

Полевые материалы авторов (ПМА).

Самашев З.С. Обследование наскальных изображений Восточного Казахстана // АО 1974 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 493–494.

Самашев З.С. Поиски наскальных изображений в Восточном Казахстане // АО – 1977 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 540–541.

Самашев З.С. Наскальные изображения Восточного Казахстана // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана / Отв. Ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 117–122.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.

Самашев З.С. Қазақ даласындағы петроглифтер // Қазақ тарихы. 1994. № 4. 1 б.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. 200 с.

Самашев З.С. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.

Самашев З.С. Аралтобе // Золото Властелинов казахских степей: Совместный каталог Республики Кореи и Республики Казахстан / сост. Кан Инук, Онгарулы Акан и др. Тэджон: National research institute of cultural heritage (Republic of Korea), Бандикомпиэнси, 2018. С. 156–169.

Самашев З.С. Изобразительная деятельность древнего населения Казахского Алтая. Семей: Шәкәрім университеті, 2025. 472 с.

Самашев Зайнолла / Биобиблиография археологов Казахстана. Вып 4 / сост. А.С. Жунисханов, А.А. Тажекеев, Р.С. Жуматаев, Б.Б. Бесетаев. Алматы: ИА, 2024. 162 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА. № 88. М.: АН СССР, 1960. 272 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Kutlu M. Kurgan 4 at Berel // Asya Studies. 2020. Vol. 4, no. 11. P. 58–70. DOI: 10.31455/asya.686522

Samashev Z.S. Petroglyphs of the East Kazakhstan as a historical source. Almaty: Rakurs, 1993. 238 p.

Samashev Z.S. «Szamanskie» motywy w petriglifach wschodniedo Kazakhstanu // Szfica naskalna i szamanizm Azia Srodkowej. Dialog. Wargzawa. 1999. P. 77–100.

Информация об авторах:

Мажитова Жанна Сабитбековна, доктор исторических наук, профессор, «Медицинский университет Астана» (г. Астана, Казахстан); zhanna013013@gmail.com

Жанбосинова Альбина Советовна, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан); sovetuk27@gmail.com

Бимолдин Жангельды Бержанович, директор государственного учреждения «Государственный архив города Астана» (г. Астана, Казахстан); centr.ucheta@mail.ru

REFERENCES

Azmukhambetov, Sh. 2008. In *Rudnyi Altai (Rudny Altai)* January (15), 2 (in Russian).

Akishev, K. A. (ed.). 1987. *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES (Archaeological Sites in the Flooding Area of Shulbinskaya Hydroelectric Power Station)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Grigoriev, G. P. 2004. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 18 (2), 36–52 (in Russian).

Kadyrbaev, M. K., Mar'yashev, A. N. 1977. *Naskal'nye izobrazheniia khrebta Karatau (Rock Carvings of the Karatau Mountain Ridge)* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Maksimova, A. G. 1958. In *Vestnik AN KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*) 9 (162), 109–111 (in Russian).

Medoev, A. G. 1969. In Akishev, K. A. (ed.). *Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana (Culture of ancient pastoralists and farmers of Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 43–57 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 1ld, Dossier 7 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 1ld, Dossier 54 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 1ld, Dossier 55 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 10, Dossier 1052 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 11, Dossier 1125 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 13, Dossier 1230 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 22, Dossier 1843 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 23, Dossier 1881 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 24, Dossier 1945 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11.Inv. 25, Dossier 1996 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii imeni A.Kh. Margulana Komiteta nauki Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Respubliki Kazakhstan (Scientific archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan). F. 11. Inv. 29, Dossier 2159 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 1 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 2 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 6 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 7 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 8 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 9 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 10 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 11 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 12 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 14 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 16 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 22 (in Russian).

Natsionalnyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (National Archive of the Republic of Kazakhstan), F. 277. Inv. 1, Dossier 23 (in Russian).

Podushkin, A. N. 2025. In *Madeni mura (Cultural heritage)* 4 (99), 16–20 (in Russian).

*Polevye materialy avtorov (PMA) (Field materials of the authors) (FMA) (*in Russian).

Samashev, Z. S. 1975. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 goda. (Archaeological Discoveries in 1974).* Moscow: "Nauka" Publ., 493–494 (in Russian).

Samashev, Z. S. 1978. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 goda. (Archaeological Discoveries in 1977).* Moscow: "Nauka" Publ., 540–541 (in Russian).

Samashev, Z. S. 1980. In Margulan, A. Kh. (ed.). *Problemy izucheniya i okhrany pamyatnikov kultury Kazakhstana (Issues of studying and protecting cultural sites of Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 117–122 (in Russian).

Samashev, Z. S. 1992. *Naskalnye izobrazheniya Verkhnego Priirtyshya (Rock carvings of the Upper Irtysh region)*. Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).

Samashev, Z. S. 1994. In *Qazaq tarikhy (Kazakh history)* 4, 16. (in Kazakh).

Samashev, Z. 2006. *Petroglify Kazakhstana (Petroglyphs of Kazakhstan)*. Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).

Samashev, Z. S. 2011. *Berel (Berel)*. Almaty: "Taimas" Publ. (in Russian).

Samashev, Z. S. 2018. In Inuk, R., Ongaruly, A. et al. (comp.). *Zoloto Vlastelinov kazakhskikh stepei: Sovmestnyi katalog Respubliki Korei i Respubliki Kazakhstan (Gold of the Lords of the Kazakh Steppes: A joint catalogue of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan). Sovmestnyi katalog Respubliki Korei i Respubliki Kazakhstan (Joint catalogue of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan).* Daejeon:

National Research Institute of Cultural Heritage (Republic of Korea); “Bandicompense” Publ., 156–169 (in Russian).

Samashev, Z. S. 2025. *Izobrazitel'naya deyatel'nost' drevnego naseleniya Kazahskogo Altaya (Fine arts of the ancient population of the Kazakh Altai)***.** Semei: Shakarim University (in Russian).

Zhuniskhanov, A. S., Tazhekeev, A. A., Zhumataev, R. S., Besetaev, B. B. (comp.). 2024. *Samashev Zainolla***.** Series: *Biobibliografiya arkheologov Kazakhstana (Biobibliography of Kazakhstan archaeologists)* 4. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy (Eastern Kazakhstan in the Bronze Age)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 88. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sher, Ya. A. 1980. *Petroglify Sredney i Tsentral'noi Azii (Petroglyphs of the Middle and Central Asia).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kutlu, M. 2020. In *Asya Studies* 4 (11), 58–70. DOI: 10.31455/asya.686522

Samashev, Z. S. 1993. *Petroglyphs of the East Kazakhstan as a historical source*. Almaty: Rakurs.

Samashev, Z. S. 1999. In *Szfica naskalna i szamanizm Azia Srodkowej. Dialog*. Wargzawa, 77–100.

About the Author:

Mazhitova Zhanna S. Doctor of Historical Sciences, professor, Astana Medical University. Beybitshilik St., 49a, Astana, 010000, Kazakhstan; zhanna013013@gmail.com

Zhanbossinova Albina S. Doctor of Historical Sciences, professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University. Satpayev St., 2, Astana, 010008, Kazakhstan; sovetuk27@gmail.com

Bimoldin Zhangeldy B. Director of the State Institution «State Archive of the City of Astana». Auezov

зСтатья поступила в журнал 12.03.2026 г.

Статья принята к публикации 16.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.329.336

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ВИХЛЯЕВ

©2026 г. Ю.А. Зеленеев, О.В. Зеленцова

Виктор Иванович Вихляев (11.09.1946 г. – 24.12.2025 г.) один из ведущих археологов Поволжья. Большая часть его трудовой деятельности была связана с Мордовским государственным университетом им. Н.П. Огарёва, где он был последовательно студентом, аспирантом, преподавателем, доцентом и профессором. После университета он работал главным научным сотрудником в Научно-исследовательском институте гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. В.И. Вихляев вёл полевые археологические работы в Мордовии, Пензенской и Ульяновской областях. Наиболее ценной частью его изысканий является хронология мордовских древностей и этногенез мордовского народа, хотя эти работы имеют значение для археологии и истории Среднего Поволжья и Нижнего Поочья в целом. В.И. Вихляев был последовательным сторонником существования единой мордовской культуры II – XVII вв. несмотря на наличие в ней территориальных и хронологических групп. Он смог построить последовательную систему этногенеза мордвы начиная от I тысячелетия до нашей эры и до позднего средневековья. За время работы в университете им подготовлены многочисленные кадры историков.

Ключевые слова: археология, В.И. Вихляев, археология мордвы, средние века, железный век.

VICTOR IVANOVICH VIKHLYAEV

Yu.A. Zeleneev, O.V. Zelentsova

Viktor Ivanovich Vikhlyaev (09.11.1946 – 12.24.2025) was one of the leading archaeologists of the Volga River region. Most of his career was associated with the Mordovia State University named after N.P. Ogarev, where he was successively a student, graduate student, lecturer, associate professor and professor. After graduating, he worked as a chief research fellow at the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. V.I. Vikhlyaev conducted archaeological fieldwork in Mordovia, Penza and Ulyanovsk regions. The most valuable part of his research is the chronology of Mordovian antiquities and the ethnogenesis of the Mordvins, although these works are important for the archaeology and history of the Middle and the Lower Volga regions as a whole. V.I. Vikhlyaev was a consistent supporter of the existence of a single Mordovian culture of the II – XVII centuries despite the presence of territorial and chronological groups within it. He was able to work out a consistent system of Mordovian ethnogenesis, spanning from the first millennium BC to the late Middle Ages. During his tenure at the university, he has trained numerous historians.

Keywords: archaeology, V.I. Vikhlyaev, archaeology of Mordovia, Middle Ages, Iron Age.

Виктор Иванович Вихляев родился в посёлке Нововасильевка Приазовского района Запорожской области Украинской ССР 11 сентября 1946 года. Происходил из русской семьи. По его воспоминаниям предки переселились на Украину в связи с религиозными противоречиями (молокане?). Хотя сам он с религией, являясь большую часть своей жизни членом КПСС, никак не был связан.

В 1963 году он поступает в Мордовский государственный университет, который заканчивает в 1968 году. В этот период под руководством А.В. Циркина на историко-филологическом факультете университета существовал студенческий археологический кружок, который работал очень активно. Студенты МордГУ не только участвовали в разведках и раскопках на территории Мордовии, но и в работах Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище Золотой Орды под руководством тогда доцента Московского государственного университета Г.А. Фёдорова-Давыдова.

При окончании университета В.И. Вихляев написал очень качественную дипломную работу о связях мордвы с аланами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н.э. Достаточно сказать, что впоследствии часть её была оформлена как научная статья (Вихляев, 1974, с. 57-69).

В 1968 году после того, как был завершен курс обучения в университете, он поступает в аспирантуру МордГУ. Его руководителем назначается ставший в 1969 году профессором Московского государственного университета Г.А. Фёдоров-Давыдов. В.И. Вихляев

во время обучения в аспирантуре активно участвует в раскопках Царевского городища, руководит студентами Мордовского университета, занятыми в этих работах, ведёт раскопы на городище.

Темой диссертации был выбран материал пензенских могильников мордвы конца железного века и раннего средневековья (Вихляев, 1972). В тот период Г.А. Фёдоров-Давыдов активно занимался статистико-комбинаторными методами в археологии. Было решено опробовать их на материале мордовских могильников. В.И. Вихляев в своей диссертации успешно этот метод применяет. Им было математически выделено несколько групп артефактов и на их основании разработаны периоды развития пензенских мордовских могильников. Основные положения нашли своё отражение в учебном пособии (Вихляев, 1977). Впоследствии Виктор Иванович неоднократно обращался к апробированному в кандидатской диссертации методу.

В Поволжье в конце 60-х гг. XX в. математические методы в археологических работах не применялись. Поэтому исследования В.И. Вихляева в его диссертации без всякого преувеличения являются пионерскими. Впоследствии в первой половине 70-х гг. XX в. вышел ряд работ с применением математических методов, например статья В.Ф. Генинга (Генинг, 1973, с. 112-136) но той эффективности, которую мы видим у В.И. Вихляева они не достигли.

В 1970 году В.И. Вихляев впервые провёл самостоятельные археологические исследования. Им была проведена разведка в Наровчатском районе Пензенской области. Главное внимание было уделено Тезиковскому могильнику III-V вв., на котором было вскрыто несколько погребений.

После защиты диссертации В.И. Вихляев был принят преподавателем кафедры всеобщей истории Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. Основным курсом на весь период его университетской деятельности был ранний период истории средних веков, который для него был очень важен. Его лекции по средним векам запомнились студентам структурированностью подачи материала, когда он по полочкам раскладывал сложные темы возникновения городов, формировании варварских государств и другие проблемные вопросы Средневековья.

Надо отметить, что Виктор Иванович, был талантливым преподавателем: строгий, очень требовательный, не дающий спуска лентяям и желающим подхалтурить. С самого начала своей педагогической деятельности он был бессменным руководителем археологической практики. О его строгости в поле ходили легенды, он был щедрым учителем и если видел у студента интерес к археологии – методично его развивал, учил навыкам полевых работ и привлекал к камеральным исследованиям, не боялся доверять им ответственные участки раскопов, но и спрашивал результат. Через экспедицию Виктора Ивановича прошли все историки Мордовии, он воспитал достойную плеяду археологов.

После защиты диссертации для В.И. Вихляева наступил некоторый период исканий, когда он выбирал дальнейший научный путь. Наверное, в этом кроется попытка раскопок 1973 года в Кандарати Ульяновской области. Ранее там копал П.Д. Степанов, который не сумел сформировать о памятнике определённое мнение. Это же постигло и В.И. Вихляева. Связано это было с тем, что к этому времени не были известны памятники новинковского круга, которые помогли бы раскрыть суть данного памятника археологии (Вихляев, Шитов, 1974, с. 140).

В 1976-1977 гг. В.И. Вихляев проводил раскопки Жуковского 2 городища («Городок»), двухслойного памятника, нижний слой которого относится к примокшанской культуре эпохи бронзы, верхний – средневековый, относящийся к мордовской культуре и датирующийся XI-XIII вв. Археологические раскопки позволили исследователю сделать важный для того времени вывод, что в начале II тыс. н.э. у мордвы на удобных водных путях возникают укрепленные торгово-ремесленные центры, игравшие важную роль в ее социально-экономическом развитии (Вихляев, Халин, 1978, с. 161).

С 1978 г. в научной деятельности В.И. Вихляева наступает новый период. Он начинает хоздоговорную работу Мордовского университета. До этого в Мордовии не велись хоздоговорные археологические раскопки и, поэтому в данной области он был первым. В Мордовии начались большие мелиоративные работы в пойме реки Мокши, которые затрагивали памятники археологии. До работ В.И. Вихляева считалось, что в поймах рек

Рис. 1. Фиксация разреза вала Теньгушевского городища. 1985 г.
Fig. 1. Stratigraphic recording of the bulwark at the Tengushevo hillfort. 1985.

памятников не так много, а оказалось, что они присутствуют почти на всех пойменных останцах. Им и его сотрудниками были выявлены памятники самых разных эпох от мезолита до позднего средневековья. Исследования в пойме реки Мокши продолжались по 1985 год. Археологические работы показали, что памятники различных хронологических периодов соответствуют определенной палеогеографической ситуации (Аксёнов…, 1987). В этот период в рамках новостроечных работ были исследованы поселения эпохи камня, бронзы, селища эпохи средневековья. Материалы поселений мордвы эпохи средневековья и Нового времени, исследованные в ходе спасательных работ 80-х годов были опубликованы авторским коллективом во главе с В.И. Вихляевым в 2013 году (Вихляев и др., 2013).

Крупными работами стали охранные исследования Ачадовского могильника мордвы-мокши в долине реки Чиуш, который стал одним из первых мордовских могильников Нового времени, раскопанных на большой площади (Вихляев, 1986, с. 171–172).

После новостроечных археологических работ в Примокшанье Виктор Иванович вёл раскопки Кельгининского и Журавкинского могильников. Особенно масштабными были раскопки на Кельгининском могильнике. Этот памятник был известен давно. В 60-х гг. XX в. на нем уже проводись археологические раскопки, но памятник разрушался вследствие действующего на нем карьера, а с 90-х гг. XX в. добавились грабительские раскопки, ставшие настоящим бедствием для истории и культуры страны. Кельгининский могильник датировался X–XIII и XVI–XVII вв. Большой удачей В.И. Вихляева было обнаружение погребений XIV в., что уменьшило лакуну между ранним и поздним комплексом могильника. Не меньшее значение имело обнаружение двух подвесок со знаком Рюриковичей. Результаты раскопок могильника на площади около 1000 кв. м, где было раскопано 306 погребений, обобщены в двух коллективных монографиях под руководством В.И. Вихляева (Кельгининский могильник, 1998; Вихляев, Пронин, 2016) и стали основой для серии статей по политическому развитию мордовских земель в X-XVI в., в которых Виктор Иванович обосновал этапы включения этих территорий в состав Древнерусского, а затем Московского государства, в т.ч. обратил внимание, что присоединялись отдельные территории и на разных этапах это явление было различным и не всегда мирным (Вихляев, 2011, с. 5-10; Вихляев, 2012, с. 32-39).

Все же центральной темой исследований В.И. Вихляева была проблема происхождения мордовской культуры, которой он плотно занимался со второй половины 90-х гг. XX в. Для этого назрела необходимость – во второй

Рис. 2. В. И. Вихляев в Пензенской области 2011 г.
Fig. 2. V.I. Vikhlyaev in the Penza region. 2011.

половине XX в. появились работы, которые объясняли ранние этапы сложения мордовского этноса и начальную хронологию этого явления. Но в то же время данные, которые были получены к концу XX в. в том числе и самим В.И. Вихляевым уточняли этот процесс и позволяли получить более выверенную датировку отдельных комплексов и памятников. Результатом стали монография (Вихляев, 2000) и докторская диссертация (Вихляев, 2001), в которых он последовательно отстаивал автохтонную концепцию формирования мордовской культуры на основе городецкой культуры. Проведенные исследователем до этого раскопки Ново-Пшеневского и Теньгушевского городецких городищ стали базой для обоснования этой концепции (Вихляев, 1982, с. 140–141; Вихляев, 1986, с. 198–208; Вихляев, 1992, с. 76–104) (рис. 1). В работах, посвященных проблемам этногенеза, он выделяет андреевскую культуру, население которой, по его мнению, приняло участие в формировании цнинско-мокшанской группы памятников (кошибеевского типа), а те, в свою очередь оказали влияние на формирование мордовской культуры, которая складывается во II-IV вв. в верхнем Посурье и представлена могильниками селиксенского и армиевского типов. В сложении северной группы могильников (могильники абрамовского типа по В.И. Вихляеву) в конце IV-V вв. принимали участие носители городецкой культуры, верхнесурские и цнинско-мокшанские племена

Рис. 3. Подболотьевский могильник. 2012 г.
Fig. 3. Podbolotye burial ground. 2012.

(Вихляев, 2000, с. 81–118). Несмотря на то, что отдельные положения концепции Виктора Ивановича вызывали и вызывают споры, новый подход к решению проблемы формирования мордовской культуры был важным для начала 2000-х годов, он обобщил материалы, накопившиеся после дискуссий 60-х конца 70-х годов, и выдвинул эту проблему на рассмотрение ученых финно-угроведов.

Значительным исследованием В.И. Вихляева и авторского коллектива, который он объединил, была работа по хронологии могильников Западного Поволжья I–XIV вв. (Вихляев и др., 2008). Необходимо отметить, что Виктор Иванович всегда стремился найти объективные критерии для разработки хронологии, а также статистико-математические методы, применявшиеся его учителем – Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым которые были опробованы им еще при написании кандидатской диссертации. В «Хронологии» эта методика была применена к материалам 2 375 погребальных комплексов из 29 могильников, что позволило авторам выделить и датировать 15 стадий в погребальных древностях Западной части Среднего Поволжья. Несмотря на то, что эта система в последние годы вызывает критику относительно того, что для статистического анализа привлечены только пять категорий украшений и, следовательно, включены только «богатые» погребения, что значительно ограничило источниковую базу (Ставицкий, 2022, с. 162), тем не менее, созданная исследователями сквозная хронология поволжско-финских древностей остается тем прочным каркасом, который можно дробить и на который хорошо нанизываются исторические события (рис. 2).

Фундаментальными являются очерки В.И. Вихляева по археологии мордвы в «Археологии Волго-Уральского региона». По существу, он вместе со своими соавторами написал археологию мордвы с III в. по XIII в. (Вихляев, Зеленеев, 2022; 2022а; Белорыбкин, Вихляев, Зеленеев, 2022; 2022а). Он ещё раз показал себя сторонником единства мордовской культуры. По его мнению, мордовская культура начинает формироваться со II в. н.э. если не раньше, но уже в III–V вв. н. э. начинают появляться различия в культуре между южными и северными памятниками мордвы, что видимо, привело впоследствии к сложению двух мордовских субэтносов. В.И. Вихляев считал, что памятники Кошибеевского типа были близки к мордовской культуре, и впоследствии оставившее их население слилось с мордвой. С III по XI век, а возможно и несколько позднее в женском костюме присутствовал этномаркер, который характерен для всей мордвы – это височная привеска с грузиком, что в том числе подтверждает единство культуры (Вихляев, 2017, с. 205–215). По мнению В.И. Вихляева мордовская культура прошла, все изменения связанные с развитием первобытности и к 1237 году находилась на стадии создания государственности и оформления территорий, занятых субэтносами эрзей и мокшей (рис. 3).

Рис. 4. В. И. Вихляев в 2025 г.
Fig. 4. V.I. Vikhlyaev. 2025.

Одной из последних работ В.И. Вихляева была рецензия на книгу Н.М. Малковой (Малкова, 2025). К сожалению, эту книгу со своей рецензией он уже не увидел (рис. 4).

ЛИТЕРАТУРА

Аксёнов В.Н., Артёмова В.Д. Вихляев В.И., Зеленеев Ю.А. Новые археологические памятники Примокшанья // Краеведческие записки. Вып. 1 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Морд. кн. изд., 1987. С. 50–106.

Белорыбкин Г.Н., Вихляев В.И., Зеленеев Ю.А. Мордовские памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья во второй половине VIII – первой половине XI в. // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 172–180.

Белорыбкин Г.Н., Вихляев В.И., Зеленеев Ю.А. Памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022а. С. 602–616.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник. Саранск: Красный октябрь, 1998. 168 с.

Вихляев В.И. Могильники населения бассейнов рек Суры и Мокши II-VII вв. (Могильники Селиксенского и Армиёвского типов). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: МГУ, 1972. 18 с.

Вихляев В.И. Культурные связи сурско-цнинской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н. э. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45 / Ред. А.П. Смирнов и др. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. С. 57–69.

Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья: учеб. пособие. Саранск: МГУ, 1977. 98 с.

Вихляев В.И. Раскопки Ново-Пшеневского городища // АО – 1981 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1982. С. 140–141.

Вихляев В.И. Раскопки Ачадовского могильника // АО – 1985 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1986. С. 171–172.

Вихляев В.И. Керамика Ново-Пшеневского городища. // СА. 1986. № 1. С. 198–208.

Вихляев В.И. Новые раскопки Теньгушевского городища (городецкий комплекс) // Древние поселения Примокшанья / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. С. 76–104.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Автореф. Дисс. …. докт. ист. наук. М., 2001. 35 с.

Вихляев В.И. Начальные этапы истории единения мордвы с народами Российского государства // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 1 (13). С. 6–10.

Вихляев В.И. Мордва и российское государство: начальные периоды взаимоотношений (X–XVI века) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2 (18). С. 32–39.

Вихляев В.И. Могильники мордвы III–V вв. и проблема единства древней культуры // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 205–215.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.И. Хронология могильников населения I– XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Республиканская типография «Красный октябрь», 2008. 352 с.

Вихляев В.И., Зеленеев Ю.А. Памятники бассейна Суры и Мокши // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 251–270.

Вихляев В.И., Зеленеев Ю.А. Окско-Сурско-Цнинское междуречье в VI- первой половине VIII в. // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022а. С. 596–600.

Вихляев В.И., Петербургский И.М., Седышев О.В. Древние и средневековые поселения мордвы. Саранск: Мордовский ун-т, 2013. 216 с.

Вихляев В.И., Пронин А.С. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника в 1999–2001 гг. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2016. 356 с.

Вихляев В.И., Шитов В.Н. Средневековое поселение в бассейне Суры // АО – 1973 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 140.

Вихляев В.И., Халин В.В. Раскопки Второго Жуковского городища // АО – 1977 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 161.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 112–136.

Малкова Н.М. Погребальные традиции мордвы в XVI – начале XIX в. / Археология евразийских степей. Вып. 35. Казань: АН РТ, 2025. 240 с.

Ставицкий В.В. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 155–166.

Информация об авторах:

Зеленеев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); зав. отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Россия); y_zeleneev@mail.ru

Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Россия);olgazelentsova2010@yandex.ru

REFERENCES

Aksenov, V. N., Artemova, V. D., Vikhliaev, V. I., Zeleneev, Yu. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 1. Saransk: “Mordov. kn. izd-vo” Publ., 50–106 (in Russian).

Belorybkin, G. N., Vikhliaev, V. I., Zeleneev, Yu. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 172–180 (in Russian).

Belorybkin, G. N., Vikhliaev, V. I., Zeleneev, Yu. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 602–616 (in Russian).

Belyaev, Ya. V., Vikhlyaev, V. I., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 1998. *Kel'gininskiy mogil'nik (Kel'ginino burial ground).* Saransk: “Krasniy oktyabr” Publ. (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 1972. *Mogil'niki naseleniya basseynov rek Sury i Mokshi II-VII vv. (Mogil'niki Seliksenskogo i Armiyovskogo tipov) (Burial grounds of the population of the Sura and Moksha river basins in the II-VII centuries (Burial grounds of the Seliksa and Armiyovo types)).* Moscow. Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 1974. In Smirnov, A. P. et al. (eds.). *Materialy po arkheologii i etnografii Mordovii (Studies on archaeology and ethnography of Mordovia).* Series: Trudy Mordovskiogo nauchno-issledovatel’skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography) 45. Saransk: “Mordov. kn. izd-vo” Publ., 57–69 (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 1977. *Drevniaia mordva Posur’ia i Primokshan’ia (Ancient Mordva People in the Sura and Moksha Rivers Area)*. Saransk: Mordovian State University (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 1982. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 goda (Archaeological Discoveries of 1981)*. Moscow: “Nauka” Publ., 140–141 (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 1986. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda (Archaeological Discoveries of 1985)*. Moscow: “Nauka” Publ., 171–172 (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 1986. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 198–208 (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 1992. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Drevnie poseleniya Primokshan'ya (Ancient settlements of the Moksha River region).* Saransk: “Mordov. kn. izd-vo” Publ., 76–104 (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 2000. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoi kul’tury (Origins of the Ancient Mordovian Culture)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 2001. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoi kul’tury (Origins of the Ancient Mordovian Culture)*. Moscow. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. (in Russian).

Vikhliaev, V.I. 2011. In *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya (Humanitarian: Actual Issues of Humanities and Education)* 1 (13), 6–10 (in Russian).

Vikhliaev, V.I. 2012. In *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya (Humanitarian: Actual Isues of Humanities and Education)* 2 (18), 32–39 (in Russian).

Vikhliaev, V. I. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 205–215 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiia mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of Ist — 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Typography (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Zeleneev, Yu. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 251–270 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Zeleneev, Yu. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 596–600 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Peterburgsky, I. M., Sedyshev, O. V. 2013. *Drevnie i srednevekovye poseleniya mordvy (Ancient medieval settlements of the Mordvins).* Saransk: Mordovian State University (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Pronin, A. S. 2016. *Srednevekovaya moksha. Pervye veka vmeste s Drevney Rus'yu. Materialy raskopok Kel'gininskogo mogil'nika v 1999–2001 gg. (The Medieval Moksha people. First centuries with the Ancient Rus'. Materials of excavations of the Kel'ginino burial ground in 1999–2001)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Shitov, V. N. 1974. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 goda (Archaeological Discoveries of 1973)*. Moscow: "Nauka" Publ., 140 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Khalin, V. V. 1978. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 goda (Archaeological Discoveries of 1977)*. Moscow: "Nauka" Publ., 161 (in Russian).

Gening, V. F. 1973. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 112–136 (in Russian).

Malkova, N. M. 2025. *Pogrebal'nye traditsii mordvy v XVI – nachale XIX v. (Burial customs of the Mordvin people in the XVI – early XIX century).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 35. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 155–166 (in Russian).

About the Authors:

Zeleneev Yuri A., Doctor of Historical Sciences, Head of the Department, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia); y_zeleneev@mail.ru.

Zelentsova Olga V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); olgazelentsova2010@yandex.ru

Статья поступила в журнал 18.02.2026 г.
Статья принята к публикации 20.07.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.904 (574) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.337.353
МРНТИ 03.41.91

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ: ВКЛАД А.Г. МАКСИМОВОЙ В АРХЕОЛОГИЮ КАЗАХСТАНА[1]

©2026 г. А.С. Жанбосинова, Ж.С. Мажитова, Х.Б. Маслов, Е.М. Кариев

Авторская статья посвящена Анне Георгиевне Максимовой, выпускнице МГУ им. М. Ломоносова, внесшей значимый вклад в становление и развитие археологии Казахстана. Ее исследования сыграли ключевую роль и дали толчок новым исследовательским траекториям казахстанской археологической науки. На основе архивных материалов экспедиций, научных публикаций А. Максимовой и аналитического обзора тематической историографии анализируется ее роль в формировании методологии и методического инструментария археологических исследований. Особое внимание авторы уделили участию А. Максимовой в качестве исполнителя и руководителя в крупнейших археологических экспедициях, как Восточно-Казахстанская, Шульбинская, Чардаринская и Южно-Казахстанская. Опираясь на документальные источники, авторы показывают ее новаторские методы классификации бронзовых артефактов на востоке Казахстана, уникальную методику фиксации петроглифов урочища Тамгалы, включая детализацию иконографического типа «солнцеголового божества», что позволяет говорить об ее уникальном вкладе в становление национального петроглифоведения. Актуальность ее научного наследия подтверждается высокой цитируемостью и востребованностью опубликованных статей, интеграцией их в современное археологознание. Представленная статья детерминирует значимость научно-биографического анализа ученых для понимания истории становления и развития казахстанской археологической школы.

Ключевые слова: археология, А.Г. Максимова, археология, биографика, Казахстан, Чардары, Шульбинка, Тамгалы, Южно-Казахстанская экспедиция, бронза, петроглифоведение

PERSONALITY IN HISTORY: CONTRIBUTION OF A.G. MAKSIMOVA TO THE ARCHAEOLOGY OF KAZAKHSTAN[2]

A.S. Zhanbossinova, Zh.S. Mazhitova, Kh.B. Maslov, Ye.M. Kariyev

This article is dedicated to Anna Georgievna Maksimova, a graduate of M. Lomonosov Moscow State University, who made a significant contribution to the development of archaeology in Kazakhstan. Her research played a key role and gave impetus to new research trajectories in Kazakhstan archaeological science. Based on archival materials from expeditions, scientific publications by Maksimova and an analytical review of thematic historiography, this article analyzes her role in shaping the methodology and methodological toolkit of archaeological research. Particular attention is given to her participation—both as a field researcher and as expedition director—in major archaeological campaigns, including the East Kazakhstan, Shulba, Chardara and South Kazakhstan expeditions. Drawing on documentary sources, the authors demonstrate her innovative methods for classification of bronze artifacts in eastern Kazakhstan and her unique method for recording petroglyphs in the Tamgaly site, including a detailed elaboration of the "sun-headed deity" iconographic type. This demonstrates her unique contribution to the development of national petroglyph studies. The continued relevance of her scholarly legacy is confirmed by the high citation rates and sustained demand for her published articles, as well as their integration into contemporary archaeological scholarship. This article highlights the significance of scholarly biographical analysis for understanding the history of the formation and development of the Kazakh archaeological school.

Keywords: archaeology, A.G. Maksimova, archaeology, biography, Kazakhstan, Shardara, Shulbinka, Tamgaly, South Kazakhstan Expedition, bronze, petroglyph studies

1 Данная научная статья подготовлена в рамках реализации программы BR24993173 «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана» КН МОН РК.

2 This article was prepared as a part of the implementation of the program BR24993173 "Writing an illustrated biographical encyclopedia on the history of Kazakhstan" of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

1. Введение

Общеизвестно, что в условиях, когда реконструкция колоссального отрезка прошлого человечества доступно лишь по вещественным источникам, а многие памятники к тому же стремительно разрушаются или исчезают, именно результаты археологических научно-исследовательских работ становятся единственным ключевым источником знаний о древней и древнейшей истории. В фокусе современных исторических исследований все чаще появляются известные и порой позабытые имена ученых, оставивших значимый след на отечественном научном небосклоне. За каждым научным результатом стоит личность ученого, посвятившего свою жизнь любимому детищу, отдавшего большую часть своего времени любимой профессии. В ключе осмысления достижений национальной археологии персональная история все больше становится объектом и субъектом исследовательского интереса. Однозначно, что среди спектра гуманитарных дисциплин, именно археологическая наука дает возможность более глубоко вскрыть суть личности, его характер, его жизненные и научные принципы. Ученый вне кабинетной работы в условиях затяжных полевых экспедиций и зачастую экстремального проживания и быта проявляет свои человеческие качества в полной мере. Археологические изыскания раскрывают особую сторону научной деятельности, специалисты-археологи работают с уникальными материальным свидетельствами прошлого, которые возможно исследовать только один раз. В то же время исследованный памятник обретает цифровое бессмертие – должным образом задокументированные данные и их корректная операционализация не теряют своей актуальности и спустя столетия. При этом немаловажную роль играет исследовательское чутье ученого – археолога, его вклад становится не просто фрагментом его биографии, а частью научно-исторического и культурного наследия исследуемого региона, как, например открытие «Золотого человека» К.А. Акишевым и Б.Н. Нурмуханбетовым, ставшего символом Казахстана; Бегазы-Дандыбаевская культура А.Х. Маргулана; Тасмолинская культура М.К. Кадырбаева; открытия палеолитических памятников и становление палеолитоведения Ж.К. Таймагамбетовым, комплекс наскальных изображений урочища Тамгалы своевременно зарегистрированный и описанный А.Г. Максимовой и мн. др.

За последние десятилетия археологическая наука Казахстана совершила значительный рывок, выразившийся в масштабных полевых исследованиях, так и в ряде значимых научных открытий. И порой можно наблюдать, что в спешке и вследствие обилия полевых материалов заново открываются или подаются как дебютные те или иные моменты интерпретации планировки, погребального обряда, иконографии и т.д. Во избежания этого и в целях приобщения плеяды молодых археологов к наследию основоположников отечественной археологии, на наш взгляд, особо актуальными являются биографические исследования таких выдающихся археологов. как А.Г. Максимова, которая принадлежит к числу тех археологов-ученых, чья деятельность началась с одних из первых системных исследований бронзового века Восточного Казахстана и продолжилась до крупных фундаментальных работ по петроглифам Тамгалы, памятникам Чардары и Шульбы. Безусловно, анализ и описание ее жизни и научных работ будет представлять значимый интерес для сообщества историков и археологов, т.к. деятельность Анны Георгиевны отражает ключевые этапы становления археологии советского Казахстана в составе Академии наук Казахской ССР (далее АН КазССР), что особо значимо к 80-летию данного научного учреждения в 2026 году.

2. Материалы и методы

Авторское исследование основано на комплексном анализе источников, позволивших реконструировать автобиографию Анны Георгиевны. В первую очередь, это документы, отложившиеся в фондах научного архива Института археологии им. А.Х. Маргулана (далее НА ИА). Начнем с ее личного дела, начатого 10 августа 1946 года и закрытого 1 марта 1983 года, которое хранится в 11 фонде. Содержание личного дела включает рукописные и машинописные тексты А.Г. Максимовой, отчеты, приказы, различная документация, отражающая рабочие процессы, как характеристики, выписки, личные листки по учету кадров, там же хранится ее заявление о приеме на работу, датируемое 5 августа 1946 годом. Такой набор производственных материалов обеспечивает возможность не только рассмотреть трудовой путь А.Г. Максимовой,

но и прочувствовать эмоциональность ее эгодокументов, написанных собственноручно. Нами проанализированы отчеты археологических экспедиций, черновые наброски статей и монографий, что расширило фрагментарный контекст ее деятельности в статусе от рядового участника до руководителя экспедиций.

В качестве основного корпуса материалов нами рассмотрены научные статьи и монографии, а также диссертация А.Г. Максимовой, в которых отразились результаты ее полевых исследований, методологические разработки и мн. др.

Авторы опирались на монографию Г.В. Длужневской «Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859-1959 гг.», где дан полный справочно-информативный обзор археологических экспедиций, проводившихся в том числе и на территории Казахстана. Г.В. Длужневская в хронологическом порядке структурировала археологические экспедиции с указанием руководителя, региона, выявленных памятников и место хранения фотодокументов, артефактов в научном архиве Института истории материальной культуры РАН (Длужневская, 2011: 123).

В нашем исследовании применяется прежде всего биографический метод, позволяющий сконструировать научную траекторию Анны Георгиевны, этапы формирования ее профессиональных компетенций и факторы, повлиявшие на выбор ее исследовательских интересов. Мы также опирались на интеллектуально-исторический анализ авторских концепций А.Г. Максимовой, ее научную аргументацию, что позволило рассмотреть ее работы как часть широкого научного дискурса, выявив ее стиль, и оценить влияние ее трудов на современные исследования.

3. Обсуждение

Исследования, посвященные биографике и интеллектуальной истории на текущем этапе формируют самостоятельное направление гуманитарного анализа. На текущем этапе есть ограниченное число специальных работ, посвященных А.Г. Максимовой (Марьяшев, 1995, 2014: 145-148; Кузнецова, 2014; Дмитриев, 2017: 139-144; Петенева, 2017: 149-152; Рогожинский, 2017: 146-148). В указанных работах Анна Георгиевна предстает как одна из центральных фигур в ряде ключевых экспедиций – Восточно-Казахстанской, Шульбинской, Чардаринской, Южно-Казахстанской. Ее вклад воспринимается не только через призму непосредственного участия в полевых исследованиях, но и через спектр аналитических и методологических задач. В историографических работах подчеркивается ее владение методикой полевых исследований, внимательность к деталям и способность к систематизации большого массива данных. Обращение современных исследователей к ее публикациям свидетельствует о значимости оставленного ею научного наследия: цитирование ее трудов стабильно поддерживает интерес к ее работам и отражает их устойчивую востребованность в академическом сообществе.

4. Результаты исследования

Вехи биографии

Анна Георгиевна Максимова родилась 29 декабря 1923 года в Кемеровской области в городе Сталинск (переименован в 1961 году в Новокузнецк). Данные о месте рождения взяты из ее лично написанной автобиографии. На момент 1923 года – город назывался Кузнецк и здесь же был построен Кузнецкий металлургический комбинат. Переименование города произошло в 1931 году, когда родители Анны Георгиевны приняли решение о переезде на Урал, на станцию Гороблагодатская (Свердловская железная дорога), где отец Анны Георгиевны устроился стрелочником в железнодорожное ДЕПО (Национальный архив Института археологии, далее НА ИА. Ф. 11. Оп. 1лд. Д. 8. Л. 9).

Социально-экономические процессы 1920-1930-х годов создали сложный и достаточно противоречивый контекст для повседневной жизни советского общества. Семья Максимовых, как и многие подобные, жили в условиях хронического дефицита и масштабного советского строительства. Скорее всего, яркий жизненный пример родителей, семейная среда, основанная на трудолюбии, уважении, ответственности, – естественным образом оказала существенное влияние на формирование личностных качеств Анны Георгиевны. Ее стремление к самостоятельности, умение отстаивать собственную позицию, фундамент этических ориентиров, определили взаимоотношения с окружающим ее миром.

Анна Максимова окончила неполную среднюю школу на железнодорожной станции Гороблагодатская и в 1938 году поступила в педагогический техникум города Тагил. Через два года, накануне Великой Отечественной

войны она перешла в Учительский институт в этом же городе. Когда началась война, Анна Максимовна, как и многие другие советские граждане, работала на заводе оборонного значения.

Активная общественно-политическая позиция Анна Георгиевны, ее стремление к знаниям послужили основанием со стороны руководства Учительского института порекомендовать ее для поступления на исторический факультет Московского государственного университета имени М. Ломоносова (далее. – МГУ им. М.В. Ломоносова), который в это время находился в эвакуации в городе Свердловске (ныне Екатеринбург). Затем состоялся синхронный переезд в Москву в связи с реэвакуацией университета в 1943 году. Война еще не закончилась, и Анна Максимова совмещала учебу с работой в отряде противоздушной обороны, в трудовых отрядах по восстановлению водопроводной сети, в разборах завалов после авианалетов. Наступление советской армии на запад и стабилизация военно-политической обстановки в столице СССР, дало возможность студентам вернуться к обычному формату занятий, более углубленно заниматься учебой и накапливать практические знания и профессиональные навыки.

В 1944 году впервые Анна Максимова участвовала в археологических раскопках в рамках производственной практики в районе города Царицино под Москвой (НА ИА. Ф. 11. Оп. 1 лд. Д. 8. Л. 9 об.). Археологической группой студентов МГУ им. М.В. Ломоносова руководили известные ученые А.В Арциховский, С.В. Киселев, В.Д. Блаватский, Г.В. Дебец (Историки России, 2001). Каждый из перечисленных ученых оставил заметный след в советской археологии и смежных дисциплинах, как, например Артемий Владимирович Арциховский – знаковая фигура в археологии, основатель Новгородской археологической экспедиции и первооткрыватель берестяных грамот. Сергей Владимирович Киселев член-корреспондент АН СССР, лауреат Сталинской премии; Владимир Дмитриевич Блаватский – профессор кафедры археологии МГУ, специалист античной археологии и первооткрыватель Боспора, заложил основы подводной археологии; Георгий Францевич Дебец, работавший на стыке двух наук - биологии и антропологии, крупный специалист в области палеоантропологии и этнической антропологии (Историки России, 2001). Результаты археологических раскопок получили освещение в трудах указанных выше ученых и можно предположить, что профессиональный интерес к археологии у Анны Георгиевны проявился и сформировался именно в этой археологической экспедиции. По всей видимости, практические уроки известных археологов, руководивших раскопками, обусловили будущий научный потенциал А.Г. Максимовой в археологии. Свидетельством тому явилась ее дипломная работа «Томский могильник», защищенная в МГУ им. М. Ломоносова в 1946 г. Руководителем дипломной работы, как кандидатской диссертации выступал известный археолог-этнограф С.П. Толстов. Название темы дипломной работы «Томский могильник» связан с известным археологическим памятником XIX в. раскопанным А.В. Андриановым и С.В. Кузнецовым в 1897 и 1889 годах. Дипломная работа получила высокую оценку М.Н. Тихомирова (декан исторического факультета МГУ), отметившего «образцовое исследование весьма сложного памятника» и способность выпускницы «разобраться в путанном материале из раскопок XIX в.». В самом деле А.Г. Максимова столкнулась с серьезной научной проблемой, дело в том, что несмотря на выявленный интереснейший материал в Томском могильнике, методика археологических раскопок и документации во время работ А.В. Андрианова и С.В. Кузнецова была еще недостаточно развита и в последующем имели место определенные трудности в идентификации и атрибуции материалов. А.Г. Максимова действительно провела скрупулезное исследование, это может говорить о том, что уже будучи студенткой, Анна Георгиевна обладала редким для начинающего археолога сочетанием аналитического ума и умения работать с проблемными материалами раскопок без четких ориентирных привязок к конкретным археологическим этапам, объектам, слоям и т.д. Она смогла классифицировать, типологизировать находки эпохи бронзы и раннего железного века, выделив маркерные признаки, сумев привязать ту или иную находку к конкретному археологическому объекту или раскопу и аргументировать результаты в дипломной работе (НА ИА. Ф. 11. Оп. 1 лд. Д. 8. Л. 15.).

По завершению обучения в Московском государственном университете им. М. Ломоносова, А.Г. Максимовой была присвоена квалификация научного работника в области исторических наук, преподавателя ВУЗа, ВТУЗа и звание учителя средней школы. В приложении к ее диплому по дисциплинам: «Археология», «Каменный век», «Бронзовый век» стояли оценки «отлично» (НА ИА. Ф. 11. Оп. 1 лд. Д. 8. Л. 103-104.).

Роль А.Г. Максимовой в становлении археологии Казахстана

1946 год оказался знаменательным для Казахстана. Во-первых, состоялось открытие АН КазССР, во-вторых, профильным институтам требовались профессиональные кадры, в том числе и археологические, т.к. намечались масштабные полевые экспедиции с участием АН СССР, университетов Москвы и Ленинграда, Института истории материальной культуры (далее ИИМК). А.Х. Маргулан лично ездил, договаривался и вел активную переписку с крупнейшими высшими учебными заведениями Москвы, Ленинграда по поиску выпускников специальности «Археология». Благодаря его личному участию, в числе тех, кто дал согласие на приезд в Алма-Ату и работу в секторе Архео-логия ИИАЭ[1] были выпускницы МГУ им. М. Ломоносова А.Г. Максимова и Т.Н. Сенигова (Бейсенов и др., 2017, с. 11-51). В 1946 году по счастливому стечению всех сопутствующих обстоятельств, А.Г. Максимова была принята на работу младшим научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (далее ИИАЭ). При этом она продолжала обучение в промежутке 1948-1950 гг. в Вечернем университете марксизма-ленинизма (НА ИА. Ф. 11. Оп. 1 лд. Д. 8. Л. 5, 7 об.). Очень хорошо и довольно точно написал Л.Р. Кызласов о двух молодых специалистах археологах с МГУ, назвав их «учеными энтузиастками… посвятившими археологии Казахстана всю свою трудовую жизнь…», указав, что именно с именами А.Г. Максимовой и Т.Н. Сениговой «…связано преодоление нелегкого периода становления сектора археологии АН Казахстана» (Кызласов, 2017, с. 70-75).

Научно-исследовательская подготовка выпускницы МГУ им. Ломоносова А.Г. Максимовой была оценена назначением ее временно исполняющей обязанности заведующего отделом Палеолита по сектору Археология в августе 1946 года. Приказ[2] был подписан заместителем директора Институтом истории, археологии и этнографии Х.Г. Айдаровой. 28 ноября 1946 года решением распорядительного заседания Президиума АН КССР А.Г. Максимовой было присвоено ученое звание младшего научного сотрудника Института истории, археологии и этнологии. Ученое звание младшего сотрудника А.Г. Максимова заработала результатами своей первой кратковременной экспедиции в Чиликском районе в сентябре 1946 года и корректной обработкой и интерпретацией выявленных в ходе этого полевых материалов (НА ИА. Ф. 11. Оп. 1 лд. Д. 8. Л. 14, 16.). Научный стиль «образцового исследования» А.Г. Максимовой, подмеченный М.Н. Тихомировым был еще раз подтвержден в ее практической деятельности в ИИАЭ АН КазССР.

Нехватка специалистов ощущалась не только в научных учреждениях, учебные заведения испытывали дефицит преподавателей, в том числе и по дисциплине «Археология». Выпускница МГУ им. М. Ломоносова оказалась востребована в Казахском государственном университете им. С. Кирова, внеся вклад в подготовку специалистов археологов. Ставшие известными учеными археологами К.А. Акишев, А.М. Оразбаев, Г.А. Кушаев были когда-то в числе слушателей учебного курса, который вела Анна Георгиевна в 1946-1953 гг., будучи младшим сотрудником ИИАЭ (Максимова Анна Георгиевна, 2023, с. 24).

Научная карьера Анны Георгиевны шла параллельно с ее активной общественно-политической деятельностью и одновременно со сдачей кандидатских минимумов для поступления в аспирантуру и написании кандидатской диссертации. Ее личное дело сопровождается множеством объявленных благодарностей за добросовестный вклад и участие в избирательной кампании, в различных сессиях и прочей важной в политическом плане задачах, как, например «повышение идейного уровня и научной квалификации».

Профессиональный опыт Анны Георгиевны нарабатывался и расширялся в каждой археологической экспедиции. Начало было положено участием в Восточно-Казахстанской археологической экспедиции (далее ВКАЭ) Ленинградского отделения ИИМК под руководством С.С. Черникова в 1947-1956 гг. Отметим, что практически все археологиче-

ские экспедиции КазССР в исследуемый авторами хронологический отрезок проводились с участием ИИМК, ученых археологов ведущих научных учреждений Москвы и Ленинграда совместно с ИИАЭ. Участие ИИМК в археологических изысканиях в Казахстане объяснялось не только зависимостью от крупных союзных научных центров, но и научным интересом к малоисследованным территориям. На наш взгляд, следует учитывать научную парадигму исторической и археологической науки, которая опиралась на тезис И.В. Сталина о единой истории народов СССР, археология рассматривался как инструмент реконструкции общего исторического прошлого народов СССР. Территории, на которые отправлялись археологические экспедиции, отбирались исходя из научного потенциала и вероятности получения новых данных. В этом отношении Казахстан представлял собой один из наиболее перспективных регионов, с одной стороны разнообразие природных ландшафтов, а с другой насыщенность археологическими памятниками, обуславливала возможность уникальных научных открытий.

Работы ВКАЭ проводились «…в долине Иртыша, раскопки андроновского поселения у д. Малая Красноярка, могильников III–I вв. до н. э. Кула-Журга и Баты, у оз. Сарыкан и курганов IV в. до н. э. в Чиликтинской долине, а также обследование зоны затопления Бухтарминской ГЭС (в долине Иртыша от устья Бухтармы до оз. Зайсан), где были раскопаны курганы у д. Усть-Нарым, пос. Бухтарминское и Кызыл-Ту» (Длужневская, 2011: 139, 164). В период проведения второй ВКАЭ в 1952-1954 годы А.Г. Максимова была назначена руководителем полевого археологического отряда, который занимался раскопками в районах аула Канай, Жанажурт, включая окрестности сел Трушниково и Малокрасноярское (НА ИА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 335. Л. 5.).

С 1947 по 1950, 1952-1954 годы А.Г. Максимова, находясь в составе ВКАЭ, составляла маршруты экспедиции и компоновала археологические карты, что подтверждается документально различными источниками, как опубликованными в журнале «Известия АН КазССР», а также дневниками и отчетами С.С. Черникова. В 1951 году в рамках деятельности ВКАЭ А.Г. Максимова была направлена в ИИМК Ленинград для проведения камеральной обработки собранных материала и завершения работ над археологической картой. Безусловно, что за внешне лаконичными формулировками, как «камеральная обработка», «археологическая карта» скрывается масштабный и титанический труд. Присущие для А.Г. Максимовой черты ее характера – педантичность, скрупулезность и внимательность к деталям во многом определили качество итоговых материалов экспедиции, которые актуальны и посей день. По завершению полевых изысканий А.Г. Максимова переходила к аналитической работе, включавшей набор и систематизацию полевых дневников, обработку фотоматериалов и другой документации, выстраивание системы координат и геопозиционных привязок археологических объектов согласно уровню развития техники тех лет, классификацию и составление итоговых таблиц памятников, артефактов и прочих сопутствующих немаловажных работ камеральной и кабинетной археологии. Как уже отмечено, находясь в командировке в г. Ленинград Анна Георгиевна всесторонне занималась составлением археологической карты ВКАЭ, опираясь на собственные полевые материалы, а также использовала архивные материалы, опубликованные С. Черниковым за 1935-1937 гг. (Максимова, НА ИА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 604.). Работа над археологической картой требовала особой тщательности. На карте фиксировалась локализация памятников, их хронологическая и культурная атрибуция и иные значимые характеристики, координаты, сопроводительная информация (легендирование) и мн. пр.

Результаты научных археологических исследований, а именно обработка материалов эпохи бронзы – данные с поселенческих памятников, такие как коллекция артефактов, включающей керамику и другие предметы быта, элементы погребальной и культовой практики, обнаруженные в ходе работы ВКАЭ 1947-1956 гг. легли в основу кандидатской диссертации А.Г. Максимовой «Восточный Казахстан в эпоху бронзы». Обсуждение диссертации А. Максимовой состоялось в 1955 году в стенах ИИАЭ АН КазССР. В представленной к обсуждению рукописи диссертации особую значимость имела систематизация и хронологизация материалов, относящихся к андроновской культурно-исторической общности (в современном понимании). Надо отдать должное системно-

методологическому анализу Анны Георгиевны, что позволило впервые ввести в научный оборот ранее неизвестные материалы и дать им всесторонний научно-археологический анализ. Она стала одним из первых ученых, адаптировавшей ранее разработанную периодизацию и хронологическую классификацию памятников эпохи бронзы к подобным памятникам востока Казахстана согласно региональным особенностям. Это был важнейший вклад в развитие отечественной археологии. К.А. Акишев, рецензируя диссертацию А.Г. Максимовой к предварительному обсуждению, подчеркивал исключительную ценность материалов с поселений, которых в Казахстане «единицы, а исследованы и того меньше». Он отмечал, что А.Г. Максимова существенно «расширила знания об андроновской культуре, дав им анализ и представив их совершенно в ином формате, на фоне исследований М.П. Грязнова, К.В. Сальникова и других исследователей» (НА ИА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 335. Л.205). Диссертация А.Г. Максимовой состояла из трех взаимосвязанных разделов, каждый из которых был нацелен на решение самостоятельной исследовательской задачи. В первом разделе Анна Георгиевна представила аналитический обзор, сравнительное сопоставление и классификацию выявленных памятников эпохи бронзы. Важно, что ей удалось систематизировать все разрозненные данные и типологизировать их. Во втором разделе представлен системный анализ всех выявленных памятников, их пространственная организация, показаны функциональные особенности и даны культурно-хронологические параметры. В третьем разделе Анна Георгиевна выделила региональные особенности, продемонстрировав локальные варианты развития андроновской культурно-исторической общности в Восточном Казахстане. К защите Анна Георгиевна подошла с девятью опубликованными статьями, после защиты вышло еще шесть статей. Ученая степень кандидата исторических наук А.Г. Максимовой была присуждена 20 апреля 1960 года решением диссертационного совета исторического факультета МГУ им. М. Ломоносова. Ученое звание «Старшего научного сотрудника по специальности Археология» было присвоено решением Президиума АН КазССР 11 марта 1965 года. (НА ИА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 335. Л.106).

В 1955 году А.Г. Максимова была начальником Павлодарской археологической группы, организованной ИИАЭ АН КССР. В задачи экспедиции входило исследование Ямышевской, Семиярской, Черноярской территории, а также частично ряда участков Центрального Казахстана. А.Г. Максимова работала в паре с Е.И. Агеевой, при этом исследовательский фокус Анны Георгиевны был направлен на памятники бронзового века, Евгении Ивановны – на погребальные комплексы различных эпох. Совместная работа двух ярких фигур археологии Казахстана представила науке первую комплексную археологическую характеристику Павлодарского Прииртышья. Их исследования структурировали хронологическую последовательность культур, выявили локальные особенности сакских и тюркских памятников, а также заложили основы картографирования археологических объектов Прииртышья (Археологическое наследие, 2017. Т. 1.: 42.). Это отмечено, в частности, и их коллегой по цеху, также выдающимся археологом Ф.Х. Арслановой в автореферате кандидатской диссертации – «значимый вклад Е.И. Агеевой и А.Г. Максимовой в археологическое изучение Павлодарского Прииртышья» (Арсланова, 1964: 6-7).

Участие А.Г. Максимовой в Семиреченской экспедиции, организованной ИИАЭ, относится к 1956 году, состоялось в качестве младшего научного сотрудника. В сентябре того же года ей было поручено руководство отдельным полевым отрядом. Археологические исследования в Семиречье были направлены на выявление памятников ранних кочевников и средневековых культур, а также на составление «археологической карты двух областей Семиречья – Алма-Атинской и Талды-Курганской» (Агеева, 1960: 65). В экспедиции принимала участие и Е.И. Агеева, отметившая в своей публикации, что разведочные работы 1956 года позволили выявить значительное число новых памятников, существенно расширяющих археологическую карту Семиречья. О масштабности проведенной работы свидетельствуют статистические данные: выявлено 597 новых, ранее неизвестных памятников, включая курганные группы, могильники, одиночные погребения и поселенческие объекты. Исследовано 167 курганов на 18 могильниках. Е.И. Агеева подробно описала конструктивные особенности кургa-

нов, типы погребений и состав инвентаря, фиксируя наличие железных предметов, керамики, элементов конского снаряжения и украшений (Агеева, 1960: 65-69) А.Г. Максимова занималась стратиграфической фиксацией, проводила типологический анализ погребальных конструкций и осуществляла систематизацию выявленных материалов. Работа с материалами раннекочевнических культур существенно расширила и усилила диапазон профессиональной компетенции А.Г. Максимовой (Отчет, 1956).

Следующий этап археологических исследований А.Г. Максимовой связан с Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией (далее ЮККАЭ), это был крупный междисциплинарный проект с участием ИИМК и ИИАЭ. ЮККАЭ стала одной из крупных археологических экспедиций, объединившей специалистов по археологии, этнографии, истории. топографии и геоморфологии. В составе ЮККАЭ работало несколько отрядов, зонально распределившихся в Отрар, Чардаринский район, Чу-Илийские горы, долина Арыси и т.д. А.Г. Максимова в промежутке 1953, 1957-1959 годов работала в Сузакском районе, в урочище Тау-тары, где располагались памятники, относящиеся к эпохе бронзы. В 1960-1962 годах была начальником Чардаринского отряда, в 1969-1973 годах приняла участие в Отрарской экспедиции в качестве начальника Южно-Каратауского отряда. Отряд под ее руководством проводил разведывательные работы и раскопки курганов вдоль южных отрогов хребта Каратау. Были открыты и исследованы интересные памятники, а именно курумы, гробницы типа науса. Тогда же были выявлены «более семи тысяч неизвестных ранее изображений и составлена их классификация» (Марьяшев, 1995: 7.)

Детализация планов и результатов ЮККАЭ получила отражение в составленных А.Г. Максимовой «Дневник ЮККАЭ, 1958 г. (урочище Тау-Тары, Кзыл-Есбакты) (НА ИА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 485. 96 л.); «Дневник № 1. Раскопки на урочище Тау-Тары, Чулак-Курган, Кенсай. 1957» (НА ИА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 445. 78 л.); «Дневник № 2, ЮККАЭ, 1957 г. (уроч. Кенсай и др.)» (НА ИА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 446. 61 л.). Согласно данным А.Г. Максимовой, исследуемый памятник включал курганы эпохи бронзы и раннего железа 28 и 3 соответственно. В статье, опубликованной в 1962 г. она предположила, что Тау-Таринские материалы не что иное, как переходная модель от федоровской культуры к началу алакульской культуры (Максимова, 1962: 37-56). Выводы А.Г. Максимовой «о переходном характере» артефактов Тау-Таринского могильника подтвердил М.П. Грязнов, который углубил основные положения Анны Георгиевны. При этом М.П. Грязнов полагал, что «группа населения, оставившая эти памятники, обитала там еще до того, как андроновские племена вступили в алакульский этап развития своей культуры» (Дмитриев, 2017: 139). Несмотря на все еще существующую в современности дискуссию касательно синхронности и диахронности указанных культур можно сказать, что выводы А.Г. Максимовой были новационными и весомыми для своего времени, и приведенные ею аргументы не теряют актуальности до сих пор.

В рамках работы ЮККАЭ состоялось исследование урочища Тамгалы, территория которого вошла в общий комплекс маршрутных разведок Чу-Илийского региона. Раний этап разведывательной работы относился к 1956-1957 гг. и включал обследование горных и предгорных районов северной части Чу-Илийских гор. В задачи разведочной группы входила фиксация петроглифов центральной части урочища, включая антропоморфные фигуры, сцены охоты и пр. А.Г. Максимова фиксировала отдельные группы изображений, занималась описанием ландшафтных особенностей урочища, ведением полевых дневников и составлением рекогносцировочных маршрутов. Новизна, внесенная А.Г. Максимовой в изучение урочища Тамгалы, определяется тем, что ее работа стала первым системным шагом в фиксации и научном описании наскальных изображений этого комплекса. Анна Георгиевна не ограничивалась визуальным описанием изображений, также осуществляла подробную топографическую привязку петроглифов, фиксировала их положение в структуре ландшафта - отмечая особенности рельефа, ориентацию скальных выходов, даже показывала характер природного окружения. Это был совершенно новый метод включения пространственного контекста в петроглифоведения (ландшафтная археология). Тщательные, инновационные для тех лет исследования проведенные А.Г. Максимо-

вой, можно сказать, поменяли статус Тамгалы – памятник стал значимым археологическим объектом, учтенным и занесенным в археологическую карту Чу-Илийского региона. Отметим, что в середине 1950-х годов Тамгалы не рассматривалось как самостоятельный археологический объект, его значение не осознавалось не в региональном, тем более в общесоюзном значении. Именно благодаря А.Г. Максимовой Тамгалы был рассмотрен как структурированный сакральный ландшафт, а не случайное скопление петроглифов (Максимова, 1985). Очевидно, исследовательская практика изучения петроглифов была заложена ранее К.И. Сатпаевым, обнаружившим их в районе Теректы и Карсакпая еще в 30-е годы XX века продолжена и другими не менее известными учеными. Однако, А.Г. Максимова занимает в корпусе петроглифоведов особое место. Урочище Тамгалы, благодаря ее кропотливой и методической работе, получило детальное описание и стало на текущий момент единственным документально-визуальным источником наскальных композиций «Солнцеголовых божеств».

Среди множества экспедиций, в которых принимала участие А.Г. Максимова значимыми, на наш взгляд, являются Чардаринская и Шульбинская, т.к. они были организованы на территории, которые подлежали затоплению и строительству ГЭС. Указанные обстоятельства обусловили организацию двух археологических экспедиций, отличавшихся между собой географией, масштабом работ и хронологией их проведения. Вклад Анны Георгиевны в Чардаринскую экспедицию заключался в систематизации находок, составлении стратиграфических разрезов и подготовке публикаций, обобщающих материалы раскопок (НА ИА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 814).

ЗОсобое место научно-исследовательской практике А.Г. Максимовой занимала Шульбинская археологическая экспедиция (далее ШАЭ), полагаем, что ее можно считать как финальную часть работ ученой в составе ВКАЭ начиная с вышеописанных изысканий 1947-1956 гг. – Анна Георгиевна начинала работу в Казахстане с ВКАЭ и Шульбинская экспедиция стала последней ее полевой работой в нашей стране. ШАЭ проводилап свои работы в Семипалатинской области, на территории, подлежащей затоплению в связи со строительством Шульбинской ГЭС на Иртыше. А.Г. Максимова руководила Шульбинской экспедицией в 1977, 1980, 1982 годах.

Результаты работы первого отряда Шульбинской археологической экспедиции нашли отражение в «Отчете о работе Шульбинской археологической экспедиции за 1982 год» (Ф. 11. Оп. 22. Д. 1843.; Ф. 11. Оп. 23. Д. 1881 Отчет; Ф. 11. Оп. 24. Д. 1845.), составленном А.Г. Максимовой и А.С. Ермолаевой. Судя по структуре и содержанию документа, первый раздел, посвященный палеолитической стоянке «Шульбинка» был подготовлен Ж.К. Таймагамбетовым, отчет о работе первого отряда составила А.С. Ермолаева, материалы по отчету второго отряда представлен Ф.Х. Арслановой, раздел по третьему отряду подготовил Ю.И. Трифонов. Столь широкий диапозон авторов отчетной документации демонстрирует сложную многоуровневую структуру исследовательских задач и высокий уровень специализации участников ШАЭ. Итогом многолетней работы Шульбинской экспедиции стала фундаментальная классическая монография, написанная коллективом авторов, вышеуказанных участников экспедиции (Археологические памятники..., 1987). Авторами введены в научный оборот большое количество выявленных и изученных ими памятников, что существенно расширило публикационный фонд археологических источников по Восточному региону. Второй раздел указаного научного труда «Памятники эпохи бронзы» был подготовлен А.Г. Максимовой и А.С. Ермолаевой, авторами выделено две группы памятников указанного периода: погребения эпохи средней бронзы и погребения эпохи поздней бронзы. Авторы провели огромную работу по систематизации археологических материалов – хронологическую и культурную атрибуцию памятников и артефактов, выделили особенности погребальных конструкций и обряда по эпохам, маркирующие признаки сопроводительного инвентаря, провели параллельный анализ и интерпретацию контекстных данных по местоположению групп памятников, наземных сооружений, ориентации погребенных и мн. др.

Историографический обзор научных трудов А.Г. Максимовой

Деятельность Анны Георгиевны не ограничивалась лишь полевыми работами. Она последовательно, шаг за шагом формировала и по сути создавала новые подходы фиксации,

Рис. 1. Шульбинская археологическая экспедиция АН КазССР. «Я студент 3 курса вручаю Х. Алпысбаеву "цветы" (вырванный с корнем бурьян). Слева от меня начальник ШАЭ к.и.н. Максимова А.Г., позади Алпысбаева Х.А. студентка Калиева А. (ныне работает в КазНУ), в штормовке Акишев А.К. (ныне к.и.н., археолог), в машине сидит Ермолаева А.С. Фото из личного архива Ж. Таймагамбетова 1977 г.

Fig. 1. Shulba archaeological expedition of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. "I am, a third-year student, present flowers to Kh. Alpysbaev (uprooted weeds). To my left is the head of the ShAE, PhD in history, Maksimova A.G., behind Alpysbaev Kh.A. is student Kalieva A. (now working at KazNU), in a windbreaker is Akishev A.K. (now PhD in history, archaeologist), in the car is Ermolaeva A.S. Photo from Zh. Taimagambetov's personal archive, 1977.

систематизации и интерпретации выявляемого археологического материала. Историография изучения бронзового века и ранних культур Евразийских степей неизбежно включает научные публикации А.Г. Максимовой.

Одним из самых дискуссионных вопросов является периодизация бронзы Евразийских степей. Выстроить единую хронологическую модель для огромной территории, где историко-культурные процессы развивались неравномерно и можно сказать локально и зачастую асинхронно довольно таки сложно. В кандидатской диссертации «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» А.Г. Максимова впервые дала периодизацию бронзы Восточного Казахстана, связав ее с конкретной территорией и социально-экономическими факторами. Аргументируя свои выводы в определении хронологии, Анна Георгиевна ссылалась на труды К.В. Сальникова, К.А. Акишева и др. А.Г. Максимова объясняла невозможность по методу К.В. Сальникова (Сальников, 1951: 110, 112), которому на «...Урале по внешнему виду, обряду захоронения и инвентарю удалось не только хронологически, но и территориально выделить две основные группы, то мы для известных нам могильников не можем этого сделать. В одних и тех же могильниках мы встречаем различные по внешнему виду захоронения» (Максимова, НА ИА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 335.Л. 68-69.). А.Г. Максимова верно подметила, что культурные процессы на Алтае и Восточном Казахстане не совпадали по времени с процессами на Урале и Поволжье. Даже отдельно взятый регион демонстрировал разнополярность культурных изменений, к примеру, металлургия развивалась быстрее, чем погребальные обряды, развитие поселений шло медленнее, чем структурные изменения в керамике, даже сакральные практики сохранялись дольше, чем практикуемые хозяйственные модели. Именно поэтому в исследовательской археологической практике использовались разные критерии для выделения этапов бронзы. К.В. Сальников определяет первый этап бронзы федоровский XVIII-XVI вв. до н.э., второй алакульский XV-XII вв. до н.э., третий этап XII-VIII вв. до н.э. (Сальников, 1968: 8-9). Его периодизация стала фундаментом общесоюзной хронологии бронзового века. По аналогии с южным Зауральем оформлена периодизация Центрального Казахстана (Акишев, 1953), Северного Казахстана (Оразбаев, 1958). У Акишева К.А.

последний этап бронзы вследствие его специфики получил название «дандыбаевский», у А.М. Оразбаева этот этап выделен в «замараевскую культуру». С.С. Черникова в основе периодизации была типология поселений. А.Г. Максимова показала, что племена Восточного Казахстана проходят через ранний XIV-XI вв. до н.э. (федоровский), средний XI-X вв. до н.э. (алакульский), поздний X-VIII вв. до н.э. (синхронный карасуку) (Максимова, НА ИА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 335.Л. 172-173., 1959, 1962). Вполне закономерно, что периодизация эпохи бронзы имеет столь дискуссионный характер – это обусловлено не только методологическими расхождениями ученых, но и огромной территории, культурной неоднородностью, существенными различиями выявленной источниковой базы.

Научные публикации А.Г. Максимовой представляют собой системное обобщение материалов археологических экспедиций, предложенная ею структурированная периодизация бронзы Восточного Казахстана позволяет рассматривать эту территорию не как периферию Андроновской культуры, а как самостоятельную культурно-историческую область. Методологическая новизна ее исследовательской практики заключается в изучении выявляемых предметов во взаимосвязи и в совокупности с погребальными конструкциями и ритуальными особенностями. Анна Георгиевна занималась реконструкцией хозяйственных циклов по оценке содержания инвентаря и самой структуре поседения. Именно А.Г. Максимова вела в археологический инструментарий ландшафтную интерпретацию (ландшафтная археология) культурных комплексов на примере урочища Тамгалы.

Характерной особенностью полевых исследований А.Г. Масимовой применение метода комбинированной стратиграфической фиксации она совмещала вертикальные стратиграфические разрезы с горизонтальными планиграфическими схемами, т.е. двойная схема фиксации. В отчетной документации ЮККАЭ отложились схемы раскопов А.Г. Масимовой – горизонтальные планиграфические схемы, вертикальные стратиграфические профили, зарисовки конструкций погребений, послойные разрезы курганных насыпей (Максимова, 1957, НА ИА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 457). В статье, посвященной могильнику эпохи бронзы в урочище Тау-Тары А.Г. Максимовой приведены планы раскопок кургана, профили погребальных ям, послойная структура насыпи и инвентарь в горизонтальной и вертикальной плоскости (Максимова, 1962), тот же метод был применен при исследовании бронзы в Восточном Казахстане (Максимова, 1959).

В Чардаринской экспедиции она разработала методику ускоренной стратиграфической диагностики или метод спасательных раскопок. В коллективной монографии представлены планы и стратиграфические разрезы раскопов в зоне Чардаринского водохранилища (Максимова, 1968). Такой же спасательный метод был использован в Тамгалы, благодаря А.Г. Максимовой существует визуальная история «солнцеголовых божеств».

Методологический инструментарий, сформированный А.Г. Максимовой обеспечивал преемственность археологических исследований и достаточно высокий уровень научной достоверности археологической базы данных. Разработанные ею подходы к анализу полевого материала способствовали стандартизации научно-исследовательских процедур и повышению качества вводимых в научный оборот новых археологических данных. Благодаря ее многолетней работе были выявлены, описаны и введены в научный оборот значительный объем археологических памятников, сыгравших важную роль в реконструкции древней и средневековой истории Казахстана. Помимо вышесказанного, выявленные Анной Георгиевной материалы информативно расширили археологические знания, дали толчок новым археологическим изысканиям, раскрыв вопросы культурной динамики, социально-экономических процессов, протекавших на протяжении нескольких эпох в Казахстане.

Практически все современники А. Максимовой, коллеги по археологическому сообществу, авторы и соавторы научных работ – статей, монографий, постоянно подчеркивали ее неоценимый вклад в становление региональной археологической науки. Для особо близких Анна Георгиевна была – Аннушкой, за ее теплое доброе отношение. Коллеги ценили ее за высокую научную добросовестность, за ее глубокие методологические познания, за умение решать масштабные задачи во время полевых экспедиций и всегда оставаться человеком, не нарушая личные границы. При заслушивании отчета А.Г. Максимовой

на заседании отдела археологии ИИАЭ им. Ч. Валиханова о проделанной работе за 1974-1978 гг. ее коллеги дали высокую оценку ее исследовательским результатам, в том числе К.М. Байпаков в своем выступлении сказал: «Имя Анны Георгиевны Максимовой связано с началом развития казахстанской археологии. За свою долголетнюю работу она сделала много. Благодаря ей мы узнали о памятниках андроновской культуры Южного Казахстана, Семипалатинской области. Она возглавляла отряд Чардаринской экспедиции, итогом работ которой явился труд «Древности Чардары». Она руководила Тасмурунской и Шульбинской экспедициями… Многие археологи делают ссылки на труды Анны Георгиевны». М.К. Кадырбаев в дополнение словам К.М. Байпакова добавил: «Анна Георгиевна соединяет «вчера, сегодня, завтра» в казахстанской археологии. Это принципиальный и честный человек» (НА ИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8. Л. 81.)

Заключение

Биография Анны Георгиевны Максимовой представляет собой не просто индивидуальную историю ученого археолога, но и важный аналитический инструмент понимания, как шло формирование казахстанской археологической науки. Обращение к ее жизненному опыту, ее пройденному пути позволяет увидеть как и каким образом складывались профессиональные пути первых археологов Казахской ССР, какие этапы прошла археологическая наука и как совершались научные открытия бесценных памятников прошлого.

Выбранный авторами исследовательский ракурс сочетает персональную историю и историю становления научной школы. Это не только реконструкция биографии А.Г. Максимовой, но и обращение к государственной политике формирования академического пространства в республике, участию в ней союзных и республиканских научно-исследовательских институтов.

А.Г. Максимова прошла путь от студентки МГУ им. Ломоносова до статуса маститого специалиста по археологии Казахстана. Ее биография сочетает академическую подготовку, полевой исследовательский опыт и научный результат, востребованный в текущее время. Опубликованные труды А.Г. Максимовой активно цитируются не только в Казахстане, но и за его пределами, они не потеряли своей актуальности в XXI веке. Анна Георгиевна одна из немногих кто стоял у истоков институционального оформления археологии Казахской ССР. Ее участие в создании сводных карт, в систематизации материалов экспедиций, разработке новаторской методологии и методов археологических исследований заложили профессиональные стандарты археологических раскопок, а ее работы сформировали устойчивую исследовательскую традицию.

Примечания:

[1] Имя Ч.Валиханова Институту истории, археологии и этнографии было присвоено в 1961 г.

[2] Вероятно, в выписке из приказа содержится ошибка, т.к. отдел палеолита отсутствовал в структуре ИИАЭ.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.И. Новые данные по археологии Семиречья // КСИИМК. Вып. 80 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1960. С. 65–69.

Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. 18 с.

Арсланова Ф.Х. Археологические памятники Среднего Прииртышья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата: АН КССР, 1964. 28 с.

Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана.Т. 1 / Отв. ред. А. Бейсенов, В. Ломан. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. 252 с.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.

Бейсенов А., Джумабекова Г., Базарбаева Г. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук. Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Т. 1 / Отв. ред. А. Бейсенов,

В. Ломан. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 11–51.

Дело № 2. Максимова А., Мерщиев М., Вайнберг Б., Левина Л. Научная работа: Древности Чардары (Итоги работы 1959-1963 гг. в зоне Чардаринского водохранилища) // НА ИА. Ф. 11. Оп. 10. Д. 1026. Л. 1-172.

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.

Дмитриев Е.А. Таутаринский тип (к вопросу о генезисе и хронологии) // Самарский научный вестник. 2017. № 4 (21). С. 139–144.

Дневник № 1. Раскопки на урочище Тау-Тары, Чулак-Курган, Кенсай. 1957 // Национальный архив Института археологии (далее НА ИА.) Ф. 11. Оп. 4. Д. 445. 78 л.

Дневник № 2, ЮКАЭ, 1957 г. (уроч. Кенсай и др.) // НА ИА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 446. 61 л.

Дневник ЮКАЭ, 1958 г. (урочище Тау-Тары, Кзыл-Есбакты) // НА ИА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 485. 96 л.

Историки России. Биографии / Отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. 911 с.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I / МИА. № 24 / Под ред. С.В. Киселева. М.: АН СССР, 1952. С. 7–50.

Кузнецова О.В. Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ): научные биографии участников и библиография исследований. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию работ Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (Шаульдер, 18-19 октября 2011 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2014. 252 с.

Кызласов Л.Р. Слово об Алеке Маргулане. Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Т. 1 / Отв. ред. А. Бейсенов, В. Ломан. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 70–75.

Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. Дисс… канд. ист. наук. 1955 // НА ИА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 335.Л. 208.

Максимова Анна Георгиевна / Биобиблиография археологов Казахстана. Вып. 12 / сост. А.Е. Рогожинский, А.С. Ермолаева. Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2023. 70 с.

Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Археология. Т. 7 / Отв. ред. К. Акишев. Алма-Ата: АН КССР, 1959. С. 86–161.

Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Археологические исследования на северных склонах Каратау / Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Археология. Т. 14 / Отв. ред. А. Агеева. Алма-Ата: АН КССР, 1962. С. 37–56

Максимова А., Ермолаева А., Марьяшев А. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Онер, 1985. 144 с.

Максимова А., Мерциев М., Вайнберг Б., Левина Л. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968. 271 с.

Максимова А.Г. Сводная археологическая карта Восточно-Казахстанской области и описание археологических памятников сводной карты по Семипалатинской области. б/г. // НА ИА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 604. 96 л.

Максимова А.Г. Планы раскопов и зарисовки, ЮКАЭ. 1957 г. (Таутары, Кара-Кудук, Тамгалы) // НА ИА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 457. 61 л.

Марьяшев А.Н. Наскальные изображения Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья. Вопросы хронологии, интерпретации и эволюции наскального искусства. Автореф. дисс. … докт. истор. наук. Новосибирск, 1995. 46 с.

Материалы к рукописи археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС за 1980 год. // НА ИА. Ф. 11. Оп. 22. Д. 1843. 77 л.

Личное дело Анны Георгиевны Максимовой // НА ИА. Ф. 11. Оп. 1 лд. Д. 8. 106 л.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Т. V / Отв. ред. В.Ф. Шахматов, К.А. Акишев. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. С. 216–294.

Отчет Семиреченской археологической экспедиции за 1956 г. // НА ИА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 1016. 23 л.

Отчет о работе Шульбинской археологической экспедиции в 1981 г. // НА ИА. Ф. 11. Оп. 23. Д. 1881. 98 л.

Отчет о работе Шульбинской археологической экспедиции в 1981 г. // НА ИА. Ф. 11. Оп. 24. Д. 1845.77 л.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии за 1962 год. // НА ИА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 814. 18 л.

Петеневa Г.Г. Остался мой след далеко за порогами. С моими трудами, с моими тревогами // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Т. 1 / Отв. ред. А. Бейсенов, В. Ломан. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 149-152.

Рогожинский А.Е. Труженица археологии // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Т. 1 / Отв. ред. А. Бейсенов, В. Ломан. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С.146–148.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. II / МИА. № 21 / Под ред. А.Я. Брюсова. М.: АН СССР, 1951. С. 94–151.

Сальников К.В. Итоги изучения памятников эпохи бронзы на Южном Урале // СА. 1968. № 1. С. 3–9.

Смирнов А.С. Третейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 96–103.

Информация об авторах:

Жанбосинова Альбина Советовна, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан); sovetuk27@gmail.com

Мажитова Жанна Сабитбековна, доктор исторических наук, профессор, «Медицинский университет Астана» (г. Астана, Казахстан); zhanna013013@gmail.com

Маслов Халил Борисович, PhD, ведущий научный сотрудник НИИ «Алаш», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, (г. Астана, Казахстан); khalil.maslov@mail.ru

Кариев Елдос Максатович, PhD, Ассистент профессор факультета образования и гуманитарных наук SDU University, (г. Каскелен, Казахстан); eldos.05.82@gmail.com

REFERENCES

Ageeva, E. I. 1960. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 65–69 (in Russian).

Akishev, K.A. 1953. *Epokha bronzy Tsentralnogo Kazakhstana (The Bronze Age of Central Kazakhstan).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Leningrad (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1964. *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Priirtyshia. (Archaeological sites of the Middle Irtysh region).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Alma Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).

Beisenov, A., Loman, V. (eds.). 2017. *Arkheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie: Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letiiu organizatsii Tsentralno-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Akademii nauk Kazakhstana (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation: collected articles, dedicated to the 70th anniversary of the organization of the Central Kazakhstan archaeological expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan*). Almaty: Scientific Research Institute "Begazy-Tasmola" (in Russian).

Akishev, K. A. (ed.). 1987. *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES (Archaeological Sites in the Flooding Area of Shulbinskaya Hydroelectric Power Station)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Beisenov, A., Dzhumabekova, G., Bazarbayeva, G. 2017. In Beisenov, A., Loman, V. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie: Sbornik nauchnykh statei, posvi-*

ashchennyi 70-letiiu organizatsii Tsentralno-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Akademii nauk Kazakhstana (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation: collected articles, dedicated to the 70th anniversary of the organization of the Central Kazakhstan archaeological expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan). Almaty: Scientific Research Institute "Begazy-Tasmola", 11–51 (in Russian).

Maksimova, A., Mertsiev, M., Vainberg, B., Levina, L.. *Delo №2. Drevnosti Chardary (Itogi raboty 1959-1963 gg. v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha) (Case No. 2. Scientific work: Antiquities of Chardara (Results of work in 1959-1963 in the Chardara reservoir area)).* National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 10, dossier 1026 (in Russian).

Dluzhnevskaya, G. V. 2011. *Arkheologicheskie issledovaniia v Tsentralnoi Azii i Sibiri v 1859–1959 gg. (po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii materialnoi kultury RAN) (Archaeological research in Central Asia and Siberia in 1859-1959 (according to the documents of the Scientific Archive of the Institute of the History for Material Culture of the Russian Academy of Sciences)).* Saint Petersburg: "ElekSis" Publ. (in Russian).

Dmitriev, E. A. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 21 (4), 139–144 (in Russian).

Dnevnik № 1. Raskopki na urochishche Tau-Tary, Chulak-Kurgan, Kensai. 1957 (Notebook No. 1. Excavations at the Tau-Tary site, Chulak Kurgan, Kensai. 1957). National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 4, dossier 445 (in Russian).

Dnevnik № 2, IuKAE, 1957 g. (uroch. Kensai i dr.) Notebook No.2. South Kazakhstan archaeological expedition, 1957 (Kensai site etc.). National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 5, dossier 485 (in Russian).

Dnevnik IuKAE, 1958 g. (urochishche Tau-Tary, Kzyl-Esbakty) (Field notebook of the South Kazakhstan archaeological expedition in 1958 (Tau-Tary site, Kzyl-Esbakty)). National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 5, dossier 485 (in Russian).

Chernobaev, A. A. (ed.). 2001. *Istoriki Rossii. Biografii (Historians of Russia. Biographies).* Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).

Komarova, M. N. 1952. In Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Sibiri (Materials and Research on the Archaeology of Siberia)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 24. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–50 (in Russian).

Kuznetsova, O. V. 2014. *Iuzhno-Kazakhstanskaia kompleksnaia arkheologicheskaia ekspeditsiia (IuKKAE)*: nauchnye biografii uchastnikov i bibliografiia issledovanii *(South Kazakhstan complex archaeological expedition: scientific biographies of participants and bibliography of research)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 2017. In Beisenov, A., Loman, V. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie: Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letiiu organizatsii Tsentralno-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Akademii nauk Kazakhstana (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation:collected articles, dedicated to the 70th anniversary of the organization of the Central Kazakhstan archaeological expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan*). Almaty: Scientific Research Institute "Begazy-Tasmola", 70–75 (in Russian).

Maksimova, A. G. 1955. *Epokha bronzy Vostochnogo Kazakhstana (The Bronze Age of East Kazakhstan).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. National Archive of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 3, dossier 335 (in Russian).

Rogozhinskyi, A. E., Ermolaeva, A. S. (comp.) 2023. *Maksimova Anna Georgievna (Maksimova Anna Georgievna).* Series: Biobibliografiia arkheologov Kazakhstana (Bio-bibliography of archaeologists of Kazakhstan) 12. Almaty: Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulana (in Russian).

Maksimova, A. G. 1959. In Akishev, K. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*) 7. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 86–161 (in Russian).

Maksimova, A. G. 1962. In Ageeva, E. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na severnykh sklonakh Karatau (Archaeological research on the northern slopes of Karatau).* Series: Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the

Academy of Sciences of the Kazakh SSR) 14. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 37–56 (in Russian).

Maksimova, A., Ermolaeva, A., Maryashev, A. 1985. *Naskalnye izobrazheniia urochishcha Tamgaly (Rock paintings of the Tamgaly site).* Alma-Ata: "Oner" Publ. (in Russian).

Maksimova, A., Mertsiev, M., Vainberg, B., Levina L. 1968. *Drevnosti Chardary (arkheologicheskie issledovaniia v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha (The antiquities of Chardara (archaeological research in the Chardara reservoir area).* Alma Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Maksimova, A. G. *Svodnaia arkheologicheskaia karta Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti i opisanie arkheologicheskikh pamiatnikov svodnoi karty po Semipalatinskoi oblasti (Consolidated archaeological map of the East Kazakhstan region and description of archaeological sites of the consolidated map of the Semipalatinsk region).* National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 5, dossier 604 (in Russian).

Maksimova, A. G. 1957. *Plany raskopov i zarisovki, IuKAE. 1957 g. (Tautary, Kara-Kuduk, Tamgaly)* (*Excavation plans and sketches, South Kazakhstan archaeological expedition (Tautary, Kara-Kuduk, Tamgaly))*. National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 4, dossier. 457 (in Russian).

Maryashev, A. N. 1995. *Naskalnye izobrazheniia Srednei Azii, Iuzhnogo Kazakhstana i Semirechia. Voprosy khronologii, interpretatsii i evoliutsii naskalnogo iskusstva (Rock paintings of Central Asia, Southern Kazakhstan and Semirechye. Issues of chronology, interpretation and evolution of rock art).* Thesis of the Diss. of Doctor of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Materialy k rukopisi arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shulbinskoi GES za 1980 god (Materials for the manuscript archaeological sites in the flood zone of the Shulbinsk hydroelectric power station in 1980). National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 22, dossier 1843 (in Russian).

Lichnoe delo Anny Georgievny Maksimovoi (Personal file of Anna Georgievna Maksimova). National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 1, sossier. 8 (in Russian).

Orazbaev, A. M. 1958. In Shakhmatov, V. F., Akishev, K. A. (eds.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR. Arkheologia (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeology)* 5. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR Publ., 216–294 (in Russian).

Otchet Semirechenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1956 g. (Report of the Semirechye archaeological expedition for 1956). National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 8, dossier 1016 (in Russian).

Otchet o rabote Shulbinskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1981 g. (Report on the work of the Shulba archaeological expedition in 1981). National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 23, dossier 1881 (in Russian).

Otchet o rabote Shulbinskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1981 g. (Report on the work of the Shulba archaeological expedition in 1981). National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 24, dossier 1845 (in Russian).

Otchet o nauchno-issledovatelskoi rabote otdela arkheologii za 1962 god (Report on the scientific research work of the Department of Archaeology for 1962). National Archives of the Institute of Archaeology. F. 11. Inv. 6, dossier 814. (in Russian).

Peteneva, G. 2017. *Ostalsia moi sled daleko za porogami. S moimi trudami*2017. In Beisenov, A., Loman, V. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie: Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letiiu organizatsii Tsentralno-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Akademii nauk Kazakhstana (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation: collected articles, dedicated to the 70th anniversary of the organization of the Central Kazakhstan archaeological expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan*). Almaty: Scientific Research Institute "Begazy-Tasmola", 149–152 (in Russian).

Rogozhinsky, A. E. 2017. In Beisenov, A., Loman, V. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie: Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letiiu organizatsii Tsentralno-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Akademii nauk Kazakhstana (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation: collected articles, dedicated to the 70th anniversary of the organization of the Central Kazakhstan archaeological expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan*). Almaty: Scientific Research Institute "Begazy-Tasmola", 146–148 (in Russian).

Salnikov, K. V. 1951. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 21. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 94–151 (in Russian).

Salnikov, K. V. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 3–9 (in Russian).

Smirnov, A. S. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 369, 96–103 (in Russian).

About the Authors:

Zhanbossinova Albina S., Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University. 2 Satpayev St., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan; sovetuk@rambler.ru

Mazhitova Zhanna S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Astana Medical University. 49a Beibitshilik St., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan; zhanna013013@gmail.com

Maslov Khalil B., PhD, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University. 2 Satpayev St., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan; khalil.maslov@mail.ru

Kariyev Yeldos M., PhD, Assistant Professor, Faculty of Education and Humanities of SDU University, city of Kaskelen, st. Abylai Khan 1/1, 040900, Republic of Kazakhstan; eldos.05.82@gmail.com

Статья поступила в журнал 12.03.2026 г.
Статья принята к публикации 16.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АРГО – Архив Русского географического общества
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИ АН РТ – Институт истории АН РТ
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьев-Амурского
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН/ СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР/ Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РГО – Российское географическое общество
РНФ – Российский научный фонд
РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ФО НА ИИМК РАН – Фотоотдел научного архива Института истории материальной культуры

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря
№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года
№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года
№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года
№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года
№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year
Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year
Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year
Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year
Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year
Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
Технический редактор *И.А. Першагина*
420111 г. Казань, ул. Баумана, 20
Дата подписи в печать 29.08.2026
Дата выхода в свет 31.08.2026
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 41,39
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографи "Orange Key"
420015, г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+

